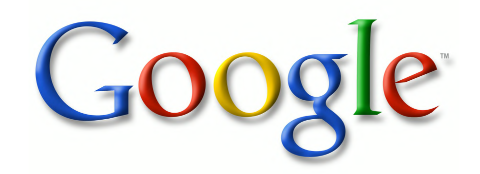
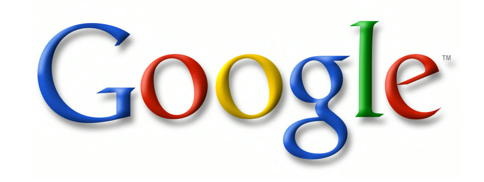

Stanford University Libraries
3 6105 117 373 253

Bezobrazov, V. P.
"

СБОРНИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ

при ближайшемъ содѣйствіи

профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законовѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), В. И. СЕРГѢЕВИЧА (по исторіи русскаго права), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), профессора Академіи Генеральнаго Штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

Томъ VII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1879.

LK

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Критика и библіографія.

Русская литература.

Иностранная литература.

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1878 г.).

НАЧАЛА РУССКОЙ ЗЕМЛИ,

С. М. СОЛОВЬЕВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

II [1]).

Въ предыдущей главѣ, на основаніи сравнительнаго изученія первоначальнаго быта племенъ, мы старались уяснить краткія извѣстія нашего лѣтописца о бытѣ восточныхъ славянъ до основанія русскаго государства. Теперь, когда мы приступаемъ къ извѣстіямъ лѣтописца объ этомъ основаніи, могутъ насъ спросить: заручились ли мы убѣжденіемъ въ вѣрности его извѣстій; первыя извѣстія лѣтописца о призваніи варяго-русскихъ князей изъ-за моря въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ называются „баснею". Слѣдовательно необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ объ этой баснѣ.

Разумѣется здѣсь представляется первый вопросъ: откуда эта басня взялась? Конечно, люди, считающіе разсказъ лѣтописца о началѣ русской земли баснею, глубоко сожалѣютъ о самихъ себѣ: исторіею какого бѣднаго, жалкаго народа должны они заниматься, народа, который потерялъ совершенно память о своемъ происхожденіи и допустилъ толпу составителей, переписчиковъ хроникъ навязать себѣ басню о своемъ происхожденіи! Былъ сильный народъ, который образовалъ большое государство; но въ одно прекрасное утро у народа, у его грамотныхъ людей, у его вель-

1) См. главу I, въ Сборн. Гос. Зн., т. IV.

можъ и князей какимъ-то чудомъ отшибло память, вдругъ позабыли о предкахъ князей, о тѣхъ знаменитыхъ вождяхъ народныхъ, которые первые положили основаніе единству и силѣ народа, позабыли ихъ имена, преемство, дѣла, позабыли все, и вотъ, вслѣдствіе такого забвенія, какой-то грамотѣй сочинилъ басню, что кіевскіе князья происходятъ отъ новгородскаго владѣльца, не славянина родомъ, а вызваннаго изъ-за моря, изъ чужаго народа. Любопытно было бы изслѣдовать, когда, въ какомъ мѣстѣ происходилъ тотъ знаменитый съѣздъ лѣтописцевъ и переписчиковъ, на которомъ было постановлено начинать каждый списокъ лѣтописи этою баснею. Здѣсь дѣло идетъ не объ отдаленной древности, когда событія и лица представляются въ миѳическомъ туманѣ: басня представляетъ времена относительно недавнія, представляетъ простыхъ смертныхъ, о которыхъ коротко, сухо разсказываетъ самыя простыя дѣла: строятъ городки, плывутъ внизъ по большой рѣкѣ, облагаютъ данью разбросанныя племена и т. п. Лѣтописецъ разсказываетъ, что знавалъ старика, который помнилъ крещеніе Руси; старикъ былъ молодъ при Владимірѣ Св., а Владиміръ былъ правнукъ перваго князя басни, Рюрика, призваннаго изъ-за границы. Правнукъ и его современники должны были знать о прадѣдѣ, откуда онъ пришелъ, гдѣ княжилъ; зналъ объ этомъ старикъ, зналъ отъ старика лѣтописецъ, который вначалѣ своего разсказа помѣстилъ извѣстіе о призваніи Рюрика изъ-за моря въ Новгородъ. Нѣтъ, говорятъ, это басня: предки русскихъ князей никогда не были призваны съ сѣвера, изъ за моря, они жили на югѣ, въ Кіевѣ, были князьями славянскаго племени роксоланъ. Какъ же ихъ звали, какъ они усилились, гдѣ объ этомъ говорится, въ какой лѣтописи, въ какомъ памятникѣ? Нигдѣ объ этомъ ни слова; впрочемъ все это было въ первоначальныхъ спискахъ лѣтописи, но потомъ уничтожено, и вставлена басня о призваніи варяго-руссовъ. Чародѣйство! Но послушаемъ, откуда взялась басня.

„Извѣстно, что средневѣковые лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое-нибудь отдаленное происхожденіе и при томъ льстящее народному самолюбію. Напримѣръ, франки выводили себя отъ энеевыхъ троянъ, бургунды отъ римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ пріемомъ было выводить *народы* изъ Скандинавіи. Такъ Іорнандъ производилъ готовъ изъ Скандинавіи и называлъ эту страну vagina gentium. Павелъ Діаконъ производитъ оттуда же лонгобардовъ. Видукиндъ сообщаетъ мнѣніе,

которое оттуда же выводитъ и саксовъ. Очевидно происхожденіе изъ далекаго полумиѳическаго острова Скандіи пріобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого-то благородства. Этотъ столь распространенный обычай выводить своихъ предковъ изъ Скандинавіи, по всей вѣроятности, отразился и въ нашемъ лѣтописномъ преданіи о выходѣ оттуда варяжской Руси". Но выходъ извѣстныхъ народовъ изъ Скандинавіи основывается на народномъ преданіи, и во сколько вѣрно или не вѣрно это преданіе — это еще вопросъ, а главное, ни откуда не видно, чтобъ этотъ выходъ изъ Скандинавіи считался почетнымъ; самъ авторъ, рѣшившійся выступить съ такимъ объясненіемъ, не былъ смѣлъ до конца, сталъ выражаться очень неопредѣленно, слѣдовательно ни для кого не убѣдительно: „*какого-то* благородства, по всей вѣроятности". Вѣроятность превращается въ полную невѣроятность, когда обратимъ вниманіе, что изъ Скандинавіи производятъ себя только германскіе народы; а съ какой стати славянскому народу считать почетнымъ происхожденіе изъ Скандинавіи? Если бы нашъ авторъ доказалъ, что въ IX вѣкѣ Скандинавія пользовалась такимъ почетомъ у славянъ, то мы бы попросили его признать вѣрнымъ извѣстіе о призваніи, ибо представленію всего естественнѣе было перейти въ фактъ. Но доказательствъ этому для IX вѣка нѣтъ; въ XI Скандинавія, по своему состоянію, не могла имѣть никакого почета на Руси, а позднѣе сочиненіе басни не возможно именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе начавшейся сильной борьбы съ Швеціею: не современникъ ли Александра Невскаго проникался такимъ уваженіемъ къ Скандинавіи? Другое дѣло производить себя отъ римлянъ, владыкъ вселенной, или отъ троянъ, въ которыхъ, благодаря Виргилію, видѣли предковъ тѣхъ же римлянъ; и у насъ производили московскихъ царей отъ Августа Кесаря.

Разсуждаютъ: „Свой настоящій видъ она (басня) получила не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, т. е. не ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Ганзою, т. е. съ германскими и скандинавскими побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка по преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи. Между тѣмъ Южная Русь была раззорена и подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ половцевъ русскіе по-

степенно были оттѣсняемы отъ прибрежьевъ Чернаго моря и торговыя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія о русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстіе арабовъ. Преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ есть ничто иное, какъ та же попытка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло русское государство? Эта попытка конечно южно-русскаго кіевскаго происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ туземныхъ и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ болгарами дунайскими. Это преданіе оттѣснили на задній планъ и не дали ему ходу списатели, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей".

Относительно этого разсужденія замѣтимъ сначала, что живыя сношенія Новгорода съ Ганзою дѣло извѣстное; но какимъ образомъ ганзейская торговля могла повести къ тому, что въ списки русской лѣтописи внесено сказаніе о призваніи первыхъ князей изъ Варяговъ, для объясненія этого подождемъ новаго обширнаго разсужденія, а до тѣхъ поръ подобнымъ выводамъ нельзя дать мѣста въ серіозныхъ ученыхъ сочиненіяхъ; пусть намъ укажутъ, какъ нѣмецкій купецъ отыскалъ преданіе о Рюрикѣ или сочинилъ его и силою своего нѣмецкаго авторитета, а можетъ быть обѣщаніемъ выгодной торговой сдѣлки, заставилъ новгородскихъ купцовъ принять это преданіе, а купцы заставили списателей внести его въ списки лѣтописей, зачеркнувши находившіяся тамъ прежде извѣстія. Но любопытнѣе всего выраженіе, что „съ XIII вѣка на германское и скандинавское побережье преимущественно устремлено было вниманіе *Сѣверной Руси*". Гдѣ на это доказательства? Какъ будто неизвѣстно, на что съ XIII вѣка обращено было вниманіе сѣверной Руси? Какъ будто неизвѣстно, какъ сѣверные лѣтописцы не благоволятъ къ новгородцамъ, а этихъ лѣтописцевъ заставляютъ рабски заимствовать изъ новгородскихъ лѣтописей извѣстіе о призваніи князя изъ-за моря! Далѣе говорится, что вслѣдствіе нашествій кочевыхъ народовъ нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась и это содѣйствовало замѣненію въ лѣтописяхъ южно-русскихъ преданій новгородскою баснею позднѣйшей ганзейской работы. Но это можно было бы допустить только тогда, когда бы мы имѣли дѣло

съ сочинителями исторій, а не съ списателями, которые считали религіознымъ подвигомъ переписать лѣтопись со всевозможною точностію, вставляли, какъ умѣли, лишнія извѣстія изъ другихъ списковъ, хотя и противорѣчивыя, но не вычеркивали однихъ, и не замѣняли ихъ другими. И какъ будто какой-нибудь Лаврентій Мнихъ могъ имѣть яснѣйшее представленіе о Балтійскомъ, чѣмъ о Черномъ морѣ и потому предпочелъ новую новгородскую сказку о призваніи первыхъ князей изъ-за Балтійскаго моря извѣстіямъ старыхъ лѣтописей о туземномъ ихъ происхожденіи? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же переписывались событія отдаленнаго приднѣстровья, отношенія венгерскія и польскія, зачѣмъ сохраняли извѣстія о походахъ на Тмутаракань, Херсонь, на Ясовъ и Касоговъ: вѣдь нить преданій здѣсь порвалась! Самъ авторъ приведеннаго разсужденія говоритъ, что сказаніе о призваніи князей изъ-за Балтійскаго моря есть позднѣйшее новгородское сочиненіе, значитъ до XIII вѣка существовали лѣтописи, въ которыхъ въ началѣ находилось извѣстіе о туземномъ происхожденіи князей; но въ такомъ случаѣ это уже было освященное преданіе; какъ же теперь предположить, чтобы переписчики, питавшіе къ лѣтописи религіозное уваженіе, рѣшились, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, измѣнить этому преданію и вмѣсто него вставить новое измышленіе какого-то новгородскаго лѣтописца (существующаго впрочемъ, только въ воображеніи)? Наконецъ рѣшаются подкопать вѣру въ лѣтописное извѣстіе о появленіи первыхъ князей молчаніемъ объ этомъ призваніи другихъ древнихъ памятниковъ; указываютъ, что о немъ молчитъ Слово о Полку Игоревѣ, не давая себѣ труда объяснить, съ какой стати и въ какомъ именно мѣстѣ сочинитель Слова долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ. Указываютъ на Похвалу Владиміру митрополита Иларіона, гдѣ Владимиръ называется сыномъ Святослава и внукомъ Игоря, а дальше сочинитель нейдетъ; но вѣдь это извѣстная родословная форма: сынъ такого-то и внукъ такого-то! Дѣло впрочемъ здѣсь въ томъ, что это молчаніе во всякомъ случаѣ ничего бы не доказывало, ибо авторъ приведенныхъ памятниковъ, не упоминая о призванномъ изъ-за моря варяжскомъ князѣ Рюрикѣ, не упоминаетъ также объ отцѣ Игоря какъ туземномъ славянскомъ князѣ. Развѣ въ „Словѣ о полку" или въ Иларіоновой „Похвалѣ" есть извѣстіе о туземномъ славянскомъ прадѣдѣ князя Владиміра? Даже хотятъ, чтобъ Константинъ Багрянородный упомянулъ о пришествіи варяго-руссовъ, и если не упоминаетъ, то говорятъ, что „одно

молчаніе такого свидѣтеля способно уничтожить всю норманскую систему". Но почему же онъ не упоминаетъ объ основаніи русскаго государства какими-нибудь роксоланскими князьями. Какъ же это случилось, что ни свои, ни чужіе ничего не знаютъ объ этихъ первыхъ туземныхъ роксоланскихъ князьяхъ, ничего не знаютъ о прадѣдѣ Владиміра, принявшаго христіанство, ничего не знаютъ объ отцѣ Игоря, въ историческомъ существованіи котораго никто не сомнѣвается, и въ лѣтописяхъ, изъ которыхъ въ продолженіи вѣковъ русскій народъ узнавалъ о началѣ своей земли, вставлена басня? Повторяемъ, что дѣло идетъ вовсе не о доисторическихъ временахъ, насчетъ которыхъ грамотѣи разныхъ вѣковъ могутъ фантазировать сколько имъ угодно и сочинять разныя генеологіи: дѣло идетъ объ отцѣ Игоря, о которомъ знаетъ не одна русская лѣтопись, дѣло идетъ о прадѣдѣ св. Владиміра. Нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ не какому-нибудь миѳическому родоначальнику Меровинговъ, котораго можно было произвести и изъ Трои; нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ франкскому Кловису, котораго непосредственно изъ Трои произвести было нельзя.

Вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ лѣтописный. Много было написано, можно еще больше написать изслѣдованій, филологическихъ и всякихъ по этому вопросу; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о лѣтописи. Кто не согласится рѣшать легко трудные вопросы (какъ наприм., кто-то въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ выдумалъ басню о призваніи Рюрика изъ-за моря, и басня эта чудеснымъ образомъ очутилась въ началѣ нашихъ лѣтописей), тотъ не согласится считать баснею лѣтописное извѣстіе о происхожденіи князей, не согласится признать, что правнуки не знали о происхожденіи своего прадѣда, что народъ, лучшіе въ немъ люди не знали, позабыли, откуда пошла русская земля, не сохранилось объ этомъ ни одного преданія, и на чистой доскѣ (tabula rasa) можно было въ послѣдствіи помѣстить какую угодно басню или, что еще страннѣе, уничтожить древнее освященное преданіе и вмѣсто него вставить новый вымыселъ, не могшій ни почему быть доступнѣе для разумѣнія или чувства народнаго. Кто не согласится на это, тотъ спокойно будетъ относиться къ натяжкамъ въ объясненіяхъ названій днѣпровскихъ пороговъ или именъ первыхъ князей. И потому, сколько бы ни писали многотомныхъ изслѣдованій, но если относительно главнаго вопроса, лѣтописнаго, будутъ ограничиваться предположеніями, основан-

ными на словахъ: „вѣроятно, можетъ быть“ и т. п., то всѣ эти толки не поведутъ ни къ чему, вопросъ не получитъ серіознаго научнаго значенія.

Люди, отвергающіе лѣтописное извѣстіе о началѣ русской земли, признаются, что въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно не одной легендѣ (?) такъ не посчастливилось, какъ этому свидѣтельству: въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Но, признавши такое явленіе, надобно было бы прежде всего заняться его объясненіемъ: значитъ въ этомъ свидѣтельствѣ существуютъ внутреннія условія силы, обязательности. Провѣрка извѣстій и разныхъ взглядовъ бываетъ очень затруднительна, когда исторія какого-нибудь народа не изучена всецѣло, не является въ сознаніи какъ нѣчто связное, органическое; но когда историческая наука уже достаточно окрѣпла, ходъ народной жизни представляется въ связи, преемственность ступеней развитія ясна, то повѣрка извѣстій и взглядовъ становится легкою. Такъ лѣтописные извѣстія о IX вѣкѣ повѣряются извѣстіями объ XI и XII вѣкахъ, извѣстіями, которыхъ никто не отвергаетъ. Каждаго, внимательно изучающаго русскую лѣтопись, поражаетъ тѣсная, необходимая связь явленій, въ ней встрѣчаемыхъ, *историчность*, послѣдовательность, вѣрность общимъ законамъ развитія при извѣстныхъ условіяхъ; явленія XI и XII вѣка понятны намъ только тогда, когда мы знаемъ первыя строки лѣтописи, идемъ съ лѣтописцемъ шагъ за шагомъ. Если мы внесемъ свой произвольный взглядъ, то сейчасъ же спутаемъ ходъ событій и въ результатѣ получимъ ошибку. Предположите, напримѣръ, что русскій народъ и государство получили начало гораздо прежде того времени, на которое указываетъ лѣтописецъ и при другихъ условіяхъ изнутри славянскихъ племенъ, и ошибка на лицо, ибо явленія, указанныя лѣтописцемъ, мы должны предположить совершившимися дважды, да еще поднять дѣло на ходули, иначе что же бы сталъ дѣлать сильный русскій народъ, уже давно образовавшійся? События послѣдующихъ вѣковъ немедленно уличатъ насъ въ ошибкѣ, ибо наша фактическая постройка никакъ не придется къ нимъ, тогда какъ лѣтописный разсказъ приходится по нимъ совершенно.

Этотъ-то драгоцѣнный характеръ нашего лѣтописца, эта историчность его извѣстій при всей первобытной простотѣ и сухости, и принудили насъ сдѣлать приведенныя замѣчанія на

счетъ мнѣнія, по которому надобно оторвать начало лѣтописи, какъ совершенно баснословное, и замѣнить догадкою Стрыйковскаго о роксоланахъ. На западѣ стали громить древнюю римскую исторію, разгромили, не оставили камня на камнѣ, и, усталые отъ такого научнаго вандализма, съ отчаяніемъ зачеркнули древнюю исторію Рима и начинаютъ—съ середины, тогда какъ въ этихъ зачеркнутыхъ извѣстіяхъ гораздо болѣе жизни и правды, чѣмъ въ книгахъ, написанныхъ для ихъ опроверженія. У насъ относительно русской исторіи захотѣлось подражать этому подвигу хотя въ маломъ видѣ: зачеркнули Рюрика съ Олегомъ, и начинаютъ русскую исторію съ Игоря, хотя Игорь есть сынъ Рюрика, и послѣдній есть простой смертный, не ведетъ своего происхожденія отъ Марса, не сынъ весталки, извѣстенъ очень скромною дѣятельностію, постройкою городковъ, дѣятельностію знаменательною въ глазахъ историка, но не имѣющею ни малѣйшей миѳической окраски. Кажется эта попытка рабскаго подражанія извѣстнымъ критическимъ пріемамъ нѣсколько запоздала: крайности этихъ пріемовъ достигли послѣдней степени, и должно ожидать поворота на новый путь, если исторической наукѣ суждено еще преуспѣвать.

Понятно, что для нашей цѣли, для охраненія исторической цѣлостности и послѣдовательности хода событій, было бы не нужно останавливаться на мнѣніи, которое принимаетъ начальныя извѣстія лѣтописца, извѣстія о призваніи и первой дѣятельности князей, только утверждаетъ, что эти князья были призваны отъ славянъ, и именно отъ славянъ поморскихъ или рюгенскихъ. Мы бы не остановились на извѣстной натяжкѣ того мѣста, гдѣ лѣтописецъ, говоря о варягахъ, причисляетъ къ нимъ только одни неславянскія племена, хотя очень хорошо знаетъ послѣднія, ихъ жилища; мы бы не остановились на натяжкахъ для объясненія нѣкоторыхъ явно неславянскихъ именъ: безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ мы высказали свое мнѣніе о значеніи народности первыхъ князей и ихъ первой дружины, высказали мнѣніе, что эта народность не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія. Но мы не можемъ не остановиться, когда приверженцы мнѣнія, выводящаго первыхъ князей изъ Рюгена, позволяютъ себѣ увлекаться своимъ Рюгеномъ точно также, какъ такъ называемые норманисты увлекались своими скандинавами, всюду видѣли ихъ однихъ. Вотъ любопытный пріемъ: на балтійскомъ поморьѣ найдено нѣсколько названій, напоминающихъ

Русь, Рось, и вотъ, начиная отъ устья Вислы идутъ по странамъ, населеннымъ Литвою и восточными славянами, отыскиваютъ и, разумѣется, находятъ въ большомъ количествѣ подобныя названія, равно какъ названія, напоминающія слова: *витъ* и *радъ*, и заключаютъ, что это слѣды руссовъ-рюгенцевъ. Бѣдные восточные славяне! бѣдная Литва! это были нѣмцы буквально, нѣмые, у нихъ не было языка! Они не смѣли употреблять слова, означавшія свѣтъ, блескъ, яркій цвѣтъ, казистость, видность и потому чрезвычайно плодовитыя въ своихъ производныхъ; привилегія употребленія этихъ словъ принадлежала только рюгенцамъ! Люди, рѣшившіеся употребить такой пріемъ, сами испугались и спѣшатъ оговориться: „Мы впередъ согласимся, говорятъ они, что иныя изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ“. Но въ такомъ случаѣ какъ же они отдѣлятъ *иныя* изъ этихъ названій, принадлежащихъ восточнымъ славянамъ, отъ названій, принесенныхъ рюгенцами? чѣмъ докажутъ, что всѣ эти названія, какъ общія славянамъ и родственнымъ съ ними племенамъ, не явились *естественно и необходимо* вслѣдствіе занятія извѣстныхъ мѣстностей славянами, Литвою, не нуждаясь вовсе для своего объясненія въ предположеніи прихода какихъ-то рюгенцевъ? и если бы кто-нибудь отправился обратно съ востока на западъ, то развѣ не имѣлъ бы точно такого же права утверждать, что извѣстныя названія принесены на балтійское поморье какимъ-нибудь восточнымъ славянскимъ племенемъ, хотя бы съ береговъ рѣки Роси? Эти защитники славянскаго происхожденія варяжскихъ князей и дружинъ ихъ не хотятъ принять естественнаго для дружинъ быстраго ихъ ославяненія, приравненія къ той средѣ, въ которой утвердились, и заключаютъ, что дружина, утвердившаяся въ финскихъ областяхъ, должна была офинниться. Отвѣчаемъ: можетъ быть тѣ дружины, которыя Рюрикъ послалъ въ Ростовъ и на Бѣлоозеро, и офиннились, но какое намъ до нихъ дѣло? вѣдь о нихъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Извѣстно одно, что уже при Владимірѣ Святомъ, послѣ принятія крещенія, отправился въ Финскій Ростовъ князь Борисъ съ дружиною, совершенно славянскою или ославяненною; въ это время славянскій языкъ, сдѣлавшійся церковнымъ, богослужебнымъ, уже одинъ давалъ славянскому элементу такое значеніе, при которомъ неславяне могли принимать финскую народность, а финны славян-

скую, не говоря уже о неразрывной связи князей и дружинъ ихъ съ Кіевомъ, что уничтожало для нихъ всякую возможность потерять славянскую народность.

Среди подобныхъ пріемовъ и бездоказательныхъ возгласовъ о баснѣ, извѣстія лѣтописца о началѣ русской земли стоятъ непоколебимо въ *силу своей* внутренней исторической правды. Въ половинѣ IX вѣка онъ приводитъ насъ на европейскую украйну [1]), въ тѣ мѣстности, гдѣ проходила граница между двумя формами, имѣющими такое важное значеніе въ нашей исторіи, между полемъ (степью) и лѣсомъ. Степь — море сухое, но обитатели этого моря представляютъ жидкій, подвижной, безформенный элементъ народонаселенія; вѣчное движеніе осуждаетъ ихъ, на вѣчный застой относительно развитія общественныхъ формъ, относительно цивилизаціи; они не чувствуютъ подъ собою твердой почвы, они не любятъ непосредственно соприкасаться съ нею, проводя время на спинѣ верблюда или лошади; остановка ихъ на одномъ мѣстѣ коротка; они не обращаютъ вниманія на землю, не работаютъ надъ нею, ихъ животное ищетъ для себя корма и даетъ отъ себя кормъ хозяину; ихъ дѣло догнать живую добычу на бѣгу, поймать, убить; ихъ дѣло напасть на другихъ кочевниковъ или на осѣдлаго человѣка, ограбить, взять его въ плѣнъ; они охотники нападать, но не умѣютъ защищаться, при первомъ сопротивленіи мчатся назадъ: да и что̀ имъ защищать? Но убѣжавши въ степь, гдѣ никто не догонитъ, кочевникъ скоро возвращается назадъ и нечаянными разбойничьими нападеніями не оставитъ въ покоѣ осѣдлаго человѣка, живущаго на окраинѣ степи. И города не всегда спасутъ послѣдняго: толпы кочевниковъ окружаютъ городъ и голодомъ заставляютъ его сдаться. Но вѣрное спасеніе осѣдлому человѣку отъ кочевника — это лѣсъ дремучій съ его влагою, его болотами. Крѣпкій и выдержливый вообще кочевникъ какъ ребенокъ боится влаги, сырости и страдаетъ отъ нихъ; поэтому онъ не пойдетъ далеко въ лѣсную сторону, скоро воротится назадъ.

Въ степи виднѣются круглыя вежи кочевниковъ, какъ громадныя постройки животныхъ, громадныя муравьиныя кучи; быстро воздвигаются онѣ, быстро исчезаютъ, складываются, ибо

---

[1]) Любопытно, что славяне у писателей носятъ названіе Антовъ; санскритское слово *anta* значитъ рубежъ, край; у южныхъ славянъ *anta* — межевая насыпь.

въ нихъ почти нѣтъ ничего твердаго. Этой круглой вежѣ кочевника осѣдлый славянинъ противоположилъ свой крѣпкій, долго стоящій домъ, который построилъ изъ твердаго матеріала въ лѣсу или въ его близости, и любопытныя названія остались въ его языкѣ для обозначенія этого главнаго отличія его жизни въ противоположность съ жизнію кочевника. Прежде всего надобно было для построенія дома выжечь въ лѣсу мѣсто—это *огнище*, названіе перенесенное и на самый домъ; до сихъ поръ такъ называются еще пятна, остающіяся отъ выжиги лѣса или травы въ полѣ; это названіе для дома можетъ указывать на различіе жилища, утвержденнаго непосредственно на землѣ, освобожденной отъ лѣса силою огня, отъ первоначальнаго жилища, устроеннаго на деревьяхъ. Послѣ выжиги мѣста слѣдовало приготовленіе и прилаживаніе лѣснаго матеріала, рубка, рѣзаніе, кроеніе дерева. Отсюда выраженіе: *рубить* для построекъ; не только дома, срубы, города *рубили*, какъ выражается лѣтописецъ. Но и тутъ отъ дѣйствія происходитъ названіе и для сдѣланнаго: отъ корня *кар*, *кра* (ударять, рубить, кроить, карать), произошли названія построекъ: кремъ или кремль, кромъ (кромный городъ), храмъ, хоромъ, хоромы. Но когда постройка совершена, когда оказалось слѣдствіе рубки, кроенія, каранія, явилось зданіе, оно получаетъ имя отъ сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ на человѣка: оно стоитъ твердо, непоколебимо, его нельзя разобрать, сложить какъ вежу кочевническую, отсюда названіе: истоба, истобка, истьба, изба, то что твердо, есть, существуетъ, какъ *истое*, неподвижное [1]). Но жилище осѣдлаго человѣка, производя сильное впечатлѣніе этимъ своимъ качествомъ, производило такое же сильное впечатлѣніе формою постройки: въ противоположность круглой вежѣ кочевника, оно было угловатое, четыреугольное, „безъ четырехъ угловъ не становилось"; уголъ до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ дома, отдѣльнаго, независимаго хозяйства, такъ говорится: лучше всего имѣть свой уголъ. Это выраженіе можетъ вести начало изъ глубокой древности, когда въ одномъ домѣ, принадлежавшемъ роду, по угламъ жили члены рода. Рядъ однозвучныхъ названій для постояннаго жилища и его главнаго отличія, угла (кутъ, контъ, кошъ, коштъ, кутя, куча, кушта, куща, хата) вызывалъ представленія о мѣстѣ укрытомъ, запертомъ, крѣпкомъ,

---

[1]) Тоже въ германск. stuba, въ латышск. istaba, ustuba.

нетронутомъ, цѣломъ [1]); о хозяйствѣ, казнѣ (кошъ, кошница). Наконецъ постоянное жилище славянина носитъ названіе *соба*, отвуда: *собина* (собственность); это названіе относится уже къ тому времени, когда члены рода жили въ особыхъ жилищахъ, хотя обѣдать и ужинать собирались вмѣстѣ, что существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи [2]). Общій столъ служитъ самымъ рѣзкимъ признакомъ братчины, родоваго быта, тогда какъ отдѣльное жилище, свой уголъ, *собина* служитъ первою ступенью къ независимости, самостоятельности. Домъ есть первая недвижимая собственность человѣка; потомъ онъ беретъ себѣ къ дому, въ собственность землю около дома, тогда какъ остальная земля, поля, луга, лѣса составляютъ общее владѣніе рода.

Составляя не только символъ, но и суть осѣдлой жизни, домъ, постоянное жилище требовало особенныхъ предосторожностей, чтобы было безопаснымъ, удобнымъ, ибо домъ строился на долго, навсегда. Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служила неприступная мѣстность на крутомъ берегу рѣки, въ чащѣ лѣса, не говоря уже о свайныхъ постройкахъ, объ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, на высокихъ столбахъ или деревьяхъ, объ избушкахъ, входъ въ которыя былъ такъ запрятанъ, что сказка заставляетъ путника употреблять заклинаніе: избушка, оборнись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служилъ *городъ*, ограда, тынъ, острогъ, ровъ, валъ. Но были враги невидимые, противъ которыхъ прежде всего надобно было принять мѣры предосторожности. При вѣрованіи въ загробную жизнь и въ сильное участіе душъ умершихъ людей въ дѣлахъ живыхъ, при господствѣ родоваго быта, прежде всего необходимо являлось представленіе о своихъ покойникахъ, о своихъ *родителяхъ* (родныхъ вообще), благопріятствующихъ своимъ, оставшимся на землѣ, и чужихъ, враждебныхъ, и потому готовыхъ дѣлать всевозможныя непріятности и бѣды. Первыхъ надобно было привлечь въ новое постоянное жилище, чтобы они были въ немъ по прежнему хозяева, покровители; послѣднихъ отогнать отъ новаго дома; въ томъ и другомъ случаѣ нужны были особенныя дѣйствія, *чародѣйства*, буквально:

---

[1]) Castus—крѣпкій, цѣлый, нетропутый, castrum, cateau, chateau.

[2]) Записки Географич. Общ. по отд. этнографіи, VIII, 35.

духодѣйства, ибо до сихъ поръ въ областныхъ нарѣчіяхъ *чаръ* значитъ *духъ* [1]).

Мы должны были остановиться на отношеніяхъ славянина къ своему дому, ибо послѣдній составлялъ самое рѣзкое различіе его быта отъ быта кочевниковъ, съ которымъ судьба заставила его вести постоянную борьбу. Какъ осѣдлый человѣкъ откупилъ свой домъ отъ злаго духа извѣстною жертвою [2]), такъ откупалъ онъ его отъ кочевника данью, ибо первымъ дѣломъ жителя юрты или вежи было истребить, сжечь постоянное жилище осѣдлаго человѣка, и восточные славяне, ближайшіе къ степи, платятъ дань кочевникамъ. Было замѣчено, что это означало слабость осѣдлаго человѣка предъ кочевникомъ. Благодаря лѣтописцу, мы имѣемъ возможность стоять здѣсь на твердой почвѣ, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народа шагъ за шагомъ, заставъ его въ колыбели слабымъ, безпомощнымъ младенцемъ. Но, разумѣется, стоитъ только сойти съ твердой почвы, оставить руководство лѣтописца, и сейчасъ же человѣкъ заблудится, начнутся галлюцинаціи, вмѣсто слабаго младенца, лежащаго въ колыбели, представится взрослый человѣкъ, вмѣсто розно, разбросанно по большимъ пространствамъ живущихъ родовъ представится цѣльный, сильный народъ. Въ этомъ патологическомъ состояніи обыкновенно повторяютъ два слова: „города, торговля“. Города были, торговля была, слѣдовательно, говорятъ, нельзя славянское народонаселеніе нынѣшней Россіи представлять себѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно является въ лѣтописи; христіанскій монахъ изъ ненависти къ языческимъ обычаямъ изобразилъ славянъ IX вѣка живущими, какъ звѣри, въ лѣсахъ. Но здѣсь дѣло не въ языческихъ обычаяхъ, а въ городахъ и торговлѣ. Оба эти представленія крайне неопредѣленныя и растяжимыя, обращаться съ ними надобно съ крайнею осторожностію, дѣлать объ нихъ опредѣленные выводы можно только на основаніи другихъ данныхъ, а не ихъ полагать въ основаніе какихъ бы то ни было выводовъ, не давши имъ точной опредѣленности; и Петербургъ городъ, и Якутскъ также городъ. Если лѣтописецъ говоритъ, что племена жили отдѣль-

---

[1]) Говорятъ: весной медвѣдь выйдетъ изъ берлоги такой худой, въ чемъ только *чаръ* есть.—Въ западной Пруссіи прежде чѣмъ войти жить въ новый домъ, запираютъ въ немъ на ночь собаку или кошку, домашнихъ животныхъ по преимуществу.

[2]) Andree — Ethnographische Parallelen, 27.

дѣліемъ, то лѣсное звѣроловство, добыча пушнаго звѣря имѣла важное значеніе: „бяху ловяще звѣрь". Мѣхами платили дань, мѣха составляли главный предметъ торговли, мѣхами князья дарятъ другихъ владѣтельныхъ лицъ. Какой видъ и значеніе имѣла въ послѣдствіи, во времена московскаго государства, сѣверная часть европейской Россіи и Сибирь, такой видъ и значеніе имѣли въ IX и непосредственно слѣдовавшіе вѣка внутреннія и юго-западныя области европейской Россіи, противополагаясь, какъ лѣсная сторона южной и юго-восточной частямъ, степи, полю. Но такое обиліе лѣса, обширное звѣроловство необходимо предполагаютъ пустынность страны, рѣдкое населеніе. Обширность страны и рѣдкость населенія вмѣстѣ съ украинностію страны условливаютъ характеристическія явленія русской исторіи, русской народной жизни во все ея продолженіе. Они условливаютъ продолжительность періода движенія, періодъ волнующагося, жидкаго состоянія, когда ничего твердаго, прочнаго не могло образоваться, когда правительственное начало кружило по неизмѣримымъ пространствамъ, связывая извѣстными общими интересами, общими дѣйствіями разсѣянныя племена и области; когда дешевая и пустая земля не могла привязать къ себѣ человѣка могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношеній, когда все было похоже на *перекати-поле*. Необходимое слѣдствіе—слабость развитія органовъ народнаго тѣла и чрезвычайное усиленіе, чрезмѣрное напряженіе правительственнаго органа для внѣшней централизаціи народныхъ силъ и направленія ихъ къ общей дѣятельности, при недостаткѣ централизаціи внутренней, которая основывается на сплоченности народонаселенія и уничтожается его разбросанностію на обширныхъ пространствахъ, какія бы ни были формы жизни особныхъ его частицъ, ибо человѣкъ животное общественное и всегда создаетъ себѣ извѣстныя формы общественной жизни, въ главныхъ чертахъ одинаковыя у разныхъ народовъ, повидимому очень далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Путешественники по дикой Африкѣ говорятъ, что среди первобытнаго черпаго народонаселенія обыкновенно встрѣчали зданія, отличающіяся отъ другихъ своею обширностію: то были мѣста сходокъ или народныхъ совѣщаній.

Обширность страны, безпрепятственность движенія, просторъ неодолимою силою тянулъ народонаселеніе, и безъ того рѣдкое и разбросанное, къ дальнѣйшему разброду. При первомъ препят-

ствіи, которое можно было уничтожить соединенными силами, по трудности, невозможности этого соединенія, избирали уходъ, средство легкое при простотѣ быта, которая, въ свою очередь, условливается движеніемъ, привычкою къ уходу для избѣжанія всякаго препятствія. Но и безъ препятствій, безъ давленія, самый просторъ, легкость движенія приглашали къ переходу и все большей и большей разбросанности, большему разрѣженію народонаселенія. Врожденное человѣку желаніе лучшаго и недовольство настоящимъ влечетъ къ перемѣнѣ мѣста, когда нѣтъ удерживающихъ условій физическихъ и нравственныхъ, когда рѣзко ограниченная и запечатлѣнная опредѣленнымъ характеромъ мѣстность не образовала не только отдѣльной народности, внѣ которой тяжко человѣку, но даже сильнаго провинціализма, когда, куда ни пойдетъ человѣкъ, всюду найдетъ свое, по крайней мѣрѣ не найдетъ чужого, когда еще къ тому присоединялось сманиваніе землевладѣльцами, дававшими льготы новымъ поселенцамъ. Движеніе должно было усилиться, когда и послѣднія политическія грани между частями земли уничтожились, когда исчезли отдѣльныя княжества и земля собралась воедино. Такъ было бы крайне односторонне, напримѣръ, приписывать покинутіе новгородскими крестьянами своихъ прежнихъ жилищъ только тяжестью новаго порядка, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ; дѣло объясняется проще уничтоженіемъ послѣдней политической границы между Новгородскою и Низовою землею. Это движеніе, условленное просторомъ, обиліемъ земли, отнимало у нея значеніе, цѣнность, ослабляло стремленіе пріобрѣтать землю въ отдѣльную собственность; земля остается въ общемъ владѣніи и тамъ, гдѣ между совладѣльцами нѣтъ родовой связи, хотя родовой бытъ, разумѣется, долженъ былъ положить первыя основанія привычкѣ къ общему землевладѣнію. Когда казацкія общества явились на неизмѣримыхъ степныхъ пространствахъ, то понятно, что земля, которую они считали своею, и которой границъ сами не знали и не желали знать, должна была находиться у нихъ въ общемъ владѣніи, тѣмъ болѣе, что главными промыслами ихъ были рыболовство и звѣроловство.

Расходомъ, расплывчивостію народонаселенія заняты были неизмѣримыя пространства въ Европѣ и Азіи, намѣчена небывалая по своей обширности государственная область; мы имѣемъ право говорить, что Россія расширялась не завоеваніями, а колонизаціею, колонизаціею сухопутною, при которой занимались посте-

пенно прилежащія страны, входившія естественно въ составъ одного государства, въ противоположность западно-европейской заморской колонизаціи, заселенію земель, лежащихъ за океаномъ, и потому находящихся въ самой хрупкой связи съ метрополіею. Но выгоды отъ этой русской колонизаціи, занятія обширныхъ пространствъ въ будущемъ; а изъ свидѣтельствъ прошедшаго мы видимъ, что страна при такой колонизаціи не сбывала излишко народонаселенія, но истощалась уходомъ и безъ того небольшаго народонаселенія; въ слѣдствіе этого оставшимся становилось тяжело исполнять требованія государства, что, въ свою очередь, усиливало уходъ жителей, уменьшало средства народныя и государственныя, затрудняло необходимыя отправленія государства и производило замедленіе въ развитіи народной жизни.

По условіямъ природнымъ, движеніе славянской колонизаціи получило направленіе къ сѣверо-востоку вплоть до Восточнаго океана. На югѣ и юго-востокѣ, въ степи, въ полѣ, какими бы удобствами для осѣдлой жизни извѣстная мѣстность здѣсь ни отличалась, мирный земледѣлецъ не смѣлъ ими пользоваться: онъ немедленно становился добычею хищнаго кочевника; ему тяжело, а наконецъ и невыносимо стало жить и на окраинахъ поля вслѣдствіе безпрестанныхъ нападеній кочевниковъ. Старая днѣпровская Русь, это европейско-христіанское государство на скиеской почвѣ, носитъ изначала характеръ военнаго поселенія, пограничной военной линіи: князья съ своими дружинами должны въ извѣстное время выходить въ степь, чтобъ провожать купцовъ, оберегать ихъ отъ кочевниковъ. Не смотря на такія средства для поддержанія торговли знаменитой матери городовъ русскихъ, Кіевъ утонулъ во время наводненія Руси кочевниками въ XIII вѣкѣ. Но не для одной торговли старая Русь должна была употреблять такія чрезвычайныя средства. Князья должны были весною отправляться въ степной походъ на кочевниковъ, чтобъ дать земледѣльцу спокойно вспахать поле: двѣ яркія черты быта Руси, какъ окраины, украйны. Но черезъ шесть съ половиною вѣковъ, когда имя русское стало, по древнему выраженію, „честно и грозно“ въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ, когда на дипломатическія козни враговъ Россія отвѣтила Кагуломъ и Чесмою, когда войска Екатерины II заняли Крымъ, послѣднее убѣжище степныхъ хищниковъ на черноморскомъ прибрежьи, они вывели оттуда болѣе 10,000 русскихъ рабовъ!

ГОСУДАРСТВО

и

ПРАВО ВЪ ИСТОРІИ,

В. И. СЕРГѢЕВИЧА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

ИСТОРІЯ, ЕЯ ФАКТОРЫ И ЗАКОНЫ.

Исторія съ самыхъ древнихъ временъ привлекаетъ къ себѣ любознательность человѣка. Но взглядъ на ея задачи и пріемы съ теченіемъ времени существенно измѣнился. Простой разсказъ о томъ, что было, въ которомъ дѣйствительность смѣшивалась съ созданіями суевѣрнаго воображенія, совершенно удовлетворялъ наивное стремленіе первобытнаго человѣка къ историческому знанію. Въ наше время отъ исторіи требуютъ раскрытія законовъ развитія человѣческихъ обществъ.

Задача эта столь сложная, рѣшеніе ея представляетъ такія трудности, попытки, совершенныя въ этомъ направленіи, такъ новы и незначительны, что предстоитъ еще многое сдѣлать, прежде чѣмъ мысль эта получитъ свое осуществленіе. Можно и теперь нерѣдко встрѣтить мнѣніе, что время для такой исторіи еще не на-

стало, что трудъ историковъ долженъ ограничиваться собираніемъ и подготовительной обработкой сыраго матеріала.

Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды. Законченное зданіе исторіи можетъ быть построено только по обработкѣ всего сыраго матеріала. Но значитъ ли это, что всякая попытка понять смыслъ историческаго движенія должна быть оставлена до этого неопредѣленнаго будущаго?

Согласиться съ этимъ значитъ отказаться, и при томъ едва ли не навсегда, отъ всякаго пониманія исторіи. Всего необходимаго матеріала историки никогда не будутъ имѣть подъ руками: громадное количество его погибло безвозвратно и никогда не будетъ возстановлено. Уже поэтому одному историческое знаніе всегда будетъ только приблизительное.

А съ другой стороны, свойства ума человѣческаго таковы, что онъ не можетъ ограничиться однимъ собираніемъ матеріала. Онъ одаренъ неудержимымъ стремленіемъ проникнуть въ смыслъ историческаго движенія. Безъ этого стремленія не имѣетъ цѣли и самое собираніе памятниковъ и кропотливая ихъ обработка. Отнимите у человѣка способность понимать смыслъ историческаго движенія — и у него пропадетъ всякая охота къ труду.

Эти два направленія историческихъ работъ одинаково законны и необходимы: они пополняютъ другъ друга. Творецъ художественной исторіи государства россійскаго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ труженикомъ по части первоначальной обработки сыраго матеріала. Кто совершилъ въ этомъ отношеніи большіе труды, чѣмъ онъ? Возможны ли и въ настоящее время какія либо историческія работы безъ справки съ его текстомъ и примѣчаніями? Многіе томы обширной „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, представляющей наиболѣе полную попытку подвести всѣ явленія нашей исторической жизни подъ одинъ стройный взглядъ, даютъ массу сыраго матеріала, впервые выносимаго авторомъ на свѣтъ Божій изъ глубины нашихъ архивовъ. И такъ было всегда. Стремленіе проникнуть въ смыслъ явленій не чуждо даже нашему первоначальному лѣтописцу. Одни событія объясняетъ онъ дѣйствіемъ дьявола, другія приписываетъ непосредственному проявленію промысла Божія. Что это, какъ не попытка выяснить смыслъ описываемыхъ имъ явленій, законы, ими управляющіе, характеръ которой легко объясняется состояніемъ просвѣщенія его времени?

Попытка понять смыслъ явленій можетъ быть несовершенна, но она никогда не преждевременна. Въ стремленіи къ смыслу явленій и

заключается та движущая сила, которая возбуждаетъ историческія изысканія. Находясь въ тѣсной связи съ общимъ состояніемъ просвѣщенія даннаго времени пониманіе исторіи совершенствуется по мѣрѣ его успѣховъ. Люди нашего времени понимаютъ прошедшее лучше начальнаго лѣтописца, наши потомки будутъ понимать его лучше насъ.

Въ западной литературѣ пониманіе исторіи, какъ науки о законахъ развитія человѣческихъ обществъ, возникло еще въ прошломъ вѣкѣ [1]). Первымъ провозвѣстникомъ его былъ Вико, за нимъ слѣдовалъ Гердеръ, опредѣлившій исторію какъ науку о законахъ прогресса. Такой взглядъ на исторію можно разсматривать теперь какъ твердо установившійся. Но этимъ далеко не завершилось движеніе, вызванное писателями XVIII вѣка. Историческая мысль, получившая новое направленіе, естественно ищетъ и новыхъ путей для достиженія новыхъ цѣлей. Это исканіе новаго, соединенное съ нѣкоторымъ недовольствомъ старымъ, не чуждо и нашей литературы. Оно довольно внятно слышится въ извѣстной рѣчи покойнаго Грановскаго, прочитанной имъ въ торжественномъ собраніи московскаго университета 12 января 1852 г. Господствующіе въ историческихъ трудахъ пріемы нашли крайне рѣзкаго порицателя въ Боклѣ, въ его „Исторіи англійской цивилизаціи“, пользующейся такимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашихъ читателей. Далеко не все, порожденное этимъ новѣйшимъ движеніемъ, представляетъ прочное пріобрѣтеніе исторической науки; но, при всей его крайности, а иногда и прямой несправедливости къ предшествовавшимъ трудамъ, въ немъ нельзя не видѣть знаменія времени, свидѣтельствующаго о сильномъ возбужденіи исторической мысли, ищущей новыхъ путей, новыхъ способовъ историческаго вѣдѣнія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній новаго направленія науки, идущаго отъ Вико и Гердера, надо считать мысль о единообразіи хода историческихъ явленій. Эта мысль перенесена въ область исторіи изъ естественныхъ наукъ. Натуралистамъ удалось открыть единообразіе и правильность тамъ, гдѣ никто этого прежде не подозрѣвалъ. Это, естественно, навело на мысль, что и человѣческій міръ не представляетъ исключенія изъ этой міровой закономѣрности, что и онъ управляется законами, а не есть результатъ одной случайности. Эта мысль не осталась въ области одного пред-

[1]) Прекрасный обзоръ философскихъ воззрѣній на исторію можно найти у Флинта, The philosophy of history in france and germany by Robert Flint, 1874.

положенія. Внимательный обзоръ добытаго уже историками матеріяла привелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно въ ходѣ человѣческой исторіи есть своего рода единообразіе и, слѣдовательно, должны быть законы, имъ управляющіе.

Самое это единообразіе далеко еще не раскрыто и законы, имъ управляющіе, не выяснены. Но сдѣланныхъ наблюденій довольно, чтобы признать въ принципѣ закономѣрность историческаго развитія и въ эту сторону направить историческія изысканія.

Давно уже обращено вниманіе на тотъ фактъ, что явленія общественной жизни каждаго народа, наблюдаемыя въ данное время, не представляютъ разрозненную, хаотическую массу, не имѣющую въ своихъ частяхъ никакой связи. Было подмѣчено, что эти явленія неизбѣжно вліяютъ одно на другое, вслѣдствіе чего, видоизмѣняясь сообразно испытываемому ими вліянію, получаютъ окраску, соотвѣтствующую состоянію всей совокупности явленій. Зная признаки одного ряда явленій, историкъ можетъ уже догадываться, какія черты онъ встрѣтитъ и въ другихъ, съ нимъ сосуществующихъ. Состояніе права, напримѣръ, опредѣляется экономическими условіями народа, его умственнымъ развитіемъ, религіозными и нравственными убѣжденіями и т. д., и наоборотъ, существующія учрежденія вліяютъ на экономическій бытъ народа, ходъ его просвѣщенія и т. д. [1]). Измѣненіе въ одномъ рядѣ явленій непремѣнно вызоветъ соотвѣтствующія измѣненія и въ другихъ рядахъ. Если бы, съ цѣлью измѣненія даннаго общественнаго быта, что либо было даже заимствовано изъ внѣ, это заимствованіе никогда не проявится въ немъ совершенно въ томъ видѣ, какой заимствованное учрежденіе имѣло на своей родинѣ, а непремѣнно само видоизмѣнится соотвѣтственно условіямъ новой среды. Съ конца прошлаго вѣка представительныя учрежденія Англіи распространились по всему образованному міру. Не смотря на то, что англійскій источникъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію, мы ни въ одномъ изъ современныхъ конституціонныхъ государствъ не встрѣтимъ точнаго воспроизведенія англійскихъ учрежденій. Перенесенныя на новую почву, они необходимо должны были измѣниться, сообразно условіямъ быта. Только общая идея ихъ можетъ быть вез-

---

[1]) Многіе дикари не имѣютъ словъ для выраженія родовыхъ понятій. Въ языкѣ чоктаусовъ есть названіе чернаго, бѣлаго и краснаго дуба, но нѣтъ названія для обозначенія дуба вообще, а тѣмъ менѣе дерева. Бушмены и бразильскіе лѣсные индійцы не умѣютъ считать далѣе двухъ (Леббокъ, начало цивилизаціи, рус. пер., подъ ред. Д. А. Коропчевскаго, стр. 318 сл.). При такомъ низкомъ состояніи умственнаго развитія напрасно будемъ искать у этихъ дикарей сколько нибудь опредѣленныхъ юридическихъ понятій.

дѣ узнана, способъ же ея осуществленія и даже дѣйствіе представительныхъ учрежденій — вездѣ своеобразны. Это-то своебразіе явленій каждаго общественнаго быта и разумѣютъ, когда говорятъ о солидарности сосуществующихъ явленій, о ихъ гармоніи.

Съ этой точки зрѣнія, каждый общественный бытъ представляется какъ бы живымъ организмомъ, который уподобляетъ себѣ всякое новое явленіе, входящее въ сферу дѣйствія его силъ, или, наоборотъ, разстроивается имъ и начинаетъ болѣть, если оказывается невозможнымъ произвести это уподобленіе.

При условіи этой неизбѣжной солидарности явленій, дѣятельность отдѣльнаго человѣка, проявленіе его личной воли въ сферѣ общественной жизни представляется ограниченной. Если законодатель и можетъ желать внести что нибудь новое въ окружающую его среду, не условливаясь именно ею, а исходя изъ чуждыхъ ей образцовъ, все же результатъ этой его дѣятельности будетъ внѣ его личной воли. Этотъ результатъ напередъ уже условленъ свойствами среды. Самый могущественный законодатель не можетъ установить порядка, для котораго нѣтъ благопріятныхъ условій въ окружающей средѣ. Петровскій законъ о единонаслѣдіи, и всѣ усилія этого государя развить у насъ торговый флотъ, наполнившія русскую землю висѣлицами и каторжниками, достаточный тому примѣръ. Многочисленныя мѣры, направленныя къ достиженію той и другой цѣли, породили много болѣзненныхъ явленій въ нашемъ общественномъ быту, но не привели ни къ какому положительному результату въ желаемомъ для законодателя смыслѣ.

Въ силу этой солидарности явленій, будущее представляется не случайнымъ, оно не порождается прихотливой волей законодателя, а опредѣляется предшествующимъ состояніемъ. Исторія, съ этой точки зрѣнія, таже нива: она производитъ только то, что своевременно посѣяно, и только въ томъ случаѣ, если были на лице условія, необходимыя для возращенія брошеннаго сѣмени. Настоящее всегда является результатомъ прошедшаго и причиной будущаго. Въ этомъ смыслѣ еще Лейбницъ сказалъ: настоящее чревато будущимъ.

Каждый народъ, такимъ образомъ, переживаетъ какія-то состоянія, которыя и должны быть раскрыты исторіей. Переходъ изъ одного состоянія въ другое, независя отъ свободной воли законодателя, не дѣлается моментально по его предписанію. Старое, нерѣдко, живетъ наперекоръ всѣмъ усиліямъ законодателя. Яркій примѣръ этому даетъ попытка Екатерины II смягчить суровость старой системы наказаній, оставшаяся безплодной не смотря на всю власть, которой

она пользовалась, и на искренность гуманныхъ мыслей, высказанныхъ ею въ Наказѣ. Разъ сложившійся порядокъ обладаетъ большою живучестью. Новое нерѣдко проявляется только подъ формами стараго. Нужна большая доля вниманія и проницательности, чтобы распознать эти первые зародыши новой жизни [1]). Частныя измѣненія происходятъ постоянно, но полное перерожденіе явленій изъ одного состоянія въ другое всегда совершается крайне медленно, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій.

Если мы расширимъ область нашихъ наблюденій и сравнимъ разныя состоянія, пережитыя однимъ народомъ, съ состояніями, которыя пережилъ другой, то, при всемъ различіи въ частностяхъ, мы усмотримъ и сходное въ общемъ ходѣ движенія.

Ограничимся нѣсколькими примѣрами. На первыхъ ступеняхъ развитія мы вездѣ встрѣчаемся съ преобладаніемъ частныхъ началъ надъ общими, государственными. Признаніе самостоятельныхъ интересовъ цѣлаго, представляемыхъ государствомъ, не первоначальное явленіе, оно вездѣ есть результатъ болѣе или менѣе долгой исторической жизни. Въ гражданской сферѣ это преобладаніе частнаго проявляется въ крайнемъ развитіи отеческой и супружеской власти; въ уголовной — въ частномъ характерѣ понятій о преступленіи и наказаніи, въ судѣ — самоуправствомъ. Месть, древнѣйшая форма наказанія, только съ теченіемъ времени вытѣсняется выкупомъ, который первоначально, какъ замѣна мести, весь идетъ пострадавшимъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія государства, часть выкупа берется уже представителями общественной власти. Съ новыми успѣхами государства наказанія съ частнымъ характеромъ вездѣ замѣняются крайне жестокой системой публичныхъ наказаній, которая лишь въ послѣднее время начинаетъ смягчаться, благодаря успѣхамъ цивилизаціи и общему смягченію нравовъ. Тѣ же причины вызвали и смягченіе первоначально варварской отеческой власти. Развитіе идеи государства вездѣ идетъ рука объ руку съ ограниченіемъ личнаго произвола.

Это сходство перемѣнъ, наблюдаемыхъ въ исторіи разныхъ народовъ, не стоявшихъ ни въ какой непосредственной связи между собой, еще болѣе убѣждаетъ въ мысли, что состоянія, переживаемыя разными народами, и ихъ послѣдовательность не случайны, что они возникаютъ въ силу какой-то необходимости, въ силу дѣйствія ка-

---

[1]) Любопытный примѣръ зарожденія новаго порядка вещей подъ формами стараго даетъ Maine, Ancient law, стр. 128 сл.

кихъ-то общихъ причинъ. Современная наука все болѣе и болѣе признаетъ, что явленія исторической жизни народовъ слагаются изъ взаимодѣйствія природы человѣка и внѣшнихъ явленій окружающей его среды [1]). Такъ какъ первый факторъ вездѣ единъ, то въ немъ и должна заключаться причина замѣчаемой общности этихъ явленій, ихъ единообразія. Мысль о томъ, что совершившееся, при данныхъ условіяхъ, необходимо должно было совершиться, можно встрѣтить въ трудахъ всѣхъ представителей современной исторической науки.

Указаннымъ фактомъ солидарности и послѣдовательности явленій опредѣляется и самая задача исторіи. Она состоитъ въ раскрытіи тѣхъ послѣдовательныхъ стадій, которыя проходилъ извѣстный народъ, и возсозданіи гармоніи явленій въ предѣлахъ каждой стадіи.

Установившійся въ наукѣ взглядъ на непроизвольность историческаго развитія наталкивается, однако, на значительныя трудности. Если необходимо допустить существованіе законовъ, управляющихъ человѣческимъ развитіемъ, причемъ же останется тогда свободная воля человѣка?

И въ жизни, и въ наукѣ извѣстнаго направленія воля человѣка признается свободной. Эта свобода мыслится не рѣдко безусловной: акты воли и по содержанію ихъ и по возникновенію представляются самосущими, т. е. не обусловленными никакими предшествующими. Въ этой предполагаемой способности человѣка съ безусловной свободой опредѣлять свои дѣйствія видятъ нерѣдко существенный признакъ его высшей природы, условіе его человѣческаго достоинства.

Такая безусловная свобода воли человѣческой и бытіе законовъ, которыми несомнѣнно управляется ходъ исторіи, представляетъ неразрѣшимое противорѣчіе. Или нѣтъ законовъ, и всякое исканіе ихъ въ исторіи человѣческихъ обществъ есть дѣло праздное, или они дѣйствительно существуютъ, но тогда человѣкъ долженъ отказаться отъ притязанія на дѣятельность внѣ общаго закона достаточной причины.

Признанное уже нами бытіе законовъ склоняетъ насъ въ сторону

---

[1]) Это положеніе высказано еще Контомъ въ его Cours de philosophie positive, затѣмъ повторено Милемъ въ его Логикѣ. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Бокль. Дройзенъ, въ своей полемикѣ съ послѣднимъ авторомъ, оказалъ слишкомъ мало вниманія этому положенію, которое онъ не справедливо считаетъ за особенность Бокля. Grundriss der Historik, Beilagen, 1875.

послѣдняго мнѣнія. [1]) Воля человѣка не безусловна, она опредѣляется своими предшествующими.

Но если воля опредѣляется своими предшествующими, если чувство любви и ненависти, голода и жажды и другихъ ощущеній и страстей направляетъ руку человѣка, то въ чемъ же состоитъ его свобода, сознаніе о которой такъ ему присуще? Самая мысль о томъ, что ощущенія и страсти опредѣляютъ дѣятельность человѣка, не должна ли подавляющимъ образомъ дѣйствовать на его духъ? Не должна ли она повести его къ пассивному подчиненію тѣмъ независящимъ отъ него силамъ, которыя находятся въ немъ и внѣ его, — къ фатализму? Фатализмъ былъ бы, дѣйствительно, единственнымъ исходомъ изъ этого положенія дѣла, если бы человѣкъ не былъ одаренъ разумомъ, который ставитъ его въ возможность взвѣшивать значеніе разнообразныхъ предшествующихъ, вліяющихъ на его волю, и давать перевѣсъ тому изъ нихъ, которое, при данныхъ условіяхъ, признаетъ онъ наиболѣе умѣстнымъ [2]). Разумъ человѣка, его сознаніе о долженствующемъ быть является, такимъ образомъ, однимъ изъ предшествующихъ, опредѣляющихъ нашу волю. Въ возможности приспособлять свои дѣйствія къ требованіямъ приличій, полезности, права, нравственности и религіи, или намѣренно дѣйствовать наперекоръ имъ, и заключается то, что можетъ называться человѣческой свободой.

Но и этой свободой далеко не въ одинаковой мѣрѣ пользуется каждый человѣкъ. Она есть преимущество извѣстнаго умственнаго развитія, она также условливается своими предшествующими [3]). Люди

---

[1]) «Нашъ темпераментъ, настроеніе духа, живость фантазіи, таланты — все это зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ нашего тѣлосложенія и его перемѣнъ: многое изъ всего этого, переходя къ намъ въ качествѣ наслѣдственной склонности, есть только результатъ такого процесса природы, который задолго до нашего существованія, невозвратно опредѣлилъ уже извѣстныя черты предстоящей нашей жизни». Лотце, Микрокозмъ, пер. Е. Ѳ. Корша, I, 318. Краткій, но живо и ясно написанный очеркъ разнообразныхъ воззрѣній по этому крайне спорному вопросу можно найдти у Vacherot, La science et la conscience, 1870.

[2]) «Только тамъ убѣждены мы, что имѣемъ дѣло съ настоящимъ актомъ воли, гдѣ ясно сознаются влекущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ духа. Въ такой близкой связи оказывается понятіе свободы съ понятіемъ воли; ибо только въ этомъ рѣшеніи насчетъ данной наличности фактовъ состоитъ истинная дѣятельность воли человѣческой. Напротивъ, всякое возможное содержаніе воли всегда слагается непроизвольнымъ ходомъ представленій и чувствованій»... Лотце, I, 322.

[3]) «C'est un fait d'expérience intime que les volontés les plus libres sont les volontés les plus intelligentes et les plus réfléchies. En sorte que le développement de la liberté est en raison directe du développement de la raison et que l'état de sagesse est le plus haut degrê où puisse atteindre notre libre volonté». Vacherot, 42.

недостаточнаго развитія дѣйствуютъ, обыкновенно, подъ вліяніемъ первыхъ побужденій, не останавливаясь надъ взвѣшиваніемъ разныхъ возможныхъ мотивовъ и выборомъ наиболѣе умѣстныхъ. Но и люди, развившіеся до свободы, являются дѣйствительно свободными далеко не въ каждомъ своемъ дѣйствіи. Множество дѣяній ежедневной жизни совершаютъ они путемъ привычки, ни мало не задумываясь, какъ и что сдѣлать, какъ и что сказать [1]).

Переходя отъ узкой сферы дѣятельности отдѣльнаго человѣка на болѣе широкое поприще исторіи права, надо замѣтить, что чѣмъ древнѣе время, тѣмъ свойственныя ему учрежденія наиболѣе характеризуются признакомъ несвободы. Они существуютъ не потому, чтобы сознательно считались наиболѣе соотвѣтствующими даннымъ условіямъ и въ этомъ соображеніи были установлены. Правда, они всегда возникаютъ изъ данныхъ условій, но безъ всякаго участія въ этомъ сознательнаго выбора. Сознательный выборъ, на основаніи взвѣшиванія потребностей общественной жизни и свойствъ человѣка, знакомства съ учрежденіями другихъ странъ, сравненія ихъ и предпочтенія наиболѣе соотвѣтствующихъ даннымъ условіямъ, — все это есть уже дѣло позднѣйшаго времени.

Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ дѣлается свободнымъ только при условіи извѣстнаго развитія. Свобода возникаетъ въ исторіи, она сама плодъ историческаго развитія человѣка и, въ свою очередь, становится факторомъ его дальнѣйшихъ успѣховъ.

Мы не призваны къ обоснованію этой свободы съ точки зрѣнія психологіи. Мы признаемъ ее не по психологическимъ ея основамъ, а по послѣдствіямъ, проявляющимся въ исторической жизни народовъ. Съ исторической точки зрѣнія, признаніе такой свободы необходимо. Непризнаніе человѣческой воли однимъ изъ факторовъ исторіи съ необходимостью ведетъ къ допущенію фатализма. Если человѣкъ ничего не можетъ внести въ ходъ исторіи, ему надо отказаться отъ всякой борьбы, отъ всякой попытки вліянія на окружающую его среду и страдательно отдаться всякому данному теченію

[1]) «Мы, конечно, слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо.... Совсѣмъ безвольно и съ механическою послѣдовательностью само чувство и соединенныя съ нимъ представленія мгновенно возбуждаютъ зачатки тѣлеснаго движенія, и то, что мы зовемъ тутъ побужденіемъ, совсѣмъ не воля, направляющая наше тѣло, но сознанное ощущеніе страдательнаго состоянія и невольно возникающихъ въ немъ движеній, чѣмъ и другія стороны нашего сознанія вызываются къ соотвѣтственной тому дѣятельности». Лотце, I, 320, сл.

дѣлъ. Бываетъ и такъ. Есть народы, воля которыхъ подавлена идеями фатализма. Но они и не были творцами той цивилизаціи, которою по справедливости можетъ гордиться современный міръ. Признаніе въ принципѣ безнадежности всѣхъ личныхъ усилій человѣка подорвало бы въ корнѣ дальнѣйшее развитіе нашей цивилизаціи. Одно изъ существенныхъ условій ея поступательнаго движенія именно коренится въ убѣжденіи, что каждый отдѣльный человѣкъ можетъ внести свою долю личнаго труда въ прогрессивное движеніе человѣчества, съ надеждой, что посѣянное имъ зерно не пропадетъ безслѣдно. Нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что народы, коснѣющіе теперь подъ гнетомъ идей фатализма, навсегда обречены этому коснѣнію. Распространеніе другаго рода идей, конечно, должно вывести ихъ изъ этого состоянія.

Бытіе свободы человѣка, въ смыслѣ сознательнаго выбора и сознательнаго приспособленія или противодѣйствія условіямъ окружающей среды, представляется намъ такимъ же положительнымъ фактомъ, какъ и бытіе необходимости. Многія явленія исторіи иначе и не могутъ быть объяснены, какъ предположеніемъ такого выбора. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ.

Сперанскій, въ первый періодъ своей дѣятельности, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей, былъ занятъ мыслями о внесеніи въ систему нашего государственнаго быта началъ твердой законности и объ ограниченіи въ немъ произвола. На той же точкѣ зрѣнія и благодаря тѣмъ же вліяніямъ стоялъ и императоръ Александръ. Съ соизволенія императора, Сперанскій выработалъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія, въ которомъ предполагалось ввести въ Россію начала представительной монархіи. Коренными законами въ этомъ планѣ называлась та часть законодательства, въ которой шла рѣчь о правахъ императора и о допущеніи представителей русской земли къ участію въ судѣ, управленіи и законодательствѣ. Увлеченіе Сперанскаго французскими идеями шло такъ далеко, что въ составленномъ имъ сводѣ гражданскаго права онъ далъ собственно переводъ наполеонова кодекса, хотя и снабдилъ его указаніями на отечественные источники. Во второй періодъ, который отдѣляется отъ перваго ссылкою Сперанскаго, дѣятельность его ограничивается, согласно съ мыслями императора Николая, систематизаціей стараго русскаго права. Основные законы составленнаго подъ его редакціей свода говорятъ исключительно о правахъ самодержавной императорской власти и царствующаго дома. Какъ объяснить эту перемѣну? Значитъ ли она, что Сперанскій разубѣдился

въ справедливости своихъ прежнихъ стремленій и дѣйствовалъ во вторую эпоху своей жизни подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ убѣжденій, силѣ которыхъ также не могъ противостоять, какъ прежде не могъ преодолѣть своего увлеченія французскими идеями? Что во второмъ періодѣ, какъ и въ первомъ, онъ былъ непроизвольнымъ орудіемъ господствовавшихъ въ умѣ его политическихъ идей? О внутреннихъ побужденіяхъ человѣка судить чрезвычайно трудно. Мы позволимъ себѣ, однако, усомниться въ вѣрности сдѣланнаго предположенія. Зная свойства Сперанскаго, происшедшую въ немъ перемѣну надо объяснять только тѣмъ, что онъ усомнился въ возможности провести свои первоначальныя воззрѣнія, а потому и далъ другое направленіе своей дѣятельности. Это и есть актъ возможной для человѣка свободы, чѣмъ онъ существенно отличается отъ мухи, безплодно бьющейся о стекло въ оконной рамѣ: никакой опытъ не можетъ привести ее къ сознанію невозможности пролетѣть сквозь это стекло. Сперанскій сталъ дѣлать то, что при данныхъ условіяхъ находилъ возможнымъ. Могутъ сказать, что онъ былъ, въ такомъ случаѣ, непослѣдователенъ и дѣйствовалъ противъ лучшихъ своихъ убѣжденій. Отъ упрека въ непослѣдовательности едва ли можно защитить его. Но эта-то возможность дѣйствовать даже непослѣдовательно, когда непослѣдовательность является результатомъ сознательнаго выбора, и есть одно изъ проявленій человѣческой свободы. При высокомъ умѣ и столь же высокомъ государственномъ смыслѣ Сперанскаго въ немъ никакъ нельзя допустить отсутствія сознательнаго отношенія къ дѣлу такой важности.

Слабости и пороки человѣка, точно также какъ и его добродѣтели, наводятъ на мысль о возможности сознательнаго выбора. Признаніе законовъ историческаго развитія оставляетъ требованія нравственности въ полной ихъ неприкосновенности и силѣ. Если бы нравственная жизнь человѣка сводилась къ непроизвольной борьбѣ мотивовъ и побѣдѣ всегда сильнѣйшаго, человѣкъ едва ли бы испытывалъ состояніе тяжелаго сомнѣнія и мучительной нерѣшительности. И то и другое намъ понятно только при предположеніи выбора; независящая же отъ воли человѣка побѣда всегда сильнѣйшаго побужденія едва ли способна объяснить возможность этихъ тяжолыхъ нравственныхъ состояній. Сталкивающіеся мотивы не всегда бываютъ на столько несоизмѣримы по своей относительной силѣ, чтобы одни изъ нихъ безусловно вытѣсняли другіе имъ противоположные. Масса побужденій имѣетъ только относительное значеніе. Чѣмъ выше умственное

развитіе человѣка, тѣмъ лучше видитъ онъ эту относительность и тѣмъ труднѣе для него выборъ. Вотъ почему нерѣшительность такъ часто идетъ рука объ руку съ умственной дальнозоркостью и, наоборотъ, такъ называемые цѣльные характеры нерѣдко проявляютъ энергическую дѣятельность только потому, что подчиняются безоглядки силѣ перваго побужденія. Они менѣе способны къ свободѣ, чѣмъ первые.

Но допущеніе и такой условной свободы не заключаетъ ли въ себѣ противорѣчія съ признаніемъ общихъ законовъ? Если въ исторіи совершается то, что необходимо должно было совершиться, какой же возможенъ тутъ выборъ?

Стремленія личной воли могутъ или совпадать съ общимъ ходомъ исторіи, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ, проводя свою личную волю, является вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ необходимости. Таковы всѣ великіе историческіе люди положительной стороной своей дѣятельности. Они были выразителями потребностей своего народа и времени и своею личной дѣятельностью только способствовали совершенію того, что носилось уже въ воздухѣ и рано или поздно должно было совершиться. Только наша удаленность отъ времени ихъ жизни и незнаніе всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ нитей, которыми они были связаны съ окружающей ихъ дѣйствительностью, заставляетъ иногда приписывать имъ исключительно то, что явилось плодомъ свободнаго совпаденія ихъ личныхъ усилій съ духомъ времени.

Во второмъ случаѣ, личная дѣятельность, идя наперекоръ движенію исторіи, должна, конечно, оказывать ему помѣху. Эта помѣха будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше силы и вліянія сосредоточено въ рукахъ дѣйствующаго. Въ этомъ отношеніи особенно важна роль правительственныхъ органовъ. Пользуясь громадною силою, значительно еще увеличиваемою тѣмъ довѣріемъ, которое почти всегда питаютъ люди массы къ силѣ и ея воплощенію въ органахъ власти, правительство можетъ оказывать чрезвычайно могучее дѣйствіе, какъ задерживающее развитіе, такъ и способствующее ему. Но такъ какъ законы историческаго развитія условливаются природою и свойствами человѣка вообще, а не тѣми исключительными особенностями, которыми могутъ отличаться свойства извѣстнаго отдѣльнаго лица, какою бы онъ ни обладалъ силою, то и въ этомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, совершится то, что должно было совершиться.

Среда, въ которой приходится дѣйствовать историческому лицу,

до крайности разнообразна. Она всегда представляетъ единовременное существованіе самыхъ различныхъ теченій, не рѣдко одно другое исключающихъ. Весь ходъ исторіи слагается путемъ продолжительной и упорной борьбы разнообразно сталкивающихся интересовъ. Въ этой борьбѣ участію личной воли представляется широкое поприще. Хотя она и не можетъ создать ничего такого, что не условливалось бы свойствами человѣка и, слѣдовательно, не было бы уже дано съ его природой, тѣмъ не менѣе, выбирая извѣстное направленіе, покровительствуя одному, подавляя другое, она можетъ на долгое время дать такое направленіе ходу исторіи, которое и по характеру своему и по продолжительности будетъ зависѣть отъ ея выбора.

При всей ограниченности, роль, выпадающая на долю человѣка, весьма значительна. Въ исторіи, гдѣ все временно, время имѣетъ великое значеніе, а слѣдовательно и личная воля, могущая то задерживать, то ускорять ея движеніе. Человѣкъ, такимъ образомъ, не обреченъ сидѣть сложа руки и ждать, когда судьбы исторіи совершатся. Онъ призванъ быть дѣятельнымъ участникомъ ихъ совершенія. Въ этомъ смыслѣ говорятъ: каждый народъ заслуживаетъ то правительство, которое онъ имѣетъ.

Возможность вліянія личной воли на ходъ историческаго движенія должна предостеречь историка отъ поклоненія предъ каждымъ совершившимся фактомъ. Крайне тяжолое впечатлѣніе производятъ на читателя историческіе труды, въ которыхъ все совершившееся представляется не только необходимымъ, по скольку оно было вызвано достаточными причинами, но и вызываетъ еще любовь историка и оправдывается имъ какъ желательное и долженствующее быть. Если крыша течетъ, на это есть, конечно, достаточная причина, при существованіи которой она необходимо должна течь, но тутъ еще не чему радоваться, и тотъ, кто не починилъ дырявой доски, заслуживаетъ осужденія. Исторія не есть только необходимость и несвобода, она представляетъ своеобразное соединеніе несвободы (въ смыслѣ бытія общихъ законовъ, управляющихъ ея ходомъ) съ личной человѣческой свободой, а потому сужденіе о дѣятеляхъ историческихъ, съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ успѣхамъ человѣческаго развитія, столько же обязанность историка, какъ и раскрытіе законовъ этого развитія [1]).

---

[1]) Признаніе свободной воли человѣка, весьма, впрочемъ, разнообразно понимаемой, историческимъ факторомъ наряду съ необходимостью встрѣчается у многихъ историковъ. Оно есть уже у Гердера. Литература этого вопроса ука-

Наукѣ предстоитъ еще многое сдѣлать для разъясненія тѣхъ извилистыхъ путей, которыми идетъ человѣческое развитіе, но изысканія ея будутъ сами на ложной дорогѣ, если она не признаетъ личной воли историческимъ факторомъ и всѣ явленія исторіи будетъ выводить изъ однихъ только внѣшнихъ условій страны, ея климата, свойствъ пищи человѣка и т. д.

Сторонники полной непроизвольности хода человѣческихъ дѣлъ думаютъ видѣть поддержку своему мнѣнію въ наблюденіяхъ статистики. Правильно, изъ году въ годъ, повторяющіяся цифры такихъ дѣйствій какъ браки, убійства, самоубійства, при чемъ даже орудія, которыми совершаются убійства и самоубійства, повторяются въ довольно однообразныхъ пропорціяхъ, приводятъ ихъ къ мысли, что и эти дѣйствія, повидимому наиболѣе свободныя, непроизвольны, и что человѣкъ даже въ самыхъ интимныхъ сферахъ своей жизни является только слѣпымъ орудіемъ нѣкоторыхъ общихъ законовъ, направляющихъ его руку. Уже нѣкоторыя выраженія Кетле, которому статистика такъ много обязана своими успѣхами, могли навести на этотъ выводъ. „Есть бюджетъ, говоритъ онъ, который выплачивается съ ужасающей правильностью, это бюджетъ тюремъ, каторги и эшафота... Общество содержитъ въ себѣ сѣмена всѣхъ имѣющихъ совершиться преступленій... Оно, въ нѣкоторомъ родѣ, приготовляетъ преступленія, а виновный есть только орудіе, которое ихъ исполняетъ“. Но не таково настоящее воззрѣніе этого автора и дѣйствительное положеніе дѣла. Бюджетъ преступленій платится съ тою же правильностью только до тѣхъ поръ, пока не измѣнились причины, его вызвавшія, и Кетле допускаетъ возможность уменьшенія его. Это уменьшеніе можетъ происходить, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ усилій самого человѣка. „Человѣкъ, какъ членъ соціальнаго тѣла, говоритъ онъ далѣе, испытываетъ ежеминутно дѣйствіе *причинъ* и платитъ имъ необходимую дань; но, пользуясь всею энергіей своихъ умственныхъ способностей, онъ управляетъ, въ извѣстной мѣрѣ, этими причинами, модифицируетъ ихъ дѣйствіе, и можетъ приближаться къ лучшему состоянію“ [1]).

Единообразіе постоянно повторяющихся цифръ даетъ только новый примѣръ на давно извѣстный уже законъ, по которому одинакія

зана въ выше приведенномъ трудѣ Флинта. Самъ Флинтъ сочувственно относится къ идеѣ соединенія въ исторіи свободы и необходимости, но, по свойству своего историко-литературнаго труда, не могъ войдти въ объясненіе того, какъ именно понимаетъ онъ это соединеніе.

[1]) Quetelet, Sur l'homme, изд. 1836 года, стр. 10 и 13.

причины вызываютъ, при одинакихъ условіяхъ, и одинакія послѣдствія, но вовсе не отрицаетъ возможности сознательнаго выбора.

Въ примѣненіи къ единообразно повторяющемуся числу браковъ, напримѣръ, законъ этотъ надо понимать такъ. Если число взрослыхъ людей, способныхъ къ браку, въ настоящемъ году тоже, что было въ прошломъ, если причины и условія, подъ вліяніемъ которыхъ обыкновенно заключаются браки, а слѣдовательно и зависящая отъ нихъ общая цифра склонныхъ къ браку, также не измѣнилась,—то и число браковъ, имѣющихъ совершиться въ настоящемъ году, будетъ равно числу браковъ въ прошломъ, т. е. одинакія требованія природы человѣческой въ соединеніи съ одинакими внѣшними условіями всегда приведутъ къ однимъ послѣдствіямъ. Но это не значитъ еще, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ человѣкъ будетъ дѣйствовать безвольно. Всякое измѣненіе данныхъ условій производитъ колебанія и въ числѣ браковъ, которое никогда не повторяется буквально въ той же пропорціи. Особенно рѣзкія колебанія замѣчаются при измѣненіи цѣны на хлѣбъ. Возвышеніе цѣны уменьшаетъ число браковъ, паденіе — увеличиваетъ. Это измѣненіе прямо объясняется дѣйствіемъ личной воли, которая, при вздорожаніи средствъ удовлетворенія первыхъ потребностей, воздерживается отъ брачныхъ обязательствъ. Если допустимъ участіе личной воли (а этого нельзя не сдѣлать) для объясненія колебанія статистическихъ цифръ, не имѣемъ никакого основанія отрицать бытіе той же воли и вообще въ совершеніи браковъ, съ какою бы правильностью въ числѣ они ни повторялись изъ году въ годъ.

Признавая участіе личной воли въ движеніи исторіи, мы должны сдѣлать еще шагъ и признать факторомъ исторіи еще одну силу, но въ противоположность къ волѣ слѣпую и неразумную. Эта сила — случай. Въ ежедневномъ быту человѣкъ постоянно говоритъ о случаѣ счастливомъ или несчастномъ. Это не заблужденіе, хотя и не всегда мы имѣемъ дѣло съ случаемъ тамъ, гдѣ думаемъ его видѣть. Случай, во всей его неразумности, дѣйствительно существуетъ и оказываетъ вліяніе на ходъ исторіи. Пояснимъ нашу мысль самымъ простымъ примѣромъ. При томъ вліяніи на ходъ исторіи, которое необходимо признать за личной волей, жизнь и смерть человѣка не безразличны для исторіи. Смерть же вызывается такими причинами, которыя не стоятъ ни въ какой необходимой связи съ исторической дѣятельностью умершаго. Сама по себѣ, какъ естественное явленіе, смерть никогда не случайна. Она необходимо должна послѣдовать при существованіи тѣхъ условій, которыя ее вызвали,

но совпаденіе условій, вызвавшихъ смерть, съ извѣстнымъ моментомъ исторической дѣятельности человѣка совершенно случайно и притомъ всегда случайно. Эта дѣятельность въ пору лучшаго своего развитія можетъ быть пресѣчена неосторожно брошеннымъ, или даже просто по собственной тяжести упавшимъ камнемъ, и человѣкъ перестанетъ существовать, не сдѣлавъ и половины того, что могъ совершить для пользы своихъ ближнихъ.

Мы привели только одинъ примѣръ, но дѣйствительная жизнь можетъ представить много другихъ. Та же случайность играетъ значительную роль въ столкновеніи людей другъ съ другомъ, а, слѣдовательно, и во вліяніи, которое можетъ одинъ человѣкъ оказывать на другаго и на его историческую роль. Масса всякаго рода открытій и изобрѣтеній также дѣлается случайно, безъ всякаго необходимаго отношенія къ условіямъ окружающаго быта и тѣмъ часто важнымъ послѣдствіямъ, къ которымъ эти открытія съ теченіемъ времени приводятъ. Открытіе металловъ и способовъ ихъ плавленія произошло совершенно независимо отъ свойствъ и особенностей народа, среди котораго имѣло мѣсто, и безъ всякой связи съ его ежедневными нуждами и обычными способами ихъ удовлетворенія. А между тѣмъ это случайное открытіе было существеннымъ толчкомъ къ крайне важнымъ измѣненіямъ въ ходѣ человѣческой культуры.

Дѣйствіе случая, на сколько онъ связанъ съ жизнью человѣка и его общеніемъ съ другими людьми, ограничено въ томъ смыслѣ, что судьбы исторіи гораздо въ большей мѣрѣ совершаются коллективнымъ трудомъ массъ, чѣмъ усиліями одного человѣка, какъ бы они ни были цѣнны и велики. Идеи никогда не остаются достояніемъ только того ума, въ которомъ зародились, и не умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Было уже не разъ обращаемо вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что однѣ и тѣ же научныя открытія зарождаются нерѣдко совершенно самостоятельно въ умахъ разныхъ ученыхъ. Безвременно умершему дѣятелю всегда найдется преемникъ, если только цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, дѣйствительно отвѣчаютъ природѣ человѣка и потребностямъ времени. Но пока явится преемникъ, пройдетъ время, а въ исторіи, гдѣ время играетъ такую важную роль, нельзя оставлять безъ вниманія и этого, хотя, можетъ быть, только отрицательнаго значенія случая.

Историческіе факты, какъ было уже замѣчено выше, представляются результатомъ взаимодѣйствія природы человѣка и внѣшнихъ явленій окружающей его среды, какъ общественной (семьи, рода, племени и государства со всѣми ихъ учрежденіями), такъ и той, ко-

торая дана физической природой населяемой мѣстности (климатомъ, плодородіемъ почвы, распредѣленіемъ суши и воды, отношеніемъ горъ и равнинъ, видами и разнообразіемъ фауны и флоры и пр.). Условливаясь данными свойствами природы человѣка и окружающей его среды, факты исторіи развиваются по общимъ законамъ, которые и составляютъ искомое исторической науки. Историческое развитіе народовъ происходитъ, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ факторовъ. По скольку дѣятелемъ исторіи является человѣкъ, исторія есть психологическая наука. Но человѣкъ живетъ въ обществѣ и при томъ въ извѣстной странѣ. Организація общества и природа страны должны оказывать свое дѣйствіе на природу человѣка и модифицировать ея проявленіе въ исторіи. При современномъ состояніи историческихъ знаній нѣтъ еще никакой возможности опредѣлить точнымъ образомъ относительное значеніе этихъ разныхъ факторовъ: природы человѣка съ одной стороны и условій общежитія и свойствъ страны съ другой. Можно только сказать, что попытки объясненія историческихъ явленій какимъ либо однимъ факторомъ, будетъ ли то воля человѣка или свойства окружающей его страны, въ большинствѣ случаевъ односторонни и не соотвѣтствуютъ существу дѣла.

Давно уже было обращено вниманіе на вліяніе, оказываемое природою страны на человѣка. Указаніе на связь, существующую между природой и человѣкомъ, составляетъ великую заслугу ученыхъ трудовъ Бодена, Монтескье, Гердера. Зависимость человѣка отъ свойствъ населяемой имъ страны стоитъ теперь внѣ всякаго сомнѣнія. Природа страны даетъ необходимыя условія для культурнаго развитія человѣка. Въ странахъ полярныхъ, гдѣ самыя жилища приходится дѣлать изъ льда и снѣга, точно также не можетъ быть рѣчи объ успѣхахъ культуры, какъ и на коралловыхъ островахъ подъ тропиками, гдѣ въ распоряженіи человѣка почти ничего нѣтъ кромѣ раковинъ. Историческое развитіе идетъ успѣшно только тамъ, гдѣ условія природы въ извѣстной степени благопріятствуютъ жизни человѣка. Но это еще не значитъ, что условія природы относятся къ исторіи какъ причина къ ея слѣдствіямъ, и что народный характеръ, учрежденія страны и даже весь ходъ исторіи можно прямо выводить изъ свойствъ страны. Попытки такихъ объясненій дѣлаются, однако, нерѣдко.

Уже Монтескье, близко слѣдуя Бодену, въ значительной степени преувеличиваетъ вліяніе климата. Онъ находитъ, что большой жаръ тропическихъ странъ отнимаетъ силы и бодрость и что, наоборотъ,

холодный климатъ придаетъ тѣлу человѣка энергію и дѣлаетъ его способнымъ къ напряженной дѣятельности, къ поступкамъ смѣлымъ и великимъ. „Не должно удивляться, говоритъ онъ, что робость (lâcheté), свойственная народамъ жаркихъ климатовъ, почти всегда дѣлаетъ ихъ рабами, и что мужество народовъ холодныхъ странъ охраняетъ ихъ свободу. Это дѣйствіе естественной причины. Оно оправдывается и въ Америкѣ: деспотическія государства Мексики и Перу находятся у тропиковъ, а почти всѣ свободные народы живутъ ближе къ полюсу“ [1]). Этотъ взглядъ на прямую зависимость характера народа и его учрежденій отъ климата, древнѣйшіе корни котораго можно найти еще въ „Политикѣ“ Аристотеля, примѣняется, иногда, и къ обработкѣ нашей отечественной исторіи. Особенности московскаго государства выводятъ изъ свойствъ великорусскаго племени, которыя, будто бы, прямо опредѣлились благодаря вліянію сравнительно суроваго климата Великороссіи въ противоположность къ Малороссіи. Менѣе благопріятный климатъ сѣверо-восточной части Россіи, требовавшій большаго напряженія силъ, и былъ, говорятъ, причиною того, что великорусское племя создало крѣпкое политическое тѣло, тогда какъ малороссы, жившіе въ болѣе мягкомъ климатѣ, оказались неспособными къ самостоятельному государственному творчеству. Такое же рѣшающее для исторіи значеніе придаютъ, иногда, географическому очертанію страны. „Изъ трехъ большихъ полуострововъ южной Европы, говоритъ Фриманъ, центральный, сравниваемый съ группою острововъ на востокъ отъ него, образуетъ цѣльную и компактную страну, которую природа, кажется, предназначила находиться подъ господствомъ единой власти“ [2]).

Въ наше время успѣхи, совершенные въ области естествознанія, наводятъ иногда ученыхъ на мысль примѣнить нѣкоторые выводы естествознанія къ объясненію историческихъ явленій. Попытки такого рода встрѣчаемъ у Бокля и Спенсера.

Бокль, высказавъ положеніе, что нѣтъ исторіи безъ физиче-

---

[1]) Esprit des lois, 1864, стр. 226.
Господствовавшія въ XVIII вѣкѣ воззрѣнія на рѣшающее вліяніе климата такъ сильно владѣли умомъ Руссо, что онъ не остановился даже предъ слѣдующимъ положеніемъ: «Quand tout le midi serait couvert de républiques et tout le nord d'état despotique, il n'en serait pas moins vrai que par l'effet du climat le despotisme convient aux pays chauds, la barbarie aux pays froids, la bonne politique aux regions intermédiaires». Du contrat social, an 3 de la république, 139. Предполагаемое отступленіе отъ общаго правила онъ находитъ возможнымъ объяснять частными причинами, видоизмѣняющими дѣйствіе общаго закона.

[2]) Comparative politics, 1873, стр. 42.

скихъ наукъ, дѣлаетъ анализъ химическаго состава пищи, необходимой для питанія жителей разныхъ странъ, по различію ихъ климата, и приходитъ къ выводу, что приниженное положеніе рабочаго класса въ Индіи должно быть объясняемо жаркимъ климатомъ страны, который даетъ возможность питаться одной растительной пищей, и плодородіемъ почвы, производящей эту пищу въ изобиліи. Вслѣдствіе возникающей изъ этихъ причинъ легкости удовлетворенія первымъ потребностямъ, индійскій работникъ принужденъ брать низкую заработную плату. Онъ служитъ изъ полу и даже еще дешевле. Отсюда выводится общій законъ, въ силу котораго заработная плата имѣетъ наклонность въ теплыхъ странахъ къ пониженію, а въ холодныхъ къ возрастанію [1]).

Спенсеръ, отправляясь отъ того наблюденія, что различныя отправленія нашего тѣла облегчаются такими атмосферическими условіями, которыя вызываютъ быстрое испареніе кожи и легкихъ, приходитъ къ заключенію, что можно встрѣтить въ жаркомъ поясѣ нѣкоторыя конституціональныя различія между родственными расами въ силу того, что однѣ изъ нихъ живутъ въ низкихъ и влажныхъ мѣстахъ, а другія въ мѣстахъ хорошо осушаемыхъ солнцемъ. У народа, живущаго въ жаркой и сухой странѣ, онъ ожидаетъ встрѣтить болѣе энергическую тѣлесную дѣятельность, чѣмъ у народа, живущаго въ мѣстности жаркой и сырой. „При самомъ бѣгломъ взглядѣ на карту дождей земнаго шара, говоритъ онъ далѣе, нельзя не замѣтить почти непрерывной полосы, обозначаемой названіемъ „полосы бездождія“ и простирающейся чрезъ Сѣверную Африку, Аравію, Персію и Тибетъ въ Монголію; изъ нѣдръ этой-то области, или съ ея окраинъ вышли всѣ побѣдныя расы стараго свѣта“ [2]). Такимъ образомъ, причина того крайне распространеннаго явленія, которое извѣстно подъ именемъ переселенія народовъ, объясняется Спенсеромъ легкостью испаренія кожи и условливаемою тѣмъ большею дѣятельностію и энергичностью народовъ, которые жили при обстоятельствахъ, способствующихъ быстрому выдѣленію влажности.

Академикъ Бэръ въ своей извѣстной статьѣ „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія“, указавъ нѣсколько фактовъ такого вліянія, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ

---

[1]) History of civilization in England, 1864 г., стр. 40 сл., 59 сл., 69 сл.
[2]) Основанія соціологіи, рус. пер. 1876 года, I, стр. 20 сл.

и отдѣлились другъ отъ друга страны, судьба человѣческаго рода была уже предопредѣлена напередъ, и что всемірная исторія есть ничто иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи“ [1]). Едва ли можно идти далѣе въ подчиненіи хода исторіи физическимъ условіямъ земли. Изученіе исторіи теряетъ всякую самостоятельность. Ключъ къ ея уразумѣнію дается изслѣдованіемъ не ея фактовъ, а физическаго строя земли, который разъ навсегда предопредѣлилъ ея участь.

Несмотря на всю распростренённость приведенныхъ воззрѣній, положеніе о прямомъ соотвѣтствіи климата страны и характера ея жителей едва ли можетъ быть принято. Обширныя наблюденія, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ свѣта, приводятъ къ убѣжденію, что характеръ человѣка и настроеніе его духа не находится ни въ какомъ постоянномъ отношеніи къ климату. „Не всегда люди, живущіе подъ яснымъ небомъ, говоритъ Вайцъ, веселѣе и болѣе склонны къ танцамъ и играмъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ въ странахъ облачныхъ и туманныхъ. Въ сѣверной и южной Америкѣ, точно также какъ и на южномъ морѣ въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ живутъ какъ мрачные и необщительные люди, такъ и веселые и общительные. Въ то время, какъ египтяне и индусы терпѣливы, спокойны и безстрастны, эскимосы и чукчи по большей части легко раздражительны, веселы и непостоянны.“ Какъ общее правило изъ того громаднаго матеріала, который былъ у Вайца подъ руками, онъ находитъ возможнымъ вывести только то, что жаркій климатъ дѣйствуетъ болѣе усыпляющимъ образомъ, чѣмъ холодный, и что жители жаркихъ странъ менѣе способны къ постоянной энергической дѣятельности [2]). Но это еще не значитъ, чтобы жители даже тропическихъ странъ были совершенно лишены способности къ энергической дѣятельности.

Точно также нѣтъ прямаго соотвѣтствія между характеромъ народа и свойствами употребляемой имъ пищи. „Если ограничиться, говоритъ тотъ же авторъ, сравненіемъ англичанина съ ирландцемъ,

---

[1]) Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія, 1848 г., стр. 252.

[2]) Antropologie der Naturvölker, 1859, I, стр. 61 сл., 411 и сл.—«Человѣкъ вовсе не сколокъ или противень съ внѣшней природы, но своеобразная живая точка, совершенно особаго свойства, правда, принимающая извнѣ бездну впечатлѣній, но ужь, конечно, не для того, чтобы отразить ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ ею приняты, но съ тѣмъ, чтобы въ силу своей собственной природы, побуждаться ими къ такимъ воздѣйствіямъ и развитіямъ, которыхъ объяснительная причина лежитъ въ ней самой, а отнюдь не во внѣшности». Лотце, II, 433.

или европейца вообще съ питающимся рисомъ индусомъ и яванцемъ, или съ китайцемъ, который очень мало потребляетъ мяса, то можно подумать, что животная пища по преимуществу ведетъ къ болѣе сильному развитію духа и характера. Но иной видъ получитъ дѣло, если обратимся къ болѣе широкимъ сравненіямъ. Готтентотты и кафры, которые, какъ и жители холодныхъ странъ, любятъ питаться саломъ и жиромъ, чрезвычайно различны между собой по отношенію къ живости духа и характера. Духовная лѣность, мирный образъ жизни, добродушіе и отсутствіе подозрительности суть выдающіяся свойства готтентоттовъ, тогда какъ кафры, ведущіе съ ними одинъ и тотъ же пастушескій образъ жизни, воинственны. Подобно готтентотамъ, буряты и другіе сибирскіе кочевые народы малы ростомъ и слабы при исключительно животной пищѣ. Наоборотъ, большая часть обитателей южныхъ острововъ питаются почти исключительно растительной пищей и рыбой, хотя съ удовольствіемъ поѣдаютъ и жиръ; они отличаются бодростью, прекрасно одарены умственно и многія изъ нихъ въ высокой степени воинственны. Жители островов Фиджи, самые дикіе изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе одаренные, питаются почти исключительно растительной пищей“ [1]).

Еще менѣе можно выводить особенности государственныхъ учрежденій изъ свойствъ страны. Республики и деспотіи встрѣчаются подъ всякими широтами. Аѳины и Спарта развивались при одинакихъ условіяхъ природы, а общественный бытъ ихъ былъ очень различенъ. Если московское государство есть созданіе великороссійскаго духа, сложившагося подъ вліяніемъ сравнительно суровой природы, а малоросы, жившіе при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, оказались, поэтому, неспособными создать крѣпкое политическое цѣлое, то почему же еще болѣе благодатная природа Италіи не помѣшала римлянамъ создать всемірное государство? Если географическое очертаніе предназначило Италію образовать единое государство, то почему же тоже географическое очертаніе не остановило ея раздробленности въ средніе вѣка? Особенности историческихъ судебъ Рима, которыми онъ такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ, никакъ нельзя вывести изъ особенностей природы Апенинскаго полуострова, которыя нисколько неисключительны. Природныя условія обширной равнины, занимаемой русскимъ народомъ, и въ настоящее время почти тѣ же, что были при возникновеніи первыхъ нашихъ княженій, и будетъ совершенно напрасно выводить

[1]) Waitz, тамъ же, стр. 66.

прямо изъ нихъ все то разнообразіе явленій общественнаго быта, которое можно наблюдать на пространствѣ нашей тысячелѣтней исторіи [1]).

А съ другой стороны, у народовъ, живущихъ при самыхъ разнообразныхъ физическихъ условіяхъ, встрѣчаемъ одинакія явленія общественнаго быта. Древній житель сѣверо-восточной европейской равнины также знакомъ съ местью, какъ и житель Аравіи. Приниженное состояніе рабочаго въ Индіи, выводимое Боклемъ изъ химическихъ свойствъ и дешевизны пищи, обусловленныхъ жаркимъ климатомъ и плодородіемъ почвы, очень близко къ состоянію рабочаго въ нашихъ поморскихъ уѣздахъ, физическія условія которыхъ ничего не имѣли общаго съ условіями Индіи. Въ поморскихъ уѣздахъ мы также встрѣчаемся съ половниками, которые отдавали землевладѣльцу не только половину урожая, но несли еще въ его пользу разнообразныя службы подводами и другими натуральными повинностями [2]). Повинности нашихъ половниковъ, слѣдовательно, не легче повинностей индійскихъ рабочихъ, а удовлетвореніе первыхъ нуждъ существованія требовало отъ нихъ гораздо большихъ трудовъ и издержекъ, чѣмъ было необходимо въ Индіи. Кромѣ пищи, добываемой сравнительно тяжолымъ трудомъ, они нуждались еще въ теплой одеждѣ и тепломъ жилищѣ. Положеніе ихъ, значитъ, было гораздо хуже положенія ихъ индійскихъ собратій, а заработная плата нисколько не выше, а скорѣе ниже. Законъ Бокля, относительно вліянія климата на заработную плату, оказывается, такимъ образомъ, слишкомъ поспѣшно выведеннымъ.

Вышеприведенная дедуктивная и индуктивная аргументація

---

[1]) Вліяніе природы имѣетъ относительное, а вовсе не безусловное значеніе. Эта мысль хорошо доказана Вайцемъ, I, 412 сл.—Спенсеръ, останавливаясь на рельефѣ страны и его вліяніи на жизнь человѣка, приходитъ къ мысли, что, при другихъ равныхъ, мѣстности, отличающіяся сравнительнымъ однообразіемъ, неблагопріятны для общественнаго прогресса. «Области, говоритъ онъ, подобныя русскимъ степямъ, хотя и годныя, можетъ быть, для перенесенія въ нихъ цивилизацій, развившихся въ другихъ мѣстахъ, не суть такія области, которыя представляли бы какую-либо вѣроятность для зарожденія и развитія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи; ибо дифференцирующія вліянія здѣсь слишкомъ недостаточны». А нѣсколько строкъ далѣе онъ принужденъ самъ признать, что долина Нила и обиталища вавилонянъ и ассиріянъ, гдѣ возникла древнѣйшая культура, были неособенно разнообразны и превосходили въ этомъ отношеніи только окружающія ихъ безводныя степи! Вмѣстѣ съ этимъ признаніемъ теряетъ, конечно, всякое значеніе и силу и то его положеніе, по которому области, подобныя русскимъ степямъ, не способны для зарожденія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи.

[2]) Свѣдѣнія о повинностяхъ половниковъ можно найдти въ наказахъ, привезенныхъ депутатами екатерининской законодательной коммиссіи.

Спенсера разрушена имъ самимъ въ послѣдней изъ выписанныхъ нами у него фразъ, въ которой онъ говоритъ, что побѣдныя расы стараго свѣта вышли изъ полосы бездождія или *съ ея окраинъ*. Окраины полосы бездождія отличаются уже иными условіями влажности, чѣмъ самая полоса, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, одинакія послѣдствія вызываются не одной и той же, а разными причинами.

Если характеръ народа и существующія у него учрежденія не составляютъ простаго слѣдствія физическихъ условій населяемой имъ страны, то тѣмъ менѣе есть основаній присоединиться къ мнѣнію академика Бэра о томъ, что всемірная исторія предопредѣлена физическими свойствами земли. О предопредѣленіи исторіи физическими условіями нашей планеты можно говорить развѣ только въ томъ смыслѣ, что ими напередъ предустановлены границы распространенія исторической жизни. Но самые факты исторіи и ихъ послѣдовательность никакъ еще не даны этими условіями. Даже можно утверждать болѣе: подъ вліяніемъ разумной природы человѣка и самыя первоначальныя границы мѣста дѣйствія исторіи могутъ быть расширены созданіемъ искусственныхъ путей сообщенія, осушеніемъ болотъ, воздѣлываніемъ безплодныхъ мѣстностей и т. д. Физическія условія страны могутъ быть до такой степени измѣнены, что сдѣлаются, съ теченіемъ времени, неузнаваемыми [1]). Физическія свойства земли не предопредѣляютъ окончательно и безповоротно даже внѣшнихъ условій и границъ распространенія исторической жизни.

При всей неразработанности вопроса объ относительномъ значеніи разныхъ факторовъ, вліяющихъ на историческое развитіе народовъ, надо, однако, признать, что природныя условія страны суть тотъ факторъ, вліяніе котораго съ наибольшею силою обнаруживается только на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія и затѣмъ идетъ ослабляясь съ каждымъ новымъ успѣхомъ человѣческой культуры. Исторія человѣка есть исторія побѣдъ его надъ природою, а не предопредѣленной отъ нея зависимости.

Историческая наука, прежде чѣмъ пришла къ сознанію дѣйствія общихъ законовъ, управляющихъ ходомъ исторіи, долгое время останавливалась едва ли не исключительно на явленіяхъ случая и личной воли человѣка. Иначе и быть не могло. Дѣйствіе воли и случая ежедневно и непосредственно поражаютъ глазъ наблюдателя и

---

[1]) Преобразующее вліяніе человѣка на природу земли признаетъ и Бэръ, хотя едва ли существуетъ строгая послѣдовательность между набросанной имъ (231 стр.) мастерской картиной побѣдъ человѣка надъ природой и основнымъ его взглядомъ.

приковываютъ къ себѣ его вниманіе. Только наблюденіе историческихъ явленій въ большіе промежутки времени и у разныхъ народовъ могло привести къ убѣжденію, что за случаемъ и личной волей, которымъ принадлежитъ весьма значительная роль, таится дѣйствіе общихъ законовъ, независящихъ ни отъ случая, ни отъ воли. Такой переворотъ воззрѣній сдѣлался возможенъ благодаря сравнительной разработкѣ исторіи и антропологіи.

II.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МЕТОДА.

Услуги, оказанныя сравнительной методой филологіи, а вслѣдъ за тѣмъ и миѳологіи, навели и историковъ народнаго быта и права на мысль также обратиться къ сравненіямъ. Опыты сравненія въ послѣднее время начинаютъ встрѣчаться все чаще и чаще въ трудахъ по исторіи права какъ западно-европейскихъ ученыхъ, такъ и нашихъ отечественныхъ. Сравненія сдѣлались даже какъ бы обязанностью всякаго изслѣдователя, отступленіе отъ которой навлекаетъ на него упрекъ въ отсталости. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изслѣдователи, прибѣгающіе къ сравненіямъ, берутъ на себя трудъ выяснить, въ чемъ состоитъ этотъ новый пріемъ, къ чему онъ ведетъ и въ какихъ случаяхъ къ нему должно обращаться, хотя по новости дѣла разъясненіе этихъ вопросовъ и представляется существенно необходимымъ. Тѣмъ большую благодарность вызываетъ попытка Фримана указать на особенности этого пріема, разъяснить характеристическія различія между сравненіями въ филологіи и сравненіями при изученіи явленій народнаго быта и политическихъ учрежденій и, наконецъ, опредѣлить тѣ конечныя цѣли, къ которымъ могутъ вести сравненія [1]).

Мы уже выше замѣтили, что, при всемъ видимомъ разнообразіи условій, въ исторіи самыхъ удаленныхъ одинъ отъ другаго народовъ замѣчаются поразительныя сходства. Гдѣ причина этихъ сходствъ?

Фриманъ, останавливаясь на этомъ вопросѣ, приходитъ къ тремъ возможнымъ причинамъ сходныхъ явленій быта народовъ.

Сходства могутъ быть, во первыхъ, результатомъ прямой пере-

---

[1]) Comparative politics, стр. 1—37.

дачи (direct transmission) учрежденій одного народа другому. Подъ это понятіе передачи онъ подводитъ какъ разнаго вида заимствованія учрежденій одного народа другимъ, такъ и переносъ учрежденій извѣстной страны въ ея колоніи и вообще въ другія мѣстности вмѣстѣ съ переходомъ туда части ея населенія. Какъ на примѣръ послѣдняго онъ указываетъ на водвореніе крестоносцами системы феодальныхъ учрежденій въ завоеванныхъ ими областяхъ малой Азіи (24 сл.).

Второй источникъ сходствъ заключается въ дѣйствіи одинакихъ причинъ, которыя всегда приводятъ къ одинакимъ послѣдствіямъ (30 сл.).

Наконецъ, Фриманъ различаетъ и третью причину сходствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и третью категорію сходныхъ явленій: эта категорія обязана своимъ сходствомъ происхожденію народовъ отъ одного общаго корня (34 сл.).

Явленія этой третьей категоріи и составляютъ „непосредственный предметъ“ его изслѣдованія. Приступая въ слѣдующихъ главахъ своего труда къ сравненію древнѣйшихъ государственныхъ учрежденій грековъ, римлянъ и германцевъ, Фриманъ приходитъ къ убѣжденію, что замѣчаемыя между ними сходства должны быть объясняемы единствомъ происхожденія этихъ народовъ. Это общее ихъ наслѣдство, которое они получили отъ той доисторической эпохи, когда они всѣ составляли еще одинъ народъ и жили вмѣстѣ (60—67, 76 и др.).

Къ этому выводу авторъ пришелъ не безъ значительной доли колебанія. Задумываясь надъ вопросомъ о томъ, чему приписать эти сходства, дѣйствію одинакихъ причинъ, или единству происхожденія, онъ говоритъ: „Я не рѣшаюсь высказаться догматически въ пользу того или другаго мнѣнія. Я не думаю, чтобы настало уже время, когда можно безошибочно сдѣлать выборъ между ними. Въ изслѣдованіи, которое только что зарождается, безопаснѣе намѣчать такіе случаи для дальнѣйшихъ изысканій и оставить полное ихъ объясненіе будущему. При настоящемъ запасѣ знаній благоразумнѣе собирать всевозможные случаи и классифицировать ихъ, насколько это возможно, но не должно спѣшить съ классификаціей и падать духомъ, если окажутся такіе случаи, которые не войдутъ въ нашу классификацію“ (59—61). И нѣсколько страницъ далѣе, гдѣ авторъ формулируетъ свой взглядъ, онъ говоритъ о немъ скорѣе въ смыслѣ наиболѣе вѣроятнаго предположенія, чѣмъ совершенно доказаннаго научнаго вывода (67).

Очевидная въ приведенныхъ словахъ и въ самомъ выводѣ нерѣшительность да послужить намъ оправданіемъ, если мы позволимъ себѣ провѣрить предположеніе, сдѣланное человѣкомъ столь глубокой эрудиціи и столь осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ, какъ Фриманъ.

Въ чемъ заключается разница между явленіями первой и третьей категоріи?

На первый взглядъ онѣ представляются совершенно сходными, это не двѣ разныхъ категоріи, а одна и таже. Если филологія констатировала, что греки, римляне и германцы одного происхожденія, отсюда слѣдуетъ, что, отдѣляясь изъ общаго имъ корня, они унесли съ собой не только общій языкъ и вѣрованія, но и тѣ общественныя и семейныя учрежденія, которыя имъ были свойственны. Это такая же прямая передача учрежденій, какъ и переносъ крестоносцами всей феодальной системы на востокъ, примѣръ, приводимый самимъ Фриманомъ для поясненія явленій первой категоріи.

Что же побуждаетъ его выдѣлить эту третью категорію, какъ особенную, отличную отъ первой?

Между отдѣленіемъ грековъ, римлянъ и германцевъ отъ общаго корня и тѣмъ моментомъ, когда бытъ этихъ народовъ, уже на новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія, сдѣлался доступенъ наблюденію историковъ, прошло значительное время, продолжительность котораго никому неизвѣстна. Въ теченіи этого времени помянутые народы переходили съ мѣста на мѣсто и, по всей вѣроятности, находились въ условіяхъ не похожихъ на тѣ, въ которыхъ они были до выдѣленія. Трудно думать, чтобы наблюдаемыя у нихъ учрежденія были совершенно тожественны съ тѣми, которыя они имѣли до отдѣленія отъ общаго корня. Учрежденія остаются неизмѣнными не столько потому, что они разъ достались отъ предковъ, сколько въ силу того, что они продолжаютъ соотвѣтствовать всей совокупности явленій окружающей среды. Если даже мы и допустимъ, что разсматриваемые народы отдѣлились отъ общаго корня съ одинакими учрежденіями (что также сомнительно въ виду разновременности этого отдѣленія), все же рядомъ съ этимъ надо допустить и то, что эти учрежденія должны были болѣе или менѣе измѣниться подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ условій, въ соприкосновеніи съ которыми эти народы находились въ своемъ долгомъ странствованіи. Учрежденія, наблюдаемыя Фриманомъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, появились [не] какъ неприкосновенное наслѣдство, полученное отъ предковъ, а [в]идоизмѣненное. Въ нихъ могутъ быть открыты черты древнѣй-

шаго, до европейскаго быта, но должны быть и новыя. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о полномъ сохраненіи учрежденій родины, какъ это было съ крестоносцами въ святой землѣ, и по самымъ свойствамъ этихъ первоначальныхъ учрежденій. Феодальная система была уже достаточно выработана до крестовыхъ походовъ, она задолго передъ тѣмъ вышла изъ состоянія первоначальной шаткости и неопредѣленности и была уже закрѣплена въ твердую форму опредѣленныхъ правилъ, что и дало возможность крестоносцамъ составить въ своихъ новыхъ владѣніяхъ наиболѣе полный сводъ феодальнаго права, какой только существуетъ. Невозможно допустить, чтобы тотъ первоначальный общественный бытъ, въ которомъ находились индоевропейскіе народы до ихъ раздѣленія, выработался уже тогда до степени опредѣленныхъ правилъ. Это было скорѣе состояніе неустойчиваго факта, постоянно видоизмѣняющагося, чѣмъ опредѣленнаго права, состояніе, которое могло заключать въ себѣ зародыши всѣхъ возможныхъ формъ государственнаго устройства, строго не соотвѣтствуя ни одной изъ нихъ. Для того, чтобы изъ этихъ зачатковъ выработалась та или другая опредѣленная форма, нужно было, чтобы привзошло многое новое, чего въ этомъ первоначальномъ строѣ общества еще не было. Такой неустоявшійся бытъ, при встрѣчѣ съ новыми условіями, можетъ легче измѣняться, чѣмъ бытъ болѣе выработанный.

Эта разница, надо думать, и заставила Фримана выдѣлить разсматриваемые случаи въ отдѣльную группу. Въ нихъ можетъ быть нѣчто старое, условливаемое единствомъ происхожденія, но должно быть и нѣчто новое, хотя и возникшее на старой почвѣ, но благодаря новымъ причинамъ и условіямъ. Вотъ почему, характеризуя эту третью группу, Фриманъ говоритъ не только о „слѣдахъ“ (traces) стараго, но и о дальнѣйшемъ развитіи (developements) этого стараго. Но въ этомъ видѣ эта третья группа не что нибудь совершенно отличное отъ первой, а только ея модификація: мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ наслѣдованными учрежденіями (переданными), но и съ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ въ болѣе опредѣленныя политическія формы.

Но будетъ ли вѣрно всѣ сходства этой третьей группы объяснять единствомъ происхожденія, общимъ наслѣдствомъ, какъ это дѣлаетъ Фриманъ? Пока дѣло идетъ объ общихъ слѣдахъ древняго быта, это объясненіе совершенно вѣрно; но если мы остановимся не на слѣдахъ стараго, а на дальнѣйшемъ его развитіи, то здѣсь рѣшающимъ началомъ будетъ уже не наслѣдство, а то, что наслѣдо-

ванныя учрежденія, подъ вліяніемъ новой обстановки, развились въ новое похожее цѣлое, т. е. въ дѣйствіи общихъ причинъ, приведшихъ къ сходнымъ результатамъ.

И такъ, этотъ третій случай не есть простой новый, а сложный изъ двухъ первыхъ и долженъ быть, конечно, разложенъ на свои составные элементы: сходные слѣды стараго должны быть отнесены къ передачѣ (первый случай), развитіе же этого стараго въ новое, но опять сходное, должно быть объясняемо дѣйствіемъ общихъ причинъ (второй случай).

Выдѣлить общіе остатки древняго быта изъ сходныхъ видоизмѣненій его, происшедшихъ подъ вліяніемъ дѣйствія одинакихъ причинъ, дѣло величайшей трудности. Этотъ древній, до-европейскій бытъ неизвѣстенъ, заключенія о немъ приходится дѣлать по указаніямъ позднѣйшаго времени. Позднѣйшее же время представляетъ рядомъ сходства, причина которыхъ можетъ быть различна. Какъ же различить ихъ? Единственный путь, сколько нибудь возможный для различенія причины этихъ сходствъ, могутъ дать только указанія филологіи. Если сходныя учрежденія носятъ одинакія наименованія, эти учрежденія съ полною достовѣрностью можно считать остатками до-европейской старины, въ противномъ случаѣ скорѣе надо объяснять ихъ дѣйствіемъ общихъ причинъ, чѣмъ передачей [1]).

Самъ Фриманъ признаетъ, что тѣ сходства быта, которыя онъ нашелъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, и образцовое изслѣдованіе которыхъ онъ даетъ въ своей книгѣ, не исключительны (65), что они встрѣчаются и у другихъ народовъ, напримѣръ семитическаго племени (60). Указываемыя имъ сходства и многія другія, относящіяся къ области гражданскаго и уголовнаго права, которыхъ онъ не касается, дѣйствительно встрѣчаются у многихъ народовъ, о племенномъ родствѣ которыхъ съ арійцами и рѣчи нѣтъ [2]). Это чрез-

---

[1]) Необходимость содѣйствія филологіи въ этомъ случаѣ вполнѣ признается Фриманомъ. Но для признанія того или другаго сходства наслѣдованнымъ, онъ считаетъ уже достаточнымъ, если слова, обозначающія сходныя учрежденія, происходятъ отъ общаго корня, или даже если они по смыслу совершенно вѣрно переводятъ одно другое (61 сл., 67 сл.). Это едва-ли вѣрный путь. Нельзя отрицать, что учрежденіе могло возникнуть прежде, чѣмъ выработалось опредѣленное техническое выраженіе для его обозначенія. Но при отсутствіи такого выраженія, общаго всѣмъ родственнымъ народамъ, имѣющимъ сходное учрежденіе, всѣ заключенія о томъ, что это учрежденіе принадлежитъ эпохѣ, предшествовавшей раздѣленію индоевропейскихъ народовъ, будутъ только предположеніемъ.

[2]) Общія съ греками, римлянами и германцами черты политическаго и семейнаго быта въ томъ видѣ, какъ ихъ обобщаетъ Фриманъ, можно найдти даже у негровъ. См. Waitz, Antropologie der Naturvölker, II, стр. 126—167, 391 сл., 468 и др.

вычайно важное указаніе въ пользу того, что изучаемыя Фриманомъ сходства могли возникнуть и помимо единства происхожденія, въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, всегда и вездѣ ведущихъ къ одинакимъ послѣдствіямъ.

Фриманъ какъ бы чувствовалъ слабость своего мнѣнія съ этой стороны, а потому и высказываетъ въ видѣ предположенія мысль, что можетъ существовать общее наслѣдство не только для арійцевъ и семитовъ вмѣстѣ, но и для всего человѣчества (60, 65). Эта догадка, пока сравнительное языкознаніе, единственная наука, которая можетъ браться за рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, не сказало своего слова, нисколько не помогаетъ дѣлу. Сходства въ народномъ бытѣ, правѣ и учрежденіяхъ, какъ бы ни были они обширны, всѣ такого рода, что всегда могутъ быть объясняемы дѣйствіемъ одинакихъ причинъ. Только сходства въ языкѣ не всегда допускаютъ такое объясненіе, а потому одной сравнительной филологіи и должно принадлежать рѣшеніе вопросовъ о племенномъ родствѣ народовъ и общемъ ихъ доисторическомъ наслѣдствѣ.

Возвращаясь къ выше поставленному вопросу, мы должны дать на него такой отвѣтъ: сходства могутъ быть объясняемы двумя причинами: 1) передачей, куда будутъ относиться какъ разные виды заимствованій, такъ и переносъ родныхъ учрежденій въ новыя страны вмѣстѣ съ переселеніемъ части народа, и 2) дѣйствіемъ одинакихъ причинъ.

Самый фактъ сходства еще не указываетъ на свою причину. Для ея раскрытія необходимы особыя историческія изслѣдованія, съ цѣлью уясненія взаимныхъ отношеній народовъ, въ учрежденіяхъ которыхъ есть сходства, и возможнаго вліянія ихъ одного на другой. Всякій разъ, когда нельзя будетъ доказать передачи, въ той или другой формѣ, надо будетъ приписывать сходства дѣйствію общихъ причинъ.

Сходства послѣдняго рода имѣютъ особенно важное значеніе для исторіи. Ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ существованіи общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ, какъ наблюденія сходныхъ явленій у народовъ, которые развивались безъ малѣйшаго вліянія другъ на друга. Въ виду такихъ сходствъ съ необходимостью возникаетъ мысль о томъ, что ходъ исторіи не есть дѣло человѣческаго каприза, а условливается потребностями человѣческой природы, которая вездѣ едина и вездѣ, при другихъ равныхъ, приводитъ къ одинакимъ послѣдствіямъ. Сравнительное изученіе исторіи становится вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіемъ

природы человѣка и ея потребностей. Кто рѣшится говорить о случайности извѣстнаго учрежденія, кто будетъ питать надежду на легкую его отмѣну, когда сравнительная метода покажетъ, что это учрежденіе обще не однимъ только народамъ индоевропейскаго племени, но встрѣчается и у многихъ другихъ самаго разнообразнаго происхожденія. Можно питать какія угодно пламенныя надежды на улучшеніе человѣческаго быта, но только тѣ изъ нихъ могутъ разсчитывать на успѣхъ, которыя имѣютъ основаніе въ природѣ человѣка. Свойства же этой природы именно раскрываются сравнительнымъ изученіемъ исторіи.

Сравненія, въ разсматриваемомъ смыслѣ, имѣютъ дѣло со сходствами. Это сравненія сходствъ въ институтахъ однородныхъ. Несходства входятъ въ область сравненія только тогда, когда это частныя несходства явленій вообще сходныхъ. Такія несходства раскрываютъ разнообразныя модификаціи, которымъ можетъ подвергаться человѣческая природа подъ вліяніемъ различія условій, и слѣдовательно какъ бы степень растяжимости человѣческой природы.

Чѣмъ шире область сравненій, тѣмъ тверже добываемые имъ результаты. Нѣтъ, поэтому, необходимости ограничивать сравненія только родственными племенами, для исторіи русскаго права, напримѣръ, племенами славянскими, для нѣмецкаго — германскими. Сравнительную методу, въ этомъ смыслѣ, не должно смѣшивать съ опытами обработки такъ называемаго общегерманскаго права. Объ общегерманскомъ правѣ говорятъ потому, что германскія племена жили нѣкоторое время общей политической жизнью и имѣли общіе источники права. Существованіе общихъ источниковъ права условливаетъ и существованіе общаго права. Сравнительная метода имѣетъ совсѣмъ другую цѣль: она не даетъ общаго права, а указываетъ только на сходства въ духѣ права, которыя могутъ идти рука объ руку съ значительными различіями догмы и совершеннымъ отсутствіемъ общихъ источниковъ. Нормы права, опредѣляющія, напримѣръ, семейное положеніе женщины, могутъ быть очень различны у славянъ, германцевъ и, положимъ, у негровъ; но сравнительно приниженное положеніе женщины можетъ одинаково составлять характеристическую черту права всѣхъ этихъ народовъ. Общаго права у этихъ народовъ нѣтъ, но сходства въ правѣ будутъ. Эти-то сходства, даже при значительномъ различіи догмы права, и имѣетъ раскрыть сравнительная метода.

Преимущественное сличеніе быта родственныхъ племенъ можетъ имѣть свое самостоятельное значеніе только въ томъ случаѣ, когда исторія права этихъ племенъ представляетъ какія либо особенности,

имъ однимъ свойственныя. Но тутъ нужна большая осмотрительность, чтобы не отнести къ отличительнымъ особенностямъ этихъ племенъ такихъ признаковъ, которые свойственны и другимъ, съ ними не родственнымъ, и составляютъ, такимъ образомъ, общечеловѣческое достояніе. Сравнительной методѣ мы именно обязаны очищеніемъ науки отъ такихъ узкихъ выводовъ. Многія черты быта, которыя первоначально выводились изъ свойствъ даннаго народа въ отличіе его отъ другихъ, въ дѣйствительности оказались свойственными самымъ разнообразнымъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Такая участь постигла ученіе о родовомъ бытѣ и ученіе объ общинѣ, какъ отличительныхъ чертахъ древне-русскаго быта, ученіе о кровной мести и феодализмѣ, какъ отличительныхъ чертахъ быта германскихъ народовъ, и пр. Только самое широкое примѣненіе сравнительной методы можетъ предохранить изслѣдователя отъ такихъ одностороннихъ выводовъ, а потому требованіе методы состоитъ въ возможно большемъ расширеніи области сравненій, а не въ ограниченіи ихъ одними родственными племенами.

Примѣненіе сравнительной методы предполагаетъ, что сравниваемыя явленія уже выяснены въ своихъ признакахъ. Сравненіе, слѣдовательно, не есть способъ обработки даннаго положительнаго права. Всякое положительное право можетъ быть обрабатываемо только на основаніи его собственныхъ источниковъ. Чего не даютъ эти источники, то не можетъ быть пополнено сравненіемъ. Сравнительная метода не въ силахъ прибавить къ системѣ даннаго историческаго права ни одного новаго факта. Она можетъ только пролить новый свѣтъ на существующіе и навести на объясненіе неяснаго, несовершенно доказаннаго въ источникахъ свидѣтельства. Сравнительная метода можетъ обнаружить, что учрежденіе, получившее у одного народа полное свое развитіе, встрѣчается въ исторіи другаго только въ зародышномъ состояніи, изъ котораго ему и не пришлось выдти по отсутствію благопріятныхъ для того условій. Та же метода можетъ привести къ открытію такъ называемыхъ переживаній, т. е. обломковъ нѣкогда господствовавшихъ институтовъ, которые вытѣснены другими новѣйшими, но оставили послѣ себя нѣкоторые слѣды, настоящій смыслъ которыхъ можетъ быть понятъ только при сличеніи ихъ съ этимъ древнѣйшимъ состояніемъ. Источники каждаго права могутъ заключать въ себѣ слишкомъ краткія указанія на бытіе какого либо института, изъ которыхъ трудно составить опредѣленное о немъ представленіе. Таковы, напримѣръ, указанія нашихъ источниковъ на „помочь“ въ судѣ. Сближеніе этихъ краткихъ указаній съ свидѣтель-

ствами германскаго права о „соприсяжникахъ“ можетъ пролить свѣтъ на нашихъ „пособниковъ“. Но при такомъ пользованіи методой сравненія нужна большая осторожность. Указанія германскаго права могутъ быть только въ томъ случаѣ приняты, если все состояніе нашего права допускаетъ возможность института въ родѣ германскихъ соприсяжниковъ. Но если бы отечественные источники ни словомъ не намекали на соприсяжниковъ, мы не имѣли бы права говорить о нихъ, хотя бы это учрежденіе существовало во всѣхъ возможныхъ законодательствахъ.

Сравнительная метода, по существу своему, находится внѣ предѣловъ обработки даннаго положительнаго права. Она не сопутствуетъ ей, а только слѣдуетъ за нею. Она можетъ только пролить нѣкоторый свѣтъ на то, что не совершенно ясно, и то въ весьма общихъ чертахъ, но никогда не въ состояніи помочь намъ возстановить подробности института, о которыхъ молчатъ наши источники.

III.

НАЧАЛО НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

Существуетъ мнѣніе, по которому развитіе права каждаго народа должно быть исключительно національное. Правильное установленіе начала національности въ исторіи требуетъ анализа этого понятія [1]).

Подъ національностью разумѣютъ иногда совокупность свойствъ, искони заложенныхъ въ народный духъ и долженствующихъ навсегда отличать данный народъ отъ всѣхъ другихъ. Въ такомъ предположеніи искони данныхъ и навсегда неизмѣнныхъ народныхъ свойствъ, имѣющихъ постоянно проявляться въ исторіи народа, едва ли есть необходимость. Ни кто не будетъ отрицать того факта, что каждый народъ отличается отъ другихъ нѣкоторой суммой свой-

---

[1]) Вопросъ о національности въ исторіи, поднятый въ извѣстномъ спорѣ славянофиловъ съ западниками, продолжаетъ и теперь привлекать къ себѣ вниманіе нашей литературы. Изъ сочиненій послѣдняго времени укажемъ на два труда, сопоставленіе которыхъ особенно любопытно потому, что авторы ихъ смотрятъ на дѣло съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія: А. Н. Пыпинъ, Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, 1865; А. Д. Градовскій, Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ, 1873. Критику воззрѣній перваго автора даетъ О. Ѳ. Миллеръ: Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни, въ сборникѣ его статей: Славянство и Европа, 1877.

ственныхъ ему признаковъ. Но эти признаки не остаются неизмѣнными въ его исторіи; съ поступательнымъ ея движеніемъ они сами мѣняются. Для объясненія появленія этихъ признаковъ нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію, что они изначала заложены въ его духъ. Возникновеніе ихъ легко можетъ быть объяснено различіемъ условій, въ которыхъ находятся разные народы. Если бы изначала всѣ народы были одарены и совершенно одинакими свойствами, то и въ этомъ случаѣ, живя въ разныхъ условіяхъ, (а эти условія никогда не тожественны), они непремѣнно проявили бы нѣкоторыя несходныя особенности быта. Единство происхожденія семьи индоевропейскихъ народовъ есть твердо установленный фактъ науки. Въ этой группѣ народовъ, слѣдовательно, всѣ національныя различія не только могутъ, но и должны быть объясняемы различіемъ историческихъ условій, а никакъ не искони прирожденными и навсегда неизмѣнными свойствами.

Такое объясненіе національныхъ различій историческими причинами вовсе не устраняетъ вопроса о народности въ правѣ, а только вводитъ его въ его естественные предѣлы. Находясь въ своихъ особыхъ историческихъ условіяхъ, каждый народъ можетъ выработать свои черты быта и свою систему права. Національное право будетъ, слѣдовательно, право не заимствованное у другихъ, а развившееся самостоятельно изъ столкновенія данныхъ внѣшнихъ условій съ природою человѣка.

Національное право, въ этомъ смыслѣ, не непремѣнно исключительно во всѣхъ своихъ особенностяхъ. Многія изъ нихъ могутъ встрѣтиться и у другихъ народовъ. Цѣли человѣческаго общежитія всегда одинаковы, внѣшнія условія, въ которыхъ эти цѣли приходятъ къ своему осуществленію, нигдѣ буквально не повторяясь, все же нерѣдко представляютъ довольно много общаго; вслѣдствіе этого у разныхъ народовъ могутъ встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчаются однѣ и тѣже характеристическія черты быта, которыя одинаково будутъ и здѣсь и тамъ, народными. Исканіе однихъ только исключительно народныхъ особенностей есть уже крайность этого направленія, которая обыкновенно приводитъ къ ненаучнымъ и часто дѣтскимъ выводамъ, въ которыхъ все хорошее приписывается исключительнымъ свойствамъ своего народа, все дурное разсматривается какъ результатъ чуждаго вліянія.

Но и въ этомъ смыслѣ національное право и бытъ далеко не составляютъ удѣлъ каждаго народа. Право могло бы быть вполнѣ національнымъ только въ томъ случаѣ, если бы народы жили совер-

шенно разрозненно, не сталкиваясь съ другими. Такая разрозненность еще можетъ имѣть мѣсто на первыхъ ступеняхъ исторіи человѣчества; но съ дальнѣйшими успѣхами жизни возникаютъ многообразныя столкновенія народовъ другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и путь для чуждыхъ вліяній. Возможность чуждаго вліянія и заимствованій начинается очень рано. Весьма древніе слѣды ихъ замѣчаются уже въ бронзовомъ періодѣ. Большинство этихъ доисторическихъ вліяній внѣ области человѣческаго знанія. Съ успѣхами цивилизаціи чуждыя вліянія становятся чаще и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Исторія не знаетъ ни одного историческаго народа, который не былъ бы чѣмъ нибудь обязанъ другимъ. Даже въ римскомъ правѣ, этомъ геніальномъ созданіи римскаго духа, изслѣдователи указываютъ чуждыя вліянія для древнѣйшаго законодательства XII таблицъ. Франція, такъ много сдѣлавшая для развитія европейской цивилизаціи, начала съ того, что усвоила себѣ всю римскую цивилизацію и даже чуждый кельтамъ латинскій языкъ. Съ XII в. начинается усвоеніе Германіей римскаго права. XIX столѣтіе представляетъ поразительный примѣръ распространенія англійскихъ учрежденій по всему образованному міру. Наше право также не осталось чуждо чужеземныхъ вліяній. Существенныя измѣненія его начинаются уже съ принятіемъ христіанства и съ первымъ знакомствомъ съ памятниками греко-римскаго законодательства. За тѣмъ идетъ татарское вліяніе. Несмотря на то, что Татары осуществляли свое господство издали, изъ-за предѣловъ русскихъ княженій, господство ихъ сильно видоизмѣнило и не только финансовую систему древней Россіи, но и весь государственный бытъ древнихъ княженій. Московское государство съ его правомъ и учрежденіями никакъ не можетъ быть разсматриваемо какъ чисто народное русское созданіе. Оно носитъ на себѣ очевидные слѣды и византійскихъ идей и татарскихъ порядковъ. Съ XVIII вѣка начинается усиленное вліяніе западно-европейскихъ идей, столь осуждаемое любителями нашей допетровской старины.

Таковъ дѣйствительный ходъ исторіи. Едва ли существуетъ одинъ историческій народъ, который представлялъ бы историку только черты своего самостоятельнаго народнаго быта. Историкъ не можетъ вычеркнуть всѣ разнообразные результаты этихъ чуждыхъ вліяній и дать только картину національнаго развитія своего народа, когда оно было въ высочайшей степени смѣшанное.

Но если чуждыя вліянія и весьма обыкновенны въ исторіи, все же историкъ долженъ поставить вопросъ, желательны ли они, или

ихъ слѣдуетъ избѣгать? Если бы особенности государственнаго быта и права извѣстнаго народа были результатомъ прирожденныхъ ему свойствъ, всегда постоянныхъ и неизмѣнныхъ, то на чуждыя вліянія слѣдовало бы смотрѣть какъ на болѣзненные наросты, заглушающіе чистые родники народнаго духа. Но право не есть нѣчто простое, первоначальное, неизмѣнное, непосредственно вытекающее изъ духа народа и вездѣ разное, по различію самаго духа. Оно есть чрезвычайно сложный результатъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ условій — экономическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ и пр., въ которыхъ находится народъ, и измѣняется вмѣстѣ съ ними. Въ формахъ государственнаго быта и права проявляются усилія ума человѣческаго внести твердый порядокъ въ разнообразныя отношенія жизни. При такомъ характерѣ права, заимствованія, если благодаря имъ въ народную жизнь вносится что либо сравнительно лучшее, не могутъ быть осуждены въ принципѣ. Заимствованія болѣе совершенныхъ формъ быта и права, если существо жизненныхъ отношеній допускаетъ ихъ примѣненіе, также полезно, какъ заимствованіе полезныхъ ремеслъ, искусствъ, наукъ, изобрѣтеній.

Общеніе съ другими народами и неизбѣжно условливаемая имъ возможность вліяній и заимствованій выводитъ народы изъ ихъ естественной замкнутости и односторонности на болѣе широкій путь цивилизаціи. Чѣмъ ранѣе начинается такое общеніе, тѣмъ быстрѣе идетъ развитіе народа, и, наоборотъ, чѣмъ уединеннѣе стоитъ народъ, тѣмъ медленнѣе развивается его культура. Если западно-европейскіе народы сдѣлали бо́льшіе успѣхи, чѣмъ мы, это надо объяснять не лучшими природными ихъ свойствами, а болѣе раннимъ и глубокимъ общеніемъ съ народами классическаго міра. Первыя западно-европейскія государства зародились не на новой и дикой почвѣ, а на почвѣ уже обработанной римской культурой.

Эти заимствованія въ болѣе или менѣе значительной степени измѣняютъ исторически сложившійся народный обликъ, внося въ него новыя черты. Но эти новыя черты, въ свою очередь, подвергаются дѣйствію особенностей народности и сами видоизмѣняются подъ ихъ вліяніемъ. Историческая народность не есть постоянная и всегда сама себѣ равная величина. Наука до сихъ поръ не можетъ сказать, въ чемъ именно состоятъ признаки народности [1]). Безспорно только, что внесеніе въ народный бытъ нѣсколькихъ новыхъ особенностей

---

[1]) Единственнымъ наиболѣе постояннымъ признакомъ служитъ языкъ, всѣ остальные крайне измѣнчивы. Но и общій языкъ можетъ, въ силу различія историческихъ условій и отсутствія общенія, раздѣлиться на особыя нарѣчія,

даже и совершенно чуждаго происхожденія, не уничтожаетъ народности. Христіанская религія одинаково ненаціональна для всѣхъ принявшихъ ее европейскихъ народовъ, но у каждаго изъ нихъ она отлилась въ особыя формы, сообразно съ народнымъ характеромъ. Едва ли нужно напоминать, что заимствованные у Англіи судъ присяжныхъ и представительныя учрежденія вездѣ въ заимствовавшихъ странахъ получали свой особый характеръ. Наука, какъ проявленіе дѣятельности человѣческаго ума, вездѣ себѣ равнаго, кажется, должна бы быть совсѣмъ чужда національныхъ различій. Но даже и въ этой области они даютъ себя чувствовать. Историческая, политическая и юридическая литература Франціи, Германіи и Англіи носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды каждой изъ этихъ національностей. Опредѣлить и перечислить ихъ чрезвычайно трудно, но это не говоритъ противъ самаго факта національныхъ особенностей даже въ наукѣ. Всѣ попытки опредѣлить точнымъ образомъ черты національнаго характера разныхъ народовъ весьма шатки, тѣмъ не менѣе эти черты существуютъ, чувствуются каждымъ и не исчезаютъ съ заимствованіями.

Культурное общеніе съ другими народами не должно вызывать никакой враждебности, никакого чувства антагонизма. Все, что у другихъ есть лучшаго, есть достояніе всего человѣчества и должно быть усвоено болѣе молодыми на поприщѣ исторіи народами. Цивилизація всегда есть плодъ соединенныхъ усилій всего человѣчества. Для русскаго народа, позднѣе выступившаго на поприще всемірной исторіи, ничего нѣтъ постыднаго въ томъ, что ему приходится теперь больше брать, чѣмъ давать. Его старшіе братья дѣлали тоже. Истинно національная политика, преслѣдующая пользы своего народа, будетъ состоять не въ ревнивомъ удаленіи отъ всего иноземнаго, а въ заимствованіи полезнаго.

Высказываясь въ принципѣ въ пользу необходимыхъ заимствованій, мы не хотимъ, однако, этимъ сказать, что всякое отдѣльное заимствованіе, когда либо сдѣланное, было хорошо и должно было быть сдѣлано. Поклоненіе совершившемуся факту здѣсь также мало должно имѣть мѣста, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Наша исторія, какъ и всякая другая, представляетъ не мало заимствованій, которыя только отклонили ее съ надлежащаго пути, на который она рано или поздно, а должна выдти. У насъ были тѣ зачатки политической свободы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ

которыя могутъ разойтись такъ далеко, что отрасли одного и того же народа перестанутъ понимать другъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ утратитъ значеніе силы, соединяющей отдѣльныя племена въ одну живую народность.

Европы развились представительныя учрежденія, распространившіяся теперь по всему образованному міру; но у насъ они были подавлены татарскими порядками и византійскими идеями. Вліяніе того же византійскаго права подавило у насъ и ту систему судебныхъ доказательствъ, изъ которой въ Англіи развился судъ присяжныхъ. Въ настоящее царствованіе это учрежденіе было заимствовано нами изъ западной Европы, но уже какъ совершенно чуждое нашему быту. При оцѣнкѣ заимствованій, какъ и вообще хода историческаго развитія, нужно прилагать мѣрку соотвѣтствія этихъ заимствованій съ требованіями человѣческой природы.

Свободное усвоеніе чужаго, въ силу убѣжденія въ его превосходствѣ, не отрицаетъ національности, оно только обогащаетъ ее и нерѣдко тѣмъ, зародыши чего были и у ней самой. Но насильственное введеніе чуждыхъ порядковъ, соединенное съ презрѣніемъ къ своему народному, наноситъ ей величайшій вредъ. Народныя массы никогда не виноваты въ своей отсталости. Они вездѣ и всегда живутъ исподоволь. Хороши или дурны окружающіе ихъ порядки, они дорожатъ ими уже въ силу привычки. Они гордятся ими, какъ созданіемъ своего духа. Вводить новое необходимо съ большою осторожностью, не оскорбляя народнаго духа, не презирая его. Оскорбляя народный духъ неумѣлымъ заимствованіемъ, какъ бы ни было хорошо это заимствованіе само по себѣ, подавляютъ ту силу, которая одна способна творить все великое въ исторіи.

Говоря до сихъ поръ о національности въ исторіи, мы постоянно имѣли въ виду самостоятельное государственное бытіе каждой особой народности. Но не всегда бываетъ такъ въ исторіи, Нерѣдко народности входятъ въ составъ чуждыхъ имъ государствъ, какъ ирландцы въ Англіи, славяне въ Австріи и Турціи, греки и армяне въ Турціи и пр. Ложно понимаемые интересы такого сложнаго политическаго тѣла нерѣдко приводятъ къ подавленію одной народности другою, господствующей. Это подавленіе можетъ повести къ совершенной утратѣ народности. Явленія этого рода встрѣчаются въ исторіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Исторія каждаго государства можетъ представить не одинъ примѣръ такихъ поглощенныхъ и утратившихъ свое самостоятельное бытіе народностей. Но только въ наше время возбужденъ вопросъ о правѣ каждой народности на самостоятельное государственное бытіе [1]).

---

[1]) Мысль о томъ, что государство есть форма народной жизни, высказана еще Пухтою: «Volk und Staat hängen aufs genaueste mit einander zusammen». Encyclopädie, I c. § XI.

Признаніе за каждой народностью права на государственную самостоятельность представляетъ чрезвычайныя трудности. Теоретическое основаніе такого права видятъ, иногда, въ условіяхъ культурнаго развитія каждаго народа. Отправляясь отъ той мысли, что каждая *естественная* народность отличается отъ другихъ особенностями характера и нравственными и умственными способностями, думаютъ, что разнообразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода общечеловѣческой цивилизаціи, и что лишить народъ самостоятельнаго государственнаго бытія значитъ лишить человѣчество возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа.

Если мы и согласимся въ принципѣ съ приведеннымъ мнѣніемъ, практическое осуществленіе его наталкивается на едва ли побѣдимыя затрудненія. Если право на самостоятельное государственное бытіе условливается цѣлями культурнаго развитія каждой народности, въ такомъ случаѣ будетъ совершенно послѣдовательно признать это право за каждой естественной народностью, какъ бы давно она ни утратила своей политической самостоятельности и на какой бы низкой ступени развитія она ни находилась, ибо теоретически нельзя отрицать, что поставленная самостоятельно она можетъ развить какія либо свои особенности и такимъ образомъ внести нѣчто оригинальное въ общечеловѣческую цивилизацію. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы произвести ломку едва ли не всѣхъ современныхъ государствъ, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ можно встрѣтиться съ разноплеменнымъ составомъ. А при этомъ условіи выставленный принципъ не можетъ разсчитывать на какое либо практическое примѣненіе. Осуществленіе его должно встрѣтить соединенный и энергическій отпоръ всѣхъ современныхъ государственныхъ силъ. Но можетъ быть есть какая нибудь граница его примѣненія? Какую бы границу ни указали намъ, она неизбѣжно будетъ отступленіемъ отъ принципа, непослѣдовательностью и, слѣдовательно, подорветъ теоретическое его значеніе. При такой постановкѣ вопроса о самостоятельномъ государственномъ бытіи народностей, выставленный принципъ отходитъ въ область можетъ быть и желательныхъ, но никогда не осуществимыхъ теорій.

Мы думаемъ, однако, что и помимо всякихъ практическихъ соображеній принципъ самостоятельнаго культурнаго развитія каждаго народа не можетъ быть принятъ въ его теоретической безусловности. Развитіе самобытной народной культуры не непремѣнно обезпечивается бытіемъ отдѣльнаго самостоятельнаго государства. Россія всегда была такимъ государствомъ, но самобытностью нашей куль-

туры мы далеко не можемъ гордиться. А съ другой стороны смѣшеніе разныхъ народностей въ одномъ государствѣ есть чрезвычайно часто повторяющійся историческій фактъ и вовсе не враждебный развитію общечеловѣческой культуры. Почти всѣ культурные историческіе народы—плодъ смѣшенія разныхъ народностей, а не одна чистая народность. Греки и римляне восприняли въ свой составъ нѣкоторыя племена даже не индогерманскаго происхожденія. Въ новой исторіи фактъ смѣшенія народностей повторился едва ли не на пространствѣ всей Европы: французы и англичане крайне смѣшаннаго происхожденія, нѣмцы, если не на всемъ пространствѣ Германіи, то въ весьма многихъ пунктахъ приняли въ себя римскіе и славянскіе элементы. Дѣятелями европейской культуры являются такимъ образомъ народы очень смѣшаннаго состава. Въ виду этого распространеннаго факта наука едва ли имѣетъ достаточное основаніе, въ культурныхъ цѣляхъ, выставить принципъ обособленія естественныхъ народностей. Признаніе въ теоріи права каждой народности на самостоятельное государственное бытіе должно усилить рознь и вражду національностей, тогда какъ исторія, къ несомнѣнному благу человѣчества, ведетъ ихъ къ сближенію. Совершенно довольно одного примѣра разнонародной Швейцаріи, чтобы наука признала возможность гармоническаго соединенія разныхъ народовъ въ одномъ политическомъ тѣлѣ. Если въ наше время такое явленіе возможно только какъ счастливое исключеніе, въ будущемъ оно можетъ стать общимъ правиломъ. При крайней трудности размежеванія государствъ по народностямъ, примѣръ Швейцаріи даетъ поучительный выходъ изъ затрудненія.

Замѣчаемое въ наше время стремленіе нѣкоторыхъ народностей выдѣлиться изъ состава иноплеменныхъ имъ государствъ вызвано не условіями культурнаго развитія каждаго народа, а тѣмъ гнетомъ, который испытывали эти народности подъ чуждымъ господствомъ. Этотъ гнетъ и заставилъ ихъ высказаться противъ притѣснителей и поднять оружіе на установленную власть. Національный вопросъ возбужденъ греками, итальянцами и славянами, народами, которые были подавлены неумѣлымъ господствомъ иноплеменной власти. Напротивъ, нѣмцы Эльзаса и Лотарингіи не возбуждали никакого нѣмецкаго національнаго вопроса, они гордились тѣмъ, что стали французами, хотя совершенно рядомъ, только по другую сторону Рейна, развивалась болѣе родственная имъ нѣмецкая культура.

Причины народнаго недовольства грековъ, итальянцевъ и славянъ давно существовали, но почему же только въ наше время это

недовольство „законнымъ“ правительствомъ получило характеръ права, на защиту котораго выступили вѣнценосные государи въ лицѣ короля Сардиніи, императора французовъ и всероссійскаго императора, освободителя славянъ?

Причина этому лежитъ въ измѣнившихся, съ прошлаго вѣка, воззрѣніяхъ на государство. Благодаря просвѣтительной философіи XVIII вѣка государство перестало быть вотчиной государя, народная воля стала однимъ изъ существенныхъ его факторовъ. Вотъ почему народная воля, высказавшаяся противъ предержащей власти, нашла защиту въ вѣнценосцахъ, проникнутыхъ идеями нашего времени.

Національный вопросъ есть вопросъ народной воли. Національная политика есть политика согласная съ этою волею. Съ этой точки зрѣнія національный вопросъ ничего не имѣетъ угрожающаго для разноплеменныхъ государствъ нашего времени, онъ не ведетъ непремѣнно къ ихъ разрушенію. Онъ требуетъ только справедливаго и гармоническаго соединенія разныхъ народностей въ одномъ политическомъ цѣломъ. Разноплеменныя государства осуждены распасться на свои составныя части только въ томъ случаѣ, если окажутся неспособными выработать соотвѣтствующую ихъ составу форму быта. Но при этомъ условіи могутъ распасться и единоплеменныя государства. Англичане утратили же большую часть своихъ американскихъ владѣній, населенныхъ единоплеменнымъ съ ними народомъ.

IV.

ПРОГРЕССЪ.

Существующіе въ наукѣ взгляды на прогрессъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Въ то время какъ одни писатели, выводя начало исторіи изъ состоянія первобытнаго варварства, пророчатъ человѣчеству постоянное движеніе къ улучшенію, обнимающему всѣ сферы его жизни и долженствующему сдѣлать его не только совершеннѣе въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи, но и счастливѣе, другіе ограничиваютъ область прогресса одними только удобствами во внѣшней обстановкѣ жизни, наконецъ, третьи допускаютъ состояніе первобытной невинности и культуры, въ варварскомъ же бытѣ дикарей видятъ результатъ вырожденія и упадка. Этотъ послѣдній взглядъ напоминаетъ наивную вѣру древняго человѣка въ недосягаемыя совершенства первобытнаго золотаго вѣка, отъ котораго

будто бы отправилась исторія, идущая отъ лучшаго къ худшему. Прогрессивное движеніе однимъ ученымъ представляется непрерывнымъ, постояннымъ, равномѣрнымъ и безконечнымъ, другіе, наоборотъ, допускаютъ остановки и случаи попятнаго движенія (регресса) временнаго и какъ совершеннаго вырожденія [1]).

Это разнообразіе воззрѣній на послѣдовательность хода исторіи совершенно понятно. Въ какомъ направленіи совершается историческое движеніе, какъ идетъ оно и къ чему имѣетъ придти, — все это такіе вопросы, разъясненіе которыхъ сдѣлается возможнымъ только тогда, когда будутъ раскрыты управляющіе ходомъ исторіи законы. Полная теорія прогресса есть дѣло будущаго.

При современномъ состояніи историческихъ знаній общимъ правиломъ можно признать только то положеніе, что всякое сравнительно болѣе совершенное состояніе является послѣ предшествовавшаго менѣе совершеннаго, и что движеніе исторіи отправилось отъ состоянія самаго грубаго варварства.

Положеніе это выступаетъ съ полнѣйшею очевидностью въ примѣненіи къ области человѣческихъ знаній. Сравнительно высшая степень успѣховъ ума, въ какой бы то ни было наукѣ, всегда обусловливается предварительно низшимъ ея уровнемъ. Точно также правило это не допускаетъ сомнѣнія въ примѣненіи къ области права и ко внѣшнимъ удобствамъ жизненной обстановки. Всѣ успѣхи, сдѣланные въ области ремеслъ и всякаго рода техническихъ производствъ, также какъ и успѣхи знаній, пріобрѣтены тяжелымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній. Переходъ въ правѣ отъ грубаго преобладанія физической силы къ господству началъ разума совершается на глазахъ исторіи.

Нѣкоторое сомнѣніе идея прогресса, въ указанномъ смыслѣ, возбуждаетъ въ примѣненіи къ области чистыхъ искусствъ. Указываютъ на великія произведенія Гомера, Фидія, Шекспира, которыя до сихъ поръ не только ни кѣмъ не превзойдены, но и не имѣютъ себѣ равныхъ. Но заключать изъ этого, что прогрессъ не имѣетъ мѣста въ области созданій человѣческаго генія, значитъ давать неправильный оборотъ вопросу. Произденія геніевъ возникаютъ не на дикой почвѣ, они также имѣли свою исторію, которою и были подготовлены. Если великіе образцы прошлыхъ вѣковъ до сихъ поръ не были превзойдены, это можетъ вести лишь къ заключенію, что улучшенія не продолжаются здѣсь непрерывно и постоянно.

[1]) Разнообразные взгляды на прогрессъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей приведены и разобраны въ превосходномъ сочиненіи Флинта, на которое мы уже не разъ ссылались.

Еще большія сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ о примѣненіи идеи прогресса къ самой природѣ человѣка, къ возможности улучшенія ея въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи. Бокль сомнѣвается, чтобы внутреннія силы человѣческаго ума возрастали въ исторіи. Прогрессъ же въ области нравственности онъ положительно отрицаетъ. По его мнѣнію нравственныя истины не мѣняются (I. 163). Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Тѣ нравственныя начала, которыя Бокль приводитъ какъ неизмѣнныя [1]), не суть первоначальныя и свойственныя человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Первоначальная нравственность была чисто семейная, крайне узкая и далеко не проникнутая идеею справедливости [2]). Нравственныя обязанности существовали только по отношенію къ членамъ своей семьи. Любили и берегли только ихъ. Всякій чужой, не членъ своей семьи, разсматривался какъ врагъ [3]). Съ этой первоначальной, крайне узкой ступени своей, нравственность идетъ развиваясь. Начала нравственной любви выходятъ за предѣлы семьи и разливаются на все племя, затѣмъ — на весь народъ, а съ христіанствомъ — и на всѣ народы. Нравственныя обязанности къ ближнему не ограничиваются теперь ни различіемъ сословій, ни народностей. Но и по настоящее время христіанская нравственность не можетъ быть разсматриваема, какъ вошедшая въ плоть и кровь христіанскихъ народовъ. Для измѣненія прежнихъ эгоистическихъ и грубыхъ понятій многое еще остается сдѣлать.

Но возрастаніе самыхъ силъ человѣческаго ума съ движеніемъ исторіи нельзя еще считать доказаннымъ фактомъ. Если люди, живущіе въ культурной обстановкѣ, достигаютъ большаго умственнаго развитія, чѣмъ дикари, это можетъ быть объяснено свойствами обстановки, въ которой они вращаются съ дѣтства, а не наслѣдованными отъ родителей большими силами ума [4]). Прогрессъ будетъ здѣсь со-

[1]) «Дѣлать добро другимъ; жертвовать для ихъ пользы собственными желаніями; любить ближняго, какъ самого себя; прощать врагамъ; обуздывать свои страсти; почитать родителей; уважать старшихъ: эти и еще другія немногія правила составляютъ сущность нравственности: но онѣ были извѣстны тысячелѣтія тому назадъ и всѣ проповѣди моралистовъ и теологовъ не прибавили къ нимъ съ тѣхъ поръ ни одной іоты». I. 163.

[2]) Мысль о томъ, что первоначальный семейный бытъ, съ котораго пошло развитіе общежитія, не воспитываетъ человѣка къ общественной нравственности, прекрасно развита у Лотце, III, 448 сл.

[3]) Фюстель-де-Куланжъ, Гражданская община античнаго міра, пер. Е. Ѳ. Корша, стр. 120 сл. Да и теперь совершенно ли вымерли эти понятія?

[4]) Появляющіяся въ послѣднее время изысканія по части наслѣдственной передачи дѣтямъ отъ родителей пріобрѣтенныхъ послѣдними свойствъ духа слишкомъ еще недостаточны, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ пользу наслѣдственности. Сдѣланныя Боклемъ возраженія (162) противъ наслѣдственности заслуживаютъ полнаго вниманія.

стоятъ только въ томъ, что тѣже самыя силы духа въ культурной средѣ развиваются легче и полнѣе, чѣмъ въ некультурной. Умственное развитіе нѣкоторыхъ дикарей такъ ничтожно, что они едва умѣютъ считать до пяти, и вовсе не выработали слова для выраженія этого числа. Они различаютъ отдѣльные цвѣта (красный, зеленый и пр.) и отдѣльные виды деревьевъ; но родовыхъ понятій цвѣта и дерева у нихъ нѣтъ. Ихъ способность обобщенія крайне слаба. Если культурные народы достигли въ этомъ отношеніи громадныхъ успѣховъ, это надо разсматривать какъ результатъ болѣе благопріятныхъ условій внѣшней обстановки для развитія силъ человѣческаго ума, возникшихъ благодаря прогрессивному движенію исторіи. Дикари, съ дѣтства поставленные въ условія культурной среды, усвоиваютъ себѣ ея особенности и, наоборотъ, люди бѣлой расы легко дичаютъ въ средѣ некультурной [1]).

Что касается улучшенія физической природы человѣка, вліяніе прогресса въ этой области можетъ быть признано въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что успѣхи медицины и улучшеніе гигіеническихъ условій жизни дѣйствительно увеличиваютъ среднюю продолжительность жизни человѣка. Это обще признанный статистическій фактъ.

Такова область явленій, въ которыхъ обнаруживается дѣйствіе прогресса въ указанномъ смыслѣ.

Но есть область болѣе близкая нашему сердцу. Это область личнаго человѣческаго счастья. Можемъ ли мы сказать, что рядомъ съ тѣми улучшеніями, которыя происходятъ въ состояніи ума человѣка, его нравственности, въ правѣ и во внѣшней обстановкѣ его жизни, мы сдѣлались также счастливѣе нашихъ предковъ, что окружающая насъ дѣйствительность съ ея улучшенными путями, телеграфами и всѣми неисчислимыми усовершенствованіями современной цивилизаціи, милѣе намъ, болѣе радуетъ насъ и живитъ, чѣмъ радовала ихъ та безъискуственная природа, которой они были окружены? Многіе думаютъ, что съ прогрессомъ человѣкъ дѣлается и счастливѣе. Но, кажется, есть гораздо болѣе основаній сомнѣваться, чтобы способность наша къ счастью сколько нибудь возрастала. Мы менѣе способны къ ощущеніямъ счастья, чѣмъ наши предки, уже потому, что развитіе сдѣлало насъ болѣе требовательными. Внутреннее раздвоеніе и возникающая изъ него борьба человѣка съ самимъ собой, такъ отравляющая жизнь людей нашего времени, и недовольство окружающей дѣйствительностью, порождающее безпокойное

---

[1]) Waitz, I, 369 и др.

стремленіе куда-то въ даль, совсѣмъ неизвѣстны первобытному человѣку [1]). Если мѣрою прогресса мы поставимъ не улучшеніе природы человѣка и внѣшнихъ условій его быта, а менѣе уловимое, но болѣе захватывающее человѣка отношеніе внѣшнихъ условій быта къ его личному ощущенію, степень личной его удовлетворенности ими, мы едва ли не должны придти къ заключенію, что эта степень нисколько не возрастаетъ; въ настоящее время она можетъ быть даже меньше, чѣмъ во времена самыя отдаленныя и грубыя. Правда, мы свободны отъ того чувства страха и ужаса, которое должны были возбуждать въ первобытномъ человѣкѣ неизвѣстныя ему въ своемъ дѣйствіи силы природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утратили и возможность въ той же мѣрѣ отдаваться ощущеніямъ радости и довольства, которыя такъ легко вызываются въ немъ первымъ удовлетвореніемъ его несложныхъ и безъискусственныхъ потребностей. Древней поэтической мысли русская земля представлялась какъ „свѣтло-русская". Въ этомъ эпитетѣ нельзя не видѣть яркаго чувства довольства окружающей дѣйствительностью. Напрасно будемъ искать этого счастливаго чувства радости въ современной поэзіи. Счастье человѣка не стоитъ, такимъ образомъ, ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ прогрессу.

Но если всякое болѣе совершенное состояніе (за исключеніемъ личной сферы человѣческаго счастья) является только послѣ предшествовавшаго ему менѣе совершеннаго, то это еще не значитъ, что всякое данное состояніе, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, съ необходимостью вызываетъ слѣдующее лучшее. Лучшее наступаетъ послѣ сравнительно худшаго только въ томъ случаѣ, когда были на лицо необходимыя для того условія, а не въ силу дѣйствія какого-то неизбѣжнаго (какъ судьба) закона прогресса, ведущаго человѣчество къ совершенствованію наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, могущимъ возникнуть какъ изъ дѣйствія внѣшнихъ условій, такъ и по волѣ человѣка, враждебной улучшеніямъ. Если этихъ благопріятныхъ прогрессу условій не было, необходима остановка прогрессивнаго движенія, а при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ возможно и попятное движеніе. Явленія попятнаго движенія встрѣчаются не только въ одномъ какомъ либо отношеніи (напримѣръ въ развитіи чистыхъ искусствъ и изящной литературы, гдѣ очень мало замѣчается постоянства), но и разомъ во многихъ и даже почти во всѣхъ. Таковы, напримѣръ, послѣдствія татарскаго нашествія для всѣхъ русскихъ княженій и поко-

[1]) См Waitz, I, 345.

ренія Новгорода и Пскова для этихъ двухъ областей. Зачатки правильно организованной политической свободы, довольно ясно обозначившіеся здѣсь, навсегда были подавлены московскимъ погромомъ въ ихъ самостоятельномъ мѣстномъ бытіи и развитіи. Крайне натянутымъ и произвольнымъ представляется такое изложеніе исторіи, которое въ каждомъ новомъ царствованіи усматриваетъ непремѣнный успѣхъ, и съ точки зрѣнія котораго исторія являетъ картину праздничнаго шествія народовъ къ безоблачному торжеству настоящаго дня. Всякая попытка соединить линіей прямолинейнаго прогресса всѣ послѣдовательныя стадіи развитія даннаго народа должна быть оставлена, какъ совершенно безнадежная.

Давно была высказана мысль о существованіи болѣзненныхъ эпохъ въ исторіи [1]). Она заслуживаетъ полнаго вниманія. Такія эпохи дѣйствительно есть.

Примѣненіе этой мысли къ обработкѣ исторіи зависитъ отъ установленія понятія о томъ, что должно считать здоровымъ состояніемъ. Абсолютнаго здоровья дѣйствительность не знаетъ. Здоровымъ состояніемъ общества надо считать уже такое, въ которомъ наивозможно полнымъ образомъ взаимно примирены и удовлетворены разнообразныя потребности природы человѣческой. Чѣмъ выше степень этого удовлетворенія, тѣмъ ближе общество къ здоровому состоянію и, на оборотъ, тѣ эпохи, въ которыхъ удовлетворена какая нибудь одна, или только нѣкоторыя изъ его нуждъ и потребностей, а другія, столь же законныя, подавлены, должны быть признаны болѣзненными. Не всякая болѣзнь смертельна. И въ жизни отдѣльнаго человѣка за болѣзнью слѣдуетъ, иногда, еще болѣе полное развитіе его силъ. Это возможно и въ жизни общества. Но это еще не значитъ, что болѣзнь была необходима и полезна на пути его прогресса.

Разнообразные элементы общественной жизни, доступные дѣйствію прогресса, развиваются далеко не равномѣрно и не параллельно. Въ то время какъ одни прогрессируютъ, другіе могутъ находиться въ совершеннѣйшемъ застоѣ. Развитіе однихъ идетъ нерѣдко даже прямо на счетъ подавленія другихъ. Элементы порядка развиваются, обыкновенно, весьма долгое время на счетъ элементовъ свободы и успѣховъ мысли. Громадное развитіе машиннаго производства, совершающееся на нашихъ глазахъ, идетъ нерѣдко въ ущербъ вкусу, красотѣ, а иногда и прочности произведеній. Въ исторіи

[1]) Zachariä, Vierzig Bücher vom Staate, 1839.

каждаго народа можно единовременно встрѣтиться съ явленіями прогресса и застоя. Параллелизмъ прогресса также не есть необходимое свойство развитія исторіи, какъ и его непрерывность и постоянство.

Прогрессивное движеніе распространяется крайне медленно и далеко не въ одинаковой степени охватываетъ все населеніе даннаго государства. Чувство нашей гордости, возбуждаемое успѣхами современной цивилизаціи, должно въ значительной мѣрѣ умалиться, если обратить вниманіе на то, какъ, сравнительно, не велико число лицъ, пользующихся этими успѣхами. Внѣшняя обстановка жизни нашего крестьянина, въ большинствѣ случаевъ, и теперь мало чѣмъ отличается отъ его обстановки при самомъ началѣ нашей достовѣрной исторіи. Онъ все еще живетъ въ курной избѣ съ землянымъ поломъ и вмѣстѣ съ своими домашними животными. Умственное и нравственное развитіе его также очень мало подвинулось. Онъ и теперь вѣритъ и въ домоваго, и въ лихой глазъ, и въ спасительное дѣйствіе нашептываній и опрыскиваній съ угля и съ горячей лучины. И это послѣ тысячелѣтней исторіи Россіи.

Прогрессивное движеніе, наконецъ, проявляется далеко не у всѣхъ народовъ съ одинаковой силой. Наибольшую энергію высказало оно среди народовъ бѣлой расы. У народовъ монгольскаго типа оно гораздо уже слабѣе. А многіе народы Азіи, Африки и Америки и теперь находятся въ состояніи весьма близкомъ къ первобытной дикости. Эти различные успѣхи народовъ въ области культуры и созданіе современной цивилизаціи почти исключительно усиліями европейцевъ наводятъ иногда на мысль, что прогрессивная цивилизація составляетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общій законъ [1]). Нѣкоторые писатели выставляютъ даже теорію народовъ способныхъ къ культурѣ и неспособныхъ и къ числу первыхъ относятъ только бѣлую расу [2]). Выводъ, конечно, очень поспѣшный. Изъ указаннаго различія нельзя еще заключать, что народы, сдѣлавшіе самые ничтожные успѣхи, навсегда обречены оставаться въ ихъ теперешнемъ положеніи. Иныя историческія условія, иныя вліянія могутъ вызвать и ихъ къ иному проявленію своихъ силъ въ исторіи.

Не смотря на всѣ указанныя ограниченія понятія прогресса, движеніе исторіи къ лучшему представляется многимъ безконечнымъ. Безконечность прогресса надо понимать не въ томъ смыслѣ, что

[1]) Это мнѣніе высказываетъ Maine, Accient law, 1870, стр. 22, и Flint, стр. 234.

[2]) Въ I т. Антропологіи Вайца можно найти опроверженіе этой теоріи.

улучшенія выдутъ, наконецъ, за предѣлы возможнаго, полагаемые природою человѣка и внѣшними условіями его жизни. Она значитъ только, что умъ человѣка не въ состояніи указать никакихъ опредѣленныхъ границъ этимъ улучшеніямъ [1]). Но безконечность прогресса въ этомъ смыслѣ есть, собственно, только наше невѣдѣніе его границъ.

Хотя прогрессъ и не безконеченъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе положить сколько нибудь опредѣленную границу будущимъ успѣхамъ человѣка въ исторіи дѣло невозможное и ни одна изъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, не можетъ быть признана удовлетворительной.

Попытку этого рода находимъ у Вико. Онъ смотритъ на прогрессъ какъ на движеніе круговращательное: народъ, по его мнѣнію, дойдя до опредѣленнаго конца своего развитія, возвращается снова къ прежнему дикому состоянію и затѣмъ опять проходитъ тѣже стадіи развитія. Такое круговращательное движеніе, въ предѣлахъ постоянно повторяющихся періодовъ развитія, совершенная невозможность, такъ какъ нельзя допустить неизмѣннаго повторенія всей совокупности тѣхъ условій, которыя разъ вызвали уже движеніе исторіи даннаго народа въ извѣстномъ направленіи.

Другая такая попытка встрѣчается весьма у многихъ историковъ и состоитъ въ подчиненіи хода развитія извѣстнаго народа или даже и всего человѣчества законамъ человѣческихъ возрастовъ. Съ этой точки зрѣнія послѣдовательныя состоянія въ развитіи исторіи приравниваются послѣдовательнымъ состояніямъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. Древнѣйшее состояніе человѣчества приравниваютъ дѣтству, затѣмъ говорятъ о юности, зрѣломъ возрастѣ и, наконецъ, о старости, за которою неизбѣжно должна слѣдовать смерть. Бытіе народа представляется при этомъ также напередъ ограниченнымъ, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка. Сенъ-Симонъ взялъ на себя даже трудъ опредѣлить сколькимъ годамъ въ жизни человѣчества равняется одинъ годъ въ жизни человѣка. По его мнѣнію одинъ годъ въ жизни человѣка равняется 200 лѣтъ въ жизни народовъ. Попытка — не лишенная своего рода послѣдовательности, только соотношеніе, мѣру котораго она усиливается выяснить, совершенно не существуетъ въ дѣйствительности. Каждый народъ, если мы будемъ разсматривать его какъ этнографическую единицу,

---

[1]) Такъ объясняетъ безконечность прогресса Flint, 135 с., защищая воззрѣнія Condorcet.

во всякое данное время одинаково состоитъ изъ лицъ всѣхъ возможныхъ возрастовъ, численное отношеніе которыхъ довольно постоянно. Эта совокупность лицъ всѣхъ возрастовъ не можетъ ни стариться, ни умирать, какъ отдѣльный человѣкъ. Если мы возьмемъ народъ не какъ этнографическую единицу, а какъ политическое цѣлое, которое имѣетъ свое выраженіе не въ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ учрежденіяхъ, и представляетъ какъ бы живой политическій организмъ, то и въ этомъ случаѣ примѣненіе понятія разныхъ человѣческихъ возрастовъ къ возникновенію, развитію и упадку государственнаго организма далеко не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Упадокъ однихъ учрежденій и замѣна ихъ другими не есть смерть одного политическаго индивида и рожденіе другаго. Это только перерожденіе однихъ учрежденій въ другія въ средѣ того же народа и съ сохраненіемъ массы особенностей прежняго быта.

Сравненіе древнѣйшаго быта человѣчества съ состояніемъ дѣтства, позднѣйшихъ эпохъ съ зрѣлымъ возрастомъ всегда дѣлались и будутъ, конечно, дѣлаться, но это имѣетъ значеніе только уподобленія, это дѣло языка, образное выраженіе, которому не соотвѣтствуетъ никакое опредѣленное научное понятіе. Это языкъ поэзіи въ наукѣ и ничего больше. Народы появляются на сценѣ исторіи и сходятъ съ нея, но причины ихъ паденія лежатъ не въ томъ, что они, какъ отдѣльный человѣкъ, изжили все то время, которое, по естественному порядку вещей, могли прожить. Понятіями юности, зрѣлаго возраста и старости ничего нельзя объяснить въ жизни такого сложнаго организма, какимъ является народъ, будемъ ли мы разсматривать его какъ этнографическую единицу, или какъ политическое цѣлое. Онъ имѣетъ свои законы развитія, несоизмѣримые съ законами развитія отдѣльныхъ лицъ.

Понятіе прогресса, какъ улучшенія, съ какими бы ограниченіями мы его ни приняли, стоитъ въ необходимой зависимости отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, а потому въ примѣненіи къ оцѣнкѣ явленій историческаго роста народовъ можетъ страдать значительной долей неопредѣленности: въ чемъ одинъ историкъ усмотритъ улучшеніе, въ томъ другой можетъ видѣть одно ухудшеніе. Историческая наука не могла, поэтому, остановиться только на этомъ понятіи прогресса: у ней есть и другое, заимствованное отъ понятія развитія органической природы. Тѣла органической природы развиваются, переходя отъ простѣйшаго состоянія къ сложнѣйшему, отъ слитнаго къ расчлененному: что дано въ сѣмени слитно, то въ развитомъ организмѣ является расчлененнымъ и обособлен-

нымъ въ отдѣльные органы. Это движеніе къ обособленію и расчлененію замѣчается и въ исторіи человѣческихъ обществъ [1]). Въ древнѣйшее время религія, нравственность, право еще не выдѣлены одно изъ другаго; правила, относящіяся къ этимъ разнымъ дѣятельностямъ человѣческаго духа, находятся въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ; органы, наблюдающіе за ихъ примѣненіемъ, также не обособлены. Только съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа происходитъ выдѣленіе и обособленіе. Неумѣнье обособить эти разныя дѣятельности является всегда препятствіемъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ человѣчества.

Съ этимъ явленіемъ обособленія встрѣчаемся и въ отдѣльныхъ сферахъ дѣятельности человѣческаго духа. Въ началѣ исторіи поэзія представляется однимъ эпосомъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ появляется лира, драма, комедія и т. д. То же замѣчается въ области научныхъ знаній. Первый шагъ, который дѣлаетъ человѣческое знаніе на пути своего развитія, заключается въ его обособленіи отъ миѳологіи; за тѣмъ идетъ обособленіе отдѣльныхъ наукъ, одной отъ другой, сдѣлавшее такіе громадные успѣхи въ послѣднее время. Дѣйствіе того же начала наблюдается и во внѣшней обстановкѣ человѣческой жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить измѣненія, совершившіяся въ исторіи одеждъ и постройки жилищъ.

Эта новая мѣра прогресса особенно полно и послѣдовательно примѣняется къ области права. Въ патріархальномъ быту всѣ власти сосредоточиваются въ рукахъ отца семейства. Дальнѣйшая исторія представляетъ явленіе обособленія разныхъ отраслей права и власти и возникновенія особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ. Чѣмъ далѣе идетъ развитіе, тѣмъ болѣе усиливается это обособленіе [2]). Неумѣнье выдѣлить государство изъ семьи и расчленить государственныя власти по различію ихъ дѣятельности всегда является причиной застоя и существеннымъ препятствіемъ политическаго развитія народа.

При этомъ взглядѣ на прогрессъ признакомъ высшей культуры будетъ служить обособленіе религіи, права, поэзіи, науки и пр., а въ области права выдѣленіе понятія государства изъ понятія семейства, частнаго права отъ государственнаго, задачъ общества отъ

---

[1]) О прогрессѣ какъ специализаціи говоритъ Maine, Ancient Law, 316; Flint, 271, разсматриваетъ дифференціацію какъ слѣдствіе прогресса. У Тэйлора, Первобытная культура, можно найти массу фактовъ, указывающихъ на ходъ прогресса отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему.

[2]) Движеніе права въ исторіи отъ простаго къ разнообразному указано уже Пухтою, Encyclopädie, 2 с., § XIX.

задачъ государства, расчлененіе обширной области права по различію его видовъ, появленіе особыхъ органовъ для каждаго особаго рода дѣятельности въ сферѣ государственнаго устройства и управленія и т. д. Чѣмъ старѣе культура, тѣмъ обособленій всякаго рода будетъ больше.

Современныя воззрѣнія науки на прогрессъ представляются далеко не завершенными. Это и понятно. Теорія прогресса можетъ быть построена только по раскрытіи законовъ историческаго развитія. Идея прогресса какъ улучшенія непремѣнно предполагаетъ опредѣленную мѣру улучшенія. Пріисканіе такой мѣры, которая обнимала бы бытіе общества въ цѣломъ, а не отдѣльныя его стороны, и поставила бы оцѣнку историческаго движенія внѣ личныхъ вкусовъ историка, — дѣло чрезвычайно трудное, и нельзя сказать, что такая мѣра находится уже въ распоряженіи историковъ [1]). При отсутствіи параллелизма въ прогрессѣ, улучшенія являются только отдѣльными и часто совершенно разрозненными фактами въ общемъ состояніи народа. Но это не единственный недостатокъ мѣры прогресса, которая заключается въ понятіи улучшенія. Есть другой, не менѣе важный. Понятіе лучшаго всегда относительно и не исключаетъ извѣстной доли зла. Всякое сравнительно лучшее состояніе имѣетъ и ему свойственные недостатки. Таковы свойства природы человѣческой, таковы и свойства историческихъ состояній, ею условливаемыхъ. Давно замѣчено, что добродѣтели не исключаютъ слабостей, а, наоборотъ, каждая добродѣтель, каждое хорошее свойство человѣка имѣетъ и свою изнанку. Сердечная доброта легко переходитъ въ излишнюю и

---

[1]) Бокль дѣлаетъ попытку отыскать такую мѣру. Мѣрою прогресса онъ считаетъ развитіе человѣческихъ знаній (I, 165 сл.). Ни кто не будетъ отрицать, что успѣхи разума — одна изъ главнѣйшихъ причинъ прогресса, но не единственная, какъ думаетъ Бокль. Чувство любви къ ближнему, столь необходимое для успѣховъ человѣческой культуры, не стоитъ ни въ какомъ необходимомъ отношеніи къ массѣ накопленныхъ знаній. Считая умственныя истины (въ противоположность къ нравственнымъ) причиною всѣхъ прогрессивныхъ перемѣнъ, Бокль отрицаетъ почти всякое вліяніе на прогрессъ религіи (235 сл.), литературы (244 сл.), законодательства (250 сл.), какъ будто для развитія народа совершенно безразлично, какая бы религія ни пропагандировалась въ его средѣ, какія бы идеи ни проводились въ литературѣ, какимъ бы направленіемъ ни отличалось его законодательство! По его мнѣнію, въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ, это только второстепенные агенты (265), первостепенный же агентъ — умственное состояніе народа. Но развѣ религіозная проповѣдь и вліяніе литературы и законодательства не могутъ внести въ умственное состояніе народа такихъ признаковъ, которыхъ въ немъ прежде не было? Это крайнее заблужденіе стоитъ у Бокля въ тѣсной связи съ недостаточнымъ признаніемъ личной воли факторомъ исторіи.

часто вредную мягкость и уступчивость, мужество въ жестокость, сознаніе человѣческаго достоинства въ неприступную гордость, щедрость въ расточительность, бережливость въ скаредность и алчность, мать стольких пороковъ, умъ въ отталкивающую сухость. Даже любовь, и та имѣетъ свою отравленную сторону: любовь къ женѣ и мужу переходитъ въ ревность, любовь къ дѣтямъ — въ семейный деспотизмъ. То же замѣчается и на болѣе широкой сценѣ исторіи. Съ ея движеніемъ несомнѣнно появляется множество улучшеній, но не одних только улучшеній, возникаютъ и новые пороки, и новыя общественныя язвы. Общественному быту нашего времени свойственны такіе недостатки и преступленія, которыя не были извѣстны болѣе низкому состоянію культуры. Соціализмъ есть признакъ болѣзни исключительно высоко культурныхъ народовъ. Человѣкъ, ограниченный по природѣ своей, никогда не сдѣлается совершененъ и общественный бытъ, условливаемый этой всегда ограниченной природой, никогда не будетъ золотымъ вѣкомъ, который можетъ грезиться только дѣтскому воображенію. Понятіе прогресса, въ смыслѣ улучшенія, принимаемое безъ всякихъ оговорокъ, какъ общій и безусловный законъ, осуществляющійся въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ повести только къ неправильному пониманію хода исторіи и возбудить такія ожиданія отъ будущаго, которыхъ никогда не оправдаетъ трезвая дѣйствителеность. Что высшее состояніе культуры всегда условливается предшествовавшимъ низшимъ, это дѣйствительно общій законъ. Но онъ не можетъ быть толкуемъ въ томъ смыслѣ, что каждое данное состояніе неизбѣжно вызываетъ слѣдующее лучшее. Такого заключенія исторія не даетъ права сдѣлать. Но вмѣстѣ съ этимъ прогрессивное движеніе къ лучшему теряетъ значеніе общаго закона. Оно имѣетъ мѣсто только при существованіи благопріятныхъ для того условій, при отсутствіи же ихъ является застой и даже регрессъ.

Хотя прогрессъ, въ смыслѣ улучшенія, и не составляетъ общаго закона историческаго развитія, тѣмъ не менѣе улучшеніе человѣческаго быта въ исторіи есть необходимое требованіе развитаго культурой человѣческаго ума. По скольку воля человѣка является факторомъ исторіи, лучшія ея стремленія всегда были направлены къ улучшенію общественнаго быта. Этимъ завѣтнымъ стремленіемъ человѣческой воли къ лучшему и объясняется тотъ благодушный оптимизмъ, которымъ нерѣдко запечатлѣны взгляды историковъ на прогрессъ.

Понятіе прогресса какъ обособленія и расчлененія явленій имѣетъ

преимущество большей опредѣленности; оно даетъ болѣе объективную мѣру прогресса, независящую въ той степени отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, какъ понятіе улучшенія. Эта новая мѣра прогресса хотя въ большинствѣ случаевъ указываетъ на происшедшее улучшеніе и обусловливаетъ дальнѣйшее, но все же не совершенно совпадаетъ съ понятіемъ улучшенія. Это совпаденіе имѣло бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы каждое обособленіе свидѣтельствовало о дѣйствительномъ улучшеніи, что, однако, не всегда бываетъ. Возможность дробленій, по самой природѣ жизненныхъ отношеній, не безконечна. Обособленія имѣютъ свою границу и именно въ природѣ явленій общественной жизни, изъ которыхъ одни допускаютъ большую дробимость, другія меньшую. Дробленіе, переходящее свою естественную границу, перестаетъ уже быть улучшеніемъ и становится признакомъ вырожденія и упадка. Это будетъ уже явленіе болѣзненнаго развитія. Въ исторіи встрѣчаемся съ такими обособленіями, которыя въ послѣдствіи уничтожаются какъ вредныя, и явленія расчлененныя снова сливаются вмѣстѣ. Примѣръ этому даетъ учрежденіе рабства, крѣпостнаго права и вся сословная организація. Успѣхъ заключался здѣсь въ слитіи того, что прежде обособилось. Имѣемъ ли мы достаточное основаніе думать, что въ свое время эти обособленія были успѣхомъ? Если мы и признаемъ, что современная культура возникла при ихъ помощи, это еще не даетъ намъ права заключить, что иначе она и не могла возникнуть. Это послѣднее положеніе не доказывается еще совершившимся фактомъ. Допустимъ, что эти обособленія принесли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свою долю пользы. Но достигнутое такимъ образомъ улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта совершилось на счетъ несомнѣннаго ухудшенія другихъ и окончательный выводъ будетъ тотъ же, т. е., не всякое обособленіе есть безусловное улучшеніе. Понятіе расчлененія и обособленія не имѣетъ, такимъ образомъ, постояннаго отношенія къ улучшенію. Чтобы перенести вопросъ на точку зрѣнія улучшенія, необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить отношеніе извѣстнаго обособленія къ природѣ и потребностямъ человѣка, а также къ природѣ того явленія, среди котораго оно совершилось. Если обособленіе будетъ соотвѣтствовать разнообразнымъ условіямъ среды, оно будетъ имѣть значеніе улучшенія и успѣха, въ противномъ случаѣ это будетъ явленіе болѣзненное и успѣхъ будетъ состоять въ его устраненіи.

V.

ДѢЛЕНІЕ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА НА ПЕРІОДЫ.

Если исторія имѣетъ дѣло съ законами развитія человѣческихъ обществъ, то дѣленіе ея на періоды, въ которыхъ должна отразиться послѣдовательность этого развитія, имѣетъ существеннѣйшее значеніе: въ дѣленіи весь смыслъ исторіи, вся философія ея хода и перемѣнъ.

Всякое дѣленіе на періоды является конечнымъ результатомъ изученія историческаго матеріяла, это послѣдніе выводы исторической науки. Но въ изложеніи оно, по необходимости, предшествуетъ исторіи, а не слѣдуетъ за ней и съ самаго начала даетъ уже возможность окинуть однимъ взглядомъ все обширное поле историческаго движенія. Только послѣдующее изложеніе исторіи можетъ оправдать предлагаемое дѣленіе, въ началѣ же всякое дѣленіе должно быть принято читателемъ на вѣру, или какъ тезисъ, который еще долженъ быть доказанъ.

Всякое дѣленіе предполагаетъ опредѣленное основаніе дѣленія, а потому первый вопросъ, который долженъ быть здѣсь рѣшенъ, состоитъ въ опредѣленіи этого основанія.

Изъ предшествовавшаго видно, что дѣленіе исторіи на періоды должно условливаться самымъ ходомъ историческаго движенія, тѣми естественными различіями, которыми характеризуются разныя стадіи этого движенія. Но выше было уже замѣчено, что историки не имѣютъ еще точной и исчерпывающей мѣры историческаго развитія. Въ этомъ заключается трудность раціональнаго дѣленія и главная причина весьма значительныхъ различій во взглядахъ на его основанія.

Нѣкоторые историки прибѣгаютъ къ чисто внѣшнимъ фактамъ, которые и кладутъ гранями на рубежахъ различаемыхъ ими періодовъ [1]). Такими разграничительными фактами служатъ, напримѣръ, принятіе христіанства, завоеваніе Руси монголами, царствованіе замѣчательныхъ по своей дѣятельности государей, изданіе важныхъ законодательныхъ памятниковъ, каковы: судебники, уложеніе царя Алексѣя Михайловича и пр.

---

[1]) Такой способъ дѣленія весьма распространенъ. Онъ встрѣчается у Мацеіовскаго, Неволина, Рождественскаго и др.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такіе крупные факты, какъ принятіе христіанства и нашествіе татаръ, не остались безъ существеннаго вліянія на самый внутренній бытъ народа. Они внесли въ него новыя начала, которыя и привели къ кореннымъ измѣненіямъ этого быта. Но все же это внѣшніе, со стороны привзошедшіе факты. Кладя ихъ въ основаніе дѣленія, собственно, разрываютъ исторію на отдѣльныя части, при чемъ одинъ періодъ вовсе не вытекаетъ изъ своего предшествующаго, нисколько имъ не условливается, а наоборотъ является его отрицаніемъ, какъ христіанская эпоха есть отрицаніе языческой, а Русь татарская отрицаніе Руси княжеской. Дѣленіе на основаніи такихъ крупныхъ фактовъ не имѣетъ ничего общаго съ послѣдовательнымъ развитіемъ исторіи изъ одного состоянія въ другое, ибо новое состояніе не является слѣдствіемъ предшествовавшаго, а привходитъ изъ внѣ. Дѣленіе по законодательнымъ памятникамъ также не соотвѣтствуетъ существу историческаго развитія. Такіе памятники, какъ судебники и уложеніе, представляютъ, главнымъ образомъ, сводъ уже дѣйствующаго права; они не только не отмѣняютъ его, даже не измѣняютъ въ цѣломъ, а лишь приводятъ въ лучшій порядокъ. До судебниковъ и послѣ, до уложенія и послѣ дѣйствуетъ одно и то же право; эти своды могли дать больше удобствъ въ примѣненіи этого права, но въ началахъ, управляющихъ жизнью народа, они не произвели кореннаго переворота. Въ этомъ отношеніи гораздо большую роль можетъ играть какой нибудь отдѣльный указъ, вносящій новыя начала, чѣмъ цѣлый сводъ стараго права. При всей законодательной важности такихъ памятниковъ, они все же не закончили старой жизни и не начали новой. Эту судьбу раздѣляетъ съ ними и изданный при императорѣ Николаѣ сводъ законовъ россійской имперіи. Также несовершенно и дѣленіе по царствованіямъ. Всякое царствованіе одинаково принадлежитъ и прошедшему, которымъ оно подготовлено, и будущему, въ которое оно можетъ внести что либо новое. Ставить царствованіе извѣстнаго государя предѣломъ двухъ періодовъ значитъ разрывать въ наукѣ то, что въ жизни было неразрывно. Даже Петръ Великій не разорвалъ русской исторіи на двѣ отдѣльныя половины. Не смотря на все его желаніе уйдти отъ недостатковъ древней Россіи и перестроить весь нашъ бытъ на новыхъ и лучшихъ началахъ, онъ самъ употреблялъ московскіе пріемы во многомъ, а нѣкоторыя стороны нашего юридическаго быта оказались послѣ его смерти даже въ худшемъ состояніи, чѣмъ были до него.

Совершенно вѣрный взглядъ на дѣленіе исторіи встрѣчаемъ у

тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые въ основаніе дѣленія кладутъ не выдающіеся событія и законодательные памятники, а внутреннія отличительныя свойства періодовъ.

Примѣръ такого дѣленія даетъ К. Д. Кавелинъ. Его взглядъ на послѣдовательность развитія нашей исторіи изложенъ въ статьѣ о юридическомъ бытѣ древней Россіи, бросившей столько свѣта на нѣкоторыя стороны нашей древней жизни [1]). Излагая послѣдовательный ходъ развитія нашего юридическаго быта, почтенный авторъ, къ сожалѣнію, не формулируетъ самъ тѣхъ періодовъ, на которые должно дѣлиться это развитіе. Это дѣленіе мы должны сами извлечь изъ непрерывнаго теченія его мыслей. Если мы правильно его поняли, онъ различаетъ собственно четыре періода [2]).

Первый — есть періодъ семейнаго или родоваго быта (312), поглощающаго человѣческую личность. Начало личности у русско-славянскихъ племенъ этого времени не существовало (320). Древняя исторія, по его мнѣнію, представляетъ постепенное развитіе исключительно кровнаго, родственнаго быта (315). Этотъ бытъ, начинаясь съ древнѣйшихъ временъ, крайними своими вѣтвями заходитъ въ московское государство (353, 357). Время отъ призванія Varяговъ и до Ярослава представляетъ перерывъ въ господствѣ родовыхъ началъ. Призванные князья пришли съ своими дружинами, они принесли къ намъ зачатки гражданственности и политическаго единства всей русской земли (327). Но теченіе этого варяжскаго періода (330) было непродолжительно. Варяги уже при Ярославѣ слились съ славянами и совершенно подчинились туземному элементу (329), завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областнаго управленія (314). Съ Ярослава снова возобновляется развитіе родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ (331).

Второй періодъ является господствомъ вотчинныхъ началъ въ устройствѣ и управленіи княжествъ: Съ Андрея Боголюбскаго князья получаютъ осѣдлость и дѣлаются собственниками (343). Господство родовыхъ началъ уступаетъ мѣсто преобладанію началъ семейныхъ (347). Вмѣстѣ съ этимъ прежнее единство Россіи, основанное на единствѣ рода князей, теряется (331, 343) и возникаетъ политическое раздробленіе Россіи на удѣлы.

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, I. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи.

[2]) Характеристику каждаго періода мы постараемся сдѣлать подлинными словами автора.

Третій періодъ есть время уничтоженія удѣловъ (352). Это заслуга московскихъ князей, при которыхъ кровное начало уступаетъ мѣсто политическому (353). Съ Ивана III возникаетъ сознаніе государственныхъ потребностей, является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ (354). Иванъ IV объявляетъ войну послѣднимъ остаткамъ родовыхъ началъ въ лицѣ вельможества, и стремится дать власть и просторъ одному государству (361). Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ и начало личности. Но лице было приготовлено древней русской жизнью только какъ форма, лишонная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все значеніе, конечная задача только въ томъ и состояла, чтобы выработать начало личности, высвободить ее изъ подъ ига природы и кровнаго быта (368). Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ (367). Должна была начаться новая исторія.

Съ XVIII вѣка наступаетъ слѣдующій четвертый періодъ, періодъ внутреннихъ преобразованій. Онъ призванъ дать содержаніе личности. Но такъ какъ личность была совершенно не развита, не имѣла никакого содержанія, то это содержаніе должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ (368).

Таковъ смыслъ нашей исторіи и тѣ четыре періода, которые можно замѣтить въ ея развитіи. К. Д. Кавелину принадлежитъ заслуга дать теорію историческаго развитія нашего быта, обнимающую его ходъ на пространствѣ цѣлаго тысячелѣтія. Это хотя и не первая, но самая полная попытка внести свѣтъ мысли въ необозримый хаосъ фактическаго матеріяла нашей исторіи. Къ сожалѣнію почтенный авторъ не написалъ самой исторіи нашего государства и права, которая одна могла бы дать полное оправданіе его взгляду.

Признавая совершенно вѣрнымъ основной взглядъ на дѣленіе, состоящій въ томъ, что въ подраздѣленіяхъ исторіи долженъ отразиться послѣдовательный ходъ ея развитія, мы не можемъ, однако, присоединиться ко всѣмъ частностямъ приведеннаго дѣленія. Мы не будемъ теперь же высказываться о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи этого дѣленія съ дѣйствительнымъ ходомъ нашей исторіи. Это такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшонъ только полнымъ изложеніемъ исторіи. Мы остановимся лишь на разборѣ этого дѣленія съ формальной его стороны.

Всякое дѣленіе предполагаетъ извѣстное основаніе дѣленія. Это основаніе должно быть одно, иначе періоды будутъ между собою несоизмѣримы. Основаніе разсматриваемаго дѣленія не представляется

намъ единымъ и совершенно ясно обозначившимся. Причина этому можетъ заключаться въ свойствахъ самой статьи, которая не имѣла цѣлью прямо формулировать ученіе о періодахъ въ исторіи русскаго юридическаго быта. Россія проходитъ четыре состоянія: родовое, вотчинное, государственное и эпоху реформъ. Что это за состоянія? Есть основаніе думать, что это разныя состоянія государства, разныя стадіи развитія его устройства и управленія. „Ярославъ, говоритъ авторъ, задумалъ основать государственный бытъ Руси на родовомъ началѣ“ (331). И такъ, со временъ Ярослава, по крайней мѣрѣ, родовой бытъ есть особая форма государственнаго устройства. Тоже, кажется, надо признать и за періодомъ вотчиннымъ. Это новое состояніе государства, проникнутаго какъ въ устройствѣ, такъ и въ управленіи вотчинными началами. Такимъ образомъ въ основаніе двухъ первыхъ періодовъ положена идея особенностей государственнаго устройства и управленія: въ первомъ все имѣетъ кровный родовой характеръ, во второмъ — вотчинный. Но что же такое будетъ третій періодъ? Этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; на сцену дѣйствія выступаетъ личность, отрицающая семейное и кровное начало во имя идеи и эта идея—государство. Третій періодъ характеризуется, такимъ образомъ, появленіемъ государства (353). Но какого же государства? Уже Ярославъ основалъ государство, вотчинный періодъ также имѣетъ дѣло съ государствомъ. Московское государство не есть, очевидно, впервые возникшее на Руси государство. Не можетъ оно быть и государствомъ по преимуществу, совершеннымъ государствомъ. Надо думать, что это государство получше вотчиннаго, но какой именно это видъ государства, чѣмъ онъ отличается отъ вотчиннаго, и совершенно ли онъ отъ него различенъ—этого авторъ не говоритъ. Тоже надо сказать и о четвертомъ періодѣ. Онъ характеризуется какъ періодъ реформъ и, надо думать, реформъ, отразившихся на государственномъ устройствѣ и управленіи. Въ чемъ же состоятъ эти реформы, какое ихъ направленіе, какую форму получаетъ преобразованное государство? Вмѣсто отвѣта на эти вопросы, который существенно необходимъ, если только въ основаніе дѣленія положена идея о развитіи государственнаго строя Руси, какъ это можно думать по первымъ двумъ періодамъ, авторъ указываетъ на призваніе эпохи преобразованій дать человѣческой личности чуждое содержаніе. Самая мысль о томъ, что древняя Россія выработала лице только по формѣ, для которой содержаніе пришлось брать извнѣ, намъ не ясна: мы не умѣемъ понять личности безъ содержанія.

Но допустимъ, что это возможно, тогда все же останется неразрѣшонный авторомъ вопросъ о томъ, какое же существуетъ отношеніе между наполненіемъ личности чуждымъ содержаніемъ и государственными реформами. Дѣленіе во всякомъ случаѣ будетъ страдать отсутствіемъ единаго и точно опредѣленнаго основанія, и четвертый періодъ является несоизмѣримымъ съ двумя первыми. Два первыхъ періода отличены внутренними признаками, одинъ преобладаніемъ въ государствѣ родовыхъ началъ, другой вотчинныхъ; четвертый же характеризованъ чисто внѣшнимъ признакомъ реформъ. Понятіе реформы не имѣетъ никакого опредѣленнаго содержанія: реформы, по своему направленію, могутъ быть очень различны, и одна можетъ исключать другую. То обстоятельство, что реформы дѣлаются по иностраннымъ образцамъ, не придаетъ этому понятію еще никакого опредѣленнаго содержанія, такъ какъ извнѣ можно было заимствовать и просвѣщенный абсолютизмъ, и начала конституціонной монархіи. Четвертый періодъ, несоизмѣримый съ предшествующими, не имѣетъ съ ними и необходимой связи: онъ не вытекаетъ изъ нихъ, а является только ихъ отрицаніемъ. Помимо этого отсутствія единства основанія, разсматриваемое дѣленіе представляется намъ слишкомъ дробнымъ. Періоды, соотвѣтствуя разнымъ состояніямъ, переживаемымъ народомъ, должны обнимать такіе промежутки времени, въ теченіи которыхъ происходили бы измѣненія не въ одной какой-либо сторонѣ быта, а во всѣхъ: въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, въ процессѣ, въ церковномъ правѣ и пр. Указать четырекратное перерожденіе всѣхъ этихъ проявленій общественной жизни едва ли возможно. За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ измѣненій во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни, нѣкоторые изъ четырехъ періодовъ останутся пустыми и должны будутъ слиться съ своими смежными.

Несмотря на то, что мы не можемъ вполнѣ присоединиться къ разсмотрѣнному дѣленію, мы должны признать, что по основной своей мысли оно представляетъ совершенно правильный пріемъ дѣленія. Наука должна усвоить этотъ пріемъ и дѣлить исторію не по выдающимся фактамъ политической жизни или крупнымъ законодательнымъ памятникамъ, а по внутреннему содержанію періодовъ [1]).

[1]) Это почти уже и совершилось. Наиболѣе полный примѣръ примѣненія такого дѣленія представляетъ исторія Россіи С. М. Соловьева, у котораго можно различить также четыре періода: I) господство родовыхъ отношеній, II) переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя (съ XII в. по конецъ XVI), III) господство началъ государственной жизни, наконецъ IV) съ Петра Великаго, періодъ

Мы совершенно присоединяемся къ этому способу дѣленія, считаемъ только необходимымъ искать иное основаніе дѣленію, болѣе широкое, которое одинаково бы примѣнялось къ теченію всей исторіи и соотвѣтствовало бы измѣненіямъ въ цѣломъ строѣ общественной жизни. Общественный строй мѣняется крайне медленно. Мы и теперь еще можемъ наслѣдить въ окружающей насъ дѣйствительности остатки весьма глубокой старины, а потому число пережитыхъ нами состояній или періодовъ не можетъ быть велико.

Явленія исторіи слагаются изъ взаимодѣйствія потребностей природы человѣка съ внѣшними явленіями. Это взаимодѣйствіе и должно дать основаніе для дѣленія исторіи на періоды. Объяснимъ нашу мысль.

Никто не наблюдалъ, какъ зародилось первое человѣческое общество. Отправляясь отъ того, что извѣстно о природѣ человѣка, возникновеніе общежитія объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ, по ограниченности своей природы, не можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ въ разрозненномъ быту, а потому и вынужденъ къ соединенію съ другими людьми. Первымъ такимъ союзомъ является половой союзъ мужа и жены, изъ котораго возникаетъ потомъ семья, союзъ родителей и дѣтей, естественно разростающійся въ еще болѣе обширный и также кровный союзъ — родовой. Изъ кровныхъ союзовъ, тѣмъ же естественнымъ порядкомъ нарожденія, возникаютъ союзы мѣстные. Родъ развивается въ племя, среди котораго хотя и можетъ сохраняться еще память о единствѣ происхожденія, но кровное родство не имѣетъ болѣе мѣста. Въ племени, составляющемъ совокупность семей въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ (родовъ), не связанныхъ уже больше кровнымъ родствомъ, но интересы которыхъ разнообразно сталкиваются въ силу постояннаго соприкосновенія по мѣсту жительства, зарождается болѣе обширный общественный союзъ — государство. Съ возникновеніемъ государства исторія формъ общежитія еще не достигаетъ своего послѣдняго развитія. Какъ существованіе отдѣльныхъ семей повело къ образованію болѣе высшаго организма государственнаго, такъ существованіе государствъ должно повести къ еще высшему организму – союзу государствъ.

реформъ. Тотъ же основной взглядъ на дѣленіе замѣчается у проф. Леонтовича, который дѣлитъ исторію русскаго права «на основаніи перемѣнъ въ общественной жизни и источникахъ права» (Истор. рус. права, вып. I, стр. 25 сл.) и у Н. П. Загоскина, который различаетъ три періода, «изъ которыхъ каждый носитъ въ себѣ извѣстнаго рода особенныя черты, составляющія характеристическія отличія его отъ прочихъ періодовъ». Исторія права Москов. государства, т. I, стр. 1 сл.

Древняя и новая исторія представляетъ уже нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ.

Эти разнообразные общественные союзы не составляютъ сами для себя цѣли: они существуютъ не сами для себя, а только какъ средство удовлетворенія потребностей человѣка. Съ этою именно цѣлью вступаетъ человѣкъ въ первый половой союзъ, изъ котораго затѣмъ возникаютъ уже съ необходимостью и всѣ остальные. Въ человѣческомъ мірѣ все сводится къ живой личности, ея потребностямъ и цѣлямъ. Она начало и конецъ всему человѣческому. Всякая форма общежитія, низшая, какъ и самая высшая, является только попыткой примирить личныя стремленія человѣка съ прочнымъ бытіемъ цѣлаго, которое необходимо для осуществленія этихъ стремленій.

Въ этомъ столкновеніи личнаго и общаго вся исторія права, она постоянно имѣетъ дѣло съ различнымъ взаимодѣйствіемъ начала личнаго и общаго, или, говоря иначе, начала личной свободы съ началомъ общественнаго блага. Различныя отношенія начала личнаго (потребностей человѣческой природы) къ началу общаго (область внѣшнихъ явленій, въ данномъ случаѣ: семейство, родъ, государство, союзъ государствъ) и должны быть положены въ основаніе дѣленія исторіи права на періоды. Каждое общество, на какой бы ступени развитія мы его ни наблюдали, представляетъ болѣе или менѣе своеобразное отношеніе этихъ началъ, которое можетъ проявляться какъ въ необузданномъ господствѣ личной свободы, такъ и наоборотъ въ полномъ подавленіи этой свободы началомъ общественнаго порядка, или въ разнообразныхъ попыткахъ признать относительную законность того и другаго.

Это основаніе до такой степени широко, что можетъ обнять всѣ явленія общественной жизни. Различныя отношенія этихъ двухъ началъ непремѣнно отражаются на всемъ государственномъ устройствѣ, управленіи, уголовномъ и гражданскомъ правѣ, процессѣ, церковныхъ порядкахъ и т. д.

Отдѣльные періоды, получаемые въ результатѣ такого дѣленія, не будутъ имѣть рѣзкихъ граней, что совершенно соотвѣтствуетъ и дѣйствительному теченію исторіи, нигдѣ не представляющей перерывовъ и скачковъ. Всякіе новые способы замиренія начала личнаго и общаго вырабатываются чрезвычайно туго, а потому новое состояніе нараждается крайне медленно и незамѣтно вытѣсняетъ старое. Начала новаго порядка возникаютъ при полномъ еще господствѣ стараго и задолго до ихъ будущаго торжества. И наоборотъ, начала стараго, какъ разрозненные его остатки, долго могутъ жить и при

новомъ порядкѣ, и даже при полномъ его господствѣ [1]). На рубежѣ этихъ періодовъ будутъ не крупные отдѣльные факты или царствованія, у начала которыхъ вымираетъ все старое и зарождается новое, даже не десятилѣтія, а цѣлыя промежуточныя эпохи, не точно опредѣленной продолжительности, которыя характеризуются единовременнымъ бытіемъ разнообразныхъ началъ обоихъ смежныхъ періодовъ. Различіе періодовъ скажется не столько въ совершенномъ отрицаніи періодомъ послѣдующимъ всѣхъ признаковъ періода предшествующаго, сколько въ общемъ характерѣ всей совокупности явленій. Всѣ признаки, которыми можетъ быть характеризованъ тотъ или другой періодъ, имѣютъ свое основаніе въ природѣ человѣка и его потребностяхъ, а потому они не безусловно негодны сами по себѣ, а могутъ быть негодны только въ своей крайности и исключительности. Въ другой совокупности тѣ же признаки могутъ быть снова на своемъ мѣстѣ. Признаки одного періода умираютъ въ другомъ только въ своемъ цѣломъ, а не въ отдѣльности. Сами по себѣ они не непремѣнно ложны, а потому могутъ проходить даже чрезъ всю исторію, но въ позднѣйшихъ періодахъ они являются приспособленными къ условіямъ новаго времени.

Всякое дѣленіе есть, хотя и необходимый, но все же искусственный пріемъ науки. Оно тѣмъ менѣе разойдется съ дѣйствительнымъ ходомъ исторической жизни, чѣмъ менѣе будетъ дробно, чѣмъ менѣе будетъ рѣзко и чѣмъ болѣе перейдетъ въ него необходимая связь одного періода съ другимъ.

Въ жизни человѣчества различаютъ времена историческія отъ доисторическихъ. Различіе внѣшнее, основанное на отсутствіи въ доисторическомъ періодѣ письменныхъ памятниковъ, оно вовсе не значитъ, что въ доисторическія времена жизнь человѣка не развивалась. Развитіе человѣка начинается съ очень отдаленнаго времени. Еще задолго до начала исторической эпохи онъ приручилъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, услугами которыхъ мы и по настоящее время пользуемся; открылъ и сталъ воздѣлывать всѣ и теперь употребляемые нами въ пищу злаки, къ которымъ мы съ тѣхъ поръ едва ли прибавили два-три новыхъ вида; открылъ употребленіе огня, и, наконецъ, изобрѣлъ множество орудій, которыя и по настоящее время, хотя и въ усовершенствованномъ видѣ, находятся въ нашемъ ежедневномъ

[1]) Невозможность рѣзко разграничить періоды давно уже сознана въ нашей литературѣ. На это указывали К. Д. Кавелинъ, С. М. Соловьевъ и покойный Чебышевъ-Дмитріевъ.

употребленіи. Въ доисторическія времена человѣкомъ были уже сдѣланы обширныя завоеванія въ области культуры. Но объ этой отдаленной эпохѣ мы имѣемъ слишкомъ недостаточныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ можно составить себѣ только представленіе о внѣшней обстановкѣ его быта, объ общественной же организаціи этого быта и послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его эти свидѣтельства ничего не говорятъ. Всѣ заключенія историковъ объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ основаны на свидѣтельствахъ позднѣйшихъ памятниковъ, относящихся уже къ болѣе высокому состоянію культуры, и суть заключенія отъ позднѣйшаго къ древнѣйшему. Только съ изобрѣтеніемъ письменности и первыми опытами записыванія совершившихся событій начинаются достовѣрныя историческія времена. Хотя различіе историческаго и доисторическаго времени чисто внѣшнее, но для исторіи явленій общественнаго быта совершенно существенное. Объ исторіи учрежденій и права можетъ быть рѣчь только при томъ условіи, когда свидѣтельства о нихъ сохранились въ письменныхъ памятникахъ. Для исторіи русскаго права это время не восходитъ далѣе X, много IX вѣка, когда русскіе жили не разрозненными семьями и родами, а составляли уже болѣе обширные племенные союзы. Это время мы и будемъ считать древнѣйшимъ, сколько нибудь достовѣрно намъ извѣстнымъ, съ него и начнемъ дѣленіе нашей исторіи на періоды.

Отличительная черта перваго періода состоитъ въ преобладаніи частной, личной воли и, соотвѣтственно этому, въ относительной слабости начала общаго, государственнаго [1]). Эта черта проходитъ по всѣмъ явленіямъ общественнаго быта. Изложеніе состоянія права въ этомъ періодѣ должно выяснить и доказать эту его особенность. Здѣсь же мы ограничимся краткимъ указаніемъ только нѣкоторыхъ наиболѣе характеристическихъ сторонъ его. Но и это немногое должно быть принято на вѣру. Мы уже имѣли случай выше замѣтить, что всякое дѣленіе на періоды есть только выводъ изъ всего хода исторіи и можетъ быть совершенно оправдано только полнымъ ея изложеніемъ.

Въ государственномъ устройствѣ и управленіи господство начала

---

[1]) Въ противоположность къ весьма распространенному въ нашей литературѣ взгляду на родовой бытъ, какъ отличительный признакъ перваго періода, Б. Н. Чичеринъ характеризуетъ это время «безграничнымъ господствомъ личной свободы, благодаря которому общественные элементы были слишкомъ слабы и безсвязны». О народномъ представительствѣ, 358 сл. Этотъ взглядъ мы считаемъ вполнѣ вѣрнымъ.

личности проявляется въ томъ, что верховная власть не сосредоточена въ рукахъ князя, а принадлежитъ ему вмѣстѣ съ народомъ, который осуществляетъ свои права въ формѣ вѣча. Участіе народа въ вѣчевыхъ собраніяхъ есть его право, а не обязанность. Неограниченное начало личности проявляется въ непризнаніи правъ большинства въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ: меньшинство, какъ бы оно ни было малочисленно, не считаетъ себя обязаннымъ подчиняться рѣшенію большинства. Едва только оно находитъ себя правымъ и сколько нибудь сильнымъ, оно сопротивляется большинству съ оружіемъ въ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка является раздробленность Россіи на множество отдѣльныхъ мелкихъ княженій, одно отъ другаго независимыхъ и состоящихъ въ постоянной борьбѣ между собой, и слабость этихъ княженій (такъ называемый удѣльно — вѣчевой періодъ). Отдѣльные элементы, входящіе въ составѣ княженій, весьма некрѣпко между собой связаны и оказываютъ постоянное стремленіе къ разъединенію. Княжества не постоянны въ своемъ составѣ и время отъ времени выдѣляютъ изъ своей среды новыя: изъ Кіевскаго выдѣляется Переяславское, изъ Черниговскаго — Муромское, изъ Новгородскаго — Псковское, изъ Ростовскаго — Владимірское и т. д., безконечное дробленіе, путемъ котораго и совершается освоеніе русскими племенами почти всей территоріи современной европейской Россіи. Населеніе княжествъ не прикрѣплено ни къ мѣсту своего жительства, ни къ службѣ. Оно свободно переходитъ изъ княжества въ княжество, изъ города въ городъ и деревню, и служитъ только если хочетъ, а не по обязанности. Начала общаго являются крайне слабыми даже въ той области государственнаго управленія, въ которой такъ необходима дисциплина и безпрекословное повиновеніе приказаніямъ начальства, именно въ военной. Вопросъ о томъ, когда и какъ напасть на непріятеля, нерѣдко рѣшается не приказаніемъ князя, а согласнымъ крикомъ воиновъ. Съ господствомъ того же начала личной воли встрѣчаемся и въ области уголовнаго права. Понятіе преступленія опредѣляется не нарушеніемъ закона, а матеріальнымъ представленіемъ обиды, наносимой частному человѣку. Понятіе цѣлаго до такой степени еще мало развито, что преступленій государственныхъ древнѣйшее время совсѣмъ не знаетъ. Древнѣйшая форма наказанія — есть частная месть, а суда — самоуправство. Начало личной свободы отражается и на системѣ отдѣльныхъ судебныхъ доказательствъ, многія изъ которыхъ запечатлѣны элементомъ вѣры (суды божіи и послухи-пособники). Въ семейственномъ правѣ тоже начало проявляется въ господствѣ главы семейства надъ

всѣми членами семьи: надъ женой, какъ и надъ дѣтьми. Законъ, какъ выразитель начала цѣлаго, до такой степени еще слабъ, что не вмѣшивается въ эти интимныя отношенія и не принимаетъ никакихъ мѣръ для огражденія жены и дѣтей отъ возможныхъ злоупотребленій мужа и отца. Господство того же начала проявляется, наконецъ, и въ свойственныхъ этому періоду источникахъ права. Главнѣйшій источникъ права есть обычай, но не всероссійскій, а весьма частный, различающійся по отдѣльнымъ мѣстамъ, далеко не объединившійся и не окрѣпшій еще въ опредѣленныхъ неизмѣнныхъ формахъ. Рядомъ съ обычаемъ, другой важный способъ установленія права составляютъ соглашенія частныхъ воль (договоры) относительно началъ, опредѣляющихъ ихъ взаимныя отношенія. Какъ междукняжескія отношенія, такъ и отношенія частныхъ лицъ, въ сферѣ ихъ гражданскихъ правъ, опредѣляются такими соглашеніями. О чемъ договорились покупатель и продавецъ, наниматель и наемникъ— то и право. Свободный человѣкъ можетъ даже продать себя въ рабство другому и, такимъ образомъ, пожертвовать изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплой одежды и крова всѣми своими человѣческими правами. Неокрѣпшее государство не сознаетъ еще за собою обязанности охранять слабаго отъ сильнаго.

Таковы главнѣйшія особенности перваго періода. Но характеризовать свойства даннаго періода еще мало. Нужно указать связь его съ предшествующимъ. Ни одно состояніе въ исторіи не является само по себѣ, оно всегда есть слѣдствіе своего предыдущаго. Какъ же возникло въ общихъ чертахъ намѣченное нами состояніе изъ своего предшествующаго?

Относительно этого предшествовавшаго времени въ наукѣ есть только догадки. Высшую степень вѣроятности имѣетъ догадка объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ, какъ предшествующей историческому времени стадіи развитія. Семейный бытъ, отъ котораго, надо думать, пошло развитіе человѣческихъ обществъ, представляется господствомъ главы семейства надъ членами его семьи. При отсутствіи другихъ высшихъ союзовъ, въ рукахъ его сосредоточивается всякая власть, свѣтская и духовная, надъ членами его семьи. Съ дальнѣйшимъ разростаніемъ семьи, съ бракомъ подвластныхъ членовъ, власть отца (теперь уже дѣда) распространяется и на внуковъ. Это расширенное семейство, или родъ. Со смертію естественнаго главы рода, родъ или остается, пока это нравится его членамъ, подъ управленіемъ искусственнаго главы, или распадается на семьи въ тѣсномъ смыслѣ и т. д. Такимъ образомъ возникаетъ

племя, которое организуется въ болѣе обширный союзъ — государство. Въ составъ этого перваго государства входятъ, слѣдовательно, полноправные представители своихъ семей и родовъ, неограниченные владыки своихъ кровныхъ союзовъ. Первое племенное государство, образовавшееся изъ такихъ элементовъ, непремѣнно должно было отличаться преобладаніемъ личнаго элемента, не всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, конечно, а неограниченныхъ представителей своихъ семей и родовъ. Войдя въ составъ этого высшаго союза, они не могли же съ разу отрѣшиться отъ той воли, которою пользовались въ прежнемъ низшемъ союзѣ, и вполнѣ поступиться ею въ пользу представителя этого новаго союза, болѣе искусственнаго и не совсѣмъ понятнаго естественному смыслу первобытнаго человѣка. Племенное государство, отличающееся преобладаніемъ личнаго начала, есть необходимое слѣдствіе семейнаго и родоваго быта, какъ предшествовавшей ему стадіи развитія.

Отдѣльныя черты этого древнѣйшаго быта сохраняются и въ первомъ періодѣ, а въ смягченной формѣ могутъ перейдти и въ послѣдующіе, если окажутся примиримыми съ потребностями новаго болѣе благоустроеннаго общежитія. Какъ на такой остатокъ предшествующаго быта въ первомъ періодѣ можно указать на крайнее развитіе отческой власти, на особое уваженіе къ старшимъ лѣтами, которые выдѣляются въ особый разрядъ старцевъ, на ссылки князей, при спорахъ о столахъ, на свое родовое старшинство, какъ на какое-то право, передъ которымъ младшіе должны преклоняться, и т. под. (черты такъ называемаго патріархальнаго или родоваго періода).

Второй періодъ, въ противоположность первому, отличается преобладаніемъ цѣлаго, естественныя требованія котораго не были, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ. Если въ первомъ господствуетъ частная воля, то второй можно охарактеризовать какъ школу подчиненія частной воли волѣ государственной. Верховная власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица — царя московскаго и императора всероссійскаго. Все остальное населеніе раздѣляется на сословія, прикрѣпляется къ мѣсту и записывается въ государственное тягло. Служба государству становится обязанностью, уклоненіе отъ которой ведетъ къ тѣлесному наказанію кнутомъ. Прежней воли слѣда нѣтъ. По мѣрѣ возникновенія сильной государственной власти прежняя раздробленность и неустойчивость княженій исчезаетъ, отдѣльныя княженія сливаются въ одно цѣлое московское государство, которое потомъ развивается въ имперію россійскую. Соотвѣтственно этому источники права объединяются. Въ самомъ ха-

рактерѣ ихъ происходитъ существенное измѣненіе: обычаи и договорное начало смѣняются указами московскихъ государей и регламентами императоровъ россійскихъ, воля которыхъ, въ принципѣ, становится единственнымъ источникомъ права. Все должно дѣлаться по указамъ. Въ уголовномъ правѣ понятіе преступленія теряетъ свой прежній характеръ и пріобрѣтаетъ формальное значеніе, оно становится нарушеніемъ закона, ослушаніемъ воли государя. Соотвѣтственно окрѣпшему значенію государства появляются государственныя преступленія, древнѣйшему времени совсѣмъ неизвѣстныя. Система частныхъ наказаній вытѣсняется системой публичныхъ, налагаемыхъ не въ интересахъ пострадавшаго, а въ интересахъ цѣлаго, чтобы лихихъ людей искоренить и доставить государству необходимое спокойствіе. Въ судопроизводствѣ всякое самоуправство воспрещается, оно само становится преступленіемъ. Старая система судебныхъ доказательствъ мало по малу теряетъ свое значеніе и наконецъ замѣняется строго формальной. Окрѣпшее государство налагаетъ свою руку и на область гражданскаго права. Поземельныя имущества облагаются государственнымъ тягломъ и получаютъ почти казенный характеръ. Возникаетъ сложная регламентація частныхъ сдѣлокъ. Договоры имѣютъ силу только, если соотвѣтствуютъ видамъ правительства и облечены въ установленную отъ него форму. Даже интимная область человѣческой мысли и совѣсти не осталась свободна отъ государственнаго вмѣшательства. Воеводскіе наказы предписываютъ, какъ гражданскій долгъ, хожденіе въ церковь, соблюденіе постовъ, опредѣляютъ сколько разъ каждый христіанинъ долженъ быть на исповѣди и у святаго причастія и т. д.

Крайностью перваго періода было почти необузданное господство личной воли, естественно соединявшееся съ непризнаніемъ законныхъ правъ цѣлаго; крайностью втораго періода является подавляющее господство цѣлаго, съ точки зрѣнія котораго всякое проявленіе личной свободы представляется подозрительнымъ и опаснымъ. Необходимымъ слѣдствіемъ односторонности такого направленія является крайнее подавленіе мысли человѣческой, выразившееся совершеннымъ застоемъ не только всякаго умственнаго движенія, но даже и частной предпріимчивости въ области промышленности и торговли.

Какъ первый періодъ возникъ изъ предшествовавшаго ему семейнаго и родоваго быта, такъ второй, въ свою очередь, есть естественное порожденіе перваго и весьма долго сохраняетъ замѣтные слѣды такого своего происхожденія. Побѣдоносное цѣлое, подчинив-

шее себѣ всѣ частныя воли, появилось въ видѣ личной воли московскаго князя. Изъ эпохи господства и борьбы личныхъ воль побѣдительницей, естественно, должна была выдти наиболѣе сильная частная воля. Таковою волею была воля московскаго князя и вотъ почему все государство приняло характеръ частнаго дѣла московскихъ государей. Понятіе государства не отдѣлилось еще отъ понятія личности его представителя, который склоненъ разсматривать государство, какъ свою вотчину (такъ называемый вотчинный періодъ).

Частныя права хотя и не уничтожены въ принципѣ, но они не уважаются государственною властью, которая не задумывается принести ихъ въ жертву цѣлому, какъ скоро находитъ это нужнымъ. Московскіе государи также распоряжаются частной собственностью своихъ подданныхъ, какъ и своей личной: черносошныхъ крестьянъ съ ихъ землями они отдаютъ въ помѣстья, или приписываютъ къ своимъ дворцовымъ волостямъ, духовныя завѣщанія частныхъ лицъ отмѣняютъ своими приказами и завѣщанныя вотчины отбираютъ на себя. Какъ прежде частная воля переходила границы возможнаго и не давала образоваться твердому государственному тѣлу, такъ теперь государственная воля переходитъ границы возможнаго и не даетъ свободно дышать частному человѣку. Одна крайность вызвала другую. Свобода, которая въ первомъ періодѣ была достояніемъ каждаго мужа, сосредоточилась во второмъ только на органахъ власти.

Какъ первый періодъ не даетъ полнаго удовлетворенія естественной потребности человѣка въ общежитіи, такъ и второй, а потому за этимъ вторымъ долженъ послѣдовать третій, въ которомъ имѣютъ получить свое примиреніе обѣ развившіяся въ предшествовавшее время крайности: рядомъ съ признаніемъ необходимыхъ правъ цѣлаго должны быть признаны и твердо ограждены и права частныхъ лицъ.

Совершеннаго примиренія этихъ крайностей, которымъ бы окончательно и навсегда завершилось историческое развитіе человѣчества, мы до сихъ поръ нигдѣ не находимъ. Дѣйствительность представляетъ только болѣе или менѣе удовлетворительныя, при данныхъ условіяхъ, попытки примиренія этихъ крайностей, которыя, съ дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи, уступаютъ мѣсто новымъ. Развитіе человѣчества, съ этой точки зрѣнія, не имѣетъ видимой границы. Наиболѣе полная и совершенная попытка, которую встрѣчаемъ во всѣхъ передовыхъ государствахъ нашего времени, состоитъ въ такъ называемомъ представительномъ устройствѣ, отличительныя черты котораго, состоящія въ народномъ представительствѣ, въ отдѣленіи суда отъ управленія, въ отвѣтственности органовъ управленія, свободѣ

совѣсти, печати и общественныхъ союзовъ, всѣмъ хорошо извѣстны. Мы не должны, однако, обманывать себя относительно той пользы, которую приносятъ обществу эти учрежденія. Онѣ не въ силахъ уничтожить всякую возможность враждебныхъ столкновеній личной свободы и общаго блага, онѣ не могутъ искоренить всего того зла, которое въ значительной мѣрѣ встрѣчается во всякомъ обществѣ, они не могутъ сдѣлать человѣка добродѣтельнѣй и счастливѣй. Государства съ представительными учрежденіями даютъ не мало примѣровъ самой ожесточенной борьбы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ партій съ обще-признанными началами порядка. Эти болѣзненныя явленія не могутъ быть устранены никакими формами устройства, никакими запретительными законами, и одинаково встрѣчаются какъ въ свободныхъ государствахъ, такъ и въ государствахъ, строго преслѣдующихъ всякое неразрѣшонное властью слово, всякую недозволенную полиціей сходку. Злоупотребленія органовъ администраціи, хотя и болѣе затруднены, но не совершенно невозможны и при представительствѣ: примѣры вопіющаго казнокрадства даютъ не одни соединенные штаты Сѣверной Америки. На представительную форму правленія давно уже никто не смотритъ какъ на средство отъ всѣхъ золъ. Если бы люди были совершенны, не было бы надобности ни въ какихъ формахъ устройства и ни въ какихъ законахъ. Но такъ какъ слабости и пороки, — эта хотя и не необходимая, но довольно обыкновенная дань ограниченной природѣ человѣка, — сопутствуютъ ему на всѣхъ ступеняхъ развитія, то и самыя лучшія учрежденія, попавши въ недостойныя руки, могутъ быть искажены. Если безсиліе представительныхъ учрежденій сдѣлать порочныхъ людей добродѣтельными и ни для кого не составляетъ тайны, то возможная польза ихъ едва ли кѣмъ была указана въ такой ясной, привлекательной и даже поэтической формѣ, какъ это сдѣлала императрица Екатерина Великая болѣе ста лѣтъ тому назадъ. О трудахъ созванной ею законодательной коммиссіи она отозвалась такъ: „Коммиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно.... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“. Эта заслуга представительной системы, признанная съ высоты русскаго престола, составляетъ неоспоримое и незамѣнимое достоинство всякаго представительства. Какъ бы совершенно ни было устроено бюрократическое государство, сколько бы министерствъ, главныхъ управленій, комитетовъ и канцелярій оно ни имѣло, высшее его правительство никогда не стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ народу, къ

его нуждамъ и пользамъ. Только представительство ставитъ органы власти лицомъ къ лицу съ народными потребностями. Государь не имѣетъ иныхъ цѣлей, кромѣ блага государства, блага народа, блага каждаго отдѣльнаго человѣка. Но въ бюрокртическомъ государствѣ, какъ бы ни былъ государь преданъ благу народа, а народъ своему государю, нѣтъ учрежденія, въ которомъ бы эта необходимая солидарность интересовъ верховной власти и народа формальнымъ и торжественнымъ образомъ обнаруживалась. Только представительство приводитъ въ прямую связь верховную власть и подданныхъ и дѣлаетъ каждаго подданнаго живо заинтересованнымъ охраненіемъ того государственнаго строя, существенный элементъ котораго онъ составляетъ самъ, но не какъ тяглая только единица, а какъ лицо, на которомъ, выражаясь словами манифеста императрицы Екатерины Великой отъ 14 декабря 1766 года, почіетъ высокая довѣренность и любовь его государя. Система представительства обезпечиваетъ хотя медленное, но зрѣлое поступательное развитіе народа, свободное отъ всякихъ неожиданныхъ скачковъ и болѣзненныхъ потрясеній государственнаго организма.

Таковы три періода, на которые должна быть раздѣлена исторія права и государства. Какъ же распредѣляются они во времени?

Мы уже выше замѣтили, что историческое развитіе народа совершается крайне медленно, не прямолинейно, съ остановками, перерывами и даже попятнымъ движеніемъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей историческаго роста, дѣленіе исторіи на періоды не допускаетъ рѣзкихъ и точно опредѣленныхъ границъ; нельзя указать, гдѣ начинается одинъ и оканчивается другой. Первые проблески новаго періода могутъ появиться въ одной какой либо области права при полномъ господствѣ старыхъ началъ во всѣхъ остальныхъ, и, наоборотъ, черты стараго порядка могутъ еще крѣпко держаться при значительномъ уже накопленіи элементовъ новаго, хотя и отразятъ на себѣ до нѣкоторой степени ихъ вліяніе. Отвѣтъ на вопросъ о распредѣленіи періодовъ во времени долженъ заключаться не столько въ опредѣленіи крайнихъ точекъ, у которыхъ оканчивается старый и начинается новый, сколько въ указаніи того промежутка времени, когда совокупность признаковъ даннаго періода представляется наиболѣе полною.

Съ этой точки зрѣнія первый періодъ имѣетъ свое наиболѣе полное выраженіе въ княжеской Россіи, или удѣльно-вѣчевой. Второй—ясно обозначился въ московской Россіи, получилъ свое формальное завершеніе въ имперіи россійской и въ настоящее время не мо-

жетъ быть еще разсматриваемъ какъ окончательно исчерпанный, хотя вмѣстѣ съ его формальнымъ завершеніемъ начинается уже и появленіе отдѣльныхъ признаковъ, указывающихъ на зарожденіе третьяго періода, полное осуществленіе котораго есть дѣло будущаго.

Этимъ дѣленіемъ въ развитіи исторіи русскаго права выясняются два періода, почти равные по продолжительности, каждый изъ которыхъ занимаетъ пространство времени приблизительно до 500 лѣтъ. Столѣтія XIV и XV составляютъ широкую границу этихъ двухъ періодовъ. Эту границу надо понимать не въ томъ смыслѣ, что здѣсь впервые только зарождаются признаки втораго періода, а признаки перваго окончательно вымираютъ. Нѣкоторыя отдѣльныя черты втораго появляются гораздо ранѣе, однѣ съ принятіемъ христіанства, другія съ завоеваніемъ Руси татарами, и, наоборотъ, нѣкоторыя черты перваго періода далеко заходятъ въ XVI и даже въ XVII вѣкъ. XIV и XV в. есть то время, когда характеристическія черты втораго періода получили уже такую силу, что окончательное торжество новыхъ началъ можетъ быть уже предусматриваемо. Подобно этому, нынѣ переживаемое нами столѣтіе есть время, когда отдѣльные признаки третьяго періода въ значительной уже степени накопились. Это опять не значитъ, что признаки третьяго періода появляются только съ XIX вѣка, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ гораздо болѣе продолжительную исторію.

Мы уже прежде имѣли случай указать на то, что признаки извѣстнаго періода не обречены къ непремѣнному и окончательному вымиранію въ послѣдующихъ. Имѣя свое основаніе въ природѣ человѣка, эти признаки могутъ заключать въ себѣ нѣчто весьма постоянное. Видоизмѣняясь согласно съ требованіями обстоятельствъ времени, они могутъ проходить чрезъ всю исторію.

Къ такимъ постоянно видоизмѣняющимся по своему осуществленію, но никогда не вымирающимъ окончательно признакамъ принадлежитъ само начало личной свободы, крайнее преобладаніе котораго въ первомъ періодѣ дало началу нашей исторіи такой своеобразный и частью даже хаотическій характеръ. Въ вѣчевой жизни перваго періода выразилось естественное, но непримиренное съ интересами цѣлаго стремленіе древняго человѣка къ свободѣ. Гражданская свобода не можетъ быть основана на безусловномъ господствѣ личности. Въ благоустроенномъ общежитіи личность должна признать надъ собою дѣйствіе общаго закона, въ пользу котораго она должна поступиться безусловностью своихъ личныхъ притязаній. Только та-

кимъ самоограниченіемъ личности въ интересахъ цѣлаго можетъ быть достигнута удовлетворительная форма общежитія. Стремленіе къ свободному проявленію личности само по себѣ не ложно: человѣкъ нуждается въ общежитіи не для того, конечно, чтобы его личность умерла въ этой формѣ жизни. Только крайнее проявленіе начала личности въ первомъ періодѣ было ложно, такъ какъ оно не допускало образованія твердаго политическаго тѣла съ твердою государственною властью. Но въ иной, значительно смягченной, формѣ проявленіе начала личности встрѣчается и во второмъ періодѣ. Вѣчевой бытъ не соотвѣтствовалъ объединенному московскому государству, которое далеко вышло за предѣлы племенныхъ княженій, жизнь которыхъ сосредоточивалась въ одномъ главномъ городѣ. Но самая идея участія отдѣльной личности въ общественныхъ дѣлахъ государства свойственна и второму періоду. Въ объединенномъ московскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ новой формой этого участія, приспособленной какъ къ территоріальному расширенію московскаго государства, такъ и къ новому значенію власти московскаго государя. Это участіе выразилось въ формѣ земскихъ соборовъ. Согласно усилившемуся значенію власти московскаго государя, соборы сходятся не сами собой, а созываются по волѣ государя и только тогда, когда онъ находитъ нужнымъ. Значительные размѣры московскаго государства не допускаютъ, чтобы на соборы сходилось все населеніе поголовно, какъ это имѣло мѣсто въ вѣчевыхъ собраніяхъ; въ Москвѣ возникаетъ поэтому начало представительства. Право участія въ соборахъ московскіе государи предоставляютъ всему населенію, но не поголовно, а чрезъ посредство небольшаго числа избираемыхъ имъ представителей. Мы уже имѣли случай въ особой статьѣ, помѣщенной во II томѣ Сборника Государственныхъ Знаній, остановиться на подробностяхъ нашей соборной организаціи и не считаемъ необходимымъ повторять тамъ сказанное. Земскіе соборы созданы актомъ воли московскихъ государей. Этимъ положено было начало живому выраженію единства русской земли. Всѣ распоряженія, которыя дѣлались на основаніи соборныхъ постановленій, опирались на единодушномъ рѣшеніи представителей всего государства. Созывая соборы, московскіе государи хотѣли соединить все населеніе государства въ дѣятельномъ участіи при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, они искали въ нихъ опоры своимъ усиліямъ на пользу Россіи. Московскіе государи не ошиблись въ своихъ намѣреніяхъ. Соединенные у престола ихъ представители русской земли оказали имъ самую энергическую поддержку въ смутную эпоху на-

шей исторіи и помогли московскому государству побѣдоносно выдти изъ тѣхъ затрудненій, которыя угрожали самому его бытію.

Идея личной свободы, какъ необходимаго элемента всякой благоустроенной государственной жизни, не вымерла и въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Но здѣсь она явилась опять въ новыхъ формахъ, сооотвѣтственно общему ходу нашей исторіи за это время.

Эпоха горячихъ преобразованій царствованія Петра Великаго мало благопріятствовала созванію земскихъ соборовъ. Великій преообразователь Россіи имѣлъ слишкомъ мало сочувствія къ старымъ московскимъ порядкамъ и слишкомъ былъ проникнутъ самоувѣренной мыслью что все, необходимое для блага Россіи, хорошо извѣстно ему изъ его личнаго опыта, чтобы обращаться къ содѣйствію ея представителей. Личное знакомство съ континентальною Европою, въ которой господствовалъ тогда просвѣщенный абсолютизмъ, также не могло навести его на мысль о представительствѣ. Но если личное настроеніе царя и устройство тѣхъ опередившихъ Россію западныхъ государствъ, въ которыхъ онъ черпалъ вдохновеніе для своихъ преобразованій, и не могли навести его на широкія попытки примиренія начала личнаго съ общимъ, все же, въ частностяхъ, онъ не былъ противникомъ расширенія началъ мѣстнаго самоуправленія. Заимствованныя имъ у запада магистратскія учрежденія даютъ городскому населенію широкую свободу самостоятельной дѣятельности. Ему было предоставлено даже право сочинять уставы и представлять ихъ на утвержденіе сената. Масса вопросовъ, которыхъ единовременно касалась преобразовательная дѣятельность Петра, быстрота, съ которой одно преобразованіе слѣдовало за другимъ, недостатокъ солидной теоретической подготовки дѣятелей, все это мѣшало послѣдовательному проведенію началъ преобразованія. Отсутствіе послѣдовательности весьма замѣтно и въ указахъ, касающихся городскаго управленія [1]). Но для насъ важно здѣсь признаніе Петромъ Великимъ принципа мѣстнаго самоуправленія. Широкую свободу мѣстнаго самоуправленія онъ вовсе не считалъ опасной и противорѣчащей общему государственному благу, иначе онъ не подписалъ бы регламента главнаго магистрата и инструкціи магистратамъ, которыми предоставлялись городскому населенію гораздо большія права самоуправленія, чѣмъ всѣми послѣдовавшими актами этого рода.

[1]) На этотъ недостатокъ петровскихъ реформъ хорошо указано въ изслѣдованіи И. И. Дитятина объ «Устройствѣ и управленіи городовъ въ Россіи».

Если Петръ Великій и не сдѣлалъ ничего въ области народнаго представительства, то свѣтъ науки, внесенной его государственной мудростью въ предѣлы Россіи, открылъ его преемникамъ широкій путь для попытокъ въ этомъ направленіи [1]). Рядъ этихъ попытокъ, благодаря преданіямъ великой эпохи петровскаго царствованія, идетъ у насъ весьма своеобразнымъ путемъ: реформы направляются сверху внизъ. Съ той поры, какъ Петръ Великій смѣло и рѣшительно взялъ въ свои руки дѣло преобразованія Россіи и задался мыслію поставить ее на одинъ уровень съ опередившими насъ западно-европейскими государствами, дальнѣйшее преобразованіе имперіи на европейскихъ началахъ составляетъ какъ бы священный завѣтъ всѣхъ великихъ представителей нынѣ царствующаго дома Романовыхъ.

Въ лицѣ Екатерины II на императорскій всероссійскій престолъ вступила женщина, которая стояла далеко впереди не только нашего отечественнаго просвѣщенія, но и общаго уровня просвѣщенія современной ей западной Европы. Она принадлежала къ числу тѣхъ тогда еще немногихъ въ Европѣ лицъ, которыя умѣли оцѣнить всю государственную важность сдѣланнаго Монтескье указанія на особенности англійскаго представительнаго устройства. Мысль императрицы немедленно перешла въ дѣло созванія депутатовъ законодательной коммиссіи, которымъ она опередила всю континентальную Европу и вызвала всеобщій восторгъ среди своихъ подданныхъ, вполнѣ оцѣнившихъ великодушный починъ своей государыни. Хотя начала представительства не были чужды нашему до-петровскому быту, но екатерининская попытка возникла не столько въ силу не-

---

[1]) На это значеніе петровскаго царствованія указано еще Сперанскимъ: «Петръ Великій, говоритъ онъ, во внѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу политической свободы; но онъ отверзъ ей двери тѣмъ самымъ, что открылъ входъ наукамъ и торговлѣ. Безъ точнаго намѣренія дать своему народу политическое бытіе, но по одному такъ сказать инстинкту просвѣщенія, онъ все къ этому пріуготовилъ». Нѣсколько выше, указавъ на отсутствіе предусмотрительности и послѣдовательности въ политикѣ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ XVIII вѣка, Сперанскій, въ примѣчаніи, говоритъ: «Какое противорѣчіе: желать наукъ, коммерціи и промышленности и недопускать самыхъ естественныхъ ихъ послѣдствій; желать, чтобы разумъ былъ свободенъ, а воля въ цѣпяхъ, чтобы страсти утонялись и перемѣнялись, а предметы ихъ желаній оставались бы въ одномъ положеніи, чтобы народъ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащенія, свободою. Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы народъ просвѣщенный и коммерческій могъ долго въ рабствѣ оставаться». Проектъ плана государственнаго устройства, рукопись, писанная рукою Сперанскаго и хранящаяся въ императорской публичной библіотекѣ. За указаніе мнѣ этого важнаго памятника считаю долгомъ принести мою глубочайшую благодарность господину помощнику директора Императорской Публичной Библіотеки, академику, А. Ѳ. Бычкову.

прерывности историческаго преданія, сколько подъ вліяніемъ новыхъ просвѣтительныхъ идей запада. Знакомство съ западомъ, освѣтивъ нашу старину привлекательнымъ для императрицы свѣтомъ европейской науки, значительно облегчило возрожденіе того, что было извѣстно нашимъ предкамъ помимо всякаго сторонняго вліянія.

Мы имѣли уже случай въ другомъ изданіи (Вѣстникъ Европы, 1878, № 1) сдѣлать разборъ дѣятельности екатерининской коммиссіи и не будемъ повторять всего, тамъ сказаннаго. Громадность и трудность задачи, возложенной на коммиссію, новость дѣла и совершенно понятная при этомъ условіи невыработанность и даже нѣкоторая непослѣдовательность основныхъ мыслей, которыя должны были руководить ея дѣятельностью, въ связи съ неудачнымъ выборомъ лицъ, направлявшихъ работы, — все это было причиной, что екатерининская законодательная коммиссія не оправдала ожиданій императрицы и самихъ депутатовъ. Но и при существованіи всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыми были обставлены работы коммиссіи, дѣятельность ея далеко не осталась безплодной. Привезенные депутатами наказы пролили яркій свѣтъ на тогдашнее положеніе государства, поставили императрицу лицомъ къ лицу съ нуждами и желаніями Россіи и дали ей возможность воспользоваться въ своей позднѣйшей законодательной дѣятельности заявленіями депутатовъ. Допущенная императрицей полная свобода преній еще разъ обнаружила тотъ здравый государственный смыслъ русскаго человѣка, который не разъ спасалъ Россію въ минуты опасности, оказалъ ей такія важныя услуги въ смутную эпоху начала XVII вѣка и теперь продолжаетъ поддерживать всѣ благія начинанія ея государей, какихъ бы жертвъ кровью и имуществомъ они ни требовали у Россіи. Наконецъ, попытка Екатерины Великой дала примѣръ дружнаго соединенія на одномъ общемъ дѣлѣ всѣхъ разноплеменныхъ народностей, входящихъ въ составъ обширной россійской имперіи. Опасенія императрицы, что нѣкоторыя окраины Россіи не пришлютъ депутатовъ, оказались напрасными. Малороссія отозвалась на ея великодушный призывъ не съ меньшею готовностью, чѣмъ губерніи великороссійскія. Представители балтійскаго края принимали дѣятельное участіе въ общихъ преніяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ весьма потрудились надъ составленіемъ отдѣльныхъ частей общаго для всей имперіи проекта уложенія.

Просвѣщенная попытка Екатерины Великой нашла горячаго послѣдователя въ ея ближайшемъ преемникѣ и ученикѣ, императорѣ Александрѣ I. Воспитанный въ просвѣтительныхъ идеяхъ XVIII

вѣка, онъ съ ранней молодости былъ проникнутъ мыслью дать такое устройство своей обширной монархіи, въ которомъ права личности были бы также обезпечены, какъ и законные интересы цѣлаго [1]). Вѣрнаго исполнителя своихъ предначертаній императоръ нашелъ въ Сперанскомъ, который, по его указаніямъ, выработалъ цѣлый планъ общаго государственнаго устройства имперіи. Этотъ планъ въ теченіи октября и ноября 1809 года „государю угодно было разсмотрѣть и опредѣлить", какъ выразился Сперанскій въ своемъ отчетѣ за 1810 годъ, представленномъ императору 11-го февраля 1811 г. [2]). Въ томъ же напечатанномъ уже отчетѣ встрѣчаемъ и общую характеристику направленія новаго устройства, принятаго императоромъ. Упомянувъ о дѣятельности государственнаго совѣта, учрежденіемъ котораго было положено начало приведенія въ исполненіе всего плана, Сперанскій говоритъ: „Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ". Что же разумѣлъ императоръ подъ истинными монархическими формами, къ которымъ онъ рѣшился перейти? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самый планъ, который вноситъ совершенно новыя мысли въ нашу государственную практику [3]).

Подъ истинно монархическими формами планъ разумѣетъ такое государственное устройство, въ которомъ населеніе имперіи, чрезъ посредство своихъ представителей, пользуется участіемъ въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Съ цѣлью преобразованія порядка законодательнаго предполагалось образовать государственную думу, участіе которой было бы необходимо при изданіи: 1) законовъ, понятіе которыхъ планъ дѣлаетъ попытку отдѣлить отъ правительственныхъ распоряженій, издаваемыхъ подъ разными именами: учрежденій, инструкцій и пр.; 2) постановленій о налогахъ и общихъ повинностяхъ и 3) распоряженій о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ.

---

[1]) Это настроеніе императора получило прекрасную характеристику въ статьяхъ А. Н. Пыпина, Вѣстникъ Европы за 1871 годъ.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 21, стр. 448. Ср. еще: «Жизнь Сперанскаго» Барона М. Корфа, т. I, гл. 2.

[3]) «Если бы права державной власти, читаемъ въ планѣ, были не ограничены, если бы силы государственныя были соединены въ державной власти въ такой степени, что никакихъ правъ не оставляли бы онѣ подданнымъ, тогда государство было бы въ рабствѣ и правленіе было бы деспотическое. Хотя права гражданскія и могутъ существовать безъ правъ политическихъ, но бытіе ихъ въ семъ положеніи не можетъ быть твердо. Изъ сего слѣдуетъ, что истинныя права гражданскія должны быть основаны на правахъ политическихъ, точно также, какъ и законъ гражданскій вообще не можетъ быть твердъ безъ закона политическаго». Вышеприведенная рукопись императорской публичной библіотеки.

Несмотря на всю кажущуюся новость этого начала для Россіи XIX вѣка и на очевидно западный его источникъ, оно вовсе не чуждо нашей до-петровской исторіи. *Начало монархической формы правленія стоитъ въ нашей исторіи незыблемо: безъ монарха русскій человѣкъ не можетъ жить.* Во всѣхъ случаяхъ прекращенія царствовавшаго рода московскихъ государей, народъ неизмѣнно и безъ всякаго колебанія и раздѣленія обращался къ избранію новаго монарха, но вмѣстѣ съ тѣмъ, русскій народъ вовсе не считалъ несовмѣстнымъ съ этой формой правленія установленіе правилъ въ родѣ тѣхъ, которыя приняты въ планѣ императора Александра. Въ пунктахъ, которые были предложены избранному на московскій престолъ польскому королевичу Владиславу, встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „На Москвѣ и по городомъ суду быти и совершатися по прежнему обычаю и по судебнику россійскаго государства; а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ, и государю на то поволити, съ думою бояръ и всей земли, чтобъ было все праведно".

Дѣйствія государственной думы (законодательнаго сословія), сената (высшаго судебнаго учрежденія) и министерствъ (правительственныхъ органовъ) соединяются, по плану, въ державной власти монарха, которому одному принадлежитъ иниціатива и утвержденіе законовъ. Безъ почина государя и его окончательнаго утвержденія никакой законъ не можетъ возникнуть. Всѣ правительственныя распоряженія, объявленіе войны и заключеніе мира, и всѣ чрезвычайныя мѣры, пріемлемыя къ спасенію отечества среди какихъ либо бѣдствій, составляютъ дѣло правительства государя. Государь безъотвѣтственъ. Только назначаемые имъ органы управленія подлежатъ отвѣтственности. Возбужденіе дѣлъ объ отвѣтственности предоставлено государственной думѣ.

Планъ государственнаго устройства дѣлаетъ попытку отдѣленія суда отъ администраціи и предоставляетъ значительную долю участія выборному элементу какъ въ судѣ, такъ и въ мѣстномъ управленіи.

Онъ касается, наконецъ, исторической язвы Россіи—крѣпостнаго права. Не находя возможнымъ прямо отмѣнить зависимое положеніе сельскаго населенія, планъ считаетъ необходимымъ точно опредѣлить въ законѣ обязанности крестьянъ къ помѣщику и, такимъ образомъ, поставить ихъ на будущее время внѣ произвола господъ. Общія гражданскія права признаются за всѣмъ населеніемъ имперіи. Крѣпостные могутъ даже переходить въ разрядъ лицъ, которымъ

предоставлены права политическія, на условіи пріобрѣтенія недвижимой собственности въ опредѣленномъ количествѣ и исполненія повинностей по прежнему своему состоянію.

Таковы основныя мысли новаго плана государственнаго устройства Россіи. Для славы императора Александра I-го надо желать, чтобы этотъ памятникъ его государственной мудрости, великодушнаго довѣрія и любви къ подданнымъ былъ, наконецъ, напечатанъ отъ слова до слова и служилъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ просвѣщенной заботливости его о благѣ имперіи. Лишь тогда будетъ возможна полная его оцѣнка. Теперь же позволимъ себѣ замѣтить только, что при всей глубинѣ основныхъ мыслей плана, въ нѣкоторыхъ частностяхъ его допущена едва ли не излишняя сложность и искусственность построенія [1]).

Одновременно съ обсужденіемъ „плана" государь приступилъ и къ осуществленію своихъ намѣреній. 15 марта 1809 года онъ даровалъ свободныя учрежденія завоеванной его оружіемъ Финляндіи. Съ 1810 года началось осуществленіе плана и для остальной Россіи учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта. По этому поводу въ помянутомъ выше отчетѣ Сперанскаго послѣ приведенныхъ уже нами словъ говорится: „Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобъ россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта"; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, которое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному его камню" [2]). Въ 1815 году императоръ даровалъ представительныя учрежденія Польшѣ. Открывая первый варшавскій сеймъ, онъ произнесъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „Осуществляя на дѣлѣ либерныя учрежденія, которыя никогда не переставали быть предметомъ моей заботливости и которыя я надѣюсь, съ Божіей помощью, распространить и на всѣ страны, ввѣренныя мнѣ Провидѣніемъ"... [3]).

---

[1]) Свѣдѣнія о содержаніи плана, заимствованныя, впрочемъ, изъ другаго источника, а не изъ собственной рукописи Сперанскаго, можно найдти въ выше указанныхъ статьяхъ А. Н. Пыпина.

[2]) Сбор. Рус. Истор. Общ. т. 21, стр. 448.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1871 года, т. 94.

Политическія осложненія Европы, которыя все болѣе и болѣе поглощали вниманіе императора, отвлекли его отъ внутреннихъ преобразованій, и заявленное имъ намѣреніе осталось неосуществленнымъ.

Нынѣ царствующему императору Александру II-му принадлежитъ слава дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи на поприщѣ развитія ея гражданской свободы: 19 февраля 1861 года послѣдовалъ великій актъ освобожденія крестьянъ, 1-го января 1864 года положено начало мѣстному самоуправленію, 20-го ноября того же года произведена судебная реформа съ признаніемъ независимости судей и съ отдѣленіемъ суда отъ администраціи, въ слѣдующемъ 1865 году значительно облегчено положеніе печати.

Этотъ рядъ реформъ есть свободный актъ личной воли царствующаго императора. Исторія навсегда запишетъ его имя на ряду съ именами великихъ историческихъ дѣятелей. Но она будетъ несправедлива къ прошлому, если забудетъ его попытки, его неосуществленные планы. Разъ сознанная и высказанная истина не умираетъ. Она продолжаетъ жить, хотя бы и не перешла въ дѣло.

На преобразованія настоящаго царствованія исторія смотритъ какъ на плодъ медленныхъ успѣховъ времени. Ея святая обязанность спасти отъ забвенія попытки прошлаго и возстановить связь, соединяющую успѣхи настоящаго съ лучшими стремленіями отдаленнаго прошедшаго. Древняя и новая исторія Европы, говорятъ, едина [1]). Тѣмъ болѣе едина исторія одного народа. Дѣленіе на періоды не дробитъ ее на отдѣльныя безсвязныя части, а возсоздаетъ это единство и въ явленіяхъ глубокой древности даетъ узнать стремленія, одушевляющія и современнаго намъ человѣка.

---

[1]) См. Freeman, Comparative politics, послѣднее чтеніе: The unity of history.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ АРЕСТЪ.

И. Т. ТАРАСОВА.

Въ составъ принудительной власти полиціи входятъ: 1) *право предписаній*, формы которыхъ весьма разнообразны [1]), причемъ предписаніе сопровождается иногда угрозою наказанія, согласно съ общимъ постановленіемъ законодательства относительно отвѣтственности за неисполненіе полицейскихъ предписаній; 2) *право исполненія на счетъ обязаннаго*, т. е. полиція, если предписаніе ея не исполнено, исполняетъ его сама на счетъ обязаннаго, какъ это бываетъ, напримѣръ, при сносѣ ветхихъ построекъ, мощеніи улицъ, очистки нечистотъ и т. п.; 3) *право обвиненія предъ судомъ* за неисполненіе полицейскихъ предписаній, или при нарушеніи общихъ полицейскихъ постановленій; 4) *право полицейскаго суда*, т. е. полиція сама судитъ за неисполненіе ея предписаній, какъ мы видимъ это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ мэръ самъ судитъ за неисполненіе его предписаній, и 5) *право полицейскаго ареста*, т. е. право на личное задержаніе для цѣлей безопасности.

Эти составныя части полицейской власти полиціи выясняются изъ полицейской практики, въ теоріи же онѣ представляются вполнѣ неразработанными. Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы ограничиваемся только анализомъ права полиціи на личное задержаніе.

---

[1]) Иногда *предписаніе* принимаетъ даже форму *дозволенія*; такъ, напримѣръ, сюда слѣдуетъ отнести дозволенія, даваемыя полиціей, домовладѣльцамъ иллюминовать ихъ дома по случаю какихъ-либо торжественныхъ дней или событій.

Полиція подвергаетъ личному задержанію, какъ служебный органъ юстиціи. Это задержаніе составляетъ такъ называемый *предупредительный арестъ* [1]), когда личное задержаніе производится полиціей по поводу какого-либо преступленія или проступка съ цѣлью передачи виновнаго въ вѣдѣніе органовъ юстиціи и когда безнаказанность преступленія или проступка опасна для общественнаго порядка. Объ этомъ арестѣ, какъ служебномъ для органовъ юстиціи, говорится обыкновенно въ уставахъ уголовнаго судопроизводства. Но полиція подвергаетъ личному задержанію также и вполнѣ самостоятельно, независимо отъ органовъ юстиціи, исключительно только для цѣлей полицейскихъ, т. е. для безопасности, не по поводу преступленія или проступка и не для сохраненія арестованнаго для органовъ юстиціи. Единственная причина этого ареста — опасность, единственная цѣль — безопасность, такъ что даже при существованіи преступленія или проступка, въ единичныхъ случаяхъ, во всемъ процессѣ этого ареста, преступленіе и проступокъ, имѣютъ значеніе отнюдь не причины, а только какъ-бы эпизода или только добавочнаго момента въ общемъ актѣ. Такъ, напримѣръ, при задержаніи пьянаго, хотя-бы пьянство и считалось проступкомъ, задержаніе это будетъ произведено не по поводу проступка и не съ цѣлью передачи задержаннаго въ вѣдѣніе органовъ юстиціи, а единственно только въ видахъ безопасности. Это—*арестъ полицейскій*.

На сколько указанныя двѣ формы ареста, совершаемаго полиціей, необходимы и практикуются во всѣхъ государствахъ, на столько переходныя формы отъ предупредительнаго (судебно-полицейскаго) ареста къ аресту полицейскому являются вредными и опасными для условій гражданской свободы, хотя они также практикуются въ нѣкоторыхъ государствахъ и находятъ себѣ защитниковъ даже въ наукѣ. Формы эти слѣдующія: а) арестъ подсудимыхъ

---

[1]) Этотъ новый терминъ необходимъ для отличія отъ ареста, совершаемаго органами юстиціи и называемаго *предварительнымъ*. Терминъ этотъ, повидимому, принятъ уже въ нашей ученой литературѣ; въ иностранной-же терминологіи мы встрѣчаемъ соотвѣтствующіе термины; такъ, напримѣръ, у англичанъ arrest означаетъ полиц. арестъ, take into custody — предупредительный (судебно-полицейскій), commitment for trial — предварительный (судебный), detention—общее понятіе объ арестѣ; у нѣмцевъ Verwahrung и Wegführung означаетъ полицейскій арестъ, vorläufige Verwahrung — предупредительный, gefängliche Einziehung и Untersuchungshaft — предварительный, Verhaftung — общее понятіе; у французовъ arrestation — полицейскій арестъ, arrestation préventive —предупредительный, détention préventive—предварительный арестъ, détention—общее понятіе.

(подслѣдственныхъ), оставленныхъ органами юстиціи на свободѣ; б) арестъ оправданныхъ преступниковъ, если оправданіе послѣдовало за недостаткомъ юридическихъ доказательствъ, не уничтоживъ однако подозрѣнія; в) арестъ преступниковъ, отбывшихъ свое наказаніе, и г) арестъ на основаніи постановленій полицейскихъ судовъ.

Относительно первой переходной формы ареста нельзя не замѣтить, что признаніе за полиціей права на него равносильно признанію за ней права контролировать и отмѣнять дѣйствія юстиціи. Если судебный слѣдователь оставляетъ подсудимаго на свободѣ, то въ этомъ нужно видѣть доказательство или тому, что подсудимый не подаетъ повода къ опасенію, что онъ уклонится отъ слѣдствія и суда и скроетъ слѣды преступленія, или-же тому, что свойства преступленія или проступка не вызываютъ необходимости принятія этой крайней мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Кромѣ того полиція не имѣетъ никакого фактическаго основанія видѣть въ подслѣдственномъ субъекта опаснаго для общества, такъ какъ не только судъ можетъ окончиться оправданіемъ, но даже и слѣдствіе не всегда влечетъ за собою преданіе суду. Вопросъ объ этомъ арестѣ мало разработанъ въ литературѣ: встрѣчаются только отрывочныя и какъ-бы случайныя указанія у *Клейна*, *Ейзенгардта*, *Цахаріэ*, *Моля*, *Бернарда* и въ особенности у *Лотца* [1]). На практикѣ арестъ этотъ является орудіемъ произвола.

Право полиціи на арестъ оправданныхъ преступниковъ имѣетъ въ сущности тотъ-же характеръ, но въ литературѣ вопросъ объ этомъ арестѣ подвергнутъ болѣе тщательному анализу и тутъ мы встрѣчаемся съ именами *Клейна*, *Квисторпа*, *Ростока*, *Бёмера*, *Вейсмантеля*, *Груннера*, *Ейзенгардта*, *Клейншрода*, *Кирхейзена*, *Бергка* и др. [2]). Прежде право это принадлежало суду въ формѣ такъ называемыхъ *исключительныхъ наказаній*, такъ что судъ примѣнялъ мѣры безопасности, т. е. вторгался въ сферу дѣятельности полиціи, въ литературѣ-же по анализу этого права можно замѣтить слѣдующія переходныя ступени: α) прежде начали отрицать правильность термина „исключительныя наказанія“, видя въ нихъ только мѣры безопасности; β) затѣмъ возбудили вопросъ о томъ, кто долженъ примѣнять эти мѣры безопас-

---

[1]) См. *И. Тарасова* ‹Личное задержаніе какъ полицейская мѣра безопасности›. Кіевъ, 1875, ч. I, стр. 115, 116.

[2]) См. Ib., стр. 116, 128.

ности, судъ или полиція, причемъ одни склонялись въ пользу суда, а другіе — въ пользу полиціи, и γ) наконецъ пришли въ полному отрицанію какъ исключительныхъ наказаній, такъ и спеціальныхъ мѣръ безопасности въ отношеніи къ оправданнымъ преступникамъ. *Гестердингъ* назвалъ исключительныя наказанія грубымъ заблужденіемъ, а мѣры безопасности въ отношеніи къ оправданнымъ преступникамъ — вопіющею несправедливостью. *Вольтеръ* замѣтилъ съ свойственнымъ ему сарказмомъ, что какъ есть полудоказательства, т. е. полуправда, такъ есть полуневинные и полувиновные, которыхъ и присуждаютъ къ полусмерти.

Вопросъ объ арестѣ преступниковъ, отбывшихъ свое наказаніе, разработанъ въ литературѣ также довольно подробно [1]); приэтомъ одни изслѣдователи являются сторонниками этого ареста, другіе-же основательно возбуждаютъ вопросъ, виноватъ-ли преступникъ, если по отбытіи наказанія, имѣющаго цѣлью исправленіе, онъ остается субъектомъ опаснымъ для общества? Третьи считаютъ возможнымъ признать за судами право на присужденіе преступниковъ къ *добавочнымъ наказаніямъ*, имѣющимъ характеръ мѣръ безопасности, что̀ и развито въ особенности во французскомъ законодательствѣ [2]), но противъ этого очень энергично возстаетъ *Лотцъ*, указывая на вредъ и опасность неправильнаго вторженія юстиціи въ область полиціи.

Относительно практическаго примѣненія этого ареста, замѣтимъ, что въ Англіи мировымъ судьямъ предоставлено право требовать отъ осужденныхъ, отбывшихъ свое наказаніе, и даже отъ личностей, не подвергшихся осужденію, залогъ въ обезпеченіе хорошаго поведенія (surety for the good behaviour), или въ обезпеченіе того, что они не нарушатъ миръ (surety of the peace; to keep the peace) [3]). Такой залогъ можетъ быть требуемъ на всю жизнь, или только на опредѣленный срокъ, равно какъ такое требованіе можетъ

[1]) См. Ib., стр. 128—138.

[2]) Во французскомъ законодательствѣ чрезвычайно развита отдача преступниковъ, отбывшихъ наказаніе, подъ надзоръ полиціи (surveillance de la haute police), причемъ эта отдача подъ надзоръ полиціи разсматривается какъ добавочное наказаніе, присуждаемое судомъ. См. Ib., стр. 138—142.

[3]) Это требованіе залога по англійскому законодательству имѣетъ только кажущееся сходство съ французскимъ cautionnement (залогомъ) по ст. 44 кодекса 1810 года и по art. 13 проэкта «закона 28 апр.» 1832. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это требованіе залога по англійскому законодательству имѣетъ большое внутреннее (принципіальное) сходство съ *отдачей на поруки* по нашему древнему праву въ томъ, что уличенный разъ въ преступленіи не повторитъ его вновь, или что оставленный на свободѣ политически неблагонадежный человѣкъ «будетъ вѣренъ».

исходить непосредственно отъ мироваго судьи, или же по требованію лицъ заинтересованныхъ. Непредставившій къ сроку требуемаго залога подвергается заключенію до тѣхъ поръ, пока не представленъ будетъ залогъ, но во всякомъ случаѣ не долѣе какъ на одинъ годъ. Право это въ Англіи весьма древнее и ведетъ свое начало со временъ Эдуарда Исповѣдника. *Блэкстонъ* видитъ въ немъ выраженіе политической мудрости, — предпочтеніе предупредительной юстиціи предъ карательной, и онъ перечисляетъ слѣдующіе случаи, когда мировой судья имѣетъ право требовать такого залога: α) когда въ присутствіи мироваго судьи кто либо нарушаетъ общественное спокойствіе, угрожаетъ кому-либо побоями или убійствомъ, или когда съ жаромъ ссорятся между собою; отъ лицъ, которыя извѣстны мировому судьѣ какъ ябедники и задорные; отъ приведенныхъ къ нему констеблями за нарушеніе общественнаго спокойствія (breaches of the peace); β) по требованію частнаго лица, когда это лице подтверждаетъ присягой и вообще докажетъ основательность своего опасенія за то, что другое лице намѣрено непосредственно, или чрезъ другихъ лицъ, поджечь его домъ, или нанести ему тѣлесное поврежденіе; при этомъ требующій долженъ доказать также, что требованіе его не злонамѣренно; γ) по статуту 24 Эд. III гл. 1-й мировой судья имѣетъ право требовать залога хорошаго поведенія въ отношеніи къ королю и его народу отъ тѣхъ лицъ, которыя не пользуются хорошею репутаціей, т. е. являются нарушителями общественнаго мира, или общественной нравственности [1]).

Англійская система требованія залога хорошаго поведенія отъ преступника, отбывшаго свое наказаніе, несомнѣнно приносящая весьма большую практическую пользу, тѣмъ не менѣе возможна только въ такомъ государствѣ, которое допускаетъ безусловную судебную отвѣтственность должностныхъ лицъ, и сверхъ того предоставляетъ полнѣйшую возможность обжаловать эту мѣру безопасности въ судебномъ порядкѣ; поэтому въ государствахъ, стоящихъ въ отношеніи къ отвѣтственности должностныхъ лицъ на иной точкѣ зрѣнія и менѣе освоившихся съ идеей гражданственности, не можетъ быть введена такая система, и задача правительства должна ограничиться только содѣйствіемъ развитію личныхъ союзовъ, поставившихъ себѣ задачей заботиться о матерьяльномъ благосостояніи и о нравственности освобожденныхъ преступниковъ, чему та же Англія подала первый примѣръ, достойный полнаго подражанія.

---

[1]) Ср. *И. Тарасова* «Личное задержаніе» стр. 135—138.

Относительно ареста по постановленію полицейскихъ судовъ немыслимъ никакой анализъ, безъ предварительнаго уясненія понятія о *полицейскомъ судѣ*.

Полицейскимъ судомъ мы называемъ тотъ судъ, въ которомъ предписывающая власть сама судитъ за неисполненіе своихъ предписаній, такъ что судъ этотъ является ничѣмъ инымъ, какъ одною изъ формъ исполненія, принужденія, т. е. полицейскою мѣрою. Слѣдовательно въ понятіи о полицейскомъ судѣ существенно не то, что будетъ ли судъ единоличный или коллегіальный, судятъ ли за важныя преступленія или за ничтожные проступки, и даже не то, судитъ-ли органъ полиціи или органъ юстиціи, а важно только отношеніе судебной власти полицейскаго судьи къ праву предписаній. Очевидно, что тамъ, гдѣ существуетъ судъ съ судьею изъ полиціи, судящимъ за неисполненіе его предписаній и приговаривающимъ къ болѣе или менѣе продолжительному аресту, тамъ этимъ уже признается за полиціей право на личное задержаніе изъ-за полицейскихъ видовъ, такъ какъ суды эти никоимъ образомъ нельзя признать органами юстиціи, и судебная дѣятельность ихъ имѣетъ чисто полицейскій характеръ и цѣли: если предписывающій органъ самъ караетъ за неисполненіе своихъ предписаній, какъ мы видимъ это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ мэръ судитъ за неисполненіе своихъ предписаній, то онъ дѣлаетъ это отнюдь не въ видахъ возстановленія нарушеннаго права и не какъ органъ юстиціи, а онъ пользуется этимъ правомъ, какъ одною изъ мѣръ исполненія, принужденія.

Изслѣдуя историческія причины возникновенія этихъ судовъ, родоначальникомъ которыхъ былъ судъ вотчинника, нельзя не замѣтить, что корень сознанія о необходимости ихъ кроется въ значительной степени въ томъ неуваженіи къ полиціи и въ ненависти къ ней и къ ея предписаніямъ, вслѣдствіе которыхъ общіе суды начали относиться весьма снисходительно къ нарушеніямъ полицейскихъ предписаній и даже весьма часто, при разбирательствѣ такихъ дѣлъ, умышленно или неумышленно, обнаруживали вопіющія злоупотребленія властью со стороны полиціи, дискредитируя этимъ еще болѣе ея значеніе. Очевидно, что это еще недостаточное основаніе для отступленія отъ кореннаго принципа, по которому только судъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, судитъ, а администрація управляетъ, поэтому и существованіе полицейскихъ судовъ, пока они не состоятъ изъ судей, какъ лицъ совершенно независимыхъ отъ администраціи, юридически образованныхъ и подчиненныхъ общимъ правиламъ судопроизводства, — не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Въ

отношеніи къ разбирательству по полицейскимъ проступкамъ, юстиція должна являться помощницей полиціи; какъ въ предупрежденіи о пресѣченіи преступленій, въ предупредительномъ арестѣ и въ дознаніи, по справедливому замѣчанію *Лотца*, полиція работаетъ для юстиціи, такъ въ данномъ случаѣ юстиція работаетъ для полиціи.

Отрицая умѣстность полицейскихъ судовъ слѣдуетъ, разумѣется, послѣдовательно придти къ отрицанію умѣстности и ареста по постановленіямъ этихъ судовъ.

И такъ перечисленныя нами формы ареста, какъ переходныя отъ предупредительнаго (судебно-полицейскаго) ареста къ аресту полицейскому, слѣдуетъ отнести въ область аномальныхъ явленій, которыми, къ сожалѣнію, такъ богата полицейская практика. Но того-же отнюдь нельзя сказать о *полицейскомъ арестѣ* (въ настоящемъ смыслѣ слова), къ анализу котораго мы переходимъ.

Первый случай, и наиболѣе частый, примѣненія полицейскаго ареста тотъ, *когда полиція имѣетъ достаточное основаніе опасаться, что можетъ быть совершено преступленіе или проступокъ* и не имѣетъ другихъ средствъ къ предотвращенію этой опасности. Арестъ этотъ неправильно называть предупредительнымъ (судебно-полицейскимъ), такъ какъ предупредительный арестъ предполагаетъ непремѣнно какое нибудь опредѣленное, совершившееся уже преступленіе, въ формѣ-ли покушенія, или самого совершенія преступленія; тутъ-же мы видимъ только высшее проявленіе полицейской власти, неимѣющее никакого отношенія къ правосудію, которое останется всегда глухо къ заявленію, что *кто-то* хочетъ или можетъ совершить *какое-то* преступленіе. Если первымъ поводомъ къ такому аресту и служитъ иногда какой нибудь проступокъ, то проступокъ этотъ бываетъ такого свойства, что, независимо отъ цѣлей исключительно полицейскихъ, т. е. предупрежденія опасности, онъ не могъ-бы самъ по себѣ служить поводомъ къ судебному аресту (напримѣръ, при задержаніи лицъ, не имѣющихъ паспорта, если-бы безпаспортность эта не служила достаточнымъ поводомъ къ опасенію, что за этимъ проступкомъ кроется совершонное преступленіе, или-же возможность совершенія такого, то полиція не арестовала-бы этихъ лицъ). Лучшимъ-же доказательствомъ тому, что арестъ такого рода есть полицейскій, заключается въ томъ, что арестованный не передается органамъ юстиціи до удостовѣренія въ его личности; послѣ этого удостовѣренія, онъ или освобождается, или передается органамъ юстиціи, въ зависимости отъ обнаруженныхъ фактовъ. Такимъ образомъ очевидно, что арестъ этотъ нельзя назвать предупредитель-

нымъ (судебно-полицейскимъ), но онъ несомнѣнно можетъ сдѣлаться такимъ, если полиція убѣждается изъ наведенныхъ справокъ въ наличности извѣстнаго преступленія. Совершенно то-же слѣдуетъ сказать, напримѣръ, объ арестѣ подозрительнаго лица, бродящаго въ позднее время подлѣ ювелирнаго или какого нибудь другаго магазина и не могущаго представить удовлетворительнаго объясненія своего пребыванія въ данномъ мѣстѣ въ такое время; бродить ночью подлѣ какого-бы то ни было магазина, разумѣется, не преступленіе, но за этимъ дѣйствіемъ можетъ скрываться совершонное преступленіе или возможность совершенія такого, а потому въ данномъ случаѣ полицейскій арестъ можетъ сдѣлаться предупредительнымъ, считая съ того момента, когда оправдается опасеніе, послужившее поводомъ къ аресту. Возьмемъ еще примѣръ: полицейскій стражъ видитъ кого нибудь ночью на улицѣ съ какимъ нибудь большимъ тюкомъ; личность эта кажется ему подозрительною; онъ подходитъ къ нему съ распросами, получаетъ неудовлетворительные отвѣты, или-же отвѣты, требующіе провѣрки; онъ задерживаетъ подозрительное лице, отводитъ его въ полицейское управленіе, гдѣ, послѣ допроса, полицейскій арестъ превращается, или-же переходитъ въ предупредительный, согласно съ обнаруженными обстоятельствами. Наконецъ еще одинъ примѣръ: полиція видитъ какую нибудь личность, въ родѣ Нобилинга, подозрительно прячущуюся за экипажи и какъ-бы высматривающую кого-либо въ людной улицѣ; въ *крайнемъ случаѣ* полиція арестуетъ эту личность, послѣ чего арестъ можетъ сдѣлаться предупредительнымъ, если обнаружится наличность *опредѣленнаго* преступленія, или-же подготовленіе къ совершенію его. Разумѣется, условія общественной жизни представляютъ цѣлую массу такихъ примѣровъ и они требуютъ самаго тщательнаго анализа, дабы, съ одной стороны, дать полиціи всѣ необходимыя средства для защиты общественной безопасности, а съ другой—оградить гражданъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи.

Арестъ въ указанныхъ случаяхъ не только неправильно, но и опасно называть предупредительнымъ (судебно-полицейскимъ), какъ того желаютъ многіе, подводя всѣ случаи ареста подъ понятіе объ арестѣ судебномъ, будто-бы обставленнымъ достаточными гарантіями для личной свободы. Такая замѣна послужила-бы въ явный ущербъ гражданской свободѣ: полицейскій арестъ отличается отъ предупредительнаго по формѣ, сроку и послѣдствіямъ. Арестъ этотъ имѣетъ обыкновенно форму увода для устраненія опасности, тогда какъ арестъ предупредительный имѣетъ форму заключенія. Продолжи-

тельность полицейскаго ареста опредѣляется только опасностью, вслѣдствіе чего онъ можетъ быть только кратковременнымъ, тогда какъ продолжительность предупредительнаго и судебнаго арестовъ опредѣляется необходимостью пресѣчь способы уклоняться отъ слѣдствія и суда, судебными сроками и т. п. Наконецъ отвѣтственность по полицейскому аресту, какъ мы укажемъ на это ниже, можетъ или, по крайней мѣрѣ, должна быть только *исковая* (*судебная*), тогда какъ аресты предупредительный и судебный можно только *обжаловать*, ибо въ противномъ случаѣ сдѣлалось-бы невозможнымъ отправленіе правосудія. Пояснимъ это различіе примѣромъ: полиція арестуетъ при народныхъ бунтахъ или дракахъ какъ праваго, такъ и виноватаго, единственно только въ видахъ скорѣйшаго устраненія опасности; если арестъ этотъ признать въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ за предупредительный, то каждый арестованный долженъ бы быть сданъ органамъ юстиціи, содержась до тѣхъ поръ подъ арестомъ. Неправильность этого ареста можно было-бы обжаловать только въ жалобномъ, т. е. въ аппеляціонномъ порядкѣ, тогда какъ, при признаніи этого ареста за полицейскій, полиція должна была-бы, по разогнаніи толпы или прекращеніи драки, т. е. по устраненіи опасности, немедленно освободить тѣхъ лицъ, противъ которыхъ не будетъ никакихъ явныхъ уликъ въ принятіи ими участія въ бунтѣ или въ дракѣ, ограничившись только записаніемъ фамилій и мѣстожительства задержанныхъ, какъ свидѣтелей. Въ случаѣ неправильности такого ареста, задержанному должно быть дано право непосредственнаго обращенія въ судъ съ искомъ противъ виновныхъ; для тѣхъ-же лицъ, противъ которыхъ будутъ явныя улики, если полиція не освободитъ ихъ, это будетъ арестъ предупредительный и арестованные должны быть немедленно сданы органамъ юстиціи, причемъ, въ случаѣ признанія ареста неправильнымъ, эти арестованные могутъ обратиться къ органамъ юстиціи только съ жалобой, т. е. съ просьбой о замѣнѣ одной мѣры пресѣченія другою.

Указанный случай полицейскаго ареста наиболѣе частый, но имъ не исчерпывается область примѣненія этого ареста, такъ какъ полиція имѣетъ право или, по крайней мѣрѣ, должна имѣть право арестовать не только при опасеніи, что можетъ быть совершено преступленіе или проступокъ, но и *вообще при видѣ опасности, угрожающей единичному лицу, или цѣлому обществу, и немогущей быть устраненною инымъ путемъ*. Такъ, напримѣръ, полиція видитъ пьянаго на улицѣ, лежащаго въ безчувственномъ

состояніи, она подвергаетъ его личному задержанію, чтобы оградить его отъ опасности, угрожающей ему отъ прохожихъ и проѣзжихъ, и оградить другихъ отъ опасности, угрожающей имъ отъ пьянаго. Другой примѣръ — полиція видитъ кого нибудь бѣгущимъ по направленію къ рѣкѣ, по видимому, съ цѣлью утопиться; предупреждая опасность, полиція подвергаетъ бѣгущаго личному задержанію. Тоже, напримѣръ, при арестѣ сумашедшаго, находящагося въ возбужденномъ состояніи, при арестѣ лица, преслѣдующаго коголибо по улицѣ съ угрозами и т. д., въ особенности при арестахъ во время народныхъ скопищъ, бунтовъ, дракъ и т. д.

Что касается отношенія положительнаго законодательства къ вопросу о полицейскомъ арестѣ, то нельзя не замѣтить двухъ рѣзко различныхъ направленій: континентальное и англо-американское.

Въ *континентальномъ законодательствѣ* часто нѣтъ прямаго признанія полицейскаго ареста, оно иногда даже отрицаетъ этотъ арестъ, хотя, какъ извѣстно, практика примѣняетъ его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Извѣстный французскій юристъпрактикъ, *Бертрандъ,* говоря о полицейскомъ арестѣ, откровенно замѣчаетъ, что во французскомъ законодательствѣ нѣтъ санкціи полицейскаго ареста, но практика примѣняетъ его «comme une conséquence nécessaire du droit de police».

По *англійскимъ законамъ* констебль имѣетъ право арестовать всякаго, не только при подозрѣніи въ совершеніи какого-нибудь преступленія, но и при подозрѣніи въ желаніи совершить таковое; не нужно даже, чтобы это было непремѣнно преступленіе, но достаточно и простаго нарушенія „мира“, спокойствія (breach of peace). Проще сказать, достаточно, чтобы констебль подозрѣвалъ возможность нарушенія общественнаго спокойствія со стороны какого-либо лица, и лице это можетъ быть арестовано имъ. О правѣ мировыхъ судей требовать залога хорошаго поведенія, замѣняя его арестомъ, мы говорили уже выше. По закону 1866 г. всякій гражданинъ имѣетъ право привести къ двумъ мировымъ или полицейскимъ судьямъ, или представить королевскому судьи каждое дитя, которому на видъ менѣе четырнадцати лѣтъ и которое находится въ слѣдующемъ положеніи, а именно: а) нищенствующаго, или просящаго милостыню, явно, или подъ предлогомъ продажи или предложенія въ продажу какой нибудь вещи, находящагося на улицѣ, или въ другомъ общественномъ мѣстѣ, съ цѣлью просить, или принимать милостыню, б) находящагося въ положеніи бродяги, не имѣющаго ни постояннаго жилища, ни покровителей, ни средствъ опредѣленнаго существованія,

в) находящагося въ безпомощномъ состояніи, потому-ли что онъ сирота, или потому, что его отецъ или мать осуждены въ каторжныя работы, или къ тюремному заключенію, г) посѣщающаго общество людей, прослывшихъ за воровъ, д) получающихъ прокормленіе въ школѣ рабочаго дома и оказывающихся при этомъ непокорными и е) дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ, обвиненныхъ за преступленія, наказываемыя тюремнымъ заключеніемъ, но прежде не подвергавшихся наказанію [1]). Очевидно, что здѣсь цѣлый рядъ случаевъ полицейскаго ареста, т. е. ареста, совершаемаго исключительно только для цѣлей безопасности.

Изъ вышеизложеннаго видно, что полицейскій арестъ существуетъ, и что признаніе его въ государствѣ столь-же необходимо, какъ необходимо, напримѣръ, войско; въ противномъ случаѣ нельзя считать обезпеченными условія безопасности въ государствѣ и полиція вынуждена была-бы прибѣгать къ произволу, или обречена была-бы на безсиліе. Подведеніе всѣхъ случаевъ ареста подъ понятіе объ арестѣ судебномъ, какъ указала практика, ничуть не ограждаетъ личную свободу и не спасаетъ отъ произвола; послѣднія событія въ Германіи, да и у насъ служатъ лучшимъ тому доказательствомъ, между тѣмъ какъ практическая Англія, откровенно санкціонировавшая полицейскій арестъ, справедливо гордится своею гражданскою и политическою свободой. Все дѣло не въ фразахъ и не въ установленіи кабинетныхъ принциповъ, впередъ обреченныхъ на поруганіе, а въ установленіи *практическихъ гарантіяхъ для личной свободы*, къ анализу которыхъ мы и приступаемъ теперь.

Случаевъ полицейскаго ареста въ практической жизни много и перечислить ихъ всѣ невозможно, поэтому и законодательства, которыя стремились-бы сдѣлать такой перечень, оказались-бы въ этомъ случаѣ безсильными [2]) и постепенно пришли-бы къ убѣжденію, что можно указать только на общіе, типическіе случаи примѣненія полицейскаго ареста, обративъ особенное вниманіе на форму этого ареста, на сроки, опредѣляющіе продолжительность его, на органы аресту-

---

[1]) См. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1876 г., № 4, стр. 283, статья проф. *Кистяковскаго*: «Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія».

[2]) Попытки подобнаго рода были и съ ними можно ознакомиться въ Traité de la liberté individuelle par *Coffinièrès*, Paris, 1828. Кромѣ того *Л. Штейнъ* указываетъ на существованіе періода времени, когда стремленіе это [illegible] ти общимъ всѣмъ законодательствамъ, если-же мы не находили въ ствахъ этихъ различія между полицейскимъ и судебнымъареста[illegible] этому нужно искать не въ отсутствіи этого различія, а въ ложн[illegible] ніи, принятомъ этими законодательствами.

ющіе и на отвѣтственность за легкомысленные или злонамѣренные аресты.

Что касается *формы полицейскаго ареста*, на которую обращено было должное вниманіе только въ срединѣ нашего столѣтія, то она опредѣляетъ главнѣйшимъ образомъ обязанность арестовавшихъ облечь въ письменную форму причины, вызвавшія арестъ, написать постановленіе и постановленіе это должно быть предъявлено арестованному. Затѣмъ принято до извѣстной степени въ соображеніе, что самый характеръ полицейскаго ареста предписываетъ величайшую осторожность въ обращеніи съ арестованнымъ, возможное устраненіе всякихъ стѣсненій, лишеній и т. п.

Случаи полицейскаго ареста въ сущности сводятся къ крайней необходимости, поэтому никоимъ образомъ нельзя согласиться съ *Молемъ*, который допускаетъ такой арестъ не какъ послѣднюю, т. е. крайнюю мѣру безопасности, а какъ *вѣрнѣйшую*, ибо, допустивъ такое положеніе, можно отнять всякую возможность преслѣдовать полицію за легкомысленный или злонамѣренный арестъ; если въ законѣ не будетъ опредѣлено, что полиція можетъ прибѣгать къ аресту только какъ къ крайнему средству, предварительно испытавъ всѣ другія, то полицейское должностное лице, привлеченное, къ отвѣтственности, всегда можетъ оправдаться тѣмъ, что по его мнѣнію это было нужнѣйшее средство. Поэтому гораздо раціональнѣе положеніе Лука, который говоритъ, что при принятіи мѣръ безопасности нужно руководствоваться двумя правилами: неизбѣжностью, крайнею необходимостью той или другой полицейской мѣры и вредомъ, который произошелъ-бы отъ непринятія этой мѣры. То-же говоритъ *Лотцъ*, доказывая, что полиція должна прибѣгать къ полицейскому аресту только въ крайнемъ случаѣ, поставивъ себѣ за правило quilibet praesumitur, donec probatur contrarium: полицейскій арестъ долженъ быть примѣненъ только тогда, когда общественная безопасность не можетъ быть ограждена никакимъ инымъ способомъ.

Что касается *срока полицейскаго ареста*, то онъ опредѣляется самою цѣлью этого ареста: пока существуетъ опасность для единичнаго лица, если для общества, единственный способъ устраненія которой заключается въ арестѣ, арестъ этотъ продолжается, но какъ только опасность прекратилась, или же она можетъ быть устранена инымъ способомъ, арестъ прекращается. Поэтому полицейскій арестъ можетъ имѣть значеніе только простаго увода, или кратковременнаго заключенія, ибо невозможно представить себѣ сколько-нибудь продолжительную опасность, не опирающуюся на преступные факты, въ

послѣднемъ-же случаѣ арестъ будетъ не полицейскимъ, а предупредительнымъ, или судебнымъ [1]). Тѣмъ не менѣе необходимо установленіе въ законодательствѣ maximum'а срока продолжительности полицейскаго ареста, какъ это и сдѣлано въ англійскомъ законодательствѣ.

Вопросъ объ *органахъ полиціи*, которымъ можетъ, или должно быть предоставлено право полицейскаго ареста, мы оставляемъ здѣсь безъ изслѣдованія, дабы не выйти изъ предѣловъ нашей статьи, тѣмъ болѣе что вопросъ этотъ разработанъ уже нами раньше въ общихъ чертахъ [2]).

Относительно *отвѣтственности полиціи* существуютъ двѣ системы: континентальная и англо-американская.

На *континентѣ*, при безсильномъ и часто неискреннемъ стремленіи ограничить законами власть полиціи и облагообразить ея вторженіе въ сферу личной свободы названіемъ „судебный арестъ", отвѣтственность полиціи ставится въ зависимость отъ благоусмотрѣнія начальства: никто изъ должностныхъ лицъ не можетъ быть преданъ суду или вообще подвергнутъ отвѣтственности за служебное дѣйствіе иначе какъ его начальствомъ.

Въ *Англіи* каждое лице, потерпѣвшее отъ неправильныхъ или произвольныхъ дѣйствій полиціи, по существу или по формѣ, имѣетъ право обратиться *непосредственно* въ судъ съ искомъ и защищать свое право какъ частное лице противъ частнаго-же лица, хотя-бы обвиняемый (отвѣтчикъ) былъ констеблемъ, или какимъ нибудь другимъ, болѣе важнымъ, должностнымъ лицемъ. Указывая на это особое положеніе въ Англіи вопроса объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, *Л. Штейнъ* совершенно основательно замѣчаетъ, что вся континентальная литература и даже англійскіе юристы (но не публицисты и историки), занимающіеся изслѣдованіемъ англійскихъ порядковъ, упускаютъ изъ виду, что самое существенное въ знаменитомъ Habeas Corpus Act'ѣ заключается именно въ установленіи этой *судебной* (исковой) отвѣтственности, какъ вѣрнѣйшей защиты личной свободы.

Сравнивая эти двѣ системы въ отношеніи къ вопросу объ отвѣтственности полиціи за арестъ, неправильный по существу или по формѣ, нельзя не отдать предпочтенія системѣ англо-американской. Чтобы полиція могла удовлетворительно исполнять одну изъ глав-

---

[1]) См. *И. Тарасова* «Личное задержаніе», стр. 151—153.
[2]) См. «Личное задержаніе», стр. 199—214.

нѣйшихъ своихъ задачъ,—огражденіе безопасности,—ей необходимо дать самыя широкія полномочія, пользованіе которыми въ каждомъ данномъ случаѣ должно быть предоставлено, до извѣстной степени, благоусмотрѣнію органовъ полиціи, потому что законодательство не можетъ предусмотрѣть всѣ разновидности опасности и интенсивность ея въ каждомъ данномъ случаѣ; слѣдовательно полиція въ своей дѣятельности для устраненія опасности является въ отношеніи къ гражданамъ снабженною какъ-бы произвольною властью, что было-бы совершенно немыслимо ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ, если-бы противовѣсомъ или, вѣрнѣе сказать, регуляторомъ этой власти не служило-бы право гражданъ преслѣдовать органы полиціи судебнымъ порядкомъ въ томъ случаѣ, когда дѣйствія полиціи неправильны по формѣ и по содержанію. Кромѣ того, такого рода отвѣтственностью обусловливается успѣшность дѣятельности полиціи въ томъ отношеніи, что какою-бы властью ни была снабжена полиція, власть эта будетъ фиктивною, если она не будетъ вызывать безусловнаго повиновенія, разсчитывать на которое безъ употребленія силы и принужденія можно только тогда, когда тѣ, отъ которыхъ будетъ требоваться это повиновеніе, въ каждомъ данномъ случаѣ будутъ знать, что они подчиняются не грубой силѣ и не произволу, всегда ненавистному, а законности, которая можетъ имѣть мѣсто въ дѣйствіяхъ полиціи только тогда, когда дѣйствія эти будутъ обставлены судебною отвѣтственностью. Судъ оберегаетъ законъ, а законъ, по содержанію своему есть *мѣра свободы* каждаго частнаго лица и *граница власти* каждаго органа государства, поэтому зависимость отвѣтственности полиціи отъ благоусмотрѣнія начальства отрицаетъ какъ мѣру свободы, такъ и границу власти. Выгоды-же, которыя вообще можно было-бы ожидать отъ введенія англо-американской системы отвѣтственности полиціи, въ сущности сводятся къ слѣдующему: а) контроль надъ дѣйствіями полиціи, столь трудный для одного правительства, будетъ облегченъ содѣйствіемъ гражданъ, б) полиціи можно будетъ дать весьма широкія полномочія, необходимыя для охраненія условій безопасности, в) въ дѣйствіяхъ ея устраненъ будетъ произволъ, вслѣдствіе чего г) обезпечены будутъ условія *гражданской* (общей) *безопасности* [1]), д) полиціи рѣже придется встрѣчать сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ, е) личный персоналъ полиціи можетъ быть менѣе многочисленный, ж) дѣйствія полиціи не будутъ имѣть

---

[1]) См. *Кистяковскаго* «Элементарный учебникъ уголовнаго права», въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1874, № 3, стр. 158.

характера чего-то скрытаго, подпольнаго, нуждающагося въ разрѣшеніи начальства, чтобы быть подвергнутыми публичному обсужденію, з) полиція пріобрѣтаетъ себѣ то уваженіе, которое для нея столь необходимо, чтобы дѣйствовать успѣшно и чтобы привлечь къ полицейской службѣ достойныхъ лицъ, и и) слово „полиція“ перестанетъ быть равнозначущимъ съ произволомъ и угнетеніемъ, но можетъ сдѣлаться синонимомъ законности.

Высказавшись выше за санкцію полицейскаго ареста и сославшись въ этомъ случаѣ на примѣръ Англіи, мы далеки однако отъ мысли, что Англія должна сдѣлаться предметомъ слѣпаго подражанія для всѣхъ другихъ государствъ. Не надо забывать, что Англія воспитана на принципахъ гражданской свободы, а свобода эта никогда не пріобрѣтается сразу, — она является результатомъ весьма продолжительнаго процесса. Многіе недостатки англійскаго законодательства стушевываются тѣмъ чувствомъ гражданственности, которое врожденно каждому англичанину и на которое не всегда можно разсчитывать у другихъ народовъ; къ числу этихъ недостатковъ слѣдуетъ отнести, между прочимъ, то, что англійское законодательство предоставило слишкомъ много *благоусмотрѣнію* полиціи, обусловивъ только дѣятельность ея неограниченною, судебною отвѣтственностью. Для Англіи это оказывается совершенно достаточнымъ, но для другихъ государствъ и этого можетъ быть мало; сами судьи въ своихъ рѣшеніяхъ могутъ находиться еще подъ вліяніемъ того понятія, что они судятъ должностное лице за должностное дѣйствіе; наконецъ, нисшіе органы полиціи не въ состояніи будутъ сразу усвоить себѣ соотношеніе между дѣятельностію и отвѣтственностію за нее. Поэтому недостаточно ограничиться одними только общими чертами въ опредѣленіи сферы правъ и обязанностей полиціи въ отношеніи полицейскаго ареста, обусловивъ дѣятельность ея отвѣтственностью такъ, что полиція — съ одной стороны, а граждане — съ другой сами являлись-бы мѣрилами дозволеннаго и необходимаго,—нужно еще, чтобы законодательство, какъ мы и указали выше, опредѣлило основные случаи примѣненія полицейскаго ареста, форму его, срокъ и послѣдствія, при чемъ необходимы указанія на органы полиціи, имѣющіе право подвергать полицейскому аресту, и на отвѣтственность ихъ за арестъ, неправильный по существу или по формѣ, наконецъ — необходимо указать также на соотношеніе этого ареста къ другимъ формамъ ареста. Какъ на попытку составленія такого рода законодательнаго акта можно указать на прусскій законъ отъ 12-го февраля 1850 года *въ защиту свободы* (zum Schutze der persön-

lieben Freiheit), нынѣ недѣйствующій, статьи котораго, относящіяся къ нашему вопросу, слѣдующія:

„§ 1. *Предварительный* (т. е. судебный) *арестъ* (Verhaftung) можетъ воспослѣдовать только на основаніи письменнаго приказанія судьи, заключающемъ въ себѣ точныя указанія на предметъ обвиненія и на обвиняемаго. Это приказаніе должно быть вручено обвиняемому во время ареста, или не позднѣе какъ въ теченіи слѣдующаго дня.

§ 2. *Предупредительный* (т. е. судебнополицейскій) *арестъ* (vorläufige Ergreifung und Festnahme) [1], безъ судебнаго приказанія, можетъ послѣдовать въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если ктонибудь будетъ настигнутъ при совершеніи наказуемаго дѣянія, или же тотчасъ послѣ совершенія его, б) если даже и позднѣе обнаружатся обстоятельства, которыя дадутъ поводъ къ сильному подозрѣнію кого-либо въ томъ, что онъ зачинщикъ или участникъ въ какомънибудь наказуемомъ дѣяніи и при томъ хотѣлъ бѣжать.

§ 3. Подвергать предупредительному аресту (§ 2) могутъ полицейскія управленія и другія должностныя лица, на которыхъ, по существующимъ законамъ, возложена обязанность розыскивать преступленія и проступки; этимъ-же правомъ пользуются и низшіе полицейскіе служители (Wachtmannschaften), но только въ случаяхъ, указанныхъ въ п. *а*, § 2-го. Каждое частное лице уполномочено задерживать (ergreifen) преступниковъ, если въ случаяхъ, указанныхъ въ п. *а*, § 2-го, преступникъ бѣжитъ, или даетъ основательный поводъ подозрѣвать его въ намѣреніи бѣжать, или-же есть основаніе опасаться, что инымъ путемъ нельзя будетъ удостовѣриться въ личности. Задержанный долженъ быть тотчасъ-же отведенъ къ одному изъ вышеуказанныхъ лицъ, уполномоченныхъ подвергать предупредительному аресту, или къ низшимъ полицейскимъ служителямъ.

§ 4. При *предварительномъ* арестѣ должны быть тотчасъ-же сдѣланы распоряженія о представленіи обвиняемаго къ судьѣ, издавшему приказаніе объ арестѣ. — Всякій, подвергшійся *предупредительному* аресту, долженъ быть или освобожденъ не позднѣе какъ въ теченіи слѣдующаго дня, или-же въ теченіи этого времени должны быть сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія для представленія арестованнаго прокурору надлежащаго суда. Прокуроръ долженъ или

[1] Der Ergriffene означаетъ лице, задержанное частными лицами, der vorläufig Festgenommene — задержаннаго полицей. Въ первомъ случаѣ арестованный представляется полиціи, во-второмъ — юстиціи (см. § 3-й).

тотчасъ-же освободить арестованнаго, или-же немедленно представить суду предложеніе о постановленіи рѣшенія объ арестѣ. Если кто нибудь арестованъ внѣ подлежащаго судебнаго округа, то онъ можетъ требовать, чтобы его предварительно отвели къ мѣстному прокурору, который можетъ освободить его только въ такомъ случаѣ, если арестованный докажетъ, что арестъ произведенъ по ошибкѣ или по недоразумѣнію; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ прокуроръ долженъ распорядиться объ отводѣ арестованнаго къ прокурору подлежащаго суда.

§ 5. Всякій, подвергшійся предварительному, или предупредительному аресту (Verhaftete od. vorläufig Festgenommene), долженъ быть допрошенъ подлежащимъ судьею не позднѣе какъ въ теченіи слѣдующаго дня со времени его привода такъ, чтобы арестованный зналъ, въ чемъ онъ обвиняется, и могъ-бы разъяснить недоразумѣніе.

§ 6. Указанные въ § 3-мъ, должностныя лица и низшіе полицейскіе служители уполномочены подвергать *полицейскому аресту* (polizeiliche Verwahrung), если безопасность самого арестуемаго, или поддержаніе общественной нравственности, безопасности и спокойствія настоятельно требуютъ принятія этой мѣры. Подвергшіеся полицейскому аресту должны быть или освобождены не позднѣе, какъ въ теченіи слѣдующаго дня, или-же въ это время должны быть сдѣланы необходимыя распоряженія для сообщенія объ арестованныхъ въ подлежащія управленія".

Далѣе слѣдуютъ постановленія относительно запрещенія проникать въ частныя жилища въ ночное время, исключая случаевъ пожара, наводненія, опасности жизни, крика о помощи изнутри и преслѣдованія бѣгущаго преступника [1]).

Законъ этотъ, который можно было-бы выставить какъ образецъ для законодательства другихъ государствъ, не чуждъ однако нѣкоторыхъ, и весьма существенныхъ, недостатковъ. Начиная съ § 1-го — въ немъ не опредѣлена подробно форма судебнаго, письменнаго приказанія, такъ какъ одно только указаніе на обвиняемаго и на предметъ обвиненія недостаточно, а неполнота формы можетъ вызвать на практикѣ весьма серьезныя замѣшательства. За тѣмъ нѣтъ никакого разумнаго основанія назначать столь продолжительный промежутокъ времени для врученія арестованному этого приказанія, тогда какъ изъ англійской практики обнаруживается, что не только для предъ-

---

[1]) См. *И. Тарасова* «Личное задержаніе», стр. 187 и слѣд.

явленія подлиннаго письменнаго приказанія, которое должно быть представлено арестуемому при арестѣ, но даже и для выдачи копіи съ этого приказанія, 6-ти часовой срокъ, со времени заявленія просьбы о выдачѣ ея, оказывается совершенно достаточнымъ. — Пунктъ *б*, § 2-го даетъ полиціи слишкомъ широкое право, такъ какъ выраженіе „наказуемое дѣяніе“ имѣетъ весьма обширное значеніе и заключаетъ въ себѣ понятія о преступленіи, проступкѣ и полицейскомъ нарушеніи; право ареста въ этомъ случаѣ предоставлено только полицейскимъ управленіямъ и другимъ должностнымъ лицамъ, на которыхъ возложена обязанность розыскивать преступленія и проступки, т. е. лицамъ, отъ которыхъ можно требовать, до извѣстной степени, знакомства съ существующей классификаціей преступленій и системой наказаній, слѣдовательно въ этомъ пунктѣ параграфа слова: „наказуемое дѣяніе“ можно было-бы замѣнить другимъ выраженіемъ, менѣе общимъ, оставивъ ихъ въ силѣ только для перваго пункта этого параграфа, такъ какъ этимъ пунктомъ уполномочиваются на арестъ нисшіе полицейскіе служители и частныя лица, отъ которыхъ нельзя требовать точнаго знакомства съ различіемъ между преступленіями, проступками и полицейскими нарушеніями. — Въ первомъ пунктѣ 2-го параграфа не предусмотрѣнъ случай ареста при крикахъ о помощи (by hue and cry — по англійскому законодательству), такъ какъ онъ, повидимому, подходитъ подъ 2-й пунктъ, слѣдовательно въ этомъ случаѣ лишены права ареста нисшіе полицейскіе служители и частныя лица; если-же предположить, что случай этотъ предусмотрѣнъ въ § 6-мъ, то права ареста лишены будутъ частныя лица; — ни то, ни другое не согласно съ требованіями дѣйствительной жизни. Вообще п. *а*, § 2-го выраженъ весьма неясно; въ подлинникѣ сказано: wenn die Person bei Ausführung einer strafbaren Handlung „oder gleich nach derselben getroffen oder *verfolgt* wird“. Можно думать, что слово „verfolgt“ означаетъ преслѣдованіе „by hue and cry“, но въ такомъ случаѣ частныя лица и полиція будутъ поставлены въ печальное положеніе: они будутъ видѣть, что кто нибудь преслѣдуетъ кого нибудь, прося о помощи, и полиція, чтобы подать такую помощь, должна будетъ предварительно справиться, совершилъ-ли преслѣдуемый какое нибудь наказуемое дѣяніе и только тогда оказать помощь, задержавъ преслѣдуемаго. Можно представить себѣ и другой случай: кто нибудь, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени послѣ совершенія извѣстнаго ему преступленія, вдругъ увидитъ преступника на улицѣ и пустится за нимъ въ погоню; ни полиція, ни частныя лица не могутъ, на основаніи п. *а*,

§ 2-го и § 3-го, оказать ему помощи, такъ какъ между совершеніемъ преступленія и поимкой преступника истекъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Вообще-же § 2-й долженъ былъ-бы заключать въ себѣ указанія, когда вся полиція и всѣ частныя лица могутъ арестовать, когда только полиція и, наконецъ, когда только высшіе чины полиціи. — Параграфъ 3-й выраженъ также недостаточно ясно: изъ смысла его вытекаетъ, будто-бы частныя лица могутъ арестовать преступника только тогда, когда онъ бѣжитъ, или намѣренъ бѣжать *отъ полиціи*. — Слово „тотчасъ-же" (sofort), встрѣчающееся въ §§ 3 и 4-мъ, слѣдовало-бы обусловить отвѣтственностью за малѣйшее, умышленное промедленіе, какъ это сдѣлано въ англійскомъ законодательствѣ; равно какъ слова „безъ замедленія" (unverzüglich) въ § 4-мъ необходимо замѣнить точнымъ указаніемъ на срокъ. — Часть § 4-го, отъ слова „если" — до конца, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ слово „предварительно" можетъ быть неправильно толкуемо, въ слѣдствіе чего арестованный можетъ быть не *тотчасъ-же* отведенъ къ мѣстному прокурору; кромѣ того не сдѣлано указанія на срокъ представленія арестованнаго прокурору подлежащаго суда.—Въ § 5-мъ явное противурѣчіе, такъ какъ въ немъ говорится о лицахъ, подвергшихся не только предварительному, но и предупредительному аресту, которыя должны быть допрошены *судьею* не позднѣе какъ на другой день со времени ихъ привода, между тѣмъ какъ въ § 4-мъ сказано, что подвергшійся предупредительному аресту долженъ быть отведенъ къ *прокурору*; выясненіе этого противорѣчія существенно, такъ какъ весьма важно знать, можно-ли представлять непосредственно въ судъ лицъ, подвергшихся предупредительному аресту, ибо отъ утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ можетъ зависѣть большая или меньшая продолжительность этого ареста. — Параграфъ шестой въ особенности неудовлетворителенъ. Въ немъ ничего не упомянуто о правѣ частныхъ лицъ подвергать полицейскому аресту, тогда какъ страннымъ кажется, отчего, напримѣръ, частныя лица не могутъ подобрать на улицѣ пьянаго, или взять буйнаго сумасшедшаго и представить ихъ въ полицію? Далѣе, въ параграфѣ этомъ не сдѣлано никакой попытки указать на главнѣйшіе, типическіе случаи примѣненія полицейскаго ареста, между тѣмъ какъ здѣсь такого рода указаніе въ особенности необходимо потому, что право полицейскаго ареста предоставлено не только нисшимъ полицейскимъ служителямъ, понятія которыхъ о „нравственности", напримѣръ, мо-

гутъ быть весьма своеобразны, но должно быть предоставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ и частнымъ лицамъ. — Кромѣ того, мы не находимъ въ этомъ параграфѣ ни малѣйшей попытки опредѣлить предварительный образъ дѣйствія, предшествующій аресту, тогда какъ въ этомъ именно опредѣленіи, если-бы оно было удовлетворительно, заключалась-бы одна изъ главнѣйшихъ гарантій личной свободѣ: законъ, уполномочивающій къ полицейскому аресту, долженъ указать на всѣ предварительныя мѣры безопасности, только безуспѣшность которыхъ можетъ дать право на полицейскій арестъ Къ разряду существенныхъ недостатковъ этого параграфа слѣдуетъ отнести также и то, что опредѣляя довольно высокій maximum срока продолжительности ареста, онъ распространяетъ этотъ maximum на всѣ случаи полицейскаго ареста, не предусматривая тѣ случаи, когда арестъ этотъ долженъ ограничиться простымъ уводомъ, напримѣръ — при арестѣ дерущихся. Наконецъ, въ параграфѣ этомъ ничего не сказано объ обязанности полиціи вручить арестованному, по его требованію, копію съ постановленія объ арестѣ, вслѣдствіе чего арестъ этотъ пріобрѣтаетъ характеръ домашней мѣры, совершеніе которой проходитъ безслѣдно, безъ всякаго документа въ рукахъ арестованнаго, съ которымъ онъ могъ-бы обратиться въ судъ съ искомъ, въ случаѣ неправильности ареста по существу или по формѣ. — Самый существенный недостатокъ этого закона тотъ, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на отвѣтственность, которой могутъ подвергаться должностныя лица при неисполненіи предписаній этого закона, имѣющаго цѣлью оградить личную свободу; поэтому законъ этотъ, будучи лучше англійскаго въ томъ отношеніи, что въ немъ видна попытка систематизировать вопросъ и разрѣшить его въ томъ смыслѣ, чтобы сфера и образъ дѣятельности исполнительныхъ органовъ были по возможности опредѣленныя; но онъ хуже англійскаго, такъ какъ исполненіе его не обусловлено тою судебною отвѣтственностью, которая столь категорически и ясно выражена въ англійскомъ законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ лучше французскаго, такъ какъ онъ яснѣе опредѣляетъ предѣлы гражданской свободы и сообщаетъ большую откровенность и законность образу дѣйствія полиціи, и кромѣ того, что̀ весьма существенно, законъ этотъ выдѣляетъ вопросъ о полицейскомъ арестѣ изъ устава уголовнаго судопроизводства.

Мы заключаемъ наше изслѣдованіе словами *Либера*, — этого воспитанника ученой Германіи и жителя свободной Америки, ко-

торый говоритъ, что не законъ опасенъ свободѣ, а опасно отсутствіе господства закона. Гражданская свобода заключается не въ отсутствіи стѣсненій личной свободы, а въ установленіи гарантій для такихъ правъ, которыя наиболѣе часто нарушаются и считаются людьми наиболѣе дорогими и существенными. Задача законодательства заключается въ томъ, чтобы дать защиту при нарушеніи права и предупреждать такія нарушенія; задача-же эта никогда не будетъ достигнута тѣмъ, что полиція поставлена будетъ въ необходимость бездѣйствовать, или восполнять темноту закона произволомъ.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ

и

СТАТИСТИКА.

Я. А. ГРЕБЕНЩИКОВА,

полковника генеральнаго штаба.

I.

Армія составляетъ часть населенія, особо организованную для обороны государства; она находится въ полномъ распоряженіи правительства и также какъ правительство составляетъ органическую часть государства. Правительство, армія и народъ—это три части главнаго государственнаго элемента населенія, активныя способности котораго создаютъ политическое тѣло. Если правительство устанавливаетъ стройный порядокъ во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни, а армія охраняетъ этотъ порядокъ и защищаетъ государственные интересы отъ посягательствъ со стороны другихъ государствъ, то народъ, ради котораго существуютъ правительство и армія, служитъ источникомъ силы и благоденствія государства въ полномъ объемѣ.

Племенныя особенности, подъ вліяніемъ естественныхъ и историческихъ условій, создаютъ извѣстныя физическія и духовныя силы, выражающіяся въ формѣ матеріальнаго богатства и духовнаго (умственнаго и нравственнаго) совершенства. Какъ первое, такъ и второе, возникая въ дѣятельности отдѣльнаго лица, растетъ и совер-

шенствуется массируясь въ обществѣ; оба вида богатствъ образуютъ и питаютъ крѣпость и славу правительства и арміи.

Къ физическимъ силамъ государства относятся: территорія со всѣмъ, что на ней, включая и населенія и климатическія условія, какъ результатъ географическаго положенія территоріи; къ духовнымъ: любовь къ родинѣ, религія, довѣріе къ власти, образованіе какъ источникъ знанія, и, наконецъ, самоуваженіе, какъ результатъ сознанія собственной силы и правоты. Все это вмѣстѣ, при взаимнодѣйствіи, создаетъ государственное могущество.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе зависимости, въ которой находится вооруженная сила отъ другихъ государственныхъ элементовъ, положеніе ея, какъ въ общемъ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется могуществомъ даннаго государства и свойствомъ силъ, которыя образовали это могущество. Всякое уклоненіе: въ сторону ли несоразмѣрнаго увеличенія вооруженныхъ силъ, или же въ сторону численно и качественно, ниже нормальнаго уровня, который опредѣляется политическимъ значеніемъ государства, — неминуемо должно вести къ болѣзненнымъ явленіямъ, понижающимъ государственное могущество.

Изъ всего сказаннаго легко усмотрѣть необходимость и значеніе, для опредѣленія политической роли государства, его общей государственной статистики и сравнительнаго ея изученія по отношенію къ государствамъ, имѣющимъ между собою какое бы то ни было соприкосновеніе.

II.

Прямое назначеніе вооруженной силы — оборона государства, а потому организація вооруженныхъ силъ обусловливается прежде всего организаціею государственной обороны, которая въ полномъ своемъ объемѣ составляетъ предметъ государствовѣдѣнія.

Организація государственной обороны обусловливается слѣдующими данными:

1) *Политическими* условіями, въ которыхъ находится государство относительно внѣшней и внутренней политики. Условія эти, въ зависимости отъ различныхъ комбинацій, опредѣляютъ *нѣсколько положеній,* которымъ должна отвѣчать организація государственной обороны, причемъ осторожность требуетъ, чтобы всѣ соображенія были

сдѣланы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ виду самыхъ невыгодныхъ условій.

Политическія данныя находятся внѣ вѣдѣнія военнаго вѣдомства и должны быть при рѣшеніи спеціально военныхъ вопросовъ приняты имъ какъ уже напередъ данныя величины.

2) *Стратегическими* условіями, которыя опредѣляются географическими, топографическими, экономическими и политическими данными. Стратегическія условія въ зависимости отъ политическихъ положеній могутъ имѣть *нѣсколько постановокъ*, изъ которыхъ въ каждой при опредѣленіи условій государственной обороны должна быть принята въ разсчетъ наименѣе выгодная обстановка.

Военное вѣдомство обязано изучить стратегическія данныя, чтобы въ мирное время, заблаговременно, принять соотвѣтствующія мѣры для устраненія оказавшихся неудобствъ и подготовить на случай войны наивыгоднѣйшую обстановку.

3) *Средствами* государства, которыя имѣются для организаціи государственной обороны. Средства эти, матеріальныя и духовныя, какъ результатъ всей предыдущей государственной жизни, не могутъ увеличиваться по произволу и для даннаго времени являются величиною строго опредѣленною.

Такъ какъ могущество государства находится въ тѣсной зависимости отъ наличныхъ средствъ и такъ какъ организація государственной обороны должна быть соображена съ политическими требованіями, опредѣляющимися тѣми же наличными средствами и относительнымъ значеніемъ ихъ, то понятно, что въ основу всѣхъ разсчетовъ по организаціи государственной обороны должны быть приняты *самыя точныя свѣдѣнія общей статистики*, причемъ на обязанности военнаго вѣдомства лежитъ опредѣленіе размѣра, въ которомъ государство должно эксплоатировать имѣющіяся на лицо средства для военныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ для правильнаго рѣшенія вопроса о государственной оборонѣ необходимы статистическія свѣдѣнія, какъ относительно собственныхъ средствъ, такъ и средствъ государствъ, столкновеніе съ которыми возможно.

III.

Активная сила государственной обороны заключается въ *вооруженной силѣ* государства, образующейся изъ арміи и всѣхъ ея вспомогательныхъ учрежденій. Величина арміи и размѣръ развитія

ея вспомогательныхъ учрежденій опредѣляется тремя вышеприведенными данными: 1) политическими, 2) статистическими и 3) наличными средствами государства, причемъ, соображаясь съ каждымъ изъ трехъ данныхъ, для наибольшей основательности выводовъ слѣдуетъ принимать въ разсчетъ самыя невыгодныя условія.

Спеціальная задача военно-организаціоннаго рѣшенія, какимъ образомъ вооруженныя силы должны быть устроены, состоитъ въ изысканіи такого строя военной организаціи и такихъ способовъ пользованія государственными средствами, которыя бы, давая въ результатѣ силы, отвѣчающія, по достоинству, современнымъ требованіямъ военнаго искусства и по количеству политическимъ условіямъ, въ то же время удовлетворяли интересамъ государственной экономіи.

Рѣшеніе военно-организаціонныхъ вопросовъ должно быть основано на принципѣ *образованія вооруженной силы, численностью и достоинствомъ отвѣчающей своему назначенію съ наименьшими затратами для государства.* Такъ какъ вооруженная сила предназначается для защиты государственныхъ интересовъ, то само собою разумѣется, что неразсчетливое пользованіе государственными средствами не только уничтожало бы пользу, имѣющуюся при этомъ въ виду, но даже вредило бы интересамъ государства болѣе чѣмъ пораженіе отъ руки непріятеля. Первое, т. е. неразсчетливое пользованіе средствами, дѣйствуетъ постоянно, въ долгій періодъ мира, а потому глубже, хотя и медленнѣе разстраиваетъ государственный порядокъ, тогда какъ пораженіе, какъ фактъ скоропреходящій, болѣе поражаетъ своею обстановкою, чѣмъ внутреннею силою.

Ведущіе войну разсчитываютъ нанести другъ другу такой вредъ, впечатлѣніе котораго привело бы къ сознанію своего безсилія. Несоблюденіе въ рѣшеніи военно-организаціонныхъ задачъ условія „наименьшихъ затратъ для государства“, — равносильно содѣйствію противнику.

Выраженіемъ — „съ наименьшими затратами для государства“ — замѣняется стереотипная фраза „наименьшихъ расходовъ казны“, такъ какъ *казна*, составляя часть государственныхъ *средствъ*, является частностью въ той массѣ матеріальныхъ и духовныхъ запасовъ, которые расходуются на вооруженную силу.

Такимъ образомъ при организаціи вооруженной силы должны быть приняты въ основаніе слѣдующія данныя: 1) численность, какъ готовая величина, опредѣленная политическими условіями; 2) военныя требованія, вытекающія изъ стратегическихъ и тактическихъ усло-

вій, опредѣленныхъ военною наукою, и 3) наличныя средства государства, экономическія и соціальныя данныя, обусловливающія пользованіе ими для нуждъ вооруженной силы.

Свѣдѣнія о средствахъ необходимыхъ для военныхъ цѣлей и способахъ производительнѣйшаго пользованія ими, заключаются въ военной статистикѣ, которая почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и общая статистика, но разработываетъ ихъ въ большей подробности примѣнительно военныхъ требованій.

Сборъ и разработка военно-статистическихъ свѣдѣній всецѣло лежитъ на обязанности военнаго вѣдомства, если только оно не отказывается отъ самостоятельнаго рѣшенія военно-организаціонныхъ вопросовъ.

Безъ основательнаго изученія статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ опредѣляется порядокъ примѣненія положеній науки къ экономическимъ и соціальнымъ условіямъ государства—всякая военно-организаціонная работа представляется болѣе или менѣе удачною *импровизаціею*, а проистекающія отсюда установленія отличаются недолговѣчностью.

IV.

Назначеніе вооруженной силы — вести бой, когда это окажется нужнымъ, чтобы отстоять интересы государства. Степень боевой готовности, соотвѣтственно возможнымъ случайностямъ—вотъ мѣрило пригодности вооруженной силы. Но такъ какъ въ мирное время, по экономическимъ разсчетамъ, содержатся только кадры силы, которая должна быть выставлена государствомъ въ случаѣ войны, то правильность рѣшенія военно-организаціонныхъ вопросовъ должна оцѣниваться какъ пригодностью принятыхъ организаціонныхъ формъ съ чисто боевой точки зрѣнія, какъ она опредѣлена военною наукою, такъ и условіями существованія кадровъ въ мирное время и порядкомъ укомплектованія и снабженія войскъ до военнаго состава. Словомъ, боевая пригодность данной организаціи опредѣляется быстротою перехода съ мирнаго на военное положеніе (мобилизація) и способностью выполнить всѣ тактическія и стратегическія задачи, встрѣчающіяся на войнѣ и все это съ наименьшими затратами государственныхъ средствъ и силъ.

Быстрота перехода съ мирнаго на военное положеніе, равно какъ и боевая устойчивость войсковыхъ частей зависятъ, прежде всего,

отъ достоинства кадровъ и резервовъ, и затѣмъ отъ совершенства мобилизаціоннаго плана, которымъ опредѣляется весь порядокъ пополненія кадровъ до штатовъ военнаго времени.

Имѣя въ виду совершенство войсковыхъ частей съ точки зрѣнія ихъ боевой пригодности, т. е. не только въ предѣлахъ штатовъ мирнаго времени (кадра), но и во всѣхъ треволненіяхъ боеваго вихря, мнущаго и ломающаго все, что не имѣетъ достаточно силъ для устойчивости, — надо помнить, что боевое достоинство часто на три пятыя зависитъ отъ условій административныхъ вообще и хозяйственныхъ въ особенности. Голодная и продрогшая, да еще дурно управляемая часть, какъ бы она прекрасно ни была обучена тактическимъ дѣйствіямъ и подъ какую бы прекрасную команду ни попала —*сдастъ*, такъ какъ не будетъ заключать въ себѣ основы, на которой опирается постоянство боевыхъ успѣховъ, а именно—*выдержки*.

Конечно, условія, при которыхъ часть будетъ считать себя вполнѣ *крѣпкою*, и вслѣдствіе чего будетъ менѣе чувствительна ко всѣмъ случайностямъ, — измѣняются въ самыхъ широкихъ предѣлахъ: сравните суворовскихъ чудо-богатырей съ прусскимъ ландверомъ, воспитаннымъ на гороховой колбасѣ и кофеѣ. Однако, нельзя не признать, что въ прежнее время долгосрочная служба перерождала человѣка, формируя солдата по утвержденному образцу, тогда какъ теперь, съ уменьшеніемъ срока пребыванія солдатъ въ рядахъ арміи, вслѣдствіе уменьшенія вѣроятной возможности преобразовать человѣка, становится необходимостью пользоваться уже имѣющимися въ населеніи качествами, примѣняя ихъ къ военнымъ цѣлямъ. Для того, чтобы выполнить такую задачу, необходимо всестороннее изученіе экономическихъ и соціальныхъ условій существованія населенія, что возможно только при посредствѣ статистическихъ данныхъ.

Военное значеніе бытовыхъ условій въ видахъ созданія прочныхъ кадровъ весьма велико. Недаромъ ими такъ интересовались особенно выдающіеся русскіе военоначальники, какъ, напримѣръ, Румянцевъ, Суворовъ и друг., а потому будетъ вполнѣ правильнымъ, если мы начнемъ разсматривать значеніе въ военной организаціи статистическихъ данныхъ съ краткаго очерка тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для правильной организаціи кадровъ, при условіи наименьшихъ затратъ со стороны государства.

V.

Оружіе, которымъ снабжены войска, имѣетъ вліяніе на формы строя и способы примѣненія ихъ къ мѣстности. Каждая армія, вводя у себя оружіе, имѣющееся уже въ другихъ арміяхъ, естественно вмѣстѣ съ тѣмъ усвоиваетъ главныя основанія соотвѣтствующей тактики. Въ этой сферѣ военнаго искусства подражаніе неизбѣжно. Совсѣмъ другое дѣло относительно внутренней организаціи тактической единицы.

Если признавать въ тактической единицѣ (баталіонъ, рота, эскадронъ, сотня) живой организмъ, въ которомъ отдѣльныя человѣческія особи слиты воедино силою всѣмъ имъ присущаго духа государственной народности, то для здороваго ихъ существованія и полнаго всесторонняго развитія необходима соотвѣтственность внутреннихъ порядковъ службы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ, присущимъ различнымъ этнографическимъ элементамъ, изъ которыхъ образуется народность. При такихъ условіяхъ не можетъ быть подражанія, и сходство порядковъ въ различныхъ арміяхъ будетъ не болѣе какъ случайность.

Не только каждая административная единица (полкъ, батарея) русской арміи представляетъ совершенно независимую хозяйственную единицу, но эта самостоятельность присуща и тактическимъ единицамъ. Эта особенность наша образовалась и выросла исторически подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ условій.

Каждая часть находитъ въ себѣ самой все, что необходимо для ея существованія; она сама себя кормитъ, поитъ, одѣваетъ, ведетъ свою экономію, для которой ничего не дается, но за которую каждый взыскиваетъ со строеваго начальника, требуя въ то же время, чтобы изъ экономіи покрывались существующія прорѣхи.

Когда существовала долгосрочная служба, то всѣ спеціалисты, необходимые для внутренней службы, какъ-то: писаря, кузнецы, столяры, токари, колесники, печники, хлѣбопеки, кашевары и т. п., образовались въ части; теперь же, при короткихъ срокахъ службы, надо чтобы часть получала ихъ готовыми въ составѣ ежегоднаго контингента новобранцевъ.

Существованіе раіоновъ постояннаго комплектованія частей, при условіи, что населеніе различныхъ мѣстностей Имперіи, какъ въ силу своихъ этнографическихъ особенностей, такъ и по условіямъ эко-

номическаго развитія, весьма неодинаково относительно способности удовлетворять всѣмъ хозяйственнымъ потребностямъ войсковыхъ частей—обусловливаетъ необходимость самаго внимательнаго росписанія контигентовъ.

Для того, чтобы приравнять всѣ войсковыя части въ условіяхъ наивыгоднѣйшаго комплектованія людьми, необходимо имѣть точныя свѣдѣнія:

1) относительно племеннаго состава населенія, каждаго уѣзда, какъ особаго раіона комплектованія;

2) относительно духовныхъ и физическихъ особенностей каждой этнографической группы даннаго уѣзда, какъ онѣ представляются относительно требованій военной службы.

3) относительно распредѣленія населенія уѣзда по роду занятій съ опредѣленіемъ какъ великъ процентъ всякаго рода мастеровыхъ въ составѣ ежегоднаго контигента новобранцевъ.

Попытка къ составленію сборника указанныхъ свѣдѣній уже сдѣлана г. Риттихомъ въ его трудѣ „Племенной составъ контигентовъ русской арміи". При всѣхъ своихъ недостаткахъ, проистекающихъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка матерьяла, трудъ этотъ по мысли и исполненію заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Если такія статистическія свѣдѣнія требуются для наилучшей организаціи кадровъ войсковыхъ частей, то, съ другой стороны, въ видахъ возможно разсчетливаго пользованія средствами государства, въ данномъ случаѣ силами самой молодой, отборной части населенія, необходимы данныя, на основаніи которыхъ можно было бы предотвратить всякія случайности, вредно вліяющія на здоровье и жизнь молодаго поколѣнія.

Дѣло въ томъ, что при существованіи системы раіоновъ постояннаго комплектованія и нормальной дислокаціи войскъ, закрѣпляющей части войскъ на постоянномъ квартированіи въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, всегда въ одной и той же обстановкѣ относительно расквартированія, размѣщенія и исполненія караульной службы, очень легко можетъ случиться, что контигенты нѣкоторыхъ уѣздовъ годъ въ годъ станутъ попадать въ такія части войскъ, расположеніе и служба которыхъ будетъ вредно отзываться на здоровьи, увеличивая процентъ смертности и числа неспособныхъ. Такой фактъ можетъ вліять какъ на уменьшеніе, такъ и вырожденіе населенія мѣстности, составляющей раіонъ комплектованія частей войскъ, находящихся въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Для устраненія указанныхъ случайностей при составленіи рос-

писанія ежегоднаго укомплектованія войскъ должно руководствоваться слѣдующими свѣдѣніями:

1) указаніемъ процента болѣзненности и смертности въ ежегодномъ контингентѣ новобранцевъ каждаго уѣзда въ различныхъ мѣстностяхъ расквартированія войскъ;

2) опредѣленіемъ процента болѣзненности и смертности въ ежегодномъ контингентѣ каждаго уѣзда въ зависимости отъ условій расквартированія и размѣщенія войскъ, а также условій караульной службы.

Какъ на зачатки разработки этихъ свѣдѣній, можно указать на изданіе медицинскаго департамента „Медико-топографическаго сборника“ и на „Врачебно-статистическій отчетъ о состояніи здоровья войскъ за 1872 годъ“, напечатанный по распоряженію и подъ руководствомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. Но труды эти преслѣдуютъ иныя цѣли, чѣмъ сборъ данныхъ для руководства въ рѣшеніи военно-организаціонныхъ работъ, а потому въ настоящемъ своемъ видѣ они не даютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Даже изданіе главнаго военно-медицинскаго инспектора, офиціальное изданіе военнаго министерства, упускаетъ изъ вида указанныя цѣли, отвѣчая исключительно требованіямъ отчетности о военно-врачебной дѣятельности за указанный годъ, въ кругу военнослужащихъ, безъ всякаго соотношенія съ интересами населенія.

При обширности и разнообразіи климатическихъ условій въ Россіи, опредѣленіе способности акклиматизаціи различныхъ частей населенія въ мѣстностяхъ постояннаго расквартированія войскъ составляетъ весьма важный вопросъ военной статистики, такъ какъ при общеобязательной службѣ, росписаніямъ военнаго министерства узаконяется вынужденное переселеніе значительной массы населенія въ самомъ переходномъ возрастѣ, что не можетъ не вліять на явленія общаго движенія народонаселенія въ государствѣ.

Само собою разумѣется, что въ организаціонныхъ вопросахъ, касающихся столь серьезныхъ вещей, не можетъ быть допущено никакихъ импровизацій, неминуемыхъ при отсутствіи указанныхъ выше свѣдѣній. Не менѣе серьезное значеніе для полной успѣшности военно-организаціонныхъ рѣшеній имѣетъ правильная постановка вопроса объ отношеніи числа лошадей въ кадрахъ мирнаго времени къ потребностямъ военнаго времени.

Надо помнить, что государство производитъ только то на что есть спросъ, и въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ потребности, а потому тѣ сорты лошадей, которые предназначаются исключительно для

арміи, находятся у населенія въ количествѣ, опредѣляемомъ спросомъ военнаго вѣдомства. Понятно, что полность кадровъ мирнаго времени въ кавалеріи даетъ поводъ предполагать, что для дальнѣйшаго увеличенія числа кавалеріи въ военное время, въ массѣ конєвыхъ силъ государства окажется недостатокъ спеціально верховыхъ лошадей и придется разсчитывать на выборъ таковыхъ изъ лошадей, предназначающихся для другихъ цѣлей. Для того, чтобы опредѣлить данныя, на основаніи которыхъ должно быть опредѣлено число лошадей въ кадрахъ мирнаго времени, необходимо имѣть въ виду положеніе коневодства и коннозаводства въ странѣ, для чего необходимы соотвѣтствующія статистическія свѣдѣнія. Кромѣ указанныхъ случаевъ необходимость статистическихъ свѣдѣній при организаціи кадровъ мирнаго времени обнаруживается въ каждомъ частномъ случаѣ.

VI.

Переходя къ изслѣдованію значенія, которое имѣютъ статистическія данныя при рѣшеніи вопроса наилучшей организаціи всѣхъ мобилизаціонныхъ операцій, необходимо имѣть въ виду: 1) значеніе мобилизаціонныхъ разсчетовъ и соображеній въ общей системѣ военной организаціи; 2) условія наилучшаго рѣшенія мобилизаціонныхъ задачъ для исключительно военныхъ цѣлей, и 3) условія организаціи мобилизаціоннаго плана съ соблюденіемъ расчетливости въ пользованіи средствами государства, для того, чтобы выполнить правило *„наименьшихъ затратъ“*.

Мобилизаціонный планъ заключаетъ въ себѣ сводку дѣйствій по исполненію мѣръ, которыми полагается поставить вооруженныя силы въ положеніе, отвѣчающее условію государственной безопасности. Въ примѣненіи къ дѣлу всѣхъ этихъ мѣръ состоитъ провѣрка организаціи вооруженныхъ силъ, такъ какъ при правильной постановкѣ вопроса, какъ наилучшимъ способомъ обезпечить оборону государства, обословленную политическими и стратегическими соображеніями и *наличными средствами страны*, усовершенствованіе мобилизаціоннаго плана можетъ быть исполнено только путемъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ военной организаціи.

Мобилизаціонный планъ, составляемый въ мирное время на случай войны, долженъ обнимать собою слѣдующія операціи:

1) Мобилизацію войскъ, ихъ управленій и вспомогательныхъ

учрежденій, т. е. укомплектованіе и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для полной боевой готовности, въ мѣстахъ ихъ расположенія по дислокаціи мирнаго времени.

2) Сосредоточеніе уже мобилизованныхъ частей на вѣроятные театры войны и одновременное съ этимъ устройство тыла.

Обѣ операціи находятся между собою въ самой тѣсной зависимости, такъ какъ, напримѣръ, въ Россіи выполненіе первоначальной задачи войны—обезпеченіе государства отъ непріятельскаго вторженія, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія вооруженныхъ силъ по государственной территоріи, не совпадающаго съ размѣщеніемъ источниковъ пополненія войскъ людьми и лошадьми, можетъ быть достигнуто только постепенно, и тѣмъ въ кратчайшій срокъ, чѣмъ лучше будутъ соображены разсчеты по сосредоточенію войскъ съ временемъ ихъ укомплектованія и обратно.

Устройство тыла арміи должно входить въ мобилизаціонный планъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) завися отъ хода укомплектованія резервныхъ и запасныхъ войскъ и вспомогательныхъ учрежденій, оно въ то же время обезпечиваетъ успѣхъ полнаго сосредоточенія арміи; 2) оно способствуетъ правильному доставленію къ войскамъ, двинутымъ на сосредоточеніе, ихъ хозяйственныхъ принадлежностей; 3) вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же даетъ правильное движеніе отъ источниковъ снабженія къ войскамъ и обратно.

Обѣ операціи, какъ укомплектованіе въ мѣстахъ расквартированія, такъ и сосредоточеніе войскъ, должны исполняться по нѣсколькимъ планамъ, въ зависимости отъ того, всѣ ли войска или только часть войскъ мобилизируется и на какой театръ войны должны быть сосредоточены мобилизованныя войска.

Исходя изъ того, что мобилизаціонный планъ долженъ служить основаніемъ стройному одновременному исполненію всѣхъ дѣйствій, необходимыхъ для скорѣйшаго осуществленія мѣръ, которыми обезпечивается оборона государства, въ него должны также войти соображенія о вооруженіи и снабженіи крѣпостей, прикрывающихъ операціонныя базы.

Если принять во вниманіе всю сложность мобилизаціонныхъ операцій, то соображенія, изъ которыхъ составляется мобилизаціонный планъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при общей и каждой частной мобилизаціи, могутъ быть изложены въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Мобилизація войскъ, ихъ управленій и вспомогательныхъ учрежденій.

1) Мобилизація полевыхъ, резервныхъ и запасныхъ войскъ пѣ-

хоты, кавалеріи и артиллеріи съ соотвѣтствующими парками, саперныхъ баталіоновъ и полковыхъ штабовъ, относительно:

а) укомплектованія личнымъ составомъ нижними чинами и офицерами;

б) обмундированія и снаряженія;

в) вооруженія;

г) укомплектованія лошадьми;

д) приведенія на военное положеніе госпитальныхъ и санитарныхъ войсковыхъ средствъ (подвозныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ и ротъ санитаровъ).

2) Мобилизація общихъ средствъ арміи:

а) по артиллерійской части (артиллерійскіе всякаго рода парки, мастерскія, снабженіе крѣпостей артиллерійскими запасами);

б) по инженерной части (понтонные, полевые, осадные и телеграфные парки, вооруженіе и усиленіе крѣпостей);

в) по интендантской части (формированіе подвижныхъ и временныхъ госпиталей, организація интендантской части въ дивизіяхъ и корпусахъ, обезпеченіе продовольствія людей и лошадей, слѣдующихъ на укомплектованіе частей и подготовка перевозочныхъ средствъ);

г) по медицинской части: укомплектованіе войскъ и госпиталей личнымъ составомъ врачей, ветеринаровъ, фельдшерскими и аптекарскими учениками; снабженіе войскъ и госпиталей медикаментами и хирургическими инструментами;

д) по военно-судной части: назначеніе личнаго состава полевыхъ судовъ (преобразованіе состава военно-окружныхъ судовъ);

е) по желѣзно-дорожной части: сборъ и формированіе желѣзнодорожныхъ баталіоновъ (разсчеты и соображенія по перевозкѣ укомплектованія и снабженія къ мобилизирующимся частямъ войскъ и учрежденіямъ);

ж) по почтовой части: назначеніе почтовымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ личнаго состава для формированія полевой почты; снабженіе полевой почты обозомъ и лошадьми;

з) по телеграфной части: назначеніе телеграфнымъ вѣдомствомъ личнаго состава для усиленія нѣкоторыхъ изъ существующихъ линій и для линій, которыя могутъ быть вновь проведены съ военною цѣлью; проложеніе новыхъ вспомогательныхъ линій;

и) по открытію расходныхъ полевыхъ кассъ: составляется соображеніе о мѣстахъ расположенія кассъ и размѣрѣ наличныхъ въ нихъ суммъ; назначеніе министерствомъ финансовъ личнаго состава;

к) по контрольной части: назначеніе государственным контролем личнаго состава полеваго контроля.

II. Сосредоточеніе войскъ и устройство тыла.

1) Росписаніе войскъ по арміямъ и отрядамъ (ordre de bataille), опредѣленіе раіоновъ ихъ сосредоточенія.

2) Назначеніе командующихъ лицъ и сформированіе управленій и штабовъ, образуемыхъ лишь на военное время.

3) Движеніе войскъ для сосредоточенія:

а) распредѣленіе по поѣздамъ собственно войскъ и войсковаго обоза;

б) общій планъ передвиженія войскъ съ распредѣленіемъ ихъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ соотвѣтственно раіонамъ сосредоточенія;

в) мѣры для обезпеченія продовольствія сосредоточивающихся войскъ, какъ во время слѣдованія, такъ и въ первые дни по сосредоточеніи.

4) Устройство тыла:

а) опредѣленіе операціонной линіи;

б) назначеніе этапныхъ пунктовъ съ припиской на немъ опредѣленныхъ раіоновъ;

в) устройство этапныхъ госпиталей и участіе въ этомъ дѣлѣ „Общества для пособія раненымъ и больнымъ воинамъ";

г) устройство по этапамъ магазиновъ;

д) сообщеніе этаповъ между собою и съ мѣстностями въ сторонѣ отъ операціонныхъ линій;

е) назначеніе этапныхъ начальниковъ и необходимаго личнаго состава для этапной службы;

ж) сформированіе перевозочныхъ средствъ.

5) Вооруженіе и снабженіе крѣпостей:

а) Заготовленіе продовольственныхъ запасовъ.

VII.

Условіе, что въ мирное время содержатся только кадры войскъ, обусловливаетъ необходимость имѣть на случай войны въ готовности все, чѣмъ обезпечивается *боевая готовность* вооруженныхъ силъ, т. е. все необходимое для укомплектованія кадровъ и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ.

Лишь та армія можетъ считаться надежною защитой государства, которая живетъ средствами своей земли. Какая либо зависи-

мость отъ средствъ и силъ другихъ государствъ, вслѣдствіе случайныхъ политическихъ обстоятельствъ, легко можетъ нарушить установленный въ ней порядокъ, что естественно должно отразиться на стройности всей системы государственной обороны.

Связь между вооруженными силами страны и ея производительными силами тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ обширнѣе развитіе первыхъ: съ увеличеніемъ боевой численности арміи, соотвѣтственно должны увеличиться затраты на удовлетвореніе военныхъ нуждъ, причемъ средствъ военнаго вѣдомства, заключающихся въ бюджетѣ военнаго министерства, всегда будетъ недостаточно, вслѣдствіе чего естественно придется обращаться къ наличнымъ средствамъ страны.

Въ экономической жизни *спросъ и предложеніе* обусловливаютъ наличность нужныхъ цѣнностей. Если бы военное министерство во всемъ разсчитывало только на свои финансовыя средства, то оно должно бы было въ отношеніи всѣхъ потребностей военнаго времени уже въ мирное время нести денежныя затраты, чтобы постояннымъ *спросомъ* обезпечивать на случай войны соотвѣтствующее *предложеніе*. Такой порядокъ въ долгіе періоды мира привелъ бы государство къ раззоренію худшему, чѣмъ всѣ ужасы войны.

Избѣжать этого можно согласованіемъ потребностей войскъ съ экономическими потребностями населенія, причемъ, ограничивая запасы мирнаго времени такими предметами, какъ *вооруженіе* и *снаряженіе*, которыя всегда будутъ составлять спеціальную потребность только одного военнаго вѣдомства, во всемъ остальномъ въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ, какъ война, обращаться къ средствамъ страны.

Само собою разумѣется, для того, чтобы послѣдній пріемъ былъ возможенъ, необходимо: 1) *организовать войсковой бытъ, согласно съ условіями народнаго быта;* 2) *имѣть точныя свѣдѣнія о наличныхъ средствахъ страны и ихъ распредѣленіи;* 3) *быть близко знакомымъ съ экономическими условіями страны для того, чтобы знать какъ организовать пользованіе ими съ наименьшими затратами для населенія.*

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ мобилизаціонные разсчеты должны быть строго соображены съ наличными средствами страны, а при пользованіи ими должны быть изысканы наиудобнѣйшіе способы.

Отношеніе между наилучшею организаціею мобилизаціонныхъ дѣйствій съ наименьшими при этомъ расходами для государства состоитъ въ томъ, что всякая односторонность въ пользованіи наличными средствами поведетъ къ нарушенію государственнаго интереса. Если для удовлетворенія насущной военной надобности станутъ не-

разсчетливо пользоваться наличными средствами, то тѣмъ самымъ будетъ парализирована возможность продолжительной борьбы за скорымъ истощеніемъ источниковъ; если же для сбереженія наличныхъ средствъ станутъ оставлять безъ вниманія насущныя военныя потребности, то вооруженныя силы государства не выполнятъ своего назначенія, вслѣдствіе чего всѣ предыдущія затраты на нихъ окажутся безполезными, или же для того, чтобы позже исправить то, что оставлено безъ вниманія, придется затратить гораздо больше средствъ и силъ!

Въ мобилизаціонныхъ разсчетахъ благоразумная экономія силъ и средствъ можетъ быть достигнута только предварительнымъ изученіемъ тѣхъ и другихъ и предусмотрительностью въ опредѣленіи нуждъ войны.

VIII.

Въ свѣдѣніяхъ относительно средствъ и силъ государства, пользованіе которыми обусловливаетъ успѣхъ мобилизаціи и полную боевую способность вооруженныхъ силъ, должно заключать слѣдующее:

1) Общая численность и численность каждой категоріи людей запаса (пѣхота, кавалерія и артиллерія съ подраздѣленіями: пѣхота — на полевую и мѣстную, на стрѣлковую и линейную; артиллерія — на полевую и крѣпостную, пѣшую и конную и т. д.).

2) Распредѣленіе запаса по мѣстностямъ.

3) Условія, въ которыхъ находятся люди запаса въ каждой мѣстности относительно рода занятій и благосостоянія, что должно вліять какъ на процентъ людей негодныхъ для военной службы, такъ и на наличность числа людей въ данной мѣстности въ различное время года. Въ послѣднемъ отношеніи особенное значеніе имѣютъ отхожіе промыслы, въ которыхъ люди запаса, вслѣдствіе своего общественнаго и экономическаго положенія, принимаютъ большое участіе.

4) Численность и сортъ лошадей въ каждой мѣстности.

5) Условія, въ которыхъ находится коневодство въ различныхъ мѣстностяхъ государства, какъ относительно пользованія коневыми силами, такъ и хозяйственныхъ условій, опредѣляющихъ состояніе рабочей лошади въ различное время года.

6) Продовольственныя средства каждой мѣстности государства съ опредѣленіемъ избытка или недостатка каждаго продукта.

7) Промышленность различныхъ мѣстностей государства съ ука-

заніемъ производства тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ армія наиболѣе нуждается, какъ-то: суконъ, холста, кожъ, спирта и т. под.

8) Торговля различныхъ мѣстностей съ указаніемъ въ какое время, въ какомъ количествѣ, черезъ посредство какихъ предпринимателей можно наивыгоднѣйшимъ образомъ получить предметы мѣстной торговли; при этомъ слѣдуетъ наименованіе всѣхъ торговыхъ складовъ, ярмарокъ и базаровъ, торговыхъ домовъ и фирмъ.

9) Подводныя средства каждой мѣстности съ опредѣленіемъ подъемной силы каждой подводы и условій возможности пользоваться ими въ различное время года.

10) Пути сообщенія (проселочные, торговые и почтовые) въ каждой мѣстности и ихъ состояніе въ различное время года при условіи разсчетовъ передвиженія по нимъ при слѣдованіи въ войска людей, лошадей и различныхъ предметовъ довольствія войскъ.

11) Желѣзныя дороги—ихъ средства какъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, такъ и общихъ государственныхъ потребностей.

12) Почта и телеграфъ, какъ дальнѣйшее развѣтвленіе желѣзныхъ дорогъ. Должно быть обращено особенное вниманіе на условія, почтоваго и телеграфнаго сообщенія въ пограничныхъ областяхъ, въ раіонѣ мѣстностей, въ которыхъ предполагается устройство операціонныхъ базъ.

13) Силы мѣстной государственной и земской администраціи и условія, существующія по закону и земскимъ постановленіямъ въ данной мѣстности относительно круга дѣятельности и правъ различныхъ должностныхъ лицъ.

Раіономъ укомплектованія войскъ людьми, какъ основная единица при всѣхъ военно-организаціонныхъ разсчетахъ, принимается въ военномъ министерствѣ территоріально-административная единица — уѣздъ; такъ же точно уѣздъ составляетъ въ земскомъ хозяйствѣ первую самостоятельную единицу, а потому всѣ статистическія данныя, необходимыя для составленія военно-организаціонныхъ расчетовъ, должны быть пріурочены къ уѣзду.

Изъ сущности всего настоящаго очерка ясно видно, что правильность и основательность всѣхъ военно-организаціонныхъ разсчетовъ тѣсно связана съ вѣрностью и полнотою статистическихъ свѣдѣній о всѣхъ сторонахъ государственной дѣятельности, прямо или косвенно соприкасающихся съ образованіемъ, существованіемъ и пользованіемъ вооруженною силою.

При отсутствіи статистическихъ данныхъ всѣ военно-организаціонныя работы всегда будутъ непрочны, подвержены частымъ колебаніямъ въ самыя противуположныя стороны. А такъ какъ устойчивость военной организаціи необходима не только для правильности отправленія военной дѣятельности во всѣхъ ея сферахъ, но и для политическихъ и экономическихъ интересовъ государства, то *сборъ и разработка военно-статистическихъ свѣдѣній составляетъ насущную потребность государственнаго управленія.*

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

А. А. ГОЛОВАЧОВА.

ИСТОРІЯ ПОСТРОЙКИ ДОРОГЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ [1]).

Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ мы довели исторію сооруженія желѣзныхъ дорогъ до конца 1869 года. Но мы вовсе не говорили о передачѣ казенныхъ дорогъ въ руки частныхъ обществъ, между тѣмъ какъ возникновеніе этого вопроса относится ко времени образованія желѣзнодорожнаго фонда, т. е., къ 1867 году. На этомъ основаніи намъ нужно возвратиться назадъ и разсмотрѣть мотивы къ образованію этого фонда, средства, послужившія ему основаніемъ и порядокъ реализаціи этихъ средствъ [2]).

Не говоря уже о тѣхъ затратахъ правительства, которыя были сдѣланы на сооруженіе Николаевской желѣзной дороги и которыя по изслѣдованію г. Бліоха [3]) доходили къ 1862-му году до 131.420.402 руб. вмѣстѣ съ процентами за время постройки и съ передержкой въ первые годы эксплуатаціи, — къ концу 1866 года

---

[1]) См. статью первую въ IV т. и статью вторую въ V т. Сборн. Гос. Зн.

[2]) Источникомъ нижеслѣдующаго изложенія мы обязаны просвѣщенному вниманію г. Министра Финансовъ, который открылъ намъ доступъ къ подлиннымъ дѣламъ Министерства Финансовъ.

[3]) Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи И. С. Бліоха. Томъ I, стр. 3.

издержки правительства на желѣзнодорожное дѣло, т. е. на приплату по гарантіи, субсидіи и сооруженія дорогъ средствами казны въ теченіи шестидесятыхъ годовъ только, составляли около 120.000.000 руб., въ томъ числѣ въ теченіи 1865 и 1866 годовъ затрачено на сооруженіе новыхъ линій до 40.000,000 руб. Кромѣ того по смѣтѣ на 1867 года было назначено на тотъ же предметъ до 30.000,000 рублей. На эти средства предпринято было сооруженіе Московско-Курской, Одесско-Балтской, Балто-Кіевской дорогъ и пріобрѣтено три-четверти акцій Курско-Кіевской дороги. Къ началу 1867 года работы и поставки по этимъ дорогамъ были еще далеко не окончены и Министерству Финансовъ предстояло приготовить средства не только на окончаніе работъ, предположенныхъ по смѣтѣ, но и обезпечить дальнѣйшее продолженіе ихъ въ слѣдующихъ годахъ, такъ какъ къ исходу 1867 года предполагалось окончить только меньшую половину работъ. По расчету Министерства для окончанія только начатыхъ дорогъ требовалось ассигнованія по 30,000,000 руб. въ теченіи трехъ лѣтъ, помимо ассигнованныхъ на 1867 годъ.

Между тѣмъ положеніе государственныхъ финансовъ въ то время вовсе не соотвѣтствовало потребностямъ минуты. 1866 годъ принесъ значительный дефицитъ, размѣры котораго въ то время еще не могли быть съ точностію опредѣлены, и по прежнимъ примѣрамъ возможно было ожидать что исполненіе бюджета и на 1867 годъ также повлечетъ за собою дефицитъ, на покрытіе котораго потребуются особыя средства сверхъ ожидавшихся по англо-голландскому займу 1866 года, заключенному для обезпеченія заграничныхъ платежей: послѣдній взносъ по реализаціи этого займа былъ назначенъ на 15 августа 1867 года. При этомъ необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что по условіямъ этого послѣдняго займа правительство обязалось не дѣлать новыхъ впредь до его окончательной реализаціи.

Изъ этого краткаго очерка финансоваго положенія читатель конечно видитъ, что положеніе дѣлъ было весьма затруднительное: средствъ въ виду не имѣлось, а откладывать производство начатыхъ работъ было просто немыслимо, такъ какъ всякая отсрочка дѣлала непроизводительными прежнія издержки и процентами съ затраченнаго капитала увеличивалась стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Конечно 2-й съ выигрышами заемъ могъ бы удовлетворить требованіямъ минуты, тѣмъ болѣе, что назначеніе его было именно для желѣзныхъ дорогъ и реализація его шла весьма успѣшно; но, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, этотъ источникъ не принимался тогда

въ соображеніе. Въ такихъ обстоятельствахъ Министерство Финансовъ, 3 февраля 1867 года, предложило отчужденіе Николаевской желѣзной дороги въ частныя руки на 85 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя суммы образовали собою особый желѣзнодорожный фондъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ дальнѣйшаго и неуклоннаго распространенія желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, Министерство Финансовъ предлагало новую систему, по которой правительственныя дороги не должны были оставаться постояннымъ консолидированнымъ государственнымъ имуществомъ, а напротивъ, переходя въ извѣстное время въ частныя руки, должны были доставлять собою новыя средства для сооруженія цѣлой сѣти и слѣдовательно одни и тѣже затраченные казенные капиталы могли быть нѣсколько разъ реализованы и затрачиваемы на другихъ линіяхъ. Хотя противъ подобной системы можно сказать очень многое, но мы сначала предположимъ, что въ принципѣ подобный взглядъ имѣлъ извѣстное основаніе и обратимся къ тѣмъ мотивамъ, которые заставили Министерство предложить отчужденіе Николаевской дороги и притомъ въ данное время. Признаемся, что въ этомъ отношеніи предложеніе Министерства было обставлено не вполнѣ удачно.

Приведенныя Министерствомъ основанія сводятся къ слѣдующему:

Во первыхъ, движеніе по Николаевской дорогѣ производилось уже пятнадцать лѣтъ и достигло такого развитія, что поверстный валовой сборъ доходилъ уже до 20,000 руб. съ версты, что ставило эту дорогу на второе мѣсто въ ряду всѣхъ европейскихъ дорогъ, изъ которыхъ только на одной, изъ Парижа къ Средиземному морю, валовой сборъ превышалъ получаемый на Николаевской дорогѣ. Между тѣмъ другія правительственныя дороги не были еще не окончены, да еслибъ и были окончены, то въ первые годы результаты движенія рѣдко бываютъ удовлетворительны, между тѣмъ капиталисты, пріобрѣтая дорогу отъ правительства, могутъ основывать свои расчеты только на ея доходности. На этомъ основаніи только отчужденіе одной Николаевской желѣзной дороги можетъ доставить правительству суммы, способныя обезпечить дальнѣйшее развитіе сѣти.

Во вторыхъ, значительные заграничные платежи, преимущественно на уплату процентовъ по внѣшнимъ займамъ, доходившіе въ то время до 40 милл. руб., составляли по мнѣнію Министерства одно изъ главныхъ финансовыхъ затрудненій; между тѣмъ продажа Николаевской дороги иностраннымъ капиталистамъ вмѣстѣ съ суммами послѣдняго англо-голландскаго займа могла бы обезпечить, по

крайней мѣрѣ, на три года всѣ заграничные платежи, возложенные на Государственное Казначейство, которое, ведя особый счетъ суммамъ, выручаемымъ за границею отъ продажи, стало бы отпускать эти суммы по курсу кредитными билетами, согласно ихъ назначенію, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ затрудненія для производства заграничныхъ платежей устранялись бы на три — четыре года, по прошествіи которыхъ главнѣйшія наши линіи были бы окончены и, съ общимъ оживленіемъ промышленности и усиленіемъ отпуска нашихъ произведеній самые платежи Правительства стали бы производиться съ меньшими усиліями.

Въ третьихъ, Николаевская желѣзная дорога представляетъ для европейскихъ капиталовъ сильнѣйшую приманку, чѣмъ какое либо другое государственное имущество, а выгодныя условія эксплуатаціи этой дороги и быстро возрастающее движеніе изъ замосковныхъ губерній весьма скоро приведутъ къ измѣненію составившагося невыгоднаго понятія въ Европѣ о доходности русскихъ желѣзныхъ дорогъ: при такихъ условіяхъ капиталы станутъ искать вѣрнаго и доходнаго помѣщенія въ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Въ четвертыхъ, отчужденіе Николаевской дороги по незначительности чистаго дохода, поступающаго въ. Государственное Казначейство и въ финансовомъ отношеніи окажется болѣе выгоднымъ нежели всякій заграничный заемъ.

Вотъ главные доводы, приведенные въ первомъ докладѣ Министерства Финансовъ; всѣ остальныя соображенія имѣютъ въ виду или подтвержденіе предыдущихъ, или же доказательства, что желѣзныя дороги, будутъ ли онѣ частныя или казенныя, одинаково отвѣчаюъ всѣмъ другимъ потребностямъ Государства и что въ этомъ отношеніи не можетъ существовать никакихъ опасеній.

Обращаясь къ разсмотрѣнію каждаго изъ этихъ доводовъ, нельзя не согласиться, что, при необходимости отчужденія какой либо изъ желѣзныхъ дорогъ не было другаго выхода, какъ продажа Николаевской дороги, такъ какъ недостроенныя дороги ни въ какомъ случаѣ не могли быть переданы въ частныя руки безъ значительнаго убытка. Но дѣло въ томъ, что эта неизбѣжность и своевременность въ первоначальномъ докладѣ Министерства вовсе не доказаны. Даже не возражая въ принципѣ противъ такого отчужденія, можно было сомнѣваться въ своевременности этой мѣры: мало этого, были вполнѣ вѣскія доказательства въ пользу такой несвоевременности. Дѣло въ томъ, что первоначальное устройство дороги и количество имѣвшагося на ней подвижнаго состава далеко не соотвѣт-

ствовали условіямъ увеличившагося движенія, а это не могло не отзываться на уменьшеніи ея доходности; съ другой стороны, на линіи Москва — Козловъ движеніе едва только было открыто, а на линіи Москва — Курскъ еще и не было открыто. Въ самомъ ближайшемъ времени эти линіи должны были дать Николаевской дорогѣ огромное количество грузовъ и увеличить ея доходность въ значительной степени. Если эта доходность, какъ указано въ докладѣ Министерства Финансовъ, увеличилась съ 1863 по 1866 годъ съ 16,000 р. на версту до 20,000 руб. или на 25%, то съ установленіемъ правильнаго движенія на этихъ двухъ линіяхъ соединяющихъ Тамбовскую и Курскую губерніи,—эти житницы Россіи,— съ Москвою и Петербургомъ, движеніе по Николаевской дорогѣ и ея доходность должны были возрастать гораздо быстрѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. На этой именно почвѣ и возникли возраженія противъ подобнаго отчужденія со стороны Министерства Путей Сообщенія, которое въ представленномъ по сему предмету докладѣ указывало на положительную несвоевременность этой мѣры, такъ какъ при сравнительно небольшой затратѣ на развитіе путей, смѣту рельсовъ и увеличеніе подвижнаго состава, — затратѣ не превышавшей 14 милл. руб., — не далѣе какъ черезъ 4 года чистый доходъ дороги по мнѣнію Министерства Путей Сообщенія могъ быть доведенъ до 8 милл. рублей, что представляетъ только minimum доходности и должно считаться далеко не достигающимъ своей нормальной величины. Въ такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Министерства Путей Сообщенія, къ подобной крайней мѣрѣ можно было бы прибѣгнуть только тогда, когда вопросъ былъ бы поставленъ такъ, чтобъ оставался выборъ между продажею Николаевской дороги и прекращеніемъ всѣхъ работъ, начатыхъ средствами Правительства. Послѣдующій опытъ не только оправдалъ предположенія Министерства Путей Сообщенія, но далеко превзошелъ его ожиданія, такъ какъ въ 1877 году чистый доходъ дороги доходилъ уже до 13 милл. руб. Въ виду подобныхъ соображеній Министерство Путей Сообщенія ставило вопросъ: не представится ли возможности замѣнить подобную крайне несвоевременную мѣру займомъ подъ залогъ доходовъ Николаевской дороги или продажей дорогъ, строющихся на югѣ Россіи?

Тѣмъ не менѣе при окончательномъ разсмотрѣніи вопроса, 4-го марта 1867 года, министръ финансовъ представилъ особыя соображенія въ пользу необходимости осуществить эту мѣру безотлагательно. Соображенія эти состояли въ томъ, что по условіямъ послѣдняго англо-голландскаго займа 1866 года, правительство обя-

залось не заключать никакихъ займовъ заграницею до окончательнаго поступленія всѣхъ слѣдующихъ въ счетъ этого займа суммъ; т. е. до 15 августа 1867 года, *что въ теченіи лѣтняго времени подобнаго рода операціи не могутъ быть совершаемы на европейскихъ биржахъ* [1]), а потому заключеніе займа должно быть отложено до поздней осени, что положеніе главныхъ денежныхъ рынковъ въ западной Европѣ въ настоящее время безспорно благопріятно для значительныхъ кредитныхъ операцій, но трудно поручиться, чтобы такое положеніе могло продолжаться до осени текущаго года, что поэтому было бы не согласно съ правилами простой осторожности оставить нынѣ неразрѣшеннымъ вопросъ о пріисканіи денежныхъ средствъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, что безъ этихъ средствъ будутъ нарушены контракты и остановлены работы на строющихся линіяхъ и что наконецъ сдѣлается невозможнымъ сооруженіе новыхъ, необходимыхъ для государства желѣзныхъ дорогъ. Изъ всего этого, по мнѣнію г. министра финансовъ, нельзя не убѣдиться въ совершенной невозможности заключенія внѣшняго займа въ настоящее время и крайней опасности подчинить всѣмъ случайностямъ возможность заключенія его въ концѣ года.

Все это было бы вполнѣ вѣрно и убѣдительно, если бы продажа Николаевской дороги могла быть сдѣлана тою же весною, но дѣло въ томъ, что образованіе частнаго общества, которое было бы въ состояніи принять на себя такую крупную операцію даже изъ числа заграничныхъ капиталистовъ не могло совершиться моментально. Учредители подобнаго общества помимо соглашенія между собою, должны были подробно осмотрѣть всю линію, сдѣлать ей правильную оцѣнку, войти въ соглашеніе съ правительствомъ, получить утвержденіе своего устава и только тогда являлась возможность реализаціи тѣхъ капиталовъ, о необходимости которыхъ заявлялъ министръ финансовъ. Развѣ всѣ эти переговоры, осмотры и соглашенія могли окончиться ранѣе осени 1867 года, т. е. того времени, когда условія англо-голландскаго займа переставали быть препятствіемъ къ заключенію новаго займа, а за тѣмъ какъ министерство финансовъ, при заключеніи займа, такъ и общество при реализаціи капитала подвергались однимъ и тѣмъ же шансамъ успѣха операціи въ концѣ года. Намъ кажется, что процедура продажи дороги должна была занять гораздо болѣе времени, чѣмъ процедура займа и слѣдовательно шансовъ возникнове-

---

[1]) Мы просимъ читателя запомнить подчеркнутыя слова, такъ какъ намъ придется впослѣдствіи ссылаться на нихъ.

нія затрудненій на денежномъ рынкѣ въ первомъ случаѣ было гораздо болѣе, чѣмъ во второмъ, и потому всѣ доводы, приведенные г. министромъ финансовъ, должны были служить скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу его заключенія.

Съ другой стороны, предположеніе министра финансовъ, что замедленіе въ пріобрѣтеніи средствъ могло повести къ нарушенію контрактовъ и остановить работы на строющихся дорогахъ также не выдерживаетъ критики. Извѣстно, что только въ концѣ 1866 года открыта была подписка на 2-й съ выиграшами заемъ, реализація котораго производилась очень успѣшно и съ перваго раза даже выше номинальной его стоимости, а изъ отчетовъ Государственнаго Контроля видно, что изъ суммъ, поступившихъ по этому займу, было употреблено на покрытіе дефицита 1866 года всего 15 мил. рублей, да въ 1867 году издержано на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ 25 мил. руб., такъ что болѣе 60 мил. руб. изъ этого займа оставалось свободными къ 1868 году. На этомъ основаніи до такого печальнаго положенія дѣлъ, какъ неисполненіе контрактовъ и остановка работъ на строющихся линіяхъ, дѣло ни въ какомъ случаѣ дойти не могло.

На этомъ основаніи мнѣніе министерства путей сообщенія о несвоевременности продажи Николаевской дороги было вполнѣ основательно.

Затѣмъ второй мотивъ продажи Николаевской дороги, состоявшій въ томъ, что операція эта обезпечитъ на три года заграничные платежи, а тѣмъ временемъ развитіе желѣзныхъ дорогъ и усиленіе нашего вывоза облегчитъ для правительства производство этихъ платежей не только противорѣчилъ всѣмъ правиламъ экономической науки, но и вполнѣ опровергнуто послѣдующимъ опытомъ. Несмотря на сильное возвышеніе нашего вывоза не только через четыре, а даже черезъ 8 лѣтъ, т. е. въ послѣдніе годы передъ войною, затруднительность заграничныхъ платежей для нашего государственнаго казначейства нисколько не уменьшилась, а напротивъ увеличилась, такъ, что въ концѣ 1875 года курсъ нашъ до того понизился, что министерство финансовъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ 1876 года старалось его поддержать искуственными мѣрами. Дѣло въ томъ, что затруднительность заграничныхъ платежей возникаетъ вовсе не вслѣдствіе *такъ называемой у насъ невыгоды торговаго баланса*, а просто вслѣдствіе кореннаго недостатка въ нашемъ денежномъ обращеніи, т. е. переполненія рынка бумажными деньгами и отсутствія на немъ звонкой монеты. Не принимать никакихъ мѣръ къ сокращенію количества бумажныхъ денегъ и ожидать, что затрудненія въ

заграничныхъ платежахъ исчезнутъ въ какіе-нибудь три-четыре года подъ вліяніемъ усиленнаго вывоза нашихъ внутреннихъ произведеній — это значитъ строить воздушные замки и не признавать законовъ международнаго обмѣна. Безъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, не было возможности усилить нашъ заграничный отпускъ, но слѣдовало принять въ соображеніе, что желѣзныя дороги составляютъ только одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли и далеко не единственное, что для этого требуется наличность еще многихъ другихъ условій, которыя допускали бы такую возможность. Не перечисляя этихъ условій, что отвлекло бы насъ отъ нашего предмета укажемъ на одно изъ нихъ. Отпускъ есть только одна половина операціи, именуемой международнымъ обмѣномъ; обмѣнъ предполагаетъ взаимность; стало быть усиленіе вывоза необходимо предполагаетъ полученіе чего либо взамѣнъ вывозимаго. Но въ этомъ отношеніи русскій рынокъ былъ стѣсненъ положительно съ двухъ сторонъ. Тарифъ стѣснялъ его въ полученіи равноцѣнныхъ товаровъ, а бумажное денежное обращеніе стѣсняло его въ полученіи звонкой монеты, которая въ Россіи вовсе не требовалась и слѣдовательно оцѣнивалась ниже своей дѣйствительной стоимости. Слѣдствіе подобнаго порядка вещей необходимо должно было вызвать ограниченіе нашего вывоза и значительное въ немъ колебаніе, такъ что наша отпускная торговля получила характеръ спекуляціи и не имѣетъ въ себѣ ничего постояннаго и правильнаго. Тоже самое явленіе замѣчается и въ движеніи грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и въ доходности послѣднихъ. Опытъ показалъ на сколько эти замѣчанія справедливы и на сколько взгляды министерства финансовъ были ошибочны.

Что касается третьяго мотива продажи Николаевской дороги, а именно, что она представляетъ сильную приманку для европейскихъ капиталистовъ, которые, убѣдясь на практикѣ въ выгодности эксплуатаціи этой дороги, измѣнятъ составившееся неблагопріятное понятіе о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, то мотивъ этотъ можно привести развѣ только для характеристики тогдашнихъ взглядовъ на отношенія заграничныхъ капиталистовъ къ помѣщенію капиталовъ въ наши предпріятія. Опытъ показалъ, что это была совершенная иллюзія. Ни одинъ изъ солидныхъ заграничныхъ домовъ не сдѣлалъ никакого предложенія о покупкѣ дороги. Они предпочли сдѣлать ссуду правительству на извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ, имѣя въ виду, что оно всегда свято исполняло свои денежныя обязательства и не желали брать дѣла на свой страхъ и рискъ. Вообще замѣчательно, что заграничные капиталы, несмотря на разницу существующую въ доход-

ности отъ промышленныхъ предпріятій у насъ и заграницею, не приливаютъ на нашъ рынокъ иначе, какъ подъ бумаги, гарантированныя правительствомъ. Обстоятельство это прямо указываетъ, что общее положеніе нашей промышленности не внушаетъ довѣрія заграничнымъ капиталистамъ, т. е. что система принятая для содѣйствія и развитія нашей промышленности далеко не отвѣчаетъ своей цѣли.

Наконецъ четвертый мотивъ продажи Николаевской дороги—выгода ея въ финансовомъ отношеніи въ сравненіи со всякимъ займомъ—тоже не выдерживаетъ критики, такъ какъ, во-первыхъ, сильное возвышеніе доходности этой дороги представляетъ совершенное опроверженіе этого мнѣнія, а во-вторыхъ, само министерство выпустивъ облигаціи Николаевской желѣзной дороги прямо предпочло сдѣлать заемъ.

Такимъ образомъ всѣ мотивы этой операціи въ частности оказываются несостоятельными. Но выше мы не возражали противъ самаго принципа постепенной переуступки построенныхъ правительствомъ дорогъ въ частныя руки, а потому считаемъ не лишнимъ возвратиться къ разсмотрѣнію этого вопроса.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что система передачи желѣзныхъ дорогъ въ пользованіе частныхъ обществъ едва-ли можетъ быть названа раціональной съ точки зрѣнія общихъ функцій государственной власти. Всякому извѣстно, то великое значеніе какое могутъ имѣть желѣзныя дороги въ дѣлѣ промышленнаго развитія страны, а между тѣмъ эти пути сообщенія требуютъ такихъ громадныхъ затратъ, что естественно являются учрежденіями монопольными. Вредъ же монопольнаго права въ рукахъ частныхъ лицъ не составляетъ вопроса какъ въ наукѣ государственнаго права, такъ и въ политической экономіи. Если удовлетвореніе какой-либо общественной потребности не можетъ быть достигнуто по мимо монополіи, то такое право можетъ быть допущено безъ вреда для общества, только въ томъ случаѣ, когда оно принадлежитъ государству. Послѣднее не имѣетъ надобности извлекать изъ этого права какія-либо особыя выгоды вопреки интересамъ общества, и даже въ случаѣ извлеченія такихъ выгодъ, онѣ обращаются не на частныя, а на общія потребности цѣлаго государства. Затѣмъ постепенная передача построенныхъ дорогъ въ частныя руки прямо убыточна для государственнаго казначейства. По всей вѣроятности государство, приступая къ устройству сѣти желѣзныхъ дорогъ, начинаетъ сооруженіе съ самонужнѣйшихъ линій, т. е. съ такихъ, по которымъ будетъ происходить наибольшее движеніе и слѣдовательно поступать наибольшій доходъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что доходность этихъ линій съ расши-

реніемъ и увеличеніемъ сѣти будетъ постоянно возростать, но въ какой прогрессіи—этого предусмотрѣть ни какой умъ не въ состояніи. Поэтому, при передачѣ подобныхъ линій частнымъ обществамъ, послѣднія если и будутъ принимать въ соображеніе возвышеніе доходности должны останавливаться на возможномъ minimum'ѣ подобнаго возвышенія и гарантировать себя какими либо условіями отъ возможныхъ недовыручекъ. Въ такихъ обстоятельствахъ какой бы моментъ не былъ избранъ для передачи дороги, частное общество всегда будетъ основывать свои расчеты на существующей доходности и принимать въ соображеніе возростаніе доходности лишъ въ слабой степени, оставляя такое возвышеніе на отвѣтственности правительства. Иначе этого и быть не можетъ, такъ какъ при громадности подобныхъ операцій, частное общество не можетъ взять на себя подобнаго риска. Такимъ образомъ всѣ шансы потерь остаются на сторонѣ правительства, тогда какъ всѣ возможныя выгоды въ теченіи 80 лѣтъ попадутъ въ руки частныхъ обществъ. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что выгоды въ извѣстный, продолжительный періодъ времени, по крайней мѣрѣ на главныхъ линіяхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію и могутъ доходить до того, что капиталъ предпріятія можетъ удесятериться въ своей цѣнности, но по неопредѣленности срока наступленія этихъ выгодъ, частныя общества, обязанныя выдавать дивидендъ своимъ акціонерамъ ежегодно, не могутъ принимать ихъ въ расчетъ при оцѣнкѣ предпріятія въ данную минуту. Такимъ образомъ положеніе договаривающихся сторонъ далеко не одинаково и правительство, входя въ подобную сдѣлку по необходимости должно отказываться отъ всѣхъ несомнѣнныхъ выгодъ въ будущемъ, единственно по невозможности точнаго ихъ опредѣленія, тогда какъ общество получаетъ несомнѣнную возможность не только удвоить и утроить, но даже удесятерить свой капиталъ только потому, что срокъ наступленія этого момента не извѣстенъ, хотя и не сомнѣненъ.

Позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателя на этомъ обстоятельствѣ и предложить ему взглянуть на тѣ послѣдствія, которыя возникаютъ отсюда въ общемъ ходѣ народнаго хозяйства. Мы видѣли только возможность тѣхъ потерь, которыя возникаютъ въ этомъ случаѣ для фиска. Но этого мало. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при самомъ началѣ осуществленія тѣхъ выгодъ, о которыхъ мы говорили акціи общества начинаютъ возвышаться и, въ чаяніи будущихъ выгодъ, возвышаются въ большей пропорціи, чѣмъ дивидендъ. Такимъ образомъ изъ оборотнаго капитала страны, при переходѣ акцій изъ однихъ рукъ въ другія, извлекаются значительныя суммы, которыя

ведутъ къ непроизводительнымъ тратамъ единовременнымъ и постояннымъ, что въ сущности составляетъ трату будущихъ доходовъ. Возьмемъ для примѣра акціи главнаго общества. Со времени передачи этому обществу Николаевской желѣзной дороги акціи ея, въ теченіи 10 лѣтъ возвысились со 112 до 250 руб., т. е. общая сумма ихъ цѣнности возрасла болѣе чѣмъ на 82 мил. рублей. Если предположить, что только половина этихъ акцій обращается на здѣшнемъ рынкѣ, то и тогда окажется, что 41 мил. рублей оборотнаго капитала Россіи перешло въ руки прежнихъ акціонеровъ главнаго общества. Теперь спрашивается какъ употреблены эти капиталы: производительно или нѣтъ? Безъ большой ошибки можно сказать, что если не вся, то большая часть этой суммы пошла на развитіе роскоши и безслѣдно потеряна для Россіи. Чтожъ касается другой половины этихъ акцій, то нѣтъ сомнѣнія, что и она со временемъ перейдетъ на русскій рынокъ и цѣнность ея будетъ потеряна для Россіи.

Но возвратимся къ нашему вопросу о невыгодности переуступки частнымъ обществамъ построенныхъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ. Мы сказали, что правительство при устройствѣ сѣти безъ сомнѣнія должно начинать съ наиболѣе доходныхъ линій. Такимъ образомъ, передавая наиболѣе доходныя линіи въ частныя руки и реализуя затраченныя на нихъ средства, казна должна употреблять эти средства на линіи второстепенныя, передача которыхъ въ частныя руки естественно будетъ затруднительнѣе и должна совершиться на условіяхъ менѣе выгодныхъ, а за тѣмъ при дальнѣйшей затратѣ вырученныхъ средствъ, послѣднія придется употребить на линіи бездоходныя и такимъ образомъ первоначально позаимствованный капиталъ, будучи помѣщенъ очень выгодно, подъ конецъ обратится въ бездоходное имущество, между тѣмъ какъ обязанность уплачивать проценты и погашеніе останется за правительствомъ. Подтвердимъ примѣромъ указанное обстоятельство. Капиталъ, вырученный за облигаціи Николаевской желѣзной дороги истраченъ на устройство до сихъ поръ бездоходныхъ линій и проценты съ него оплачиваются Главнымъ Обществомъ, но проценты и погашеніе на суммы позаимствованныя для сооруженія Николаевской дороги по необходимости должны падать на общія податныя средства Россіи. Намъ, конечно, могутъ возразить, что по условіямъ передачи Николаевской дороги, правительство имѣетъ значительную долю въ прибыляхъ общества, но при первоначальномъ предположеніи такого условія въ виду не имѣлось и во всякомъ случаѣ значительная часть доходно-

сти Николаевской дороги, созданная отнюдь не средствами акціонеровъ главнаго общества, все таки поступаетъ въ ихъ пользу, будетъ постоянно возрастать и на чемъ остановится, этого предусмотрѣть въ настоящее время рѣшительно не возможно.

Въ числѣ мотивовъ передачи казенныхъ дорогъ въ частныя руки, въ особенности въ то время, обыкновенно выставлялось не удовлетворительное положеніе казеннаго хозяйства вообще. Но спрашивается, почему казенное хозяйство невыгодно? Намъ кажется, что порядокъ управленія въ обширномъ желѣзнодорожномъ обществѣ мало чѣмъ разнится отъ казеннаго и эта разница сводится лишь къ слѣдующему. Лица, завѣдующія дѣломъ непосредственно избираются изъ людей болѣе свѣдующихъ и опытныхъ, независимо отъ чиновъ, которые они заслужили, и обезпечены отличнымъ содержаніемъ; они пользуются большимъ довѣріемъ общества и большею свободой дѣйствія, а за тѣмъ при неудовлетворительности ихъ распоряженій могутъ быть устранены безъ всякихъ затрудненій. Такое положеніе дѣлъ, хотя и не позволяетъ расчитывать на дѣйствительно правильный ходъ дѣла, но оно во всякомъ случаѣ далеко лучше прежняго казеннаго управленія, при которомъ, лица управлявшія дѣломъ лишены были всякой инициативы, вслѣдствіе чего съ нихъ снималась и всякая отвѣтственность за неуспѣшность его. Кромѣ того въ казенномъ управленіи завѣдываніе дорогами предоставлялось только техникамъ, тогда какъ въ частныхъ обществахъ главное хозяйственное распоряженіе принадлежитъ не имъ. Теперь спрашивается, неужели трудно измѣнить эти порядки и для большей успѣшности принять и казнѣ, хотя бы отчасти, систему практикуемую въ частныхъ обществахъ? Мы убѣждены, что при подобныхъ условіяхъ дѣло пошло бы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ какомъ либо акціонерномъ обществѣ, въ особенности если распорядители будутъ заинтересованы въ успѣхѣ дѣла.

И такъ мотивами для отчужденія Николаевской дороги въ частныя руки были представлены: 1) необходимость продолженія уже начатыхъ работъ и дальнѣйшаго устройства новыхъ дорогъ; 2) отсутствіе всякихъ средствъ для окончанія даже работъ предположенныхъ по смѣтѣ текущаго года; 3) благопріятное положеніе европейскихъ денежныхъ рынковъ въ началѣ 1867 года для заключенія кредитныхъ операцій; 4) невозможность заключенія внѣшняго займа ранѣе 15 августа 1867 года, въ силу условій англо-голландскаго займа 1866 года и наконецъ, 5) опасеніе, что благопріятное положеніе де-

нежныхъ рынковъ къ осени 1867 года можетъ измѣниться и свободныя средства будутъ поглощены другими операціями.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ какъ мы выше видѣли всѣ эти мотивы оказываются несостоятельными и исчезаютъ совершенно при одномъ вопросѣ: Возможно ли было въ промежутное время отъ марта до августа, т. е. въ теченіи 5 мѣсяцевъ устроить операцію продажи Николаевской дороги? Еслибъ даже всѣ возникающіе при этомъ вопросы и могли быть разрѣшены въ такое короткое время (въ чемъ позволительно сомнѣваться), то во всякомъ случаѣ реализація бумагъ новаго общества могла быть сдѣлана только осенью 1867 года и успѣхъ предпріятія новаго общества все таки становился бы въ зависимость отъ осенняго, а не весенняго положенія денежныхъ рынковъ какъ и всякая другая кредитная операція Правительства.

Какъ бы то ни было, но такого вопроса въ то время сдѣлано не было и продажа Николаевской дороги на срокъ около 85 лѣтъ была рѣшена въ принципѣ; при этомъ половина лицъ, обсуждавшихъ вопросъ, согласилась съ означеннымъ рѣшеніемъ только въ виду заявленій, сдѣланныхъ Министромъ Финансовъ, т. е. оставила эту мѣру на его отвѣтственности. Затѣмъ Министру Финансовъ предоставлено войти въ предварительное соглашеніе съ предпринимателями.

Но самымъ лучшимъ аргументомъ противъ всѣхъ приведенныхъ мотивовъ были послѣдовавшія событія.

Вскорѣ послѣ рѣшенія этого вопроса переговоры о продажѣ Николаевской дороги были начаты съ совѣтомъ Главнаго Общества; предсѣдатель совѣта увѣдомилъ, что совѣтъ призналъ нужнымъ имѣть въ виду заключеніе главнѣйшихъ иностранныхъ банкировъ, состоящихъ въ числѣ учредителей общества и свои соображенія по сему предмету сообщилъ Берингу въ Лондонѣ и Гопе въ Амстердамѣ.

Затѣмъ, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца для устройства этого дѣла командированъ былъ въ Парижъ и Лондонъ членъ совѣта министра финансовъ А. А. Абаза, въ инструкціи которому между прочимъ сказано: „Николаевская желѣзная дорога можетъ быть уступлена на 85 лѣтъ, или Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ или особой компаніи. Первое, по многимъ уваженіямъ желательно; но какъ Главное Общество, само по себѣ, не имѣетъ финансоваго значенія и какъ необходимый на уплату за дорогу капиталъ она, вѣроятно, пожелаетъ пріобрѣсти посредствомъ выпуска облигацій, то правительство могло бы уступить Николаевскую доро-

гу Главному Обществу только въ такомъ случаѣ, если бы послѣднее обезпечило себѣ поддержку значительныхъ финансовыхъ силъ, которыя приняли бы на себя размѣщеніе облигацій; при чемъ желательно, чтобъ эти лица приняли на себя нѣкоторую часть первоначальныхъ взносовъ. Облигаціямъ этимъ можетъ быть дарована прямая правительственная гарантія со дня выпуска". Отсюда очень замѣтно, что Главное Общество, не смотря на свою несостоятельность и при томъ въ то время, когда вопросъ о финансовыхъ условіяхъ передачи даже не былъ и затронутъ, имѣло уже всѣ шансы получить въ свое распоряженіе Николаевскую дорогу; послѣдующія же распоряженія доказываютъ это еще болѣе.

Результатомъ переговоровъ г. Абазы въ Парижѣ и Лондонѣ является отнюдь не проектъ условія о продажѣ Николаевской дороги, а проектъ договора о новомъ государственномъ займѣ въ видѣ выпуска отъ имени русскаго правительства облигацій, Николаевской желѣзной дороги. Хотя правительство по этому договору и выговариваетъ себѣ право передачи дороги въ частныя руки, но во всякомъ случаѣ передъ владѣльцами облигацій оно остается единственнымъ отвѣтчикомъ въ вѣрности платежа процентовъ и погашенія. Такимъ образомъ заемъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ государственныхъ займовъ и, какъ мы видимъ, платежи по немъ вносятся ежегодно въ государственную роспись. Главныя условія предположеннаго займа состояли въ слѣдующемъ: номинальная его сумма опредѣлена въ 75 мил. руб. металическихъ, приносящихъ 4% дохода. Подписная цѣна по 61½% за рубль, а за исключеніемъ банкирскихъ и другихъ расходовъ правительство получаетъ 58¾% чистыми деньгами и погашаетъ свой долгъ по номинальной цѣнѣ въ 84 ежегодныхъ тиража. На этомъ основаніи на полученный капиталъ правительство обязано платить 6,77% и сверхъ того при погашеніи уплачиваетъ премію въ 41¼%. Оплата облигацій начинается съ сентября 1867 года и оканчивается къ апрѣлю 1868 года; проценты же идутъ съ 19 апрѣля (1 мая) 1867 года. Условія, какъ мы видитъ, не легкія, даже и для того времени.

И вотъ не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ Министерство Финансовъ доказывало необходимость продажи Николаевской дороги невозможностью заключить заемъ, оно вновь представляетъ докладъ о необходимости займа разсроченнаго именно на то время, до котораго оно опасалось его отложить и мотивируетъ его именно тѣмъ, что продажа дороги не можетъ быть совершена безъ значительной потери времени. Замедленіе это вызывается слѣ-

дующими обстоятельствами: вопросъ какъ поступить съ контрактомъ Уайненса, взявшаго на себя по контракту 17 іюля 1865 года ремонтъ подвижнаго состава Николаевской дороги, по мнѣнію Министерства представляетъ большія затрудненія; покупщикъ также пожелаетъ въ точности удостовѣриться въ положеніи дороги; вопросы о тарифѣ, объ отношеніяхъ Николаевской дороги къ замосковнымъ дорогамъ требуютъ зрѣлаго обсужденія и могутъ быть поводомъ къ продолжительнымъ переговорамъ, между тѣмъ какъ съ одной стороны необходимо обезпечить Государственное Казначейство средствами для продолженія уже строющихся желѣзныхъ дорогъ, а съ другой стороны нѣтъ ни одного финансоваго или политическаго вопроса, разстроивающаго денежные рынки. Было бы ошибкою не воспользоваться подобнымъ положеніемъ; а потому Министерство Финансовъ представляетъ объ утвержденіи условій означеннаго займа. Само собою разумѣется, что представленіе это было одобрено и 18 іюля 1867 послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя Министра Финансовъ о выпускѣ означенныхъ облигацій.

Мы вполнѣ соглашаемся съ приведенными доводами Министерства Финансовъ и думаемъ, что иначе поступить было не возможно, но при этомъ позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: почему же эти доводы не были въ виду Министерства три мѣсяца прежде и почему въ то время заемъ казался невозможнымъ, а продажа дороги оказывалось дѣломъ до того легкимъ и непродолжительнымъ, что его можно было окончить прежде, нежели наступитъ срокъ по обязательству англоголландскаго займа 1866 года и Правительство будетъ свободно дѣлать выборъ между займомъ и продажею? Такой вопросъ для насъ просто неразрѣшимъ, если не остановиться на томъ предположеніи, что необходимо было заручиться во что бы то ни стало безповоротнымъ рѣшеніемъ вопроса о продажѣ Николаевской дороги. Лицамъ, приглашеннымъ къ обсужденію этого вопроса въ мартѣ мѣсяцѣ предложена была дилемма или принять на свою отвѣтственность неисполненіе Государственнымъ Казначействомъ своихъ обязательствъ по постройкѣ дорогъ, или же рѣшиться на продажу Николаевской дороги. Само собою разумѣется, что они избрали послѣднее и многіе изъ нихъ изъявили свое согласіе только въ виду соображеній, представленныхъ Министерствомъ Финансовъ, не считая себя компетентными въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ.

Какъ бы то ни было, но въ моментъ, до котораго мы дошли, разбираемый нами вопросъ вступаетъ въ совершенно новый фазисъ. Государственное Казначейство до извѣстной степени обезпечено (вто-

рой выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги, отчасти подготовленный при настоящихъ переговорахъ, сдѣланъ только 25 марта 1869 года). Съ другой стороны, исполненіе обязательства по настоящему займу возлагалось исключительно на Государственное Казначейство, и правительство было совершенно свободно продать или не продавать Николаевскую дорогу. Такимъ образомъ всѣ мотивы, приведенные Министерствомъ Финансовъ въ первоначальномъ докладѣ о продажѣ, и притомъ о продажѣ немедленной, падали сами собою, въ особенности въ виду тѣхъ соображеній, которыя были представлены Министерствомъ Путей Сообщенія о быстро возрастающей доходности этой дороги. При этомъ само Министерство Финансовъ сильно разсчитывало на значительное развитіе движенія грузовъ къ нашимъ портамъ съ окончаніемъ нѣкоторыхъ линій, а 1868-й годъ, съ открытіемъ движенія по Московско-Курской, Ряжско-Моршанской и Козлово-Воронежской дорогамъ долженъ былъ опредѣлить возможную степень возрастанія доходности и поэтому было необходимо позаботиться не о продажѣ Николаевской дороги, а лишь о быстромъ снабженіи ея такимъ количествомъ подвижнаго состава, при которомъ она могла бы удовлетворять возникающимъ требованіямъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо было выждать результатовъ эксплуатаціи 1868 и 1869 годовъ, тѣмъ болѣе, что 2-й выпускъ облигаціи Николаевской дороги былъ не только возможенъ, но отчасти и обезпеченъ, а 2-й выигрышный заемъ еще далеко не израсходованъ.

Въ виду этихъ соображеній, невольно обращаетъ на себя вниманіе вопросъ: на какомъ основаніи было необходимо въ условія новаго займа вводить оговорку о правѣ правительства на продажу Николаевской дороги — оговорку о такомъ правѣ, которое не имѣло ни какого значенія для контрагентовъ? Судя по смыслу послѣдняго пункта Высочайшаго указа, даннаго Министру Финансовъ на выпускъ облигацій этого займа, право это *„не могло ни въ чемъ ослаблять обязанности государственнаго казначейства относительно уплаты интересовъ и погашенія“*; слѣдовательно съ одной стороны, контрагенты не имѣли никакого интереса включать эту оговорку въ условія и не могли на этомъ настаивать; съ другой,—Правительство, оставляя за собой только право, не имѣло никакой надобности усложнять свои обязательства излишнимъ условіемъ.

Хотя произведенный на такихъ основаніяхъ заемъ, а также возможность въ будущемъ заключенія новаго займа на тѣхъ же основаніяхъ, устраняли всякую необходимость немедленной пере-

уступки дороги Главному Обществу, тѣмъ не менѣе переговоры эти, начатые весною, были возобновлены со стороны Министерства Финансовъ немедленно по заключеніи займа. 11 сентября 1867 года предсѣдателю совѣта Главнаго Общества, въ отвѣтъ на сдѣланное имъ весною того года предложеніе считать Главное Общество въ числѣ соискателей на пріобрѣтеніе Николаевской дороги, были сообщены финансовыя условія, на основаніи которыхъ Министерство Финансовъ предполагало уступить ее Главному Обществу. Справедливость требуетъ замѣтить, что условія на передачу государственнаго имущества, состоящаго въ вѣдѣніи другаго вѣдомства, если они исходили не отъ одного изъ конкурентовъ, а отъ правительственныхъ органовъ, слѣдовало по меньшей мѣрѣ выработать по соглашенію съ тѣмъ вѣдомствомъ, въ вѣдѣніи котораго имущество состоитъ. Тѣмъ не менѣе этотъ законный порядокъ въ настоящемъ случаѣ соблюденъ не былъ и выработанныя въ Министерства Финансовъ условія передачи Николаевской дороги были сообщены предсѣдателю совѣта Главнаго Общества безъ всякаго соглашенія съ Министерствомъ Путей Сообщенія. Казалось бы не только эти условія, но и вопросъ о возможности допустить Главное Общество въ число конкурентовъ на пріобрѣтеніе Николаевской дороги, не могъ быть рѣшенъ безъ согласія Министерства Путей Сообщенія, такъ какъ двѣ дороги этого Общества состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ этого вѣдомства и ему гораздо ближе, чѣмъ Министерству Финансовъ, могла быть извѣстна состоятельность Общества въ административномъ и техническомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній вопросъ былъ рѣшенъ также безъ всякаго участія Министерства Путей Сообщенія, несмотря на то, что само Министерство Финансовъ признавало полную несостоятельность Главнаго Общества въ финансовомъ отношеніи. Сообщая эти условія предсѣдателю совѣта, Министерство Финансовъ прямо заявляло, что *„Главное Общество, нуждаясь еще въ правительственной гарантіи и, не имѣя запаснаго капитала, не представляетъ само по себѣ достаточнаго финансоваго значенія для столь обширной операціи“*, а потому полагало, что въ случаѣ осуществленія такой комбинаціи *„правительство должно бы принять на себя всю кредитную операцію“*.

Мы остановимся пока на этихъ мысляхъ и посмотримъ на сколько онѣ согласуются съ стремленіемъ Министерства передать дорогу непремѣнно Главному Обществу. Если общество не имѣетъ запаснаго капитала и достаточнаго финансоваго значенія, то, конечно, оно не

имѣетъ и средствъ для приведенія дороги въ такое положеніе, чтобъ она могла соотвѣтствовать своему назначенію, а для этого требовалось около 14 мил. руб. серебромъ. Стало быть при передачѣ дороги Главному Обществу правительству было необходимо издержать эту сумму, останется ли дорога въ вѣдѣніи правительства или будетъ передана Главному обществу. За тѣмъ, если правительству необходимо было всю кредитную операцію для реализаціи капитала принять на себя, то спрашивается при чемъ же будетъ тутъ Главное Общество и для какой цѣли необходимо передавать въ его вѣдѣніе дорогу, доходность которой начинаетъ такъ быстро возрастать и въ самомъ близкомъ будущемъ обѣщаетъ такія значительныя выгоды? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ быть или желаніе измѣнить администрацію дороги и порядки, установившіеся въ ея управленіи, введя новые, болѣе удовлетворительные при посредствѣ Главнаго Общества или же желаніе предоставить ему тѣ выгоды, которыхъ можно было ожидать отъ возрастающей доходности Николаевской дороги, въ виду того обстоятельства, что это Общество находилось въ неоплатныхъ долгахъ Правительству и, какъ тогда казалось, не имѣло никакой надежды уплатить ихъ когда-либо.

Входя въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ двухъ побудительныхъ причинъ оказывается, что порядки управленія Главнаго Общества отнюдь не имѣли въ себѣ ничего идеальнаго и, если имѣли преимущество передъ прежнимъ казеннымъ управленіемъ, то во всякомъ случаѣ не были секретомъ этого общества и могли быть введены во всякое время на Николаевской дорогѣ даже при казенномъ управленіи. Это было тѣмъ болѣе возможно, что въ совѣтѣ Главнаго Общества находились четыре члена отъ Правительства, вполнѣ знакомые съ этими порядками. Слѣдовательно необходимость установленія новыхъ порядковъ въ управленіи Николаевской дороги не могла быть причиной ея передачи Главному Обществу и остается заключить, что главная цѣль этой передачи было желаніе улучшить положеніе дѣлъ Главнаго Общества и вывести его изъ безвыходнаго положенія, которое требовало постоянныхъ пособій Правительства.

Подобное предположеніе вполнѣ подтверждается и условіями, выработанными Министерствомъ Финансовъ. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) Николаевская дорога уступается Главному Обществу на 84 года, т. е. по 1-е января 1952 года, когда истекаетъ срокъ концессіи на остальныя дороги общества.

2) Общество принимаетъ на себя уплату процентовъ и погашенія

по вновь выпущеннымъ облигаціямъ Николаевской желѣзной дороги въ суммѣ 3.115,540 руб., ежегодно въ теченіи 84 лѣтъ.

3) Общество обязывается передать въ распоряженіе правительства новый выпускъ своихъ облигацій, коихъ форма, размѣры процентовъ и время выпуска будутъ зависѣть отъ усмотрѣнія Правительства. О размѣрѣ ежегодной суммы обязательныхъ для Общества платежей въ продолженіи 84 лѣтъ на металлическіе проценты и погашеніе этихъ новыхъ облигацій Министерство Финансовъ будетъ ожидать предложеній отъ совѣта *).

4) Правительство передаетъ обществу по мѣрѣ надобности опредѣленную соглашеніемъ сумму на капитальныя исправленія дороги, устройство станцій и усиленіе подвижнаго состава, причемъ должны быть представлены на утвержденіе правительства смѣты вышеозначенныхъ расходовъ съ отнесеніемъ ихъ на 1868 и 1869 годы по равнымъ частямъ.

5) Общество принимаетъ на себя всѣ права и обязанности правительства по контракту Уайненса. Въ случаѣ, если послѣдуетъ соглашеніе прекратить силу контракта до истеченія срока, съ уплатою контрагенту опредѣленной суммы, то подобная сдѣлка должна быть представлена на утвержденіе правительства и за симъ потребный на сей предметъ расходъ будетъ произведенъ казною въ видѣ извѣстной суммы вознагражденія за каждый годъ, остающійся по контракту. Вся сумма этого вознагражденія за остающіеся годы не должна превышать трехъ милліоновъ рублей.

6) Изъ чистаго дохода Николаевской желѣзной дороги прежде всего уплачиваются проценты и погашеніе по всѣмъ выпущеннымъ облигаціямъ на основаніи 2 и 3 пунктовъ. Когда же чистый доходъ превзойдетъ потребную на этотъ предметъ сумму, то остатокъ присоединяется къ чистому доходу Варшавской и Нижегородской линій. Когда чистый доходъ по всѣмъ тремъ линіямъ въ совокупности превзойдетъ сумму всѣхъ гарантированныхъ платежей по акціямъ и облигаціямъ, то излишекъ распредѣляется на основаніи § 51 Устава Главнаго Общества.

7) Дарованная Правительствомъ гарантія акціямъ и прежнимъ облигаціямъ Главнаго Общества на основаніи §§ 7 и 8 устава обще-

*) Въ Министерствѣ Финансовъ существовало предположеніе, что сумма эта должно состоять изъ 2.884,460 руб. такъ, чтобъ общая сумма обязательныхъ платежей вмѣстѣ съ упомянутой во 2-мъ пунктѣ составила 6 мил. металлическихъ руб.; но такое предположеніе, какъ оказывается, офиціально не было сообщено совѣту.

ства 1861 года остается въ полной силѣ; если бы чистаго годоваго дохода Николаевской дороги и не достало на удовлетвореніе процентовъ и погашенія по новымъ облигаціямъ, то недостающую сумму правительство дополняетъ отъ себя.

При этомъ Министерство Финансовъ какъ бы опасаясь, чтобы такія условія не показались обществу обременительными, въ видахъ опредѣленія размѣровъ платежей общества по 3 пункту указываетъ, что валовой сборъ Николаевской дороги въ теченіи текущаго 1867 года не можетъ быть менѣе 13 мил. рублей и что если Главное Общество въ теченіи 1866 года на Нижегородской линіи при меньшемъ поверстномъ валовомъ сборѣ имѣло только 42% расхода, а 58% чистаго дохода, то достиженіе подобнаго результата на Николавской дорогѣ весьма возможно, въ особенности при уничтоженіи убыточнаго контракта съ Уайненсомъ. Такимъ образомъ, даже не принимая въ расчетъ постояннаго возвышенія доходности дороги, возвышенія, которое должно было сильно возрасти вслѣдствіе открытія движенія по замосковнымъ линіямъ и усиленія перевозочной способности, которое казна обязывалась сдѣлать на основаніи 4 пункта настоящихъ условій,—само Министерство Финансовъ сознавало, что и въ теперешнемъ своемъ положеніи дорога эта можетъ приносить до 7.500,000 руб. чистаго дохода. Стало быть всякое возможное возвышеніе доходности предоставлялось обществу, тогда какъ рискъ недобора ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ упадать на доходы акціонеровъ и принять на счетъ казны на основаніи 7 пункта условій.

Мы говоримъ, что всякое возвышеніе доходности предоставлялось Обществу, въ виду 6 пункта условій, такъ какъ въ немъ предположено, что излишекъ дохода за покрытіемъ всѣхъ гарантированныхъ платежей по всѣмъ тремъ линіямъ будетъ распредѣляться на основаніи § 51 устава общества, а этотъ § установляетъ слѣдующій порядокъ: за покрытіемъ всѣхъ гарантированныхъ платежей половина остатка распредѣляется въ дивидентъ акціонерамъ; другая же половина поступаетъ на уплату долга Правительству по ссудамъ и выдачамъ на уплату гарантіи. Такимъ образомъ одна половина излишка чистаго дохода съ Николаевской дороги должна была поступать прямо въ руки акціонеровъ общества, другая же должна была идти на уплату долговъ общества, которые оно было обязано уплачивать изъ доходовъ Варшавской и Нижегородской дорогъ и которые Министерство Финансовъ предоставляло ему отнести на доходы съ Николаевской дороги.

Всматриваясь ближе въ эти условія, посторонній наблюдатель не-

вольно будетъ пораженъ особенною заботливостью, чтобы общество не могло подвергнуться риску, такъ что изложенныя условія скорѣе можно было бы принять за предложенія одного изъ соискателей на пріобрѣтеніе Николаевской дороги. Забота о томъ, чтобы дорога поступила въ распоряженіе Главнаго Общества, повидимому, до того была сильна, что помимо означеннаго предложенія Главному Обществу, со стороны Министерства, не было сдѣлано никакихъ распоряженій, чтобъ привлечь къ этому дѣлу какихъ либо другихъ соискателей русскихъ или заграничныхъ и вызвать между ними конкуренцію. Если конкуренція и явилась, то только вслѣдствіе разнесшихся слуховъ о продажѣ Николаевской дороги, а отнюдь не вслѣдствіе приглашенія желающихъ. По крайнѣй мѣрѣ въ документахъ, служащихъ для насъ источникомъ настоящаго изложенія, нѣтъ никакого слѣда гласнаго приглашенія къ участію въ этомъ дѣлѣ.

Само собой разумѣется, что совѣтъ Главнаго Общества не замедлилъ отозваться на приглашеніе Министерства Финансввъ: 20 сентября 1867 года былъ полученъ отзывъ председателя совѣта, который соглашался почти на всѣ предложенія Министерства и увѣдомлялъ, что сумма обязательныхъ платежей для уплаты процентовъ и погашенія по облигаціямъ двухъ новыхъ выпусковъ не должна превышать 6 мил. руб. металлическихъ (именно та цифра которая была предположена Министерствомъ, но не была сообщена совѣту офиціально). Возраженіе встрѣчается только въ тѣхъ пунктахъ, которые представляли хотя бы малѣйшую тѣнь риска для общества, а именно: совѣтъ, заявляя о желаніи своемъ имѣть собственную администрацію по ремонту подвижнаго состава проситъ, чтобъ переговоры о расторженіи контракта съ Уайненсомъ были исполнены Правительствомъ и затѣмъ, чтобы въ случаѣ недостатка доходовъ Николаевской дороги на уплату процентовъ и погашенія по двумъ выпускамъ облигацій одному уже сдѣланному, а другому предстоящему, доплата изъ казны не была причисляема къ долгамъ числящимся за Главнымъ Обществомъ. Даже и этотъ самъ по себѣ ничтожный рискъ Главное Общество не пожелало на себя принять, до того оно было увѣрено, что дѣло останется въ его рукахъ.

Выше мы сказали, что кромѣ предложенія Главному Обществу со стороны Министерства послѣ заключенія новаго займа не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ вызову желающихъ взяться за это дѣло и оно продолжало переговоры только съ совѣтомъ Главнаго Общества.

Между тѣмъ, съ одной стороны, дѣйствительная необходимость немедленной продажи этой дороги была устранена заключеннымъ зай-

момъ, съ другой—отсутствіе всякихъ предложеній со стороны другихъ капиталистовъ и совершенная несостоятельность въ финансовомъ отношеніи Главнаго Общества,—несостоятельность, сознаваемая самимъ Министерствомъ Финансовъ,—ставили этотъ вопросъ въ весьма неопредѣленное положеніе. Условія, выработанныя однимъ Министерствомъ Финансовъ, могли возбудить серьезныя возраженія со стороны Комитета Министровъ въ виду несвоевременности подобной мѣры, такъ какъ 1868 годъ долженъ былъ дать болѣе вѣрныя данныя о возможномъ увеличеніи доходности. Кромѣ того необходимо было имѣть въ виду предложенія и другихъ соискателей, безъ чего соглашеніе съ однимъ Главнымъ Обществомъ могло показаться слишкомъ произвольнымъ и вызвать существенныя нареканія. На этомъ основаніи окончательное рѣшеніе вопроса о передачѣ дороги весьма легко могло затянуться и благоразуміе даже требовало подобной отсрочки. Между тѣмъ положеніе Николаевской дороги было признано совершенно неудовлетворительнымъ и количество подвижнаго состава рѣшительно не соотвѣтствующимъ потребностямъ движенія, что вполнѣ подтверждается 4 пунктомъ условій, предложенныхъ Министерствомъ Финансовъ Главному Обществу.

Въ такихъ обстоятельствахъ, если Правительство рѣшалось снабдить Главное Общество средствами на приведеніе дороги въ лучшее положеніе и средства эти вслѣдствіе заключеннаго займа были въ распоряженіи Правительства, то первымъ дѣломъ слѣдовало бы озаботиться, чтобъ Николаевская дорога была снабжена немедленно такимъ количествомъ подвижнаго состава, который могъ бы удовлетворить возникающую вновь потребность передвиженія грузовъ. Подобная мѣра сразу могла бы повліять на увеличеніе доходности дороги и дать болѣе вѣрныя данныя для оцѣнки ея дѣйствительной стоимости. По всей вѣроятности въ виду этихъ соображеній Министерство Путей Сообщенія еще въ мартѣ 1867 года входило съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о заказѣ гг. Уайненсъ новыхъ паровозовъ. Но Комитетъ Министровъ въ ожиданіи рѣшенія вопроса о продажѣ Николаевской дороги, 31 марта, предоставилъ Министру Путей Сообщенія озаботиться заказомъ только тѣхъ паровозовъ, которые могли бы поступить на линію въ томъ же году, вслѣдствіе чего и было заказано гг. Уайненсомъ только 10 паровозовъ.

Затѣмъ въ виду возможнаго замедленія продажи Николаевской дороги Министерство Путей Сообщенія, озабочиваясь снабженіемъ этой дороги достаточнымъ количествомъ паровозовъ, 15 сентября 1867 года, спрашивало Министерство Финансовъ не встрѣчается ли пре-

пятствія къ заказу гг. Уайненсомъ еще 20 паровозовъ для будущаго 1868 года.

Хотя подобная заботливость со стороны Министерства Путей Сообщенія весьма естественна, но мы не можемъ согласиться вполнѣ съ его взглядомъ. Намъ непонятна даже та отсрочка, которую допустилъ въ этомъ дѣлѣ Комитетъ Министровъ 31 марта 1867 года. Если было желательно продать Николаевскую дорогу, то чѣмъ скорѣе развилось бы на ней движеніе и чѣмъ болѣе доходность ея въ теченіи 1867 года увеличилась, тѣмъ большую сумму можно было бы за нее выручить. Стало быть благоразумная экономія требовала не заказа паровозовъ и ожиданія ихъ поставки въ будущемъ, а немедленной покупки готовыхъ на заграничныхъ фабрикахъ въ размѣрѣ имѣющихся наличныхъ средствъ. Впрочемъ, рѣшеніе Комитета Министровъ въ данный моментъ можетъ быть объяснено не имѣніемъ средствъ для подобнаго расхода, хотя это объясненіе въ виду производившейся въ то время реализаціи 2 выигрышнаго займа, могло быть мало убѣдительнымъ. Въ настоящую же минуту, т. е. послѣ выпуска облигацій Николаевской дороги средства были на лицо и необходимость подобной затраты была внѣ всякаго сомнѣнія. На этомъ основаніи противъ предложенія Министерства Путей Сообщенія можно было возразить, что заказъ гг. Уайненсомъ былъ неудобенъ, потому что поставка паровозовъ слишкомъ бы замедлилась; кромѣ того самое качество паровозовъ, которые предстояло получить по заказу въ будущемъ не было извѣстно. Подобныя возраженія могли быть понятны; но въ дѣйствительности такихъ возраженій не послѣдовало, а напротивъ того Министерству Путей Сообщенія Министерство Финансовъ отъ 21 сентября отвѣчало, что вопросъ о продажѣ Николаевской дороги, какъ оно надѣется, получитъ разрѣшеніе въ самомъ непродолжительномъ времени, почему оно признаетъ болѣе удобнымъ пріостановиться предположеннымъ заказомъ паровозовъ.

Подобнаго отвѣта мы понять не можемъ. Вѣдь это значило сказать, что, несмотря на признанный недостатокъ подвижнаго состава и вредное вліяніе его на доходность дороги и на развитіе нашей торговли, устраненіе этого недостатка во время казеннаго управленія не должно быть допускаемо и вся честь подобнаго распоряженія должна быть предоставлена тому обществу, къ которому должна перейти дорога. При такихъ обстоятельствахъ расчитывать на разрѣшеніе вопроса о продажѣ дороги въ самомъ непродолжительномъ времени было, по меньшей мѣрѣ, трудно.

Послѣдствія показали, что окончательна передача дороги Глав-

ному Обществу могла произойти только черезъ годъ и поэтому на цѣлый годъ было задержано усиленное движеніе грузовъ. Мы помнимъ тогдашнія жалобы на неисправность дороги, возникавшія въ средѣ торговаго люда,—жалобы, сыпавшіяся на Министерство Путей Сообщенія, — и быть можетъ ускорившія передачу въ частныя руки этой въ цѣломъ мірѣ наиболѣе доходной линіи и притомъ въ моментъ самый невыгодный для правительства.

Говоря объ условіяхъ передачи Николаевской дороги, мы упоминали о контрактѣ съ г. Уайненсомъ и К° заключенномъ Министерствомъ Путей Сообщенія въ 1865 году, по которому означенной фирмѣ переданъ былъ ремонтъ подвижнаго состава. Главное Общество какъ мы видѣли признавало это обязательство весьма невыгоднымъ и требовало его уничтоженія. На этомъ основаніи, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ основаніяхъ этого контракта и тѣмъ выяснить читателю причину подобнаго домогательства. Въ силу означеннаго контракта, г. Уайненсъ принималъ на себя ремонтъ, смазку и освѣщеніе подвижнаго состава, а въ вознагражденіе долженъ былъ получать плату съ каждаго пассажира и съ каждаго пуда груза провезенныхъ по дорогѣ. Эта плата опредѣлена по разцѣночной вѣдомости, приложенной къ контракту различно, смотря по классу пассажировъ и роду поѣзда въ десятичныхъ доляхъ копейки съ каждой версты пройденнаго пути. Не желая утруждать вниманіе читателей различными цифрами, мы замѣтимъ, что въ общей сложности эта плата превышала четвертую часть всѣхъ сборовъ. Въ 1867 году при сборѣ въ 14 мил. руб. ремонтъ, чистка и смазка подвижнаго состава, а также освѣщеніе и отопленіе вагоновъ обошлись Николаевской дорогѣ въ 3.630,163 руб. (Сборн. Свѣд. 1868 года. Отд. II, стр. 25). Такая сумма при движеніи на дорогѣ 181 паровоза и 2880 вагоновъ представляется громадною въ особенности, если принять въ соображеніе отопленіе паровозовъ дровами, хорошее качество воды на всемъ протяженіи дороги, а главное незначительность горизонтальныхъ уклоновъ, прямолинейность дороги и очень большой радіусъ кривыхъ, т. е. выгодность условій эксплуатаціи по отношенію къ ремонту подвижнаго состава. Можно смѣло утверждать, что эта цифра превышала дѣйствительную потребность въ нѣсколько разъ. Такъ по изслѣдованіямъ г. Бліоха [1]) средняя цифра расхода на ремонтъ подвижнаго состава на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ Россіи за 1870.

[1]) Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, томъ 1-й, стр 131.

1871 и 1872 годы оказывается въ 1,113 рублей на версту, между тѣмъ какъ приведенная нами цифра платежа г. Уайненсу превышаетъ 6,000 руб. на версту, т. е. превышаетъ средній расходъ на всѣхъ русскихъ дорогахъ въ пять съ половиною разъ. Мы согласны съ тѣмъ, что расчетъ этихъ расходовъ на версту дороги не даетъ объ немъ яснаго понятія, такъ какъ величина его зависитъ отъ количества движенія; поэтому мы приведемъ и другія цифры для сравненія. Въ 1870 году, когда движеніе по Николаевской дорогѣ возрасло на 18%, расходъ ремонтъ подвижнаго состава представляетъ цифру въ 1.659,000 руб., т. е. на 2.000,000 руб. ниже указанной. (Сборн. Свѣд. изд. 1875 годъ таб. IX).

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ частное общество не могло принять на себя эксплуатацію дороги и уничтоженіе подобнаго контракта для него было необходимостію. Въ виду подобнаго обстоятельства конечно можно признать казенное хозяйство несостоятельнымъ, но мы замѣтимъ, что если здѣсь и является распоряженіе вредное для дѣла, то виновато въ этомъ не казенное хозяйство, а только порядки установившіяся въ немъ.

Изъ сказаннаго выше ясно видно все значеніе контракта г. Уайненса и тѣ матеріальныя пожертвованія, которыя правительство должно было принять на себя для прекращенія дѣйствій подобнаго обязательства. Сознавая невыгодность означеннаго контракта, Министерство Финансовъ даже и въ 1867 году не отдавало себѣ полнаго отчета о его дѣйствительномъ значеніи. Въ этихъ условіяхъ Министерство предложило уплатить неустойки г. Уайненсу не болѣе 3 мил. руб., а между тѣмъ контрактъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ, начиная съ 1 іюля 1866 года съ правомъ Правительства сократить срокъ только на два года и притомъ съ условіемъ платежа контрагенту 2% со всей уплаченной ему въ теченіи 6 лѣтъ суммы. Въ концѣ 1867 года, еще оставались $4\frac{1}{2}$ года дѣйствія контракта, и г. Уайненсъ могъ расчитывать на полный барышъ отъ этихъ $4\frac{1}{2}$ лѣтъ и сверхъ того на 2% со всей суммы имъ полученной въ теченіи 6 лѣтъ. Предполагая же на основаніи вышеуказанныхъ цифръ, что барышъ г. Уайненса былъ только въ 2 мил. ежегодно, а платежи Правительства за ремонтъ въ $3\frac{1}{2}$ мил. онъ могъ требовать или неустойки по меньшей мѣрѣ въ 9.420,000 руб. или продолженія дѣйствія контракта. При этомъ расчетѣ мы не принимаемъ въ соображеніе увеличеніе валоваго сбора въ послѣдующіе годы, а слѣдовательно, возможное увеличеніе его барышей. Само собою разумѣется, что г. Уайненсъ могъ согласиться на уступку въ

виду возможности получить совершенно даромъ громадную сумму денегъ, но конечно невозможно было предполагать, чтобы эта уступка могла доходить до двухъ третей того, на что онъ могъ смѣло расчитывать въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ или пяти лѣтъ. Отсюда ясно, что при соображеніяхъ о прекращеніи контракта съ Уайненсомъ не было въ виду дѣйствительнаго значенія этого договора. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, потому что стоимость расторженія контракта Уайненса имѣла большее значеніе при обсужденіи условій на уступку Николаевской дороги. Эта стоимость постоянно предполагалась только въ 3 мил. руб., тогда какъ она обошлась гораздо выше этой суммы, а требованія г. Уайненса, были заявлены въ суммѣ 7.600,000 руб.; намъ бы казалось, что при такомъ значеніи этого договора соглашеніе съ Уайненсомъ о количествѣ неустойки слѣдовало опредѣлить прежде, нежели входить въ какіе-либо переговоры о продажѣ дороги, между тѣмъ у насъ было сдѣлано какъ разъ наоборотъ.

Мы видѣли условія одобренныя Министерствомъ и совѣтомъ Главнаго Общества. Между тѣмъ 10 ноября 1867 года по совѣщаніи съ заграничными банкирами Берингомъ и Лабушеромъ совѣтъ дѣлаетъ новое предложеніе, выраженное въ письмѣ предсѣдателя совѣта отъ 10 ноября 1868 года. Въ дополненіе къ прежнимъ условіямъ совѣтъ между прочимъ предлагаетъ: „начиная съ извѣстнаго неотдаленнаго срока, который будетъ назначенъ по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, Обществу будетъ дозволено отдѣлять изъ сборовъ эксплуатаціи (разумѣется Николаевской дороги) ежегодно 375 тыс. руб. металлическихъ для выдачи въ видѣ дивиденда акціонерамъ Главнаго Общества ½ процента сверхъ гарантированныхъ имъ нынѣ 5%. Суммы, требуемыя отъ правительства для уплаты или пополненія этихъ 375 тыс. рублей будутъ причисляться къ долгу Главнаго Общества. Избытокъ чистаго дохода, могущій оказаться за покрытіемъ всѣхъ суммъ на ежегодные проценты и погашеніе акцій и облигацій Главнаго Общества, а равно на взносъ установленной платы за эксплуатацію Николаевской дороги, будетъ поступать сполна въ казну на погашеніе долга Общества до тѣхъ поръ, пока этотъ избытокъ не будетъ превышать одного процента на первоначальный капиталъ акцій общества. Лишь когда избытокъ этотъ составитъ болѣе одного процента на означенный капиталъ онъ будетъ дѣлиться по ровну между правительствомъ и обществомъ“.

Таковы были новыя предложенія совѣта Главнаго Общества. Мало было того, что прежнія условія гарантировали Общество отъ

всякаго риска въ этомъ дѣлѣ; мало было того, что обществу предоставлялось обращать половину несомнѣнно предстоящаго увеличенія доходовъ Николавской дороги въ дивидентъ акціонеровъ, наконецъ мало было даже и того, что другая половина этого увеличенія предоставлялась также Обществу съ спеціальнымъ назначеніемъ погашенія его долга, словомъ мало было того, что весь чистый доходъ Николаевской дороги — доходъ, какъ показалъ послѣдующій опытъ, возросшій въ какіе-нибудь 7 или 8 лѣтъ до 13 мил. руб. предоставлялся Обществу, совѣтъ по совѣщаніи съ заграничными банкирами рѣшился потребовать за то благодѣяніе, которое онъ оказывалъ правительству, принимая отъ послѣдняго въ даръ Николаевскую дорогу, немедленнаго возвышенія правительственной гарантіи на ½% на весь акціонерный капиталъ общества, что значило увеличить цѣну акцій на 10% или на 7.500,000 руб. Другими словами въ этомъ требованіи, выразилось желаніе уменьшить погашеніе долга Общества правительству ежегодно на 375,000 руб., т. е. увеличить выгоду нынѣшнихъ акціонеровъ на счетъ будущихъ. Какъ видно заграничные совѣтники Общества не пренебрегли даже возможностью дисконтировать будущіе доходы, что указываетъ вполнѣ опытныхъ дѣльцовъ.

Теперь представляется вопросъ: какимъ образомъ отнеслось Министерство Финансовъ къ подобному предложенію? Въ отвѣтѣ на это предложеніе отъ 13 ноября 1867 года мы находимъ слѣдующее: „Вновь заявленное ходатайство гг. членовъ совѣта о дозволеніи обществу отдѣлять изъ сборовъ Николаевской дороги ежегодно 375 тыс. рублей металическихъ для выдачи акціонерамъ главнаго общества ½ процента сверхъ гарантированныхъ имъ нынѣ 5% принято быть не можетъ. *Подобное прямое возвышеніе гарантированнаго процента* независимо отъ достигнутыхъ управленіемъ результатовъ, не только не представляетъ необходимаго условія для успѣха дѣла, а напротивъ значительно повредило бы оному при дальнѣйшемъ совокупномъ разсмотрѣніи различныхъ предложеній, представленныхъ Правительству“.

По видимому отвѣтъ ясный и положительный, какого и слѣдовало ожидать. Но это отказъ только по формѣ, а не по существу. Подчеркнутая нами фраза указываетъ что *косвенное возвышеніе* гарантированнаго акціонерамъ дохода ни сколько не противорѣчитъ видамъ Министерства, такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи сказано что „въ виду ближайшаго участія акціонеровъ при дальнѣйшемъ веденіи дѣла и хозяйственной эксплуатаціи, считается возмож-

нымъ отдѣлить въ пользу ихъ часть чистаго дохода отъ Николаевской дороги сверхъ 6 мил. руб. металическихъ“. На этомъ основаніи Министерство полагало изложить 6-й пунктъ финансовыхъ условій, предложенныхъ совѣтомъ въ первоначальномъ письмѣ председателя отъ 19 сентября въ слѣдующемъ видѣ: „изъ чистаго дохода Николаевской дороги прежде всего уплачиваются проценты и погашеніе по облигаціямъ въ размѣрѣ 6.000,000 руб. металическихъ. Когда же чистый доходъ превзойдетъ эту сумму, то излишекъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: три четверти онаго присоединяется къ чистому доходу Варшавской и Нижегородской линій, а одна четвертая часть отдѣляется въ пользу общества. Когда чистый доходъ по всѣмъ тремъ линіямъ въ совокупности превзойдетъ сумму всѣхъ гарантированныхъ платежей по акціямъ и облигаціямъ, то излишекъ распредѣляется на основаніи § 51 устава общества“ — (т. е. половина въ пользу общества, а другая на уплату его долговъ).

„*Примѣчаніе*. Если бы сумма, причитающаяся обществу по совокупному расчету всѣхъ трехъ линій на основаніи § 51 устава въ какомъ либо году оказалась менѣе суммы, причитающейся ему отъ четвертой части изъ чистаго дохода Николаевской дороги сверхъ 6 мил. металическихъ, то въ этомъ году общество сохраняетъ за собою право на эту четвертую часть въ замѣнъ расчета по тремъ линіямъ“.

Не правы ли мы были, сказавши, что отказъ Министерства былъ только по формѣ, а не по существу. По существу ходатайство удовлетворялось въ большей мѣрѣ, чѣмъ было заявлено. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ стоитъ только принять въ соображеніе, что никто не сомнѣвался въ возможности полученія даже въ 1868 году чистаго дохода, достаточнаго для оплаты процентовъ по облигаціямъ въ размѣрѣ 6.000,000 металическихъ или 7.200,000 р. кредитныхъ. Между тѣмъ одно уничтоженіе контракта съ г. Уайненсомъ, какъ мы видѣли выше, могло возвысить чистый доходъ по меньшей мѣрѣ на 2 мил. рублей, а это давало возможность Главному Обществу отчислить изъ доходовъ Николаевской дороги въ пользу увеличенія дивиденда акціонеровъ не 375 тыс. руб. какъ просилъ совѣтъ, а 500,000 руб., независимо отъ увеличенія движенія и возвышенія валоваго сбора. Но этимъ не ограничиваются выгоды сдѣланнаго Министерствомъ предложенія, въ особенности выгоды главныхъ руководителей и распорядителей дѣла. Опытные дѣльцы вполнѣ поняли, что если гарантія дохода остается въ прежнемъ видѣ, и представляется только возможность увеличенія доход-

ности, хотя бы эта возможность была внѣ всякаго сомнѣнія, цѣна акцій на рынкѣ все таки останется въ прежнемъ видѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Подобныя предположенія объ увеличеніи доходности не могутъ быстро проникать въ публику, вслѣдствіе чего дѣльцы имѣютъ полную возможность скупать акціи по дешевымъ цѣнамъ и выжидать ихъ возвышенія. Люди, заправлявшіе дѣлами Главнаго Общества, конечно, хорошо поняли выгоды предложенія Министерства Финансовъ и разумѣется не сдѣлали противъ него никакихъ возраженій.

Въ теченіи ноября и декабря 1867 года, въ Министерство поступили предложенія и отъ другихъ соискателей на пріобрѣтеніе дороги. Серьезными конкурентами оказались только трое: г. Уайненсъ и К°, г. Поляковъ и К° и товарищество московскихъ капиталистовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что серьезные переговоры ведены были Министерствомъ только съ Главнымъ Обществомъ, отъ всѣхъ же другихъ конкурентовъ получены только заявленія о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ они предполагали составить общество для эксплуатаціи Николаевской дороги и имъ вовсе не сообщалось, по крайней мѣрѣ оффиціально предположеній Министерства по сему предмету. Мнѣніе Министерства Финансовъ объ этихъ предположеніяхъ мы узнаемъ лишь изъ доклада, представленнаго въ Совѣтъ Министровъ для обсужденія вопроса объ уступкѣ Николаевской дороги частному обществу. На этомъ основаніи мы разсмотримъ подробно этотъ докладъ и такимъ образомъ изложимъ какъ сущность сдѣланныхъ другими соискателями предложеній, такъ и мнѣніе о нихъ Министерства Финансовъ.

Изложивъ причины, побудившія къ выпуску облигацій Николаевской дороги 18 іюля 1867 года, о чемъ мы говорили уже выше, Министерство Финансовъ замѣчаетъ: „Совершеніе этой операціи не увеличило ни единымъ рублемъ капитальной суммы государственнаго долга; выпускъ облигацій былъ въ тѣсной неразрывной связи съ продажею дороги, почему не требовалось внесенія суммы оныхъ въ государственную долговую книгу“. Съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться, если принять въ соображеніе, во-первыхъ, условіе выпуска, о которомъ упомянуто даже въ высочайшемъ указѣ, данномъ Министру Финансовъ, а именно, что отвѣтственность въ платежѣ процентовъ и погашенія по сему займу остается всецѣло на Государственномъ Казначействѣ, и во-вторыхъ, что потребныя для этихъ платежей суммы ежегодно вносятся въ государственную роспись наравнѣ съ другими государственными долгами. Изъ этихъ условій

займа вовсе также не слѣдуетъ, чтобы выпускъ облигацій находился въ тѣсной неразрывной связи съ продажею дороги, такъ какъ Правительство предоставляло себѣ только право продажи дороги, а вовсе не принимало на себя обязанности продать дорогу. Это условіе для кредиторовъ казны было совершенно безразлично, такъ какъ они возлагали всю отвѣтственность въ вѣрности платежа на Государственное Казначейство. Чтоже касается до внесенія суммы въ государственную долговую книгу, то порядокъ этотъ есть обрядность внутренняго управленія и нисколько не измѣняетъ юридическаго значенія принятыхъ правительствомъ на себя обязательствъ. Можно удивляться почему Министерству Финансовъ было необходимо связывать выпускъ облигацій съ правомъ Правительства на передачу дороги въ частныя руки или не вносить этотъ заемъ въ долговую книгу, но отсюда еще нельзя заключать, что капитальная сумма государственнаго долга не увеличилась ни единымъ рублемъ, въ особенности въ виду того обстоятельства, что проценты и погашеніе по этому займу ежегодно вносятся въ смѣту государственныхъ расходовъ.

Затѣмъ, изложивъ уже извѣстныя намъ послѣднія условія передачи Николаевской дороги Главному Обществу съ опредѣленіемъ суммы, необходимой для капитальнаго исправленія дороги и снабженія ея необходимымъ подвижнымъ составомъ въ размѣрѣ 6.400,000 руб. металлическихъ и 5.200,000 кредитныхъ, Министерство переходитъ къ изложенію выгодъ подобной комбинаціи. Онѣ состоятъ по его мнѣнію въ слѣдующемъ:

„1) Главное Общество имѣя значительный акціонерный капиталъ, т. е. 75 мил. акцій и 37 мил. облигацій, можетъ независимо отъ перевода на себя долга по Николаевскимъ облигаціямъ, выпустить еще свои собственныя въ вышеопредѣленномъ размѣрѣ, не нарушая общепринятаго Правительствомъ соотношенія акцій къ облигаціямъ. Сверхъ того, новому выпуску облигацій Главнаго Общества будутъ служить обезпеченіемъ не одна Николаевская дорога, а всѣ три линіи въ совокупности на протяженіи болѣе 2,200 верстъ. Въ отношеніи кредита всей операціи это послѣднее условіе чрезвычайно важно, потому что вторичный гарантированный выпускъ отъ одной Николаевской дороги, могъ бы сильно поколебать на европейскихъ рынкахъ довѣріе къ системѣ нашихъ облигацій вообще“.

„2) Примѣнивъ условія выпуска 4% облигацій Николаевской дороги къ новому предполагаемому выпуску, на уплату процентовъ и погашенія котораго опредѣлено 2.884,460 руб., правительство, по мнѣнію Министерства Финансовъ, можетъ получить еще 41 мил.

руб. метал., что составитъ отъ обоихъ выпусковъ до 85 мил., а за отдѣленіемъ изъ нихъ на приведеніе дороги въ надлежащее положеніе и на расторженіе контракта Уайненса до 14 мил. руб. металическихъ, остается 71 мил. руб. металич., что представляетъ сумму вполнѣ удовлетворительную. Но главная по мнѣнію Министерства Финансовъ выгода для правительства въ случаѣ уступки Николаевской дороги Главному Обществу заключается въ томъ, что большая часть чистаго дохода (75%) сверхъ 6 мил. руб. металлическихъ пойдетъ на уменьшеніе значительной суммы ежегодно платимой правительствомъ по гарантіи на Варшавскую дорогу. Когда же общій чистый доходъ со всѣхъ трехъ линій превзойдетъ потребныя суммы на срочные платежи какъ по прежнимъ процентнымъ бумагамъ Главнаго Общества, такъ и по выпущеннымъ на покупку Николаевской дороги, то и тогда половина этого излишка пойдетъ въ пользу Государственнаго Казначейства, въ возвратъ отъ общества капитальнаго долга съ процентами, по мнѣнію Министерства безнадежнаго, вслѣдствіе малой доходности Варшавской линіи.“

За тѣмъ далѣе Министерство доказываетъ, что только при 18 мил. рублей валоваго сбора, т. е. 30 т. рублей на версту, чего не было до тѣхъ поръ ни на одной дорогѣ, общество получитъ возможность увеличить доходъ акціонеровъ на ½% противъ гарантированнаго. При этомъ Министерство представляетъ таблицу, въ которой расходы эксплуатаціи какъ при 14 мил. рублей валоваго сбора такъ и при 18 мил. показаны въ 50% валоваго сбора, какъ будто съ возрастаніемъ сборовъ должны возрастать всѣ вообще расходы эксплуатаціи, а не тѣ только, которые опредѣляются количествомъ движенія.

Не касаясь впрочемъ этихъ подробностей, мы посмотримъ на сколько такое мнѣніе Министерства выдерживаетъ критику. Прежде всего оно утверждаетъ, что переводъ долга по облигаціямъ Николаевской дороги и новый выпускъ облигацій не нарушаетъ принятаго отношенія между акціонернымъ и облигаціоннымъ капиталами. Но въ настоящемъ случаѣ никакого соотношенія и не требовалось, такъ какъ оба выпуска облигацій Николаевской дороги сдѣланы не отъ имени Главнаго Общества, а отъ имени Государственнаго Казначейства и гарантіею этихъ займовъ служитъ государственная роспись, въ которую вносится ежегодно платежъ процентовъ и погашенія. Кромѣ того извѣстное соотношеніе между акціями и облигаціями допускается въ общемъ итогѣ капитала, употребленнаго на сооруженіе дороги; поэтому увеличеніе облигаціоннаго капитала до извѣстной суммы

возможно только въ томъ случаѣ, если капиталъ идетъ на увеличеніе капитальной стоимости дороги или для замѣны акціонернаго облигаціоннымъ капиталомъ; но такое увеличеніе облигаціоннаго капитала для другихъ оборотовъ и предпріятій, не связанныхъ съ увеличеніемъ перевозочной способности линій, принадлежащихъ Обществу не можетъ имѣть мѣста и едва ли способно поддержать его кредитъ. Министерство предполагало, что обезпеченіемъ новыхъ выпусковъ облигацій будутъ служить всѣ три линіи на протяженіи 2200 верстъ. Но на это мы замѣтимъ, что Нижегородская и Варшавская линіи въ количествѣ 1617 верстъ ни въ какомъ случаѣ не могли служить гарантіей облигацій новыхъ выпусковъ на томъ простомъ основаніи, что строительный капиталъ, употребленный на ихъ сооруженіе, доходилъ до 150 мил. металическихъ руб. вмѣстѣ съ долгомъ правительству, т. е. болѣе 90 т. мет. руб. на версту; между тѣмъ какъ дѣйствительная стоимость сооруженія не могла быть выше 50 т. метал. руб. съ версты. На этомъ основаніи общая цѣнность имущества Главнаго Общества составляла 80.850,000 руб., а такъ какъ на этомъ имуществѣ состоялъ облигаціонный долгъ въ 37 мил., долгъ правительства по достройкѣ линіи въ 39.600,000 руб., не считая процентовъ и долгъ по уплатѣ гарантіи въ 32.400,000 руб., то оказывается, что Общество и тогда уже было несостоятельно. Доказательствомъ этого послѣдняго положенія можетъ служить то обстоятельство, что новыя облигаціи какъ 1-го, такъ и 2-го выпуска выпущены вовсе не отъ имени главнаго общества, а отъ имени Русскаго Правительства и обезпечиваются отнюдь не Николаевской дорогой, а общимъ государственнымъ кредитомъ, котораго не поколебалъ не только 2-й выпускъ облигацій Николаевской дороги, но и пять послѣдующихъ выпусковъ консолидированныхъ облигацій.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Министерства Финансовъ о выгодности условій Главнаго Общества. Министерство находитъ главную выгоду въ томъ, что большая часть чистаго дохода должна уменьшать приплату гарантіи по Варшавской дорогѣ. Мы вовсе не видимъ тутъ не только главной, но почти никакой выгоды, на томъ простомъ основаніи, что не можемъ поставить ни въ какое сравненіе уступки будущихъ доходовъ въ теченіи 84 лѣтъ съ расходомъ на какія нибудь пять, шесть или даже десять лѣтъ, и съ расходомъ постоянно уменьшающимся. Нижегородская дорога даже въ 1867 году уже вышла изъ гарантіи и излишкомъ своихъ доходовъ покрывала значительную часть гарантированнаго дохода Варшавской дороги, а чистый доходъ этой послѣдней дороги также постоянно возросталъ

и очень можно было ожидать, что въ недалекомъ будущемъ нетолько не потребуется приплатъ правительства по гарантіи, но Общество получитъ возможность уплачивать правительству половину излишка своего дохода сверхъ гарантированнаго. Послѣдствія показали, что время это наступило черезъ пять лѣтъ послѣ передачи дороги, а именно въ 1874 году, съ котораго Главное Общество уже не получало приплатъ по гарантіи.

Отпускъ Главному Обществу 14 мил. руб. на капитальное исправленіе дороги и принятіе на себя правительствомъ неустойки за расторженіе контракта съ Уайненсомъ за что пришлось заплатить болѣе пяти мил. руб. также не могутъ считаться выгодными условіями, такъ какъ другіе конкуренты принимали эти расходы на себя и слѣдовательно предлагали почти на 20 мил. руб. болѣе нежели Главное Общество.

Но главная невыгода уступки Николаевской дороги Главному Обществу состоитъ въ томъ, что оно, не дѣлая никакихъ затратъ и не принося никакихъ пожертвованій, получало право одну половину излишка сверхъ гарантированнаго дохода по всѣмъ тремъ линіямъ, обращать въ дивидендъ акціонерамъ и другую на уплату своихъ долговъ правительству. Еслибъ Николаевская дорога поступила къ другимъ соискателямъ, то правительство, участвуя въ раздѣлѣ чистаго дохода, не теряло бы своего права на возвратъ долговъ Главнаго Общества, когда доходы его возвысятся. Теперь же эта часть дохода уменьшала долгъ общества. Министерство полагало, что этотъ долгъ безнадеженъ; но на это можно замѣтить, что въ теченіи 84 лѣтъ можетъ многое измѣниться и линіи бездоходныя могутъ сдѣлаться съ развитіемъ сѣти и промышленности весьма доходными. Въ этомъ случаѣ Министерство значительно ошиблось: Нижегородская и Варшавская дороги даютъ даже въ настоящее время излишекъ доходовъ сверхъ гарантированныхъ не говоря о будущемъ. Въ 1877 году не смотря на потерю въ курсѣ 2½ мил. руб. въ уплату долга правительству поступило 565,459 руб.

Чтобъ объяснить тѣ выгоды, которыя могло получать Главное Общество отъ Николаевской дороги, еслибъ эти условія осуществились, мы скажемъ, что чистый доходъ Николаевской дороги въ 1877 году дошелъ до 13 мил. руб., а за отчисленіемъ 7.200,000 руб. на платежъ процентовъ и погашенія по облигаціямъ остается 5.800,000 руб. А такъ какъ доходы Варшавской и Нижегородской дорогъ уже превышаютъ гарантированные, то одна половина этой

суммы могла бы идти въ дивидендъ, а другая на платежъ долговъ общества.

Такимъ образомъ весь долгъ Главнаго Общества правительству въ 122 мил. руб. по ссудамъ на постройку Варшавской и Нижегородской дорогъ, а также на уплату гарантій (отчетъ Главнаго Общества за 1877 годъ стр. 217) могъ быть покрытъ доходами одной Николаевской дороги въ нынѣшнемъ ихъ размѣрѣ (не говоря о будущемъ) въ 25 или 30 лѣтъ и тогда весь доходъ этой дороги могъ принадлежать Главному Обществу. За что же спрашивается Государственное Казначейство лишилось бы дохода, который будучи капитализированъ изъ 5% представляетъ сумму въ 116 милліоновъ рублей. Хотя эти условія и измѣнились впослѣдствіи, но для насъ важно то обстоятельство, что Министерство Финансовъ соглашалось на эти условія и находило ихъ выгодными. Впрочемъ послѣдствія показали, что условія передачи дороги не соблюдаются Главнымъ Обществомъ, такъ какъ оно суммы слѣдующія правительству затрачиваетъ вновь на свои нужды, что мы и увидимъ впослѣдствіи.

Предложеніе, сдѣланное Уайненсомъ состояло въ слѣдующемъ: онъ обязывался составить общество съ капиталомъ въ 13½ мил. руб. метал., долженствующимъ идти на приведеніе дороги въ надлежащее устройство. Общество это обязывалось платить по выпущеннымъ облигаціямъ Николаевской дороги 3.115,540 руб. метал. процентовъ и погашенія и сверхъ того взносить процентовъ и погашенія на новый выпускъ облигацій 2,077,026 руб. металлическихъ, по которому гарантировало правительству 30.000,000 руб. металлическихъ капитальной суммы. Правительство съ своей стороны гарантировало обществу чистый доходъ съ Николаевской дороги въ 6 мил. руб. металическихъ на уплату проц. по акціямъ и облигаціямъ обоихъ выпусковъ. Въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ весь избытокъ дохода противъ гарантированнаго идетъ въ пользу общества, и за тѣмъ половина этого избытка идетъ въ пользу правительства. Впослѣдствіи г. Уайненсъ измѣнилъ это условіе и предложилъ 60% этого избытка правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Уайненсъ предлагалъ отказаться отъ неустойки по уничтоженію контракта на ремонтъ подвижнаго состава. Если, такимъ образомъ, правительство получало по облигаціямъ нѣсколько меньшую сумму, чѣмъ при передачѣ дороги Главному Обществу, за то оно не принимало на себя никакихъ издержекъ по приведенію дороги въ порядокъ: всего оно получало 44 мил. по первому выпуску и 30 мил. по второму, исправленіе же дороги и неустойка Уайненсу падали на новое общество. На этомъ основаніи эти усло-

вія были выгоднѣе, чѣмъ условія, Главнаго Общества. За тѣмъ Главное Общество предоставляло правительству съ перваго года 75% избытка доходовъ, тогда какъ г. Уайненсъ въ теченіи 15 лѣтъ обращалъ эти избытки въ пользу общества и только по прошествіи 15 лѣтъ Правительство на основаніи условій Уайненса могло получать изъ этихъ избытковъ 60%. Эти послѣднія условія могли казаться менѣе выгодными, чѣмъ условія Главнаго Общества, въ дѣйствительности же было совершенно на оборотъ. Доля Правительства въ доходахъ Николаевской дороги по условіямъ Главнаго Общества должна была идти на погашеніе долга этого общества, а за погашеніемъ этого долга весь избытокъ доходовъ Николаевской дороги обращался въ пользу Главнаго Общества, тогда какъ участіе правительства въ доходахъ Общества предложеннаго г. Уайненсомъ, хотя и начиналось не ранѣе 15 лѣтъ, но за то продолжалось до конца концессіи и шло не на погашеніе долга Главнаго Общества, а въ непосредственное распоряженіе правительства. Нельзя отрицать, что общество, предложенное г. Уайненсомъ, получило бы громадные барыши въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ, обращая въ свою пользу весь избытокъ доходовъ, но эти барыши все таки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которые могло бы получитъ Главное Общество, уплачивая свои долги правительству доходами Николаевской дороги и за тѣмъ, когда долги эти будутъ уплачены, обращая эти доходы исключительно въ свою пользу. Доходность Николаевской дороги въ первые 15 лѣтъ, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ будущей доходностію ея по истеченіи этихъ 15 лѣтъ, и притомъ въ теченіи новыхъ 69 лѣтъ. Вся выгода условій Главнаго Общества состояла въ томъ только, что представлялась возможность получать въ первые 15 лѣтъ извѣстную сумму въ уплату долга этого общества, который считался безнадежнымъ, но за то правительство отказывалось отъ всякаго дохода съ Николаевской дороги на 84 года.

Невыгоды предложенія г. Уайненса, по мнѣнію Министерства Финансовъ, состоятъ въ томъ, что предлагается вторичный выпускъ облигацій отъ Николаевской дороги и ненормальное отношеніе акцій и облигацій; но мы видѣли уже, что эти облигаціи какъ 1-го такъ и 2-го выпуска выпущены не за счетъ какого либо общества, а за счетъ Государственнаго Казначейства и слѣдовательно подобное опасеніе не могло имѣть никакого значенія. Кромѣ того Министерство Финансовъ считало невыгоднымъ то обстоятельство, что г. Уайненсъ обязывался платить проценты на погашеніе по 2-му выпуску облигацій со дня ихъ выпуска, а такъ какъ облигаціи эти могли

быть выпущены только въ 1869 году, то за 1868 годъ правительство могло получить только проценты по облигаціямъ 1867 года, излишекъ же чистаго дохода противъ этой суммы оставался въ пользу общества, но послѣдствія показали, что передача Николаевской дороги могла совершиться только съ 1-го сентября 1868 года, слѣдовательно и это опасеніе не имѣло значенія. Наконецъ по мнѣнію Министерства Финансовъ „едва ли было бы осторожно подвергать Николаевскую дорогу на 84 года системѣ американской эксплуатаціи, послѣ столь продолжительнаго опыта и тяжкихъ для государства потерь“.

Послѣднее мнѣніе Министерства по всей вѣроятности подразумѣваетъ невыгодную сторону заключенныхъ съ г. Уайненсомъ контрактовъ по ремонту подвижнаго состава. Но противъ этого справедливость требуетъ замѣтить, что врядъ ли основательно винить частное лицо за невыгодность для казны, заключенныхъ съ нею договоровъ: само собою разумѣется, что частный человѣкъ заботится только о своихъ выгодахъ и ему нѣтъ никакого дѣла охранять интересы государства, съ которымъ онъ договаривается. Къ тому же осторожность Министерства врядъ ли устранила г. Уайненса отъ вліянія на эксплуатацію Николаевской дороги. Какъ скоро дорога эта была передана Главному Обществу, такъ г. Уайненсъ сталъ скупать акціи этого общества, а за тѣмъ по всей вѣроятности на тотъ же предметъ пошли и всѣ суммы, полученныя г. Уайненсомъ въ видѣ неустойки за расторженіе его контракта и онъ сдѣлался главнымъ акціонеромъ Главнаго Общества, которымъ въ настоящее время и распоряжается почти произвольно, по крайней мѣрѣ на всѣхъ общихъ собраніяхъ большинство голосовъ формируется имъ.

Строитель желѣзныхъ дорогъ Воронежскаго и Елецкаго земствъ купецъ Самуилъ Поляковъ, генералъ-адъютантъ графъ Левашовъ и дѣйствительные статскіе совѣтники князь Левъ Гагаринъ, Сомовъ и Рябининъ представили слѣдующее предложеніе: они образуютъ общество съ акціонернымъ капиталомъ въ 32 мил. руб. съ гарантіей Правительства въ 5% дохода и 1/10 % погашенія. Обществу этому передается дорога на 84 года, въ теченіи которыхъ оно уплачиваетъ Правительству: 1) 3.115,540 руб. мет. процентовъ и погашенія по Николаевскимъ облигаціямъ; 2) 5% и 1/10 % погашенія на вторую серію облигацій по номинальной цѣнѣ на 48 мил. руб. металическихъ, что составило бы 2.448,000 руб. метал.; 3) сумму гарантированнаго дохода по акціямъ или 1.632,000 руб. мет., всего 7.195,540 металическихъ рублей. Сверхъ того изъ

суммъ акціонернаго капитала въ теченіи одного мѣсяца со дня выпуска акцій, общество обязывается уплатить Правительству наличными деньгами 5 мил. рублей и акціями общества 2 мил. рублей. Для покрытія всѣхъ причитающихся съ общества платежей оно обязывается вносить Правительству еженедѣльно 55% валоваго сбора впредь до расчета. За тѣмъ за покрытіемъ всѣхъ обязательныхъ платежей, общество предоставляетъ Правительству третью часть избытка доходовъ. Устройство дороги и сдѣлку по расторженію контракта съ г. Уайненсомъ общество принимаетъ на себя.

Хотя условія, предложенныя г. Поляковымъ и компаніею въ виду меньшаго участія Правительства въ будущихъ доходахъ, а также въ виду возвышенія гарантированнаго дохода, т. е. въ виду увеличенія выпуска бумагъ представлялись менѣе выгодными чѣмъ условія г. Уайненса, но все таки они представляютъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ условія Главнаго Общества, которыми Правительство лишается всякаго дохода съ дороги. Кромѣ того при такой комбинаціи являлась возможность увеличенія единовременной выручки капитальной суммы: она давала возможность получить 43 мил. метал. руб. чистыми деньгами и на 2 мил. руб. акцій, которые въ очень недалекомъ будущемъ могли быть весьма доходными. Впрочемъ фирма Полякова и присоединившихся къ нему лицъ не могла внушать къ себѣ достаточнаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что усиленный выпускъ бумагъ прямо указывалъ на возможность остатка акціонернаго капитала, который и составилъ бы барышъ учредителей, нисколько незаслуженный.

Предложеніе московскаго купечества, къ которому присоединились до 58 наиболѣе солидныхъ и извѣстныхъ фирмъ, представляло огромное финансовое значеніе, тѣмъ болѣе, что значительная часть грузовъ, перевозимыхъ Николаевской дорогой, доставлялось ей именно этими фирмами. Такимъ образомъ лица, подписавшіе это предложеніе, были заинтересованы въ дѣлѣ не только какъ учредители общества для выгоднаго предпріятія, но и какъ хозяева тѣхъ грузовъ, правильное движеніе которыхъ обусловливало успѣхъ ихъ личныхъ оборотовъ. На этомъ основаніи предложеніе это заслуживало особеннаго вниманія и намъ кажется, что еслибъ оно было даже менѣе выгодно для Правительства въ денежномъ отношеніи въ сравненіи съ другими соискателями, то и тогда его слѣдовало предпочесть въ виду того обстоятельства, что передача Николаевской дороги въ руки этой компаніи могла быть, при болѣе правильной системѣ хозяйства, новымъ средствомъ къ развитію промышленности и торговли. Между тѣмъ оказывается, что это предложеніе было гораздо болѣе

выгодно, чѣмъ всѣ другія. Оно состояло въ слѣдующемъ: товарищество обязывалось уплачивать ежегодно на проценты и погашеніе по облигаціямъ какъ прежде выпущеннымъ, такъ и имѣющихъ быть выпущенными, по приведеніи въ порядокъ дороги 7.500,000 руб. кредитными билетами. Въ число этой суммы товарищество обязывалось вносить 50% валоваго сбора, повѣряемаго правительственнымъ контролемъ, — и въ сроки, назначенные Правительствомъ. Если посредствомъ этихъ взносовъ, лежащіе на отвѣтственности товарищества платежи будутъ пополнены прежде окончанія года, тогда весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу товарищества; если же окажется недостатокъ, то товарищество обязано его пополнить собственнымъ капиталомъ, для чего и должно представить залогъ въ указанномъ Министерствомъ Финансовъ размѣрѣ. По истеченіи 10 лѣтъ могущій оказаться излишекъ за покрытіемъ расходовъ эксплуатаціи и уплатою 7.500,000 руб. обязательныхъ платежей распредѣляется на три части: 40% отчисляется въ пользу Правительства, 40% процентовъ — въ пользу товарищества и 20% — въ запасный капиталъ. Всѣ необходимыя исправленія Николаевской дороги и увеличеніе ея подвижнаго состава по соглашенію съ Министерствомъ Путей Сообщенія, а также половину издержекъ, нужныхъ для расторженія контракта съ г. Уайненсомъ, товарищество принимало на себя и нужный для сего капиталъ въ 15.000,000 руб. обязывалось собрать безъ всякой гарантіи Правительства.

Если принять въ соображеніе, что запасный капиталъ можетъ расходоваться только на развитіе перевозочной силы дороги и на увеличеніе ея цѣнности различными капитальными приспособленіями, а также на расходы экстренные, не входящіе въ число расходовъ эксплуатаціи, т. е. на такіе расходы, которые, за неимѣніемъ запасныхъ капиталовъ, дѣлаются изъ дополнительныхъ облигаціонныхъ, то ясно, что отчисляемый запасный капиталъ принадлежитъ не обществу и его членамъ, которые не могутъ имъ воспользоваться, а дорогѣ, составляющей собственность государства и потому эти 20% чистаго дохода, отдѣляемые въ запасный капиталъ, могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащіе Правительству.

Такимъ образомъ московское товарищество не только не требовало никакой гарантіи дохода Николаевской дороги, но само гарантировало Правительству наименьшій доходъ въ 7.500.000 руб., что и обезпечивало особымъ залогомъ, размѣръ котораго предоставляло опредѣлить Правительству. Принимая же въ соображеніе, что обязательный взносъ Главнаго Общества опредѣлявшійся въ размѣрѣ

6.000,000 металическихъ рублей окончательно утвержденъ въ 7.200,000 руб. кредитныхъ, оказывается, что платежъ московскаго товарищества превышалъ платежъ Главнаго Общества на 300,000 руб. въ годъ, что въ течeніи 10 лѣтъ составило бы 3 мил. руб. Присоединяя же къ тому недоплаченные Главнымъ Обществомъ въ первые десять лѣтъ пять мил. руб., и другіе 5 мил. отчисленные на составленіе оборотнаго капитала Николаевской дороги, чего не требовало товарищество московскихъ капиталистовъ (см. балансъ общества за 1877 годъ) оказывается, что при передачѣ дороги московскому товариществу Государственное Казначейство получило бы за это время 13 мил. рублей болѣе, и кромѣ того не выдало бы $13^{1}/_{4}$ мил. руб. на приведеніе дороги въ порядокъ. А за тѣмъ въ настоящее время Правительство стало бы получать 60% избытка дохода, который не шелъ бы на уплату долга Главнаго Общества.

Тѣмъ не менѣе Министерство Финансовъ находило подобное предложеніе неудобнымъ и утверждало что „предложеніе московскихъ купцовъ, основанное на томъ ошибочномъ предположеніи, что Правительство можетъ выпустить еще на 75 мил. руб. облигацій отъ одной Николаевской дороги, представляетъ собою только расчетъ на возвышеніе чистаго дохода съ дороги; они предлагаютъ Правительству не что другое, какъ долгосрочную аренду“.

Подобное мнѣніе Министерства положительно не выдерживаетъ критики. Мы видѣли, что первый выпускъ облигацій на 75 мил. руб. сдѣланъ самимъ Правительствомъ; точно также и на тѣхъ же условіяхъ сдѣланъ и второй выпускъ 26 марта 1869 года въ размѣрѣ 69 мил. Платежи по обоимъ займамъ вносятся ежегодно въ государственную роспись вмѣстѣ съ прочими долгами Правительства; кредитъ Главнаго Общества, весьма сомнительнаго свойства, тутъ рѣшительно не причемъ. Мы рѣшаемся утверждать, что мнѣніе московскаго купечества о правѣ Правительства выпустить еще на 75 мил. руб. облигацій Николаевской дороги, было вовсе не ошибочно, такъ какъ этотъ выпускъ былъ дѣйствительно сдѣланъ Правительствомъ. Чтожъ касается до того обстоятельства, что московское купечество предполагало не болѣе какъ долгосрочную аренду, то мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: развѣ условія Главнаго Общества въ этомъ случаѣ представляютъ какой-либо другой характеръ? Въ томъ и другомъ случаѣ предполагается реализація капитала правительственными займами и ежегодный взносъ со стороны общества извѣстной суммы дохода; слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ долгосрочная аренда.

Вслѣдствіе своей финансовой несостоятельности Главное Общество и не могло представить условій другаго рода. Московское купечество, по крайней мѣрѣ было настолько состоятельно, что гарантировало Правительству особымъ залогомъ непремѣнный доходъ и средства на приведеніе дороги въ порядокъ, а Главное Общество не могло сдѣлать ни того, ни другого. Какъ бы то ни было, но несмотря на всю очевидную невыгодность условій Главнаго Общества, Министерство Финансовъ одобрило въ своемъ докладѣ только эти послѣднія.

Между тѣмъ условіе о раздѣлѣ избытка доходовъ Николаевской дороги на основаніи § 51 устава Главнаго Общества имѣло тотъ смыслъ, что по уплатѣ всѣхъ долговъ общества Правительству, доходы Николаевской дороги, за уплатою процентовъ по облигаціямъ этой дороги, поступаютъ полностію въ пользу общества. Поддерживать такое условіе въ какомъ-либо высшемъ коллегіальномъ учрежденіи въ то время, когда всѣ другіе соискатели предлагали большее или меньшее участіе Правительства въ раздѣлѣ будущихъ доходовъ дороги, было бы крайне неудобно. Вслѣдствіе этого 19 декабря 1867 года, только за день до разсмотрѣнія этого дѣла въ Совѣтѣ Министровъ, предсѣдатель совѣта Главнаго Общества обращается съ письмомъ на имя Министра Финансовъ, въ которомъ предлагаетъ поправку къ сдѣланнымъ имъ предложеніямъ. Изъ этого письма оказывается, что совѣтъ представленныя имъ условія всегда понималъ въ томъ смыслѣ, что половина доходовъ Николаевской дороги должна принадлежать Правительству въ теченіи всего срока концессіи, хотя бы-долгъ общества Правительству былъ уплоченъ сполна. Но такъ какъ въ § 51 устава общества сказано, что по уплатѣ долговъ общества обращеніе въ казну половины излишка сверхъ гарантированнаго дохода должно прекратиться, то это можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Относя это условіе только къ Варшавской и Нижегородской дорогамъ, предсѣдатель по порученію совѣта просилъ въ этомъ смыслѣ дополнить 6 пунктъ финансовыхъ условій Главнаго Общества.

Такая поправка дѣйствительно измѣняла невыгодную сторону условій, но не устраняла ее вполнѣ, такъ какъ до уплаты долговъ общества вся сумма чистаго дохода Николаевской дороги должна была идти въ пользу общества, частію въ дивидендъ акціонерамъ, а частію на погашеніе долга общества, тогда какъ по другимъ предложеніямъ чистый доходъ по истеченіи 10 или 15 лѣтъ долженъ поступать въ раздѣлъ между Правительствомъ и обществомъ.

21 декабря 1867 года докладъ по сему дѣлу внесенъ былъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, въ которомъ Государь Императоръ по выслушаніи всестороннихъ сужденій гг. членовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: „не предрѣшая въ настоящее время ни финансовыхъ условій передачи Николаевской желѣзной дороги въ частныя руки, ни вопроса о томъ, кому именно она должна быть уступлена, возложить на обязанность Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ составить по соглашенію въ чемъ слѣдуетъ съ Министромъ Военнымъ и Юстиціи подробныя условія передачи дороги, относительно тарифа, сдачи дороги и имущества, порядка управленія оной и вообще всѣхъ тѣхъ условій, которыя должны быть требуемы отъ частной компаніи при передачѣ оной Николаевской дороги; составленныя такимъ образомъ условія разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ изъ означенныхъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Строганова 1-го и поднести черезъ Комитетъ Министровъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Вслѣдствіе этого означенный комитетъ по разсмотрѣніи предположеній Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ, составилъ общія условія на уступку Николаевской дороги частному обществу, которыя вмѣстѣ съ положеніемъ о порядкѣ сдачи и пріема дороги, вѣдомостью работамъ, предполагаемымъ на ней и прочими свѣдѣніями сообщены были всѣмъ соискателямъ, по заявленіямъ которыхъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ общихъ условій сдѣланы были измѣненія. Кромѣ того московское товарищество, желая точнѣе опредѣлить свои обязательства къ Правительству, представило заявленіе, что предложеніе его о взносѣ 7.500,000 руб. можетъ относиться лишь къ тому времени, когда дорога будетъ приведена въ порядокъ; въ первые же $2^1/_2$ года оно можетъ вносить лишь 3.750,000 руб.

Между тѣмъ 1 марта 1868 года по Всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ о томъ, что отъ четырехъ соискателей на пріобрѣтеніе Николаевской дороги поступили финансовыя условія на уступку оной, Государь Императоръ изволилъ признать полезнымъ разсмотрѣть эти условія въ означенномъ комитетѣ совмѣстно съ комитетомъ финансовъ.

Заявленія г. Уайненса были представлены въ видѣ проекта устава общества, въ которомъ онъ значительно видоизмѣнилъ свои предложенія. Такъ онъ соглашался допустить раздѣлъ между Правительствомъ и обществомъ чистаго дохода Николаевской дороги за уплатой обязательныхъ взносовъ въ 6 мил. руб. металическихъ, и въ первые 15 лѣтъ въ слѣдующемъ видѣ: въ первые 15 лѣтъ, весь

избытокъ дохода, во-первыхъ, обращается на уплату Правительству долга общества могущаго возникнуть вслѣдствіе гарантіи доходовъ 6 мил. руб. металлическихъ съ 4% въ годъ. За уплатою же этого долга отчисляется 10% въ пользу правленія, служащихъ и учредителя; изъ остальной суммы 30% идетъ въ пользу казны, а 70% въ дивидендъ акціонерамъ. По прошествіи же 15 лѣтъ изъ означеннаго избытка Правительство получаетъ 70%, а остальные 30% распредѣляются такъ: 10% въ пользу учредителя, правленія и служащихъ, а 90% въ дивидендъ акціонерамъ.

При разсмотрѣніи всѣхъ предложеній соединенное присутствіе особаго комитета и комитета финансовъ нашло необходимымъ прежде постановленія окончательнаго заключенія снестись съ московскимъ товариществомъ о томъ, не согласится ли оно на нѣкоторыя измѣненія въ сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ, вслѣдствіе сего проектъ выработанныхъ измѣненій былъ сообщенъ 20 марта 1868 года уполномоченнымъ московскаго товарищества. Эти измѣненія состояли въ слѣдующемъ:

1) Кромѣ 15 мил. руб. собрать еще капиталъ въ 10 мил. руб. и внести оный Правительству втеченіи 2½ лѣтъ въ сроки, условленные съ Министерствомъ Финансовъ; сумма эта вмѣстѣ съ означенными выше 15 мил. руб. составитъ акціонерный капиталъ общества. Въ счетъ обязательныхъ платежей (т. е. въ первые 2½ года по 3,750 тыс. руб., а въ остальные годы 7,500 тыс. руб.), засчитывать при годичныхъ отъ товарищества платежахъ по 7% съ той части 10 мил. руб., которая будетъ дѣйствительно внесена въ распоряженіе Правительства.

2) На эксплоатаціонные расходы опредѣлить 50% валоваго сбора, пока сборъ этотъ будетъ ниже 15 мил.; когда же онъ достигнетъ этой цифры, то съ каждымъ милліономъ увеличенія валоваго сбора, расходы эксплоатаціи уменьшаются на 1% пока валовой сборъ не достигнетъ 19 мил. руб., а расходы не уменьшатся до 45%, которые остаются неизмѣнными и при возрастающемъ доходѣ.

3) По истеченіи первыхъ 10 лѣтъ могущій оказаться излишекъ чистаго дохода, за отчисленіемъ опредѣленныхъ выше процентовъ на эксплоатацію, 1½% въ запасный капиталъ и обязательнаго ежегоднаго взноса въ казну, дѣлится между Правительствомъ и обществомъ поровну.

Вмѣстѣ съ тѣмъ проектированныя измѣненія въ предложеніяхъ Московскаго товарищества сообщены и совѣту Главнаго Общества 20 марта. При этомъ мы не лишнимъ считаемъ замѣтить, что пред-

положенія о тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ въ условіяхъ Главнаго Общества другимъ соискателямъ офиціально заявляемы не были, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ, служащемъ намъ источникомъ, нѣтъ никакого слѣда.

На эти заявленія получены отзывы отъ уполномоченныхъ Московскаго товарищества 27 марта, а отъ Главнаго Общества 29 марта. Отзывъ московскаго товарищества замѣчателенъ по своей правдивости и вѣрному практическому взгляду на столь серьезное предпріятіе какъ эксплуатація дороги, съ которою по количеству движенія и доходности не можетъ сравниться ни одна дорога въ мірѣ. Чтобъ читатель не могъ упрекнуть насъ въ голословности нашего мнѣнія объ этомъ отзывѣ, мы выписываемъ буквально его содержаніе. „Устройство Николаевской дороги, говорятъ уполномоченные, имѣетъ столь существенное вліяніе на ходъ промышленной и торговой дѣятельности большей части членовъ нашего товарищества, что они интересуются устройствомъ этой дороги не менѣе, чѣмъ выгодностію помѣщенія капитала въ это предпріятіе. Вслѣдствіе сего, мы не можемъ не желать удержать за собою эту дорогу и вполнѣ готовы, по мѣрѣ силъ исполнить всѣ требованія Правительства; но тѣмъ не менѣе, считая недобросовѣстнымъ принять на себя обязательство, въ точномъ исполненіи котораго мы не были бы вполнѣ увѣрены, мы не можемъ принять безусловно всѣхъ замѣчаній комитета и вынуждены представить слѣдующія обстоятельства и соображенія. При настоящемъ положеніи денежнаго рынка, сборъ значительнаго капитала, посредствомъ публичной подписки на акціи безъ гарантіи Правительства — вообще едва ли возможенъ; для предпріятія же, настоящая доходность котораго далеко не соотвѣтствуетъ условіямъ сдѣланнаго нами предложенія, онъ положительно немыслимъ. А потому до приведенія дороги въ полную исправность и до указанія опыта, что сдѣланныя нынѣ соображенія на счетъ стоимости устройства дороги вѣрны и что доходность ея должна быть не менѣе предполагаемой нами, мы по необходимости должны оставаться въ предѣлахъ тѣснаго кружка лицъ, составляющихъ наше товарищество. Лица эти были бы неправдивы, если бы рѣшились ручаться передъ Правительствомъ, въ томъ, что они собственными средствами и притомъ въ короткій срокъ могутъ увеличить складочный капиталъ товарищества до 25 милліоновъ. Вслѣдствіе сего, изъявляя готовность на увеличеніе нашего капитала противъ сдѣланнаго нами предложенія еще на 10 милліоновъ руб., на изложенныхъ въ постановленіи комитета основаніяхъ,

мы не можемъ стѣснить себя краткимъ срокомъ и вынуждены ходатайствовать о разрѣшеніи намъ внести Правительству требуемые имъ 10 мил. руб. по равнымъ частямъ въ теченіи пяти лѣтъ, начиная съ третьяго года со времени передачи дороги. При семъ намъ должно быть предоставлено право преобразовать наше товарищество въ акціонерное общество, когда мы признаемъ это нужнымъ. За тѣмъ мы вполнѣ подчиняемся постановленію комитета по другимъ двумъ пунктамъ".

Принимая въ соображеніе личный составъ товарищей, нельзя не согласиться, что успѣшное передвиженіе грузовъ по Николаевской дорогѣ для частныхъ дѣлъ почти всѣхъ соучастниковъ имѣетъ огромное значеніе и трудно разрѣшить вопросъ что для нихъ важнѣе—хорошій ли дивидендъ на предположенный къ сбору капиталъ въ 25 милліоновъ рублей, или такое устройство и управленіе дороги, которыя отвѣчали бы всѣмъ потребностямъ движенія. На этомъ основаніи интересы московскаго товарищества вполнѣ совпадали съ интересами цѣлой Россіи. Съ другой стороны, нельзя не отдать справедливости той осторожности, съ которой отнеслось товарищество къ предстоявшимъ ему обязанностямъ. Какъ ни важно было для товарищества принять дорогу въ свое вѣдѣніе въ виду ея значенія для дѣлъ почти каждаго изъ товарищей, а также въ виду тѣхъ выгодъ, которыя они могли получить въ будущемъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ понимая положеніе рынка, они не рѣшились обнадеживать Правительство, что успѣютъ въ короткій срокъ собрать требуемый капиталъ, хотя по бывшимъ уже и тогда примѣрамъ, они могли расчитывать на нѣкоторыя отсрочки и измѣненія условій *въ виду непредвидѣнныхъ событій*, отыскать которыя всегда возможно. Не смотря однако на это, московское товарищество было на столько добросовѣстно, что предъявило такія условія, въ возможности исполненія которыхъ оно было убѣждено. Если московское товарищество не предлагало Правительству большихъ выгодъ при раздѣлѣ избытка дохода по истеченіи 10 лѣтъ, то повидимому это произошло единственно потому что раздѣлъ по равной части былъ предложенъ самимъ Правительствомъ и конечно было бы странно, еслибъ товарищество по собственному почину предложило увеличить долю Правительства, которое вовсе того не требовало. Между тѣмъ, имѣя въ виду предложеніе г. Уайненса о предоставленіи въ пользу Правительства въ теченіи послѣднихъ 69 лѣтъ 70% избытка доходовъ противъ обязательныхъ платежей, Правительство имѣло полное основаніе предложить это условіе товариществу, которое, конечно, не от-

казалось бы принять его тѣмъ болѣе, что оно сомнѣвалось въ своихъ силахъ только при началѣ дѣла и вполнѣ вѣрило въ успѣхъ его въ будущемъ.

Совсѣмъ другое отношеніе къ дѣлу мы видимъ въ отзывѣ совѣта Главнаго Общества. Здѣсь главное вниманіе обращено на то, чтобъ не подвергнуть какому нибудь риску нынѣшняго положенія акціонеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить въ свою пользу извѣстную часть избытка доходовъ дороги. „Совѣтъ Главнаго Общества, какъ значится въ отзывѣ, пересмотрѣлъ финансовыя условія передачи Николаевской дороги съ цѣлію обсудить не представляется ли возможнымъ улучшить эти условія въ пользу правительства, совмѣстно съ достаточнымъ заинтересованіемъ акціонеровъ Главнаго Общества въ успѣхѣ дѣла При этомъ совѣтъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что, сохраняя за собою неприкосновенною дарованную ему гарантію по Варшавской и Николаевской линіямъ и, слѣдовательно, не подвергая нынѣшняго своего положенія никакому риску, Главное Общество можетъ ожидать себѣ прибыли отъ передачи ему Николаевской дороги лишь тогда, если оно само пріобрѣтетъ ее благоразумнымъ управленіемъ сего новаго, совершенно отдѣльнаго предпріятія“.

Въ переводѣ на общепонятный языкъ этого отзыва оказывается, что совѣтъ желалъ оставить на отвѣтственности Правительства не только всю реализацію капитала, которую нужно было заплатить за дорогу, но и доставленіе ему средствъ какъ для приведенія дороги въ порядокъ, такъ и для уплаты обязательнаго взноса 6 мил. металическихъ, если для полученія таковыхъ *благоразумнаго управленія* будетъ недостаточно. За таковыя обязательства, которыя представляются совершенно неопредѣленными и вовсе ни чѣмъ не обезпеченными, слѣдовательно фиктивными, совѣтъ выговариваетъ себѣ часть избытка доходовъ въ случаѣ ихъ возвышенія, которое въ сущности въ предпріятіяхъ подобнаго рода является слѣдствіемъ отнюдь не благоразумнаго управленія, а просто дальнѣйшаго развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Что благоразумнаго управленія совѣтъ общества до сихъ поръ не выказалъ, то это мы видимъ изъ того, что даже въ прошедшемъ 1877 году, когда валовой сборъ по николаевской дорогѣ превысилъ 26 мил. руб., расходы эксплуатаціи поглотили почти 51%, тогда какъ Московское товарищество еще въ 1868 году обязывалось при 19 мил. валоваго сбора тратить только 45% и по всей вѣроятности тратило бы гораздо менѣе, такъ какъ Нико-

лаевская дорога по своему сооруженію и мѣстности представляетъ наиболѣе выгодныя условія эксплуатаціи.

Этимъ отзывомъ совѣтъ Главнаго Общества нашелъ возможнымъ отказаться только отъ одного наиболѣе страннаго финансоваго условія, по которому доля Правительства въ избыткѣ доходовъ Николаевской дороги должна была идти на покрытіе долговъ общества Правительству, возникшихъ по сооруженію и эксплуатаціи Варшавской и Николаевской линій. Такимъ образомъ погашеніе этихъ долговъ оставлено по прежнему на половинѣ избытка доходовъ отъ этихъ линій, что даетъ возможность сравненія условій Главнаго Общества съ другими предложеніями; при существованіи же первоначальнаго условія такого сравненія дѣлать было невозможно, такъ какъ Главное Общество при этомъ условіи могло предоставить Правительству весь доходъ Николаевской дороги и вмѣстѣ оставить его за собою.

Что особенно поражаетъ въ условіяхъ Главнаго Общества, такъ это отсутствіе всякихъ гарантій со стороны общества въ исполненіи имъ своихъ обязательствъ, даже нѣтъ того условія, какое представляли товарищества Полякова и Московскаго купечества, т. е. взносъ части сбора по мѣрѣ его поступленія и обезпеченіе этого взноса извѣстнымъ залогомъ. Означенное условіе мы считаемъ особенно важнымъ, такъ какъ общество при отсутствіи этого условія можетъ безпрепятственно оставлять суммы, слѣдующія Правительству у себя въ кассѣ и тратить ихъ на свои нужды. Мы обращаемъ на это обстоятельство особенное вниманіе на томъ основаніи, что при дальнѣйшемъ обсужденіи передачи дороги, на этотъ вопросъ вовсе не было обращено вниманія, между тѣмъ какъ дѣла Главнаго Общества были вовсе не въ такомъ блестящемъ положеніи, чтобъ обязательства его не требовали матерьяльныхъ гарантій. Необходимость подобной осторожности вполнѣ подтвердилось послѣдующимъ опытомъ. Стоитъ только взглянуть на балансъ общества къ 1-му января истекшаго года, чтобъ убѣдиться въ томъ, что Главное Общество не исполняло, не исполняетъ и не имѣетъ средствъ исполнить принятыхъ имъ на себя по финансовымъ условіямъ обязательствъ.

Не говоря уже о томъ, что Главное Общество по сооруженію Варшавской и Нижегородской линій и по выдачи гарантіи состоитъ въ долгу у Правительства, который къ концу 1877 года доходилъ до 122.354,762 руб. и увеличился въ теченіи 1877 года на 2.602,099 руб.; не говоря уже о томъ, что изъ доходовъ Николаевской дороги отчислена сумма въ 5.302,703 руб. на образованіе оборотнаго капитала дороги, отчисленіе котораго вовсе не вхо-

дило въ финансовыя условія Главнаго Общества; достаточно указать на статьи въ 5.513,825 руб. невыплаченныхъ обществомъ изъ числа причитавшихся Правительству доходовъ Николаевской дороги за прежнее время, чтобъ придти къ заключенію о нарушеніи Главнымъ Обществомъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Наконецъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что общество не имѣетъ возможности выполнить свое обязательство въ отношеніи Правительства за 1877 годъ. По балансу на 31 декабря 1877 года всѣхъ суммъ какъ наличныхъ такъ и по счетамъ всѣхъ дебиторовъ общества оно имѣетъ въ активѣ 10.487,922 руб., между тѣмъ по пассиву общества сумма всѣхъ обязательныхъ для общества платежей, а также капиталовъ съ спеціальнымъ назначеніемъ, которые должны быть всегда на лицо, доходитъ до 15.818,164 руб. Въ этой суммѣ мы не считаемъ вышеозначенной недоплаченной Правительству суммы изъ доходовъ Николаевской дороги въ 5.513,825 руб. На этомъ основаніи мы утверждаемъ, что у общества не имѣется средствъ выплатить Правительству его долю чистой прибыли за 1877 годъ, которая показана по отчету въ количествѣ болѣе 4 мил. руб. Если же принять въ соображеніе долгъ общества Правительству, возникшій вслѣдствіе удержанія обществомъ прибылей, приходящихся на долю Правительства по одной Николаевской дорогѣ, то окажется, что эта доля возрасла за время владѣнія дорогою Главнымъ Обществомъ до цифры 14.870,491 руб. Отсюда ясно что Главное Общество отнюдь не отличается *благоразумнымъ управленіемъ*, которое должно было принести ему выгоды. Слѣдовательно мы имѣли полное право сказать что Главное Общество не исполняло и не исполняетъ принятыхъ имъ по финансовымъ условіямъ обязательствъ, и затрачиваетъ суммы, слѣдующія Правительству на свои надобности.

Въ виду такого положенія дѣлъ, кажется очень страннымъ, что при передачѣ Николаевской дороги Главному Обществу не было и вопроса объ обезпеченіи исправнаго исполненія обязательствъ со стороны общества, тогда какъ при разсмотрѣніи условій московскаго товарищества вопросъ этотъ обращалъ на себя особенное вниманіе и товарищество предложило по собственному почину нѣсколько гарантій своей исправности. Такъ оно обезпечивало залогомъ въ 3.000,000 руб. образованіе своего складочнаго капитала, обязывалось вносить 50% валоваго сбора по мѣрѣ его поступленія въ сроки назначенные Правительствомъ и обезпечить этотъ взносъ залогомъ трехмѣсячнаго его количества. Тѣмъ не менѣе по разсмотрѣніи послѣдняго отзыва товарищества, которымъ оно соглашалось на всѣ

требованія Правительства и ходатайствовало только о разсрочкѣ взноса потребованныхъ Правительствомъ 10 мил. руб., на которые долженъ былъ увеличиться складочный капиталъ товарищества, Министерство Финансовъ, не внося вопроса на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія, сочло нужнымъ потребовать отъ товарищества новаго обезпеченія его состоятельности, соглашаясь при этомъ на извѣстную разсрочку взноса означенныхъ 10 мил. рублей. Въ предложеніи Министерства на имя уполномоченныхъ товарищества отъ 3 апрѣля 1868 года, заявлены слѣдующія измѣненія въ условіяхъ товарищества:

1) Сроки взносовъ изъ 10 мил. складочнаго капитала опредѣлены въ слѣдующемъ видѣ:

въ 1868 году	при сдачѣ дороги	1.000,000 руб.
„ 1869 „ 1870	по 250,000 руб. въ треть . . .	1.500,000 „
„ 1871 „ 1872 „ 1873 „ 1874 „ 1875	по 500,000 въ треть	7.500,000 „
	Итого . .	10.000,000 руб.

2) Въ обезпеченіе дѣйствительнаго исполненія обязательныхъ исправленій дороги товарищество обязывалось представить залогъ въ 2.000,000 руб. % бумагами, изъ которыхъ половина освобождалась по мѣрѣ исполненія всѣхъ принятыхъ обществомъ обязательствъ по устройству дороги, а другая оставалась до полнаго взноса 10 мил. руб.

3) Общество обязывалось внести на текущій счетъ въ сроки, указанные товариществомъ, всю сумму, потребную на приведеніе дороги въ исправное положеніе; деньги эти должны были расходоваться подъ надзоромъ Правительства единственно на предметъ назначенія.

4) Въ случаѣ неисправности общества и отобранія отъ него дороги, министерство нашло нужнымъ общія условія передачи дороги въ которыхъ опредѣляется способъ вознагражденія общества за вычетомъ его долговъ дополнить слѣдующимъ образомъ: „къ долгу общества Правительству причисляется: а) въ случаѣ нарушенія договора прежде окончанія исправленія дороги весь собранный обществомъ чистый доходъ, за исключеніемъ внесенныхъ имъ въ казну суммъ какъ по ежегоднымъ платежамъ въ 3.750,000 такъ и на дополнительномъ условленнымъ 10 мил. руб. и б) въ случаѣ нарушенія контракта послѣ окончанія помянутыхъ исправле-

ній, но до полнаго взноса условленныхъ 10 мил. руб. не внесенная еще правительству часть помянутыхъ 10 мил. руб. Изъ этого послѣдняго условія видно, что кромѣ обезпеченія своей исправности установленнымъ залогомъ, неисправность общества должна была вести за собою и потерю 10 мил. рублей изъ складочнаго капитала.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ условіяхъ Главнаго Общества: никакихъ гарантій и обязательствъ съ него не требовалось, напротивъ съ него снималась всякая обязанность реализаціи какихъ бы то ни было суммъ; ему представлялись всѣ средства для веденія дѣла, для исправленія дороги и для расторженія невыгоднаго контракта съ Уайненсомъ. Между тѣмъ отъ московскаго общества требовалось образованіе складочнаго капитала въ 25 мил.; обезпеченіе залогомъ въ 2.000,000 руб. своей исправности; взноса всей суммы на исправленіе дороги въ извѣстные сроки на текущій счетъ въ государственный банкъ; наконецъ потери не только залоговъ, но и суммы въ 10 мил. руб. въ случаѣ неисправности. Въ виду такихъ условій позволительно предложить вопросъ: неужели общество московскихъ капиталистовъ, къ которому принадлежали наиболѣе богатыя фирмы въ Москвѣ, — общество, обязавшееся составить складочный капиталъ въ 25 мил. руб. имѣло меньшее финансовое значеніе, нежели Главное Общество, которое было въ неоплатномъ долгу у Правительства, за который оно не только ни было въ состояніи уплачивать процентовъ, но постоянно пользовалось новыми субсидіями Правительства для платежа процентовъ по своему основному капиталу? По мнѣнію самого министерства финансовъ, на которое мы указывали вначалѣ нашей статьи, Главное Общество не имѣло никакого финансоваго значенія, почему же, спрашивается, теперь оно могло имѣть больше довѣрія, чѣмъ общество московскихъ капиталистовъ?

Но этого мало; здѣсь представляется много вопросовъ, отвѣчать на которые очень трудно; такъ напримѣръ: 1) почему министерству было необходимо требовать отъ московскаго товарищества увеличенія акціонернаго капитала и взноса 10 милліоновъ рублей разсроченныхъ на 8 лѣтъ, въ общей сложности по 1.260,000 руб. въ годъ и при томъ независимо отъ доходности дороги, а въ видѣ займа по 7% которые общество могло удерживать изъ суммы обязательныхъ платежей? 2) Зачѣмъ нуженъ былъ залогъ въ 2 мил. рублей, когда общество обязывалось внести сумму въ 10 милл. рублей, нужную для исправленія дороги на текущій счетъ въ государственный банкъ и обезпечивало это обязательство залогомъ въ

3 мил. рублей? 3) Неужели можно было серьезно думать, что передача Николаевской дороги обществу московскихъ капиталистовъ уничтожаетъ возможность новагó выпуска облигацій Николаевской дороги, которыя представляютъ собою обыкновенный государственный заемъ и ничего болѣе? Вглядываясь внимательно во всѣ эти вопросы, невольно приходишь въ недоумѣніе почему московскому обществу не были предложены тѣ же самыя условія, какъ и Главному Обществу и для чего нужна была такая разница въ условіяхъ? Если при уступкѣ Главному Обществу реализація капитала могла быть принята на себя Правительствомъ, то почему же это было невозможно при уступкѣ московскому товариществу, которое было гораздо состоятельнѣе, чѣмъ Главное Общество и принимало на себя приведеніе линіи въ исправное состояніе, чѣмъ облегчало задачу Правительства. Кромѣ того оно принимало на себя половину расходовъ по прекращенію контракта съ Уайненсомъ.

Тѣмъ не менѣе московское товарищество подчинилось и этимъ требованіямъ и въ отзывѣ своихъ уполномоченныхъ отъ 7 апрѣля 1868 года просило только о томъ, чтобъ взносъ первáго милліона рублей въ число 10 мил. руб. позволено было ему внести не при самой сдачѣ дороги, а въ теченіи 1868 года, обусловливая эту просьбу тѣмъ, что первые взносы необходимы для выдачи задатковъ по подрядамъ и заказамъ, и за тѣмъ о возвратѣ всего залога по приведеніи линіи въ порядокъ, такъ какъ это исправленіе и сдѣланные уже Правительству къ тому времени взносы будутъ достаточно вѣрнымъ ручательствомъ за исправность общества. Эти послѣднія оговорки такъ незначительны, что ни въ какомъ случаѣ не могли служить препятствіемъ для принятія предложеній товарищества, которое соглашаясь на всѣ существенныя условія, предложенныя ему самимъ правительствомъ, повидимому имѣло право разсчитывать на успѣхъ.

Въ такомъ видѣ всѣ предложенія соискателей были внесены въ соединенное присутствіе особаго комитета совмѣстно съ комитетомъ финансовъ. Предложеніе г. Полякова, какъ основанное на увеличеніи правительственной гарантіи и слѣдовательно на излишнемъ выпускѣ бумагъ, было отклонено единогласно. Точно также единогласно было отклонено и предложеніе г. Уайненса. Но въ этомъ отношеніи приведенные мотивы, какъ намъ кажется, не выдерживаютъ критики. Существеннымъ возраженіемъ противъ этого предложенія послужило, во-первыхъ то, что акціонерный капиталъ общества былъ опредѣленъ номинально въ 15.625,000 руб. металлическихъ, дѣйствительный же капиталъ общества за уступкою при

подпискѣ 17 руб. на акцію въ 125 руб. оказывался въ $13^{1}/_{2}$ мил. руб. метал., между тѣмъ общество принимало на себя обязательство употребить на приведеніе дороги въ порядокъ всего 11.500,000 р. металическихъ, слѣдовательно въ пользу общества могло оставаться значительное сбереженіе. Такое мнѣніе едва ли основательно, такъ какъ общество, чтобъ вести такое дѣло, какъ эксплуатація Николаевской дороги, необходимо должно было имѣть запасныя средства въ видѣ оборотнаго капитала, помимо того имущества и запасовъ, которые оно могло получить отъ Правительства вмѣстѣ съ передачей ему дороги, и сумма въ два милліона руб. метал. для этой цѣли вовсе не представляется преувеличенной, тѣмъ болѣе, что послѣдующій опытъ показалъ, что Главному Обществу для этой цѣли потребовалось болѣе пяти милліоновъ руб. кредитныхъ. Другимъ возраженіемъ противъ принятія этого предложенія послужило отношеніе акціонернаго капитала къ облигаціонному, такъ какъ сумма выпущенныхъ въ 1867 г. облигацій вмѣстѣ съ суммою новаго выпуска на платежъ по которымъ процентовъ и погашенія Уайненсъ предлагалъ ежегодный взносъ 2.047,026 руб. метал. превосходилъ бы въ 7 или 8 разъ сумму акціонернаго капитала, что совершенно несогласно съ принятымъ вообще правиломъ и по мнѣнію Министерства Финансовъ не могло быть допускаемо. Такъ какъ мы уже неоднократно говорили, что облигаціи Николаевской желѣзной дороги 1867 и 1869 годовъ выпущены за счетъ Государственнаго Казначейства, и платежъ на нихъ процентовъ вносится въ государственную роспись наравнѣ съ другими государственными займами, то подобное возраженіе представляется совершенно фиктивнымъ. Сравнивая же финансовыя условія этого предложенія съ условіями Главнаго Общества нельзя не замѣтить, что предложенія г. Уайненса были гораздо выгоднѣе. Прежде всего оказывается, что Правительство при реализаціи новаго выпуска облигацій какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получало одинаковую сумму. Хотя по предложенію Уайненса оно получило бы 30 мил. метал., а по предложенію Главнаго Общества 41 мил. (принимая условія займа 1867 года); но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ Правительство обязывалось отпустить Главному Обществу на приведеніе дороги въ порядокъ 13.250,000 руб. кредитныхъ, что по тогдашнему курсу составляло тѣже 11 мил. метал., то въ этомъ отношеніи разницы между двумя предложеніями нѣтъ никакой и сумма испрашиваемой гарантіи чистаго дохода была также одинакова съ 6 мил. руб. металическихъ. Но на сторонѣ г. Уайненса было то преимущество, что въ случаѣ приплаты Правительствомъ гарантированнаго

дохода сумма эта возвращается изъ первыхъ избытковъ чистаго дохода сверхъ 6 мил. руб. метал., тогда какъ по условіямъ Главнаго Общества эта приплата возврату Правительству не подлежитъ. Затѣмъ Уайненсъ предлагалъ въ первые 15 лѣтъ изъ избытка чистаго дохода сверхъ 6 мил. метал. въ пользу Правительства только 30%, а въ послѣдніе 69 лѣтъ 70%, тогда какъ Главное Общество предлагало изъ означеннаго избытка 75% до тѣхъ поръ, пока существуетъ приплата по гарантіи дохода Варшавской и Николаевской дорогъ, а затѣмъ половину. Если такимъ образомъ Главное Общество предлагало болѣе выгодныя условія на первое время, то эта невыгода въ предложеніи Уайненса выкупалась гораздо большими выгодами впослѣдствіи, такъ что, не принимая въ соображеніе дальнѣйшаго увеличенія доходности дороги на прошествіи первыхъ 15 лѣтъ, общая сумма платежей Уайненса въ теченіи всего срока концессіи была бы слишкомъ вдвое болѣе въ сравненіи съ суммою платежей Главнаго Общества. Но самая существенная выгода для даннаго момента состояла въ томъ, что г. Уайненсъ отказывался отъ всякаго вознагражденія за расторженія его контракта по ремонту подвижнаго состава въ случаѣ принятія его предложеній. Чтобъ вполнѣ оцѣнить значеніе этого обстоятельства мы должны сказать, что по условію о расторженіи этого контракта съ 1 октября 1869 года, т. е. за два и 9 мѣсяцевъ до наступленія срока, въ который Правительство имѣло право нарушить контрактъ, заплачено г. Уайненсу неустойки 5.500,000 руб. и сверхъ того Главное Общество принуждено было принять отъ него запасныхъ частей и разнаго имущества, на сумму въ 1.500,000 руб., между тѣмъ какъ все это имущество, какъ показывалъ впослѣдствіи совѣтъ Главнаго Общества, состояло изъ вещей почти вовсе ему ненужныхъ. Если къ этому прибавить, что вслѣдствіе непринятія предложеній г. Уайненса, прекращеніе дѣйствія контракта его на ремонтъ подвижнаго состава замедлилось слишкомъ на годъ и что въ это время переплачено ему излишнихъ по крайней мѣрѣ 2 мил. рублей, то вся потеря отъ непринятія его предложенія можетъ считаться въ 9 мил. рублей.

На этомъ основаніи, намъ кажется, что главный мотивъ отклоненія предложеній г. Уайненса состоялъ не въ томъ, что эти предложенія были невыгодны, а въ томъ, что Правительство не желало входить съ г. Уайненсомъ въ новыя обязательства. Въ журналѣ соединеннаго присутствія есть на это указаніе: «*неудовлетворительное отношеніе*, говорится въ немъ, *чистаго дохода къ валовому на Николаевской дорогѣ въ прямой зависимости отъ подвижнаго*

состава, построеннаго Уайненсомъ на Александровскомъ заводѣ и тяжкихъ условій ремонта» затѣмъ далѣе сказано: *«нельзя не обратить особеннаго вниманія на прежнія и настоящія отношенія Уайненса къ Николаевской дорогѣ: послѣ столь продолжительнаго опыта и тяжкихъ для Государства потерь, едва ли можно подвергнуть Николаевскую дорогу на 84 года американской системѣ эксплоатаціи».*

Замѣтимъ мимоходомъ, что выраженіе „американская система эксплоатаціи“ едва ли удачно, такъ какъ оба контракта съ Уайненсомъ заключены у насъ въ Россіи и строго говоря не могутъ быть названы американской системой эксплоатаціи. Если они и представляютъ собою какую либо систему эксплоатаціи то чисто русскую, тѣмъ болѣе, что конечно ни въ западной Европѣ, ни въ Америкѣ такія условія были бы невозможны по многимъ причинамъ. Во всякомъ случаѣ, мы вполнѣ понимаемъ нежеланіе членовъ соединеннаго присутствія вступать въ новые договоры съ г. Уайненсомъ, который такъ хорошо умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Но дѣло въ томъ, что при всемъ желаніи не имѣть съ г. Уайненсомъ дѣла, Правительство не достигло своей цѣли. Девять милліоновъ рублей, полученныхъ г. Уайненсомъ за расторженіе контракта и за ремонтъ подвижнаго состава въ 1869 году дали ему возможность сдѣлаться главнымъ акціонеромъ Главнаго Общества и прибрать къ своимъ рукамъ не только Николаевскую, но и остальныя дороги Главнаго Общества. Отдѣлаться отъ г. Уайненса Правительство могло только въ томъ случаѣ, еслибъ передало дорогу московскому товариществу и всего вѣрнѣе не заставляя его увеличивать акціонерный капиталъ, взносъ котораго былъ распредѣленъ между товарищами. Вслѣдствіе этого для г. Уайненса было бы невозможно войти въ это товарищество или получить въ средѣ его какое либо значеніе. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представлялось дѣло когда дорога переходила въ руки Главнаго Общества, акціи котораго на сумму въ 75 мил. руб. находились въ свободномъ обращеніи на всѣхъ европейскихъ биржахъ и стояли въ то время гораздо ниже своей номинальной цѣны. Скупить ихъ на 9 милліоновъ рублей въ однѣ руки, — это значило завладѣть вполнѣ всѣми дѣлами Главнаго Общества. Помѣшать подобному предпріятію Правительство не могло и можно сказать съ увѣренностію, что оно его не предвидѣло, — хотя въ обществѣ въ то время, насколько мы можемъ припомнить, передавались слухи, что г. Уайненсъ даже и не скрывалъ своихъ намѣреній и прямо говорилъ, что если

Николаевская дорога не будетъ ему сдана, то онъ будетъ владѣльцемъ всѣхъ дорогъ Главнаго Общества.

При дальнѣйшемъ сравненіи предложеній Главнаго Общества и московскаго товарищества голоса членовъ соединеннаго присутствія раздѣлились. Шесть членовъ высказались за передачу Николаевской дороги московскому товариществу, а восемь членовъ за передачу ея Главному Обществу. Первые находили, что московское товарищество при наличномъ капиталѣ въ 25 мил. руб. могло пользоваться гораздо большимъ кредитомъ, чѣмъ Главное Общество, обремененное значительнымъ долгомъ Правительству. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Все имущество Главнаго Общества состояло изъ двухъ линій въ 1617 верстъ длиною, которыя, не получая еще въ то время гарантированной суммы дохода, представляли собою цѣнность только по стоимости сооруженія, что не могло превышать 50,000 руб. метал. за версту, или по тогдашнему курсу около 58,000 кредитныхъ всего 93.786,000 руб., вычитая изъ этой суммы облигаціонный капиталъ общества, составлявшій въ то время 37.359,625 руб. метал. или 43.315,507 рублей кредитныхъ оказывается, что принадлежащее акціонерамъ имущество представляло цѣнность не болѣе 50 мил. руб., между тѣмъ какъ видно изъ записки о положеніи дѣлъ общества представленной въ Министерство Финансовъ въ то время, долгъ общества Правительству доходилъ уже до 71.193,190 рублей, не считая процентовъ. Если же исключить долгъ по выдачѣ гарантіи дохода, и принять лишь долгъ на сооруженіе дорогъ, то онъ равнялся 39.598,586 руб. слѣдовательно акціонернаго капитала въ дѣйствительномъ имуществѣ общества состояло только съ небольшимъ 10 мил. руб. Отсюда ясно, что номинальная цифра акціонернаго капитала была чисто фиктивная: она была затрачена во время сооруженія дороги совершенно непроизводительнымъ образомъ.

Главные доводы меньшинства за передачу дороги московскому товариществу состояли въ томъ, что платежи его были для него обязательны и обезпечивались особыми залогами, а устройство дороги производилось на средства товарищества, тогда какъ Главное Общество, не затрачивая никакихъ средствъ, обязывалось платить условленную сумму лишь въ той мѣрѣ, насколько позволитъ это чистый доходъ отъ Николаевской дороги. Кромѣ того меньшинство полагало, что новый выпускъ облигацій въ размѣрѣ какой признанъ будетъ нужнымъ возможенъ при передачѣ дороги и московскому товарище-

ству, такъ какъ платежъ процентовъ по этимъ облигаціямъ вполнѣ обезпечивается доходомъ.

Что же касается мнѣнія большинства, то оно преимущественно основывалось на необходимости соразмѣрять цифру облигаціоннаго капитала съ акціонернымъ и, не обращая вниманія на фиктивность акціонернаго капитала Главнаго Общества, въ сущности составлявшаго не болѣе 10 мил. руб., совпадало съ мнѣніемъ Министерства Финансовъ состоявшаго въ томъ, что при предоставленіи Николаевской дороги Главному Обществу, возможенъ новый выпускъ облигацій, при уступкѣ же московскому товариществу такого выпуска допущено быть не можетъ. Затѣмъ большинство полагало, что подобная уступка улучшитъ доходность другихъ дорогъ общества и тѣмъ облегчитъ, а впослѣдствіи и вовсе прекратитъ доплаты по гарантіи дохода этихъ дорогъ. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что доходность дорогъ главнымъ образомъ зависитъ отъ развитія сѣти и количества примыкающихъ путей, а соединеніе въ одномъ управленіи нѣсколькихъ дорогъ составляетъ очень незначительную экономію, которую принимать въ соображеніе при подобной операціи едва ли возможно. Въ числѣ доводовъ большинства приводилось и то обстоятельство, что какъ бы ни улучшилась отъ подобной передачи доходность другихъ дорогъ, но ожидать, чтобы означенныя дороги въ ближайшемъ будущемъ стали приносить доходъ выше гарантированнаго положительно невозможно, а вслѣдствіе этого и предположеніе о томъ, что въ близкомъ будущемъ Главное Общество будетъ получать половину избытка доходовъ невѣроятно. „Изъ объясненій представителей Главнаго Общества, сказано въ мнѣніи большинства, видно, что они сами въ этомъ такъ убѣждены, что не встрѣтятъ конечно препятствія обязаться передавать въ казну $^3/_4$ излишка чистаго дохода въ первые 10 лѣтъ, даже если бы приплаты по гарантіи, сверхъ всякаго ожиданія и прекратились ранѣе. „Въ этомъ предположеніи большинство не ошиблось, но только вполовину: представители Главнаго Общества дѣйствительно согласились вносить Правительству въ теченіи 10 лѣтъ $^3/_4$ избытка доходовъ, но приплата гарантіи продолжилось только до 1873 года. Отсюда прямо видно на сколько правильны были вообще заключенія большинства о будущемъ положеніи желѣзныхъ дорогъ. Никто не предусматривалъ ни указаннаго нами обстоятельства, ни возвышенія валоваго сбора Николаевской дороги до 26 мил. руб. Замѣчательно также мнѣніе большинства о тѣхъ гарантіяхъ, которыя предлагало московское общество для обезпеченія исправнаго исполненія принимаемыхъ имъ обязательствъ, „что ка-

сается до обязательнаго отношенія чистаго дохода къ валовому, говорится въ означенномъ мнѣніи, то нельзя терять изъ виду, что если главное общество не достигнетъ въ эксплуатаціи тѣхъ результатовъ, которыхъ оно въ правѣ ожидать, то точно также могутъ не оправдаться и ожидаемыя выгоды московскими предлагателями отъ эксплоатаціи Николаевской дороги, а еслибъ тѣ или другіе не выручили бы изъ доходовъ суммъ, которыя они обязаны уплачивать Правительству, то Правительство не получитъ ихъ ни съ тѣхъ, ни съ другихъ, ибо ни у общества, ни у товарищества нѣтъ никакихъ средствъ кромѣ тѣхъ, которые они могутъ выручить съ дороги. Залоги же въ дѣлѣ столь огромномъ не имѣютъ значенія".

На такія соображенія мы позволимъ себѣ замѣтить, что если держаться подобнаго взгляда, который до извѣстной степени имѣетъ свое основаніе, и проводить его послѣдовательно на практикѣ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало передавать желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ, такъ какъ это значило бы предоставлять обществамъ всѣ выгоды въ случаѣ успѣха и принимать на счетъ Правительства всѣ убытки въ случаѣ противуположномъ. Затѣмъ, если это мнѣніе и имѣетъ основаніе въ томъ случаѣ, когда дорога дѣйствительно не можетъ приносить дохода, то рѣшительно не приложима къ Николаевской дорогѣ, которая по количеству валоваго дохода даже въ моментъ передачи была одною изъ первыхъ дорогъ въ мірѣ, а по удобствамъ эксплуатаціи не имѣла себѣ подобныхъ. На этомъ основаніи неполученіе ожидаемыхъ выгодъ могло произойти только отъ нерасчетливой траты доходовъ, что при условіи московскаго товарищества—взносить 50% всѣхъ сборовъ по мѣрѣ ихъ поступленія, съ обезпеченіемъ этого поступленія залогомъ за три мѣсяца впередъ,—ожидать было нельзя; точно также при этомъ условіи невозможно было предположить и другаго возможнаго, какъ показалъ опытъ, случая, что товарищество, получивъ достаточный для исполненія всѣхъ своихъ обязательствъ доходъ, удержало бы его въ своихъ кассахъ и употребило бы на свои нужды, такъ какъ весь избытокъ доходовъ находился бы въ распоряженіи Правительства. Товарищество могло только удержать доходы лишь за три мѣсяца, но Правительство могло получить ихъ изъ залоговъ и, въ виду нарушенія контракта, отобрать дорогу въ свое вѣдѣніе. Подобнаго случая предположить было невозможно, такъ какъ потери общества при этомъ были бы громадны, между тѣмъ какъ Правительство не теряло бы ничего.

Ко всему этому необходимо прибавить, что приведенный нами

взглядъ большинства соединеннаго присутствія на обязательства частныхъ обществъ въ отношеніи Правительства можетъ подрывать въ умахъ людей убѣжденіе о необходимости строгаго исполненія принятыхъ на себя передъ казною обязательствъ, можетъ дать поводъ думать, что Правительство всегда будетъ снисходительно къ своимъ контрагентамъ, а при такой снисходительности всегда можно найти достаточныя причины для оправданія неисполненія договоровъ. Вглядываясь ближе въ условія нашего казеннаго хозяйства вообще и желѣзнодорожнаго въ особенности, невольно приходишь къ заключенію, что такое убѣжденіе дѣйствительно существуетъ между нашими капиталистами.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, которое изъ двухъ обществъ заслуживало наибольшаго кредита, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ меньшинства. При этомъ мы позволимъ себѣ напомнить читателю балансъ Главнаго Общества на 31-е декабря 1878 года, по которому оно состоитъ должнымъ Правительству около 15 мил. руб. изъ доходовъ Николаевской дороги. Такое положеніе дѣлъ, какъ намъ кажется есть прямое слѣдствіе того, что Главное Общество, принимая Николаевскую дорогу, не могло представить никакого обезпеченія исправнаго исполненія своихъ обязательствъ, кромѣ своего фиктивнаго акціонернаго капитала. Смѣло можно сказать, что никогда не могло бы произойти такой задолженности, если бы дорога была передана московскому товариществу. Не имѣя никакихъ другихъ отношеній къ правительству и получая достаточный доходъ для точнаго исполненія своихъ обязательствъ, оно не могло имѣть никакихъ основаній, а по условіямъ взноса, и средствъ задерживать суммы, слѣдующія Правительству. Кромѣ того Правительству было гораздо удобнѣе требовать отъ товарищества буквальнаго исполненія договора, а въ случаѣ его нарушенія приступить къ отобранію дороги. Правительство при этомъ нисколько не теряло, а могло бы только выиграть, такъ какъ возрастающая доходность дороги могла возвысить арендную плату при передачѣ ея въ другія руки. Тутъ могло пострадать только товарищество, а потому оно никогда бы не рѣшилось нарушить договоръ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находилось Правительство по отношенію къ Главному Обществу. Здѣсь помимо договора на Николаевскую дорогу существовали извѣстныя отношенія по прежнимъ дорогамъ Главнаго Общества и огромный долгъ послѣдняго не только по гарантіи, но и по ссудамъ на окончаніе линій. Развивающееся движеніе по этимъ линіямъ требовало новыхъ затратъ на увеличеніе подвижнаго состава, на расширеніе станцій и

устройство запасныхъ путей, а Главное Общество не имѣло наличныхъ средствъ и ни какого кредита, ни внутренняго, ни внѣшняго. Такимъ образомъ доходы Николаевской дороги представляли для Главнаго Общества единственный источникъ, изъ котораго оно черпало средства для покрытія своихъ нуждъ и Правительство по необходимости должно было смотрѣть на подобныя заимствованія сквозь пальцы, чтобъ не привести общество къ совершенной несостоятельности. Хотя подобнымъ отношеніемъ къ обществу врядъ ли можно привести дѣла его въ порядокъ и оно запутывается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, но до сихъ поръ это вовсе не замѣчалось и, въ виду возрастающаго дивиденда по акціямъ, послѣднія возрастаютъ до цѣнъ невѣроятныхъ. Но, конечно, дѣло такъ продолжаться не можетъ. Когда нибудь нужно же будетъ потребовать отъ Главнаго Общества строгаго исполненія принятыхъ имъ обязательствъ и возвращенія суммъ, затраченныхъ изъ доходовъ Николаевской дороги.

При этомъ мы должны указать еще на одно обстоятельство: судя по послѣднему отчету Главнаго Общества, оно въ послѣдніе четыре года истратило изъ доходовъ эксплуатаціи на новыя работы и увеличеніе подвижнаго состава, т. е. на расходы вовсе не относящіеся къ расходамъ эксплуатаціи всего 7.377,272 р. 16 коп., изъ которыхъ необходимо отнести къ долгу общества Правительству по крайней мѣрѣ 75%, т. е. ту долю чистой выгоды, которая принадлежитъ Правительству по финансовымъ условіямъ передачи. Сумма эта будетъ составлять 5.532,954 руб. Такимъ образомъ, весь долгъ общества правительству по Николаевской дорогѣ составитъ болѣе 20 мил. рублей.

Намъ могутъ возразить, что увеличеніе движенія необходимо требовало подобныхъ расходовъ, а общество не имѣло никакихъ другихъ средствъ въ своемъ распоряженіи кромѣ доходовъ Николаевской дороги; Правительству-же неубыточно пожертвовать частію своего дохода для возвышенія доходности дороги въ будущемъ. Но такое возраженіе не выдерживаетъ критики съ юридической точки зрѣнія, которая только и должна приниматься въ соображеніе при разрѣшеніи вопроса о договорѣ. По общимъ условіямъ передачи дороги, общество обязалось поддерживать на ней движеніе сообразно возникающимъ требованіямъ и не допуская остановки, а по финансовымъ условіямъ выговорило пособіе въ 13.250,000 руб. на приведеніе дороги въ порядокъ и на увеличеніе подвижнаго состава въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ. Никакихъ другихъ пособій ни прямо отъ казны, ни изъ доходовъ

дороги въ теченіи договорнаго срока общество себѣ не выговаривало, а потому всѣ новыя работы по расширенію станцій и увеличенію количества подвижнаго состава должно было дѣлать на свои средства безъ всякаго содѣйствія Правительства. Что же касается того обстоятельства, что Главное Общество не имѣло для этаго никакихъ средствъ, то это невѣрно. Когда акціи общества стоятъ гораздо выше номинальной ихъ цѣны, тогда не можетъ быть и рѣчи о недостаткѣ средствъ: общество можетъ сдѣлать новый выпускъ акцій и конечно охотники на пріобрѣтеніе ихъ всегда найдутся. Конечно такой выпускъ понизилъ бы до извѣстной степени биржевую ихъ цѣну, но Правительству до этого, конечно, не можетъ быть никакого дѣла, такъ какъ оно не обязывалось поддерживать биржевую цѣну акцій. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, конечно, Правительство могло бы выдать обществу ссуду, но это уже другой вопросъ и можетъ быть разрѣшенъ утвердительно только въ томъ случаѣ, когда Правительство не нуждается въ средствахъ на другія болѣе настоятельныя потребности, чѣмъ поддерживаніе биржевой цѣны акцій главнаго общества. Въ такомъ ли положеніи наше Государственное Казначейство, чтобъ оказывать содѣйствіе главному обществу въ исполненіи безусловно принятыхъ имъ на себя обязанностей — это мы предоставляемъ судить читателю. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сдѣлать только одно замѣчаніе: когда по взысканію податныхъ недоимокъ употребляются строгія мѣропріятія и практикуется даже продажа крестьянскаго скота, то казалось бы вовсе не своевременнымъ отсрочивать Главному Обществу взносъ срочныхъ платежей въ 15 или даже 20 мил. рублей.

Изъ всего вышеизложеннаго не должно выводить заключеніе, что мы находимъ предложенія Московскаго товарищества выгодными. Принимая въ соображеніе, что эти предложенія дѣлались на 84 года, мы признаемъ ихъ также раззорительными для Государственнаго Казначейства какъ и предложенія Главнаго Общества; такъ какъ по истеченіи 10-лѣтняго срока условія обоихъ соискателей почти одинаковы. Если мы отдавали преимущество предложенію московскаго товарищества, то только потому что оно не требовало новыхъ пожертвованій отъ Правительства въ первое время и представляло извѣстныя гарантіи въ вѣрности исполненія своихъ обязательствъ, — гарантіи какъ матерьяльныя, такъ и нравственныя: первыя состояли въ залогахъ и въ условіи взноса половины доходовъ по мѣрѣ ихъ поступленія, вторыя въ личномъ составѣ товарищей, которые большею частію

были сами заинтересованы въ правильной эксплуатаціи Николаевской дороги. Ничего подобнаго не представляло Главное Общество и по его финансовой несостоятельности не трудно было предполагать, что поступающіе доходы не будутъ слѣдовать своему назначенію, а для оправданія такой ихъ затраты всегда найдутся достаточныя причины. Практика подтверждаетъ наши слова какъ нельзя болѣе. Поэтому условія московскаго товарищества мы признаемъ болѣе выгодными только въ сравненіи съ условіями Главнаго Общества; но въ виду результатовъ движенія по Николаевской дорогѣ и возвышенія ея валоваго дохода до цифры 26 мил. руб., которая, какъ намъ кажется, все-таки не достигла своего высшаго предѣла, а съ другой стороны, въ виду возможности увеличенія чистаго дохода вслѣдствіе благоразумной экономіи, и удешевленія расходовъ эксплоатаціи, мы считаемъ эти условія весьма невыгодными на будущее время и въ особенности на столь продолжительный срокъ. По всей вѣроятности съ развитіемъ промышленности количество грузовъ, перевозимыхъ по высокому тарифу, будетъ постоянно увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастать и чистый доходъ дороги. Но опредѣлить заранѣе степень и время такого возрастанія, человѣческій умъ не въ состояніи, и мы думаемъ, что частное общество, принимая на себя эксплоатацію дороги, можетъ предложить только такія условія, которыя оправдываются существующимъ положеніемъ дѣлъ. На этомъ основаніи, обсуждая условія передачи эксплоатаціи дороги частному обществу можно говорить о выгодности или невыгодности ихъ только по отношенію къ ближайшему будущему; всякія же условія на отдаленный срокъ будутъ всегда невыгодны для Правительства. Другими словами мы стоимъ за контракты краткосрочные не болѣе какъ на 10 или 12 лѣтъ; но ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться, чтобы предоставленіе желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ на продолжительные сроки было выгодно; не считаемъ даже, чтобы нынѣшнее поколѣніе государственныхъ людей имѣло право стѣснять свободу будущихъ дѣятелей, такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить, въ какихъ обстоятельствахъ и при какомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ придется дѣйствовать послѣднимъ.

Послѣ этого отступленія возвратимся къ изложенію нашего предмета. 17 мая 1868 года результаты совѣщаній особаго присутствія соединенныхъ комитетовъ были внесены на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ тоже время отъ совѣта Главнаго Общества и московскаго товарищества поступили

новыя заявленія, изъ которыхъ первый въ виду выраженныхъ въ соединенномъ присутствіи мнѣній, что 6 мил. метал. руб обязательныхъ для общества платежей по существовавшему курсу представляютъ сумму менѣе 7 мил. руб. кредитныхъ, обязывался взносить ежегодно сумму въ 7.200,000 руб. кредитныхъ и предоставлялъ Правительству сверхъ того $^{3}/_{4}$ чистой прибыли въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ, хотя бы чистый доходъ другихъ дорогъ общества и покрывалъ дарованную имъ гарантію. Конечно, обязательство взносить 7.200,000 руб. кредитныхъ, вмѣсто 6 мил. руб. металлическихъ, для того времени было выгодно для Правительства, но принимая въ соображеніе то обстоятельство, что при исключительно бумажномъ денежномъ обращеніи никогда нельзя поручиться, что курсъ удержится въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, принятіе такого предположенія едва ли можно назвать осторожнымъ. Съ своей стороны, московское товарищество при 25 мил. валоваго сбора, соглашалось принять низшею нормою расходовъ на эксплоатацію не 45, а 40% валоваго сбора, удерживать 7% съ суммы внесенной имъ въ уплату 10 мил. руб. не на все время уступки дороги, а только на первые 26 лѣтъ и наконецъ обязывалось внести на текущій счетъ въ Государственный Банкъ всю ту сумму, которая потребуется на устройство дороги въ размѣрахъ, указанныхъ Правительствомъ, хотя бы для этого нужна была сумма, превышающая ихъ складочный капиталъ.

По разсмотрѣніи всего дѣла въ Комитетѣ Министровъ 28 мая 1868 года были сдѣланы нѣкоторыя незначительныя поправки въ общихъ условіяхъ передачи дороги, а затѣмъ по вопросу о томъ, кому изъ двухъ соискателей должна быть предоставлена дорога, произошло разногласіе, причемъ семь членовъ находили условія Главнаго Общества болѣе выгодными, а предсѣдатель и тринадцать членовъ отдавали преимущество московскому товариществу. По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 6-й день іюня 1868 года, дѣло это подвергнуто новому разсмотрѣнію въ засѣданіи совѣта министровъ. 8 іюня 1868 года, условія уступки Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ были признаны болѣе соотвѣтствующими видамъ государственнаго хозяйства и предположенной цѣли образованія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго исключительно на довершеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вслѣдствіе сего Николаевская дорога и поступила въ вѣдѣніе Главнаго Общества съ 1 сентября 1868 года.

Въ заключеніе всей исторіи передачи этой дороги въ вѣдѣніе

частнаго общества намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ переговорахъ, которые происходили съ г. Уайненсомъ о расторженіи заключеннаго съ нимъ контракта на ремонтъ подвижнаго состава, о новомъ дополнительномъ выпускѣ облигацій и наконецъ о заключеніи формальнаго договора съ Главнымъ Обществомъ по эксплоатаціи Николаевской дороги на основаніи утвержденныхъ общихъ и частныхъ финансовыхъ условій, принятыхъ и предложенныхъ обществомъ.

Что касается до переговоровъ съ г. Уайненсомъ, то они замѣчательны въ томъ отношеніи, что продолжались болѣе года и были ведены со стороны правительственныхъ органовъ безъ энергіи. Получивъ извѣщеніе объ утвержденіи дороги за Главнымъ Обществомъ г. Уайненсъ отказался входить съ совѣтомъ его въ какія либо сношенія, отрицая всякое право Правительства на передачу правъ собственности на дорогу кому либо въ продолженіи заключеннаго съ нимъ контракта, безъ его на то согласія. Точно также онъ отрицалъ и право Правительства на расторженіе заключеннаго съ нимъ договора безъ его согласія,—расторженіе, выговоренное въ финансовыхъ условіяхъ Главнаго Общества.

Анализируя эти вопросы съ юридической точки зрѣнія необходимо замѣтить, что право собственности, вытекающее изъ договора, выражается въ томъ же свободномъ распоряженіи собственностію, какъ и всякое другое. Слѣдовательно одна изъ договаривающихся сторонъ можетъ всегда передать свое право другому лицу, возложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ на это лицо и свои обязанности, связанныя съ этимъ правомъ. Единственное право, которое принадлежитъ въ этомъ случаѣ другой договаривающейся сторонѣ, это требовать вознагражденія убытковъ, происшедшихъ отъ такой передачи. Всякое ограниченіе права передачи исполненія договора другому лицу для того, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно быть оговорено въ самомъ договорѣ, право же на передачу присуще каждой сторонѣ, по самому свойству права свободнаго распоряженія имуществомъ, разумѣется подъ своей отвѣтственностію за точное исполненіе договора новымъ контрагентомъ. Прилагая эти общія понятія къ данному случаю оказывается, что Правительство имѣло полное право возложить на Главное Общество исполненіе контракта съ г. Уайненсомъ, а послѣдній могъ сохранить за собою право иска съ Правительства въ случаѣ нарушенія договора Главнымъ Обществомъ; но онъ не имѣлъ никакого права утверждать, что для подобной сдѣлки нужно его согласіе, такъ какъ Правительство не выговорило себѣ этого права по контракту съ нимъ

заключенному. Переходя затѣмъ къ вопросу о правѣ Правительства на расторженіе контракта съ г. Уайненсомъ, необходимо принять въ соображеніе, что никакой договоръ не даетъ безусловнаго права требовать непремѣннаго его исполненія; онъ даетъ только право въ случаѣ нарушенія его противной стороной требовать вознагражденія убытковъ, которые должны быть доказаны судебнымъ порядкомъ, — или же право взысканія неустойки, если таковая опредѣлена по договору. На этомъ основаніи Правительство, если оно находило, что договоръ съ г. Уайненсомъ не выгоденъ, имѣло полное право отказаться отъ его исполненія во всякое время, предоставляя г. Уайненсу право доказывать свои убытки судебнымъ порядкомъ. Еслибъ въ основаніе переговоровъ съ г. Уайненсомъ были положены вышеизложенныя соображенія, то нѣтъ сомнѣнія, что его требованія сократились бы значительно. Между тѣмъ, мы не видимъ, чтобы вопросъ о расторженіи съ нимъ контракта былъ поставленъ со стороны Правительства на почву чисто юридическую. Сдѣланныя ему заявленія имѣютъ видъ голословныхъ утвержденій о правѣ Правительства на передачу дороги и предложеній не найдетъ ли онъ для себя выгоднымъ прекратить дѣйствіе контракта при уплатѣ ему извѣстнаго вознагражденія. Намъ кажется, что для органовъ правительственной власти болѣе энергическій образъ дѣйствія былъ тѣмъ болѣе обязателенъ, что нравственное право было всецѣло на сторонѣ Правительства. Никто, конечно, не будетъ спорить противъ того, что условія г. Уайненса могли быть приняты только по неопытности и незнакомству съ дѣломъ со стороны лицъ, заключавшихъ договоръ, что г. Уайненсъ, такъ сказать, обошелъ этихъ лицъ, отвелъ имъ глаза и воспользовался такимъ положеніемъ дѣла. Никто, конечно, не будетъ спорить и противъ того, что сдѣланныя имъ затраты, конечно, не превышали полутора милліона рублей, полученныхъ имъ за запасныя вещи и устроенныя машины и что ему не легко было бы доказать передъ судомъ существованіе убытковъ въ размѣрѣ даже четвертой части полученнаго имъ вознагражденія. Стало быть вознагражденіе, имъ полученное, было возмѣщеніе не убытковъ его, а недополученныхъ имъ барышей отъ договора, заключеннаго при обстоятельствахъ не благовидныхъ. Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ, энергическій образъ дѣйствій и категорическая постановка вопроса для правительственныхъ органовъ власти были не только возможны, но и обязательны; между тѣмъ во всѣхъ переговорахъ, веденныхъ по этому предмету, замѣтна шаткость и нерѣшительность со стороны

правительственныхъ лицъ и изощреніе казуистики со стороны опытнаго антрепренера.

Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ было продленіе дѣйствія контракта до 1-го Октября 1869-го года и уплата г. Уайненсу 5,500.000 руб. вознагражденія за расторженіе контракта и 1,500,000 руб. за запасныя части и постановленныя имъ машины. Уплата послѣдней суммы, какъ оказалось впослѣдствіи по донесеніямъ совѣта Главнаго Общества, была операціей весьма невыгодной, такъ какъ огромное большинство этихъ запасныхъ частей вышли изъ употребленія и представляли собою не болѣе какъ вещи, годныя въ ломъ.

Такое соглашеніе потребовало и новыхъ условій съ Главнымъ Обществомъ для погашенія выданныхъ г. Уайненсу суммъ. Вслѣдствіе сего раздѣлъ чистаго дохода между Правительствомъ и обществомъ установился на слѣдующихъ условіяхъ. За уплатою процентовъ на облигаціи въ суммѣ 7,200.000 руб. кредитныхъ, предположило отчислять 1,600.000 руб., изъ которыхъ 75% поступаютъ Правительству, а 25% въ дивидендъ общества. За тѣмъ весь избытокъ поступаетъ въ возмѣщеніе суммъ, выплаченныхъ Правительствомъ Уайненсу до полнаго ихъ погашенія; по уплатѣ же этихъ денегъ изъ чистой прибыли 75% слѣдуетъ Правительству, а 25% обществу. По истеченіи же первыхъ 10 лѣтъ чистая прибыль дѣлится между Правительствомъ и обществомъ пополамъ.

Выпускъ новыхъ облигацій Николаевской желѣзной дороги былъ произведенъ по Высочайшему указу на имя Министра Финансовъ отъ 25 Марта 1869 года на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и выпускъ 18 Іюля 1867 года, въ суммѣ 69,437.500 руб. мет. и съ тою оговоркою, что если бы уплата интересовъ и погашенія возложена была на общество, пріобрѣтшее Николаевскую дорогу, то это ни въ чемъ не должно ослаблять отвѣтственности Государственнаго Казначейства относительно этой уплаты.

Наконецъ намъ остается сказать, что формальный договоръ съ Главнымъ Обществомъ до сихъ поръ еще не состоялся. Подобное замедленіе является чистой случайностію. Общія условія передачи были выработаны въ формѣ проекта устава новаго акціонернаго общества, въ который слѣдовало бы ввести финансовыя условія того изъ соискателей, за которымъ дорога была бы утверждена. Съ передачею же дороги Главному Обществу, та часть этого проекта, которая относилась къ порядку управленія общества, въ виду существованія устава Главнаго Общества отпа-

дала сама собою, вслѣдствіе чего оказалось необходимымъ уставъ замѣнить простымъ договоромъ. За тѣмъ дѣло остановилось за неокончаніемъ соглашенія съ Уайненсомъ, которое должно было повліять на измѣненіе финансовыхъ условій передачи дороги. Далѣе стали являться вопросы о необходимости согласованія нѣкоторыхъ статей общихъ правилъ передачи съ уставомъ Главнаго Общества. Подобная переписка между совѣтомъ, Министерствомъ Путей Сообщенія и Министерствомъ Финансовъ продолжалась очень долго, а затѣмъ практика показала, что и безъ окончательнаго договора производить эксплоатацію дороги возможно, что необходимо повело за собой убѣжденіе, что торопиться съ утвержденіемъ окончательнаго договора нечего, тѣмъ болѣе, что такое отсутствіе договора давало большую свободу дѣйствій. Эта свобода дѣйствій въ виду новыхъ усложненныхъ обстоятельствъ и потребности усиливать перевозочную способность дороги была особенно дорога Главному Обществу, которое въ финансовомъ отношеніи было совершенно несостоятельно и только одни доходы Николаевской дороги давали ему средства удовлетворять потребностямъ движенія. Возможность пользоваться подобнымъ источникомъ истекала прямо изъ отсутствія формальнаго договора, который юридически обязывалъ бы Общество давать извѣстное договоромъ опредѣленное направленіе доходамъ Николаевской дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ бы Правительству полное законное основаніе требовать, чтобъ расходы на усиленіе перевозочной способности дорогъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Главнаго Общества, производились на средства Общества, а не правительства.

Впрочемъ мы не видимъ въ этомъ большаго неудобства для Правительства. Если до сихъ поръ и замѣчалась невыгодная сторона такого положенія дѣла, то впослѣдствіи отсутствіе юридическихъ обязательствъ Правительства въ отношеніи къ обществу можетъ быть для перваго только выгодно. Въ виду неисполненія обществомъ финансовыхъ условій передачи дороги, Правительство имѣетъ полное право передать дорогу другому контрагенту на условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, нежели условія Главнаго Общества, а послѣднее не можетъ имѣть никакой, даже косвенной придирки отстаивать свое право владѣнія дорогой, такъ какъ между обществомъ и Правительствомъ не существуетъ никакого договора, а Высочайше утвержденныя условія передачи нарушены самимъ обществомъ. Громадныя выгоды, предстоящія Главному Обществу отъ эксплоатаціи Николаевской дороги въ будущемъ, теперь очевидны для каждаго и условія передачи этой дороги оставляютъ за собою въ тѣни даже до-

говоръ, заключенный съ Уайненсомъ на ремонтъ подвижнаго состава. Если потери Государственнаго Казначейства въ договорѣ съ Уайненсомъ можно было считать милліонами, и только въ теченіи 6 лѣтъ, то потери при передачѣ Николаевской дороги можно считать десятками милліоновъ и при томъ въ теченіи цѣлыхъ 74 лѣтъ. Государственное достояніе въ такомъ положеніи оставаться не можетъ и не должно. Ошибки прошедшаго времени подлежатъ непремѣнному исправленію и не должны давать возможности частнымъ лицамъ обогащаться на счетъ государственнаго и общенароднаго достоянія, въ особенности когда къ оправданію такого обогащенія не существуетъ даже юридическихъ основаній. Создавать же такія основанія въ настоящую минуту, т. е. заключить договоръ съ Главнымъ Обществомъ теперь, въ виду всего, что совершилось и въ виду того значенія, которое пріобрѣла Николаевская дорога, было бы уже не ошибкой, а чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ. *)

Окончивъ изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалась передача Николаевской дороги Главному Обществу и прежде нежели перейдемъ къ обсужденію сѣти желѣзныхъ дорогъ, составленной на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22 Января 1870 года, о которомъ мы говорили во второй нашей статьѣ, мы должны изложить исторію передачи въ частныя руки другихъ казенныхъ дорогъ. О предварительныхъ переговорахъ на передачу одесской желѣзной дороги, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ они не были оффиціально опубликованы. Впрочемъ эти предварительные переговоры для насъ имѣютъ мало значенія, такъ какъ они были ведены безъ всякой конкуренціи съ однимъ Обществомъ пароходства и торговли, вслѣдствіе чего для оцѣнки условій передачи дороги сравнительной методъ, принятый нами въ нашемъ изслѣдованіи вовсе не приложимъ. На этомъ основаніи мы изложимъ эти условія передачи какъ они значатся въ концессіи, выданной Русскому Обществу пароходства и торговли 22 Іюня 1870 года.

Общество пароходства и торговли обязалось: а) пріобрѣсти отъ Правительства желѣзныя дороги отъ Одессы до Балты, съ вѣтвями къ Одесскому порту, Куяльницкимъ солянымъ промысламъ, Тирасполю на Днѣстрѣ, отъ Балты до Елизаветграда, отъ Бирзулы чрезъ Жме-

*) До сихъ поръ матеріаломъ для нашего изслѣдованія служило дѣло канцеляріи г. Министра Финансовъ, но въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи фактическая сторона дѣла будетъ заимствована нами изъ Сборника статистическихъ свѣдѣній Минист. Путей Сообщенія, концессій, техническихъ условій и другихъ офиціально опубликованныхъ документовъ.

ринку до Волочиска и отъ Тирасполя до Кишенева, всего $902^3/_4$ версты; б) устроить на свой счетъ новую желѣзную дорогу длиною около 103 верстъ отъ Кишинева до рѣки Прута по направленію къ Яссамъ въ Румыніи, и в) произвести снабженіе упомянутыхъ дорогъ необходимымъ подвижнымъ составомъ и принадлежностями эксплоатаціи въ дополненіе къ имѣющимся, а также произвести необходимыя работы, обзаведенія и устройство по пріобрѣтаемымъ отъ Правительства желѣзнымъ дорогамъ и распространеніе Одесской станціи. При этомъ самое общество наименовано: Русскимъ обществомъ пароходства, торговли и Одесской желѣзной дороги. Намъ кажется, что такое наименованіе общества вовсе не соотвѣтствовало сущности дѣла, такъ какъ на основаніи той же концессіи дѣло по желѣзной дорогѣ было отдѣльнымъ предпріятіемъ общества и счеты по этому предпріятію не должны были смѣшиваться со счетами пароходства и торговли. Такимъ образомъ въ сущности это было разрѣшеніе выпуска акцій и облигацій по обществу пароходства и торговли; акціонерамъ же общества пароходства и торговли, — въ виду совершенной отдѣльности ихъ предпріятія и вслѣдствіе этого отсутствія для нихъ всякаго риска, — не было никакого дѣла до успѣха предпріятія по желѣзной дорогѣ; чтожъ касается акціонеровъ, подписавшихся на акціи Одесской желѣзной дороги, то они не имѣли ни малѣйшаго вліянія: администрація общества зависѣла отъ прежнихъ акціонеровъ и дѣйствовала совершенно безконтрольно, не собирая даже общихъ собраній, такъ какъ уставъ общества, на основаніи котораго въ общее собраніе могли быть приглашены новые акціонеры, утвержденъ только 29 апрѣля 1874 года. Кромѣ того и участіе ихъ въ общихъ собраніяхъ не давало имъ никакого вліянія на администрацію: голоса ихъ могли парализоваться голосами прежнихъ акціонеровъ общества пароходства и торговли. Результаты такого неестественнаго порядка вещей не замедлили оказаться въ полной несостоятельности общества, что мы и увидимъ ниже.

Стоимость всѣхъ правительственныхъ сооруженій по этимъ линіямъ, какъ выстроенныхъ, такъ и находившихся въ постройкѣ по подряднымъ контрактамъ съ г. Девріеръ и К° отъ Варзулы чрезъ Жмеринку до Волочиска и съ г. Унгернъ-Штернбергомъ отъ Тирасполя до Кишинева опредѣлена въ 48.445,000 металическихъ и 14.869,500 руб. кредитныхъ, что̀ по курсу 350 сантимовъ за кредитный рубль, составитъ 69.692,342 руб. Общество обязывалось уплатить Правительству первую сумму гарантированными облигаціями въ металлическихъ рубляхъ, а послѣднюю негарантированными акціями

въ кредитныхъ рубляхъ. Кромѣ того общество получило право выпустить негарантированныхъ акцій въ кредитныхъ рубляхъ на сумму 15.543 руб. и вырученный такимъ образомъ капиталъ употребить на дополнительныя работы и увеличеніе подвижнаго состава 8.614,500 руб., а остальные 6.929,000 руб. на сооруженіе 5 участка дороги отъ Кишинева до Румынской границы на рѣкѣ Прутѣ, съ устройствомъ моста на этой рѣкѣ.

Постройку этого послѣдняго участка управленіе общества пароходства безъ всякаго постановленія общаго собранія акціонеровъ Одесской желѣзной дороги, сдало по оптовому контракту банкирамъ Ефруси и К°, Рафаловичъ и К°, I. Е. Гинцбургъ, Р. Розенталь и М. В. Вейкерсгеймъ. Работы эти производились настолько медленно, что въ 1873 году августа 15 была открыта только часть этого участка, вполнѣ же онъ былъ открытъ только 20 марта 1877 года.

На основаніи концессіи общество обязывалось изъ чистаго дохода уплачивать Правительству по облигаціямъ 5% и 1/10% на погашеніе, затѣмъ весь избытокъ чистаго дохода поступалъ частнымъ акціонерамъ въ дивидендъ до тѣхъ поръ, пока этотъ дивидендъ не составитъ 5% на ихъ капиталъ. Излишекъ чистаго дохода за удовлетвореніемъ 5% акціонеровъ поступалъ въ дивидендъ по акціямъ Правительства также до тѣхъ поръ, пока онъ составитъ 5% и т. д. Во всякомъ случаѣ подобный порядокъ раздѣла чистой прибыли долженъ былъ производиться только до 1878 года, а съ этого года весь избытокъ чистаго дохода за уплатою процентовъ и погашенія по облигаціямъ долженъ былъ распредѣляться одинаково на акціи, находящіяся въ рукахъ частныхъ лицъ и въ рукахъ Правительства.

Новый уставъ общества былъ утвержденъ только 29 апрѣля 1874 года. Спрашивается, почему произошло такое промедленіе? Неужели въ виду подробной концессіи трудно было составить уставъ и тѣмъ дать возможность акціонерамъ слѣдить за употребленіемъ суммъ имъ принадлежащихъ? Съ другой стороны, мы рѣшительно недоумѣваемъ какимъ образомъ до утвержденія устава могли быть выпущены акціи и облигаціи общества? Другими словами: какимъ образомъ правленіе, избранное посторонними дѣлу лицами (мы говоримъ посторонними на томъ основаніи, что акціонеры общества пароходства и торговли вовсе не были отвѣтственны за дѣйствія своего правленія по дѣлу Одесской желѣзной дороги), могло выпустить акціи и облигаціи отъ имени такого общества, которое не могло выразить свою волю и уполномочить кого бы то ни было на исполненіе этой воли? Въ первый разъ, это общество собралось только

въ 1874 году, когда уставъ былъ утвержденъ и встрѣтилось съ такимъ положеніемъ дѣлъ, что не только весь капиталъ его былъ израсходованъ, но общество было въ долгу у Правительства на сумму 2.889,281 руб. метал. по неплатежу процентовъ съ облигаціоннаго капитала и на сумму 849,643 руб. на другія нужды общества. Кромѣ того акціи общества потеряли всякую цѣну. Тѣмъ не менѣе никакого протеста со стороны акціонеровъ не послѣдовало и никакого иска къ управленію общества пароходства и торговли предъявлено не было. Ну какъ не сказать послѣ этого: „чудныя дѣла творятся у насъ на Руси и велико долготерпѣніе русскаго человѣка! По всей вѣроятности деньги ему дешево достаются, если онъ такъ равнодушно переноситъ подобныя самовольныя распоряженія“.

Несмотря на значительный капиталъ, назначенный на сооруженіе пятаго участка дороги въ 103 версты, а именно 6.929,000 руб. или 67,272 руб. на версту безъ подвижнаго состава, оказалось, что денегъ этихъ не достаточно и что первоначальныя изысканія были сдѣланы дурно, вслѣдствіе чего потребовались такія работы, удовлетворить которыя безъ дополнительнаго облигаціоннаго капитала было не возможно. Кромѣ того оказалось, что частные акціонеры, несмотря на свое преимущественное право полученія дивиденда въ сравненіи съ Правительствомъ не могли получать никакого дохода, такъ какъ чистаго дохода не доставало даже на уплату процентовъ по облигаціямъ. Единственное исключеніе представилъ въ этомъ отношеніи только одинъ 1877 годъ, когда военныя событія вызвали движенія русской арміи на югъ, а закрытіе черноморскихъ портовъ обусловило движеніе хлѣбныхъ грузовъ на сѣверъ. Развившееся такимъ образомъ движеніе по Одесской желѣзной дорогѣ въ оба конца доставило возможность не только покрыть проценты съ облигаціоннаго капитала, но и выдать дивидендъ частнымъ акціонерамъ въ 5%. Впрочемъ и этотъ дивидендъ оказывается дутымъ, такъ какъ онъ является слѣдствіемъ преувеличенной цифры доходовъ. Дѣло въ томъ, что правленіе считало всѣ очередные и шедшіе по росписанію воинскіе поѣзды — экстренными, только потому что они шли съ увеличенною скоростію противъ товарныхъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, составляетъ разницу въ исчисленіи доходовъ общества до полутора милліона рублей. Такого расчета военное министерство признать не можетъ и слѣдовательно придется доходъ 1877 года уменьшить, а съ уменьшеніемъ дохода изыскивать новый источникъ для покрытія уже

произведеннаго расхода на выдачу не существовавшаго дивиденда. Можетъ быть покажется удивительнымъ, какимъ образомъ могло произойти, что правленіе имѣло средства на выдачу дивиденда, когда въ дѣйствительности его не существовало. Дѣло это произошло очень просто: обществу приходилось платить Правительству проценты по облигаціямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получать суммы съ Правительства за перевозку войскъ. Увеличивъ послѣднія почти вдвое, оно обезпечило такимъ образомъ въ своемъ балансѣ уплату процентовъ по облигаціямъ и выдало имѣвшіяся у него наличныя средства въ дивидендъ акціонерамъ.

Мы разсказываемъ этотъ случай для того, чтобъ указать на тотъ пробѣлъ, который существуетъ въ правилахъ, регулирующихъ у насъ отношенія желѣзнодорожныхъ обществъ къ Правительству. Намъ кажется, что подобные случаи при настоящихъ условіяхъ могутъ повторяться безнаказанно и что необходимо установить законодательнымъ путемъ, чтобъ остатокъ чистаго дохода не могъ быть употребляемъ ни на какія потребности общества, прежде уплаты процентовъ съ облигаціоннаго капитала.

Но возвратимся къ обществу Одесской желѣзной дороги. 1878 годъ былъ тѣмъ годомъ, когда привиллегія частныхъ акціонеровъ дороги въ сравненіи съ Правительствомъ теряла свое значеніе и всѣ акціи получали одинаковыя права на участіе въ прибыляхъ; между тѣмъ опытъ доказалъ, что при обыкновенномъ порядкѣ 5% дивидендъ получать нельзя. Тогда возникаетъ новый проектъ о сліяніи трехъ юго-западныхъ дорогъ и о присвоеніи имъ правительственной гарантіи. Сліяніе это совершилось 1 іюля 1878 года и акціямъ соединеннаго общества присвоена 5% гарантіи съ уменьшеніемъ нарицательной цифры акціонернаго капитала, находящагося въ частныхъ рукахъ на одну пятую долю. Какъ пойдутъ дѣла новаго общества въ будущемъ и не потребуютъ ли они новыхъ пожертвованій со стороны Правительства, сказать очень трудно.

Совершенно противуположный результатъ является послѣдствіемъ передачи Московско-Курской дороги въ частныя руки. Въ 1870 году возникло предположеніе объ этой передачѣ и на пріобрѣтеніе этой дороги явились три конкурента: 1) въ январѣ 1871 года общество Курско-Кіевской желѣзной дороги заявило желаніе пріобрѣсти дорогу безъ объясненія самыхъ условій пріобрѣтенія; ознакомившись однако съ условіями передачи, предположенными Министерствомъ Путей Сообщенія, общество это отказалось отъ всякой конкуренціи; 2) въ тоже время подали заявленіе пред-

ставители вновь составившейся въ Москвѣ компаніи, учредителями которой являлись: надворный совѣтникъ Чижовъ, потомственные граждане Морозовъ, Горобовъ, Мамонтовы, Рукавишниковъ, Ляминъ, Востанжогло и коллежскій совѣтникъ Бенардаки. Предложенная этою компаніею цѣна состояла въ уплатѣ Правительству гарантированными 5% облигаціями общества на 41.704,000 метал. рублей и негарантированными акціями общества на 10.000,000 метал. руб. Кромѣ того общество получило право выпустить облигацій на 5.729,000 метал. руб. съ тѣмъ, что 1.729,000 руб. должны были идти на уплату по законтрактованнымъ и предположеннымъ къ производству въ 1871 году работамъ и поставкамъ, а 4.000,000 руб. должны были оставаться въ видѣ запаснаго капитала на дополнительныя работы впослѣдствіи. Кромѣ того общество предложило, что если чистая прибыль за уплатою процентовъ и погашенія превыситъ 7% на акціонерный капиталъ, то излишекъ, за отчисленіемъ изъ него нѣкоторой доли на устройство центральнаго механическаго училища, дѣлится поровну между Правительствомъ и обществомъ; 3) въ концѣ апрѣля явился представитель компаніи другихъ капиталистовъ почетный гражданинъ Поповъ и, соглашаясь на предложенныя московскою компаніею условія, добавлялъ въ пользу правительства 1.500,000 мил. руб.

Первоначальная стоимость сооруженія Московско-Курской дороги обошлась правительству въ 34.820,428 руб.; съ присоединеніемъ къ этой цифрѣ 10.118,698 руб., употребленныхъ на проложеніе втораго пути до станціи Сергіевской на протяженіи 244 версты и увеличеніе подвижнаго состава и 3.533,648 руб. процентовъ на затраченный капиталъ по 1870 годъ и за вычетомъ чистаго дохода, полученнаго съ дороги, — дѣйствительная стоимость дороги опредѣлилась въ 48.472,274 руб. кредитныхъ, что составитъ 94,566 руб. на версту. Такая цифра стоимости сооруженія можетъ показаться очень высокой, но здѣсь необходимо принять въ соображеніе, что мѣстность, по которой проходитъ эта дорога до Орла, представляетъ значительныя затрудненія не только по количеству земляныхъ работъ, но и по плывучему грунту въ выемкахъ; затѣмъ эта дорога имѣла въ то время двойной путь почти на половинѣ своего протяженія и была снабжена почти двойнымъ въ сравненіи съ другими дорогами количествомъ подвижнаго состава, такъ какъ она имѣла 1 паровозъ на 2,9 версты и почти по 9 вагоновъ на версту; наконецъ въ общую сумму издержекъ включены и проценты на затраченный капиталъ за время соору-

женія и первые годы эксплоатаціи. Такимъ образомъ, если принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, то окажется, что опытъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ казенными средствами обошелся выгоднѣе сооруженія ихъ при посредствѣ частныхъ компаній, такъ какъ первоначальная стоимость даже съ процентами на затраченный капиталъ, обходилась около 76 тыс. руб. кредитныхъ, не смотря на невыгодность мѣстныхъ условій, тогда какъ при болѣе выгодныхъ условіяхъ сооруженія частныя дороги обходились гораздо дороже. Въ послѣдніе годы, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ хотя и понизилось въ цѣнѣ, но это зависило частію отъ облегченія техническихъ условій сооруженія и удешевленія желѣзнодорожныхъ принадлежностей, что могло быть также и при казенной постройкѣ, частію же потому что открытіе дорогъ разрѣшалось при неполномъ количествѣ запасныхъ путей и нѣкоторыхъ недодѣлкахъ, окончаніе которыхъ производилось впослѣдствіи на счетъ ремонта пути, чего не могло быть при казенномъ сооруженіи дорогъ. Послѣднее удешевленіе стоимости сооруженія не могло быть выгоднымъ для правительства, такъ какъ оно приплачивало въ видѣ гарантіи то, что сберегало на сооруженіи, а между тѣмъ дорога, плохо ремонтируемая въ началѣ, требовала впослѣдствіи капитальнаго ремонта. Устранить подобныя злоупотребленія предпринимателей, когда они же завѣдуютъ эксплуатаціею дорогъ въ первые годы сооруженія, положительно невозможно. Эти злоупотребленія устранимы только въ томъ случаѣ, когда эксплуатація дороги будетъ сдаваема другимъ компаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго со строителями. Тогда интересъ общества, принимающаго на себя эксплоатацію, потребуетъ точнаго опредѣленія всѣхъ недодѣлокъ и непремѣннаго производства этихъ работъ или уплаты за нихъ денегъ по дѣйствительной ихъ стоимости.

Сопоставляя съ вышеприведенною стоимостью Московско-Курской дороги заявленную цѣну компаніей московскихъ капиталистовъ, представителемъ которыхъ явился г. Чижовъ, оказывается, что правительство получало 51,704,000 руб. металическими бумагами общества, т. е. не только всю сумму, затраченную имъ на сооруженіе дороги съ процентами, но и сумму, достаточную на реализацію этихъ бумагъ. Сверхъ того правительство получило право на половину чистой прибыли, сверхъ 7% на акціонерный капиталъ. Что же касается до капиталистовъ, которыхъ представителемъ являлся г. Поповъ, то они заявили цѣну на 1,500,000 руб. выше. Тѣмъ не менѣе по сношенію Министерства Путей Сообщенія съ Министерствомъ Финансовъ предпочтеніе было отдано компаніи,

учредителемъ которой являлся г. Чижовъ. Мы не имѣемъ въ виду тѣхъ мотивовъ, по которымъ принято означенное рѣшеніе, такъ какъ Сборникъ свѣдѣній по желѣзнымъ дорогамъ не говоритъ объ нихъ, но полагаемъ, что одно имя г. Чижова, какъ лица зарекомендовавшаго себя по сооруженію и хорошей эксплоатаціи Ярославской дороги, были достаточнымъ для этого основаніемъ. Кромѣ этого необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что всѣ главные учредители этой компаніи были представителями компаніи, конкурировавшей съ Главнымъ Обществомъ на пріобрѣтеніе Николаевской дороги и такъ сильно возвысившей выгоды правительства противъ первоначальныхъ предположеній Министерства Финансовъ. Неуспѣхъ этой конкуренціи обусловливался особыми видами и соображеніями правительства и, конечно, не могъ обойтись безъ пожертвованій со стороны участниковъ, которые, во всякомъ случаѣ, должны были имѣть средства на готовѣ во все время переговоровъ, что не дѣлается безъ издержекъ. Такимъ образомъ заслуга этого товарищества была несомнѣнна и само собою разумѣется должна была имѣть вліяніе на рѣшеніе подобнаго же вопроса по другой дорогѣ.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ предположеніе Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ одобрилъ ихъ и заключеніе его по сему дѣлу удостоилось Высочайшаго утвержденія 1-го мая 1871 года, а 21 мая того же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе устава общества Московско-Курской желѣзной дороги, на основаніи котораго общество получило право владѣнія дорогой въ теченіи 81 года.

Результаты эксплоатаціи въ 1872 году, т. е. въ первомъ полномъ году завѣдыванія дорогой частнымъ обществомъ, выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: валовой доходъ 7,991,414; расходъ 4,216,429 руб., чистый же доходъ составилъ 3,774,985 руб.; такъ что общество, уплативъ правительству проценты съ облигаціоннаго капитала, въ суммѣ 2,514,877 руб. кредитныхъ, выдало дивидендъ въ 6,27% на акціонерный капиталъ, въ слѣдующій же затѣмъ 1873 годъ чистый доходъ простирался до 4,345,526 руб. Вычитая изъ этой суммы проценты по облигаціонному капиталу, оказывается, что чистая прибыль на акціонерный капиталъ будетъ 1,830,649 руб.; 7% на акціонерный капиталъ въ 15,729,000 руб. составитъ 1,101,030, затѣмъ остается излишекъ въ 729,619 руб., который долженъ былъ распредѣлиться между обществомъ и правительствомъ по равной части. Такимъ образомъ доля правительства изъ доходовъ Московско-Курской дороги, считая проценты по облигаціонному капиталу, дивидендъ на акціи и раздѣлъ

излишка прибыли составлялъ въ 1873 году 3,579,686 руб., что на затраченный капиталъ въ 48,472,274 руб. составитъ болѣе $7\frac{1}{2}$%. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что означенное общество вноситъ исправно всѣ слѣдующія съ него суммы и не остается въ долгу у правительства, какъ то дѣлаетъ Главное Общество. Сравнивая результаты дѣятельности того и другого общества невольно остается пожалѣть, что такой богатый источникъ государственнаго дохода какъ Николаевская дорога, не поступилъ въ вѣдѣніе учредителей Московско-Курскаго общества.

Но какъ бы ни было исправно общество Московско-Курской дороги въ исполненіи своихъ обязанностей, мы все таки не можемъ не пожалѣть о передачѣ этой дороги въ частныя руки, такъ какъ доходъ этой дороги по ея центральному положенію долженъ возрости значительно. Вслѣдствіе этого, громадный доходъ, который могъ бы поступать въ государственное казначейство, теперь будетъ обогащать частныхъ капиталистовъ.

Изложивъ условія передачи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, составленной на основаніи Высочайшаго повелѣнія 2 января 1870 года. Изъ числа дорогъ, вошедшихъ въ сѣть, утвержденную 27 декабря 1868 года, къ 1870 году оставались неразрѣшенными къ постройкѣ еще пять линій, а именно: а) Лозово-Севастопольская, поставленная при учрежденіи сѣти на первую очередь и признанная тогда единогласно самонужнѣйшею, какъ въ стратегическомъ, такъ и торговомъ отношеніи; б) отъ Нѣжина по Курско-Кіевской дорогѣ чрезъ Черниговъ до Могилева; в) отъ Могилева чрезъ Минскъ до Бреста; г) отъ Самары до Бузулука, и е) отъ одного изъ пунктовъ Кіево-Балтской дороги до Бреста. Мы напомнимъ при этомъ, что изъ утвержденной тогда сѣти разрѣшена постройка только трехъ дорогъ: Либавской, Борисоглѣбско-Царицынской и Воронежско-Грушевской. Кромѣ того разрѣшено было сооруженіе еще четырехъ дорогъ, не входившихъ въ означенную сѣть, а именно Константиновской, Бресто-Граевской, Скопинской и Иваново-Кинешемской, а 2-го января 1870 года вслѣдствіе представленія Намѣстника Кавказскаго состоялось Высочайшее повелѣніе о включеніи въ утвержденную сѣть Ростово-Владикавказской дороги. Мы не имѣемъ въ виду мотивовъ, по которымъ найдено возможнымъ такое отступленіе отъ первоначальныхъ предположеній; но полагаемъ, что въ теченіи года взглядъ на относительное значеніе желѣзныхъ дорогъ совершенно измѣнился и что предположенная сѣть была найдена не

соотвѣтствовавшею потребностямъ времени. На этомъ основаніи, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ сѣти утвержденныхъ дорогъ новой Ростово-Владикавказской линіи, поручено было Министру Путей Сообщенія войти въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ съ представленіемъ проекта новой сѣти, въ которую должны были войти 2,800 верстъ не разрѣшенныхъ дорогъ изъ состава сѣти 1868 года съ присоединеніемъ къ нимъ отъ 3 — 4,000 верстъ новыхъ дорогъ, полезныхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Въ предположенія о новой сѣти вошли прежде всего пять дорогъ прежней сѣти, при чемъ направленіе трехъ изъ нихъ предположено было измѣнить. Такъ: а) линію отъ Бреста до Могилева черезъ Минскъ предположено было вести не на Могилевъ, а черезъ Оршу и Борисовъ до Смоленска. Измѣненіе это принято въ тѣхъ видахъ, чтобы не переходить рѣку Днѣпръ въ двухъ мѣстахъ; кромѣ того новое направленіе представляло большія удобства не только въ техническомъ отношеніи, но и въ экономическомъ, такъ какъ проходило по мѣстности болѣе населенной и болѣе производительной. Что касается послѣдняго соображенія, то намъ кажется, что оно невполнѣ вѣрно, и мы думаемъ, что главное преимущество этого измѣненія состоитъ въ томъ, что въ утвержденной сѣти предположено было построить дорогу только между Могилевомъ и Брестомъ, которая такимъ образомъ оставалась бы оторванною отъ сѣти центральныхъ дорогъ Россіи, теперь же она доходила до Смоленска, соединялась здѣсь со всей сѣтью, и, проходя не на Могилевъ, а на Оршу и Борисовъ, придерживалась прямой линіи между Москвой и Брестомъ, чѣмъ сокращала этотъ магистральный путь. Впрочемъ мы еще и прежде замѣтили, что принимая направленіе отъ Бреста на Минскъ, линія эта отчасти теряла въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ она можетъ быть занята непріятелемъ, нѣсколько южнѣе она прошла бы болотами полѣсья, углубляться въ которыя непріятелю было бы опасно. Впрочемъ разъ было рѣшено вести дорогу отъ Бреста на Минскъ, тогда продолженіе ея до Смоленска въ томъ направленіи какъ она выстроена не могло быть вопросомъ. б) Линію отъ Кіево-Балтской дороги до Бреста предположено было вести, не на Житоміръ и Новоградъ-Волынскъ, а отъ Бердичева кратчайшимъ путемъ до Ровна. Кромѣ того къ Кіево-Брестской дорогѣ присоединялась вѣтвь къ Радзивилову, посредствомъ которой грузы изъ Галиціи могли направляться въ наши сѣверные порты. в) Линія, которую прежде предполагалось вести отъ одного изъ пунктовъ Курско-Кіевской дороги черезъ Черниговъ до Могилева, по новому проекту направлялась на Боб-

руйскъ, Минскъ и Ландварово (въ 20 верстахъ отъ Вильно по Варшавской дорогѣ), съ тою цѣлію, чтобъ дать возможность произведеніямъ Малороссіи идти къ Либавѣ; направленіе же ея черезъ Бобруйскъ удовлетворяло и стратегическимъ требованіямъ. Остальныя двѣ линіи оставались безъ перемѣнъ.

Къ этимъ пяти линіямъ присоединялись еще слѣдующія 18 линій:

1) Ростово-Владикавказская.

2) Отъ Кишинева до Скулянъ (близь Яссъ); эта линія должна была открыть путь Молдавскимъ и частію Австрійскимъ грузамъ въ наши черноморскіе порты (такая смѣлая надежда въ виду болѣе кратчайшаго пути до Дуная и удобнаго водянаго пути по этой рѣкѣ конечно осуществиться не могла).

3) Отъ того пункта Курско-Кіевской дороги, отъ котораго пойдетъ дорога до Ландварова, — до Харьково-Кременчугской линіи.

4) Отъ одного изъ пунктовъ Елизаветградо-Кременчугской дороги до Николаева для удобнѣйшаго направленія грузовъ губерній Кіевской и Полтавской къ Черному морю.

5) Линія отъ станціи Фастова Кіево-Балтской дороги къ тому пункту вблизи Елизаветграда, отъ котораго пойдетъ дорога къ Николаеву.

6) Моршанско-Сызранская.

7) Сызранско-Самарская.

8) Бузулукско-Оренбургская.

Три послѣднія линіи, съ прежде утвержденною Самаро-Бузулукскою и Ряжско-Моршанскою должны были составить магистральный путь, соединяющій центральную Россію съ Оренбургомъ, въ видахъ оживленія торговли съ Среднею Азіей.

9) Отъ Скопина до Тулы, и

10) Отъ Тулы чрезъ Калугу до Вязьмы.

Обѣ послѣднія дороги при посредствѣ Ряжско-Скопинской представляли западное продолженіе Оренбурго-Самаро-Моршанско-Ряжской дороги.

11) Отъ Ельца къ сѣверу до одной изъ станцій Скопино-Тульской дороги; эта линія, проходящая черезъ вновь открытыя залежи каменнаго угля, должна была служить путемъ для слѣдованія Елецкихъ грузовъ къ Москвѣ. Линія эта, чтобъ быть производительной должна бы идти отъ Ельца черезъ Ефремовъ къ станціи Лазарево Московско-Курской дороги между Тулою и Орломъ, такъ какъ это былъ бы кратчайшій путь къ Москвѣ; удлинять же этотъ путь для проведенія его черезъ Богородицкъ не было никакого основанія.

12) Отъ Ярославля до Вологды; эта линія необходима для соединенія Волжскаго бассейна съ бассейномъ сѣверной Двины, населеніе котораго нуждается въ средствахъ продовольствія и въ работѣ. Въ виду существовавшихъ издавна дѣятельныхъ сношеній между вологодскимъ краемъ и центральными губерніями доходность этой дороги считалась обезпеченною въ особенности въ виду отсутствія въ сѣверномъ краѣ улучшенныхъ путей сообщенія.

13) Уральская линія, необходимая для развитія горнозаводской промышленности. Направленіе ея въ точности не опредѣлялось.

14) Линія отъ Динабурга до Шавель, необходимая для того, чтобы часть грузовъ, пришедшая въ Динабургъ для отправки заграницу, могла идти въ Либаву, особенно въ то время, когда Рижскій портъ покрывается льдомъ. Подобныя ожиданія представляются намъ весьма наивными и указываютъ только какъ мало были извѣстны въ нашихъ высшихъ сферахъ условія торговли и промышленности. Возможно ли было направленіе грузовъ изъ Динабурга въ Либаву, когда есть болѣе кратчайшій путь къ Ригѣ? Строить же желѣзную дорогу не для постоянной, а только временной перевозки въ теченіи какихъ нибудь четырехъ мѣсяцевъ, положительно не стоило.

15) Линія отъ Грушевки до Калача въ видахъ обезпеченія грушевскимъ антрацитомъ движенія по Волгѣ и Царицынской дорогѣ. Съ обратными же поѣздами по этой линіи долженъ былъ двигаться хлѣбъ, идущій и теперь въ значительномъ количествѣ по этому направленію, не смотря на неудобство сообщеній по Дону.

16) Отъ Елтонскаго озера до Волги для увеличенія и удешевленія привоза соли въ Европейскую Россію. По условіямъ мѣстности, дорогу эту предполагалось построить очень дешево.

17) Отъ Ливенъ до одного изъ пунктовъ Орловско-Грязской дороги.

18) Линія между Курско-Азовскою и Воронежско-Грушевскою желѣзными дорогами, проходившая по бассейну сѣвернаго Донца, изобилующаго богатыми желѣзными рудами и залежами каменнаго угля.

Мотивы сооруженія нѣкоторыхъ дорогъ, указанные въ предположеніяхъ, заставляютъ думать, что въ нашихъ высшихъ административныхъ сферахъ господствовалъ даже и въ это время оптимистическій взглядъ на значеніе желѣзныхъ дорогъ. Всѣмъ казалось, что стоитъ только проложить удобные пути сообщенія, чтобы движеніе грузовъ явилось въ такомъ количествѣ, которое въ состояніи окупить всѣ громадныя издержки и пожертвованія правительства. Никто

не задумывался надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что значительное движеніе есть результатъ значительной производительности и торговли, которыхъ у насъ не было и которыя не могутъ возникнуть по мановенію волшебнаго жезла, что для развитія ихъ нужны средства и притомъ не только матерьяльныя въ видѣ капиталовъ, но и нравственныя, въ видѣ знанія и предпріимчивости; никто, какъ намъ кажется, не сознавалъ той великой истины, что богатство народовъ есть слѣдствіе развитія образованности, а не простое накопленіе матерьяльныхъ средствъ, которое можетъ быть заимствовано у другихъ народовъ. Многіе тогда думали, да повидимому и теперь продолжаютъ думать, что вещественные капиталы безъ особенной заботы о капиталахъ нравственныхъ, могутъ быть заимствованы въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ много и употребляемы на развитіе производительныхъ силъ Россіи. Пустая и жалкая иллюзія, какъ нельзя болѣе опровергнутая въ наше время! Не только заимствованія на какихъ нибудь тяжелыхъ условіяхъ, но даже капиталы, взятые даромъ не только не обогатили Германіи, но скорѣе разорили ее. Стало быть главный вопросъ состоитъ не въ самыхъ средствахъ, а въ умѣньѣ ими пользоваться и употреблять ихъ производительно. Къ сожалѣнію, воспитанное на крѣпостныхъ началахъ наше поколѣніе, не обладаетъ ни знаніемъ, ни трудолюбіемъ: дайте намъ сотни и тысячи милліоновъ капитала мы съумѣемъ издержать ихъ очень скоро, а врядъ ли съумѣемъ дѣйствительно развить наши производительныя силы. Было время, когда опекунскіе совѣты открывали значительные кредиты нашимъ помѣщикамъ и повидимому давали средства на улучшенія ихъ хозяйствъ, но на эти средства ничего не было сдѣлано, а капиталы были прожиты. Было другое время, когда крѣпостное право уже исчезло, поземельные банки привлекли къ намъ громадные капиталы и роздали ихъ въ ссуду подъ залогъ земель; но гдѣ же тѣ улучшенія въ земледѣльческой промышленности, которыхъ не только можно, но и должно было ожидать отъ развитія кредита? Этихъ улучшеній нѣтъ, а капиталы поглощены биржевой игрой и непомѣрной роскошью тѣхъ, кому они достаются дешево. Нѣтъ, глупому сыну не въ помощь богатство, говоритъ русская пословица и говоритъ совершенно справедливо. Пока знаніе не будетъ у насъ пользоваться тѣмъ уваженіемъ, котораго оно заслуживаетъ, пока наука и люди, посвятившіе себя ея изученію, не будутъ поставлены высоко въ общественномъ мнѣніи, пока педагогическіе совѣты не будутъ изъяты отъ произвола канцелярій, словомъ, пока народное образованіе не будетъ орудіемъ для политическихъ и полицейскихъ цѣлей, до тѣхъ поръ напрасно

думать, что мы выучимся разумно употреблять наши средства. Откройте какой угодно широкій путь для заграничныхъ капиталовъ на наши рынки, искрестите всю Россію частой сѣтью желѣзныхъ дорогъ; но если не измѣнится наше отношеніе къ наукѣ и знанію, то послѣдствіемъ явится только задолженность наша и эксплуатація нашего рынка заграничными капиталистами. Отъ подобной эксплуатаціи не спасутъ насъ жалкія теоріи протекціонистовъ. Напротивъ эти теоріи приведутъ насъ еще скорѣе къ подобнымъ результатамъ, такъ какъ мы для осуществленія этихъ теорій будемъ занимать капиталы у иностранцевъ, будемъ водворять у себя различныя производства по чужимъ образцамъ, и пока будемъ утѣшаться мыслію, что намъ удалось сдѣлать что нибудь для развитія нашей производительности, окрѣпшая отрасль промышленности заграницею сдѣлаетъ новый шагъ впередъ и подорветъ наше начинающееся производство. Въ результатѣ получится потеря всего затраченнаго капитала и обязанность на долгое время платить проценты и погашеніе. Хотя подобный исходъ представляется весьма печальнымъ, но его было бы легче перенести, если бы позаимствованія дѣлались частными лицами или обществами. Но въ томъ то и бѣда, что наши протекціонисты не довольствуются таможенными тарифами, они требуютъ и получаютъ субсидіи въ видѣ казенныхъ заказовъ и премій, а также постановленій объ обязательномъ употребленіи русскихъ издѣлій, со стороны такихъ предпріятій, которыя ведутся на счетъ государственнаго кредита. Такимъ образомъ вмѣсто частнаго кредита, на развитіе новаго производства идетъ кредитъ государственный, а это не одно и тоже. Частное банкротство не упало бы всецѣло на Россію: въ этомъ случаѣ теряли бы свои капиталы заграничные капиталисты. Между тѣмъ, когда капиталы занимаетъ правительство и на счетъ этихъ капиталовъ оказываетъ покровительство новому производству, то при банкротствѣ предпріятія, заграничные капиталисты ничего не теряютъ и всѣ потери падаютъ на бюджетъ государства. Результатомъ является то, что люди и капиталы отвлекаются отъ дѣйствительно производительнаго труда. Для примѣра укажемъ на водворяемое у насъ производство стальныхъ рельсовъ. Въ то время какъ наши протекціонисты доказываютъ, что стоимость ихъ производства у насъ не можетъ быть менѣе 2 руб. 50 коп. за пудъ, англичане достигли возможности, изготовлять ихъ по 6 фунтовъ за тонну, съ доставкою въ Таганрогъ, что составитъ при существующемъ курсѣ около 1 рубля. Возможна ли при подобныхъ условіяхъ конкуренція? Обязательное же для желѣзныхъ дорогъ заготовленіе русскихъ рель-

совъ подрываетъ успѣхъ желѣзнодорожнаго дѣла и не допускаетъ удешевленія перевозки, что̀ въ свою очередь подрываетъ всѣ роды промышленности. Въ концѣ концовъ, послѣдствія оказываются прямо противуположныя тѣмъ цѣлямъ, которыхъ желали достигнуть.

По Высочайше утвержденному журналу комитета желѣзныхъ дорогъ 1-го марта 1870 года предположенія Министра Путей Сообщенія были одобрены съ добавленіемъ слѣдующихъ условій: Лозово-Севастопольская желѣзная дорога должна быть соединена съ Днѣпромъ выше и ниже пороговъ, а крымская ея часть должна слѣдовать такому направленію, которое было бы удобно для проведенія вѣтвей къ Керчи и Өеодосіи. Кромѣ того Ландваровская дорога не можетъ окончиться при соединеніи ея съ Курско-Кіевскою, а должна продолжиться далѣе въ Полтавскую губернію и пройти черезъ Ромны, а потому конечнымъ пунктомъ этой дороги долженъ быть избранъ этотъ послѣдній городъ.

Нужно остановить вниманіе на этомъ постановленіи комитета, такъ какъ послѣдующія событія вовсе не оправдали возлагавшихся на Лозово-Севастопольскую дорогу надеждъ. Не смотря на то, что Севастополь есть лучшій портъ нашъ на Черномъ морѣ, доставка къ этому порту по желѣзной дорогѣ нашихъ хлѣбныхъ грузовъ обходится слишкомъ дорого, чтобъ вызвать усиленное ихъ движеніе; другихъ же предметовъ для вывоза нашъ югъ вслѣдствіе малой его населенности не имѣетъ; точно также дорога эта не имѣетъ и обратныхъ грузовъ, такъ какъ иностранные корабли, за отсутствіемъ въ нашемъ южномъ краѣ спроса на заграничные товары, приходятъ въ Севастополь только съ баластомъ. Если и случается нѣкоторымъ заграничнымъ кораблямъ получить грузъ для южной Россіи, то корабли эти направляются къ портамъ вдающимся въ глубь материка, чтобъ быть ближе къ центрамъ потребленія и тѣмъ избѣжать болѣе дальняго провоза по желѣзнымъ дорогамъ, и разумѣется получаютъ хлѣбные грузы въ этихъ портахъ. Такимъ образомъ ни соединеніе этой дороги съ Днѣпромъ выше и ниже пороговъ, ни превосходныя качества порта не дали Севастопольской дорогѣ значительныхъ грузовъ и дорога эта до сихъ не только не приноситъ дохода, но не покрываетъ даже расходовъ эксплоатаціи. Постройка этой дороги еще разъ доказала, что одни хорошіе пути сообщенія не могутъ вліять на развитіе промышленности и торговли и что для этого нужны еще многія другія условія, о которыхъ, къ сожалѣнію, мы кажется и не думали. Намъ казалось, что возможность сбыта нашихъ хлѣбныхъ грузовъ не имѣетъ предѣловъ лишь бы была

возможность доставить ихъ къ нашимъ портамъ; на практикѣ же оказалось, что предѣлы эти существуютъ и что они очень не широки, такъ какъ они ограничиваются количествомъ заграничнаго спроса, который въ свою очередь зависитъ отъ количества сбыта заграничныхъ товаровъ на нашихъ рынкахъ.

Точно также поражаетъ мнѣніе о томъ, что Ландваровская линія не должна окончиться при соединеніи ея съ Курско-Кіевской дорогой, а должна идти далѣе въ Полтавскую губернію и пройти черезъ Ромны, и потому этотъ городъ долженъ быть избранъ конечнымъ пунктомъ дороги. Намъ кажется напротивъ, что Ландваровская линія должна была или окончиться на Курско-Кіевской дорогѣ, или дойти до Харьково-Кременчугской въ Полтавѣ, но ни въ какомъ случаѣ не могла остановиться въ Ромнахъ какъ въ конечномъ пунктѣ, ибо городъ этотъ, находясь въ степи, не имѣетъ особаго торговаго значенія. Ясно, что впослѣдствіи дорога эта должна быть продолжена до соединенія ея съ другими линіями и тогда всѣ дорогія сооруженія, возведенныя въ Ромнахъ какъ въ конечномъ пунктѣ дороги пропадутъ даромъ. Что же касается эксплуатаціи участка отъ Роменъ до Конотопа на Курско-Кіевской дорогѣ, то по всей вѣроятности онъ кромѣ убытка ничего не приноситъ, въ виду односторонняго, временнаго и слѣдовательно незначительнаго движенія.

Но какъ бы то ни было, первая часть новой сѣти составилась изъ слѣдующихъ шести линій: 1) Смоленско-Брестской 620 вер.; 2) Бресто-Бердичевской 445 верстъ; 3) Лозово-Севастопольской 600 верстъ; 4) Самаро-Бузулукской 150 верстъ; 5) Ландварово-Роменской 725 верстъ; 6) Ростово-Владикавказской 700 верстъ; всего 3,240 верстъ.

Остальныя 18 линій обсуждались въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ 6, 13 и 20 марта 1870 года. Противъ проекта Министра Путей Сообщенія были представлены особыя письменныя мнѣнія со стороны генералъ-адъютанта Зеленаго и инженеръ-генерала Мельникова.

Первый изъ нихъ указывалъ на отсутствіе въ новой сѣти желѣзной дороги въ Архангельскую губернію, тогда какъ эта дорога положительно необходима для обезпеченія продовольствія населенія названной губерніи. Генералъ-адъютантъ Зеленый ссылался на мнѣніе коммиссіи, учрежденной въ 1868 году для пособія пострадавшему отъ неурожая краю, которая находила необходимымъ сооруженіе Вятско-Двинской желѣзной дороги. Справедливость этого мнѣнія подтвердилась и въ 1869 году особымъ изслѣдованіемъ мѣръ къ

обезпеченію продовольствія сѣвернаго населенія. На этихъ основаніяхъ, генералъ-адъютантъ Зеленый находилъ возможнымъ отложить постройку Фастовской, Скопино-Вяземской и Тульско-Елецкой дорогъ и включить въ сѣть Вятско-Двинскую и Сибирскую или какую другую.

Если нельзя согласиться въ этомъ случаѣ съ необходимостью сооруженія Сибирской дороги, то трудно было возражать противъ безусловной необходимости Вятско-Двинской, отсутствіе которой всегда можетъ повести къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ 1868 года. Вообще говоря, нашъ сѣверный край по отсутствію удобныхъ сообщеній смотритъ какимъ-то пасынкомъ нашего общаго отечества, не смотря на то, что онъ несетъ тѣ же повинности и податныя тягости какъ и другія мѣстности, находясь притомъ въ менѣе благопріятныхъ какъ климатическихъ, такъ и почвенныхъ условіяхъ. Намъ бы казалось, что слѣдовало давно подумать объ облегченіи положенія этого края сооруженіемъ большой магистральной линіи, которая проходила бы вблизи водораздѣла Бѣлаго и Каспійскаго морей и оконечностями своими опиралась на Петербургъ и Пермь. Безъ этого пути нашъ сѣверный край не въ состояніи выдержать конкуренцію съ другими мѣстностями Россіи и постепенное его раззореніе будетъ только вопросомъ времени. Что же касается до соединенія желѣзной дорогой рѣкъ Вятки и Двины, то оно является нравственной обязанностію государственныхъ дѣятелей въ видахъ предупрежденія событій недавняго прошлаго. Мысль объ отсрочкѣ сооруженія такихъ дорогъ какъ Ростовская, Вяземская и Тульско-Елецкая, мы также признаемъ вполнѣ раціональною и можемъ только пожалѣть, что она не была принята. Опытъ вполнѣ подтвердилъ основательность такого мнѣнія, такъ какъ дороги эти не только не даютъ дохода, но и не покрываютъ расходовъ эксплоатаціи.

Инженеръ генералъ Мельниковъ, въ виду того обстоятельства, что разрѣшенныя дороги уже примыкали въ 7 пунктахъ къ Волгѣ, къ 5 Балтійскимъ портамъ, къ четыремъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей и въ шести пунктахъ выходили на западную границу, указывалъ на необходимость соединенія съ общей желѣзнодорожной сѣтью Сибири и Архангельскаго порта. Сибирская линія отъ Тобола черезъ Пермь до Волги, по мнѣнію генерала Мельникова, имѣетъ государственное значеніе, такъ какъ она можетъ приблизить къ центру государства не одинъ зауральскій край, но — при посредствѣ обширной водной системы — и дальнѣйшія части Сибири. Кромѣ того, путь этотъ не только создастъ возможность обмѣна сырыхъ

сибирскихъ продуктовъ на произведенія русскихъ фабрикъ и предметы заграничнаго привоза, не только обезпечитъ продовольствіе уральскаго горнозаводскаго населенія, но и дастъ возможность къ такому развитію горнаго и механическаго производства, которое *прекратитъ зависимость нашихъ желѣзныхъ дорогъ отъ иностранныхъ заводовъ,— зависимость сопряженную съ ущербомъ для денежнаго курса и могущую имѣть самыя гибельныя послѣдствія въ случаѣ долгаго политическаго разрыва.* Линію къ Архангельскому порту отъ Вятки или Котельнича до сліянія рѣкъ Вычегды и сѣверной Двины генералъ Мельниковъ считалъ положительно необходимой, сходился въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта Зеленаго и полагалъ исключить изъ предположенной сѣти тѣже самыя линіи. Скопинско-Вяземская линія, по его мнѣнію, только спрямила бы путь отъ Ряжска черезъ Москву до Вязьмы и могла только отрывать грузы отъ другихъ гарантированныхъ правительствомъ дорогъ. Линія отъ Ельца до Туло-Скопинской дороги предположена между тремя желѣзными дорогами и среднее разстояніе гужевой къ нимъ подвозки не превышаетъ 40—65 верстъ. Въ такихъ же условіяхъ находится и Фастовская дорога, такъ какъ мѣстность, по которой она проходитъ нуждается въ гужевомъ подвозѣ не болѣе какъ на разстояніи въ 35 верстъ. Соединеніе Воронежско-Грушевской и Азовской дорогъ не обѣщаетъ существенной пользы, такъ какъ развитіе каменно-угольнаго промысла можетъ быть достигнуто специальными небольшими вѣтвями. Генералъ Мельниковъ полагалъ также отложить сооруженіе Моршанско-Сызранской линіи и сдѣлать подробное изслѣдованіе сравнительныхъ выгодъ этой линіи съ Самаро-Нижегородской, такъ какъ послѣдняя имѣетъ очень многое въ свою пользу. Будучи частью прямаго сообщенія между Оренбургомъ, Москвою и Балтійскимъ моремъ Самаро-Нижегородская линія не длиннѣе Моршанской и не входитъ подобно Моршанской въ районъ Саратовской. Она даетъ направленіе оренбургскому хлѣбу въ нуждающіяся въ немъ мѣстности Нижегородской и Владимірской губерніи и удовлетворяетъ интересамъ удѣльнаго вѣдомства, пересѣкая лѣсныя пространства, остающіяся непроизводительными за недостаткомъ сообщеній. Наконецъ Елтонскую линію онъ находилъ нужнымъ направить не къ Камышину, а къ Царицыну, такъ какъ при послѣднемъ направленіи соль можетъ быть отправляема въ теченіи всего года безъ водянаго пути, который прекращается въ зимнее время и при этомъ усилилось бы движеніе на Грязе-Царицынской дорогѣ, доходы которой гарантированы правительствомъ.

Мы нарочно выписали довольно подробно мнѣніе инженеръ генерала Мельникова, какъ бывшаго министра Путей Сообщенія, такъ какъ оно должно особенно интересовать читателей. Всматриваясь ближе въ это мнѣніе нельзя не замѣтить, что, подходя довольно близко съ дѣйствительнымъ интересамъ Россіи и угадывая ихъ отчасти, онъ не вполнѣ однако ясно опредѣлилъ ихъ. Вслѣдствіе этого вполнѣ вѣрные взгляды перемѣшаны съ ошибочнымъ мнѣніемъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ состояніи не только содѣйствовать развитію промышленности, но даже способна создать ее. Мы вполнѣ соглашаемся съ необходимостью желѣзной дороги для нашего сѣвера, но никакъ не можемъ согласиться, что эта дорога должна идти отъ Перми къ Волгѣ. Въ этомъ направленіи мы имѣемъ очень удобный путь передвиженія, а потому нашъ сѣверный край нуждается въ другой магистральной линіи, которая сближала бы его съ ея портовыми городами Архангельскомъ и Петербургомъ. Что же касается сообщенія съ Москвою, то эта потребность — конечно, будетъ удовлетворена проведеніемъ вѣтви отъ главной магистральной линіи къ Нижнему-Новгороду. Слѣдовательно вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ не есть вопросъ только о соединеніи Сибири съ центромъ русской промышленности Москвою, а тѣсно связанъ съ поддержаніемъ жизни всего нашего сѣвернаго края. Дорога вблизи водораздѣла Бѣлаго и Балтійскаго бассейновъ прямо къ Петербургу укоротитъ разстояніе отъ Перми до Петербурга по меньшей мѣрѣ на 300 верстъ, чѣмъ путь черезъ Казань, Нижній и Москву, а слѣдовательно удешевитъ провозъ товаровъ по меньшей мѣрѣ на 15%, не считая дешевизны сооруженія этого пути и дешевизны его эксплоатаціи. Но даже еслибъ такого удешевленія и не послѣдовало, то и тогда этому направленію слѣдуетъ отдать преимущество передъ направленіемъ на Казань и Нижній-Новгородъ въ видахъ удовлетворенія разомъ нѣсколькимъ цѣлямъ, а именно: сближенію Архангельскаго порта съ Уральскимъ краемъ и хлѣбными рынками, сокращенію пути къ Петербургу и поддержанію жизни во всемъ сѣверномъ краѣ Россіи. При этомъ возможность соединенія Москвы съ Ураломъ не только не уменьшается, а напротивъ, значительно облегчается, тогда какъ линія отъ Екатеринбурга на Казань уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить всѣмъ поименованнымъ цѣлямъ. Кромѣ того направленіе всѣхъ сибирскихъ и уральскихъ грузовъ на Москву не только возвыситъ ихъ цѣнность въ Петербургѣ и слѣдовательно уменьшитъ заграничный на нихъ спросъ, но и затруднитъ перевозку ихъ по Николаевской дорогѣ, такъ какъ по количеству движенія она уже и

теперь затрудняется удовлетворять требованію, которое увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ видахъ устраненія этихъ послѣднихъ неудобствъ для уральскихъ и сибирскихъ грузовъ, подлежащихъ вывозу, необходимо создать новый выходъ, не загромождая ими Николаевской дороги, которая представляетъ единственно возможный путь движенія грузовъ изъ центральныхъ губерній. Мы подчеркнули также въ мнѣніи генерала Мельникова, то мѣсто, въ которомъ выражена надежда, что Сибирская дорода можетъ послужить къ такому развитію у насъ горнаго и механическаго дѣла, которое поставитъ насъ внѣ зависимости отъ иностранныхъ заводовъ. Противъ этого можно сказать, даже не становясь на научную точку зрѣнія въ международномъ обмѣнѣ, что для подобнаго развитія нужны не одни желѣзные пути, а и другія, очень многія условія и прежде всего возможность усиленія народныхъ сбереженій и слѣдовательно уменьшеніе податныхъ тягостей. Безъ этого послѣдняго условія нельзя имѣть ни матерьяльныхъ, ни нравственныхъ капиталовъ, нужныхъ для развитія всей культуры страны. Заботы правительства должны выражаться лишь въ тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ содѣйствовать всѣмъ вообще видамъ промышленности, а не какой либо отдѣльной ея отрасли, такъ какъ содѣйствіе, напримѣръ, горному и механическому производству, никогда не двинетъ его впередъ, если развитіе общей культуры не подготовило для этого удобной почвы. Прежде всего необходимо приготовить плодородную почву, а за тѣмъ уже заботы ваши могутъ перейти на воздѣлываніе того или другаго растенія, смотря по условіямъ мѣста и времени. На этомъ основаніи мечтать о нашей независимости отъ иностранныхъ заводовъ, прежде чѣмъ народъ нашъ будетъ въ состояніи дѣлать сбереженія—все равно, что гоняться за своею тѣнью. Но еще болѣе странною показалась намъ мысль, что наша зависимость можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія въ случаѣ продолжительнаго политическаго разрыва. При настоящемъ положеніи военнаго дѣла и при тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя вызываются въ экономическомъ отношеніи прекращеніемъ международнаго обмѣна вообще, политическій разрывъ и въ особенности продолжительный представляется такимъ народнымъ бѣдствіемъ, въ виду котораго не стоитъ и говорить о неудобствахъ, возникающихъ вслѣдствіе зависимости нѣкоторыхъ нашихъ потребностей отъ заграничныхъ фабрикъ и заводовъ. Политическій разрывъ и военныя дѣйствія, какъ прямыя его послѣдствія, представляютъ дѣйствительное бѣдствіе, временное же прекращеніе привоза какихъ бы то ни было предметовъ потребленія, есть только

неудобство, которое всегда можетъ быть предотвращено извѣстнымъ количествомъ запасовъ, состоящихъ въ распоряженіи торговли, — запасовъ, которые обыкновенно возрастаютъ въ моменты, когда политическій горизонтъ чѣмъ нибудь омрачается. Англія, напримѣръ, въ этомъ отношеніи находится въ гораздо большей зависимости отъ Россіи, чѣмъ послѣдняя отъ Англіи, такъ какъ Россія снабжаетъ Англію средствами продовольствія, т. е. удовлетворяетъ наиболѣе существенную потребность Англіи. Тѣмъ не менѣе Англія не убоялась разрыва и, въ виду его возможности, торговля Англіи потребовала отъ Россіи въ 1877 году чуть не двойное количество хлѣбныхъ грузовъ въ запасъ на случай войны. При настоящихъ условіяхъ война не можетъ продолжаться болѣе года; она требуетъ такого напряженія народныхъ силъ, которое не легко выдержать и такое время, а потому запасы, состоящіе въ распоряженіи торговли, всегда въ состояніи удовлетворить данную потребность тѣмъ болѣе, что пополненіе этихъ запасовъ всегда можно сдѣлать при посредствѣ нейтральныхъ державъ. Если же такимъ образомъ извѣстные заграничные товары на время войны возвысятся въ цѣнѣ, то очевидно, что лучше перенести дороговизну временно, чѣмъ водворять ее постоянно. Кромѣ того, мы думаемъ, что экономическія условія народной жизни должны складываться въ видахъ нормальнаго порядка вещей, а вовсе не въ видахъ военнаго времени, которое не имѣетъ въ себѣ ничего нормальнаго. Было бы очень нерасчетливо, если бы мы на случай возможной войны, стали бы жертвовать продолжительными эпохами мирнаго времени и уродовать условія нормальнаго порядка вещей для того только, чтобъ избѣжать нѣкоторыхъ неудобствъ военнаго времени. Нѣтъ, лучше, тысячу разъ лучше выдержать самую страшную дороговизну въ теченіи одного какого нибудь года, чѣмъ терпѣть искусственное возвышеніе цѣнъ на 10 или 15% въ длинные періоды мирнаго времени. При послѣднемъ порядкѣ вещей, народныя средства тратятся понемногу, но постоянно, что препятствуетъ накопленію капиталовъ и тѣмъ сильнѣе подрываетъ экономическія силы страны, чѣмъ менѣе обращаетъ на себя вниманія.

Изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ заключить, что желѣзныя дороги при обиліи капиталовъ въ странѣ, могутъ дать сильный толчекъ существующей промышленности, но было бы иллюзіей предположеніе о возможности этимъ средствомъ вызвать къ жизни новыя отрасли производства. Если же при этомъ податныя тягости народа увеличиваются и тѣмъ уменьшается возможность накопленія сбереженій, то

желѣзныя дороги не только не приносятъ пользы промышленности, но онѣ парализуютъ ея развитіе, отвлекая послѣдніе капиталы отъ ихъ прямаго и естественнаго назначенія. Кромѣ того онѣ стягиваютъ свободные капиталы къ большимъ промышленнымъ и административнымъ центрамъ въ видахъ затраты ихъ въ крупныя предпріятія и вызываютъ биржевую игру: однимъ словомъ, онѣ представляютъ каналы, посредствомъ которыхъ крупные центры высасываютъ жизненныя силы провинціи и тратятъ ихъ не производительно.

Комитетъ желѣзныхъ дорогъ, приступивъ къ обсужденію всѣхъ поступившихъ въ него заявленій, прежде всего обратился къ тѣмъ дорогамъ, которыми пополнялась большая линія, долженствовавшая соединить Оренбургъ съ Балтійскими портами, а именно Оренбурго-Бузулукской, Самаро-Сызранско-Моршанской, Скопино-Тульско-Вяземской и Динабурго-Шавельской.

Противъ Оренбурго-Бузулуской линіи въ дополненіе къ Самаро-Бузулукской никто не возражалъ, но, по поводу продолженія этой дороги чрезъ Сызрань внутрь Россіи, мнѣнія комитета желѣзныхъ дорогъ раздѣлились. Четыре члена, соглашаясь съ проектомъ Министра Двора, считали болѣе выгоднымъ направленіе пути отъ Сызрани на Нижній-Новгородъ, тогда какъ 10 членовъ находили необходимымъ вести дорогу черезъ Пензу къ Моршанску. Основаніемъ для такого разногласія послужилъ различный взглядъ членовъ на направленіе, которое можетъ принять наша средне-азіатская торговля, т. е. какъ лучше и прямѣе направить транзитную черезъ Россію торговлю средней Азіи съ Европой. Мы думаемъ, что всѣ подобныя соображенія о сношеніяхъ не только съ средней Азіей, но и съ Оренбургскимъ краемъ чрезвычайно проблематичны и разрѣшать подобные вопросы въ настоящее время по меньшей мѣрѣ преждевременно, да и притомъ нѣтъ никакой надобности. Намъ кажется, что выдвигать изъ общей сѣти желѣзную дорогу къ такому отдаленному пункту какъ Оренбургъ не было никакой надобности. Гораздо было бы выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи вести развѣтвленіе уже существующихъ путей и такимъ образомъ раздвигать всю сѣть къ востоку, чѣмъ создавать новую магистральную линію, которая не будетъ окупаться до тѣхъ поръ, пока культура Оренбургскаго края не разовьется до извѣстной степени, чего намъ долго еще не дождаться. Преждевременное разрѣшеніе вопроса о сооруженій Самаро-Оренбургской дороги вызывало собою и вопросъ о продолженіи этой дороги внутрь Россіи, тогда какъ правильное развитіе сѣти должно было идти какъ разъ на оборотъ, т. е. отъ центра къ окружности. Мы не будемъ входить

подробное изложеніе мотивовъ разногласія гг. членовъ комитета, такъ какъ по нашему мнѣнію доводы обѣихъ сторонъ не выдерживаютъ критики и укажемъ только на тѣ, которые представляются дѣйствительно реальными. Такимъ реальнымъ мотивомъ въ мнѣніи четырехъ членовъ комитета является то обстоятельство, что Самаро-Нижегородская линія прошла бы по обширнымъ лѣснымъ дачамъ Удѣльнаго Вѣдомства, находящимся въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ, занимающихъ площадь въ 700,000 десятинъ и остающихся мертвымъ капиталомъ за недостаткомъ сбыта лѣсныхъ матерьяловъ. Хотя, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, подобное соображеніе и не выдерживаетъ критики, но во всякомъ случаѣ такой мотивъ имѣетъ въ виду дѣйствительные, практическіе интересы, тогда какъ развитіе транзитной торговли между Европой и средней Азіей представляетъ собою какія-то воздушные замки, не болѣе. Точно также, въ мнѣніи 10 членовъ, реальнымъ основаніемъ можно только считать то обстоятельство, что для соединенія Сызрани съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ кратчайшій путь идетъ черезъ Пензу къ Моршанску и что слѣдовательно такой путь требуетъ наименьшихъ затратъ. Дѣйствительно, если сооруженіе линіи отъ Оренбурга до Самары рѣшено, то, конечно, невозможно было на этомъ остановиться и необходимо было связать эту линію съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ Моршанскѣ черезъ Сызрань и Пензу, въ виду кратчайшаго разстоянія по этому направленію. Но при этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что соединеніе Оренбурга съ Самарою вовсе не было необходимостію, а слѣдовательно и сооруженіе Моршанско-Сызранской линіи, проходящей почти въ раіонѣ Саратовско-Тамбовской дороги, было чистѣйшей роскошью. Оренбургъ также удобно могъ быть соединенъ съ Саратовомъ какъ и съ Самарою и разстояніе отъ Оренбурга до Москвы не увеличилось бы нисколько. Въ настоящее время разстояніе отъ Оренбурга до Ряжска составляетъ 1,135 верстъ; отъ Саратова же до Ряжска 520 верстъ, а прямое направленіе между Саратовомъ и Оренбургомъ составляетъ не болѣе 530 верстъ. Такимъ образомъ, около 85 верстъ остается еще на кривизны и обходы неудобныхъ мѣстностей. Для государственнаго казначейства подобное направленіе было бы значительно выгоднѣе, такъ какъ вмѣсто 1,006 верстъ, составляющихъ разстояніе между Моршанскомъ и Оренбургомъ, нужно было бы построить только линію въ 550 верстъ между Оренбургомъ и Саратовомъ, слѣдовательно средства на сооруженіе болѣе 400 верстъ, затраченныя на Моршанско-Сызранскую дорогу, остались бы въ экономіи и могли

быть употреблены съ бо̀льшею пользою на питательныя вѣтви къ другимъ дорогамъ, не имѣющимъ грузовъ. Но главная выгода подобнаго направленія состояла бы въ томъ, что Саратовская линія, приносящая нынѣ убытокъ и земству и правительству, обратилась бы въ весьма доходную линію въ особенности, если построить къ ней нѣсколько питательныхъ вѣтвей, такъ напримѣръ къ селенію Валандѣ, къ Туркамъ и Балашову и къ городу Сердобску. Всѣ эти мѣстности дали бы дорогѣ значительное количество грузовъ. Разъ подобное направленіе отъ Оренбурга къ Саратову было бы избрано, не было бы никакой надобности строить Скопино-Вяземской линіи, которая поглотила много милліоновъ и долго останется дорогою совершенно бездоходною. Стоило бы только провести вѣтвь отъ Тамбова къ Грязямъ, чтобы избѣжать передачи вагоновъ на Тамбово-Козловскую и Козлово-Воронежскую дорогу и тогда Тамбово-Саратовская дорога вошла бы въ прямую связь съ Орлово-Грязской и Орлово-Рижской линіей. Всѣ эти линіи гарантированы правительствомъ и на этомъ основаніи казалось бы, что вся забота его должна была обратиться на то, чтобъ сосредоточить на этихъ линіяхъ возможно большее количество грузовъ, а отнюдь не строить паралельныхъ линій, если они имѣютъ только транзитное значеніе. Въ данномъ случаѣ доходность всѣхъ линій отъ Грязей до Смоленска возросло бы значительно, еслибъ дорога отъ Оренбурга была направлена на Саратовъ, а часть капиталовъ затраченныхъ на Моршанско-Сызранскую линію была бы употреблена на питательныя вѣтви.

Относительно Скопинско-Вяземской дороги комитетъ не соглашаясь съ мнѣніемъ генераловъ Мельникова и Зеленаго нашелъ, что линія эта открываетъ прямой и кратчайшій путь отъ средней Волги въ сѣверо-западную Окраину и въ Балтійскіе порты. Но мы уже видѣли, что она при содѣйствіи Моршанско-Оренбургской линіи только отвлекаетъ грузы и уменьшаетъ доходность Саратово-Рижской линіи. Что же касается предположенія, что на этой дорогѣ разовьется каменно-угольная промышленность, то и эта надежда комитета вовсе не подтвердилась, такъ какъ уголь этотъ оказался весьма недоброкачественнымъ и вовсе негоднымъ для перевозки на значительное разстояніе.

Линію Динабурго-Шавельскую комитетъ призналъ также необходимою для кратчайшаго соединенія Либавы съ желѣзнодорожною сѣтью. Опытъ показалъ, что Либавскій портъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ соперничать съ Кенигсбергомъ и Ригой и чт[illegible] желѣзные пути къ Либавѣ были совершенно напрасны.

По отношенію къ сѣвернымъ дорогамъ комитетъ выразилъ желаніе, чтобы кромѣ Ярославско-Вологодской желѣзной дороги была выстроена Вятско-Двинская дорога въ видахъ обезпеченія продовольствія жителей Архангельской губерніи, а также въ видахъ возстановленія упавшей Бѣломорской торговли, такъ какъ, при сооруженіи этой дороги, весенніе Камскіе и Волжскіе грузы поспѣвали бы къ Архангельскому порту 2-мя и 4-мя мѣсяцами ранѣе, чѣмъ поспѣваютъ водою въ С.-Петербургъ. При этомъ выражено однако сомнѣніе въ значительномъ движеніи грузовъ по обѣимъ дорогамъ, а потому рѣшено примѣнить къ нимъ систему путей узкоколейныхъ, для удешевленія стоимости ихъ сооруженія.

Въ этомъ постановленіи комитета желѣзныхъ дорогъ весьма важно совершенно справедливое замѣчаніе о паденіи Бѣломорской торговли, что̀ есть прямое слѣдствіе быстраго развитія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ центральной Россіи. Обстоятельство это весьма наглядно подтверждаетъ неоднократно выраженную нами мысль, что по мѣрѣ улучшенія путей сообщенія внутри Россіи положеніе нашего сѣвернаго края, находящагося въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ необходимо должно ухудшаться, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ другими мѣстностями Россіи. На этомъ основаніи устройство сѣверной магистральной линіи отъ Перми къ Петербургу съ вѣтвью къ сѣверной Двинѣ составляетъ нынѣ долгъ Россіи въ отношеніи къ забытой нами сѣверной окраинѣ. Что же касается системы узкоколейныхъ путей, въ видахъ удешевленія ихъ постройки, то если эта система примѣнена будетъ ко всѣмъ дорогамъ подлежащимъ проведенію къ сѣверу отъ Волги, то мы не находимъ въ томъ никакого неудобства, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая практика, конечно, дастъ возможность улучшить способы передвиженія по такимъ путямъ, въ чемъ трудно сомнѣваться. Кромѣ того узкоколейная дорога даже въ два пути будетъ стоить дешевле, чѣмъ широко-колейная въ одинъ путь, и слѣдовательно будетъ въ состояніи перевозить количество грузовъ не менѣе широко-колейной въ одинъ путь.

По поводу Уральской желѣзной дороги комитетъ воздержался опредѣлить выгоднѣйшее ея направленіе, въ виду крайней противуположности показаній частныхъ лицъ, производившихъ изысканія; поэтому, признавъ необходимымъ сооруженіе линіи отъ Камы до Тобола (700 верстъ), опредѣлилъ командировать спеціальную коммиссію изъ инженеровъ путей сообщенія и горнаго вѣдомства для мѣстныхъ изысканій, указавъ этой коммиссіи, что главнымъ условіемъ Уральской дороги должно быть удовлетвореніе нуждамъ горнозавод-

ской промышленности въ связи съ обезпеченіемъ заводовъ хорошимъ и дешевымъ каменнымъ углемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уральская линія должна соотвѣтствовать всѣмъ потребностямъ сибирскаго транзита, подходить къ Камѣ въ удобномъ мѣстѣ для ея перехода (въ виду будущаго продолженія этой линіи) и удовлетворять условіямъ наиболѣе дешевой системѣ построенія.

Мы позволимъ себѣ замѣтить, что, давая подобную инструкцію коммиссіи, комитетъ желѣзныхъ дорогъ возлагалъ на нее не разрѣшимую задачу, такъ какъ удовлетворить такимъ противуположнымъ цѣлямъ одна дорога рѣшительно не можетъ. Потребности горнозаводской промышленности состоятъ въ возможности получать по дешевымъ цѣнамъ минеральное топливо и предметы продовольствія. Такимъ потребностямъ всего лучше можетъ удовлетворять дорога отъ Луньевскихъ каменно-угольныхъ копій, проходящая чрезъ наиболѣе значительные заводы и Екатеринбургъ и доходящая если не до Троицка, то по крайней мѣрѣ до Челябинска, т. е. линія, идущая почти въ направленіи отъ сѣвера къ югу уклоняясь нѣсколько на востокъ. Такая дорога, доставляя съ сѣвера уголь въ обратныхъ поѣздахъ, подвозила бы къ заводамъ предметы продовольствія для горнозаводскаго населенія. Между тѣмъ для удовлетворенія потребностямъ сибирскаго транзита нуженъ кратчайшій путь отъ Перми чрезъ Екатеринбургъ до Тюмени, т. е. линія пересѣкающая первую почти подъ прямымъ угломъ. Выполнить подобную инструкцію можно было только, не удовлетворивъ вполнѣ ни той, ни другой цѣли, на что прямо указываетъ нынѣ устроенная желѣзная дорога, такъ какъ она уклоняясь слишкомъ къ сѣверу для того чтобъ захватить наиболѣе значительные заводы и удлинняя такимъ образомъ путь отъ Перми до Екатеринбурга и увеличивая стоимость перевозки не соотвѣтствуетъ потребностямъ сибирскаго транзита; останавливаясь же въ Екатеринбургѣ безъ продолженія на югъ, она не даетъ возможности горнозаводскому населенію пользоваться дешевымъ продовольствіемъ. Такимъ образомъ желаніе удовлетворить многоразличнымъ цѣлямъ сооруженіемъ одной линіи не доставило краю тѣхъ удобствъ, которыхъ можно было ожидать отъ такой значительной затраты государственныхъ средствъ.

Наконецъ относительно Елтонской дороги комитетъ заключилъ не предрѣшать вопроса ни о направленіи дороги отъ Елтона, ни о признаніи именно озеро Елтона наиболѣе выгоднымъ изъ Нижневолжскихъ соляныхъ мѣсторожденій и предоставить Министрамъ

Путей Сообщенія и Финансовъ разъяснить этотъ вопросъ и затѣмъ войти съ особымъ представленіемъ.

На основаніи этихъ соображеній въ дополненіе къ утвержденной 1-го марта 1870 года первой части сѣти желѣзныхъ дорогъ составилась вторая ея часть, которая и удостоилась Высочайшаго утвержденія 27 марта того же года. Въ нее вошли слѣдующія дороги:

1)	Оренбурго-Бузулукская	240	верстъ
2)	Самаро-Пензенско-Моршанская	580	„
3)	Скопино-Тульская } Ряжско-Вяземская	385	„
4)	Тульско-Калужско-Вяземская } Ряжско-Вяземская		
5)	Динабурго-Шавельская	200	„
6)	Отъ Орлово-Грязской до Скопино-Тульской дороги (Вѣтвь Ряжско-Вяземской къ Ельцу).	135	„
7)	Отъ Ливенъ до Елецко-Орловской дороги	54	„
8)	Кишинево-Прутская	103	„
9)	Отъ Николаева до Елизаветградо-Кременчугской дороги (Знаменско-Николаевская)	215	„
10)	Отъ Елизаветградо-Кременчугской дороги до Кіево-Балтской (фастовская)	220	„
11)	Отъ Роменъ до Харьково-Кременчугской дороги (продолженіе Ландварово-Роменской).	160	„
12)	Отъ Азовской дороги чрезъ заводъ Юза до Маріуполя	185	„
13)	Отъ Азовской до Воронежско-Ростовской дороги	200	„
14)	Отъ Грушевки до Калача	270	„
15)	Уральская	1000	„
16)	Вологодская		
17)	Вятско-Двинская		
18)	Соляная Нижневолжская		
	Сверхъ того въ эту сѣть введены вѣтви Радзивиловская отъ Праги до Новогеоргіевска и отъ Лукова до Ивангорода, двѣ послѣднія по требованію военнаго Министра	180	„
	Итого	4127	верстъ

Означенную сѣть постигла таже участь, какъ и всѣ прочія утвержденныя сѣти, т. е. нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ не только не построены до настоящаго времени, но и неизвѣстно когда будутъ

строиться, тогда какъ другія, вовсе не входившія въ сѣть, давно уже выстроены и успѣли не только поглотить значительныя средства государственнаго казначейства, но и задолжать правительству вслѣдствіе займовъ на покрытіе дефицитовъ по эксплуатаціи. Къ числу не построенныхъ до сихъ поръ дорогъ, не смотря на существенную въ нихъ необходимость относятся: 1) Продолженіе Ландварово-Роменской дороги до ея пересѣченія съ Харьково-Кременчугской дорогой; 2) Маріупольская, не смотря на то, что начало ея подъ именемъ Константиновской дороги построено и приноситъ постоянный убытокъ; 3) Вятско-Двинская, необходимая въ видахъ предупрежденія повторенія голодной катастрофы 1868 года, всегда возможной при настоящемъ положеніи путей сообщенія, и 4) Нижневолжская, необходимая въ видахъ удешевленія соли. Вмѣсто этихъ совершенно необходимыхъ путей выстроены другіе далеко неимѣющіе такого значенія и приносящіе чистѣйшій убытокъ. Сюда относятся: Риго-Болдерааская, Путиловская, Гутуевская, участокъ отъ Митавы до Можейки, продолженіе Новоторжской дороги до Ржева и наконецъ Привислянская дорога, которая едва ли когда нибудь будетъ выгодна, конкурируя съ Юго-Западною. Мы не говоримъ уже о Новгородской узкоколейной и Боровицкой, такъ какъ дороги эти выстроены на частныя средства и быть можетъ не будутъ обременять собою средствъ государственнаго казначейства.

Изложивъ такимъ образомъ соображенія, на основаніи которыхъ утверждена послѣдняя сѣть желѣзныхъ дорогъ, мы изложимъ въ настоящей статьѣ исторію сооруженія тѣхъ изъ нихъ, которыя входили въ сѣть, утвержденную 27 декабря 1868 года.

Хотя Смоленско-Брестская линія вошла только въ послѣднюю сѣть желѣзныхъ дорогъ, но условія ея сооруженія мы изложили во второй нашей статьѣ, говоря о постройкѣ Московско-Смоленской дороги, такъ какъ всѣ пренія о направленіи первой трудно было отдѣлить отъ послѣдней, а отсрочка сооруженія смоленско-брестской дороги послѣдовала только по финансовымъ соображеніямъ, такъ что при обсужденіи послѣдней сѣти вовсе не возникало никакихъ сужденій по этому вопросу. На этомъ основаніи мы переходимъ къ изложенію исторіи сооруженія Бресто-Бердичевской линіи—исторіи замѣчательной во многихъ отношеніяхъ.

Бресто-Бердичевская линія входила въ составъ сѣти, утвержденной 27 декабря 1868 года, но концессіи на ея сооруженіе въ теченіи 1869 года выдано не было, и какъ видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ по этому направленію, не было сдѣлано никакихъ пра-

вительственныхъ изысканій. Повидимому послѣ всѣхъ произведенныхъ опытовъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, послѣ такого значительнаго колебанія стоимости ихъ сооруженія и въ виду колоссальныхъ состояній, пріобрѣтенныхъ многими строителями, необходимость подробныхъ изысканій на мѣстѣ и опредѣленія дѣйствительной стоимости сооруженія были очевидны и потому нельзя не удивляться, что по этой линіи ничего подобнаго сдѣлано не было. Обстоятельство это мы позволяемъ себѣ объяснить только тѣмъ, что дорога эта внесена была въ сѣть въ видахъ стратегическихъ, и Министерство Путей Сообщенія, не придавая ей экономическаго значенія, быть можетъ не предполагало приступить къ ея сооруженію въ 1879 году. Между тѣмъ въ Министерствѣ Финансовъ и въ Министерствѣ Путей Сообщенія уже существовали предположенія о передачѣ въ частныя руки всей юго-западной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Весьма естественно что при подобномъ настроеніи въ Министерствѣ Путей Сообщенія возникла мысль о присоединеніи Бресто-Бердичевскаго участка къ линіи отъ Кіева до Жмеринки, а участка отъ Волочиска до Балты къ Одесской желѣзной дорогѣ, и объ образованіи двухъ обществъ Одесской и Кіево-Брестской желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ обѣ дороги, исходя изъ важныхъ торговыхъ центровъ могли имѣть кромѣ стратегическаго и экономическое значеніе. Быть можетъ настояніе Военнаго Министерства о скорѣйшемъ сооруженіи новаго стратегическаго участка заставило ускорить разрѣшеніемъ этого вопроса и приступить къ сооруженію этой линіи безъ предварительныхъ изысканій и подробнаго проекта. Это, конечно, только одна наша догадка.

И такъ, признавая полезнымъ передать частной предпріимчивости устройство и эксплуатацію всѣхъ югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ, Министерство Путей Сообщенія 27 февраля 1870 года внесло въ Комитетъ Министровъ проектъ нормальной концессіи на Кіево-Брестскую дорогу, составленный на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Кіево-Брестская дорога составляется изъ двухъ участковъ: а) участка отстроенной уже правительствомъ Кіево-Балтской дороги отъ Кіева до станціи Жмеринки съ вѣтвью отъ станціи Казатина до Бердичева 278 верстъ и б) участка, предположеннаго къ постройкѣ отъ Бердичева до Бреста съ вѣтвью къ Австрійской границѣ у Радзивилова 535 верстъ.

2) Предположенное къ учрежденію общество Кіево-Брестской желѣзной дороги обязывается пріобрѣсти отъ правительства первый участокъ (отъ Кіева до Жмеринки) съ подвижнымъ составомъ,

произвести на этомъ участкѣ дополнительныя обзаведенія, устройства и усиленіе подвижнаго состава и выстроить въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ, согласно указаннымъ техническимъ условіямъ, второй участокъ отъ Бердичева до Бреста и Радзивилова, снабдивъ также и этотъ послѣдній подвижнымъ составомъ и всѣми принадлежностями для эксплуатаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество обязывалось войти въ соглашеніе съ компаніею Галиційской Лемберго-Бродской желѣзной дороги касательно соединенія этой послѣдней съ Радзивиловскою вѣтвію Кіево-Брестской дороги. Обществу предоставляется владѣніе дорогою въ теченіи 81 года.

3) Стоимость уступаемаго Правительствомъ участка опредѣлена въ 14.877,000 рублей металическихъ согласно поверстной стоимости сооруженія по контракту съ Девріеромъ. Сумму эту правительство должно получить акціями общества на номинальную стоимость въ 5.292,000 руб. и облигаціями на 14.544,000, всего на 19.836,000 руб., т. е. считая по 75% дѣйствительной стоимости за каждый рубль нарицательнаго капитала. Стоимость дополнительныхъ работъ и поставокъ на первомъ участкѣ опредѣлена въ 1.485.000 руб. метал., для полученія этой суммы обществу разрѣшался выпускъ акцій на 1.980.000 руб. тоже по расчету 75% за сто.

4) Капиталъ на постройку втораго участка образуется выпускомъ на одну треть негарантированныхъ акцій и на остальныя двѣ трети облигацій съ правительственною гарантіей 5% дохода и 1/10% погашенія. Всѣ облигаціи правительство оставляло за собою, выплачивая за нихъ по мѣрѣ окончанія работъ наличными деньгами по 75 за сто. Самому же обществу предоставлялось реализировать лишь акціи по второму участку и на покрытіе расходовъ по дополнительнымъ работамъ и поставкамъ на первомъ участкѣ. Размѣръ капитала на сооруженіе 2-го участка долженъ былъ опредѣлиться по конкуренціи между соискателями концессіи.

5) Количество подвижнаго состава опредѣлено для всей линіи 181 паровозъ и 3422 вагона вмѣстѣ съ платформами, т. е. на 813 верстъ протяженія одинъ паровозъ на 4 1/2 версты и по 4 вагона на версту.

6) 20% акціонернаго капитала слѣдовало внести въ Государственный Банкъ въ удостовѣреніе образованія общества, каковой капиталъ и долженъ былъ выдаваться обществу по мѣрѣ производства работъ въ процентномъ отношеніи этой суммы ко всему капиталу, назначенному на новыя работы и поставки.

7) Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія концессіи об-

щество обязывалось представить на утвержденіе Министра Путей Сообщенія общій проектъ устройства втораго участка дороги и дополнительныхъ работъ на первомъ участкѣ, а также разцѣночную вѣдомость, обнимающую весь нарицательный капиталъ, назначенный на устройство дороги.

Этотъ проектъ нормальной концессіи на Кіево-Брестскую дорогу былъ утвержденъ постановленіемъ Комитета Министровъ 10 марта 1870 года и министру финансовъ предоставлено было вызвать соискателей на образованіе акціонернаго общества. Вслѣдствіе поступившихъ отъ разныхъ лицъ предложеній по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ вызваны были къ конкуренціи слѣдующія лица: 1) дѣйствительный статскій совѣтникъ Воронинъ и статскій совѣтникъ Герсфельдъ; 2) коммерціи совѣтникъ Губонинъ съ варшавскимъ банкиромъ барономъ Френкелемъ; 3) подпоручикъ Каншинъ; 4) варшавскій банкиръ Кронбергъ; 5) статскій совѣтникъ фонъ-Мекъ; 6) коммерціи совѣтникъ Поляковъ; 7) дѣйствительный статскій совѣтникъ Рябининъ; 8) инженеръ полковникъ Струве, и 9) французскій подданный Фильель-Броги, если послѣдній будетъ имѣть достаточную финансовую поддержку.

Наименьшую цѣну постройки дороги заявилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рябининъ, за которымъ и было оставлено право образованія общества по положенію Комитета министровъ, Высочайше утвержденному 27 апрѣля 1870 года. Нарицательный капиталъ втораго участка опредѣлился по конкуренціи въ 23.834,250 руб. мет. Такимъ образомъ весь нарицательный капиталъ общества Кіево-Брестской дороги составился изъ слѣдующихъ суммъ:

1) Акціонерный капиталъ 1-го участка	5.292,000 руб.
2) Акціонерный капиталъ на покрытіе расхода по дополнительнымъ работамъ и поставкамъ	1.980,000 руб.
3) Акціонерный капиталъ 2-го участка	7.944,750 руб.
Итого акцій на	15.216,750 руб. мет.
4) Облигаціонный капиталъ 1-го участка	14.544,000 руб. мет.
5) Облигаціонный капиталъ 2-го участка	15.889,500 „ „
Итого облигацій	30.433,500 „ „

А весь строительный капиталъ составилъ сумму 45.650,250 руб. мет. Изъ этой цифры правительству принадлежалъ весь облигаціонный капиталъ и акціонерный 1-го участка въ суммѣ 5.292,000

руб.; общество же обязывалось реализировать лишь остальной акціонерный капиталъ въ размѣрѣ 9.924,750 руб. Эта реализація и представляетъ собою характеристику тѣхъ махинацій, къ которымъ прибѣгаютъ желѣзнодорожные строители и банкиры для извлеченія своихъ барышей, уступая впослѣдствіи акціонерамъ совершенно *общипанное дѣло*. Конечно опытные дѣльцы, прежде чѣмъ набивать себѣ карманы, стараются обставить и вести дѣло такимъ образомъ, чтобы дѣятельно начать постройку дороги, предоставляя себѣ впослѣдствіи доказывать необходимость добавочныхъ средствъ. Но здѣсь повидимому вышло на оборотъ и предприниматели, какъ кажется, прежде всего подумали о себѣ, поэтому дѣло не удалось съ самаго начала и повело къ такимъ разоблаченіямъ, которыя представляютъ много поучительнаго.

Само собою разумѣется, что для такого крупнаго предпріятія, какъ реализація капитала почти въ 10 мил. метал. руб. г. Рябининъ не имѣлъ ни средствъ, ни кредита, а потому онъ долженъ былъ заручиться содѣйствіемъ какого либо банкирскаго дома. На этомъ основаніи еще прежде составленія и утвержденія нормальной концессіи, предъявленной на конкуренцію, онъ вошелъ въ соглашеніе съ берлинскимъ банкирскимъ домомъ Блейхредеръ и ком. и заключилъ съ нимъ 27 января 1870 года контрактъ на реализацію всего капитала, нужнаго для сооруженія 2-го участка. По этому контракту одну треть акцій бралъ Блейхредеръ за себя съ уплатою за нихъ по 60% за рубль, на другую треть акцій онъ предоставлялъ себѣ право во все время сооруженія дороги удержать за собою по 75% за рубль, наконецъ послѣднюю треть оставлялъ за собою г. Рябининъ. Реализація всего облигаціоннаго капитала, если правительство предоставитъ гарантію 5% дохода принималъ на себя Блейхредеръ по 75% за рубль и обязывался производить выдачи изъ этого капитала по мѣрѣ окончанія работъ. Кромѣ того Блейхредеръ соглашался выдать отъ 30—40% нарицательнаго капитала подъ обезпеченіе акцій, остающихся на рукахъ у г. Рябинина.

За тѣмъ 10 марта 1870 года, какъ мы видѣли выше, утверждена была нормальная концессія, по которой правительство оставляло за собою всѣ облигаціи общества по 75% за рубль, вслѣдствіе чего реализація этихъ облигацій уже не могла быть предоставлена Блейхредеру. Повидимому это обстоятельство не могло повредить предпріятію, такъ какъ правительство принимало на себя обязанность реализаціи облигацій на тѣхъ же условіяхъ на какихъ учредитель передавалъ эту обязанность банкиру Блейхредеру. Точно также для

г. Рябинина не возникало никакой отвѣтственности передъ Блейхредеромъ въ силу заключеннаго съ нимъ договора, такъ какъ г. Блейхредеръ ничего не терялъ, а только не получалъ тѣхъ барышей, на которые жъ могъ расчитывать и при томъ не по винѣ г. Рябинина, а вслѣдствіе особаго распоряженія, которое являлось такимъ образомъ обстоятельствомъ независящимъ отъ воли контрагента (force majeure) и слѣдовательно не давало никакихъ правъ другой сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ заключенномъ договорѣ подобное обстоятельство не было предусмотрѣно и право Блейхредера не было ограждено безусловной неустойкой. Но не такъ взглянули на это обстоятельство учредитель общества г. Рябининъ и банкиръ Блейхредеръ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что облигаціи правительство оставляетъ за собою, они заключаютъ дополнительное условіе, по которому Рябининъ обязывается въ томъ случаѣ, если не предоставитъ реализацію облигацій Блейхредеру, уплатить послѣднему въ видѣ неустойки половину разницы, между цѣною на берлинской биржѣ другихъ русскихъ гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій и цѣною 75% за сто, по которой Блейхредеръ обязался реализировать облигаціи Кіево-Брестской желѣзной дороги. Такой договоръ состоялся 27 марта 1870 года, т. е. чрезъ 17 дней послѣ утвержденія нормальной концессіи. Намъ кажется, что такое условіе могло явиться на свѣтъ божій только потому, что по первоначальному условію вновь возникшее обстоятельство не давало Блейхредеру никакого права на подобное вознагражденіе и не освобождало его отъ исполненія другихъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Еслибъ это было иначе, еслибъ можно было предположить, что гг. Рябининъ и Блейхредеръ считали, что удержаніе правительствомъ облигацій за собою создаетъ какія либо новыя права для Блейхредера, то въ дополнительномъ условіи не было никакой надобности, въ особенности прежде, нежели была выдана концессія г. Рябинину. Защитники г. Рябинина могли бы намъ возразить, что еслибъ онъ не согласился подписать дополнительнаго условія, то Блейхредеръ, даже не имѣя на то права, могъ отказаться отъ исполненія первоначальнаго договора, и тогда Рябининъ, вмѣсто необходимыхъ ему денегъ, могъ имѣть только процессъ. Но, во первыхъ, банкирскій домъ едва ли бы рискнулъ на подобный процессъ въ Берлинѣ, а во вторыхъ, условія реализаціи акцій были на столько выгодны, что по этой цѣнѣ ихъ принялъ бы каждый банкъ, въ особенности въ видѣ обезпеченія ссуды: общая сумма, выданная Блейхредеромъ подъ всѣ акціи не превышала 40%. На этомъ основаніи мы

думаемъ, что заключенiе дополнительнаго договора было вызвано не только увѣренностiю обоихъ контрагентовъ, что первоначальное условiе не даетъ никакого права на требованiе съ общества вознагражденiя за неполное осуществленiе договора, но было вызвано и выгодою обѣихъ сторонъ. Въ виду означенныхъ обстоятельствъ нельзя иначе объяснить себѣ согласiя г. Рябинина на сдѣлку, имѣющую въ виду усилить интересъ г. Блейхредера въ ущербъ интересовъ будущаго общества.

По утвержденiи концессiи Блейхредеръ получилъ третью часть своихъ акцiй и внесъ за нихъ на основанiи условiя 27 января по 60 за 100 всего 1.984,950 руб., которые на основанiи § 3 концессiи и были внесены въ государственный банкъ какъ составляющiе 20% съ акцiонернаго капитала въ доказательство образованiя общества. Означенная сумма подлежала выдачѣ правленiю въ процентномъ отношенiи по мѣрѣ исполненiя работъ, по квитанцiямъ инспекцiи.

Затѣмъ дѣйствительный статскiй совѣтникъ Рябининъ, пригласивъ 10 лицъ *изъявившихъ желанiе взять за себя остальныя акцiи* Кiево-Брестской дороги, составилъ изъ нихъ общее собранiе 16 мая 1870 года. Мы обращаемъ вниманiе на подчеркнутыя нами слова, такъ какъ впослѣдствiи оказалось, что этихъ акцiй никто изъ приглашенныхъ за себя не взялъ и ихъ не оплачивалъ: это ясно изъ того обстоятельства, что всѣ эти акцiи вскорѣ послѣ того оказались въ залогѣ у Блейхредера по 30 коп. за рубль, что мы и увидимъ ниже. Точно также слѣдуетъ обратить вниманiе и на то обстоятельство, что въ этомъ такъ называемомъ общемъ собранiи не присутствовало представителя правительственныхъ акцiй, хотя на основанiи концессiи присутствiе его необходимо для дѣйствительности постановленiй собранiя. Такимъ образомъ, несмотря на всю незаконность подобнаго собранiя, оно избрало правленiе, предсѣдателемъ котораго сдѣлался учредитель общества г. Рябининъ. Собранiе это утвердило также всѣ финансовыя сдѣлки учредителя съ Блейхредеромъ и одобрило оптовый контрактъ со строителями: г. Рябининымъ и военными инженерами Фалькенгагеномъ и Ждановичемъ на сооруженiе желѣзной дороги и производство дополнительныхъ работъ и поставокъ съ предоставленiемъ имъ полученiя всѣхъ суммъ которыя будутъ выручены по реализацiи бумагъ общества; при этомъ въ контрактѣ помѣщено было условiе, что если правительство измѣнитъ направленiе линiи, то это ни должно ни увеличивать, ни уменьшать условленной оптовой платы за работы и поставки. Такимъ

образомъ оказывается, что главнѣйшія сдѣлки, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на все финансовое положеніе общества, были утверждены лицами вовсе не причастными къ дѣлу и безъ участія представителя правительства, дѣйствительно владѣвшаго акціями на сумму свыше пяти милліоновъ рублей.

Но всего удивительнѣе, что послѣдовавшее того же 16 мая о всемъ вышеизложенномъ донесеніе Министерству Финансовъ, не только не вызвало со стороны послѣдняго какого-либо возраженія, но во вновь избранное правленіе назначенъ былъ директоромъ отъ правительства дѣйствительный статскій совѣтникъ Рербергъ, который и принималъ участіе во всѣхъ послѣдующихъ распоряженіяхъ правленія.

Между тѣмъ правленіе общества, имѣя на рукахъ не реализованныя акціи и не имѣя никакихъ другихъ средствъ для начала работъ, рѣшилось обратиться за ссудою подъ обезпеченіе акцій къ тому же Блейхредеру, вслѣдствіе чего состоялась сдѣлка, по которой Блейхредеръ выдалъ за всѣ остававшіяся свободными акціи по 30%, что составило сумму также въ 1.984,950 руб., удержавъ изъ этой суммы слѣдующую ему по дополнительному условію съ г. Рябининымъ неустойку за непредоставленіе ему реализаціи облигацій и разныхъ коммиссій всего 652,121 руб. 25 коп. Такимъ образомъ въ распоряженіе правленія поступило только 1.332,828 руб. 75 коп.

Но и эта сумма не помогла обществу дѣятельно приступить къ работамъ, такъ какъ она исчезла безслѣдно. Въ докладѣ правленія экстренному собранію общество 25 февраля 1871 года объ этой суммѣ сказано только, что она *выдана строителямъ* на какіе-то предварительные расходы, но на какіе именно, на то нѣтъ никакихъ указаній въ отчетахъ правленія. Изъ этого можно заключить что эти расходы не входили въ разцѣночную вѣдомость. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что при передачѣ оптоваго контракта другому строителю сумма эта была скинута послѣднимъ со всѣхъ статей разцѣнки въ пропорціональномъ количествѣ (См. разцѣночную вѣдомость для расчетовъ правленія съ новымъ строителемъ Заддеромъ, приложенную къ вышеозначенному докладу общему собранію 25 февраля 1871 года).

Съ такимъ исчезновеніемъ суммы въ 1.332,828 руб. 75 коп., послѣднія средства правленія для начала работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая надежда на возможность продолженія дѣла изчезли окончательно, оптовые же подрядчики также не имѣли никакихъ средствъ, а между тѣмъ самое дѣло представляло уже значительный дефицитъ,

образовавшійся вслѣдствіе: а) дешевой реализаціи первой трети акцій по 60 за 100; б) удержанія Блейхредеромъ неустойки по дополнительному съ Рябининымъ договору и наконецъ в) растраты строителями вырученныхъ по залогу акцій 1.332,828 руб. 75 коп.

По расчетамъ правленія на всѣ работы и поставки на основаніи концессіи требовалась сумма въ 19.757,925 руб. Между тѣмъ средства общества состояли изъ слѣдующихъ суммъ:

По облигаціямъ общества слѣдовало получить отъ правительства за 15.889,500 р. по 75% .	11.917,125 р.
Въ государственномъ банкѣ находился 20% взносъ акціонернаго капитала	1.984,950 „
Затѣмъ находилось въ залогѣ у Блейхредера на 6.616,500 руб. акцій общества. Предполагая реализацію ихъ по 75% за сто (чего было трудно ожидать) можно было выручить 4.962,375 руб. и за вычетомъ долга Блейхредеру въ суммѣ 1.984,950 руб. остается	2.977,425 „
Всего	16.879,500 р.

Сравнивая эту цифру съ необходимой суммой на окончаніе дѣла оказывался дефицитъ въ 2.887,425 р., образовавшійся прежде, чѣмъ было приступлено къ работамъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ строители рѣшились передать контрактъ по сооруженіи дороги С.-петербургскому купцу Задлеру, который изъ оптовой суммы по прежней разцѣночной вѣдомости согласился сдѣлать скидку въ 1.332,828 руб. 75 коп., т. е. въ ту самую сумму, которая была растрачена прежними строителями. Такая передача контракта состоялась 28 октября 1870 года, а 7 ноября того же года эта передача была утверждена правленіемъ общества съ тѣмъ, чтобы г. Задлеръ внесъ залогъ въ милліонъ рублей въ государственный банкъ, по исполненіи чего, правленіе протоколомъ 19-го ноября того же года признало г. Задлера строителемъ.

Но и за такой скидкой необходимыя средства для сооруженія дороги доходили до 18.425,096 руб. 25 коп. и слѣдовательно оставался дефицитъ въ 1.545,596 руб. 25 коп. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за передачей контракта, правленіе, пользуясь предоставленнымъ концессіей правомъ получать авансъ изъ облигаціоннаго капитала, испросило у правительства таковой въ 500,000 руб. подъ залогъ бумагъ, представленныхъ Задлеромъ и передало ему эту сумму. Съ этими средствами новый строитель приступилъ къ работамъ.

велъ ихъ на столько успѣшно, что до 1-го января имѣлъ возможность получить инспекторскихъ свидѣтельствъ на сумму близкую къ милліону рублей.

Между тѣмъ 1-го января 1871 года былъ утвержденъ уставъ общества, а 25 февраля было собрано чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ, въ которомъ избрано новое правленіе, предсѣдателемъ котораго сдѣлался строитель Задлеръ. Въ томъ же собраніи утверждены всѣ распоряженія правленія по осуществленію предпріятія и новая разцѣночная вѣдомость для расчетовъ съ Задлеромъ на сумму 18.425,000 руб. Кромѣ того собраніе поручило вновь избранному правленію войти въ соглашеніе съ правительствомъ объ оказаніи содѣйствія обществу къ реализаціи остальныхъ акцій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и въ этомъ чрезвычайномъ общемъ собраніи представителя правительственныхъ акцій не было, хотя по уставу для законности собранія присутствіе его необходимо и онъ вотируетъ въ общихъ собраніяхъ опредѣленнымъ количествомъ голосовъ. Точно также непонятно какимъ образомъ было допущено, что строитель дороги, интересы котораго вовсе не солидарны съ интересами акціонеровъ, занялъ мѣсто предсѣдателя правленія. Обстоятельство это нисколько не обратило на себя тогда вниманія ни съ чьей стороны и потому нельзя не замѣтить, что всѣ эти общія собранія и правленія представляются не болѣе какъ фикціями и что правительственныя лица считаютъ ихъ таковыми; что въ сущности все дѣло ведется однимъ лицомъ, т. е. предпринимателемъ; фиктивная же обстановка даетъ ему только возможность оставаться безотвѣтственнымъ и пріобрѣтать извѣстныя юридическія права чрезъ посредство находящихся въ полномъ его распоряженіи фиктивныхъ правленій и общихъ собраній. Обстоятельства, сопровождавшія сооруженіе Кіево-Брестской дороги, подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе самымъ нагляднымъ образомъ и по всей вѣроятности читатель уже замѣтилъ это на основаніи сказаннаго нами; но онъ убѣдится въ этомъ еще болѣе, если прослѣдитъ наше изложеніе до конца [1]).

Но прежде нежели мы пойдемъ далѣе въ нашемъ изложеніи, необходимо указать на слѣдующее обстоятельство. Выше было сказано, что концессія на Кіево-Брестскую дорогу выдана была безъ предварительныхъ изысканій на всемъ участкѣ, на которомъ тре-

---

[1]) Источниками для изложенія исторіи сооруженія Кіево-Брестской дороги служитъ намъ не одинъ «Сборникъ свѣдѣній», а также доклады правленій общимъ собраніямъ, приложенные къ нимъ счеты и документы, брошюры г. Задлера и объясненія на нихъ правленія.

бовалось сооруженіе новой дороги. Линія отъ Бердичева до Бреста была опредѣлена въ общихъ выраженіяхъ и на ней былъ обозначенъ точно только одинъ промежуточный пунктъ, городъ Острогъ. Пользуясь такою неопредѣленностію концессіи строители разумѣется старались, чтобъ протяженіе линіи было по возможности сокращено. Такъ какъ вѣтвь этой линіи къ Радзивилову должна быть тѣмъ короче, чѣмъ ближе пойдетъ главный путь къ австрійской границѣ вообще и къ Радзивилову въ особенности, то они и проектировали линію такимъ образомъ, что главный путь приблизился къ австрійской границѣ и укоротилъ вѣтвь къ Радзивилову болѣе чѣмъ на 20 верстъ. При разсмотрѣніи этого проекта въ Комитетѣ Министровъ военный министръ не согласился утвердить его въ видахъ стратегическихъ и потребовалъ, чтобы дубенскія возвышенности оставались между дорогою и австрійской границей, тогда какъ по проекту онѣ оставались къ сѣверо-востоку отъ дороги. Такое измѣненіе не только удлиняло вѣтвь къ Радзивилову, но измѣняло направленіе линіи между станціями Рожище и Шепетовкою на протяженіи 140 верстъ и оставляло городъ Острогъ въ сторонѣ. Вслѣдствіе этого еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 года Министерствомъ Путей Сообщенія было сдѣлано распоряженіе о производствѣ на указанномъ участкѣ новыхъ изысканій, что и было поручено инспектору дороги. При этомъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, поручая инспектору производство новыхъ изысканій, долженъ былъ одновременно извѣстить объ этомъ и правленіе, чего однакожъ имъ не было сдѣлано до 9 декабря 1870 года. Впрочемъ такое упущеніе департамента имѣетъ одно лишь формальное значеніе, такъ какъ ни правленіе, ни новый строитель, имѣя постоянныя сношенія съ Министерствомъ, не могли не знать о предполагаемомъ измѣненіи въ первоначальномъ проектѣ дороги. Невозможно предположить, чтобы г. Задлеръ, вступая въ новое для него дѣло въ концѣ октября мѣсяца, не справился предварительно въ какомъ положеніи находится дѣло объ утвержденіи проекта устройства дороги. Безъ малѣйшаго сомнѣнія можно сказать, что неутвержденіе проекта и сдѣланное распоряженіе о производствѣ новыхъ изысканій были хорошо извѣстны и правленію и строителю Задлеру и по всей вѣроятности только эта несомнѣнная извѣстность и послужила поводомъ къ тому, что департаментъ не считалъ нужнымъ посылать официальное извѣщеніе.

Вслѣдствіе означеннаго распоряженія инспекторомъ дороги г. Фуфаевскимъ были произведены новыя изысканія на неутвержденномъ участкѣ линіи и по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ министровъ, они

были утверждены. Общее протяженіе дороги вмѣстѣ съ Радзивиловскою вѣтвью опредѣлилось такимъ образомъ въ 521 версту, т. е. на 14 верстъ менѣе чѣмъ значилось по концессіи. Это послѣднее обстоятельство мы просимъ замѣтить, такъ какъ оно имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ возникшихъ впослѣдствіи претензій 3 марта Министерство Путей Сообщенія, увѣдомляя о томъ правленіе, предложило ему строить дорогу къ сѣверо-востоку отъ Дубенскихъ горъ согласно утвержденному Министерствомъ плану и профилю.

Это обстоятельство подало поводъ къ домогательству со стороны строителя Задлера о вознагражденіи его за убытки вслѣдствіе измѣненія направленія линіи; убытки эти правленіе, а слѣдовательно и строитель Задлеръ, какъ предсѣдатель онаго, первоначально исчислили въ 2.341,650 руб. 23 коп., а затѣмъ впослѣдствіи цифра эта измѣнилась и возросла, какъ увидимъ, до 3.160,981 руб. 89 коп. Мы констатируемъ теперь только фактъ подобнаго домогательства, не разбирая его сущности, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ последовательнаго разсказа о реализаціи акцій общества и пополненіи перваго его дефицита.

Во исполненіе постановленія общаго собранія 25 февраля 1871 года, а также въ виду оказавшагося уже дефицита общества въ 1.545,596 руб. 25 коп., правленіе общества обратилось къ министру финансовъ съ представленіемъ, въ которомъ объяснило происхожденіе означеннаго дефицита и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность реализаціи двухъ третей акцій, остающихся въ залогѣ у Блейхредера, вслѣдствіе чего просило, чтобы правительство покрыло означенный дефицитъ, увеличивъ строительный капиталъ втораго участка на 2.060,795 руб. облигаціоннаго капитала, уменьшивъ на такую же сумму стоимость перваго участка и затѣмъ, въ видахъ облегченія реализаціи акцій, приняло бы ихъ въ уплату за первый участокъ по 75 за сто съ переводомъ ровной суммы облигацій въ счетъ строительнаго капитала втораго участка. При этомъ общая сумма нарицательнаго капитала общества, какъ въ акціяхъ, такъ и облигаціяхъ, осталась бы безъ измѣненія. Другими словами: при такой комбинаціи стоимость выстроеннаго правительствомъ участка дороги, должна была уменьшиться на сумму 2.060,795 руб., а стоимость сооруженій и поставокъ за счетъ общества должна была на таковую же сумму увеличиться и вмѣстѣ съ тѣмъ правительство пріобрѣтало на 6.616,500 руб. болѣе акцій, взамѣнъ предоставленныхъ обществу облигацій, за которыя правительство обязывалось выдать обществу наличными деньгами.

Въ сущности при такой сдѣлкѣ правительство теряло только сумму въ 2.060,795 руб., которая покрывала растраченныя обществомъ суммы и на которую уменьшилась стоимость переданнаго обществу имущества. Что же касается замѣны облигацій акціями, то намъ кажется, что это обстоятельство безразлично для правительства, такъ какъ прибыли и убытки его зависятъ отъ доходности дороги и если дорога не приноситъ чистаго дохода, то правительство не будетъ получать своихъ процентовъ и по облигаціонному капиталу. Конечно, нельзя не принять въ расчетъ, что правительство затрачивало на устройство дороги около пяти милліоновъ своихъ средствъ болѣе, чѣмъ предположено было по концессіи, но за то и выгоды его въ случаѣ доходности дороги дѣлались значительнѣе.

Когда означенное ходатайство было сообщено въ Министерство Путей Сообщенія, то здѣсь было замѣчено, что общество всѣ свои расчеты основываетъ на предположеніи, что протяженіе 2-го участка не будетъ превышать 500 верстъ, тогда какъ длина линіи по концессіи опредѣлена въ 535 верстъ, а по вновь утвержденному направленію въ 521 версту. Вслѣдствіе этого 4 марта 1870 года, министерство путей сообщенія потребовало отъ правленія положительнаго отзыва о томъ, что испрашиваемое имъ пособіе для образованія капитала въ 18.425,096 руб. 25 коп. будетъ достаточно для устройства дороги по направленію утвержденному правительствомъ и что за тѣмъ не будетъ испрашиваемо никакихъ новыхъ пособій.

На это требованіе правленіе общества (того же числа) заявило министерству, что, заключивъ оптовый контрактъ съ строителемъ и передавъ ему утвержденную министерствомъ расцѣночную вѣдомость, составленную по избранному обществомъ направленію, правленіе вынуждено ходатайствовать о вознагражденіи за возникающія отъ перемѣны направленія линіи потери и убытки, исчисленные по имѣющимся даннымъ въ 2.341,650 руб. 23 коп. Вслѣдствіе новаго ходатайства отъ 8 марта 1870 года на основаніи § 47 устава, по которому распоряженія Министра путей сообщенія могутъ быть обжалованы въ Комитетъ Министровъ заявленіе это внесено въ означенный Комитетъ. Такое домогательство постановленіемъ Комитета Министровъ Высочайше утвержденнымъ 27 апрѣля 1871 года было отклонено и поручено Министру путей сообщенія вмѣнить въ обязанность обществу строить дорогу по новому направленію, одобренному правительствомъ. Когда же о таковомъ постановленіи Комитета Министровъ сообщено было правленію общества, то послѣднее вновь

повторило свое ходатайство о пособіи къ реализаціи строительнаго капитала.

Это новое указаніе правленія на существующій дефицитъ и на причины его породившія, а также на необходимость реализаціи двухъ третей акцій, конечно, давали полную возможность видѣть, что въ сущности тутъ никакого общества не было и что постройка кіево-брестской дороги попала въ руки аферистовъ Блейхредера и Рябинина съ прiисканными имъ строителями, которые злоупотребили оказаннымъ имъ со стороны Правительства довѣріемъ и успѣли растратить значительную часть акціонернаго капитала; что вновь вступившій въ дѣло с.-петербургскій купецъ Задлеръ былъ такой же аферистъ и нисколько не заслуживалъ большого довѣрія, какъ и первые предприниматели въ виду его домогательства о вознагражденіи такихъ убытковъ, которыхъ онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Эти убытки, если и могли быть, то только развѣ для первоначальныхъ строителей которые могли сдѣлать нѣкоторые расходы и заключить подряды во время составленія проекта и плановъ дороги, но которые съ избыткомъ вознаградили себя полученіемъ 1.332,828 руб., взятыхъ ими на какіе-то предварительные расходы. Что жъ касается до г. Задлера, но мы положительно утверждаемъ, что онъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ убытковъ отъ перемѣны направленія линіи, такъ какъ онъ вступалъ въ дѣло въ концѣ Октября мѣсяца, когда положительно было извѣстно, что прежнее направленіе, не будетъ утверждено и на мѣстѣ уже производились изысканія для проведенія линіи въ новомъ направленіи. Возможно ли предположить чтобы человѣкъ, не лишенный разсудка, сталъ производить работы и поставки, по извѣстному направленію, когда онъ не увѣренъ, что дорога пойдетъ по этому направленію, тѣмъ болѣе, что работы могли производиться въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ изъ предположенной линіи оставалось еще 360 верстъ, на которыхъ не предполагалось никакихъ измѣненій. Сверхъ того, принимая къ исполненію контрактъ отъ первоначальныхъ строителей, г. Задлеръ долженъ былъ видѣть, что дорога должна быть построена во всемъ согласно плану и профилю, утвержденнымъ правительствомъ и слѣдовательно до утвержденія ихъ онъ могъ приступить только къ такимъ работамъ и поставкамъ, необходимость которыхъ была внѣ всякаго сомнѣнія. Еслибъ, не смотря на всѣ эти соображенія, подрядчикъ и приступилъ бы къ работамъ на линіи, подлежавшей измѣненію, то, конечно, былъ бы остановленъ инспекціею, которая ни въ какомъ случаѣ не могла допустить произ-

водства безполезныхъ работъ на сумму слишкомъ въ три милліона рублей. Наконецъ онъ не имѣлъ никакого права требовать вознагражденія и на томъ основаніи, что по принятому имъ контракту оптовая плата не измѣнялась въ случаѣ измѣненія правительствомъ направленія линіи.

Задлеръ утверждаетъ, что онъ принялъ контрактъ вмѣстѣ съ утвержденной Министерствомъ Путей Сообщенія разцѣночной вѣдомостью, которая такимъ образомъ и была основаніемъ всѣхъ его комерческихъ расчетовъ. Но такое утвержденіе не можетъ имѣть ровно никакого значенія, такъ какъ всякому понятно, что разцѣночная вѣдомость не можетъ замѣнять собою ни плана дороги ни профиля ея и при оптовой цѣнѣ за сооруженіе линіи составляется только для того, чтобъ заранѣе опредѣлить количество платежей за каждую отдѣльную работу и поставку по мѣрѣ ихъ исполненія.

Изъ всего изложеннаго ясно, что всѣ доводы г. Задлера въ подтвержденіе его домогательства не имѣли ни малѣйшаго основанія и что у него не было никакого ни юридическаго, ни нравственнаго права требовать какого бы то ни было вознагражденія за измѣненіе направленія линіи.

На этомъ основаніи скорѣе можно было допустить, что онъ, вступая въ дѣло, имѣлъ уже заранѣе въ виду измѣненіе направленія линіи и желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ свою пользу въ расчетѣ на ту снисходительность къ частнымъ интересамъ, которая такъ обычна въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, въ особенности когда это касается желѣзнодорожнаго дѣла. Кромѣ того, катастрофа, разразившаяся надъ г. Рябининымъ, была ему, конечно, извѣстна, точно также не могло оставаться для него тайной и желаніе правительственныхъ сферъ, чтобы г. Рябининъ уступилъ свое мѣсто человѣку болѣе опытному въ дѣлѣ, а найти такого человѣка было довольно трудно, такъ какъ дѣло было испорчено. Такимъ образомъ, вступая въ дѣло Задлеръ могъ разсчитывать, что онъ дѣлаетъ одолженіе очень многимъ лицамъ не безъ вліянія и что поэтому для него достаточно и формальнаго предлога для оправданія своихъ требованій. Конечно, это одни наши предположенія, но его настойчивость и самоувѣренность, съ которыми онъ дѣйствовалъ и въ которыхъ мы будемъ имѣть случай наглядно убѣдиться, заставляютъ предполагать, что у него могъ быть подобный планъ.

Это послѣднее предположеніе, которое, повидимому, напрашивалось само собою, прямо указывало что и на г. Задлера была плохая надежда и что поправить дѣло могло только правительство, взявши

его въ свои руки. Къ сожалѣнію, убѣжденіе, что желѣзнодорожное дѣло можетъ быть ведено только при посредствѣ частныхъ, хотя бы и фиктивныхъ обществъ, господствовало тогда во всей силѣ и его не поколебали ни продѣлки гг. Рабининыхъ и Блейхредеровъ, ни беззастѣнчивость гг. Задлеровъ.

Вслѣдствіе такихъ взглядовъ Министерства Финансовъ и Путей Сообщенія пришли къ заключенію о необходимости оказать пособіе обществу и удовлетворить его ходатайство въ томъ видѣ, какъ оно было формулировано выше. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ огражденія интересовъ правительства, оба Министерства нашли нужнымъ постановить слѣдующія условія:

1) Чтобы правленіе дало правительству удостовѣреніе *за подписью всѣхъ своихъ членовъ, въ томъ числѣ и строителя Задлера*, что на увеличиваемыя такимъ образомъ средства, оно устроитъ по указанному правительствомъ направленію второй участокъ Кіево-Брестской дороги и окончитъ дополнительныя работы по первому участку во всемъ согласно Уставу общества и не будетъ испрашивать никакихъ новыхъ пособій.

2) Чтобы остающаяся въ Государственномъ банкѣ часть залога, представленнаго въ него по силѣ § 6 Устава общества, была возвращена обществу лишъ по совершенномъ окончаніи работъ и поставокъ по обоимъ участкамъ Кіево-Брестской дороги.

3) Чтобы уплаты по ссудѣ, выданной Блейхредеромъ подъ залогъ акцій Кіево-Брестской дороги были произведены непосредственно правительствомъ изъ суммъ, подлежащихъ къ выдачѣ обществу съ тѣмъ, чтобы Блейхредеръ возвратилъ находящіяся у него акціи съ правомъ покупки до открытія движенія по всей дорогѣ половины ихъ по цѣнѣ 75 за 100.

4) Чтобы правленіе сообщало правительству контракты по заграничнымъ заказамъ для уплаты слѣдующихъ по нимъ денегъ чрезъ правительственныхъ банкировъ въ дѣйствительно потребной мѣрѣ непосредственно самимъ заводчикамъ.

и 5) Чтобы суммы, причитающіяся по разцѣночной вѣдомости на изысканія, предварительные расходы и залоги, были выданы обществу Кіево-Брестской дороги не прежде, какъ когда работы и поставки по обоимъ участкамъ на столько подвинутся, что по соглашенію Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ окончаніе сихъ участковъ признано будетъ вполнѣ обезпеченнымъ.

Эти условія ясно доказываютъ, что сомнѣніе въ финансовой благонадежности г. Задлера и тогда было не чуждо обоимъ Министерствамъ,

а при такомъ сомнѣніи едва ли было осторожно оставлять дѣло въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что фиктивность общества, въ виду залога двухъ третей акцій у Блейхредера, не подлежала никакому сомнѣнію. Послѣдующія обстоятельства подтвердили какъ нельзя болѣе, что осторожность съ г. Задлеромъ была далеко не лишнее дѣло и что мѣры огражденія, принятыя правительствомъ, были далеко недостаточны.

Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могло имѣть для г. Задлера удостовѣреніе за его подписью въ томъ, что дальчѣйшихъ пособій общество испрашивать не будетъ? Въ крайнемъ случаѣ, онъ рисковалъ лишь тѣмъ, что при недостаточности средствъ, онъ уйдетъ изъ дѣла, а другое лицо, которое заступитъ его мѣсто, будетъ свободно отъ всякихъ обязательствъ, въ особенности, когда дѣйствительнымъ имущественнымъ отвѣтчикомъ является анонимное и при томъ фиктивное общество. Справедливость подобной мысли подтвердилось очень скоро.

Какъ только условія правительства были сообщены правленію и строителю, послѣдній не замедлилъ подать въ правленіе заявленіе слѣдующаго содержанія: „такъ какъ при удовлетвореніи правительствомъ послѣдняго ходатайства, оказывается обществу значительное пособіе къ превращенію его бумагъ въ наличныя средства и пополняются его убытки, образовавшіеся при реализаціи капитала, то ему, какъ строителю, представляются только два исхода для огражденія своихъ правъ по контракту или не исполнять требованія о перенесеніи направленія дороги и начать процессъ о расторженіи контракта и о вознагражденіи по убыткамъ, или же уступить и тѣмъ дать возможность обществу воспользоваться значительными льготами, даруемыми ему для реализаціи его капитала. Находя за тѣмъ, что, на полученныя обществомъ этимъ путемъ денежныя средства, возможно окончить всю постройку дороги, хотя съ убыткомъ, но такимъ, который можетъ быть опредѣленъ и временно перенесенъ, онъ согласенъ предложить Обществу свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Окончить работы по обоимъ участкамъ за сумму 18.425,096 руб. 25 коп. металическихъ, 2) составить новую разцѣночную вѣдомость и отказаться отъ требованія какихъ либо новыхъ пособій до окончанія всей постройки, исключая однако всевозможныхъ облегченій и пособій Общества *какъ въ денежномъ*, такъ и *строительномъ* отношеніи, 3) права его по оптовому контракту остаются неизмѣнными со всѣми послѣдствіями, такъ, что, отказываясь отъ нихъ только временно для соглашенія обоюдныхъ интересовъ

его строителя и общества, онъ оставляетъ за собою право взыскать съ Общества убытки, возникшіе отъ измѣненія направленія линіи. Въ заключеніе Задлеръ выразилъ надежду, что Общество, выйдя разъ изъ своего затруднительнаго положенія, найдетъ способъ и средства вознаградить его по справедливости, не прибѣгая къ новому пособію правительства и не обременяя себя чрезвычайными мѣрами.

Вслѣдствіе такого заявленія, правленіе 24 мая 1871 года постановило выдать правительству требуемую подписку; вопросъ же о вознагражденіи строителя оставить открытымъ. Въ представленной же затѣмъ подпискѣ, которая подписана и г. Задлеромъ, правленіе обязывается окончить всѣ работы, не испрашивая дальнѣйшихъ со стороны правительства пособій, но ни слова не говоритъ о сдѣланномъ г. Задлеромъ заявленіи, что онъ отказывается лишь временно отъ требованія убытковъ за измѣненіе направленія линіи, и оставляетъ за собою право искать ихъ съ Общества впослѣдствіи.

Такимъ образомъ обстоятельство это прямо указываетъ къ какого рода махинаціямъ могутъ подавать поводъ фиктивныя анонимныя общества и какого рода юридическія ловушки такія общества могутъ создавать правительству. Въ настоящемъ случаѣ, г. Задлеръ, будучи единственнымъ распорядителемъ дѣлъ общества, отдѣляетъ свои личные интересы, какъ строителя, отъ интересовъ правленія и общества и заставляетъ правленіе признать въ принципѣ свои права какъ строителя, чѣмъ создаетъ себѣ до извѣстной степени призракъ юридическаго права, а между тѣмъ, какъ предсѣдатель правленія обязывается передъ правительствомъ выстроить дорогу на существующія средства безъ всякихъ дальнѣйшихъ отъ правительства пособій. Само собою разумѣется, что это послѣднее обязательство не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій, если общество не будетъ имѣть средства на окончаніе сооруженія линіи; право же строителя, признанное правленіемъ, какъ законнымъ органомъ общества, можетъ имѣть дѣйствительное юридическое значеніе. На какомъ основаніи съ такимъ опредѣленіемъ согласился директоръ отъ правительства, это положительно непонятно. Къ этому надо прибавить, что правительство, принимая отъ общества на 6.616,500 руб. акцій, кромѣ прежде оставленныхъ за нимъ 5.292,000 руб., становилось такимъ образомъ отвѣтчикомъ за дѣйствія правленія почти въ $^4/_5$ всего складочнаго капитала, такъ какъ въ рукахъ частныхъ акціонеровъ оставалось акцій только на 3.308,250 руб. Такимъ образомъ Задлеръ въ качествѣ предсѣдателя правленія давалъ обя-

зательство правительству, что наличныхъ средствъ будетъ достаточно на окончаніе линіи, а въ качествѣ строителя дороги бралъ съ того же самаго правительства, — органомъ котораго какъ главнаго акціонера, являлось въ настоящемъ случаѣ правленіе, — обязательство вознаградить его за убытки по окончаніи постройки дороги. Само собою разумѣется, что обязанность вознагражденія падала прямо на правительство и потому, что оно было главнымъ акціонеромъ и потому, что никакихъ другихъ средствъ у общества, кромѣ пособія отъ правительства, быть не могло въ особенности въ первые годы эксплуатаціи дороги. Въ настоящемъ случаѣ, въ виду фиктивности общества было совершенно безразлично, кто былъ предсѣдателемъ правленія самъ ли Задлеръ или кто другой, такъ какъ выборъ тѣхъ или другихъ лицъ въ правленіе зависѣлъ совершенно отъ него и въ послѣдствіи, когда Задлеръ сложилъ съ себя это званіе, а предсѣдателемъ правленія сдѣлался г. Ахшарумовъ, образъ дѣйствія правленія клонился еще болѣе въ пользу интересовъ строителя, — что мы и докажемъ ниже.

По полученію вышеозначенной подписки правленія, что за означеннымъ пособіемъ правительства наличныхъ средствъ общества будетъ достаточно на окончаніе постройки дороги и не имѣя въ виду, какъ того обстоятельства, что строитель Задлеръ отказывался отъ права требовать вознагражденія за перемѣну направленія линіи только временно, такъ и того, что правленіе признало въ принципѣ основательность такой претензіи, Министерства Путей Сообщенія и Финансовъ испросили Высочайшее разрѣшеніе на пособіе обществу, согласно представленному имъ ходатайству. Вслѣдствіе такого увеличенія средствъ общества, работы по устройству линіи пошли весьма успѣшно.

Созванное за тѣмъ общее собраніе 12 ноября 1871 года поручило избранной въ этомъ собраніи ревизіонной коммиссіи, независимо отъ повѣрки отчетовъ правленія по эксплуатаціи 1-го участка дороги, выяснить совмѣстно съ правленіемъ и представить слѣдующему общему собранію подробныя соображенія: 1) объ отношеніяхъ общества къ строителю, вытекающихъ изъ заключеннаго съ нимъ оптоваго контракта *и изъ обязательства правленія строить дорогу по избранному правительствомъ направленію*, и 2) объ изысканіи средствъ для покрытія тѣхъ добавочныхъ расходовъ, которыя обусловлены сооруженіемъ дороги по этому направленію, причемъ опредѣлить и размѣръ этихъ расходовъ.

Такое распоряженіе общаго собранія, которымъ заправлялъ, ко-

нечно, тотъ же г. Задлеръ, представляетъ новое доказательство, что последній, вопреки заявленію, поданному имъ правленію 24 мая 1871 года, не желая откладывать утвержденія своей претензіи до окончанія сооруженія дороги, хотѣлъ заручиться признаніемъ своего права со стороны общаго собранія. Сверхъ того, подчеркнутыя нами слова въ постановленіи общаго собранія помѣщены не безъ умысла, такъ какъ они свидѣтельствуютъ, что правленіе приняло обязательство строить дорогу по новому направленію помимо согласія строителя, который подписалъ данную подписку правительству не въ качествѣ строителя, а въ качествѣ предсѣдателя правленія; между тѣмъ въ требованіи правительства, во исполненіе котораго представлена была подписка именно сказано, что она требуется отъ Задлера, какъ строителя дороги.

Такое постановленіе общаго собранія, если смотрѣть на него, какъ на собраніе дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ акціонеровъ, представляло бы весьма странное явленіе. Какимъ образомъ можно предположить, что на основаніи такихъ сомнительныхъ данныхъ, какія могъ представить г. Задлеръ, дѣйствительные собственники дѣла могли признать въ принципѣ свою повинность платить подрядчику его убытки въ нѣсколько милліоновъ, далеко имъ недоказанные и явившіеся слѣдствіемъ не ихъ вины, а распоряженія правительства,—убытки, наличность которыхъ была отвергнута и Министерствомъ Путей Сообщенія и комитетомъ министровъ? Ясно, что такое постановленіе могло быть сдѣлано только подставными лицами, а вовсе не дѣйствительными акціонерами.

Приступивъ къ исполненію порученія общаго собранія, правленіе и ревизіонная коммиссія просили Задлера сообщить тѣ основанія, которыми онъ руководствуется при требованіи вознагражденія за измѣненіе направленія дороги и при опредѣленіи размѣра этого вознагражденія. Не желая утомлять читателя изложеніемъ всѣхъ словоизверженій г. Задлера, мы замѣтимъ, что новаго въ нихъ только то, что убытки свои онъ исчислилъ въ 3.360,584 р. 38 коп., при чемъ представилъ и подробный расчетъ этихъ убытковъ. Заявляя такимъ образомъ свою претензію къ обществу, Задлеръ вышелъ изъ состава правленія 4 февраля 1872 года, и на мѣсто его предсѣдателемъ правленія избранъ былъ директоръ Ахшарумовъ.

Не смотря на очевидную неосновательность доводовъ строителя, правленіе и ревизіонная коммисія признали изложенныя соображенія строителя вполнѣ уважительными, относительно же размѣра самой претензіи нашли, что убытки и потери по финансовой части пред-

пріятія нѣсколько преувеличены, а потому положили общую сумму вознагражденія опредѣлить въ 3.160,981 руб. 89 коп. Находя за тѣмъ, что для Общества было бы крайне невыгодно предоставить строителю отыскивать свою претензію судебнымъ порядкомъ, ревизіонная коммисія и правленіе считали вполнѣ сообразнымъ съ интересами общества покончить это дѣло миролюбиво. А такъ какъ общество не имѣло въ своемъ распоряженіи свободныхъ денежныхъ суммъ для удовлетворенія строителя съ причитающимися процентами съ 1-го Января 1872 года по день уплаты, то коммисія полагала необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ о содѣйствіи обществу для пріобрѣтенія означенныхъ средствъ. Но въ виду того, что переговоры съ правительствомъ относительно реализаціи этой суммы потребуютъ много времени, въ теченіи котораго убытки общества возросли бы отъ начисленія процентовъ, коммисія и правленіе находили болѣе согласнымъ съ интересами общества немедленно удовлетворить хотя часть заявленной строителемъ претензіи, а потому признавали необходимымъ обратиться къ правительству съ просьбою объ отсрочкѣ платежа 2.075,897 руб. 60 коп. причитающихся ему за сданный обществу подвижной составъ для обращенія этой суммы сполна и немедленно на удовлетвореніе претензіи строителя.

Мы нарочно выписали подробной докладъ ревизіонной коммисіи и правленія общему собранію 12 Марта 1872 года, чтобъ показать возможно ли относиться съ большею заботливостію къ интересамъ подрядчика и такъ мало принимать въ соображеніе интересы того общества, представителями котораго были правленіе и ревизіонная коммисія? Всякому, кажется, не трудно понять, что получить такую громадную цифру вознагражденія за мнимые убытки гораздо выгоднѣе, чѣмъ заплатить ихъ, а между тѣмъ въ разсужденіяхъ коммисіи и правленія оказывается, что для Общества будетъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ скорѣе оно заплатитъ эту громадную сумму, такъ какъ не нужно будетъ платить процентовъ, которыхъ г. Задлеръ даже и не просилъ и уплату которыхъ коммисія и правленіе такъ любезно ему навязываютъ. Изъ этого доклада оказывается, что память совершенно измѣняетъ членамъ и коммисіи и правленія. Повидимому не прошло еще и года послѣ того, какъ 24 мая 1871 года г. Задлеръ въ поданномъ заявленіи обязался не затруднять Общество требованіемъ вознагражденія до окончанія постройки дороги. Эта постройка еще далеко не была окончена 12 марта 1872 года и слѣдовательно срокъ къ предъявленію претензіи, опредѣленной самимъ кредиторомъ еще не наступилъ. О какомъ же начисленіи процентовъ и притомъ съ

1-го января 1872 года говорятъ гг. члены коммисіи и правленія,— когда самое право на полученіе этого платежа не только не было утверждено, но и представлялось совершенно фиктивнымъ? Не правы ли мы были, сказавъ выше, что образъ дѣйствій правленія подъ предсѣдательствомъ г. Ахшарумова имѣлъ въ виду гораздо болѣе интересы строителя, чѣмъ интересы Общества. Такъ дѣйствовать могли только агенты Задлера, но никакъ не представители общества. Докладъ этихъ господъ общему собранію 12 марта 1872 года составленъ до такой степени беззастѣнчиво и такъ плохо скрываетъ живыя нитки, которыми сшита вся интрига, что невольно становишься въ тупикъ, почему тотчасъ же всѣ эти господа не были остановлены въ своей дѣятельности и почему все это дѣло сейчасъ же не перешло въ руки прокурорскаго надзора за явное посягательство на средства Государственнаго Казначейства. Мы говоримъ это въ виду того обстоятельства, что изъ 45 мил. руб., составляющихъ сумму основнаго капитала общества, только 3,308 т. рублей принадлежали частнымъ акціонерамъ, остальная же сумма Правительству, и при томъ эти 3.308,000 были реализованы по 60% за сто.

Но придется еще болѣе удивляться, когда мы увидимъ, что это посягательство не осталось только намѣреніемъ, но осуществилось на дѣлѣ, оставивъ за собою очень явный и несомнѣнный слѣдъ. Впрочемъ будемъ продолжать наше изложеніе въ порядкѣ.

Общее собраніе 12 марта 1872 года составилось изъ 36 акціонеровъ, имѣвшихъ только 11,235 акцій съ правомъ на 95 голосовъ. Въ этомъ собраніи вопросъ о правѣ строителя на вознагражденіе былъ утвержденъ 93 голосами противъ 2, а вопросъ о признаніи этого вознагражденія въ размѣрѣ предположенномъ Ревизіонной Коммисіей утвержденъ 72 голосами противъ 2, остальные 21 голосъ въ балотировкѣ не участвовали. Такимъ образомъ владѣльцы акцій на сумму 1.404,375 рублей номинальной цѣны признали за обществомъ долгъ безъ всякаго основанія и при томъ въ размѣрѣ 3.160,981 руб. Впрочемъ г. Задлеръ не удовольствовался такимъ признаніемъ долга общества со стороны своихъ агентовъ: онъ желалъ имѣть въ рукахъ безспорное право на взысканіе этихъ денегъ, а потому предложилъ правленію обратиться къ одному изъ С.-Петербургскихъ мировыхъ судей для разбора и рѣшенія этого дѣла по совѣсти. По признаніи правленіемъ общества протоколомъ 29 мая 1872 года такого требованія справедливымъ, обѣ стороны обратились къ мировому судьѣ, который призналъ претензію Задлера, подлежа-

щей удовлетворенію, выдалъ ему 7 іюня 1872 года исполнительный листъ на Общество въ суммѣ 3.160,981 руб. 89 коп.

Неужели г. мировой судья не зналъ, что желѣзныя дороги строятся на казенныя средства, а дѣла такого рода не подлежатъ подсудности мировыхъ судей на основаніи 2 пункта 31 ст. Гражданскаго Судопроизводства? Къ тому же, неужели г. мировому судьѣ не пришло въ голову, что добровольное признаніе со стороны правленія общества иска въ 3.160,981 руб. 89 коп. обусловливается по всей вѣроятности поводомъ не совсѣмъ похвальнаго свойства и что содѣйствовать такимъ подвигамъ едва ли позволительно. Казалось бы нетрудно догадаться, что если правленіе соглашается на уплату строителю такой суммы безъ возраженій, то здѣсь должны страдать интересы третьихъ лицъ и всего скорѣе интересы правительства, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ интересы желѣзнодорожныхъ обществъ тѣсно связаны съ интересами Государственнаго Казначейства.

Обставивъ дѣло такимъ образомъ, Задлеръ начинаетъ дѣйствовать смѣлѣе и правленіе помогаетъ ему всѣми силами. 10 іюня 1872 года правленіе въ счетъ признаннаго общимъ собраніемъ долга общества строителю выдаетъ за него поручительство частному коммерческому банку въ суммѣ 800,000 руб. Этимъ поручительствомъ правленіе принимаетъ на себя обязанность уплатить Банку означенную сумму изъ первыхъ средствъ, которыя поступятъ въ распоряженіе правленія на уплату долга общества строителю. Сверхъ того еще въ 1871 году Правленіе Общества открыло Задлеру кредитъ въ Международномъ Банкѣ въ 350,000 руб. съ возвратомъ изъ суммъ, слѣдующихъ за работы, и этимъ послѣднимъ кредитомъ Задлеръ пользовался постоянно въ полномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ общая сумма поручительствъ теперь достигаетъ 1.150,000 руб. Между тѣмъ по условіямъ оптоваго контракта строитель долженъ получать плату за произведенныя работы и поставки по квитанціямъ инспектора дороги и правленіе слѣдовательно не имѣло никакого права выдавать подрядчику впередъ суммы, на которыя имъ не представлено квитанцій и давать въ этомъ свое поручительство Банкамъ. Кромѣ того, на основаніи §§ 37 и 39-го устава общества, правленіе не имѣло никакого права кредитоваться въ банкахъ безъ особаго разрѣшенія общаго собранія, постановленнаго большинствомъ двухъ третей голосовъ и притомъ, если въ собраніи было не менѣе половины акцій частныхъ акціонеровъ, не считая правительственныхъ. Такого постановленія общаго собранія никогда не было, а потому, всякая кредитная сдѣлка правленія должна была считаться противу-

законною и за нее могли отвѣчать только члены правленія лично, но ни въ какомъ случаѣ не общество, такъ какъ въ этомъ случаѣ обязательство выдано лицомъ не правоспособнымъ.

За тѣмъ работы по дорогѣ, не смотря на такое пособіе строителю, стали производиться весьма медленно и къ назначенному по уставу сроку открытія дороги, т. е. къ 27 октября 1872 года движеніе не могло быть открыто ни на какомъ протяженіи 2-го участка, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали поступать жалобы правительству отъ поставщиковъ и рабочихъ строителя о неплатежѣ причитающихся имъ денегъ и наконецъ въ декабрѣ 1872 года работы вовсе прекратились.

На всѣ требованія правленія, строитель отзывался неимѣніемъ средствъ и, не принимая въ расчетъ своего обязательства 24 мая 1871 года окончить дорогу за наличныя средства Общества, и не смотря на оказанное уже ему при посредствѣ банковъ пособіе въ 1.150,000 рублей, требовалъ уплаты, признаннаго общимъ собраніемъ ему долга въ 3.160,981 р. 89 коп. Въ такихъ обстоятельствахъ правленіе вошло въ переговоры со строителемъ объ окончаніи съ нимъ расчетовъ и расторженіи контракта, послѣдствіемъ которыхъ и было заключеніе условія 27 января 1873 года на слѣдующихъ основаніяхъ: взамѣнъ признаннаго общимъ собраніемъ вознагражденія убытковъ строитель Задлеръ соглашается получить 2.400,000 рублей металическихъ, отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій съ тѣмъ, чтобы правленіе выдало ему поручительство для открытія кредита въ банкахъ въ суммѣ 1.300,000 руб. и приняло дорогу въ томъ видѣ, какъ она есть, удержавъ изъ строительнаго капитала и изъ суммъ, ассигнованныхъ на удовлетвореніе его денежной претензіи всѣ тѣ суммы, которыя нужны будутъ для расчета по контрактамъ съ подрядчиками и рабочими, для покрытія сдѣланныхъ ему авансовъ, а также для окончанія постройки дороги и притомъ не требуя отъ строителя убытковъ за неокончаніе линіи въ срокъ, опредѣленный по оптовому контракту. Если за тѣмъ окажутся какіе либо остатки, то таковые передаются строителю.

Не имѣя для исполненія этого условія свободныхъ средствъ, правленіе обратилось 2 и 9 февраля съ ходатайствомъ въ Министерство Путей Сообщенія объ оказаніи ему пособія въ означенномъ размѣрѣ для расчета съ строителемъ, при чемъ представило подлинное условіе, заключенное съ Задлеромъ.

Въ виду такого ходатайства и въ виду отсутствія у общества всякихъ средствъ къ удовлетворенію требованій строителя, правленіе общества не имѣло никакого права дѣлать какія-либо распоряженія

для приведенія въ исполненіе этого условія, по крайней мѣрѣ до разрѣшенія правительствомъ его ходатайства и, даже въ случаѣ его удовлетворенія было обязано предварительно привести въ извѣстность точную цифру необходимыхъ суммъ, подлежащихъ къ удержанію съ строителя и затѣмъ только выдать ему ту сумму, которая будетъ оставаться. Между тѣмъ правленіе дѣйствуетъ какъ разъ на оборотъ: не принимая въ соображеніе ни суммъ, выданныхъ строителю авансомъ подъ залоги и имъ не отработанныхъ, ни своихъ поручительствъ международному и коммерческому банкамъ въ размѣрѣ 1.150,000 рублей, ни количества остающихся на линіи недодѣлокъ и ихъ стоимости, ни суммъ, слѣдующихъ къ уплатѣ по заказамъ строителя за подвижной составъ и даже не имѣя въ виду, окажетъ ли правительство пособіе обществу, въ какомъ размѣрѣ и на какихъ условіяхъ, правленіе начинаетъ съ того, что принимаетъ отъ строителя обязательство уплаты его долговъ на линіи подрядчикамъ, рабочимъ и служащимъ по вѣдомости на 1.100,000 рублей и въ счетъ этой вѣдомости переводитъ на линію 200,000 руб. изъ международнаго банка въ распоряженіе агентовъ строителя, которые употребляютъ эти деньги на покрытіе другихъ долговъ строителя, вовсе не поименованныхъ въ принятой къ уплатѣ вѣдомости. Затѣмъ выдаетъ поручительства за строителя: а) отъ 6-го февраля 1873 года международному банку въ суммѣ 425,522 руб. 62 коп.; б) отъ того же числа московскому учетному банку въ суммѣ 300,000 руб., и в) отъ 13-го февраля того же года московскому коммерческому и ссудному банку въ суммѣ 262,000 руб. Такимъ образомъ прежде, чѣмъ опредѣлилось, какая цифра будетъ слѣдовать строителю и какая цифра подлежала къ удержанію съ него, правленіе приняло къ платежу его долговъ на 1.100,000 руб., выдало наличными деньгами его агентамъ 200,000 руб. и поручилось уплатить за него банкамъ вмѣстѣ съ прежними сумму 2.137,522 руб. 62 коп , т. е. кредитовало строителя на сумму въ 3.437,522 руб. 62 коп., значительно превосходившую то пособіе, о которомъ ходатайствовало передъ правительствомъ: 2.400,000 руб. металлическихъ по тогдашнему курсу 84 за 100 кредитныхъ составляли всего 2.857,142 руб. 85 коп., менѣе на 580,379 руб. 77 коп., не говоря объ авансахъ, взятыхъ подъ залоги изъ суммъ строительнаго капитала.

Впрочемъ, такое положеніе дѣлъ оставалось правительству вовсе неизвѣстнымъ, хотя въ правленіи участвовалъ директоръ отъ правительства. Эта вторичная несостоятельность общества, затѣмъ домогательство строителя о вознагражденіи совершенно вы-

мышленныхъ убытковъ и въ особенности полная готовность со стороны правленія и общаго собранія признать эти убытки безъ всякихъ возраженій и даже безъ истребованія отъ строителя какихъ-либо доказательствъ, конечно, должны были прямо указать на неправильность дѣйствій правленія и строителя. При малѣйшемъ вниманіи къ дѣлу нельзя было не замѣтить въ этихъ дѣйствіяхъ обоюднаго соглашенія отстоять выгоды строителя въ ущербъ интересамъ правительства и поэтому съ людьми подобнаго сорта отнюдь не слѣдовало входить въ какое-либо новое соглашеніе и оказывать имъ какую бы то ни было поддержку. Настоящій моментъ былъ еще болѣе удобнымъ случаемъ для правительства взять все дѣло въ свои руки, тѣмъ болѣе, что фиктивность общества не подлежала уже никакому сомнѣнію, а количество акцій, находившееся въ частныхъ рукахъ было очень незначительно и владѣлецъ ихъ, берлинскій банкиръ Блейхредеръ, въ виду печальнаго положенія дѣлъ, конечно, вошелъ бы въ выгодную для правительства сдѣлку. Относиться же снисходительно какъ къ этому господину, въ виду его продѣлокъ съ Рябининымъ, такъ и къ Задлеру въ виду его ухищреній обезпечить за собою право на вознагражденіе за небывалые убытки, по нашему мнѣнію не было никакихъ основаній.

Тѣмъ не менѣе, въ административныхъ сферахъ все еще закрывали глаза на явные факты и продолжали увѣрять себя, что имѣютъ дѣло не съ группою аферистовъ, а съ дѣйствительнымъ обществомъ, которое заинтересовано въ томъ, чтобъ добросовѣстно исполнить принятыя имъ на себя обязательства. На этомъ основаніи, въ виду крайне затруднительнаго положенія дѣлъ общества, ходатайство правленія о ссудѣ обществу 2.400,000 руб. металлическихъ для расчета съ строителемъ найдено было заслуживающимъ уваженія и, по соглашенію Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ, признано было возможнымъ оказать обществу вторичное пособіе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Изъ суммы 2.400,000 рублей прежде всего отдѣляются должныя обществомъ правительству суммы за сданный обществу казенный подвижной составъ, а равно слѣдующія въ казну таможенныя пошлины за привезенный изъ-за границы, всего 593,446 руб. 34 коп. металлическихъ.

2) Затѣмъ изъ суммы пособія отдѣляются 500,000 металлическихъ, которыя по удостовѣренію инспектора необходимы на линіи для удовлетворенія самыхъ вопіющихъ претензій подрядчиковъ, поставщиковъ, служащихъ и въ особенности рабочихъ.

3) Сумма, какая затѣмъ окажется свободною, остается въ распоряженіи правительства для производства чрезъ правленіе общества всѣхъ тѣхъ работъ, которыя окажутся нужными для приведенія дороги въ порядокъ согласно уставу съ тѣмъ, что, по окончаніи этихъ работъ, могущій оказаться остатокъ выдается правленію.

4) Вся сумма пособія считается принадлежащей обществу, а отнюдь не Задлеру, доколѣ по окончательномъ съ нимъ расчетѣ не опредѣлится, что какая-либо часть означенной суммы слѣдуетъ ему къ выдачѣ. Пособіе это оказывается не иначе какъ: а) по отобраніи подписки отъ правленія въ томъ, что за таковымъ пособіемъ общество окончитъ дорогу безъ всякихъ дальнѣйшихъ домогательствъ и требованій новыхъ пособій и принимаетъ на себя полную отвѣтственность какъ въ этомъ, такъ и въ удовлетвореніи подрядчиковъ, поставщиковъ и рабочихъ по признаннымъ справедливыми претензіямъ, и б) по представленіи подписки Задлера, что онъ прекращаетъ всякія домогательства и претензіи къ обществу по сооруженію дороги.

5) Кромѣ того Министръ Путей Сообщенія потребовалъ, чтобы на счетъ этого пособія были отнесены нѣкоторыя дополнительныя, не вошедшія въ разцѣночную вѣдомость работы, всего на сумму 673,518 руб. металлическихъ.

Изъ этихъ условій замѣтно уже, что правительство недовѣряло какъ правленію, такъ и Задлеру, а между тѣмъ не рѣшалось принять энергическія мѣры для преслѣдованія злоупотребленій. Всего удивительнѣе, что отъ правленія и строителя требовались новыя подписки и обязательства, которымъ придавалось значеніе серьезныхъ гарантій, тогда какъ опытъ долженъ былъ доказать, что объ исполненіи ихъ никто и не думалъ.

Затребованныя Министерствомъ Путей Сообщенія подписки о подчиненіи условіямъ, постановленнымъ для назначенія новаго пособія *такъ называемому обществу Кіево-Брестской дороги*, доставлены были правленіемъ 16-го февраля 1873 года, а строителемъ Задлеромъ 28-го февраля того же года. Въ этихъ подпискахъ правленіе обязалось окончить дорогу безъ дальнѣйшихъ требованій новыхъ пособій, а Задлеръ согласился на то, что сумма, назначаемая ему въ вознагражденіе его претензіи къ обществу не выдается ему на руки, а вся сполна включается въ его общій расчетъ съ обществомъ по постройкѣ Кіево-Брестской дороги и что онъ подчиняется всѣмъ условіямъ, истекающимъ изъ требованія правительства.

Такимъ образомъ въ то время, когда означенныя подписки выдавались правительству, правленіе уже выдало Задлеру и приняло

платежи за него на сумму гораздо большую противъ назначеннаго пособія, а между тѣмъ завѣряло правительство, что сумма пособія не будетъ выдана Задлеру, а войдетъ въ общій расчетъ по постройкѣ дороги. Поэтому, скрывая отъ правительства фактъ выдачи поручительствъ за Задлера и завѣряя въ своей подпискѣ о достаточности средствъ на сооруженіе линіи, правленіе намѣренно вводило въ заблужденіе правительство. Конечно, можно замѣтить, что правительство соглашалось на выдачу пособія безъ достаточной провѣрки дѣйствительнаго положенія дѣлъ; но въ этомъ случаѣ оно могло полагаться на участіе правительственнаго директора въ правленіи, который, имѣя въ виду §§ 37 и 39 устава общества не долженъ былъ дозволить обществу входить въ кредитныя сдѣлки, а при заключеніи таковыхъ долженъ былъ довести о томъ до свѣдѣнія своего начальства. На этомъ основаніи Министерство Финансовъ и Путей Сообщенія не могли предполагать существованіе особыхъ долговыхъ обязательствъ общества передъ банками.

По полученіи указанныхъ подписокъ со стороны Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ 1-го марта 1873 года было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ обществу суммы въ 2.400,000 рублей металлическихъ, причемъ было опредѣлено изъ означенной суммы, сверхъ тѣхъ расходовъ, которые были вмѣнены въ обязанность общества, употребить 882,079 руб. 84 коп. на пополненіе остающагося за обществомъ неотработаннаго аванса съ освобожденіемъ принятыхъ въ обезпеченіе этого аванса залоговъ. А такъ какъ по сведеніи счетовъ не отработанныхъ авансовыхъ выдачъ оказалось всего на 867,472 руб. 16 коп., то на этотъ предметъ и была употреблена эта послѣдняя цифра. Сумма же такимъ образомъ освобожденныхъ запасовъ составляла 1.032,181 р. 50 к. кредитныхъ, которые и были выданы правленію.

Получивъ такимъ образомъ возможность средствами Задлера (такъ какъ залоги принадлежали ему) пополнить, хотя бы часть тѣхъ долговъ строителя, въ платежѣ которыхъ правленіе за него поручилось, послѣднее и въ этомъ случаѣ не думало оберегать интересы общества, представителемъ котораго оно было. Вмѣсто того, чтобъ употребить всю эту сумму на уплату его долговъ, оно уплатило банкамъ только 829,125 руб., а остальные 203,462 руб. 50 коп. выдало Задлеру на руки. За вычетомъ означенныхъ 829,125 руб. изъ 3.437,622 руб. 62 коп. долговыхъ суммъ Задлера, принятыхъ правленіемъ къ платежу, оставалось за строителемъ 2.608,397 р. 62 к., тогда какъ изъ суммъ ассигнованнаго пособія

за вычетомъ 867,472 руб. 16 коп., употребленныхъ на пополненіе авансовъ, 673,518 р., назначенныхъ на новыя работы и 593,446 руб. 34 коп. за переданный обществу подвижной составъ правительственнаго заказа и таможенныхъ пошлинъ, оставалось всего 265,563 руб. 84 коп. мет. или кредитныхъ 331,954 р. 80 к. Поэтому правленіе въ моментъ выкупа залоговъ и вопреки данной подпискѣ правительству находилось уже въ дефицитѣ на сумму 2.276,442 руб. 82 коп. кредитныхъ, не считая суммъ, нужныхъ на окончаніе недодѣлокъ но дорогѣ и на уплату за недостающій подвижной составъ.

Изъ послѣдующихъ обстоятельствъ видно, что данное правленію пособіе не повело ни къ чему: правленіе не могло продолжать работы по достройкѣ линіи за неимѣніемъ средствъ, а Задлеръ заключивъ означенную выше сдѣлку съ правленіемъ и получивъ его ручательство, не замедлилъ имъ воспользоваться и захвативъ часть своихъ залоговъ, объявилъ себя несостоятельнымъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ правительство все таки не рѣшилось взять дорогу въ свое вѣдѣніе: оно продало шесть тысячъ акцій варшавскому банкиру и строителю Либавской дороги г. Бліоху, который совершенно измѣнилъ составъ общаго собранія, состоявшагося 13-го іюня 1873 года. Собраніе это избрало г. Бліоха предсѣдателемъ правленія и ходатайствовало о назначеніи правительственной ревизіи дѣлъ общества съ самаго его основанія.

Новое правленіе приняло энергическія мѣры къ открытію движенія по линіи и оно состоялось 15-го августа 1873 года, хотя оставалось еще много недодѣлокъ.

Назначенная по ходатайству новаго правленія правительственная ревизія выяснила и послѣдній, третій, дефицитъ общества, вызванный норучительствомъ правленія за Задлера и, какъ оказывается изъ отчета правленія за первое полугодіе 1878 года, этотъ дефицитъ былъ исчисленъ ею на 1-е января 1874 года въ 2.761,414 руб. кред. Означенный дефицитъ покрытъ былъ:

1) Вновь разрѣшеннымъ 25 апрѣля 1875 г. выпускомъ облигацій общества на сумму	1.364,897 р. 4 к. метал.
2) Половиною излишка отъ болѣе выгодной реализаціи облигацій общества, что составляетъ на долю общества	389,670 „ 23 „ „
3) Уплаченными на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го декабря	

1876 г. СПБургскому частному коммерческому банку по обязательству правленія за счетъ строителя дороги		354,769 „ 87 „ „
	Всего . . .	2.109,337 р. 14 к. метал.

Такъ окончились всѣ перипетіи по сооруженію Кіево-Брестской дороги. Конечно, правительство имѣло бы полное право съ самаго начала, въ виду исчезновенія 1.332,828 р. 75 к., полученныхъ правленіемъ отъ Блейхредера объявить общество несостоявшимся и начать сооруженіе дороги за свой счетъ, или сдать постройку новому обществу, неимѣвшему ничего общаго съ гг. Рябининымя и Блейхредерами; оно имѣло также право не признать долговъ правленія банкамъ — долговъ, заключенныхъ безъ разрѣшенія общихъ собраній и притомъ преднамѣренно во вредъ правительства. Но ни въ первый, ни во второй разъ правительство не пожелало воспользоваться своими правами, не смотря на то, что дѣйствія правленій подъ предсѣдательствомъ гг. Рябинина и Ахшарумова имѣли чисто уголовный характеръ. По всей вѣроятности правительство не желало возбуждать уголовнаго процесса именно потому, что въ такомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ виновными могли пострадать и люди, попавшіе тутъ случайно, по излишней довѣрчивости и непониманію дѣла. Къ тому же въ послѣднемъ случаѣ очень много пострадали бы и банки, а потери подобныхъ учрежденій, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются вовсе нежелательными и будто бы опасными для государственнаго кредита.

Что до насъ касается, то мы этого взгляда вовсе не раздѣляемъ, и напротивъ думаемъ, что чѣмъ строже было бы правительство къ эксплуататорамъ народнаго достоянія, тѣмъ тверже бы держался и кредитъ государственный и тѣмъ менѣе было бы повадно другимъ господамъ повторять эти продѣлки.

Въ статьѣ 2-й нашего труда помѣщенной въ 5 № Сборника, говоря о сѣти желѣзныхъ дорогъ, утвержденной 27 декабря 1868 года и объ исторіи сооруженія Харьково-Кременчугской дороги, мы уже указывали на возникшее разногласіе въ томъ, которой дорогѣ отдать предпочтеніе Харьково-Кременчугской или Лозово-Севастопольской. Мы видѣли также, что Комитетъ Министровъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ никакой надобности дѣлать выборъ между

этими дорогами и призналъ необходимость строить и ту и другую, что и было Высочайше утверждено.

Въ томъ же 1868 году было разрѣшено братьямъ Панаевымъ, генералъ-адъютанту Тотлебену и барону Унгернъ-Штернбергу произвести изысканія по направленію отъ станціи Лозовой (на Азовской дорогѣ) до Севастополя съ вѣтвями къ Днѣпру и Ѳеодосіи.

Между тѣмъ на сооруженіе Севастопольской дороги было сдѣлано нѣсколько предложеній. Прежде всѣхъ поступило предложеніе принца Ольденбургскаго и генералъ-адъютанта Тотлебена съ товарищами — дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Дурасовымъ и инженеромъ Струве, но безъ объясненія условій концессіи.

Князь Италійскій, графъ-Суворовъ Рымникскій вмѣстѣ съ инженеромъ Эргардтомъ ходатайствовали о выдачѣ имъ концессіи съ правительственною гарантіею 5% на весь основной капиталъ въ 35.000,000 руб. Они полагали вести дорогу отъ Крюкова до Севастополя на протяженіи 500 верстъ, слѣдовательно, просили по 70,000 руб. съ версты.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Воронинъ съ банкирскимъ домомъ Розенталь просили о дозволеніи образовать акціонерное общество съ капиталомъ въ 43.800,000 руб. метал., который долженъ образоваться выпускомъ 1/4 части негарантированныхъ акцій и 3/4 гарантированныхъ облигацій. Въ ихъ проектѣ дорога должна была идти отъ Лозовой до Севастополя съ вѣтвью къ Днѣпру у Екатеринослава. Длина линіи опредѣлена въ 600 верстъ, что составляетъ 73,000 руб. метал. съ версты.

Инженеръ Струве съ купцомъ Лессингомъ также просили о концессіи и расчитывали стоимость сооруженія въ 51.887,500 р. метал., испрашивая гарантію правительства на весь необходимый капиталъ. По этому проекту желѣзная дорога должна была состоять изъ слѣдующихъ частей: главной линіи въ 559 верстъ, вѣтви къ Днѣпру у Екатеринослава 42 версты, вѣтви къ Днѣпру у Александровска 4 версты и вѣтви къ Ѳеодосіи 104 версты, всего 709 верстъ, слѣдовательно, поверстная стоимость опредѣлялась въ 73,184 руб.

Независимо отъ сего, правленіе Курско-Харьковско-Азовской дороги заявляло о данномъ ему общимъ собраніемъ акціонеровъ полномочіи просить о выдачѣ концессіи на сооруженіе этой дороги.

Въ началѣ 1869 года былъ возбужденъ вопросъ о самомъ способѣ сооруженія Севастопольской дороги и былъ предметомъ пе-

реписки между Министрами Финансовъ и Путей Сообщенія. Первый находилъ, что Севастопольская дорога на $^9/_{10}$ своего протяженія проходила по степной мѣстности и только на $^1/_{10}$—по горной. Судя по указаніямъ опыта степныя дороги могутъ быть оканчиваемы въ $1^1/_2$ или 2 года и требуютъ для своего устройства расходовъ не многимъ болѣе 50,000 рублей нарицательнаго капитала на версту; тогда какъ горныя дороги стóятъ гораздо дороже и требуютъ времени не менѣе 4-хъ лѣтъ. На этомъ основаніи дарованіе концессіи на обѣ части дороги имѣло особое неудобство. По отсутствію данныхъ относительно стоимости сооруженія горныхъ дорогъ, концессіонеры или будутъ требовать слишкомъ высокую цѣну, или, увлекаясь конкуренціею, понизятъ ее на столько, что не въ состояніи будутъ выполнить работъ. Если же выдавать концессіи на каждый участокъ отдѣльно, то для сооруженія горнаго участка нельзя будетъ образовать акціонернаго капитала. За тѣмъ, при начатіи работъ одновременно на всемъ протяженіи дороги, самая большая часть этого пути будетъ окончена 2 годами ранѣе, чѣмъ послѣдній участокъ и все это время будетъ оставаться безъ пользы для края и въ явный убытокъ для акціонернаго капитала. На этомъ основаніи Министръ Финансовъ признавалъ нужнымъ соорудить горный участокъ Севастопольской дороги средствами казны и, когда работы на немъ подвинутся на столько, что можно будетъ опредѣлить время ихъ окончанія, вызвать частную дѣятельность для сооруженія степной части дороги, объявивъ при томъ частному обществу, что горный участокъ уступается ему не по той цѣнѣ, во что онъ обойдется правительству, а по поверстной цѣнѣ степной части дороги; разница же между обѣими цѣнами составитъ капитальную жертву правительства для достиженія вмѣстѣ съ торговою и политической цѣли.

При первомъ взглядѣ на эти соображенія оказывается, что Министерство Финансовъ, признало, что участокъ дороги около Севастополя долженъ имѣть характеръ горной дороги и основало свои экономическіе взгляды на чисто техническихъ трудностяхъ сооруженія горныхъ дорогъ, о чемъ, повидимому, Министерство Путей Сообщенія могло бы судить гораздо вѣрнѣе.

Послѣднее, напротивъ того, полагало, что устройство участка дороги около Севастополя не представляетъ большихъ затрудненій, такъ какъ мѣстность, по которой онъ долженъ проходить скорѣе можетъ быть названа волнистою, чѣмъ гористою. Только въ 10 верстахъ отъ Севастополя является необходимость прорыть въ горѣ тон-

нель въ 1500 саж. длиною и то въ благопріятныхъ условіяхъ грунта и что это вовсе не есть дѣло новое на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Предполагая даже, что постройка подобнаго тоннеля потребуетъ времени не менѣе 4 лѣтъ и что вслѣдствіе этого движеніе на послѣднемъ участкѣ не можетъ быть открыто, эксплуатація остальныхъ участковъ Севастопольской линіи все-таки будетъ имѣть значеніе. Дорога доведенная до Александровска уже свяжетъ между собою двѣ мѣстности, разъединенныя днѣпровскими порогами; по доведеніи ея до Сиваша, она получитъ прибавку грузовъ крымской соли; по открытіи движенія до Симферополя дорога войдетъ въ связь съ сообщеніями южнаго берега Крыма. Вслѣдствіе сего Министерство Путей Сообщенія требовало немедленной выдачи концессіи на Севастопольскую дорогу.

Мы приводимъ это разногласіе двухъ министерствъ какъ фактъ, характеризующій отношенія нашей администраціи къ практическому вопросу. Министерство Финансовъ основывало свои экономическія воззрѣнія, какъ мы видѣли, на соображеніяхъ чисто техническаго свойства и Министерству Путей Сообщенія, конечно, не трудно было доказать неосновательность мотивировки подобныхъ воззрѣній; но за тѣмъ Министерство Путей Сообщенія прибѣгаетъ къ весьма шаткимъ экономическимъ доводамъ, чтобъ доказать необходимость немедленнаго сооруженія дороги. Опытъ наглядно доказалъ, что не только отдѣльные участки этой дороги не могутъ имѣть большаго экономическаго значенія, но его не имѣетъ и вся линія доведенная до Севастополя, не смотря на то, что этотъ пунктъ представляетъ собою нашъ лучшій портъ на Черномъ морѣ. Между тѣмъ, предусмотрѣть подобныя послѣдствія было очень не трудно при первомъ взглядѣ на карту. Нельзя не замѣтить, что Севастополь есть портъ, выдающійся въ море по крайней мѣрѣ верстъ на 300 далѣе, чѣмъ другіе наши портовые города и что вслѣдствіе болѣе дальняго провоза по желѣзной дорогѣ, онъ никогда не будетъ въ состояніи конкурировать съ ними въ дешевизнѣ нашихъ отпускныхъ товаровъ; съ другой стороны, заграничные товары, приходящіе къ нашимъ южнымъ портамъ по той же самой причинѣ гораздо выгоднѣе выгружать въ портахъ Азовскихъ и въ Одессѣ, чѣмъ въ Севастополѣ, тѣмъ болѣе, что Крымъ не представляетъ ни одного торговаго центра и весьма мало населенъ; наконецъ, Николаевъ и Ростовъ на Дону обладаютъ водяными путями, которые значительно удешевляютъ цѣну отпускныхъ товаровъ. Если бы вмѣсто постройки Севастопольской дороги средства эти были употреблены на проведеніе дорогъ къ Маріупулю

и Бердянску и на устройство портовъ въ этихъ городахъ и въ особенности въ Таганрогѣ, то русская отпускная торговля выиграла бы значительно и правительство давно бы перестало приплачивать гарантію по Курско-Азовской дорогѣ.

Точно также не выдерживаетъ критики мнѣніе Министерства Путей Сообщенія и въ томъ отношеніи, что отдѣльные участки Лозово-Севастопольской дороги до Александровска и Сиваша могли имѣть какое нибудь торговое значеніе. Новороссійскій край такъ мало населенъ и такъ мало развитъ въ промышленномъ отношеніи, что одна внутренняя торговля не можетъ дать желѣзной дорогѣ достаточную работу для покрытія расходовъ эксплуатаціи. Сомнѣваться въ этомъ невозможно было даже въ 1870 году.

Между тѣмъ въ теченіи 1870 и въ началѣ 1871 года поступило еще нѣсколько новыхъ предложеній на сооруженіе этой дороги. Графъ Михаилъ Ланской вмѣстѣ съ г. Байковымъ заявляли желаніе образовать акціонерное общество съ капиталомъ въ 42.000,000 рублей съ гарантіею правительства; графъ Апраксинъ предлагалъ устроить дорогу отъ Кременчуга къ Севастополю; кромѣ того, о допущеніи къ конкуренціи безъ подробнаго объясненія условій просили: статскій совѣтникъ Муромцевъ съ штабсъ-ротмистромъ Горяиновымъ, маіоръ Новиковъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Нормальная концессія была утверждена 9 мая 1871 года, а 29 іюля того же года и уставъ акціонернаго общества, образованіе котораго предоставлено комерціи совѣтнику Губонину. Основной капиталъ опредѣленъ въ 32.670,000 руб. метал. и составлялся выпускомъ на $^1/_4$ часть акцій на $^3/_4$ облигацій; тѣмъ и другимъ предоставлена гарантія чистаго дохода въ 5%; правительство оставило за собою всѣ облигаціи по цѣнѣ 75% за сто. Дорога предоставлялась обществу на 81 годъ. Длина линіи опредѣлена въ 613$^1/_2$ верстъ.

Изъ этихъ условій оказывается, что поверстная стоимость дороги опредѣлена въ 53,295 руб. метал. не смотря на значительный тоннель вблизи Севастополя. Но эта дешевизна достигнута значительнымъ уменьшеніемъ количества подвижнаго состава, который опредѣленъ въ 91 паровозъ и 1636 вагоновъ и платформъ (послѣднихъ большинство 838) т. е. 6,7 версты на каждый паровозъ и по 2,6 вагона на версту. Такого ничтожнаго количества подвижнаго состава до сихъ поръ мы не встрѣчали ни на одной изъ разрѣшенныхъ дорогъ и обстоятельство это вовсе не соотвѣтствуетъ тому значенію, которое придавало этой дорогѣ Министерство Путей Со-

общенія. Если дорога эта такъ важна, что каждый ея отдѣльный участокъ могъ имѣть свое самостоятельное значеніе, то она съ перваго раза должна была имѣть гораздо болѣе подвижнаго состава; если же по разцѣночной вѣдомости его назначалось менѣе, чѣмъ на другихъ дорогахъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что или это назначеніе дѣлалось зря, безъ всякихъ основаній, или само Министерство не вѣрило въ то, что оно утверждало.

Дорога эта открывалась по частямъ и послѣдній участокъ отъ Симферополя до Севастополя открытъ 5 января 1875 года

Послѣднею дорогой изъ сѣти, утвержденной 27 декабря 1868 года и нѣсколько измѣненной журналомъ комитета желѣзныхъ дорогъ 1 марта 1870 года, была Ландварово-Роменская. Читатель, слѣдившій за нашими статьями, могъ замѣтить что учредители обществъ для постройки и эксплуатаціи дорогъ, вслѣдствіе принятой у насъ системы, вовсе не обращали вниманія на будущность дороги, на условія ея эксплуатаціи и были заинтересованы только постройкою и тѣми барышами, которые могутъ при этомъ попасть имъ въ руки. Справедливость подобнаго мнѣнія весьма наглядно подтверждается сооруженіемъ Ландварово-Роменской дороги или лучше сказать сооруженіемъ участка ея отъ Роменъ до пересѣченія ея съ Курско-Кіевской дорогой. Если бы частные капиталы дѣйствительно употреблялись на сооруженіе этой дороги, то, въ виду отсутствія гарантіи по акціямъ, предприниматели, конечно, не согласились бы строить этотъ участокъ дороги безъ продолженія его до Харьково-Кременчугской линіи: подобная затрата была по меньшей мѣрѣ преждевременною и вызывала много непроизводительныхъ расходовъ. Но дѣло въ томъ, что во всемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ частныхъ капиталовъ или вовсе нѣтъ, или очень мало и постройка ведется почти исключительно на средства Правительства. Поэтому куда бы и какъ бы ни направлялась дорога, объ этомъ наши строители не заботятся: они знаютъ, сколько каждая верста должна принести имъ барыша и этого для нихъ довольно. Не затрачивая нисколько акціонернаго капитала на сооруженіе дороги, они совершенно равнодушны къ результатамъ эксплоатаціи, будучи убѣждены вполнѣ, что всякій дефицитъ будетъ покрытъ Правительствомъ. Это послѣднее обстоятельство даетъ имъ возможность не только наживать барыши при дешевой оцѣнкѣ дороги, но даже покрывать свои убытки, если облигаціонный капиталъ оказывается недостаточнымъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы открыть движеніе по дорогѣ ранѣе совершеннаго ея окончанія и производить работы по недодѣлкамъ во время эксплоа-

таціи дороги. Такой маневръ даетъ возможность относить цѣлую массу недодѣлокъ къ расходамъ эксплоатаціи, не затрачивая ни одной копѣйки на управленіе дѣломъ окончательной достройки дороги Услѣдить съ точностію за правильнымъ отнесеніемъ расходовъ на тотъ или другой источникъ, когда производство и тѣхъ и другихъ расходовъ находится въ однихъ рукахъ, положительно невозможно; а если при этомъ въ подобномъ наблюденіи никто не заинтересованъ, то весьма естественно что большая часть запасныхъ путей и другихъ недодѣлокъ покрываются изъ расходовъ эксплоатаціи. Только такимъ образомъ мы можемъ объяснить погоню за концессіями, не смотря на пониженіе строительныхъ цѣнъ.

Изъисканія по Ландварово-Роменской желѣзной дорогѣ были произведены въ 1870 году. Мы не имѣемъ въ виду правительственной оцѣнки, составленной по этимъ изысканіямъ, но знаемъ, что проектъ нормальной концессіи утвержденъ 9 мая 1871 года, по которой капиталъ Общества долженъ былъ состоять изъ $^1/_4$ негарантированныхъ акцій и $^3/_4$ облигацій. Послѣднія удерживались Правительствомъ за собою по $76^1/_2$ за 100 и имъ присвоена гарантія 5% дохода и $^1/_{10}$ погашенія; длина дороги опредѣлялась въ 718 верстъ, а количество подвижнаго состава — въ 108 паровозовъ и 1848 вагоновъ и платформъ, т. е. почти такое же количество какъ и на Лозово-Севастопольской дорогѣ. Здѣсь приходится 1 паровозъ на 6,6 версты и по $2^1/_2$ вагона на версту.

Сверхъ условія, по которому дорога останавливалась въ степи, также и городъ Ромны не имѣетъ никакого экономическаго значенія; не смотря на все это, желающихъ взять на себя сооруженіе дороги явилось много, а именно: инженеръ-капитанъ Яфимовичъ съ вѣнскимъ банкиромъ Векерсгеймомъ, статскій совѣтникъ Герстфельдъ, полковникъ Жерардъ-де-Сукантонъ, купецъ Варгунинъ съ почетнымъ гражданиномъ Гинцбургомъ, торговый домъ Гладина, инженеръ полковникъ Фалькенгагенъ, представитель Гамбургскаго сѣвернаго банка, статскій совѣтникъ фонъ Меккъ и комерціи совѣтникъ Варшавскій.

По видимому конкуренціи между этими лицами не было; покрайней мѣрѣ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ не говоритъ ни слова объ этой конкуренціи: въ немъ сказано только, что по соглашенію Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ учредителемъ акціонернаго общества избранъ статскій совѣтникъ фонъ Меккъ, на имя котораго по Высочайше утвержденному 21 іюля 1871 года положенію Комитета Министровъ и была выдана концессія.

Основной капиталъ Общества опредѣленъ въ 28.466,812 руб. металлическихъ. Если мы откинемъ сумму акціонернаго капитала и возьмемъ реализаціонную цѣну облигацій, то оказывается что дорога эта обошлась Правительству въ 24,712 руб. металлическихъ за версту, что по тогдашнему курсу выходитъ 28,242 рубля кредитныхъ. Если при этомъ принять въ соображеніе отсутствіе всякихъ техническихъ по этому направленію затрудненій, дешевизну лѣсныхъ матерьяловъ болѣе, чѣмъ на трехъ четвертяхъ ея протяженія, ничтожное количество подвижнаго состава и наконецъ земляное полотно въ одинъ путь при одной восьмой запасныхъ путей вмѣсто одной пятой, какъ это требовалось на другихъ дорогахъ, то окажется что облигаціоннаго капитала было вполнѣ достаточно на сооруженіе дороги, акціонерный же капиталъ остался вовсе безъ употребленія. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе, что эксплоатація дороги открывалась отдѣльными участками и что такимъ образомъ являлась возможность смѣшивать расходы строительные съ расходами эксплоатаціи, и тогда будетъ понятно какъ можно строить дороги за дешевую цѣну.

На этомъ мы оканчиваемъ нынѣшнюю статью, потому что Ростово-Владикавказская дорога внесена въ сѣть 1868 года уже въ 1870 году, и можетъ быть скорѣе отнесена къ сѣти утвержденной по журналу комитета желѣзныхъ дорогъ 1871 года марта 27 дня. Мы не рѣшаемся говорить объ исполненіи этой послѣдней сѣти на томъ основаніи, что это значительно увеличило бы объемъ нашей статьи, и безъ того утомительной для вниманія читателей. Откладывая такимъ образомъ до слѣдующей книги Сборника окончаніе нашей исторіи сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, мы надѣемся познакомить читателя не только съ условіями сооруженія дорогъ, вошедшихъ въ эту сѣть, но и съ тѣми попытками измѣнить существующую систему ихъ сооруженія, которыя выразились въ правилахъ 30 марта 1873 года и указать тѣ причины, по которымъ эти попытки потерпѣли неудачу.

БУМАЖНО-ДЕНЕЖНЫЕ ПРОЕКТЫ

и

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ФИНАНСЫ.

И. И. КАУФМАНА,

доктора политической экономіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБЗОРЪ ПРОЕКТОВЪ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ 1861—78 ГОДАХЪ.

I.

ПРОЕКТЪ Е. И. ЛАМАНСКАГО.

На проектѣ этомъ находится печатная помѣтка: „писано въ ноябрѣ 1861 года“. Онъ, поэтому, прежде другихъ подлежитъ здѣсь разсмотрѣнію, какъ первое выраженіе раціональныхъ требованій реформы кредитнаго денежнаго обращенія въ Россіи послѣ первой восточной войны.

Проектъ Е. И. Ламанскаго постигла очень печальная и совершенно незаслуженная участь. То, что въ немъ заключалось разумнаго, вполнѣ практичнаго и научнаго, забыто. И, напротивъ, все помнятъ связь, яко-бы соединяющую этотъ проектъ съ мѣропріятіями $186^2/_3$ гг. по возобновленію размѣна. Между тѣмъ на дѣлѣ эта связь исключительно внѣшняя и почти случайная.

Вполнѣ сознавая, что „частныя мѣры или полумѣры въ этомъ дѣлѣ недостаточны“, что „нужно ясное и гласное сознаніе оши-

бокъ и мѣры энергическія, не позволяющія вернуться къ прошлому", что наконецъ „нужны смѣлость и система дѣйствій, къ которымъ приводятъ глубокое убѣжденіе и увѣренность знанія", — Е. И. Ламанскій своимъ проектомъ 1861 года пріобрѣлъ себѣ еще особыя заслуги тѣмъ, что въ немъ онъ —

первый раціонально опредѣлилъ *предѣлы* задачи преобразованія кредитной денежной системы въ Россіи;

первый правильно формулировалъ *основныя начала* этого преобразованія.

Въ томъ и другомъ отношеніяхъ позднѣйшимъ проектамъ приходилось въ сущности лишь повторять высказанное Е. И. Ламанскимъ.

Въ отношеніи предѣловъ задачи преобразованія кредитной денежной системы проектъ исходитъ изъ того, что реформа должна охватить не только кредитные билеты, но также и серіи, вкладныя свидѣтельства государственныхъ кредитныхъ установленій и 4% металл. билеты, то-есть: всѣ тѣ бумаги, которыя, представляя неотвержденный государственный долгъ (la dette flottante), вмѣстѣ съ тѣмъ по закону должны приниматься въ платежи казначействомъ и, такимъ образомъ, имѣютъ денежныя качества. Все то, чему законодатель сообщилъ денежныя качества, должно войти въ кругъ его заботъ, когда ставится вопросъ о созданіи для этихъ качествъ здоровой почвы.

Такимъ образомъ Е. И. Ламанскій первый выразилъ мысль, что безъ регулированія *всего* нашего неотвержденнаго государственнаго долга немыслимо правильное разрѣшеніе вопроса о кредитныхъ билетахъ.

Въ отношеніе же коренныхъ началъ, которыя должны лечь въ основаніи реформы, Е. И. Ламанскій полагалъ, что во главѣ ихъ должна стоять непрерывная размѣнность на звонкую монету *всякой* бумаги, которой правительство даетъ денежныя качества.

Въ проектѣ говорится:

„Ни одинъ изъ этихъ трехъ видовъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ (кредитныхъ билетовъ, серій и вкладныхъ свидѣтельствъ) „не можетъ быть признанъ наукою раціональнымъ, ибо всѣ они „какъ по способу выпуска первыхъ, такъ и по свойству обращенія, передаточности и платежности двухъ послѣднихъ, составляютъ одно и тоже видоизмѣненіе денегъ, *которыхъ они должны „быть представителями по отношенію къ размѣну. Металлическій фондъ отвѣчаетъ за всѣ бумаги одинаково*".....

„Въ потребности размѣна на рынкѣ или въ правѣ на металлъ „участвуютъ *всѣ* денежные знаки".

Слѣдующее затѣмъ коренное начало выражаетъ способъ, коимъ размѣнность установляется на вполнѣ прочной почвѣ.

Проектъ говоритъ:

„Бумажные представители денегъ или кредитные знаки, замѣ„няющіе деньги, должны имѣть безусловное качество свободнаго „размѣна для правильнаго обращенія. Такой результатъ дости„гается *только въ томъ случаѣ*, когда выпускъ бумажныхъ пред„ставителей денегъ предоставленъ оборотнымъ банкамъ (banques „d'émission), которые по существу своихъ операцій, могутъ вы„пускать, или вѣрнѣе сказать, обмѣнивать бумажные кредитные „знаки *только въ двухъ случаяхъ*: или въ обмѣнъ за приносимое „золото и серебро, или въ обмѣнъ краткосрочныхъ торговыхъ бу„магъ и векселей, принимая ихъ въ учетъ на три и на шесть „мѣсяцевъ. Изслѣдованія торговыхъ потребностей въ монетѣ и „кредитнаго денежнаго обращенія доказываютъ, что *при такихъ „условіяхъ выпуска размѣнъ билетовъ на металлъ обезпеченъ вполнѣ*.... „Примѣры прочнаго денежнаго кредитнаго обращенія существуютъ „*исключительно* при банковомъ устройствѣ".

Въ противуположность этому, проектъ указываетъ на то, что „въ Россіи денежное кредитное обращеніе, напротивъ того, всегда составляло, и составляетъ понынѣ, финансовый способъ правительства, которое выпускаетъ свои билеты, не какъ банкъ, взамѣнъ краткосрочныхъ торговыхъ обязательствъ и векселей, а какъ деньги для своихъ государственныхъ надобностей".

Приведенныя выписки наглядно показываютъ, какъ ясно авторъ сознавалъ, что единственною прочною почвою, потребною для кредитнаго денежнаго обращенія въ Россіи, можетъ и должна быть лишь та-же самая почва, которая освящена наукою и вѣковымъ опытомъ Англіи, Франціи, Германіи, да и всѣхъ странъ и народовъ, когда либо имѣвшихъ здоровое бумажное денежное обращеніе.

Обращаемся къ содержащимся въ проектѣ соображеніямъ непосредственно-практическаго свойства.

Авторъ исходитъ изъ того, что „въ 1862 году денежное „кредитное обращеніе состоитъ: изъ кредитныхъ билетовъ на „700 милл., серій на 108 милл. и старыхъ вкладовъ на 150 „милл., всего 986 милл.". Для преобразованія ихъ предлагаются нижеслѣдующія мѣры.

„Государственный Банкъ изъемлется изъ вѣдомства министер-

ства финансовъ и подчиняется „исключительному и непосредственному“ вѣдѣнію одного лишь Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій съ увеличеніемъ въ составѣ послѣдняго числа представителей со стороны правительства, дворянства и купечества.

Изъ чисто государственнаго установленія Банкъ преобразуется „съ 1865 года, если окажется неудобнымъ исполнить сіе ранѣе“, въ учрежденіе смѣшанное, государственно-акціонерное; для этого составляется акціонерная компанія, которая вноситъ капиталъ въ 20 милл. р., присоединяемый къ казенному капиталу Банка. Управляющій, его товарищъ и 6 директоровъ назначаются правительствомъ изъ акціонеровъ; другіе 6 директоровъ избираются самими акціонерами; сверхъ того въ составъ правленія Банка входятъ по два члена отъ правительства, дворянства и купечества, тоже въ должности директоровъ.

Правительство отказывается „навсегда“ отъ выпуска „сначала кредитныхъ билетовъ и затѣмъ всякихъ другихъ денежныхъ знаковъ, съ свойствомъ обязательнаго пріема въ платежи, „какъ процентныхъ, такъ и безпроцентныхъ“. Право выпуска денежныхъ знаковъ переходитъ къ преобразованному Банку.

Банку предоставляется выпустить новые безпроцентные билеты „на всю сумму, какая имъ будетъ извлечена изъ обращенія въ кредитныхъ билетахъ, во вкладныхъ свидѣтельствахъ „и въ 4% металл. билетахъ и безъ ограниченія суммы за вносимые слитки золота и серебра“. „Въ случаѣ надобности Банка „на оживленіе торговыхъ оборотовъ впредь до окончательнаго „утвержденія устава въ 1865 году, предоставляется Банку, съ „открытіемъ размѣна своихъ билетовъ, черезъ полгода послѣ „начала, увеличить сумму выпуска своихъ билетовъ до 20 милл. „рублей подъ залогъ краткосрочныхъ торговыхъ бумагъ“.

Для обезпеченія средствъ къ размѣну новыхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ вмѣсто кредитныхъ билетовъ и иныхъ денежныхъ бумагъ, правительство передаетъ Банку:

а) размѣнный фондъ въ 100 мил. р.;
б) на 200 милл. руб. 5% ренты, облигаціи которой Банку предоставляется продавать способами и въ размѣрахъ, какіе онъ признаетъ наиболѣе удобными;
в) на 200 милл. рублей 1%-ное обязательство казначейства, неотчуждаемое, но подлежащее погашенію въ теченіи 100 лѣтъ;

г) на 200 милл. р. государственныхъ имуществъ: лѣсами, оброчными статьями, горными заводами, фабриками и желѣзными дорогами. Доходы съ этихъ имуществъ продолжаетъ получать правительство впредь до ихъ продажи Банкомъ; Банку предоставляется производить продажу по соглашенію съ министромъ финансовъ.

Съ сими обезпеченіями вмѣняется Банку „въ обязанность" приступить *немедленно* къ открытію размѣна: въ теченіи 1862 года по 5 р. 70 к. за полуимперіалъ, въ первую половину 1863 года по 5 р. 50 к., во вторую его половину по 5 р. 35 к.; въ теченіи всего 1864 года по 5 р. 25 к., а съ 1-го января 1865 года по 5 р. 15 к.

Въ заключеніе прибавимъ еще, что преобразованный Банкъ прекращаетъ пріемъ процентныхъ вкладовъ до востребованія.

Ближе всматриваясь въ только-что изложенную совокупность мѣропріятій, нетрудно замѣтить, что они не вполнѣ соотвѣтствуютъ широкимъ руководящимъ идеямъ автора. Они касаются *только* кредитныхъ билетовъ, которыми поглощаются всѣ обезпеченія на 700 милл. руб., рекомендуемыя проектомъ. Для регулированія-же остальныхъ денежныхъ знаковъ, на сумму 286 милл. р., совсѣмъ не указано обезпеченій и они оставлены въ прежнемъ ихъ неопредѣленномъ положеніи.

Что-же касается кредитныхъ билетовъ, то очевидно мысль проекта заключается въ изъятіи изъ обращенія суммы ихъ (или замѣняющихъ ихъ новыхъ билетовъ преобразованнаго Банка) на 400 милл. (именно: 200 милл. путемъ консолидаціи въ 5%-ной рентѣ и 200 милл. путемъ продажи государственныхъ имуществъ). Остальные-же 300 милл. оставляются въ обращеніи: 100 милл. соотвѣтственно размѣнному фонду и 200 милл. за счетъ казначейства, съ постепеннымъ погашеніемъ ихъ по 2 милл. въ годъ.

Врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что еслибъ дѣйствительно было изъято изъ обращенія на 400 милл. кредитныхъ билетовъ (56% всей тогдашней ихъ суммы), — еслибъ проектъ былъ еще дополненъ нѣкоторыми мѣрами для дальнѣйшей консолидаціи вкладовъ и для лишенія серій и 4%-ныхъ металлическихъ билетовъ ихъ денежныхъ качествъ (то-есть, для ихъ изъятія изъ обращенія, а слѣдовательно и тѣхъ новыхъ билетовъ преобразованнаго Банка, которые были-бы выпущены для уплатъ по вкладамъ, серіямъ и 4%-нымъ билетамъ),—то обращеніе осталь-

ныхъ денежныхъ знаковъ всего на сумму 300 милл. руб. было-бы *обезпечено*.

Предъ первою восточною войною обращалось свыше 350 милл. руб. кредитныхъ билетовъ и это не мѣшало ихъ размѣнности.

Оставленіе въ обращеніи за счетъ казначейства суммы денежныхъ знаковъ, не превышающей 200 милл. р., не могло внушать опасеній. Эта сумма была нѣсколько больше, чѣмъ нужно для производства платежей, приходящихъ въ казначейство и исходящихъ изъ него; но излишекъ былъ не настолько великъ, чтобъ не найти себѣ спокойной (если не прочной) почвы въ потребности страны въ достаточномъ количествѣ орудій обращенія.

Странѣ, во всякомъ случаѣ, для всѣхъ потребностей нужна была гораздо бо̀льшая сумма орудій обращенія, чѣмъ тѣ 300 милл., на которые оставлялось кредитныхъ знаковъ. Поэтому, весьма вѣроятно, звонкая монета очень скоро опять вступила-бы въ свои права.

Врядъ-ли возможно представить серьезное возраженіе и противъ того, что размѣнъ по проекту долженъ былъ открыться немедленно-же. Одновременно съ нимъ, параллельно, должно было идти скорое извлеченіе излишнихъ денежныхъ знаковъ, путемъ консолидаціи и продажи государственныхъ имуществъ. Это какъ-бы окружало размѣнъ сдавливающимъ кольцомъ. И онъ становился еще болѣе безопаснымъ, благодаря размѣнной цѣнѣ полуимперіяла, сначала довольно высокой и лишь постепенно понижавшейся. Изъятіе изъ обращенія излишнихъ кредитныхъ знаковъ, конечно, возвышало-бы ихъ цѣну и умѣряло-бы слишкомъ поспѣшныя требованія размѣна.

Мысли преобразовать Государственный Банкъ въ учрежденіе государственно-акціонерное, мы здѣсь не будемъ касаться, такъ какъ ниже мы къ ней должны будемъ вернуться.

Не будемъ мы также здѣсь вдаваться въ разборъ вопроса, насколько удобоисполнимо изъятіе излишнихъ денежныхъ знаковъ изъ обращенія путемъ продажи государственныхъ имуществъ. Замѣтимъ только, что при установившихся въ настоящее время взглядахъ на предпочтительность медленнаго и осторожнаго образа дѣйствій при операціяхъ возстановленія металлическаго обращенія—трехлѣтній срокъ, въ который по разобранному проекту все должно быть окончено, врядъ-ли не повелъ-бы къ чрезмѣрной поспѣшности.

Какъ-бы то ни было, безпристрастно относясь къ проекту,

составленному въ концѣ 1861 года Е. И. Ламанскимъ, нѣтъ никакой справедливой возможности винить его за неудачу мѣръ, принятыхъ финансовымъ управленіемъ въ 1862 и 1863 годахъ. Размѣнъ, правда, былъ открытъ по тарифу, какъ онъ его рекомендовалъ, опираясь на труды двухъ парламентскихъ коммиссій Англіи 1819 года. Но при этомъ совершенно были обойдены всѣ остальныя, *наиболѣе существенныя* его предложенія.

Къ изложенному остается прибавить, что со своими раціональными взглядами Е. И. Ламанскій стоялъ, въ административной сферѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ довольно одиноко. Позволительно даже сомнѣваться, многіе-ли его въ то время понимали. Но въ литературѣ онъ все-таки былъ несовсѣмъ одинокъ. Въ 1862 году появился ученый трудъ В. П. Безобразова „о нѣкоторыхъ явленіяхъ нашего бумажнаго денежнаго обращенія"; въ этомъ изслѣдованіи впервые систематически излагалось ученіе о *банковомъ обезпеченіи* кредитной циркуляціи. И авторъ этого труда уже тогда не считалъ возможнымъ возобновленіе размѣна безъ соотвѣтствующаго сокращенія безпроцентнаго долга Государственнаго Казначейства за кредитные билеты.

II.

ПРОЕКТЪ Г. ГОЛЬДМАНА.

Проектъ г. Гольдмана вышелъ въ іюнѣ 1866 года, во время тяжкаго кризиса, постигшаго кредитные билеты и понизившаго, правда, на короткое время, ихъ цѣнность до 66% ихъ нарицательнаго достоинства.

Этимъ-то обстоятельствомъ г. Гольдманъ предлагалъ русскому правительству *поскорѣе* воспользоваться для девальваціи (т. е., пониженія металлической цѣнности билетовъ при ихъ размѣнѣ сравнительно съ ихъ первоначальною нарицательною цѣною) кредитныхъ билетовъ на 33%.

Проектъ г. Гольдмана преслѣдуетъ, конечно, самую лучшую цѣль: „отмѣнить вырожденіе кредитныхъ билетовъ возстановленіемъ ихъ размѣнности" и затѣмъ „совершенно устранить государственныя бумажныя деньги".

Девальваціи г. Гольдманъ отдавалъ предпочтеніе, исходя изъ общихъ соображеній о справедливости и государственномъ благоустройствѣ; но главнымъ образомъ онъ обращалъ вниманіе правительства на ея финансовыя выгоды. „Такъ", писалъ онъ:

„еслибъ наши кредитные билеты, составляющіе по нарицатель-„ной цѣнѣ 650 милл. руб., были выкуплены по существующему „курсу, то есть около 66²/₃ коп. сер. за рубль, то ихъ выкупъ „потребовалъ бы 433 милл. руб. сер., то-есть на 217 мил. руб. „сер. меньше, нежели выкупъ по полной цѣнѣ...

„Одинъ этотъ излишекъ далъ бы возможность устранить са-„мую большую и опасную часть текущаго процентнаго долга го-„сударства, а именно всю сумму билетовъ Государственнаго Каз-„начейства".

Вполнѣ сознавая, что устраненіе нарицательнаго достоинства кредитныхъ билетовъ требуетъ законодательнаго опредѣленія о томъ, какъ должны быть покончены счеты между частными лицами по договорамъ и сдѣлкамъ, заключеннымъ въ разное время до этой мѣры, г. Гольдманъ предлагалъ

„установить скалу съ назначеніемъ помѣсячно или въ болѣе зна-„чительныхъ промежуткахъ времени степени пониженія бумажной „валюты, сообразно съ которой и слѣдовало бы вычислить суще-„ствующія денежныя обязательства по времени ихъ заключенія".

Авторъ, впрочемъ, не скрывалъ отъ себя, что съ этимъ способомъ связаны многія затрудненія и несправедливости.

Частности финансовой стороны проекта заключаются въ слѣдующемъ:

Для изъятія изъ обращенія 650 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, говоритъ г. Гольдманъ, „потребовалась бы сумма около 430 милл. руб. *въ звонкой монетѣ*, которую понадобилось бы собрать *немедленно или по крайней мѣрѣ въ короткое время*". Но „такая значительная сумма, *которая должна состоять исключительно изъ золота и серебра*", по мнѣнію автора, „не могла бы быть добыта *въ короткій срокъ*". Поэтому онъ предлагалъ всю сумму въ 430 милл. раздѣлить на двѣ части, съ тѣмъ, чтобъ лишь на половину ея, на 215 милл. руб., кредитные билеты были выкуплены за звонкую монету. А такъ какъ весною 1866 года монеты имѣлось въ размѣнномъ фондѣ на 60 милл. руб., то „потребовалось бы еще добыть только около 155 милл. руб." Относительно этой-же суммы авторъ полагалъ, что правительство ее добудетъ, „выждавъ болѣе благопріятную минуту", и если оно „не пожалѣетъ никакихъ жертвъ".

Остальные 230 милл. р. кредитныхъ билетовъ г. Гольдманъ совѣтовалъ изъять изъ обращенія „нѣкотораго рода“ внутреннимъ принудительнымъ займомъ.

Считая, что металлическій заемъ обойдется правительству въ 8%, а по внутреннему достаточно платить 4% интереса и 1% погашенія, г. Гольдманъ оцѣнивалъ стоимость предлагаемой имъ реформы въ новый ежегодный расходъ казначейства на сумму 24.700.000 рублей.

Такъ какъ исчезновеніе кредитныхъ билетовъ должно было поставить въ затруднительное положеніе страну, то проектъ предлагалъ учредить „оборотный банкъ“ на началахъ организаціи эмиссіонныхъ банковъ за границею. Г. Гольдманъ полагалъ, что если не сейчасъ, то „по крайней мѣрѣ въ очень скоромъ времени“ банкъ этотъ въ состояніи будетъ выпустить своихъ денежныхъ знаковъ *на 300 милльоновъ рублей*, чѣмъ „публикѣ открылась бы возможность немедленно возмѣстить убыль въ деньгахъ, происшедшую отъ изъятія кредитныхъ билетовъ обмѣномъ на процентныя бумаги“. Въ то-же самое время появилось-бы въ обращеніи звонкой монеты на 215 милл. руб. изъ правительственныхъ источниковъ и, вѣроятно, еще немалое количество, такъ какъ „далеко большая часть обращавшейся у насъ прежде монеты скрыта въ рукахъ частныхъ лицъ“. Эту монету вмѣстѣ съ тою, „которая должна *тотчасъ-же* вернуться изъ-за границы“, авторъ исчислялъ въ 300 милл. р. Такимъ образомъ „все количество курсирующихъ у насъ звонкихъ денегъ должно было-бы дойти до 515 милл. рублей“.

Таковъ проектъ. Г. Гольдманъ не напрасно побуждалъ правительство спѣшить не только его принятіемъ, но и исполненіемъ: очень скоро послѣ его появленія, его осуществленіе сдѣлалось невозможнымъ. Кредитный рубль стоилъ уже не 66 сер. коп., а 85 сер. коп., и на такой цѣнѣ онъ установился для продолжительнаго періода, который исторія нашихъ финансовъ должна будетъ причислить къ очень счастливымъ... Выгода въ 217 милл., которую г. Гольдманъ ожидалъ отъ девальваціи, испарилась въ облакахъ нашего финансоваго благополучія.

О девальваціи вообще, какъ объ способѣ преобразованія кредитной денежной системы, ниже будетъ сказано нѣсколько словъ. Что-же касается остальныхъ частей проекта, то полагаемъ, онѣ

слишкомъ уже просты, чтобъ нужно было долго останавливаться на ихъ критическомъ разборѣ.

Въ совѣтѣ „выбрать болѣе благопріятную минуту“ для внѣшняго займа, правительство врядъ-ли нуждалось. Совѣтовать-же „не пожалѣть никакихъ жертвъ“ для займа значило напередъ уступить всю честь успѣха дѣла тѣмъ, которымъ придется выносить „жертвы“, но уступить имъ эту честь за непомѣрно дорогую цѣну.

Честь успѣха принудительнаго займа тоже принадлежала-бы власти правительства, а не автору идеи.

Что-же касается вычисленій автора, на сколько сотенъ миллъоновъ рублей появилось-бы въ обращеніи звонкой монеты, „скрытой и возвращающейся изъ-за границы“, а равно на сколько сотенъ миллъоновъ рублей новый „оборотный банкъ“ успѣлъ-бы выпустить кредитныхъ знаковъ, то эти вычисленія, къ сожалѣнію, совершенно произвольны.

Прибавимъ, что о томъ, быть-ли новому „оборотному банку“ учрежденіемъ государственнымъ или частнымъ - акціонернымъ, проектъ г. Гольдмана умалчиваетъ. Во всякомъ случаѣ онъ прибылей этого банка въ расчетъ не беретъ, также точно, какъ проектъ Е. И. Ламанскаго.

III.

ПРОЕКТЪ ПРОФ. АД. ВАГНЕРА.

Проектъ проф. Вагнера появился въ 1867 и 1868 годахъ, какъ одна изъ главъ его замѣчательнаго сочиненія о русскихъ бумажныхъ деньгахъ.

Въ 1868 году проф. Вагнеръ высказывался *противъ* девальваціи, „по крайней мѣрѣ, при теперешнемъ (тогдашнемъ) „умѣренномъ пониженіи цѣны бумажныхъ денегъ и вообще пока „въ Россіи еще возможны другіе пути. Не слѣдуетъ прибѣгать „къ девальваціи, то есть понижать нарицательную цѣну бумаж„ныхъ денегъ до курсовой, *выхваченной по произволу*“. Также рѣшительно проф. Вагнеръ высказался противъ „всѣхъ предложеній, относительно возстановленія денежной единицы, *основанныхъ* на началѣ девальваціи“. По его мнѣнію, „они *могутъ*

быть допущены", но только „какъ крайняя мѣра, когда ничего другого не остается дѣлать". Къ предложеніямъ, выражающимъ девальвацію не прямо, а косвенно, („основаннымъ на началѣ" ея, или какъ авторъ еще говоритъ, „которыя въ сущности не содержатъ ничего, кромѣ девальваціи") проф. Вагнеръ относитъ „введеніе принудительной *курсовой*, вмѣсто нарицательной цѣны „для упавшихъ бумажныхъ денегъ, и вообще отмѣну дол„гое время существовавшаго принудительнаго курса". „Истинная девальвація", говоритъ далѣе авторъ, „имѣла-бы даже пре„имущества предъ этими предложеніями, потому что при ней цѣн„ность бумажныхъ денегъ была-бы понижена до *опредѣленной* „курсовой цѣны" (была-бы фиксирована); „при означенныхъ же „предложеніяхъ (скрытой девальваціи) бумажныя деньги продол„жаютъ колебаться и впредь, и даже сильнѣе, чѣмъ прежде".

Такимъ образомъ проф. Вагнеръ полагаетъ, что „правильный методъ возстановленія денежной единицы состоитъ въ доведеніи утратившихъ часть своей цѣны бумажныхъ денегъ до нарицательной цѣнности или до равноцѣнности съ монетою и въ удержаніи курса пари бумажныхъ денегъ". Далѣе авторъ поясняетъ: „при настоящемъ (въ маѣ 1868 года) курсѣ бумажныхъ денегъ возстановленіе денежной единицы по началу девальваціи потребовало-бы немного меньшихъ средствъ, чѣмъ по началу поднятія цѣнности".

Авторъ высказывается противъ „устраненія государственной банковой системы и превращенія всѣхъ бумажныхъ денегъ въ настоящіе билеты, выпускаемые *независимыми* банками". По его мнѣнію такая замѣна Государственнаго Банка акціонернымъ „независимымъ"—имѣла бы основаніе лишь „при совершенномъ государственномъ банкротствѣ", при совершенной утратѣ кредитными билетами всякой цѣны", хотя и это основаніе было-бы „вовсе не безусловное",

> „потому что новѣйшій опытъ Сѣверной Америки доказалъ *совер„шенную несостоятельность* прежняго довода противъ государ„ственныхъ банковъ, именно что они легко ведутъ при затруд„неніяхъ правительства къ пріостановленію размѣна. *Въ Аме„рикѣ отъ этой опасности не предохранила даже децентрали„зація и множественность частныхъ выпускныхъ банковъ.*

„Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, мы охотно сознаемся, что многіе практическіе доводы говорятъ въ пользу основанія одного или многихъ оборотныхъ банковъ". Но „въ настоящемъ поло-

женіи Россіи *вѣскія* финансовыя соображенія говорятъ въ пользу временнаго, по наименьшей мѣрѣ, сохраненія Государственнаго Банка". Подъ „финансовыми соображеніями" авторъ разумѣетъ гораздо большіе расходы и гораздо большія операціи, съ которыми безъ Государственнаго Банка связывается реформа кредитной денежной системы. „Учрежденіе акціонернаго банка немедленно увеличитъ расходъ по возстановленію денежной единицы".

Подобно Е. И. Ламанскому, проф. Вагнеръ убѣжденъ, что неотвержденные государственные долги Россіи страдаютъ органическимъ недугомъ, состоя изъ бумагъ, обладающихъ, въ противность своей природѣ, денежными качествами. Отсюда — знакомый уже намъ выводъ: реформа кредитнаго денежнаго обращенія, чтобъ быть раціональной, должна преобразовать, прежде всего, неотвержденные долги, *отнять у нихъ денежныя качества.*

Сходствуя въ этомъ отношеніи съ проектомъ Е. И. Ламанскаго, проектъ проф. Вагнера именно въ этомъ-же отношеніи и отличается очень выгодною особенностью. Онъ не только выражаетъ теоретическое требованіе разъ навсегда покончить съ нераціональнымъ устройствомъ нашихъ неотвержденныхъ государственныхъ долговъ, но обстоятельно занятъ мѣрами практическаго его удовлетворенія.

Для приведенія въ порядокъ неотвержденныхъ государственныхъ долговъ Россіи, исчисляемыхъ проф. Вагнеромъ (не совсѣмъ правильно) въ 1.179 милл. р., предлагаются имъ слѣдующія мѣры.

Изъ всей суммы серій (216 милл. р.) часть въ 116 милл. р. должна быть консолидирована; остальные-же 100 милл. можно превратить въ краткосрочныя обязательства казначейства (6-мѣсячныя, годичныя и 3-годичныя съ различными процентами).

Исходя изъ того, что сумма вкладовъ Государственнаго Банка, получившихъ у него неправильное и опасное помѣщеніе, простирается до 153 милл. р., проектъ считаетъ необходимымъ ее сократить по крайней мѣрѣ на 97 милл. руб. Освобожденныя этимъ путемъ средства отчасти (на 42 милл.) могутъ быть обратно уплачены вкладчикамъ, отчасти должны быть затрачены: на правильное доходное помѣщеніе ихъ (35 милл. р.) и на усиленіе кассы (20 милл. р.).

Что-же касается кредитныхъ билетовъ, то изъ суммы ихъ тогда обращавшейся, (685 милл.), часть, въ 200 милл. р

жетъ быть оставлена въ обращеніи за счетъ казначейства его безпроцентнымъ долгомъ; другая часть въ 185 милл. (въ томъ числѣ на 50 милл. р. мелкими, рублевыми и 3-рублевыми билетами) путемъ внутренняго займа должна быть изъята изъ обращенія и уничтожена; изъ остающихся-же 300 милл. 100 милл. будутъ соотвѣтствовать равному запасу звонкой монеты, тогда имѣвшемуся въ размѣнномъ фондѣ, а для обезпеченія послѣднихъ 200 милл. правительство имѣетъ заключить *внѣшній заемъ*. Полученныя отъ этого займа суммы правительство, при невозможности найти имъ доходное помѣщеніе въ Россіи, держитъ или на процентномъ текущемъ счетѣ заграницею или въ легко-реализуемыхъ процентныхъ бумагахъ. Съ помощью этихъ суммъ правительство могло-бы произвести дальнѣйшее сокращеніе кредитнаго обращенія, еслибъ оно понадобилось для уравненія цѣнности бумажнаго рубля съ металлическимъ. Впрочемъ, проф. Вагнеръ полагалъ, что этого не будетъ нужно, что сокращенія на 185 милл. будетъ достаточно и что бумажное обращеніе въ 500 милл. р. въ состояніи будетъ удержать свою равноцѣнность со звонкою монетою. Поэтому онъ расчитывалъ, что упомянутые 200 милл. будетъ вполнѣ возможно доходно помѣстить, равно какъ и часть вкладовъ, высвобожденныхъ изъ неправильной затраты (35 милл.). Проценты-же, отъ сего вырученные, представлялись, по проекту, источникомъ для сокращенія расходовъ, которыми реформа должна обременить казначейство.

Собственно для кредитныхъ билетовъ (по ихъ преобразованіи) проф. Вагнеръ считалъ достаточнымъ размѣнный фондъ въ 100 милл. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ указывалъ на то, что по вкладамъ и по краткосрочнымъ билетамъ казначейства правительство тоже должно будетъ послѣ реформы расчитываться звонкою монетою. Поэтому онъ полагалъ, что то и другое обстоятельство должно быть принято во вниманіе при исчисленіи потребнаго запаса звонкой монеты. Приготовленіе 20 милл. по расчету суммы вкладовъ и дальнѣйшихъ 5 милл. по расчету суммы краткосрочныхъ обязательствъ, по мнѣнію проф. Вагнера, могло-бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ предусмотрительности. Всего, поэтому, проектъ считалъ необходимымъ запасъ звонкой монеты въ 125 милл. рублей. Такъ какъ у правительства тогда имѣлось въ размѣнномъ фондѣ на 113 милл. звонкой монеты, то ея пришлось-бы пріобрѣсти еще лишь на 12 милл. рублей.

Итого для выполненія изложенныхъ операцій (въ пятилѣтній

срокъ) правительству предстояло заключить новыхъ консолидированныхъ займовъ на 590 милл. р. Изъ нихъ, по расчету проекта, 343 милл. (на изъятіе изъ обращенія 185 милл. р. кредитныхъ билетовъ и 116 милл. руб. серій, а равно на обратную уплату по вкладамъ 42 милл. р.) представляли только конверсію (превращеніе) одного вида государственнаго долга въ другой, не требуя никакихъ затратъ реальнаго капитала; на остальные-же 247 милл. (200 милл. для обезпеченія кредитныхъ билетовъ, 35 милл. для обезпеченія вкладовъ и 12 милл. для увеличенія запаса звонкой монеты) предстояло путемъ займовъ добыть реальные капиталы, чтобъ изъ нихъ создать прочную почву для преобразованной кредитной денежной системы.

По разсказу проф. Вагнера, его проектъ болѣе всего вызвалъ недоумѣній колоссальностью займовъ, почти въ 600 милл. р., коихъ необходимость для реформы онъ доказывалъ. На это у проф. Вагнера имѣлся лишь одинъ, но тѣмъ не менѣе совершенно правильный, отвѣтъ: для великой цѣли нужны, если не великія, то хоть большія средства.

Финансовая наука — не алхимія. Если трудящемуся надъ планомъ преобразованія русской кредитной денежной системы приходится имѣть дѣло съ крупными цифрами, то винить нужно прежде всего тѣхъ лицъ и тѣ обстоятельства, благодаря которымъ въ колоссальныхъ размѣрахъ производились выпуски — кредитныхъ билетовъ, серій и свидѣтельствъ неправильно-помѣщенныхъ вкладовъ.

Е. И. Ламанскій, въ своемъ проектѣ 1861 года, правда, не рекомендовалъ большихъ займовъ, ограничиваясь лишь однимъ займомъ въ 200 милл. Но, во-первыхъ, къ этому онъ присоединилъ колоссальную продажу государственныхъ имуществъ еще на 200 милл. Во-вторыхъ, теоретически признавая, что реформа кредитной денежной системы немыслима безъ преобразованія серій и дальнѣйшей консолидаціи вкладовъ, онъ практическихъ мѣръ для этихъ цѣлей не предлагалъ, конечно, лишь временно. А разъ онъ предложилъ-бы таковыя, онѣ расширили-бы его расчеты потребныхъ операцій настолько-же, на сколько расширили расчеты проф. Вагнера.

Замѣтимъ, что по весьма обстоятельному расчету проекта, вся реформа, по его начертанію исполненная, должна была обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ лишь въ 25—28 милл. рублей. Расходъ этотъ исчисленъ при весьма не-

благопріятномъ предположеніи, что правительство должно будетъ платить по новымъ займамъ $6^{1}/_{2}$% одного интереса, а съ погашеніемъ 7%.

IV.

МОЙ ПРОЕКТЪ.

Проектъ, о которомъ теперь приходится говорить, составленъ былъ въ ноябрѣ 1874 года.

До сихъ поръ я намѣренно не вдавался въ подробный критическій разборъ вышеупомянутыхъ проектовъ и даже старался, по возможности, становиться на точку зрѣнія ихъ авторовъ, для ихъ защиты. Имѣя въ виду, что мнѣ придется посвятить отдѣльную главу своему собственному проекту, я долженъ былъ приберечь къ этой главѣ важнѣйшія свои критическія замѣчанія, какъ мотивы, которые меня побудили присоединить къ существовавшимъ проектамъ еще одинъ, новый.

Такъ какъ основанія проекта Е. И. Ламанскаго можно до извѣстной степени связать съ основаніями проекта проф. Вагнера, то я скажу сначала еще нѣсколько словъ о проектѣ г. Гольдмана.

Мнѣ кажется, что девальвація составляетъ то, что англичане называютъ a matter of fact, вопросъ о фактѣ; она не есть a matter of opinion, вопросъ о мнѣніи. Можно быть вынужденнымъ не платить по государственному обязательству, всю его сумму или часть его; но изъ видовъ *финансовой цѣлесообразности*, никогда еще къ девальваціи не прибѣгали и никогда къ ней не прибѣгнетъ никакое правительство. Къ ней обращаются не изъ видовъ государственной пользы, а изъ видовъ государственной необходимости [1]).

Поэтому въ примѣненіи къ девальваціи не можетъ быть рѣчи о раціональныхъ доводахъ, ни за, ни противъ нея. Рѣчь можетъ быть лишь о томъ, дѣйствительно-ли положеніе государ-

---

[1]) Вопросъ о девальваціи спорный. Но нельзя безусловно согласиться съ авторомъ, что тутъ нѣтъ никакого вопроса о правѣ и пользѣ. Кредиторы, отдавшіе свои капиталы въ обезцѣненной валютѣ, несправедливо получаютъ огромные барыши отъ возстановленія ея первоначальной нарицательной цѣнности. *Ред.*

ственныхъ финансовъ въ данное время такое, что единственный исходъ изъ него заключается въ девальваціи.

Не стоитъ распространяться о томъ, что въ такомъ безъисходномъ положеніи русскіе финансы въ 1866 году *не были*. Этотъ годъ, дѣйствительно, былъ весьма плачевный, но по временнымъ причинамъ.

Мы видѣли, что по исчисленіямъ проф. Вагнера въ 1868 году, реформа денежнаго обращенія и безъ девальваціи должна была обойтись, по наибольшему расчету, въ 35 милл. р. ежегоднаго расхода. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1872 году, одинъ только питейный доходъ давалъ на 39 милл. рублей больше, чѣмъ въ 1868 году. Слѣдовательно, реформу можно было произвести, и безъ девальваціи, на одни только приращенія отъ незначительныхъ поправокъ въ питейномъ налогѣ. Всѣ-же ординарные доходы возросли въ пятилѣтіе 1868—72 гг. на сумму свыше 100 милл., то-есть: съ ихъ помощью можно было-бы произвести *три* денежныя реформы. А была нужна только одна.

Такъ какъ я писалъ свой проектъ осенью 1874 года, то-есть—во время апогея казавшагося блестящимъ состоянія нашихъ финансовъ, то понятно, что наибольшее разстояніе меня отдѣляло отъ идеи девальваціи, все равно въ прямомъ или косвенномъ ея примѣненіи.

Перехожу къ объясненію того, что меня не удовлетворяло въ проектахъ Е. И. Ламанскаго и проф. Вагнера.

Въ проектѣ Е. И. Ламанскаго я, прежде всего, не сочувствовалъ идеѣ превращенія Государственнаго Банка въ акціонерный банкъ. Во первыхъ, такое превращеніе *безполезно*. Ограничивать власть правительства, хотя-бы даже лишь въ дѣлѣ бумажно-денежныхъ выпусковъ, не можетъ быть задачею *акціонерной компаніи*. Монопольной-же компаніи совсѣмъ не безвыгодно, при первомъ удобномъ случаѣ, согласиться на желаніе правительства сдѣлать выпускъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ: лишь бы и ей предоставлена была доля барыша отъ этого выпуска. По этому предмету имѣется весьма убѣдительный опытъ и Англійскаго Банка, и Австрійскаго Національнаго Банка. Во время и послѣ франко-германской войны Французскій Банкъ находился въ лучшемъ положеніи, главнымъ образомъ благодаря

тому, что само правительство желало поскорѣе покончить свои счеты съ нимъ [1]).

Во-вторыхъ, превращеніе Государственнаго Банка въ акціонерный нераціонально въ хозяйственно-политическомъ отношеніи. Нѣтъ никакой надобности отказываться отъ преимущества, которымъ въ этомъ случаѣ мы обладаемъ предъ западною Европою, имѣя во главѣ банковъ не наисильнѣйшаго ихъ конкурента, не коммерческое учрежденіе, существующее для однихъ только выгодъ (и отъ котораго иного и нельзя требовать), а государственное установленіе, могущее и долженствующее уравновѣшивать соображенія выгодности съ соображеніями государственнаго благоустройства.

Наконецъ, въ-третьихъ, „вѣское соображеніе“ я, вслѣдъ за проф. Вагнеромъ, усматривалъ въ томъ, что превращеніе Государственнаго Банка въ акціонерный *крайне невыгодно для Казначейства*. „Учрежденіе акціонернаго банка немедленно увеличитъ расходы по возстановленію денежной единицы“. Невыгодность превращенія Госуд. Банка въ акціонерный я доказывалъ въ своемъ проектѣ весьма обстоятельными расчетами.

Если въ этомъ отношеніи я вполнѣ соглашался съ проф. Вагнеромъ; если его проектъ для меня представлялъ еще и то преимущество предъ проектомъ Е. И. Ламанскаго, что онъ не только предъявлялъ теоретическія требованія о приведеніи въ порядокъ всей системы неотвержденныхъ долговъ Россіи, но и практически показывалъ, какими мѣрами эти требованія удовлетворяются, — то у меня еще оставалось два основанія считать необходимою разработку новаго проекта.

Первое основаніе заключалось въ томъ, что мнѣ казалось, Е. И. Ламанскій своимъ *умолчаніемъ* о серіяхъ и вкладахъ, получившихъ неправильное назначеніе, а проф. Вагнеръ своею, такъ сказать, *слишкомъ громкою рѣчью* о нихъ — до извѣстной

---

[1]) Различіе между положеніемъ Французскаго Банка въ послѣднее время и положеніемъ Англійскаго и Австрійскаго Банковъ въ предъидущія эпохи въ значительной степени объясняется тѣмъ, что французское правительство ограничило извѣстною суммою неразмѣнные выпуски и забрало себѣ главнѣйшую ихъ долю, связавъ Банкъ въ возможности ими пользоваться для своихъ барышей, — тогда какъ въ Англіи и въ Австріи этого не сдѣлали. Благодаря подобному положенію, французское правительство послѣ войны могло, расчитавшись съ Банкомъ, не встрѣтить въ немъ препятствія къ сокращенію выпусковъ и возобновленію размѣна. Въ Англіи-же и Австріи привиллегированные банки всякими шиканами противились сокращенію выпусковъ, ссылаясь, конечно, не на то, что ихъ барыши оттого пострадаютъ, а на «интересы торговли и промышленности».

степени *навели страхъ* на правительство и общество въ отношеніи къ этой части задачи. Страхъ-же въ данномъ случаѣ *совершенно лишенъ основанія*. Задача совсѣмъ не такъ трудна, чтобъ его оправдать. Для своего разрѣшенія она требуетъ отъ казначейства *почти ничтожныхъ жертвъ*.

Въ 1874 году $5^1/_2$%-ная рента стояла далеко выше пари. Поэтому мнѣ казалось, что въ $5^1/_2$-ную ренту всего удобнѣе будетъ превратить и отвердить (конвертировать и консолидовать) излишнія серіи и неправильно-затраченные вклады.

Для полученія цифры первыхъ, я изъ всей суммы серій (216 милл.) вычитывалъ ту ихъ часть (57 милл.), которая обращалась до первой восточной войны *и не мѣшала размѣну*. Сумма неправильно-помѣщенныхъ вкладовъ простиралась въ 1874 году до 100 милл.; такъ какъ проф. Вагнеръ не зналъ о денежныхъ качествахъ 4% металлическихъ билетовъ (которые Госуд. Банкъ *обязанъ* принимать въ платежи наравнѣ съ наличными деньгами), то его расчеты нужно было исправить, внесеніемъ и ихъ суммы (50 милл.). Слѣдовательно всего консолидаціи подлежала масса краткосрочныхъ обязательствъ Казначейства и Банка въ 309 милл. рублей. Но въ этомъ фактѣ пугающій видъ имѣетъ только цифра, а не дѣло. Въ своемъ ненормальномъ состояніи означенные 309 милл. обходятся Казначейству и Банку ежегодно въ 13 милл. р. по уплатѣ процентовъ; приведенные-же въ порядокъ, они будутъ стоить 17 милл. То-есть ежегодные расходы придется увеличить всего лишь на 4 милл., изъ коихъ $1^1/_2$ милл. придутся на Банкъ, или вѣрнѣе, на богатую прибылями ликвидацію старыхъ кредитныхъ учрежденій. Собственно-же Казначейство придется обременить новымъ расходомъ лишь въ $2^1/_2$ милл. р., чтобъ освободить его отъ ненормальной и тяжкой отвѣтственности по суммѣ краткосрочныхъ обязательствъ въ 309 милл., къ тому-же стѣсняющихъ свободу движенія при реформѣ денежнаго обращенія.

Второе основаніе имѣетъ болѣе принципіальное значеніе.

Въ промежутокъ между 1868 и 1874 годами, въ Россіи родилась и разрослась обширная банковая сѣть изъ 887 учрежденій, съ собственнымъ капиталомъ въ $223^1/_2$ милл. р., съ массою вкладовъ въ 736,087,000 р., съ портфелемъ легко-реализуемыхъ цѣнностей, въ коемъ находилось: учтенныхъ векселей на 486,680,000 р., краткосрочныхъ и безсрочныхъ (до востребованія) ссудъ на 216,345,000 р., цѣнныхъ бумагъ на

26,909,000 р. и иностранныхъ векселей на 6,090,000 руб.; всего въ коммерческомъ портфелѣ былъ помѣщенъ капиталъ въ 736,024,000 р.; сверхъ того была значительная масса выпущенныхъ банками въ обращеніе, въ Россіи и заграницею, закладныхъ листовъ, съ равною ею массою ссудъ, розданныхъ подъ городскую и сельскую недвижимость и т. д.

Этого факта было достаточно для убѣжденія, что еслибъ проф. Вагнеру пришлось писать свой проектъ не въ 1868, а въ 1874 году, то не пришлось-бы его упрекать въ недостаточномъ вниманіи къ идеѣ кредитнаго денежнаго обращенія, основаннаго на банковыхъ началахъ.

Почва, которую проф. Вагнеръ тщетно разъискивалъ въ 1868 году, имѣлась на лицо; въ 1874 году и въ Россіи она сама, уже однимъ своимъ существованіемъ, такъ сказать, вызывала на разработку ея и для цѣлей денежной реформы.

Тотъ-же самый портфель, который питается неразмѣнными бумажными деньгами, совсѣмъ не перестаетъ быть портфелемъ и не умираетъ отъ истощенія, когда консолидація кредитныхъ билетовъ его лишаетъ *этой* пищи. Совершенно напротивъ. Самъ по себѣ онъ представляетъ естественную почву той „хорошей системы кредитныхъ орудій обращенія“, которую проф. Бунге противупоставляетъ системѣ „бумажныхъ денегъ, размѣнныхъ или неразмѣнныхъ“. Коммерческій портфель одинъ представляетъ основаніе, на которомъ „обращеніе можетъ расширяться и сокращаться путемъ развитія или ограниченія кредита (то-есть: этого самого портфеля), обладая упругостью, дѣлающею размѣнный фондъ излишнимъ“.

Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ: какимъ образомъ портфель, который въ Россіи питается неразмѣнными бумажными деньгами, сдѣлать основаніемъ новой кредитной денежной системы? Или иначе: какимъ образомъ подвести подъ бумажные знаки, обращающіеся на нездоровой почвѣ непомѣрнаго государственнаго долга и оттого неразмѣнные, почву портфеля, сообщающую имъ свои здоровые соки и дѣлающую ихъ размѣнными?

Для отвѣта на этотъ вопросъ я написалъ свой проектъ.

Мнѣ казалось, что вопросъ разрѣшается очень просто.

Для того, чтобъ бумажные знаки не обращались на почвѣ непомѣрнаго государственнаго долга, необходимо, чтобъ непомѣрнаго бумажно-денежнаго долга не было. Слѣдовательно, его нужно сократить путемъ превращенія въ отвержденный (консолидиро-

ванный процентный) долгъ. Для этого, конечно, нужно будетъ на равную сумму сдѣлать заемъ, а потому на сію сумму кредитные билеты поступятъ въ Государственное Казначейство, а обладатели кредитныхъ билетовъ станутъ обладателями выпущенныхъ для займа новыхъ облигацій.

Этою частью дѣла почва для реформы будетъ расчищена. Не будетъ непомѣрнаго безпроцентнаго долга и не будетъ въ обращеніи соотвѣтствующихъ ему кредитныхъ билетовъ.

Тогда казначейство можетъ передать изъятые изъ обращенія кредитные билеты Госуд. Банку. Правительство предоставитъ банку выпускать эти билеты на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ выпускаютъ свои билеты Англійскій, Французскій, Германскій Банки или тотъ привиллегированный акціонерный банкъ, въ который желаютъ превратить Госуд. Банкъ: то-есть — выпускать „или въ обмѣнъ на золото, или въ обмѣнъ на краткосрочные торговые векселя", „путемъ развитія или ограниченія кредита".

Чтобы реформа дѣйствительно заслуживала свое названіе, она должна низвести безпроцентный долгъ казначейства за кредитные билеты до такого наинисшаго уровня, на которомъ онъ становился бы совершенно безсильнымъ оказывать дурныя вліянія. Е. И. Ламанскій и проф. Вагнеръ въ своихъ проектахъ предлагали оставить безпроцентный долгъ на уровнѣ 200 милл. руб. Эта сумма мнѣ казалась *слишкомъ большою*. Проф. Вагнеръ тоже не находилъ ее умѣренною и безопасною, но онъ съ нею примирился *по необходимости*: иначе реформа стоила бы, по его расчету, еще больше 35 милл. въ годъ. По моимъ расчетамъ можно было обставить реформу такъ, чтобъ она стоила почти *вдвое дешевле*, и тѣмъ не менѣе не примиряться съ необходимостью безпроцентнаго долга въ 200 милл. Расчеты будутъ приведены ниже; здѣсь-же скажу лишь, что я остановился на суммѣ 130 милл. р., какъ выражающей тотъ наинисшій уровень, на которомъ безпроцентный долгъ совершенно безсиленъ и потому безопасенъ *).

Сказать въ 1874 году: безпроцентный долгъ не можетъ

---

*) Эту цифру я мотивировалъ тѣмъ, что она лишь немного менѣе средней суммы ординарныхъ доходовъ, поступающихъ въ казначейство въ *трехмѣсячный* срокъ, то есть въ тотъ *наикратчайшій* срокъ, на который выдаются торговыя обязательства, признаваемыя достаточнымъ обезпеченіемъ здоровыхъ кредитныхъ знаковъ.

быть больше 130 милл. р.—значило сказать: онъ долженъ быть сокращенъ на 436 милл. рублей.

Всѣ-ли эти 436 милл. р. представляютъ *излишніе* кредитные билеты, или не всѣ: подобнаго вопроса разрѣшать я не брался. Но я полагалъ, что если эти 436 милл., изъятые изъ обращенія путемъ консолидаціи безпроцентнаго долга, будутъ переданы Госуд. Банку, то получится возможность разрѣшить означенный вопросъ *самымъ точнымъ образомъ*; ибо, насколько *реальныя богатства* страны породятъ *солидную* потребность въ кредитѣ и соотвѣтственный спросъ на него, этотъ спросъ будетъ предъявленъ Госуд. Банку. Солидный спросъ создастъ безупречный портфель, подъ который Банкъ и выпуститъ такую часть упомянутыхъ 436 милл. р., какую въ портфелѣ можно будетъ безопасно и производительно помѣстить.

Такъ какъ указателемъ выпуска сдѣлаются реальныя богатства страны, то понятно, что часть консолидированныхъ кредитныхъ билетовъ, которая состояла изъ излишнихъ орудій, въ обращеніе *не будетъ выпущена*, а будетъ *уничтожена*. Насколько-же кредитные билеты служили дѣйствительнымъ нуждамъ страны, имъ и впредь не будутъ мѣшать служить тѣмъ-же нуждамъ. Они обратно будутъ выпущены, но съ тѣмъ уже, чтобъ появиться въ обращеніи, опираясь не на почву неисполнимаго обязательства казначейства, а на почву массы частныхъ обязательствъ, представляющихъ реальные капиталы и производительныя силы, которыхъ внутреннія качества обезпечиваютъ своевременное исполненіе обязательствъ въ условленный срокъ.

Такимъ образомъ достигнуты будутъ двѣ цѣли: излишки въ обращеніи будутъ устранены по наилучшимъ указаніямъ дѣйствительныхъ нуждъ реальнаго богатства и странѣ будетъ дана помощь какъ-разъ во время реформы.

Не желая подвергнуться упреку въ слишкомъ сангвиническихъ ожиданіяхъ, я исходилъ изъ того, что реформа обнаружитъ *очень значительную* сумму *излишнихъ* кредитныхъ билетовъ. Объ этой суммѣ Е. И. Ламанскій въ своемъ проектѣ совсѣмъ умалчивалъ. Проф. Вагнеръ, какъ мы видѣли, исходилъ изъ суммы излишнихъ кредитныхъ билетовъ въ 185 милліоновъ.

Эту сумму, съ своей стороны, я принималъ въ *триста* милліоновъ рублей.

Это значитъ: я предполагалъ, что изъ 436 милл., на которые безпроцентный долгъ безусловно долженъ быть сокращенъ, 300

милл. будутъ представлять такіе кредитные билеты, которые не только должно будетъ изъять изъ обращенія, *но и уничтожить*.

Остальные-же 136 милл. для меня представляли тотъ новый портфель, ту новую потребность въ кредитѣ, которые будутъ опираться на требованія реальныхъ капиталовъ и производительныхъ силъ страны. Конечно, эта цифра до-смѣшного мала. Но для меня всего важнѣе было избѣгнуть упрека въ преувеличеніи именно этой цифры. Еслибъ опытъ обнаружилъ, что въ Россіи найдется достаточно матерьяла для портфеля и солиднаго спроса на сумму бо̀льшую, нежели 136 милл., — тѣмъ лучше было бы для моего проекта.

Въ 1874 году акціонерные банки получали на свой учетно-ссудный портфель 7,81%; Госуд. Банкъ получалъ на $1^{1}/_{2}$% дешевле, около $6^{1}/_{3}$%. Слѣдовательно, на портфель въ 136 милл. Госуд. Банкъ получалъ-бы отъ своихъ кліентовъ $8^{1}/_{2}$ милл. руб. А между тѣмъ консолидація безпроцентнаго долга на эти 136 милл. (считая изъ $5^{1}/_{2}$% ренты) стоила бы лишь $7^{1}/_{2}$ милл. Такимъ образомъ часть консолидаціи безпроцентнаго долга, соотвѣтствующая выпуску новыхъ билетовъ, *совсѣмъ не* обременяла-бы казначейство *никакимъ новымъ* расходомъ.

Но на казначейство неминуемо долженъ упасть расходъ консолидаціи той части безпроцентнаго долга, которая заключается въ *излишнихъ* кредитныхъ билетахъ, подлежащихъ уничтоженію. *Еслибъ* ихъ сумма оказалась въ 300 милл., то превращеніе ихъ въ $5^{1}/_{2}$%-ную ренту должно было обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ въ $16^{1}/_{2}$ милл. рублей.

Присоединяя къ нимъ $2^{1}/_{2}$ милл. новаго расхода казначейства отъ приведенія въ порядокъ остальныхъ видовъ неотвержденнаго государственнаго долга, вся реформа кредитной денежной системы должна была, по моему проекту, обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ въ 19 милл. рублей (на 9—16 милл. рублей меньше, чѣмъ по проекту проф. Вагнера).

Конечно, еслибъ сумма излишнихъ кредитныхъ билетовъ оказалась не 300, а 185 милл., то расходъ еще болѣе сокращался и составлялъ-бы лишь 12.675.000 рублей (вдвое или даже втрое дешевле, чѣмъ по проекту проф. Вагнера).

Само собою разумѣется, что мой проектъ не предлагалъ совершить всю реформу въ одинъ пріемъ и скоро. Напротивъ, желательно было провести ее постепенно въ 5—6 лѣтъ: консолидируя безпроцентный долгъ за кредитные билеты суммами въ

50—75 милл. руб. въ каждый пріемъ и постепенно-осторожно отъискивая для части этихъ 50—75 милл. помѣщеніе въ развитіи коммерческаго портфеля Государственнаго Банка.

VI.

ПРОЕКТЪ Н. Х. БУНГЕ.

Всѣ разсмотрѣнные до сихъ поръ проекты въ одномъ отношеніи принадлежатъ „давнопрошедшему" времени. Всѣ они разсчитаны на безпроцентный долгъ казначейства за кредитные билеты, незначительно колебавшійся въ 1862—74 гг. около цифры 570 милл. рублей. Эти 570 милл., какъ извѣстно, состояли: изъ 170 милл. руб., въ которые были превращены $595^{3}/_{4}$ милл. руб. ассигнацій, девальвированныхъ въ 1839 году на $71^{1}/_{2}$% своей цѣны, и изъ 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для нуждъ первой восточной войны.

Послѣдняя турецкая война къ означеннымъ 570 милл. прибавила еще около 450 милл. Такъ какъ сверхъ того еще 180 милл. руб. выпущены подъ размѣнный фондъ, то считаться теперь приходится съ колоссальною массою неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ 1.200 милл. рублей.

И эта-то значительная масса потеряла всего-на-всего *около одной трети* своей цѣны. Чтобъ ассигнаціи потеряли *двѣ трети* своей цѣны, ихъ достаточно было выпустить во Франціи на 700 милл. руб., въ Россіи на 577 милл. руб., въ Австріи даже лишь на 500 милл. руб.

Спрашивается: сохранили-ли какое-нибудь значеніе въ настоящее время, при современныхъ колоссальныхъ цифрахъ нашего бумажно-денежнаго обращенія, идеи о способахъ его преобразованія, содержащіяся въ выше-изложенныхъ проектахъ?

Проф. Бунге на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ *положительный*. Въ новомъ проектѣ, имъ выпущенномъ въ іюлѣ 1878 года, онъ занятъ мыслью о преобразованіи кредитной денежной системы *въ ея современномъ состояніи* и въ его запискѣ нашло себѣ мѣсто многое, что первоначально имъ было расчитано на денежное обращеніе въ его прежнемъ состояніи.

Способы, которымъ проф. Бунге отдаетъ предпочтеніе, двоякаго рода: хозяйственно-политическаго и финансоваго.

Перваго рода способы прямо и непосредственно служатъ „для возвращенія народному хозяйству постоянной денежной единицы“. Проф. Бунге при этомъ пользуется идеею, которую онъ проводилъ много лѣтъ, какъ средство преобразованія денежной кредитной системы въ ея прежнихъ размѣрахъ. Ему кажется, что та-же идея и въ настоящее время можетъ сослужить хорошую службу.

Она заключается въ томъ, что нужно „условія для реформы подготовить снизу“. „Прежде всего необходимо дать возможность монетѣ появиться во внутреннемъ обращеніи. Для этого слѣдуетъ возвратиться къ началамъ, провозглашеннымъ манифестомъ 9 апрѣля 1812 года“.

„Манифестомъ 1812 года правительство объявило, что *оно* будетъ принимать и выдавать ассигнаціи *по нарицательному курсу*, „но предоставило частнымъ лицамъ право употреблять монету; „именно въ ст. 13 манифеста сказано: „контракты, закладныя, „купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякаго рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется „на волю ихъ заключать или писать на ассигнаціи или серебро, „по добровольному согласію, но платежъ по онымъ не можетъ „быть отринутъ ассигнаціями по промѣну на серебро въ день „платежа“. *Безъ предоставленія такого права гражданства монетѣ на внутреннемъ рынкѣ, усилія правительства для возстановленія металлическаго обращенія потребуютъ громадныхъ „средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ.* Заслуга нашей денежной политики въ 1812—39 годахъ состояла въ томъ, „что *она создала у насъ металлическій рынокъ.*

„Съ свойственною ему проницательностью Сперанскій понялъ „сразу необходимость признанія постоянной денежной единицы, „прекращенія выпуска ассигнацій, ихъ изъятія, наконецъ употребленія въ обращеніи счетной кредитной единицы и *признанія „лажа.* Рядъ манифестовъ и указовъ съ 1810 до первой половины 1812 года представляетъ осуществленіе начертаннаго „плана“.

Итакъ, въ настоящее время, кредитнымъ билетамъ „присвояется хожденіе по всей Имперіи *наравнѣ*, со звонкою монетою“, то-есть *лажъ* на звонкую монету *закономъ не признается.* Н. Х. Бунге совѣтуетъ, чтобъ отъ этой политики отказались: лажъ нужно сдѣлать законнымъ (легализированнымъ) явленіемъ. Отъ этого авторъ ожидаетъ троякую выгоду: 1) въ странѣ опять, какъ послѣ мѣръ Сперанскаго, будетъ созданъ металлическій рынокъ; 2) странѣ опять будетъ дана возможность пользоваться неизмѣнною денежною единицею, и 3) усилія правительства для

возстановленія металлическаго денежнаго обращенія уже *не будутъ требовать* „громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и разорительныхъ займовъ".

Эти соображенія и ожиданія врядъ-ли могутъ выдержать строгую критику.

Во первыхъ, нельзя утверждать, будто предлагаемое средство — то самое, къ которому считалъ необходимымъ прибѣгнуть Сперанскій. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній совсѣмъ не усматривается, что Сперанскій имѣлъ хотя-бы отдаленное представленіе о „созданіи металлическаго рынка" *посредствомъ легализаціи лажа*. Немедленно по учрежденіи Государственнаго Совѣта, дѣйствительно, Сперанскій и предсѣдатель департамента государственной экономіи, гр. Мордвиновъ, сошлись на проектѣ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Проектъ этотъ входилъ въ общій финансовый планъ Сперанскаго, былъ принятъ, въ 1810-же году, Государственнымъ Совѣтомъ и осуществился въ рядѣ законовъ, тогда изданныхъ. Но онъ *ничего общаго* не имѣлъ съ идеею легализаціи лажа.

Проектъ Сперанскаго 1810 года для ассигнацій былъ прототипомъ того, который впослѣдствіи, въ 1861 году, Е. И. Ламанскій выработалъ для кредитныхъ билетовъ,—прибавивъ лишь „скалу размѣна" изъ Пилевскаго закона 1819 года. Онъ заключался въ томъ, чтобъ изъ 577 милл. руб. ассигнацій, тогда обращавшихся, 200 милл. были оставлены (такъ какъ „ежегодный оборотъ государственныхъ доходовъ требовалъ" такой суммы), затѣмъ остальные 377 милл. подлежали изъятію изъ обращенія: 100 милл. внутреннимъ займомъ и 177 милл. продажею государственныхъ имуществъ. [1])

Согласно съ идеею такой реформы объявлено было, что новыхъ выпусковъ ассигнацій уже не будетъ, и приняты мѣры для приведенія въ порядокъ монетной системы, для заключенія займа и продажи государственныхъ имуществъ. [2])

Легализація лажа тѣмъ болѣе была далека отъ тогдашнихъ дѣятелей, что они были преисполнены ревностнѣйшаго усердія къ мысли о необходимости „*истреблять* ассигнаціи" (какъ тогда

---

[1]) *Корфъ*, Сперанскій I, 204—206.

[2]) Манифесты и указы 1810 года: 2 февраля, 27 мая, 20 іюня, 6 іюля, 28 августа и 10 сентября (Полн. Собр. Зак. №№ 24.116, 24.244, 24.264, 24.287, 24.333 и 24.340).

выражались о сокращеніи). „Мое предложеніе“, писалъ гр. Мордвиновъ, „и заключаетъ ту мысль, что правительство *возведе-„ніемъ ассигнаціоннаго рубля въ достоинство серебра* въ со-„стояніи будетъ получить превосходнѣйшій доходъ противъ на-„стоящаго.... Тогда 150 милл. руб. сдѣлаютъ государственное „казначейство богатѣйшимъ, нежели оно теперь при 300 милл. „рублей получаемаго дохода“ [1]).

Не нужно забывать, что о „возведеніи ассигнаціоннаго рубля въ достоинство серебра“, то есть, говоря современнымъ языкомъ, *о поднятіи цѣнности* ассигнацій — гр. Мордвиновъ писалъ тогда, когда онѣ уже потеряли *три четверти* своей цѣны. Такъ далеки были Сперанскій и его сотрудники отъ мысли о девальваціи. Опираясь на свои предложенія возвысить налоги и поднять цѣнность ассигнацій, Сперанскій скоро послѣ того могъ писать Императору Александру I: „смѣло могу утвердить, что перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства“ [2]).

И въ Австріи долгое время мысль о девальваціи тоже еще не находила себѣ прочной почвы, даже когда „банкоцеттелей“ обращалось на 700 милл. гульденовъ и курсъ ихъ доходилъ до 400 бумажныхъ за 100 металлическихъ [3]). Только въ 1810 году, когда курсъ дошелъ до 960 и 1200 бум. за 100 метал., а цифра „банкоцеттелей“ перешла за миллъярдъ, въ Австріи уже примирились съ девальваціею. А у насъ гр. Гурьевъ еще долго послѣ 1816 года продолжалъ „истреблять ассигнаціи“.

Проф. Бунге очевидно былъ введенъ въ заблужденіе, главнымъ образомъ, манифестомъ 9 апрѣля 1812 года.

Дѣло въ томъ, что планъ Сперанскаго 1810 г. не удался: отъ подписки на первую часть 100 милліоннаго займа получено было лишь на 6 милл. ассигнаціями, остальные же 13 милл. были внесены „банковыми и ломбардными билетами“. Государственныхъ-же имуществъ удалось къ 1811 г. продать не на 4.429,000 руб. металломъ и 5.148.000 руб. ассигн., какъ ожидалось, а лишь на 292.458 руб. металломъ, 1.367.000 р. асс. и 159.000 р. облигаціями. [4])

---

[1]) *Иконниковъ*, Мордвиновъ, стр. 143—144.
[2]) *Корфъ*, Сперанскій I, 244.
[3]) *Beer*, Die Finanzen Oesterreich im XIX Jahrhundert. Prag. 1877. Erstes Capitel.
[4]) *Корфъ*, Сперанскій, I, 206.

Нужно было придумать другое средство *обезпечить хоть оставшуюся часть цѣнности ассигнацій*, т. е., 25 к. с., которыя онѣ еще сохранили. Для этого рѣшились прибѣгнуть къ *новой* въ то время мѣрѣ — дать ассигнаціямъ принудительный курсъ.

Еще манифестъ 2 февраля 1810 года выставлялъ особеннымъ достоинствомъ ассигнацій, что онѣ „сохранили свободный и обширный ихъ ходъ", то-есть: не имѣли принудительнаго курса. Онѣ обязательны къ пріему были для одного лишь казначейства. Не имѣли въ началѣ принудительнаго курса и австрійскіе „банкоцеттели", прусскіе „трезоршейны" и англійскіе неразмѣнные банковые билеты. Само собою разумѣется, что это сильно вредило ассигнаціямъ въ Россіи и однороднымъ имъ бумагамъ заграницею. При всей громадности ихъ выпуска, законъ обезпечивалъ имъ лишь самое узенькое поле дѣйствій въ платежныхъ взаимоотношеніяхъ между казначействомъ и публикою. Поэтому, всего проще казалось—сдѣлать что-либо полезное для неразмѣнныхъ денежныхъ бумагъ, обезпечивъ за ними по закону весь кругъ, все поле дѣйствія денегъ. Для этого, и только для этого, прибѣгли къ принудительному курсу [1]).

Вотъ почему во вступленіи къ манифесту 9 апрѣля 1812 года выражена *только одна* забота: „ввести повсемѣстно единообразное обращеніе государственныхъ банковыхъ ассигнацій". И *совершенно чужда* этому манифесту забота о введеніи въ обращеніе звонкой монеты. Онъ *прямо отмѣняетъ* тѣ постановленія о введеніи въ обращеніе звонкой монеты, которыя въ 1810 году были изданы, вслѣдствіе имѣвшагося тогда въ виду плана для поднятія цѣнности ассигнацій. Поэтому манифестъ 9 апрѣля 1812 года опредѣляетъ, что „во всемъ пространствѣ Имперіи „счеты и платежи съ изданія сего закона *основывать на государственныхъ ассигнаціяхъ*". Въ 1810 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта предписано было

---

[1]) Относительно Пруссіи въ этомъ отношеніи сохранились самыя ясныя свѣдѣнія. Вотъ какъ мотивировали принудительный курсъ ея государственные дѣятели, наиболѣе авторитетные въ финансовомъ дѣлѣ: мотивъ *Штейна* «bei der grossen Entblössung der Cassen müsste diesem Umlaufsmittel *die möglichste Brauchbarkeit im Verkehr ertheilt werden*, was sich dadurch erreichen lasse, dass Niemand die Annahme nach dem Curse verweigern dürfe»; мотивъ *Нибура* «man müsse *die Brauchbarkeit der Tresorscheine erhöhen, indem man ihnen einen ausgedehnteren Umlauf gebe*; er erkläre sich also dafür, die Tresorscheine nach dem Curse als gesetzliches Zahlungsmittel anzuerkennen». См. *Pertz*, Stein, т. II, стр. 44, 45.

„всѣ подряды и казенныя поставки заключать на серебро" [1]). Манифестъ 9 апрѣля 1812 г. узаконяетъ: „всѣ условія, договоры и контракты между казною и частными лицами по подря„дамъ и поставкамъ впредь производить и заключать *не иначе*, „*какъ на государственныя банковыя ассигнаціи*" [2]). Далѣе: „всѣ счеты экономическіе и коммерческіе, исчисленія доходовъ и „всякіе денежные публичные обороты производиться должны *не* „*иначе*, какъ на государственныя банковыя ассигнаціи. Цѣны „въ прейскурантахъ, справочныя цѣны и вексельный курсъ опре„дѣляются *повсемѣстно* на государственныя ассигнаціи" [3]).

Врядъ-ли выраженія манифеста были-бы *такъ рѣзко-категоричны*, врядъ-ли они относились-бы *такъ исключительно* къ ассигнаціямъ, еслибъ Сперанскій имѣлъ въ виду своимъ новымъ твореніемъ рядомъ съ ассигнаціями открыть просторъ или дать „право гражданства" и звонкой монетѣ. Сперанскаго нельзя винить въ неумѣніи ясно выражаться, и если его больше занимала мысль предоставить „право гражданства"—ассигнаціямъ, то *эту* мысль онъ выразилъ отчетливо и категорически.

Однако проф. Бунге преимущественно остановилъ свое вниманіе на ст. 13 манифеста. Въ ней не сказано, что частныя лица всѣ договоры между собою *обязаны* заключать на ассигнаціи. Но *таже самая* мысль выражена мягче: частнымъ лицамъ предоставляется заключать договоры на серебро *или* ассигнаціи, но *во всякомъ случаѣ* платежъ по договорамъ „не можетъ быть отринутъ ассигнаціями".

За симъ остается сказать еще о послѣднихъ семи словахъ ст. 13 манифеста, на которыхъ проф. Бунге построилъ все свое толкованіе.

Сдѣлавъ ассигнаціи обязательными къ пріему „на всемъ пространствѣ Имперіи", Сперанскій долженъ былъ опредѣлить, *по какой цѣнѣ* ихъ должно принимать. И это опредѣленіе онъ долженъ былъ дать въ 1812 году, когда рубль ассигнаціонный стоилъ 26²/₅ коп. металлич.

Могъ-ли Сперанскій *въ это время*, опредѣляя *впервые* цѣну ассигнацій для обязательнаго ихъ пріема частными лицами, по-

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 29 августа 1810 г., ст. VI. П. С. З. № 24.334.
[2]) Манифестъ 9 апр. 1812 г. ст. 10. П. С. З. № 25.080.
[3]) Тамъ-же ст. 11 и 12.

требовать, чтобъ ихъ принимали *въ равной цѣнѣ* со звонкою монетою? Очевидно, что въ этомъ пунктѣ онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ и *никакой свободы выбора не имѣлъ*. Какъ-бы ему ни была чужда мысль о девальваціи, но онъ не могъ приказать людямъ, заснувшимъ съ ассигнаціями въ 25 сер. коп., проснуться съ ассигнаціями въ 100 коп. сер. *Волею-неволею* онъ долженъ былъ примириться съ рыночнымъ курсомъ и его узаконить, какъ волею неволею съ тѣмъ-же должны были примириться прусскіе и австрійскіе государственные дѣятели. *Безъ этого не было возможности узаконить сохранившуюся часть цѣнности бумажныхъ денегъ*. И манифестъ опредѣлилъ: „платежъ (по договорамъ) не можетъ быть отринутъ ассигнаціями *по промѣну оныхъ на серебро въ день платежа*". Другаго выхода не было.

На основаніи изложеннаго позволяемъ себѣ заключить, что также точно, какъ никакой изслѣдователь исторіи финансовъ Пруссіи и Австріи не считаетъ себя вправѣ выводить изъ послѣдовавшаго въ этихъ странахъ узаконенія рыночнаго курса бумажныхъ денегъ, будто въ нихъ этимъ имѣлось въ виду „создать металлическій рынокъ", — такъ точно подобнаго вывода никто не вправѣ сдѣлать изъ русскаго узаконенія принудительнаго курса ассигнацій [1]).

Отъ историческаго недоразумѣнія переходимъ къ недоразумѣніямъ экономическимъ.

Что, дѣйствительно, „создало металлическій рынокъ" въ Россіи послѣ наполеоновскихъ войнъ? Почему звонкая монета появилась въ обращеніи, не смотря на 596 милл. руб. ассигнацій?

Отвѣтъ очень простъ. Эти 596 милліоновъ — *фиктивная цифра*.

Отношеніе бумажныхъ денегъ къ звонкой монетѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія было одинаковое въ Россіи и Австріи.

Въ Австріи патентомъ 20 февраля 1811 года „банкоцеттели" были девальвированы на 80% и масса ихъ въ 1043 милл. гульд. была превращена въ 208 милл. гульд. новыхъ бумажныхъ денегъ, „ейнлейзунгшейновъ" (einlösungscheine). Къ послѣднимъ скоро присоединились еще свыше 400 милл. гульд. третьяго вида бу-

---

[1]) Не безполезно оговорить, что хотя проф. Бунге утверждаетъ: «манифестомъ 1812 года правительство объявило, что оно будетъ принимать и выдавать ассигнаціи *по нарицательному курсу*», но такого объявленія на дѣлѣ въ манифестѣ не содержится.

мажныхъ денегъ „антиципаціоншейновъ". Къ 1816 году опять неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ обращалось на сумму свыше 600 милл. гульд.; четырьмя патентами 1 іюня 1816 года, между прочимъ, опять произведена девальвація на 58%, незначительная часть бумажныхъ денегъ изъята изъ обращенія консолидаціею, учрежденъ Національный Банкъ и чрезъ него масса бумажныхъ денегъ въ 450 милл. гульд. обмѣнена на 186 милл. гульд. въ новыхъ (размѣнныхъ) банковыхъ билетахъ Австрійскаго Національнаго Банка. Тогда звонкая монета появилась въ обращеніи и былъ „созданъ металлическій рынокъ" въ Австріи. Чѣмъ же былъ онъ созданъ? *Сжатіемъ, сокращеніемъ* (*редукціею*) бумажно-денежнаго обращенія, „освобожденіемъ рынка отъ излишнихъ бумажныхъ знаковъ" (говоря словами Е. И. Ламанскаго). Эта-то редукція и это-то сжатіе очистили *достаточно* мѣста для звонкой монеты, открыли ей свободный просторъ. Тогда она и вступила въ свои права.

Хотя въ Россіи ничего подобнаго никто не имѣлъ сознательнаго намѣренія сдѣлать, но *то-же самое вышло само собою.* Одинаковое положеніе дѣлъ, одинаковая причина, произвели и одинаковое послѣдствіе.

Въ 1812 году крайность положенія заставила Сперанскаго принять мѣру для спасенія послѣднихъ 26 копѣекъ, еще остававшихся въ рублѣ, и для этого ему послужилъ манифестъ 9 апрѣля. Но въ одномъ отношеніи этотъ манифестъ имѣлъ самое злополучное значеніе для цѣнности ассигнацій и стоялъ въ рѣзкомъ противурѣчіи съ стараніями Сперанскаго, Мордвинова и Гурьева возвысить означенную цѣнность. Спасая послѣднія 26 копѣекъ ассигнаціоннаго рубля, манифестъ 9 апрѣля *осуждалъ этотъ рубль на неспособность когда-нибудь сколько-нибудь сносно поправиться.*

Дѣло въ томъ, что когда законъ беретъ основою принудительнаго курса нарицательную цѣну, то симъ подается публикѣ надежда, что *раньше или позже позаботятся объ этой нарицательной цѣнѣ.* Когда-же принудительнымъ дѣлается биржевой курсъ, то у публики эта надежда *отнимается* или она *совсѣмъ не подается.* Нарицательная цѣна, вслѣдствіе того, становится *фикціею:* суммою, значащеюся на бумагѣ, но лишенною всякаго реальнаго значенія. На ней никто никакихъ расчетовъ не основываетъ.

Вотъ почему всѣ старанія гр. Гурьева объ „истребленіи"

ассигнацій и всѣ его займы для консолидаціи ни къ чему не привели. Въ концѣ концовъ уже гр. Гурьевъ, еще до гр. Канкрина, долженъ былъ оставить свои попытки и старанія и сложить руки.

Ассигнаціи поправились до 27—28 копѣекъ и дальше этого пойти оказались лишенными всякой способности. Ихъ нарицательная цѣна была совершенно лишена значенія манифестомъ 9 апрѣля 1812 года.

Другими словами это значитъ слѣдующее. Хотя ни въ 1812, ни въ 1816, ни въ какой-бы то ни было иной изъ послѣдующихъ годовъ до 1843 г., правительство не производило никакой перемѣны въ нарицательномъ достоинствѣ ассигнацій; хотя только въ 1843 г. *оффиціально* произведено было превращеніе 596 милл. руб. ассигнацій по 28 коп. въ каждомъ рублѣ въ 170 милл. рублей въ 100 коп. въ каждомъ рублѣ,—но неформально, *фактически*, въ Россіи *уже послѣ 1816 года* произошло то-же самое *перечисленіе номинальной цифры въ дѣйствительную*, которое въ Австріи произошло тогда-же, а оффиціяльно въ Россіи было сдѣлано лишь въ 1843 году. Со времени манифеста 1812 года обращалось уже *не просто* на столько-то *милліоновъ рублей* ассигнацій, а на столько-то милл. *такихъ рублей*, изъ коихъ въ каждомъ было лишь 25 — 28 коп. сер.

Слѣдовательно, 170 милл. р. вмѣсто 596 милл. начали у насъ обращаться *не съ 1843 года только, а уже съ 1820 года*.

Манифестъ 1812 года, такимъ образомъ, оказался *косвеннымъ, но могущественнымъ средствомъ редукціи* (сжатія) ассигнаціоннаго обращенія. И *эта-то редукція* „создала металлическій рынокъ“ въ Россіи послѣ наполеоновскихъ войнъ.

Если-бъ манифестъ 1812 года засталъ ассигнаціи на обезцѣненіи не въ 75%, а лишь въ 25%, то редукцію онъ произвелъ-бы менѣе сильную. Онъ узаконилъ бы въ 1820 году циркуляцію въ 596 милл., дѣйствующую съ силою 450 милл. *металлическихъ* рублей и тогда, вѣроятно, „созданія металлическаго рынка“ не послѣдовало бы; ибо ассигнацій на 450 метал. руб. для обращенія, вѣроятно, все еще было-бы *слишкомъ много*.

Сто-же семидесяти милліоновъ рублей для Россіи *не было слишкомъ много. Поэтому* ассигнаціи непомѣшали звонкой монетѣ войти въ обращеніе, мирно съ нею ужились и дозволили ей прочно водвориться.

Чудесъ въ области народнаго хозяйства не бываетъ и „металлическіе рынки“ не создаются манифестами.

Представимъ себѣ, что теперь послѣдовало бы новое изданіе манифеста 1812 года, при обращеніи кредитныхъ билетовъ на 1.200 милл., обезцѣненныхъ лишь на одну треть, то есть съ 66 сер. коп. въ рублѣ. Манифестъ опять произвелъ-бы косвенную редукцію, узаконилъ-бы, что обращается не 1200 милл. *обезцѣненныхъ* рублей, а 800 милл. полноцѣнныхъ рублей, по 100 сер. коп. въ каждомъ. Спрашавается: *достаточна* была-бы *такая* редукція (для привлеченія звонкой монеты на рынокъ)? Очевидно нѣтъ. Пока въ обращеніи остается на 800 милл. металлическихъ рублей неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, звонкая монета не въ силахъ выдержать напора этой массы и должна ей уступить мѣсто. Она въ обращеніи появиться не можетъ: и безъ нея въ странѣ *слишкомъ много* денегъ.

Подведемъ итогъ сказанному. Проф. Бунге вѣритъ въ привлеченіе звонкой монеты послѣ наполеоновскихъ войнъ манифестомъ 1812 года только потому, что онъ упустилъ изъ виду, какое значеніе при этомъ имѣло *очень сильное, уже прежде совершившееся*, обезцѣненіе ассигнацій. И онъ вѣритъ въ возможность привлеченія звонкой монеты на рынокъ, въ настоящее время, такимъ-же манифестомъ только потому, что онъ упустилъ изъ виду *недостаточно сильное* нынѣшнее обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ.

Вслѣдствіе другаго экономическаго недоразумѣнія, проф. Бунге ожидаетъ отъ узаконенія биржевой цѣны кредитныхъ билетовъ, вмѣсто нарицательной, *установленія твердой денежной единицы*. Авторъ видимо полагаетъ, что шаткость денежной единицы происходитъ отъ узаконенія нарицательной цѣны бумажныхъ денегъ; на дѣлѣ-же она происходитъ отъ установленія закономъ обязательнаго пріема бумажныхъ денегъ между частными лицами въ ихъ взаимныхъ платежахъ [1]). Пока въ странѣ продолжаютъ обращаться обезцѣненныя бумажныя деньги, какъ законное платежное средство, онѣ дѣлаютъ *всякую* денежную единицу непостоянною для данной страны. Звонкая монета представляетъ прочную и неизмѣнную денежную единицу только тогда, когда она обращается или одна, или вмѣстѣ съ размѣнною бумагою.

---

[1]) Или выражаясь терминологіею австрійскаго патента 1 іюня 1816 года, не отъ Zwangswerth, а отъ Zwangsumlauf.

Коль-же скоро она обращается въ странѣ вмѣстѣ съ неразмѣнною обязательною въ платежахъ бумагою, то въ *этой* странѣ, внутри ея предѣловъ, она совсѣмъ не отличается прочностью. Изъ года въ годъ (а то и отъ мѣсяца къ мѣсяцу) 1000 рублей монетою представляютъ для пользованія ими въ Россіи (внутри ея, а не заграницею) такую же измѣняющуюся денежную сумму, какъ и 1000 рублей кредитными билетами. Хотя бы законъ и допускалъ монету, какъ валюту договоровъ, она не перестаетъ быть товаромъ, съ цѣною шаткою вслѣдствіе неразмѣнности. Вслѣдствіе того, если я проживаю свои доходы въ Россіи, то полученіе ихъ звонкою монетою не обезпечиваетъ имъ никакого постоянства: ибо 100 руб. монетою въ одинъ мѣсяцъ имѣютъ одну цѣну, въ другой — другую; цѣна монеты *заграницею* постоянная, но *для меня* она колеблется при всякой перемѣнѣ въ лажѣ. Звонкая монета, приходя въ соприкосновеніе съ неразмѣнною бумагою, теряетъ устойчивость своей цѣны, и только возобновленіе размѣна можетъ ей возвратить эту устойчивость. Нельзя воображать, чтобъ этого-же можно было достигнуть и другимъ путемъ, особенно путемъ простаго предписанія закона.

На основаніи всего вышеизложеннаго позволительно заключить, что всего правильнѣе было-бы, еслибъ законы о принудительномъ курсѣ не были измѣнены, а по вопросу о допущеніи договоровъ на металлическую валюту правительство тоже не измѣнило взглядовъ, которыхъ оно до сихъ поръ придерживалось. Это значитъ двоякое:

1) Правительство не должно лишать нарицательную цѣну кредитныхъ билетовъ всякаго значенія. Оно не должно лишать владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ всякой надежды и всякаго расчета на возможность возвышенія цѣны кредитныхъ билетовъ до ихъ нарицательнаго достоинства (все равно: мѣрами-ли правительственными, или посредствомъ естественныхъ экономическихъ успѣховъ страны). Если-же бы оказалась необходимою девальвація, то этой необходимости нужно во всякомъ случаѣ смотрѣть прямо въ глаза.

2) Правительство должно сохранить *за собою* право во всякомъ отдѣльномъ случаѣ особо опредѣлять, какіе договоры на металлическую валюту могутъ быть допущены и какіе должны быть воспрещены. Желѣзнымъ дорогамъ и ипотечнымъ обществамъ правительство до сихъ поръ не воспрещало выпускать облигаціи и акціи на звонкую монету для помѣщенія ихъ на

заграничныхъ биржахъ. Слѣдовательно, есть основаніе полагать, что и впредь подобные выпуски будутъ возможны. Если въ этомъ отношеніи наше законодательство представляетъ пробѣлъ, не допуская *векселей* на металлическую валюту, между тѣмъ какъ подобные векселя были-бы полезны для заграничныхъ капиталистовъ, ищущихъ въ Россіи краткосрочнаго помѣщенія своимъ средствамъ, то и этотъ пробѣлъ можетъ быть восполненъ, но *частною мѣрою*. Если какой-либо изъ нашихъ акціонерныхъ банковъ желаетъ переучесть свой вексельный портфель у заграничнаго капиталиста или вообще оперировать заграничными капиталами, которые ему удалось-бы добыть, то ему не слѣдуетъ препятствовать. Отъ такого препятствія страна не выигрываетъ, а теряетъ. Конечно, такой банкъ будетъ находиться при сильномъ паденіи вексельнаго курса въ столь-же печальномъ положеніи, въ какомъ недавно находились и продолжаютъ находиться—Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, Центральный Банкъ Поземельнаго Кредита и желѣзно-дорожныя общества въ отношеніи къ ихъ заграничнымъ платежамъ. Но правительство — не банковая нянька: кто любитъ кататься, долженъ любить и санки возить. Въ крайнемъ случаѣ правительство можетъ, допуская заграничные векселя на металлическую валюту, обставить ихъ нѣкоторыми особыми формальностями (аналогично англійскимъ foreign bills, которые законъ отличаетъ отъ inland bills). Могла-бы быть для нихъ установлена особая бумага, съ достаточно высокою наименьшею суммою всякаго отдѣльнаго векселя и т. д.

Но предоставляя себѣ допускать одни договоры на металлическую валюту, правительство безусловно должно сохранить за собою право другіе договоры на металлическую валюту воспрещать. Примѣръ недавно представился въ ходатайствѣ желѣзныхъ дорогъ объ опредѣленіи тарифовъ на звонкую монету. Правительство, общественное мнѣніе и печать одинаково неблагопріятно отнеслись къ этому желанію желѣзныхъ дорогъ. Что-же было-бы, еслибъ правительство лишило себя права отклонять подобныя ходатайства?

Другой примѣръ представился-бы, еслибъ землевладѣльцы пожелали заключать свои арендные договоры съ крестьянами на звонкую монету. Крестьяне были-бы поставлены въ самое безвыходное положеніе. Если въ Англіи въ 1811 году, несмотря на то, что поземельная аристократія тогда нераздѣльно господствовала въ государствѣ и обществѣ, а торійское правительство

могло провести чрезъ парламентъ какіе-угодно законы, все-таки сочли невозможнымъ допустить арендные договоры на металлическую валюту, — то врядъ-ли современная Россія представитъ для нихъ болѣе благопріятную почву. На всякій же случай, правительство не должно лишить себя права разрѣшать каждый отдѣльный вопросъ, по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, *общаго* постановленія о допущеніи договоровъ на звонкую монету правительству издавать *не слѣдовало-бы.*

Что касается, наконецъ, финансовыхъ недоразумѣній, на которыхъ основана первая часть проекта проф. Бунге, то на нихъ всего менѣе долго придется намъ останавливаться. Утверждая, что *безъ* узаконенія лажа „усилія правительства для возстановленія металлическаго обращенія потребуютъ громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ", Н. Х. Бунге какъ-бы наводитъ на мысль, что узаконеніе лажа *дѣлаетъ излишними* „громадныя средства, колоссальные и раззорительные займы". Это, конечно, можетъ быть только недоразумѣніе. Мы сейчасъ увидимъ, что и по собственному проекту проф. Бунге задача возстановленія металлическаго денежнаго обращенія требуетъ громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ. И это совершенно естественно. Сколько ни появилось-бы монеты во внутреннемъ обращеніи, *эта* монета *казначейству* не облегчаетъ рѣшенія задачи, пока она находится въ карманахъ частныхъ лицъ и не направляется къ подпискѣ на правительственные займы. Долгъ остается долгомъ. Онъ не уменьшается и его уплата не облегчается тѣмъ, что у *кредитора* звонкой монеты оказывается больше, чѣмъ прежде. Надобно, чтобъ она появилась у *должника.*

Обращаемся къ техническо-финансовой сторонѣ проекта проф. Бунге.

Скелетъ проекта заключается въ слѣдующемъ. Исходя изъ цифры кредитныхъ билетовъ въ 1074 милл. руб., Н. Х. Бунге предлагаетъ 700 *(семь сотъ)* милл. р. изъять изъ обращенія консолидаціею ихъ посредствомъ *внутреннихъ* займовъ; тогда изъ остальной суммы (374 милл.) 180 милл. руб. будутъ соотвѣтствовать размѣнному фонду, а 194 милл. будутъ представлять оставляемую (наименьшую и безопасную) часть безпроцентнаго долга казначейства за кредитные билеты.

Такъ какъ цифра 1074 милл. руб. имѣетъ лишь случайный

характеръ, представляя то количество, которое находилось въ обращеніи въ моментъ, когда г. Бунге писалъ, то должно думать, что еслибъ въ обращеніи оказалось кредитныхъ билетовъ на 1200 или 1300 милл., то онъ считалъ бы необходимымъ консолидаціею изъять изъ обращенія не 700, а 826 или 926 милл. рублей.

Итакъ, исходя изъ цифры размѣннаго фонда и принимая для безопасности безпроцентнаго долга цифру, близкую къ той, за которую стояли Е. И. Ламанскій и проф. Вагнеръ (200 милл.), проф. Бунге предлагаетъ *всѣ остальные* кредитные билеты консолидировать и изъять изъ обращенія, *сколько бы ихъ ни было*.

Отъ скелета обратимся къ подробностямъ. Проф. Бунге, конечно, не удовлетворяется однимъ только выраженіемъ своего мнѣнія, что по 700 милл. (а можетъ быть и по 800—900 милл.) бумажно-денежнаго долга правительство должно расчитаться со своими кредиторами. Онъ объясняетъ и то, *какъ* это должно сдѣлать, съ девальваціею-ли, или безъ девальваціи, и посредствомъ какихъ финансовыхъ операцій?

Прямо ставя вопросъ о девальваціи, проф. Бунге рѣшаетъ его самымъ категорическимъ образомъ въ *отрицательномъ* смыслѣ. Въ проектѣ говорится:

„Итакъ очевидно, что цѣль финансовой политики должна со„стоять *не въ девальваціи*, а въ возстановленіи *нарицательной* „*цѣны* кредитнаго рубля“.

Не смотря на столь категорически выраженное мнѣніе, проектъ проф. Бунге, однако, совсѣмъ не предполагаетъ такого дѣйствія, *чтобъ каждый владѣлецъ кредитнаго рубля получилъ полностью всю его „нарицательную цѣну“*. Напротивъ *очень многіе „кредитные рубли“ (именно всѣ тѣ, которые подлежатъ изъятію изъ обращенія консолидаціею, всего на 700 милл., а можетъ быть и 800 — 900 милл. р.) будетъ, по проекту, оплачены не по нарицательной цѣнѣ, а по биржевому курсу*. „Возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля“ — подарокъ, который проектъ проф. Бунге дѣлаетъ однимъ только тѣмъ 374 милл. руб., которые не подлежатъ консолидаціи.

А именно, онъ совѣтуетъ приступить къ изъятію изъ обращенія и консолидаціи кредитныхъ билетовъ, прибѣгая для этого къ внутреннимъ государственнымъ займамъ *металлическимъ*. На биржѣ цѣны этихъ займовъ *выше* цѣнъ кредитнорублевыхъ займовъ *на столько, на сколько кредитный рубль*

понизился сравнительно съ металлическимъ. Поэтому, подписка на металлическіе займы даетъ правительству полную возможность принимать кредитный рубль не по его нарицательной цѣнѣ, а *по текущему его биржевому курсу.* И вотъ къ этому-то способу „возстановленія нарицательной цѣны кредитнаго рубля“ совѣтуетъ прибѣгнуть проектъ Н. Х. Бунге.

Онъ, конечно, предусматривалъ, что это предложеніе подвергнетъ его упреку во внутреннемъ противорѣчіи, что ему скажутъ: цѣль у васъ очень хорошая, но къ средствамъ вы прибѣгаете къ такимъ, которыя не только съ вашею цѣлью не согласны, но ее даже исключаютъ. Поэтому въ свое оправданіе авторъ ссылается на то, что „кредитный рубль стоитъ не 400 сантимовъ, а гораздо менѣе, то *было-бы безуміемъ* принимать кредитные билеты наравнѣ съ монетою *при металлическихъ займахъ*“. Это оправданіе, однако, врядъ-ли достигаетъ цѣли.

Совершенно правильно, что „при металлическихъ займахъ“ принимать *обезцѣненные* кредитные билеты, какъ полноцѣнные, „было-бы безуміемъ“. Но для чего, въ такомъ случаѣ, отстаивать металлическіе займы? Авторъ *сначала* допустилъ металлическіе займы и *потомъ* оправдывается, что *если* онъ ихъ допустилъ, то онъ не можетъ не принимать кредитныхъ билетовъ по курсу. Но ему совсѣмъ и не нужно было-бы этого оправданія, еслибъ, *прежде чѣмъ допускать металлическіе займы*, онъ себя спросилъ: *можетъ-ли онъ*, отстаивая „возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля“, допускать означенные займы, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою? Еслибъ онъ въ надлежащее время поставилъ себѣ этотъ вопросъ, то онъ долженъ былъ-бы для послѣдовательности рѣшить его отрицательно; ибо идея внутреннихъ металлическихъ займовъ [1]) на одномъ только томъ и можетъ быть основана, что они даютъ правительству возможность принимать кредитные билеты не по ихъ нарицательной цѣнѣ, а по ихъ биржевому курсу. Внѣ этой „выгоды“ они теряютъ всякое самостоятельное значеніе.

Девальвація можетъ быть производима очень различнымъ образомъ. Въ Австріи въ 1811 и 1816 гг., въ Россіи въ 1839 г., въ проектѣ г. Гольдмана 1866 года — она главнымъ образомъ отличалась слѣдующими качествами: 1) она *од-*

---

[1]) Если ихъ цѣль — консолидація кредитныхъ билетовъ, а не привлеченіе въ страну заграничныхъ капиталовъ.

новременно распространялась *на всю массу* бумажныхъ денегъ и *каждый* рубль, *каждый* гульденъ ею уменьшался на *извѣстную*, *одинаковую* часть своей нарицательной цѣны; 2) эта часть *односторонне* опредѣлялась *однимъ только правительствомъ* по его выбору и произволу, и 3) она была *принудительною мѣрою*.

За *такую* девальвацію проф. Бунге дѣйствительно *не стоитъ*. Напротивъ, *такую* девальвацію онъ дѣйствительно отвергаетъ.

Глубже вникнувъ въ дѣло, чтобъ уловить мысль, которую онъ желалъ выразить, не трудно замѣтить, что она заключается въ противупоставленіи указанному виду девальваціи другаго ея вида. Три наиболѣе основные признака этого *другого* вида *прямо противуположны* только-что перечисленнымъ тремъ особенностямъ *исторической* девальваціи.

Именно металлическіе займы наводятъ на мысль, что девальвація возможна: 1) хотя бы она распространялась не сразу на всю массу бумажныхъ денегъ, а *только на нѣкоторую ихъ часть*; 2) хотя бы ея мѣра опредѣлялась не однимъ только правительствомъ, а *совокупно* правительствомъ и *владѣльцами означенной части бумажныхъ денегъ*, и 3) хотя бы она основывалась не на принужденіи, а *на свободномъ обоюдномъ соглашеніи*.

Вотъ эта-то *добровольная, договорная и частная* девальвація (въ противуположность *принудительной, произвольной и всеобщей*) по необходимости истекаетъ изъ проекта Н. Х. Бунге.

Итакъ, дѣло заключается въ томъ, что правительство обращается не ко всѣмъ владѣльцамъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму 1100, 1200 или 1300 милл. (сколько ихъ оказывается) и не съ тѣмъ, чтобъ принудительнымъ путемъ у всѣхъ отнять равную часть рубля, „произвольно выхваченную". Правительство выбираетъ изъ массы кредитныхъ билетовъ одну часть, или послѣдовательно нѣсколько частей одну за другою. И оно обращается только къ владѣльцамъ этихъ билетовъ съ предложеніемъ войти въ добровольную сдѣлку, условиться по взаимному соглашенію, сколько имъ получить серебряныхъ копѣекъ за кредитный рубль [1]).

Это правительство можетъ сдѣлать, обратившись къ системѣ

---

[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что такая *добровольная* девальвація категорически отлична и въ юридическомъ и въ экономическомъ отношеніи отъ девальваціи *принудительной*. *Ред.*

внутреннихъ металлическихъ займовъ для консолидаціи кредитныхъ билетовъ.

Такъ какъ предложеніе обратиться къ металлическимъ займамъ для консолидаціи кредитныхъ билетовъ — главное въ проектѣ проф. Бунге, то объяснивъ его сущность, мы отложимъ на нѣсколько страницъ разсмотрѣніе его результатовъ. Предварительно-же изложимъ и разберемъ второстепенныя предложенія проекта, которыми обставлено главное предложеніе и которыя должны его сдѣлать болѣе практичнымъ и удобоисполнимымъ.

Къ предложенію металлическихъ займовъ *для консолидаціи кредитныхъ билетовъ*, проектъ проф. Бунге присоединяетъ идею другаго ряда металлическихъ займовъ *для превращенія въ нихъ государственныхъ долговъ, заключенныхъ на кредитные рубли*.

Конечно, и эта мысль не нашла бы себѣ защитника въ проф. Бунге, еслибъ онъ дѣйствительно былъ строгимъ отрицателемъ *всякой* девальваціи. Владѣльцы облигацій по займамъ, заключеннымъ на кредитные рубли, надѣются, что когда-нибудь правительство *поправитъ рубль* и что рубли, получаемые ими по купонамъ, современемъ станутъ металлическими. Но разъ ставъ на почву *добровольной девальваціи*, проф. Бунге, дѣйствительно, не могъ не предложить войти въ соглашеніе съ означенными владѣльцами, чтобъ и они за нѣкоторое вознагражденіе добровольно отказались отъ своихъ надеждъ на будущее, онъ предлагаетъ ихъ удовлетворить металлическимъ процентомъ, болѣе высокимъ, нежели получаемый ими теперь кредитный; но за то за каждые 100 рублей въ металлическихъ облигаціяхъ они должны будутъ дать кредитными облигаціями столько рублей, сколько придется по курсу, на которомъ состоится обоюдное соглашеніе. То-есть: проектъ предлагаетъ склонить владѣльцевъ бумажно-рублевыхъ облигацій къ убѣжденію, что за временное увеличеніе ихъ доходовъ, пока звонкая монета еще пользуется лажемъ, для нихъ можетъ быть выгодно добровольно согласиться навсегда на сокращеніе ихъ доходовъ съ момента возстановленія цѣнности кредитнаго рубля.

Это предложеніе непосредственно не относится къ реформѣ кредитной денежной системы; но мы все-таки о немъ должны сказать нѣсколько словъ, такъ какъ проф. Бунге отъ него ждетъ „экономій", на которыя онъ разсчитываетъ для облегченія реформы.

Намъ кажется, что онъ напрасно усложнилъ свой проектъ

предложеніемъ объ обмѣнѣ бумажныхъ облигацій на металлическія; ибо на этотъ обмѣнъ не согласится ни одинъ владѣлецъ бумажныхъ облигацій, *именно потому*, что операція обмѣна будетъ предпринята, *какъ приготовленіе къ реформѣ*. Владѣлецъ кредитно-рублевой облигаціи еще имѣлъ-бы нѣкоторый разсчетъ добровольно пойти на сдѣлку, еслибъ ему было обезпечено, что реформа затянется на 25—50 лѣтъ и что въ теченіи этого времени цѣна кредитнаго рубля мало и медленно будетъ поправляться. Но понятно, что предпринимать реформу и давать подобныя обѣщанія — двѣ вещи, одна другую исключающія. А между тѣмъ, чѣмъ энергичнѣе Правительство будетъ стремиться къ реформѣ и чѣмъ лучше и скорѣе она будетъ отражаться на цѣнности кредитнаго рубля, тѣмъ „безумнѣе" (говоря словомъ проф. Бунге) будетъ — согласиться на добровольный обмѣнъ кредитно-рублевыхъ облигацій на металлическія.

Вотъ почему мы въ нижеслѣдующемъ совершенно оставимъ въ сторонѣ часть проекта, предлагающую „добровольный обмѣнъ". Наше изложеніе отъ этого не пострадаетъ, такъ какъ экономія, которую „обмѣнъ" даетъ, по собственному расчету проф. г. Бунге, можетъ простираться не больше, нежели 1,680,000 руб., даже если охотниковъ на „обмѣнъ" явится на невѣроятную сумму въ 850 милл. рублей.

Остальныя второстепенныя предложенія проекта касаются: одно — идеи бумажнаго денежнаго обращенія, основаннаго на банковыхъ началахъ, другое— новаго вида займовъ, рекомендуемыхъ проф. Бунге.

Онъ объявляетъ себя приверженцемъ идеи превращенія Государственнаго Банка въ „привиллегированный акціонерный", для котораго будто-бы „существуютъ всѣ необходимыя условія". Въ чемъ эти условія заключаются, не объяснено. Отъ новаго учрежденія ожидается, что оно будетъ „чувствовать себя болѣе связаннымъ постановленіями своего устава", будетъ „менѣе податливо на льготы и на изъятія" и наконецъ будетъ „отстаивать свои права и потому составлять преграду неосторожному пользованію кредитомъ". Все это благія надежды на возможное будущее [1]). Но тѣмъ не менѣе изъ-за нихъ, а глав-

---

[1]) Авторъ (И. И. Кауфманъ) и въ этомъ случаѣ, и раньше (см. выше) слишкомъ мало придаетъ значенія различію частнаго банка и казеннаго, по отношенію какъ къ самостоятельности, такъ въ особенности къ *отвѣтственности* по бумажно-денежнымъ операціямъ. Не отвергая, что въ теоріи и по

ное — въ надеждѣ, что новый акціонерный монопольный банкъ внесетъ болѣе предусмотрительности въ нашу бумажную денежную систему и стѣснивъ произволъ въ выпускѣ бумажныхъ денегъ, — проф. Бунге уступаетъ Государственный Банкъ акціонерной компаніи *совершенно даромъ*, даже не требуя тѣхъ 80 милл. руб., которые въ 1874 г. были предположены въ одной статьѣ въ Journal de St.-Pétersbourg. Понятно, что при такомъ отношеніи къ вопросу, проф. Бунге могъ легко обойти молчаніемъ, какъ взглядъ проф. Вагнера на финансовую сторону дѣла, такъ и мои разсчеты 1874 года.

Собственно идеи объ организаціи кредитнаго обращенія на банковыхъ началахъ играютъ самую послѣднюю роль въ его проектѣ. Мы не думаемъ, однако, чтобъ это выражало отреченіе отъ взглядовъ, которыхъ авторъ держался въ своей критикѣ проекта проф. Вагнера. Хотя и невѣроятно, чтобъ проф. Бунге желалъ предоставить дѣло организаціи кредитнаго обращенія на новыхъ началахъ *и всѣ прибыли отъ него* одному только будущему акціонерному банку, — но питающіе это желаніе въ умолчаніи его проекта могли найти поводъ сильно обрадоваться.

До учрежденія-же новаго привиллегированнаго акціонернаго банка идея банковой организаціи кредитнаго обращенія предлагается проектомъ въ томъ ея видѣ, возможность котораго навлекъ на мой проектъ 1874 годà упрекъ г. Горна. Чего г. Горнъ *опасался,* то проф. Бунге *прямо рѣкомендуетъ.* Именно: для облегченія подписокъ на металлическіе займы Правительству предлагается дѣлать выпуски новыхъ кредитныхъ билетовъ для ссудъ подъ нововыпускаемыя облигаціи.

Наконецъ послѣднее предложеніе касается новаго вида 6% металлическихъ займовъ, предлагаемыхъ для изъятія кредитныхъ билетовъ: главнымъ образомъ оно заключается въ правѣ правительства не погашать облигацій ранѣе 5 лѣтъ по ихъ выпускѣ, *но съ обязательствомъ погасить ихъ въ слѣдующіе 15 лѣтъ.* Въ Америкѣ, Англіи и Германіи къ такимъ займамъ при-

принципу было бы выгоднѣе для государства произвести реформу бумажно-денежной системы черезъ посредство государственнаго, а не частно-акціонернаго учрежденія и что послѣднее можетъ попасть въ положеніе подобное первому, мы видимъ однако на практикѣ, что частные банки (англійскій, французскій и австрійскій), при всѣхъ своихъ грѣхахъ, все таки противупоставили выпускамъ бумажныхъ денегъ такія границы, какихъ не знали казенные ихъ выпуски. Впрочемъ мы признаемъ преимущества для этого государственнаго дѣла государственнаго учрежденія, хотя нельзя не опасаться что эти преимущества останутся навсегда pium desiderium. *Ред.*

бѣгали *во время войны* и, напротивъ, *послѣ* войны отъ нихъ *отказывались*. *Послѣ войны* нетрудно замѣтить, что предлагаемая форма займовъ совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ потребностямъ и условіямъ. Соединенные Штаты, Англія и Пруссія ведутъ войны очень рѣдко и они поэтому могутъ упускать изъ виду всякаго рода предусмотрѣніе на случай возможной новой войны. Мы-же относительно этого находимся въ иномъ положеніи. Заключать на крупныя суммы займы, подлежащіе погашенію въ короткій срокъ, значитъ въ финансовомъ отношеніи обрекать страну на вѣчный страхъ, какъ-бы не случилась новая война; ибо тогда невозможно будетъ путемъ новыхъ займовъ добыть средства для уплаты старыхъ займовъ. Это значитъ — вѣчно быть подъ страхомъ возможнаго банкротства. Бояться придется всякой войны, которую другія страны между собою захотятъ предпринять. О собственномъ-же участіи въ какой-либо войнѣ совсѣмъ придется бросить всякія помышленія.

Главную выгоду новыхъ займовъ проф. Бунге усматриваетъ въ томъ, что правительство, платя по нимъ высокій % и обѣщая скорую уплату долга, можетъ ихъ реализовать по 100 за 100, сохраняя за собою возможность превратить ихъ въ болѣе дешевые займы, когда къ тому представятся благопріятныя обстоятельства.

Что-же, однако, будетъ, если благопріятныя обстоятельства совсѣмъ не представятся, или представятся слишкомъ поздно, или представятся тогда, когда по политическимъ или инымъ соображеніямъ ими нельзя будетъ воспользоваться, или нужно будетъ воспользоваться для займовъ, вызванныхъ новыми цѣлями правительства?

Проф. Бунге удовлетворяется слѣдующимъ соображеніемъ:

„Единственное серьезное возраженіе противъ этой формы „займовъ состоитъ въ величинѣ суммы, которую предстоитъ уплa„тить сразу не ранѣе 5 и не позже 20 лѣтъ, но эта перспектива „срочной уплаты *страшна только для непредусмотрительнаго „правительства*. Въ теченіи 15 лѣтъ *всегда бываетъ удобная „минута* для погашенія существующаго займа новымъ на болѣе „выгодныхъ условіяхъ“.

Мнѣ кажется, напротивъ, что „перспектива срочной уплаты“ громадной суммы государственныхъ долговъ должна быть „страшна“ именно для предусмотрительнаго правительства. Несомнѣнно, конечно, что въ теченіи 15 лѣтъ „всегда бываетъ удобная

минута". Но одно дѣло — съ легкимъ сердцемъ идти на встрѣчу времени, съ его удобными и неудобными минутами, и совершенно иное дѣло — выжидать грядущую „удобную минуту" съ тяжкимъ бременемъ большаго долга, подлежащаго уплатѣ въ срокъ такой минуты. Одно дѣло — имѣть возможность *свободно* относиться къ „удобной минутѣ" и совершенно иное дѣло — выжидать ее съ тоскою, страшиться, какъ-бы она не наступила несвоевременно, быть *вынужденнымъ* ею пользоваться лишь для одной предопредѣленной цѣли.

А между тѣмъ условія нашего кредита совсѣмъ не такъ плохи, чтобъ нельзя было обойтись безъ предлагаемаго нововведенія. Чтобъ получить 6% на свой капиталъ, подписчикъ на 5%-ную облигацію долженъ ее получить по курсу 83. Но *во время обезпеченнаго мира* этотъ курсъ врядъ-ли есть основаніе считать невѣроятнымъ.

Изложивъ и объяснивъ существо всѣхъ предложеній проф. Бунге и разобравъ второстепенныя между ними, мы подробнѣе остановимся теперь на разборѣ главной идеи проекта.

Начнемъ съ цифръ, которыя, по его расчетамъ выражаютъ: выгоды, доставляемыя добровольною девальваціею, и жертвы или расходы, въ которые обойдется консолидація кредитныхъ билетовъ путемъ металлическихъ займовъ.

Для консолидаціи кредитныхъ билетовъ на 700 милл. р., по проекту, придется выпустить 6% облигацій al pari на сумму 500 милл. мет. рублей при курсѣ въ 140 руб. кред. за 100 металл. (при кредитномъ рублѣ въ 71½ мет. коп.) или 560 милл. мет. р. при курсѣ 125 кред. р. за 100 металл. руб. (кред. рубль 80 сер. коп.). Въ первомъ случаѣ по расчету проекта отъ девальваціи выигрывается 200 милл. р., во второмъ 140 милл. рублей. Ежегодные расходы, въ которые обойдется операція, составятъ отъ 30 до 33⅔ милл. металл. руб. Безъ девальваціи-же эти расходы (при равенствѣ прочихъ условій) должны составить 42 милл. рублей.

Изъ приведенныхъ двухъ расчетовъ проекта первый (по курсу 140 кред. руб. за 100 металл. рублей) совершенно неправиленъ; потому что онъ основанъ на недопустимомъ предположеніи: что сколько-бы ни извлекали кредитныхъ билетовъ изъ обращенія (100 милл., 200 м., 300 м., 500 м., 600 милл.) и сколько-бы ихъ ни оставалось въ обращеніи (974 м., 674 м., 474 милл.), все-таки *цѣнность кредитныхъ билетовъ не измѣнится* и курсъ

кредитнаго рубля одинаково будетъ оставаться въ 71½ мет. коп. за 1 р. кр. или 100 р. мет. за 140 р. кр. Между тѣмъ предъ войною мы долгое время видѣли, что при обращеніи кредитныхъ билетовъ, доходившемъ до 800 милл. р., цѣнность кредитнаго рубля составляла 85 и даже 88 к. сер. за рубль кредитный, то-есть 118—114 р. кр. за 100 металл. руб.

Второй расчетъ (по 125 р. кр. за 100 р. мет.) больше приближается къ истинѣ, но все-таки слишкомъ благопріятенъ для проекта. Чтобъ стать на болѣе прочную почву (и кстати выяснить пункты, которые проектъ обходитъ молчаніемъ), будемъ исходить изъ цифры кредитныхъ билетовъ въ 1120 милл. р. (болѣе соотвѣтствующей современной дѣйствительности, нежели цифра 1074 милл., изъ которой исходилъ проф. Бунге). За вычетомъ изъ 1120 милл. цифры размѣннаго фонда (180 мил.) и цифры оставляемой (безопасной) части безпроцентнаго долга (200 милл.), изъятію изъ обращенія подлежитъ сумма кредитныхъ билетовъ въ 740 милл. рублей. Предположимъ, что вся консолидація совершается въ пять пріемовъ, въ 5 — 6 лѣтъ (проектъ объ этомъ ничего не говоритъ). Заключается пять займовъ одинъ послѣ другаго, и ими извлекается кредитныхъ билетовъ изъ обращенія: 1-мъ 200 милл., 2-мъ и 3-мъ по 150 милл., 4-мъ 140 милл. и 5-мъ 100 милл. Въ такомъ случаѣ останется въ обращеніи, если исходить изъ цифры въ 1120 милл.: послѣ перваго займа — 920 милл., послѣ 2-го 770 милл., послѣ 3-го 620, послѣ 4-го 480; послѣ 5-го достигнута будетъ цифра 380 милл., завершающая реформу.

Понятно, что чѣмъ меньше кредитныхъ билетовъ будетъ оставаться въ обращеніи, тѣмъ выше будетъ подниматься ихъ цѣнность. Если первый заемъ можно будетъ заключить по 140 р. кр. за 100 р. мет., то второй уже придется заключить по 130 руб. кр. за 100 мет., третій по 115 кр. руб. за 100 м. р., четвертый по 110 кр. р. за 100 мет. р., а послѣдній уже по 100 кр. р. за 100 р. мет. При выборѣ этихъ курсовъ, я исхожу изъ нашего-же опыта, каковъ былъ до войны курсъ кредитнаго рубля при разныхъ цифрахъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Понятно, что займы, спеціально производимые для возвышенія цѣнности кредитныхъ билетовъ, на дѣлѣ будутъ поднимать эту цѣнность даже независимо отъ своей цифры, уже однимъ вліяніемъ на настроеніе публики, русской и заграничной.

Исходя изъ принятыхъ нами курсовъ, предположимъ, что

займы будутъ обыкновенные 5%-ные и что курсъ реализаціи ихъ будетъ даже 90 за 100. Въ такомъ случаѣ для достиженія цѣли проекта придется выпустить металлическихъ облигацій: въ 1-ый пріемъ на 150,872,000 р., во второй на 128,204,000 р., въ третій на 144,927,000 р., въ четвертый на 141,414,000 и въ пятый на 111,111,000 р.; всего на 676,528,000 р. Это даетъ средній курсъ изъятія не въ 125 р. кр. за 100 металл., а лишь въ $109^1/_2$ кр. за 100 мет. р. Кредитныхъ облигацій, для изъятія 740 милл. р. кредитныхъ билетовъ, пришлось-бы, при курсѣ реализаціи 90 за 100, выпустить на 822,220,000 руб. Выигрышъ отъ девальваціи при этомъ составляетъ капиталъ въ $145^2/_3$ милл. руб.

Этотъ выигрышъ однако уменьшается отъ потерь на лажѣ, который Правительство должно будетъ платить до возстановленія цѣнности кредитнаго рубля: или прямо предъявителямъ купоновъ по новымъ займамъ, или покупая для нихъ полуимперіялы. Исчисляя эту потерю по курсамъ, среднимъ между тѣми, которые выше приняты основаніемъ расчета, потеря отъ лажа составитъ, при ежегодныхъ займахъ: послѣ перваго займа 3,168,000 р., послѣ втораго 3,684,000 р., послѣ третьяго 3,029,000 и послѣ четвертаго 1,696,000 р.; всего 11,577,000 р. Выигрышъ отъ девальваціи вслѣдствіе того сокращается до 134,115,000 р.

Сравнивая суммы ежегодныхъ процентовъ, въ которые обойдется изъятіе изъ обращенія 740 милл. р. билетовъ металлическими и кредитно-рублевыми займами, то-есть — съ девальваціею и безъ девальваціи, мы получаемъ слѣдующіе результаты. Процентовъ придется платить:

	при девальваціи въ металл.	въ кред. руб.	безъ девальваціи въ кред. руб.	экономія отъ девальваціи.
Послѣ 1-го пріема	9,052,000	12,220,000	13,333,000	1,113,000
› 2-го ›	18,744,000	20,428,000	23,232,000	2,804,000
› 3-го ›	25,440,000	28,559,000	33,332,000	4,773,000
› 4-го ›	33,925,000	35,621,000	42,667,000	7,046,000
› 5-го ›	40,591,000	40,591,000	49,333,000	8,742,000 [1]).

И такъ, въ началѣ операціи девальвація *для казначейства совершенно безполезна*, впослѣдствіи-же она даетъ экономію ежегоднаго расхода, не доходящую и до 9 милл. рублей.

Понятно, что чѣмъ болѣе операціи по возстановленію металлическаго денежнаго обращенія будутъ затягиваться, чѣмъ мед-

[1]) Эти 8,742,000 составляютъ 6% на вышеупомянутый капиталъ въ 145,692,000 руб., представляющій выигрышъ отъ девальваціи.

леннѣе будетъ идти возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля, — тѣмъ болѣе выгоды отъ девальваціи будутъ поглощаться потерями на лажѣ при оплатѣ металлическихъ купоновъ, тѣмъ безполезнѣе будетъ она для ближайшихъ къ намъ годовъ и тѣмъ въ болѣе долгій ящикъ будутъ откладываться экономіи отъ нея. Въ концѣ-же концовъ эти экономіи оказываются столь незначительными, что изъ за нихъ совершенно не стоитъ прибѣгать къ добровольной девальваціи.

Чтобъ надлежащимъ образомъ оцѣнить изложенные результаты, необходимо вспомнить, что если девальвація—мѣра исключительная, то это другими словами значитъ: съ нею примиряются лишь ради ея *наибольшихъ* результатовъ. Чѣмъ послѣдніе меньше, тѣмъ возможнѣе ихъ достигнуть болѣе правильнымъ путемъ, тѣмъ менѣе необходима девальвація. *Невозможно* ее избѣжать, только если безусловно нужны ея наибольшіе результаты, если только она одна ихъ можетъ дать. Но свои наибольшіе результаты девальвація даетъ только тогда, когда она принудительная, а не добровольная.

Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что проф. Бунге, совѣтуя прибѣгнуть къ добровольной девальваціи въ $28^1/_2$ к. (140 кр. за 100 мет.), ждетъ отъ нея экономіи въ 200 милл. Принудительная же девальвація въ $28^1/_2\%$ (при цифрѣ кредитныхъ билетовъ въ 1074 милл.) дала-бы экономіи на половину больше, именно 300 милл. рублей. Другой расчетъ девальваціи на 20% (125 кр. за 100 мет.) даетъ экономіи: при добровольности ея 140 милл., при принудительности-же 216 милл. Подвергнувъ принудительной девальваціи въ $20—28^1/_2\%$ цифру кредитныхъ билетовъ въ 1120 милл. руб., правительство отъ нея имѣло-бы экономію капитала въ 224—320 милл. или ежегоднаго дохода въ $13,_{44}$ — $19,_{20}$ милл. Добровольная-же девальвація, какъ мы видѣли, при наилучшихъ ея условіяхъ и точномъ расчетѣ, даетъ лишь экономію капитала въ 134 милл. или дохода въ $8^3/_4$ милл.

Резюмируемъ, въ заключеніе, кратко, выводы, къ которымъ насъ привело подробное и внимательное разсмотрѣніе проекта проф. Бунге.

I. Предлагаемое проектомъ узаконеніе лажа —*безцѣльно*. Оно не въ силахъ *при теперешней высотѣ лажа* произвести такое *фактическое* сокращеніе бумажнаго обращенія (въ противуположность *законодательному* сокращенію), послѣ котораго звонкой монетѣ было-бы очищено мѣсто. Не смотря на узаконеніе лажа,

звонкая монета *въ настоящее время* не наполнитъ „всѣхъ каналовъ обращенія".

II. Предлагаемое проектомъ общее узаконеніе *всѣхъ и всякихъ* договоровъ на металлическую валюту *вредно*. Общаго постановленія по этому предмету не должно быть издано, развитіе-же его должно вести путемъ частныхъ мѣръ.

III. Предлагаемый проектомъ новый видъ займовъ, погашаемыхъ въ 20-ти лѣтній срокъ, въ политическомъ отношеніи *опасенъ*, а въ финансовомъ отношеніи *несвоевременень и неудобенъ*, не оправдываясь современнымъ состояніемъ государственнаго кредита Россіи внутри страны и за границею.

IV. Предлагаемый проектомъ способъ изъятія кредитныхъ билетовъ посредствомъ металлическихъ займовъ, заставляя правительство мириться съ девальваціею, есть вмѣстѣ съ тѣмъ средство получить отъ девальваціи *наименьшіе* финансовые результаты. Поэтому, по крайней мѣрѣ съ финансовой точки зрѣнія, онъ подлежитъ осужденію.

Само собою разумѣется, къ числу существенныхъ недостатковъ проекта принадлежитъ и то, что онъ 1) совершенно умалчиваетъ о мѣрахъ для устраненія препятствій, которыми при денежной реформѣ являются серіи, 4% металлическіе билеты и неправильно-помѣщенные вклады Госуд. Банка, и 2) построенъ на идеѣ превращенія Госуд. Банка въ акціонерный-монопольный, вслѣдствіе чего правительство при денежной реформѣ теряетъ всѣ финансовыя и экономическія выгоды, которыя оно могло-бы получить и доставить странѣ превращеніемъ части кредитныхъ билетовъ, основанныхъ на государственномъ безпроцентномъ долгѣ, въ кредитные билеты, основанные на коммерческомъ портфелѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВѢЙШІЕ ТОЛКИ О БУМАЖНО-ДЕНЕЖНОМЪ ВОПРОСѢ И ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ФИНАНСЫ.

Мое первоначальное намѣреніе было — послѣ разсмотрѣнія проектовъ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія въ Россіи—перейти къ разсмотрѣнію этой задачи въ связи съ об-

щимъ вопросомъ объ экстраординарныхъ финансахъ. Но направленіе, которое съ осени 1878 г. приняли у насъ толки о бумажныхъ деньгахъ, убѣждаетъ меня, что сужденія мои покажутся слишкомъ теоретическими, если я ихъ буду излагать въ предѣлахъ задуманнаго плана. Я рѣшился, поэтому вести дальнѣйшее изложеніе, исходя изъ новѣйшихъ толковъ о нашемъ бумажно-денежномъ вопросѣ.

Какъ это ни странно, но эти толки отличаются главнымъ образомъ страхомъ, какъ-бы правительство не вздумало серьезно и энергично заняться разрѣшеніемъ бумажно-денежнаго вопроса.

Во время войны всѣ чувствовали, что наше политическое положеніе зависитъ совсѣмъ не отъ успѣховъ оружія, а отъ нашихъ финансовъ. Стыдно только было высказать слово, но втайнѣ всѣ сознавали, что не судьба сраженій, а колебанія вексельнаго курса опредѣляютъ ходъ событій. Въ окончательномъ успѣхѣ нашего оружія никто не сомнѣвался. Для войны мы располагали, какъ основнымъ финансовымъ рессурсомъ, бумажно-денежными выпусками, а выгодность этого рессурса зависѣла отъ колебаній вексельнаго курса. И всѣ чувствовали, что по окончаніи войны *невозможно* будетъ не приступить энергически къ этому фатальному вопросу, вмѣшивающемуся даже и въ такія событія, гдѣ ему совсѣмъ не мѣсто.

Кончилась война и — пока — кромѣ боязни предъ вопросомъ еще ничего не обнаружилось. Боязнь впрочемъ удачно прикрывается полемикою, имѣющею двоякую цѣль: во-первыхъ, подъ ея шумокъ, провести политическую тенденцію, заключающуюся въ отрицаніи того значенія, которое для нашей политики имѣетъ наше финансовое положеніе вообще и въ частности наше денежное обращеніе; во-вторыхъ - поставить на ноги лагерь протекціонистовъ, дразня его оживленіемъ промышленности, которое будто-бы неизбѣжно связано съ новѣйшими бумажноденежными выпусками.

Въ нижеслѣдующемъ мы подробно разсмотримъ „политическіе интересы“, и „оживленіе промышленности“, чтобъ убѣдиться, насколько ими дѣйствительно можно оправдывать пассивное отношеніе общества къ бумажно-денежному вопросу. Это дастъ возможность разобрать и вопросъ о нашихъ экстраординарныхъ военно-финансовыхъ средствахъ.

I.

ИНТЕРЕСЫ ПОЛИТИЧЕСКІЕ.

Начать приходится нѣсколькими словами о той почвѣ, на которой до сихъ поръ основывалось наше положеніе.

Почва эта—доктрина политической экономіи, выработанная на основаніи опыта всѣхъ странъ, переживавшихъ несчастный опытъ съ неразмѣнными бумажными деньгами. Въ ряду другихъ, эта доктрина даже выдается ролью, которую при ея построеніи игралъ нашъ отечественный опытъ. Не говоря объ русскихъ изслѣдователяхъ, достаточно назвать имена Шторха, Якоба и Вагнера, чтобъ напомнить, что означенная роль была одною изъ самыхъ авторитетныхъ.

Не менѣе важнымъ представляется и то обстоятельство, что тщательная и всесторонняя разработка опыта странъ, страдавшихъ отъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, доставила научнымъ понятіямъ объ этомъ предметѣ такое всеобщее признаніе и уваженіе, какими пользуются, къ сожалѣнію, далеко не всѣ ученія экономической науки. *Всѣ сколько-нибудь замѣчательные государственные дѣятели XIX ст.* сдѣлали означенныя понятія основою своихъ убѣжденій и практическихъ мѣръ, къ которымъ они прибѣгали по части бумажныхъ денегъ.

Вотъ почему и я могъ быть увѣреннымъ, что изъ моей критики вышеизложенныхъ проектовъ не сдѣлаютъ заключенія, будто она коренится въ спорности ея научныхъ основаній. Напротивъ, я могъ быть увѣреннымъ, что споръ будетъ отнесенъ къ тому, къ чему онъ дѣйствительно только и относится: къ вопросу *о примѣненіи* означенныхъ основаній, къ выбору тѣхъ или другихъ практическихъ мѣръ исполненія.

Сами-же эти основанія мнѣ казались тѣмъ менѣе требующими какихъ-либо особыхъ поясненій ихъ безспорности, что *они составляютъ коренное убѣжденіе каждаго изъ составителей вышеизложенныхъ проектовъ.*

Къ сожалѣнію, теперь явился поводъ говорить и о томъ, о чемъ, казалось-бы, говорить нечего. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ органовъ нашей печати, именно Московскія Вѣдомости, взялъ на себя неблагодарную роль — подать этотъ поводъ.

Въ рядѣ статей имѣющихъ, въ сущности, чисто-политическую тенденцію, способомъ для проведенія этой тенденціи, между прочимъ, служитъ увѣреніе, будто въ политической экономіи нѣтъ ничего болѣе спорнаго, чѣмъ ходячая доктрина о бумажныхъ деньгахъ. Доктрина-де эта, будто-бы, выработана безъ вниманія къ нашей отечественной жизни, безъ вниманія къ ея „своеобразнымъ особенностямъ".

Основаніемъ такого увѣренія взяты, изъ предисловія проф. Вагнера къ его труду о русскихъ бумажныхъ деньгахъ, нѣсколько словъ, въ которыхъ знаменитый германскій ученый объясняетъ, что его побудило заново переработать нѣкоторыя части теоріи бумажныхъ денегъ. Эти-то слова, обращенныя къ кругу спеціалистовъ, Моск. Вѣд. теперь перетолковываютъ въ смыслѣ сознанія, всенародно сдѣланнаго, что ученія науки не заслуживаютъ довѣрія. Мысль проф. Вагнера, что задача науки — слѣдить за всѣми новыми проявленіями жизненнаго опыта, Моск. Вѣд. извращаютъ, толкуя ее такъ, что-де до настоящаго времени означенный опытъ не былъ въ виду.

Книга проф. Вагнера напечатана и намъ нѣтъ надобности доказывать, что ея авторъ вполнѣ уважаетъ науку, которой онъ служитъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ представителей. Мы привели мотивъ Моск. Вѣд. лишь съ цѣлью показать, что для своихъ тенденціозныхъ намѣреній онѣ не побрезгали даже и готовностью пожертвовать тѣмъ уваженіемъ къ наукѣ, которое когда-то значилось на ихъ знамени.

Само собою разумѣется, что болѣе существенныхъ указаній, въ чемъ заключаются недостатки научной доктрины, Моск. Вѣд. не представляютъ. Совершенно голословны и ихъ увѣренія, будто наукою упущены изъ виду какія-то своеобразія нашей жизни. Онѣ и сами не знаютъ, въ чемъ заключаются эти упущенныя „своеобразія". Правда, глубокомысленно указывается, что въ нашей экономической жизни еще происходятъ иногда „чудеса"; но въ этомъ и читатели Моск. Вѣд. врядъ-ли усмотрятъ что-либо иное, кромѣ кощунства, прикрытаго фельетоннымъ мистицизмомъ.

Въ виду маневровъ Моск. Вѣд. особенно необходимо настаивать не только на вышеприведенномъ фактѣ, что „ходячая доктрина" о бумажныхъ деньгахъ составляетъ общее достояніе не только науки, но и практической жизни всего нашего столѣтія. Столь-же важно напомнить, что ни въ наукѣ, ни даже въ прак-

тикѣ двухъ доктринъ о бумажныхъ деньгахъ *не существуетъ*. Въ предѣлахъ всего нашего столѣтія, ни въ кругу ученыхъ, ни въ кругу государственныхъ дѣятелей, нельзя найти *ни одного* имени, сколько-нибудь пользующагося уваженіемъ, которое, въ бумажно-денежномъ вопросѣ, не раздѣляло-бы взглядовъ „ходячей доктрины".

Конечно, никому не можетъ приходить на мысль считать научные взгляды на бумажныя деньги чѣмъ-то законченнымъ и незыблемымъ. Но отъ нихъ этого и не требуется. Во первыхъ, если между означенными взглядами нѣкоторые и вызываютъ споры между учеными, то пока Моск. Вѣд. еще не показали даже, извѣстно-ли имъ въ точности, о чемъ собственно *въ наукѣ* идетъ споръ? Оттого-то онѣ и должны представлять дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ и утверждать небылицу: будто спорятъ обо всемъ. Во-вторыхъ, сколько извѣстно, ученый споръ въ кругу образованныхъ людей не только не вызываетъ злораднаго чувства, а напротивъ живо ихъ заинтересовываетъ и привлекаетъ къ себѣ самыя лучшія человѣческія симпатіи. И наконецъ, въ-третьихъ, сколько ни было-бы спорныхъ вопросовъ, къ нимъ во всякомъ случаѣ не принадлежитъ ни одинъ изъ тѣхъ, по которымъ Моск. Вѣд. объявили войну наукѣ.

Тѣмъ не менѣе *эта* война не представляетъ ничего новаго ни въ печати, ни въ практической жизни. Ее всегда встрѣчали на своемъ пути, какъ ученые такъ и государственные люди, занимавшіеся рѣшеніемъ бумажно-денежнаго вопроса. Взгляды науки всегда встрѣчали злобное настроеніе въ тѣхъ кругахъ, которые свои эгоистическіе интересы ставятъ выше интересовъ страны. Къ нимъ принадлежатъ: нѣкоторая, наименѣе благоразумная и солидная, доля изъ партіи протекціонистовъ и вся совокупность „спекулянтовъ", которыхъ многіе ряды весьма мрачны.

Какія-бы ни были цѣли, преслѣдуемыя Моск. Вѣд., простое самоуваженіе должно было-бы внушить имъ хоть столько сдержанности, сколько требуется для спокойныхъ отношеній къ наукѣ. Газетными статьями вѣдь всего менѣе опровергаются ея доктрины. Нападки на науку обличаютъ лишь полемическую неумѣлость, которою объясняется и неразборчивость въ выборѣ союзниковъ. Говоримъ *это*, чтобъ выгородить политическую тенденцію Моск. Вѣдомостей, какъ неповинную, можетъ быть, въ ихъ враждѣ къ наукѣ.

Обратимся теперь къ самой этой тенденціи.

Моск. Вѣд. недовольны тѣмъ, что въ послѣднюю войну существовали люди, которые ее находили рановременною, исходя изъ нашихъ финансовыхъ условій. Противъ нихъ-то Моск. Вѣд. и направляютъ теперь новый аргументъ: смотрите-де, наши финансы были плохи и воевать мы могли только на бумажныя деньги, но изъ этого *не вышло ничего дурнаго;* даже напротивъ, бумажныя деньги намъ *теперь* очень полезны.

Умно-ли разсуждать такъ? Во-первыхъ: только ужъ очень легковѣрные люди согласятся съ тѣмъ, что изъ бумажно-денежныхъ выпусковъ ничего дурнаго не вышло. Судя по выпускамъ всякого рода бумагъ, правительство ради войны себя обременило массою обязательствъ въ 1200 милл. кр. руб. Расходы на эту сумму производились главнымъ образомъ за границею, потому ихъ нужно переоцѣнить на металлическіе рубли. По такой переоцѣнкѣ война обошлась въ 800 милл. мет. рублей [1]). Слѣдовательно, правительство вынуждено было для послѣдней войны обременить себя *излишнею* массою обязательствъ въ 400 милл. рублей и на эту сумму ввести страну въ убытокъ по одному только тому, что воевать приходилось на обезцѣненныя бумажныя деньги.

Это-ли не зло?

Во-вторыхъ: ожидающія насъ послѣдствія новыхъ бумажныхъ денегъ, въ самомъ лучшемъ для Моск. Вѣд. случаѣ, могутъ быть предметомъ спора. Основательно-ли тогда въ спорѣ, въ которомъ наука многократно принимала участіе и изъ котораго она *всегда* выходила стороною торжествующею, объявлять себя на сторонѣ противниковъ науки? Не значитъ-ли это самымъ поверхностнымъ образомъ дискредитировать свои политическія тенденціи?

И, наконецъ, въ-третьихъ: Москов. Вѣд. не замѣтили, что своимъ отношеніемъ къ финансовой сторонѣ дѣла, онѣ наносятъ защищаемой ими политической тенденціи такой ударъ, на какой ихъ противники совсѣмъ не могли-бы рѣшиться уже изъ простаго уваженія къ той-же тенденціи. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ которые полагали, что послѣдняя война была рановременна или несвоевременна, этимъ лишь выражали убѣжденіе, что наши усло-

---

[1]) Сумма эта совпадаетъ съ цифрою стоимости первой восточной войны по преувеличенной оцѣнкѣ заграничныхъ писателей (3183 милл. франковъ или 796 мил. рублей). Срв. *Leroy-Beaulieu*, Les guerres contemporaines, Paris 1869, p. 118. Попытки болѣе точнаго исчисленія привели меня къ заключенію, что эта война *не могла* стоить больше 600—625 мил. рублей.

вія допускали надежду на возможность той-же войны при болѣе благопріятныхъ финансовыхъ средствахъ. По отношенію-же къ этой мысли аргументація Моск. Вѣдомостей сводится къ совершенному отрицанію, чтобъ когда-бы то ни было, даже въ будущемъ, мы доросли-бы до способности вести войну при сколько нибудь сносныхъ финансовыхъ условіяхъ; ибо иного смысла не можетъ имѣть утѣшеніе, предлагаемое Московскими Вѣдомостями: что-де все равно, и обезцѣненныя бумажныя деньги тоже отличное средство.

Между тѣмъ именно въ послѣднюю войну наши финансовыя силы весьма наглядно показали, что онѣ вполнѣ заслуживали лучшаго мнѣнія о нихъ, чѣмъ какой лежитъ въ основѣ умствованій Моск. Вѣдомостей. Наглядное доказательство это—фактъ, что несмотря на бумажно-денежное обращеніе въ 1200 милл. кредитные билеты во время войны не потеряли болѣе одной трети своей цѣны, тогда какъ въ былое время въ половину меньшее обращеніе давало уже бумажный рубль, терявшій три четверти своей цѣны. Это доказываетъ, что въ странѣ выросла сила, которою бумажный рубль и поддерживался. Для объясненія этой силы, нѣтъ надобности прибѣгать къ чудесамъ: 19 февраля 1861 года даетъ достаточное объясненіе. О существованіи означенной силы всякій знаетъ по другому финансовому послѣдствію 19 февраля, которое, какъ и приведенное, можно назвать въ полномъ смыслѣ слова—*величественнымъ*: по увеличенію податной силы въ освобожденной Россіи, сравнительно съ крѣпостною эпохою [1]). При *такихъ* свидѣтель-

[1])

Годы.	Государ. доходы въ милліонахъ.		Металл. копѣекъ въ кредитн. руб.	Госуд. расходы въ милліонахъ.		Годы.	Государ. доходы въ милліонахъ.		Металл. копѣекъ въ кредитн. руб.	Госуд. расходы въ милліонахъ.	
	Кред. р.	Мет. р.		Кред. р.	Мет. р.		Кред. р.	Мет. р.		Кред. р.	Мет. р.
1851	224.9	220.3	97.9	280.6	275.1	1867	419.8	355.4	84.6	424.9	359.6
1852	248.2	245.0	98.8	280.3	276.6	1868	421.6	358.3	84.9	441.3	374.4
1853	261.9	261.5	99.8	313.1	312.4	1869	457.5	362.3	79.1	468.8	371.0
1854	260.5	245.9	94.2	383.8	361.7	1870	480.5	368.6	76.8	485.5	372.5
1855	264.1	245.5	93.0	526.0	469.2	1871	508.2	420.6	82.8	499.7	414.0
1856	353.6	348.3	98.4	619.4	609.1	1872	523.1	443.0	84.7	522.4	442.1
1857	309.4	297.6	96.3	347.9	335.1	1873	537.9	451.9	84.0	539.1	452.8
1858	358.4	333.3	93.1	363.4	338.0	1874	557.7	480.4	86.1	543.8	467.5
1859	344.7	312.2	90.6	350.5	317.7	1875	576.5	489.3	84.8	548.9	460.5
1860	386.9	358.0	92.5	438.2	405.1	1876	559.3	446.5	79.9	564.8	451.4
Итого.	3,012.7	2,867.5	—	3,903.0	3,720.0	Итого.	5,042.1	4,176.4	—	5,033.0	4,165.7

ствахъ о финансовой почвѣ правительства, не только благоразумнѣе, но и патріотичнѣе, даже для Московскихъ Вѣдомостей, признать, что имѣющуюся, еще юную силу должно беречь, что ей нужно дать окрѣпнуть и лишь потомъ ей предъявлять требованія, ей доступныя. Само собою разумѣется, что мы во всемъ этомъ нисколько не касаемся вопроса: въ какой степени послѣдняя война была въ политическомъ отношеніи *неизбѣжна*. Это совсѣмъ другой вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ экономическою выгодностью войны.

При той-же точкѣ зрѣнія, на которой теперь стоятъ Московскія Вѣдомости, оказывается совершенно безразличнымъ, много-ли или мало производительныя силы страны могли сдѣлать для поддержанія бумажнаго рубля. Фактъ, что этотъ рубль былъ поддержанъ, Моск. Вед. относятъ на счетъ совершившагося „чуда". Такимъ образомъ всякій поводъ для земныхъ заботъ о его повтореніи, всякій поводъ говорить о земномъ его основаніи совершенно устраняется. Или, выражаясь ближе къ мысли Московскихъ Вѣдомостей: вмѣсто того, чтобы полагаться на содѣйствіе науки для выясненія нашей финансовой обстановки, гораздо-де лучше положиться на „авось да небось"? Къ этому только, дѣйствительно, и сводятся разсужденія Мос. Вѣд.

Какъ-же однако быть съ рискомъ, съ которымъ неизбѣжно связано „авось"? Нельзя-же совсѣмъ обходить его молчаніемъ.

Во время послѣдней войны производительныя силы страны оказали нашимъ экстраординарнымъ финансамъ громадную услугу, поддержавъ и отстоявъ двѣ трети цѣны бумажнаго рубля. Совершенно неожиданнаго въ этомъ дѣлѣ было мало для того, кто изучалъ ходъ и обстановку нашей экономической жизни съ 1861 года. Услуга, оказанная *экстраординарнымъ* финансамъ въ послѣднюю войну, была лишь *продолженіемъ* той сильной поддержки, которую силы страны оказывали предъ войною, особенно въ 1867—75 годахъ, *ординарнымъ* финансамъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе крѣпостной эпохи государственные расходы составляли 3720 милл. мет. руб., но доходы тогда составляли лишь 2867¹/₂ милл. мет. руб., то-есть давали дефицитъ въ 852¹/₂ милл. мет. руб. (въ этотъ дефицитъ входятъ и расходы на восточную войну). Напротивъ, въ 1867—76 годахъ расходы могли еще увеличиться на 445³/₄ милл. мет. руб. и простираться до 4165³/₄ милл. руб. и тѣмъ не менѣе возрастаніе государственныхъ доходовъ было еще болѣе сильное, простираясь до 4176²/₅ милл. мет. рублей. Или иначе: въ ближайшее десятилѣтіе послѣ 19 февраля 1861, сравнительно съ предыдущимъ десятилѣтіемъ, податные доходы возрасли на 1309 милл. мет. р. или на 45%, *почти на половину*.

Говорю здѣсь не о податяхъ, а все о томъ-же бумажномъ рублѣ. Многіе-ли у насъ задумывались надъ вопросомъ: имѣла-ли крѣпостная реформа какое-нибудь вліяніе на цѣнность кредитныхъ билетовъ? Его отчасти коснулся проф. Вагнеръ въ своей книгѣ о русскихъ бумажныхъ деньгахъ. Но этотъ ученый имѣлъ для своихъ сужденій одни лишь факты тяжелаго переходнаго періода 1862—66 годовъ, и его заключеніе вышло грустнымъ. Совершенно иная пора настала съ 1867 года. Факты этой поры показываютъ, что если до 1867 года накопилось достаточно условій для гибельнаго вліянія на цѣнность бумажнаго рубля, то поворотъ, тогда совершившійся въ экономическомъ развитіи страны, *почти совсѣмъ парализовалъ* означенныя гибельныя вліянія. При всѣхъ натяжкахъ нѣтъ возможности считать обезцѣненіе бумажнаго рубля въ десятилѣтіе, предшествовавшее послѣдней войнѣ, превышающимъ 15%. *Восемьдесятъ пять* процентовъ, или около *пяти шестыхъ* цѣны бумажнаго рубля были сохранены, какъ ни трудна была такая задача уже только потому, что кредитныхъ билетовъ обращалось на 700—800 милл. рублей,—какъ ни гибельны для народной предпріимчивости оказывались болотные огни этихъ милліоновъ. Много-ли случаевъ въ экономической исторіи народовъ, въ которыхъ борьба производительныхъ стараній страны съ злыми вліяніями бумажныхъ денегъ давали-бы такіе блестящіе результаты? Сознаемся: при самыхъ внимательныхъ розыскахъ, мы совсѣмъ не могли найти такихъ случаевъ, которые сколько-нибудь приближались-бы къ нашему опыту, уже вслѣдствіе того, что *мирной* эпохи съ циркуляціею неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ 700—800 милл. рублей (даже лишь номинально) нельзя найти ни въ какой исторіи, кромѣ русской. Такой задачи, какъ поддержаніе цѣнности неразмѣннаго бумажнаго обращенія въ 700—800 милл. рублей никогда еще не было поставлено ни въ какой странѣ, кромѣ нашей [1]).

И такихъ-то услугъ мы даже и сознавать не пожелали-бы?

---

[1]) Главнымъ образомъ на основаніи нашего опыта 1867 и слѣд. былъ написанъ весь (61) § *о борьбѣ между природою бумажныхъ денегъ и народно-хозяйственною производительностью изъ за цѣны бумажныхъ денегъ* въ моемъ сочиненіи: «Кредитъ, банки и денежное обращеніе». Спб. 1873, стр. 615—674. Само собою разумѣется, однако, что «своеобразія» нашей жизни не давали мнѣ никакого повода уклониться, въ чемъ-бы то ни было существенномъ, отъ началъ «ходячей доктрины».

Такія услуги мы стали-бы подвергать всѣмъ случайностямъ слѣпого риска?

Еслибъ даже мы этого и пожелали, — то теперь исчезла или сильно уменьшилась уже одна простая *физическая возможность* для подобного безумія. „Счастливыя случайности“ уже сильно исчерпаны. Если то, что произошло до послѣдней войны и во время ея, произошло „неожиданно“, то все то, чего теперь можно ожидать, если мы опять сложа руки будемъ относиться къ бумажнымъ деньгамъ, имѣетъ всѣ шансы на дурной исходъ.

Лотерей безъ проигрышей не существуетъ. Поэтому всякое испытываніе судьбы, даже у игроковъ, если они благоразумны, имѣетъ свои предѣлы. Поэтому-же, даже еслибъ послѣдняя война не вызвала-бы увеличенія бумажно-денежного обращенія, то пора было-бы облегчить страну отъ бремени вѣчного страха за цѣнность (то-есть жизнь) ея единственнаго орудія обращенія. Но эта задача въ настоящее время стала еще тяжелѣе прежняго: новые выпуски для нужды послѣдней войны требуютъ отъ страны не только прежнихъ жертвъ. но еще на половину болѣе. Намъ приходится быть въ положеніи игрока, который послѣ ряда громадныхъ выигрышей не только не пріостанавливаетъ игры, но ожидаетъ отъ нея новыхъ выигрышей, въ то время когда ему угрожаетъ потеря даже прежнихъ выигрышей.

Останемся, однако, на почвѣ политической тенденціи Моск. Вѣдомостей. Опасное положеніе, въ которое насъ поставили новѣйшіе выпуски, въ настоящее время важно не только своею экономическою, но еще болѣе своею политическою стороною.

Въ послѣднюю войну мы изъ за бумажныхъ денегъ израсходовали безплодно только 400 милл. рублей. Говорю: только, ибо насъ выручило счастливое обстоятельство, что предъ войною лажъ долгое время составлялъ лишь 15%. Поэтому его возвышеніе до 50 и 60%, будучи очень сильнымъ, было достаточное, чтобъ отразить все вліяніе войны. Въ какомъ-же положеніи мы находимся теперь? Развѣ мы застрахованы теперь отъ всякаго такого случая, въ которомъ финансовая почва должна быть принята во вниманіе для активной внѣшней политики? Вѣдь такой случай въ какомъ-бы ни было „далекомъ будущемъ“ все-таки еще можетъ возникнуть? А на такой „случай“ весьма не лишне сообразить напередъ, что начать военные расходы послѣ періода съ лажемъ въ 15% и послѣ періода съ лажемъ въ 60%—далеко не одно и тоже. Чѣмъ

выше лажъ, тѣмъ онъ легче еще далѣе возвышается. Недавно мы видѣли, до какой степени онъ въ Россіи сдѣлался чувствительнымъ: онъ сталъ указателемъ извѣстій о чумѣ. Еслибъ оказалась надобность въ новомъ такомъ-же выпускѣ, какой сдѣланъ въ 1877—78 годахъ, то кредитные билеты ожидаетъ участь ассигнацій: ихъ выпуски должны вести къ обремененію казначейства массою обязательствъ, которыя, съ одной стороны, будутъ представлять однѣ только чистыя потери для страны, а съ другой — неминуемо должны вести къ *безусловной невозможности ихъ исполненія.*

Именно съ политической точки зрѣнія всего необходимѣе помнить, что послѣдняя война испортила и опустошила, сдѣлала безплоднымъ—даже тотъ нашъ рессурсъ, который заключался въ бумажно-денежныхъ выпускахъ. И это она сдѣлала еще прежде, чѣмъ означенный рессурсъ былъ сколько-нибудь раціонально приготовленъ для служенія нуждамъ государственной необходимости.

Въ этомъ смыслѣ наше положеніе предъ первою восточною войною было благопріятнѣе, чѣмъ предъ послѣднею войною. И тогда, какъ теперь (хотя и по различнымъ причинамъ) для экстраординарныхъ нуждъ расчетъ могъ быть только на услуги бумажныхъ денегъ. Но въ первую восточную войну насъ *спасла* (въ буквальномъ смыслѣ слова) канкриновская реформа ассигнацій; ибо, не трудно себѣ представить, какое тогда было-бы наше положеніе, еслибъ реформа, которая ждала своей очереди съ 1816 года по 1839 г., то есть 23 года, имѣла-бы терпѣніе (таковаго у насъ въ ту пору было вообще болѣе, нежели достаточно) ждать еще 15 лѣтъ, до 1854 года. Крымская война насъ въ такомъ случаѣ застала-бы съ бумажнымъ обращеніемъ въ 590 милл. и съ бумажнымъ рублемъ въ 25 металл. копѣекъ. Могло-ли бы въ такомъ случаѣ правительство выпускомъ въ 400 милл. добыть на 400-же милліоновъ *металлическихъ* рублей? Очевидно нѣтъ. Крѣпостная Россія и 590 милл. выносила, обезцѣнивая ихъ на 75%. Для своихъ нуждъ, поэтому, правительство вынуждено было-бы выпустить на 1000 или болѣе милльоновъ новыхъ ассигнацій; а о цѣнѣ этихъ ассигнацій трудно теперь составить даже и приблизительное представленіе, до чего она должна была-бы дойти. И вслѣдствіе того первую восточную войну намъ пришлось-бы кончить съ такимъ колоссальнымъ финансовымъ банкротствомъ, предъ которымъ обычныя воздыханія, припоминаемыя о томъ времени, наивны.

Отъ этого банкротства насъ спасло одно лишь то, что предъ

первою восточною войною кредитный рубль былъ равенъ металлическому рублю. Благодаря этому правительство могло выпускомъ въ 400 милл. добыть реальныхъ капиталовъ на такую-же сумму и никакихъ безплодныхъ обязательствъ и потерь, съ какими связана была послѣдняя война, въ ту эпоху не было.

Теперь-же мы находимся какъ разъ въ томъ положеніи, въ какомъ предъ первою восточною войною *находились-бы, еслибъ* канкриновская реформа ей не предшествовала. Новой войны приходится опасаться единственно лишь отъ того, что неизбѣжно связанные съ нею новые выпуски бумажныхъ денегъ обременятъ казначейство такою массою обязательствъ, которой выполненіе внѣ всякой человѣческой возможности.

Московскія Вѣдомости облегчаютъ себѣ сужденіе объ этомъ предметѣ, возобновляя карамзинскія сомнѣнія въ томъ, представляютъ-ли бумажныя деньги государственный долгъ? Съ точки зрѣнія историческаго и дѣйствующаго законодательства, однако, такого *вопроса* въ нашемъ финансовомъ правѣ *совсѣмъ нѣтъ*. Въ Полное Собраніе Законовъ вошли манифесты, признавшіе бумажныя деньги государственнымъ долгомъ и сохранившіе всю свою силу. Кредитные-же билеты дѣйствующимъ нашимъ законодательствомъ расматриваются еще строже, нежели до нихъ смотрѣли на ассигнаціи. На каждаго предъявителя кредитныхъ билетовъ законъ смотритъ, какъ на довѣрившаго государственному казначейству *вкладъ золотою или серебрянною монетою,* вкладъ *для храненія,* подлежащей возврату немедленно по востребованію. Такимъ образомъ кредитные билеты поставлены на одну доску съ *сохранною роспискою*. Очевидно, что послѣ этого разсуждать о томъ, лежатъ-ли на казначействѣ обязательства по кредитнымъ билетамъ, все равно, что воду толочь.

Допустимъ однако на минуту, что въ этомъ пунктѣ наше законодательство могло-бы быть и менѣе категорическимъ. Въ такомъ случаѣ нежеланіе Моск. Вѣд. признать бумажныя деньги государственнымъ долгомъ приходилось-бы понимать въ смыслѣ косвеннаго сознанія, что ихъ политическія тенденціи для нихъ самихъ немыслимы безъ государственнаго банкротства.

Пора-же, наконецъ, особенно воинствующимъ органамъ нашей печати, серьезно и внимательно остановиться на выраженіи, которое въ послѣдніе два года часто употреблялось, но въ которомъ яснаго отчета никто себѣ не отдаетъ. Въ это время много и часто говорили, что „война насъ застала неприготовленными

къ ней *и въ финансовомъ отношеніи*". Но — что значить быть въ финансовомъ отношеніи готовымъ къ войнѣ?

Нужно сильно сожалѣть, что этого вопроса наша печать никогда не разбирала. Разсмотрѣніе его дало-бы весьма любопытный результатъ. Оно показало-бы, что даже при полной готовности стать на точку зрѣнія воинствующихъ, при всемъ желаніи найти оправданіе для каждаго ихъ тезиса, даже когда удается найти возраженіе на каждое соображеніе, представляемое противъ нихъ, — словомъ даже когда защита ихъ ведется не такъ легкомысленно и поверхностно, какъ это дѣлаютъ Моск. Вѣдомости, а съ полною возможностью привлечь на помощь весь аппаратъ жизненнаго опыта и литературныхъ указаній, — все таки выводъ получается такой, относительно котораго совершенно невозможно сказать, серьезенъ-ли онъ, или онъ представляетъ самую злую иронію?

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ „быть въ финансовомъ отношеніи готовыми къ войнѣ"? Можно-ли быть „готовымъ" къ чахоткѣ, къ болѣзни рака, къ перелому ноги или руки? Всякими гигіеническими и санитарными мѣрами можно воспрепятствовать болѣзни проникнуть въ извѣстную среду. Такъ точно можно мирною политикою воспрепятствовать войнѣ возгорѣться. Но если кто чахоткою уже заболѣлъ, если война возгорѣлась, — то медику и дипломату остается одинаковая задача: постараться, чтобъ зло возможно меньше длилось, чтобъ оно скорѣе кончилось, надѣлавъ меньше вреда. Несомнѣнно, что тогда оказываются весьма существенными факты, въ которыхъ выражается, заболѣлъ-ли субъектъ крѣпкій или слабый, воюетъ-ли страна съ хорошими или плохими экстроардинарными финансами: успѣхи медика и дипломата главнымъ образомъ зависятъ отъ этихъ фактовъ. Только въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, слѣдовательно, имѣетъ смыслъ и вопросъ о финансовой приготовленности къ войнѣ.

Въ чемъ-же заключаются хорошіе и плохіе экстраординарные финансы? Для сужденія объ этомъ существуетъ лишь одинъ признакъ: возможность во время войны избѣгнуть бумажно-денежныхъ выпусковъ или необходимость къ нимъ прибѣгнуть. Если правительство чрезвычайными налогами или нормальными займами, долгосрочными или краткосрочными, въ состояніи добыть всѣ средства, потребныя для военныхъ расходовъ, то его экстраординарные финансы хороши. Если-же чрезвычайные налоги и нор-

мальные займы оказываются невозможными и приходится обращаться къ выпуску неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, то экстраординарные финансы—плохи.

Бросимъ же бѣглый взглядъ на современное состояніе экстраординарныхъ финансовъ въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.

Что касается чрезвычайныхъ налоговъ, то извѣстно, что до сихъ поръ, какъ ресcурсы для войны, они оказывались возможными въ одной лишь Англіи. Страна эта и въ XVIII ст. уже въ состояніи была нѣкоторую часть военныхъ расходовъ покрывать средствами отъ налоговъ; даже въ продолжительную войну 1793—1815 гг., стоившую Англіи по оффиціяльному исчисленію $831^1/_2$ милл. ф. ст. ($5^1/_5$ милльярда метал. рубл.), налогами покрыта была часть этихъ расходовъ въ 391 милл. ф. ст. (2460 милл. мет. р.). Изъ расходовъ восточной войны, составлявшихъ для Англіи $69^1/_3$ милл. ф. ст. (435 милл. мет. руб.) налогами покрыта часть въ $29^1/_2$ милл. ф. ст. ($185^1/_2$ милл. руб.). Въ настоящее время способность страны вынести чрезвычайные налоги еще болѣе возросла противъ прежняго времени, благодаря многочисленнымъ податнымъ преобразованіямъ. Со времени восточной войны упразднено всякаго рода налоговъ: таможенныхъ пошлинъ, дававшихъ $16^3/_4$ милл. ф. ст. ($105^2/_3$ милл. мет. р.), акцизныхъ сборовъ на 2 милл. ф. ст. ($12^1/_2$ милл. руб.), подоходнаго налога на $7^1/_2$ милл. ф. ($47^1/_4$ милл.), иныхъ прямыхъ налоговъ на $1^3/_4$ милл. ф. ($10^2/_3$ милл. р.). Понятно, что эти *отмѣны* для военныхъ финансовъ имѣютъ не отрицательное, а *положительное* значеніе: онѣ *создаютъ* для чрезвычайныхъ надобностей *податные запасы*. Такъ, таможенныя пошлины на сахаръ давали въ 1863 году 6.428,000 ф. ($40^1/_2$ милл. р.); упраздненіемъ ихъ созданъ податной запасъ, которымъ правительство легко и скоро можетъ воспользоваться, какъ только въ томъ представится надобность. Или: въ 1857, 1863 и 1865 годахъ упразднено сборовъ чая всего на 4.911,000 ф. (31 милл. р.). Это другой весьма удобный и обильный запасъ. Еще болѣе важное значеніе въ указываемомъ отношеніи въ Англіи имѣетъ подоходный налогъ. Въ 1856 году онъ для войны далъ 16.915,000 ф. (106 милл. руб.) при окладѣ въ 16 пенсовъ съ фунта стерл. ($6^2/_3$ коп. съ рубля) и при суммѣ объявленныхъ доходовъ въ 313 милл. ф. ст. (1968 милл. руб.). Въ 1876 году окладъ составлялъ 3 пенса

(1 $1/4$ коп. съ рубля) при суммѣ объявленныхъ доходовъ въ 579 $1/2$ милл. ф. ст. (около 3800 милл. р.) и налогъ давалъ лишь 4.109,000 ф. (25.852,000 руб.). Слѣдовательно, возстановленіе оклада 1856 года нынѣ доставило-бы свыше 31 милл. ф. (195 милл. мет. р.). Что-же касается втораго экстраординарнаго рессурса, займовъ, то извѣстно, что въ отношеніи ихъ Англія обставлена наиболѣе благопріятно. Всего важнѣе въ этомъ отношеніи преимущество, котораго успѣла добиться только она одна: ея территорія вотъ уже скоро двѣсти лѣтъ какъ уподобилась „священной территоріи“, на которой *войны не бываетъ*. Это — самый цѣнный изъ экстраординарныхъ финансовыхъ рессурсовъ. Только благодаря ему, блага денежнаго рынка Англіи никогда не изсякаютъ для ея правительства. А между тѣмъ эти блага сами достигли колоссальныхъ размѣровъ. По исчисленіямъ двухъ извѣстнѣйшихъ современныхъ статистиковъ Англіи, гг. Ньюмарча и Джифена, съ 1864 года въ Англіи образовывалось новыхъ капиталовъ ежегодно на 240 милл. ф. ст. (1 $1/2$ милльярда р.). „Налоги“, говоритъ г. Джифенъ, „въ громадныхъ размѣрахъ (to an immense amount) могли бы быть теперь увеличены, и все-таки доля, взятая правительствомъ отъ доходовъ съ капитала, оставила-бы нетронутымъ богатство, которое страна накопила до 1865 года.... Въ 1815 году война была окончена при государственномъ долгѣ въ 900 милл. ф. (5 $2/3$ милльярда руб.) и при суммѣ капиталовъ страны въ 2200 милл. ф. (13 $4/5$ милльярд. руб.); проценты по долгу равнялись *одной трети* доходовъ страны отъ всѣхъ ея капиталовъ. Нынѣже масса капиталовъ нашихъ возросла до 8 $1/2$ милльярдовъ фунтовъ (53 $1/2$ милльярда руб.) при государственномъ долгѣ въ 778 милл. ф. (около 5 милльярдовъ руб.) [1]); проценты по долгу равняются едва *одной двадцать-второй* долѣ доходовъ страны отъ ея капиталовъ. Чтобъ теперь государственный долгъ находился въ такой-же пропорціи къ капиталамъ страны, какъ въ 1816 году, ему нужно было-бы составлять не 778 милл. ф., а 3000 милл. фунтовъ (18 $4/5$ милльярд. руб.), проценты-же по нему должны были-бы составлять не 21 милл., а 100 милл. фунт. стерлинг. (629 милл. рублей)“.

Какъ-бы ни были велики военные инстинкты Европы, они

---

[1]) Отъ 31-го марта 1858 г. къ 31-му марта 1878 г. государственный долгъ Англіи уменьшился на 51 $4/5$ милл. ф. ст. (326 милл. руб.).

едва-ли могутъ возжечь столько войнъ, сколько необходимо для того, чтобъ проценты по государственному долгу Англіи могли возрасти на 80 милл. ф. (503 милл. р.) [1]. —

Я нѣсколько подробнѣе остановился на цифрахъ, относящихся къ Англіи и особенно къ ея чрезвычайнымъ податнымъ средствамъ, потому что, во-первыхъ, приведенныя данныя даютъ наглядное представленіе о томъ, когда экстраординарные рессурсы можно назвать хорошими. Во-вторыхъ, Англія — *единственная* европейская страна, для которой чрезвычайные временные налоги составляютъ экстраординарный рессурсъ. Остальныя-же европейскія государства этого рессурса лишены. Единственный рессурсъ, которымъ они могутъ покрывать военные расходы, заключается только въ государственныхъ долгахъ. Въ отношеніе налоговъ преимущества болѣе богатыхъ странъ состоятъ лишь въ томъ, что онѣ могутъ болѣе или менѣе скоро установить всѣ тѣ налоги, которыми уплачиваются проценты по долгамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Конечно, эти налоги уже не временные, а должны существовать, пока не уплачены долги, ихъ вызвавшіе.

Континентально-европейскія государства въ дѣлѣ экстраординарныхъ рессурсовъ, располагаются въ томъ порядкѣ, въ которомъ различныя условія болѣе или менѣе имъ благопріятствуютъ, когда они становятся въ зависимости отъ денежнаго рынка. На первомъ планѣ и выше остальныхъ стоитъ Франція. Благодаря собственному, богатому денежному рынку, она въ состояніи была въ первую восточную войну представить чуть-ли не первый примѣръ финансовой самостоятельности современнаго континентально-европейскаго государства. Весь расходъ на эту войну (415 милл. мет. р.) былъ покрытъ займами, сопровождавшимися блестящими подписками и дѣйствительно свидѣтельствовавшими о большой финансовой силѣ страны. Ренты было созданы на 71.711,000 франк. (17.978,000 руб.) на нарицательный капиталъ въ 2.201.446,800 франк. (550 милл. руб.), съ реализованною суммою въ 1.538.942,900 фр. (384¾ милл. р.). То-есть: трехпроцентная бумага была реализована по 69,87 (въ Англіи въ тоже время

---

[1]) Данныя объ Англіи взяты изъ большаго парламентскаго отчета 1869 года о государственныхъ доходахъ и расходахъ Англіи съ 1688 до 1868 гг. и изъ Stat. abstract⁴. Статьи гг. Джиффена и Ньюмарча напечатаны въ Журналѣ Лондонскаго Статист. Общества за 1878 годъ. Перечисленія англійскихъ денегъ сдѣланы на русскіе металлическіе рубли, принимая ф. ст. въ 6 р. 28⅔ коп.

на 26% выгоднѣе). Дѣйствительный процентъ, въ который займы обошлись, составлялъ тогда во Франціи $4^2/_3$% (въ Англіи лишь 3.43%). Напротивъ, новыхъ налоговъ по поводу войны было установлено: косвенныхъ на 75 милл. фр., на цѣнныя бумаги 14 милл. и на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ $12^1/_2$ милл., всего—на $101^1/_2$ милл. фр. или $25^1/_3$ милл. мет. рублей (на $58^4/_5$ милл. мет. р. или $3^1/_3$ раза менѣе, чѣмъ въ тоже время новыхъ налоговъ было установлено для войны въ Англіи [1]). Въ началѣ войны 1870 года значительный успѣхъ большаго займа, заключеннаго въ августѣ, показалъ, что и для новой войны Франція продолжаетъ располагать обильнымъ источникомъ. Но скоро обнаружилось, что благопріятное положеніе экстраординарныхъ рессурсовъ Франціи *очень условно*. Именно, оно зависитъ отъ того, *гдѣ* происходитъ война: внѣ-ли страны или въ ней самой. Какъ только Пруссаки перенесли театръ войны на французскую территорію и одержали свои первыя побѣды, весь видъ экстраординарныхъ финансовъ Франціи перетерпѣлъ самую коренную перемѣну: оказалось что не только рессурсъ внутреннихъ займовъ испарился и долженъ былъ уступить мѣсто заграничному (моргановскому) займу, заключенному на тяжелыхъ условіяхъ, но случилось гораздо худшее: пришлось прибѣгнуть къ выпуску неразмѣнныхъ кредитныхъ знаковъ.

Переходя къ Германіи, то-есть — главнымъ образомъ къ Пруссіи, мы въ ней не найдемъ обилія экстраординарныхъ финансовыхъ рессурсовъ. Налоги здѣсь даже въ ординарномъ бюджетѣ еще не играютъ той господствующей роли, которую они получили въ Англіи и Франціи: это происходитъ главнымъ образомъ благодаря хорошо сохраненнымъ сельско-хозяйственнымъ, лѣснымъ и горно-заводскимъ государственнымъ имуществамъ и казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, образцово эксплуатируемымъ. Если даже во время мира налоги представляютъ еще недостаточно развитой финансовый рессурсъ, то о нихъ совсѣмъ не можетъ быть рѣчи, какъ объ экстраординарномъ, военно-финансовомъ источникѣ. Въ отношеніи-же кредита, имѣется опытъ, что Прусское правительство въ эпохи войнъ всегда должно было мириться съ болѣе или менѣе сильною неудачею займовъ, къ которымъ

---

[1]) *P. Leroy-Beaulieu*, Les guerres contemporaines pp. 112—114; *Block*. Stat. de la France, ed. 1875, I, 403—404; Annuaire d'ec. pol. 1871—72 pp. 770—771; сравненія съ Англіею мною сдѣланы на основаніи вышеуказанныхъ англійскихъ оффиціальныхъ источниковъ.

ою прибѣгало. Уже въ началѣ войны 1870 года особенно бросалось въ глаза менѣе благопріятное положеніе Германіи въ отношеніи кредита, сравнительно съ Франціею. Почти одновременно въ Парижѣ и Берлинѣ были объявлены займы: въ первомъ 3%-ный, рентою, на 200 милл. мет. руб., во второмъ краткосрочный, всего на три года, 5%-ный и лишь на 92⅔ милл. мет. руб. Тѣмъ не менѣе французскій заемъ былъ въ два дня покрытъ съ блестящимъ успѣхомъ и съ дѣйствительнымъ процентомъ по займу въ 4,95; напротивъ, прусскій заемъ потерпѣлъ фіаско, былъ покрытъ лишь частью въ 63 милл. руб., да и то лишь по 88, то-есть съ дѣйствительнымъ процентомъ въ 5,62. Еслибъ Пруссія не имѣла запаснаго капитала казначейства (Staats-Schatz), то она уже для покрытія расходовъ мобилизаціи должна была-бы прибѣгнуть къ бумажно-денежнымъ выпускамъ [1]). Послѣдующіе займы тоже не свидѣтельствовали о большихъ военно-финансовыхъ силахъ. Прусское правительство главнымъ образомъ должно было разсчитывать на заграничный (англійскій) денежный рынокъ и примиряться съ условіями, которыя далеко не соотвѣтствовали успѣхамъ германскаго оружія. Неудивительно въ такомъ случаѣ, что въ вѣроятной необходимости бумажныхъ денегъ въ Пруссіи не сомнѣвались уже при самомъ началѣ войны. *Одновременно* съ вышеупомянутымъ займомъ, въ тотъ-же день 21-го іюля 1870 года были установлены бумажныя деньги, въ видѣ „ссудныхъ свидѣтельствъ", которыхъ очень скоро и было выпущено на 90 милл. марокъ. Это, конечно, немного; но только благодаря тому, что Вэртъ недолго заставилъ себя ждать. Съ перенесеніемъ театра войны на французскую территорію, богатства послѣдней стали обильнымъ финансовымъ рессурсомъ, изъ котораго Германія могла черпать то, что иначе пришлось-бы черпать изъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. По исчисленію-же кантональныхъ коммиссій нѣмцы получили на французской территоріи отъ налоговъ, реквизицій, частныхъ-мѣстныхъ контрибуцій (безъ парижской) и отъ иныхъ насильствъ 680.741,000 фр. или 170.185,000 руб. [2]). Если принять въ соображеніе экономность нѣмцевъ и ихъ умѣніе

---

[1]) Это признаетъ даже А. Вагнеръ (Reichsfinanzwesen въ Holtzendorff's Jahrbuch III,67—70). «Ohne den Staatsschatz wären wir in die grösste Verlegenheit gekommen, die vielleicht nur durch Papiergeldausgabe hätte beseitigt werden können».

[2]) Оффиціяльный документъ объ этомъ перепечатанъ въ Ann. d'ec. pol. 1871—72, pp. 171—179.

обходиться меньшими суммами въ случаяхъ, когда даже французы и англичане швыряютъ очень большими суммами (доказательствъ очень много представила именно война 1870—1871 года)—или другими словами: если сообразить, что даже при необходимости сильнѣе пользоваться бумажно-денежнымъ рессурсомъ, Германія врядъ-ли было-бы нужно по самымъ условіямъ войны прибѣгнуть къ суммѣ большей нежели 200 милл. рублей (вся совокупность военныхъ расходовъ Германіи въ 1870—71 гг. составляла лишь 517 милл. талер.), то положительно можно утвердить, что лишь случайность спасла Германію въ 1870—71 гг. отъ выпуска, *относительно* (для Германіи) весьма опаснаго, неуклоняющагося, напр., отъ обычныхъ размѣровъ австрійскихъ бумажно-денежныхъ выпусковъ.

Вышесказанное о Германіи внушило-бы, однако, читателю одностороннее представленіе о дѣлѣ безъ слѣдующей оговорки. Экстраординарные финансы Пруссіи и Германіи несомнѣнно хуже французскихъ; но они все-таки, какъ во Франціи, условно хороши. Условіе, отъ котораго зависитъ ихъ хорошее состояніе, прежде всего, тоже самое, отъ котораго оно зависитъ во Франціи: чтобы театръ войны былъ перенесенъ на непріятельскую землю. Другое условіе—специфическое прусское: нужно, чтобъ непріятельская земля не была нищая, чтобъ ею можно было попользоваться. Наконецъ третье условіе — тоже специфическое прусское, но уже очень похвальное: порядокъ и благоустройство, благодаря которымъ финансовыя потребности нѣмцевъ (ординарныя и экстраординарныя) сравнительно невелики. Всѣ остальныя континентально-европейскія государства никогда не щадили своихъ финансовыхъ силъ. Международная политика для нихъ была игрою, въ которой считали возможнымъ часто дѣлать очень большія ставки, часто рисковать, не придавая большаго значенія проигрышу финансовому. Напротивъ Пруссія играла лишь очень рѣдко, рисковала еще менѣе и своими финансовыми силами какъ-нельзя болѣе дорожила. Поэтому ея финансовая исторія не представляетъ тѣхъ массъ безплодно выброшенныхъ денегъ, которыми изобилуютъ страницы финансовой исторіи другихъ государствъ. Ея расходы на вооруженныя силы были подготовленіемъ и собираніемъ ихъ на великое дѣло, которое правительство считало своимъ призваніемъ и которое систематически преслѣдовалось въ теченіи 200 лѣтъ. Поэтому о Пруссіи можно сказать, что въ 1862, 1866 и 1870 годахъ она расходовала не только чрезвычайные воен-

ные кредиты бюджетовъ однихъ только этихъ годовъ, а *всѣ* кредиты *всѣхъ* бюджетовъ своихъ отъ 1815 года. Такъ какъ она до-нельзя экономнѣе и производительнѣе дѣлаетъ свои ординарные расходы на вооруженныя силы, то она и не нуждается въ колоссальныхъ экстраординарныхъ средствахъ при наступленіи войны. Только поэтому Пруссія такъ выгодно можетъ пользоваться своими побѣдами и въ финансовомъ отношеніи.

Объ остальныхъ континентально-европейскихъ государствахъ нѣтъ повода много распространяться. Россія и Австрія въ воинственную вторую половину нашего вѣка не оказывались способными воевать, не прибѣгая всякій разъ къ бумажно-денежнымъ выпускамъ. Причина этого явленія формулируется кратко и ясно: у нихъ нѣтъ богатства Франціи и финансоваго благоустройства Пруссіи.

Отъ указаній фактическихъ обратимся теперь къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ.

Наши экстраординарные финансы — слабы. Мы не въ состояніи воевать безъ содѣйствія бумажно-денежныхъ выпусковъ [1]). Но чѣмъ затруднительнѣе положеніе, изъ котораго приходится искать выхода, тѣмъ важнѣе смотрѣть ему прямо въ глаза, тѣмъ опаснѣе всякого рода успокоительныя утѣшенія, ведущія лишь къ безплодной растратѣ послѣднихъ силъ и средствъ, еще остающихся въ распоряженіи. Въ дѣлѣ бумажноденежныхъ выпусковъже всего опаснѣе, когда къ легкомыслію присоединяется еще лицемѣріе, какъ это случилось съ Моск. Вѣдомостями. Когда Моск. Вѣдомости, желая насъ утѣшить и чѣмъ-нибудь уравновѣсить зло бумажно-денежныхъ выпусковъ, увѣряютъ, будто эти выпуски - ничто иное, какъ особый видъ налога *на капиталъ*, то онѣ только самымъ грубымъ образомъ лицемѣрятъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ цѣнъ самыя неподвижныя — тѣ, которыя касаются разнообразныхъ видовъ труда, а напротивъ болѣе подвижны — цѣны различныхъ видовъ капитала (орудій, машинъ, сырья, издѣлій, звонкой монеты). Поэтому обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, насколько оно имѣетъ наружное сходство съ налогомъ, является прежде всего налогомъ на трудъ, а не на капиталъ, ибо цѣны на трудъ менѣе всякихъ другихъ цѣнъ способны быстро возвы-

---

[1]) Едва ли можно считать безспорнымъ, что выпуски бумажныхъ денегъ на послѣднюю войну были неизбѣжны и не могли быть замѣнены процентными займами. Реформа-же податной системы (новыя прямыя подати) должны освободить насъ на всегда отъ этого *опаснѣйшаго* экстраординарнаго ресурса. *Ред.*

шаться пропорціонально обезцѣненію бумажныхъ денегъ, а цѣны на разные товары, потребляемые рабочими гораздо болѣе склонны къ такому возвышенію. А такъ какъ въ нашей финансовой системѣ налоги на трудъ достигли уже самаго крайняго предѣла, то намъ всегда менѣе прилично примиряться съ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, ссылаясь на его вліянія, аналогическія податнымъ вліяніямъ.

Оставимъ однако въ сторонѣ Московскія Вѣдомости и попытаемся въ ихъ-же интересахъ болѣе основательно смотрѣть на дѣло. Предъ нами вопросъ: если наши экстраординарные финансы слабы, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что для насъ забота— приготовиться къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи — совершенно невозможна?

Да, *совершенно невозможна*, если необходимость прибѣгать къ бумажнымъ деньгамъ неизбѣжно связана съ другою необходимостью — допустить ихъ обезцѣненіе. И наоборотъ: означенная забота и для насъ *вполнѣ возможна*, если, допустивъ бумажныя деньги, мы въ состояніи успѣшно противодѣйствовать ихъ обезцѣненію.

Бумажно-денежные выпуски, конечно, очень большое зло; но для современныхъ государствъ уклоняться отъ войны бываетъ иногда еще болѣе великимъ зломъ. Конечно, въ такомъ случаѣ недостаточно утѣшенія, что *волею-неволею* приходится мириться съ меньшимъ зломъ. Напротивъ, необходима увѣренность, что съ нимъ мирятся, *немедленно-же вступая съ нимъ въ борьбу и принимая противъ него всѣ необходимыя мѣры, всѣ противуядія*.

Еслибъ наши приверженцы воинственности вели такую рѣчь, то она свидѣтельствовала-бы о большой осторожности, и ей нетрудно было-бы найти себѣ и серьезную литературную опору. Напримѣръ, можно было бы привести слѣдующія слова г. Поля Леруа-Больэ: „необходимо смягчить языкъ (которымъ до недавняго было принято говорить о бумажно-денежныхъ выпускахъ), необходимо допустить, что при практическихъ способностяхъ, осторожности и благопріятныхъ условіяхъ ими можно пользоваться, если не безъ опасностей, то безъ серьезнаго вреда“ [1]).

---

[1]) *Leroy-Beaulieu*, Traité des finances, II, 502. Въ научной литературѣ вопросъ объ экстраординарныхъ финансахъ и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи далеко не всестороние разработанъ. Къ числу писателей, внимательно на немъ остановившихся, принадлежатъ гг. *Ад. Вагнеръ* и *П. Леруа-Больэ*. Однако оба они, не останавливаясь на указанныхъ мною въ текстѣ различіяхъ между отдѣльными государствами, высказываются слишкомъ безусловно

При такомъ взглядѣ, однако, само собою очевидно, что вопросъ, готова-ли страна, находящаяся въ положеніи Россіи и Австріи, къ войнѣ, въ финансовомъ отношеніи, является прежде всего въ слѣдующемъ видѣ: допускаетъ-ли финансовое положеніе страны *передъ* войною *безопасное* пользованіе бумажно-денежными выпусками? Въ этомъ вся суть.

Очевидно, что рѣшеніе только-что поставленнаго вопроса главнымъ образомъ зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи въ странѣ находится передъ войною *денежное обращеніе?* Если оно разстроенное, то есть: состоящее изъ бумажныхъ денегъ, уже обезцѣненныхъ, то значитъ, страна къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи *неготова*, даже въ самомъ крайнемъ смыслѣ, въ какомъ еще возможно говорить объ этомъ предметѣ.

Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, Австрія во время первой восточной войны *должна* была остаться въ тогдашнемъ, только „угрожающемъ“ положеніи. Такъ какъ ея денежное обращеніе было разстроено, то по чисто финансовой причинѣ ея руки были связаны [1]). Напротивъ, только благодаря стараніямъ Брука въ 1857 и 1858 годахъ, а потомъ Пленера въ 1862 и слѣдующихъ годахъ, она имѣла, хоть какія-ни-есть, рессурсы для 1859 и 1866 годовъ. Въ настоящее-же время Австрія опять лишена главнаго рессурса для крупнаго военнаго расхода, потому что она еще не разсчиталась съ послѣдствіями 1866 года. Она поэтому должна удовлетворяться второстепенною ролью исполнительницы маклерскихъ порученій.

Въ указанномъ-же смыслѣ мы къ первой восточной войнѣ были въ финансовомъ отношеніи *готовы*. Эту услугу намъ оказала Канкриновская реформа 1839—1843 годовъ. Напротивъ къ послѣдней войнѣ мы были *неготовы*, потому что не позаботились для нея предварительно покончить со счетами первой восточной войны.

Защитники воинственной политики, далѣе, могли бы не безъ основанія сослаться на то, что послѣдняя война наглядно показала, какою силою располагаетъ современная Россія, прибѣгая къ бу-

---

въ пользу неизбѣжности бумажно-денежныхъ выпусковъ, особенно для всѣхъ континентально-европейскихъ государствъ. Срв. *Ad. Wagner*, Die Ordnung des öster. Staatshaushalts, Wien 1863, стр. 25—28, особ. p. 28: ‹es wird sich die Nothwendigkeit der vorübergehenden Ausgabe von Papiergeld kaum vermeiden lassen›. *Paul Leroy-Beaulieu*, Traité des finances, T. II, pp. 500-510, особ. p. 509: ‹chez les peuples modernes, dés qu'une grande guerre éclate, il est bien probable que l'on sera conduit à etablir le cours forcé›.

[1]) *Beer*, Die Finanzen Oesterreichs im XIX Jahrhundert, Prag 1877, стр. 254 (на основ. офф. докум.).

мажно-денежному выпуску въ 400 миллыоновъ. Предъ войною никому и не снилось, чтобъ въ неполные три года были у насъ возможны три внутренніе займа на 600 милл. рублей. И дѣйствительно *эту* возможность создали выпуски, создавъ искусственное обиліе на денежномъ рынкѣ, обиліе, которымъ правительство благоразумно поспѣшило воспользоваться. Слѣдовательно, 400 миллыоновъ дали 1000 милліоновъ, то-есть сумму, достаточную для весьма большаго военнаго расхода. Однако защитники воинственной политики при этомъ должны были-бы вспомнить, что добытый для послѣдней войны внутри страны миллыярдъ состоялъ изъ обезцѣненныхъ рублей. А еслибъ мы къ войнѣ были готовы, то-есть: еслибъ наше денежное обращеніе находилось въ порядкѣ, то этотъ миллыярдъ состоялъ-бы изъ полноцѣнныхъ рублей.

Продолжаю еще далѣе разсуждать, оставаясь на почвѣ, на которой фанатики воинственной политики могутъ быть несовсѣмъ неправыми: дѣйствительно-ли выпускъ въ 400 миллыоновъ представляетъ такое непобѣдимое зло? Трудно-ли съ нимъ справиться? Опять и на этотъ счетъ мы имѣемъ опытъ первой восточной войны. Многимъ еще памятно, какъ выпущенные тогда 400 милліоновъ немедленно послѣ войны скучились въ тогдашнихъ банкахъ, сохранныхъ казнахъ и приказахъ, какъ они, что называется, сами навязывались правительству, напрашивались на консолидацію. Но ихъ предпочли *во второй разъ выпустить*. Самое простое, элементарное правило благоразумія, долженствующее руководить выпусками, тогда было оставлено безъ вниманія.

Громко, возможно громче—защитники воинственной политики должны были-бы провозгласить слѣдующій тезисъ: для того, чтобы безопасность выпуска была обезпечена, *безусловно необходимо* для каждой сотни милліоновъ рублей ново-выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ *немедленно-же или въ скорѣйшемъ времени* создать почву въ налогахъ, достаточныхъ для уплаты интересовъ и погашенія по займамъ, въ которыхъ означенная сотня подлежитъ консолидаціи *немедленно послѣ войны*.

Къ несчастью, новыхъ налоговъ послѣ первой восточной войны боялись. Въ рѣчахъ тогдашняго министра финансовъ, въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій, сдѣлано ясное признаніе, что у правительства *не хватало средствъ* на платежъ процентовъ по вкладамъ, сильно наросшимъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ отъ выпусковъ. *Поэтому* проценты были понижены и правительство выпустило изъ своихъ рукъ вкла-

ды, а съ ними оно *вторично* выпустило въ обращеніе кредитные билеты. Вотъ такъ-то, правдиво, должны были-бы излагать дѣло и Московскія Вѣдомости, а не коверкать факты, не валить съ больной головы на здоровую, не винить „экономическую доктрину", по внушеніямъ которой будто-бы понижены были тогда проценты [1]). И Моск. Вѣд. должны были-бы далѣе продолжать: въ этомъ-то *вторичномъ* выпускѣ корень дурнаго состоянія нашего денежнаго обращенія со времени первой восточной войны. И онъ-же *всегда* представляетъ опасность и вредъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. Выпуски опасны и вредны не во время самой войны. Напротивъ въ-это время „они могутъ оказать большія услуги" [2]). Ихъ безвредность тогда обезпечена: торгово-промышленнымъ застоемъ, водворяющемся со всякою войною, нормальными внутренними займами, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ у насъ прибѣгало правительство въ 1876 – 78 годахъ, наконецъ тѣмъ общеповторяющимся фактомъ, что звонкая монета исчезаетъ изъ обращенія не во время войны и даже не внезапно послѣ нея, а постепенно въ теченіи довольно продолжительнаго времени. Иное дѣло—значеніе тѣхъ-же выпусковъ *послѣ войны*. Нашъ опытъ съ накопленіемъ вкладовъ послѣ первой восточной войны—не одинокій случай. Онъ, напротивъ, всегда повторялся и повторяется повсюду, гдѣ къ бумажнымъ деньгамъ прибѣгали для военныхъ расходовъ. Повсюду и всегда ново-выпущенныя бумажныя деньги напрашиваются на консолидацію, главнымъ образомъ потому, что монета лишь постепенно и медленно уступаетъ свое мѣсто бумажнымъ деньгамъ, которымъ приходится блуждать на рынкѣ, вызывая на немъ искусственное обиліе. И если правительство страдательно относится къ *этому* факту, то лишь тогда оно топчетъ въ грязь не только всякія указанія экономической науки, но и всякія соображенія политическаго благоразумія. Потому что тогда вторично, въ мирное время, когда совсѣмъ не приходится выбирать между большимъ и меньшимъ зломъ, когда выборъ существуетъ только между добромъ и зломъ, между разсудительностью и безрасудностью, кредитные билеты снова выпускаются въ обращеніе уже совер-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что это пониженіе процентовъ по банковымъ вкладамъ было произведено въ то время, когда въ нашей финансовой администраціи (при Министрѣ Финансовъ Брокѣ) не было и помину ни о какой «финансовой доктринѣ» и всякая доктрина презиралась. См. объ этомъ въ Русскомъ Вѣстникѣ первыхъ лѣтъ. *Ред.*

[2]) *Leroy-Beaulieu*, Traité II.

шенно слѣпо, какъ-бы только для того чтобъ принудить страну отказаться отъ звонкой монеты.

Защитники воинственной политики, не переставая разсуждать основательно, могли-бы энергически утверждать, что не только недавній опытъ Франціи, блестяще показавшей, какъ можно безъ вреда воспользоваться экстраординарнымъ рессурсомъ неразмѣнныхъ кредитныхъ знаковъ, — но опытъ *всѣхъ* странъ, прибѣгавшихъ къ этому рессурсу, *переполненъ* фактами, доказывающими, что безвредное пользованіе неразмѣнными кредитными билетами *вполнѣ возможно*. *Ни одной* страны не было, въ которой послѣ выпусковъ правительство не располагало-бы срокомъ достаточнымъ, по крайней мѣрѣ, для приступа къ средствамъ возстановленія порядка въ денежномъ обращеніи. Но этимъ срокомъ не желали пользоваться. Возстановленіе безплодно затягивали изъ-за одной только апатіи, или изъ-поблажки эгоистическимъ интересамъ, но вездѣ безъ всякой основательной причины. Историческій-же опытъ даетъ полное право, не боясь сколько-нибудь сильныхъ возраженій, выставить, какъ безспорное, слѣдующее положеніе: неразмѣнныя бумажныя деньги были вредны не потому, что ихъ выпускали во время войны, а потому что ихъ не извлекали во время мира, — не потому что къ нимъ прибѣгали въ пору государственной необходимости для цѣли войны, а потому что ихъ не избѣгали въ пору ихъ ненадобности для цѣлей мира.

У насъ нерѣдко до войны, а нѣкоторыми и послѣ нея — выражалась мысль: *стоитъ-ли* возстановлять металлическое денежное обращеніе, когда отъ случайности внѣшней политики зависитъ, не окажется-ли очень скоро необходимость снова выпустить бумажныя деньги?

Очевидно, что этотъ вопросъ не лишенъ основанія только до тѣхъ поръ, пока мы разсматриваемъ дѣло съ одной только экономической точки зрѣнія. Напротивъ, онъ теряетъ всякую основательность при политической точкѣ зрѣнія на дѣло. Разъ существуетъ хотя бы одна вѣроятность, что для войны может представиться надобность въ бумажно-денежномъ рессурсѣ, его необходимо на готовѣ держать свободнымъ для всякой войны. Развѣ не послѣ всякой войны приходится возстановлять ряды войска, его вооруженіе и всякія иныя приспособленія къ могущей открыться новой кампаніи? Совершенно такое-же значеніе должно имѣть возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія. Всякій понимаетъ, что изувѣченные солдаты, попорченныя

пушки и ружья, истрепавшіяся палатки и ослабѣвшіе кони, хорошо послужившіе въ одну войну, въ другую войну способны оказать лишь плохія услуги. Но тоже вполнѣ примѣняется и къ денежному обращенію. Доказательство представила намъ послѣдняя война. Въ финансовомъ отношеніи мы ее вели изувѣченными ветеранами-бумажками крымской кампаніи. Неудивительно, что всякая легкая царапина для нихъ уже была тяжелою раною и что на полѣ битвы одно казначейство оставило погибшими 400 милл., а сколько страна при этомъ потеряла, и сосчитать невозможно.

Но, могутъ спросить защитники воинственной политики, что же при такомъ взглядѣ станется съ государственнымъ кредитомъ, съ интересами торговли и промышленности, со всѣми экономическими интересами страны, столь близко связанными съ прочнымъ порядкомъ въ денежномъ обращеніи?

Въ свою очередь однако и защитники воинственной политики могутъ спросить: много-ли годовъ „прочнаго порядка" видѣли въ XIX столѣтіи такія страны, какъ Австрія и Россія? Этихъ годовъ было: въ Астріи изъ 78 только 30, а въ Россіи изъ 78 только около 20. Слѣдовательно около 50 — 60 лѣтъ прошли безъ вниманія къ „интересамъ торговли и промышленности" и „ко всѣмъ экономическимъ интересамъ". По какой причинѣ? По причинѣ важнаго значенія, который сохранилъ интересъ возможной и дѣйствительной войны. Стало быть, суть въ фактѣ, что въ XIX вѣкѣ войну еще очень и очень необходимо принимать въ соображеніе. Она составляетъ центръ тяжести всего финансоваго дѣла. Какъ извѣстно, одна треть государственныхъ расходовъ повсюду относится къ оплатѣ текущихъ военныхъ нуждъ, а другая треть, въ видѣ процентовъ по государственнымъ долгамъ, оплачиваетъ прошлыя войны. Развѣ всѣ эти войны мѣшали государственному кредиту? Онъ для нихъ родился, ими питается и на нихъ расчитанъ. Отчего-же въ такомъ случаѣ въ основѣ нашихъ сужденій о финансовыхъ вопросахъ не положить взгляда, прямо признающаго ихъ непосредственное отношеніе къ войнѣ? Фактъ вѣдь не измѣняется отъ того, что мы вооружаемся взглядомъ, витающимъ въ области абстрактныхъ протестовъ противъ войны. Можно вполнѣ признавать законность, справедливость и основательность этихъ протестовъ, и все это не освобождаетъ насъ отъ обязанности и въ финансовыхъ разсужденіяхъ считаться съ фактомъ, какъ онъ есть.

Продолжая свои разсужденія въ томъ-же духѣ, защитники воинственной политики могутъ сослаться на то, что отношенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ къ государственному кредиту различны, смотря по тому, касаются-ли они внутренняго или внѣшняго государственнаго кредита. Внутреннимъ займамъ бумажноденежные выпуски прямо *благопріятствуютъ*. Они создаютъ искуственное обиліе на денежномъ рынкѣ какъ разъ въ то время, когда торгово-промышленный спросъ на немъ всего слабѣе. Что-же касается внѣшняго кредита, то относительно его наблюдается слѣдующее, весьма характерное для нашего вѣка, явленіе. Пока длится война и выпуски бумажныхъ денегъ *безвредны*, внѣшній кредитъ страны, прибѣгающей къ выпускамъ, бываетъ обыкновенно болѣе или менѣе плохой. Напротивъ, когда война кончается и бумажныя деньги становятся *вредными*, кредитъ поправляется совершенно независимо отъ того, извлекаются-ли изъ обращенія кредитные знаки, или оставляются въ обращеніи. *Во время мира* разстроенность денежнаго обращенія *нигдѣ* еще не препятствовала процвѣтанію государственнаго кредита. Опять и здѣсь можно привести наглядный примѣръ изъ нашего опыта. Съ 1859 года, то-есть со времени обезцѣненія кредитныхъ билетовъ, одно только правительство могло заграницею выпустить своихъ облигацій [1]) на 688.108.000 металл. рублей и по нимъ получить 582.981.000 рублей. По расчету на 5% облигацію оказывается, что правительство могло, въ общей сложности всѣхъ займовъ по 80.86 за сто, то есть: платя дѣйствительныхъ интересовъ лишь 5.63%, получить около 600 мил. металлическихъ рублей. Въ послѣднее-же время даже $4^1/_2$%-ныя облигаціи реализовались уже по 90. При такихъ фактахъ, очевидно, остается только пожелать, чтобъ впредь было не хуже. Полученный заграницею капиталъ наше правительство лишь самою незначительною долею затратило на неудачныя попытки помочь денежному обращенію; главнымъ-же образомъ капиталы израсходованы на покрытіе дефицитовъ и желѣзно-дорожныя сооруженія. Само собою разумѣется однако, что заграницею никто не былъ-бы на насъ въ претензіи, еслибъ мы воспользовались заграничными капиталами для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Напротивъ, такая затрата

[1]) По 3%-ному, седьмому 5%-ному, двумъ англо-голландскимъ и пяти желѣзнодорожнымъ займамъ.

нашему внѣшнему государственному кредиту принесла-бы одну лишь чистую и даже очень значительную пользу. Это не требуетъ и доказательствъ [1]).

Къ чему-же въ такомъ случаѣ сводится вышеизложенный взглядъ на безвредное пользованіе бумажно-денежными выпусками? Къ тому, чтобъ къ нимъ относились, какъ къ одному только способу облегченія внутреннихъ и антиципаціи внѣшнихъ займовъ. Во время войны намъ заграницею денегъ не даютъ, потому что тамъ не сочувствуютъ цѣлямъ нашихъ войнъ. Такой идеализмъ однако водворяется на денежныхъ рынкахъ всегда лишь временно: пока длится война и цѣны бумагъ сильно колеблятся, пока настроеніе людей взволнованное и податливо ко всякимъ минутнымъ вліяніямъ. Съ миромъ однако все таки воцаряется ясный расчетъ, что давать намъ деньги и капиталъ— выгодно, очень выгодно. Стало быть не велика бѣда, что намъ ихъ не даютъ во время войны; послѣ войны дадутъ тѣмъ охотнѣе. Но тогда уже наша вина будетъ, если мы ими не возстановимъ металлическаго денежнаго обращенія.

Подведемъ теперь итогъ всему вышеизложенному и мы получимъ возможность ясно опредѣлить, при какихъ условіяхъ о Россіи можно говорить, что она готова къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи.

Война (говорю, конечно, объ европейской) въ настоящее время тождественна съ чрезвычайнымъ расходомъ въ 700—1000 милл. рублей (полноцѣнныхъ). Рессурсомъ для полученія такой суммы можетъ быть только государственный кредитъ. Поэтому первый способъ финансоваго приготовленія къ войнѣ заключается для него въ такой *податной политикѣ*, которая бережетъ во время мира податныя силы страны, не обременяетъ ихъ непосильными требованіями и тѣмъ создаетъ *податной запасъ*: возможность для чрезвычайныхъ нуждъ новаго военнаго предпріятія страны потребовать отъ нея *новыхъ налоговъ*. Этотъ податной запасъ долженъ доходить до 45—60 милліоновъ рублей.

Второй способъ финансоваго приготовленія заключается въ заботѣ, чтобъ денежное обращеніе страны находилось въ достодолжномъ порядкѣ, чтобъ его металлическая почва была незы-

---

[1]) Не слѣдуетъ однако забывать, что даже и въ этихъ границахъ и при этихъ условіяхъ выпуски принудительныхъ бумажныхъ денегъ составляютъ великое экономическое зло, которое можетъ быть оправдано только самою крайнею государственною необходимостью. *Ред.*

дительной дѣятельности, что пора пріостановиться и сдѣлать нѣкоторый роздыхъ. Среди этого-то роздыха насъ и застала война. Въ сущности, какъ это сейчасъ будетъ показано, она сдѣлала свое обычное дѣло, усугубивъ дѣйствіе торговаго кризиса. Но ея дѣйствіе уже было вторичное и оттого менѣе замѣтное.

Количество векселей, учтенныхъ акціонерными коммерческими банками и находившихся въ ихъ портфеляхъ, даютъ наглядное представленіе, какъ силы дѣйствія кризиса, предшествовавшаго войнѣ, такъ и дѣйствія самой войны.

Въ послѣднія пять лѣтъ ежемѣсячное состояніе портфеля учтенныхъ векселей у акціонерныхъ коммерческихъ банковъ было слѣдующее въ милліонахъ рублей:

	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.
1-го января . .	208.9	242.1	240.6	195.8	157.5
1-го февраля . .	217.9	244.9	237.3	186.1	158.0
1-го марта . . .	217.8	249.1	229.1	179.1	155.3
1-го апрѣля . .	217.1	251.3	227.3	176.2	153.2
1-го мая	217.3	252.5	231.0	175.2	153.2
1-го іюня . . .	223.7	252.6	231.2	170.8	154.4
1-го іюля . . .	223.7	255.8	225.8	171.6	152.2
1-го августа . .	228.9	258.9	217.5	164.6	147.3
1-го сентября .	228.4	258.8	211.6	156.5	146.3
1-го октября . .	228.3	251.0	208.4	156.9	143.2
1-го ноября . .	230.9	247.3	199.9	158.9	140.1
1-го декабря . .	232.7	240.0	200.4	156.9	138.2

Быстро и почти безостановочно развиваясь, вексельный портфель банковъ достигъ осенью 1875 года своего наивысшаго состоянія въ цифрѣ почти 259 милл. рублей. Подъ вліяніемъ первыхъ ударовъ кризиса онъ къ концу 1875 года сократился лишь на 19 милл., но къ половинѣ 1876 года уменьшился еще на 15 милл.; оба уменьшенія вмѣстѣ составляютъ 34 милл. и эту-то цифру можно принять за выраженіе дѣйствія, произведеннаго торговымъ кризисомъ. Съ половины 1876 года начинаютъ вліять политическія событія и въ пять мѣсяцевъ они къ концу 1876 года вызываютъ новое сокращеніе портфеля на 30 милл. рублей. Въ теченіи 1877 года сокращеніе становится хроническимъ и въ результатѣ даетъ уменьшеніе за весь годъ еще на 38 милліоновъ. Наконецъ и въ 1878 году даже прекращеніе войны не оказываетъ дѣйствія: хроническая слабость про-

должается. Въ первую половину 1878 года какъ-бы замѣтна нѣкоторая надежда на то, что послѣ войны положеніе поправится: портфель между 1-мъ январемъ и 1-мъ іюля сокращается лишь на 5 милл.; но съ 1-го іюля надежды оказываются не очень основательными. Къ 1-му декабря портфель претерпѣваетъ новое сокращеніе на 14 милл. рублей.

Такимъ образомъ кризисъ и война вызвали сжатіе торгово-промышленнаго кредита на $120^2/_3$ милл. рублей. То-есть *почти половина* (46%) капиталовъ, которые чрезъ посредство акціонерныхъ коммерческихъ банковъ до кризиса и войны имѣли торгово-промышленное занятіе, лишились его и сдѣлались праздными или должны были искать себѣ доходное помѣщеніе гдѣ-нибудь иначе.

Оговоримъ кстати здѣсь еще одно обстоятельство. Дѣйствіе кризиса было-бы болѣе сильное, чѣмъ оно оказалось, еслибъ акціонерные банки были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Чтобъ удовлетворять востребованія по вкладамъ и текущимъ счетамъ, они должны были-бы сократить свою учетную операцію въ гораздо болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ они это сдѣлали. Но ихъ выручила помощь Государственнаго Банка. Въ томъ-же 1876 году, когда акціонерные банки подъ учетъ могли роздать лишь 529.6 милл. вмѣсто 575.6 мил., розданныхъ въ 1875 году, они путемъ переучета могли получить 165.2 милл. вмѣсто 121.4 милл., полученныхъ въ 1875 году. Въ томъ-же 1876 году, когда операціи акціонерныхъ банковъ сокращались, операціи Государственнаго Банка были расширены. Но въ 1877 году уже не было кризиса. Дѣйствіе оказывала одна лишь война. Недовѣрчивыхъ вкладчиковъ уже не было; напротивъ со всѣхъ сторонъ праздные капиталы, потерявшіе производительное занятіе, предлагали свои услуги. Вклады акціонерныхъ банковъ, въ началѣ 1877 года простиравшіеся лишь до 230 милл., къ концу года поднялись до 279 милл. Долги по переучету могли быть почти сполна уплачены. И тогда уже Государственный Банкъ сталъ свидѣтельствовать о застоѣ, вызванномъ войною: его учетная операція въ 1877 году сократилась на 57 милл. рублей.

Среди этого-то застоя насъ застали война и вызванные ею новые бумажно-денежные выпуски, одно время превзошедшіе своими грандіозными размѣрами даже выпуски для первой восточной войны.

нета могла оказывать кредитнымъ билетамъ. Въ 1856—59 годахъ именно отливъ заграницу звонкой монеты, вытѣсняемой изъ обращенія бумажками, былъ равносиленъ тому, какъ еслибъ у насъ нашелся новый товаръ для увеличенія нашего отпуска заграницу. Поэтому, самый отливъ звонкой монеты поддерживалъ цѣну кредитныхъ билетовъ и противудѣйствовалъ ихъ обезцѣненію. Теперь-же уходить заграницу — нечему. Бумажкамъ отъ насъ ухода нѣтъ. Имъ остается поэтому лишь безпрепятственно обезцѣниваться.

Такимъ образомъ къ факту, что въ обращеніи у насъ находятся однѣ лишь обезцѣненныя бумажки, присоединяется еще другой фактъ, что бумажки эти обращаются въ такомъ обиліи, которое граничитъ съ баснословностью, а къ этому другому факту еще присоединяется третій, что бумажки появляются не для замѣны звонкихъ денегъ, а для увеличенія значительной массы бумажекъ-же, до нихъ обращавшихся. Нетрудно понять, какого рода „оживленіе" отъ совокупности подобныхъ фактовъ можетъ быть.

Вотъ *этому* возможному оживленію, зачатки котораго Моск. Вѣд., можетъ быть, и правильно констатировали, они очень неправильно обрадовались и желаютъ обрадовать имъ общество. На карту этимъ однако ставятся слишкомъ важные интересы страны, чтобъ дѣло не стоило разсудительнаго обслѣдованія.

Несомнѣнно, конечно, что оживленіе производительныхъ силъ послѣ войны нужно и желательно. Но какое, какими средствами вызванное, на какой почвѣ происходящее? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Нужно-ли то пьяное „оживленіе", которое коренится въ одномъ только денежномъ обиліи и которое ведетъ къ кризисамъ? Очевидно — нѣтъ, какъ бы оно ни было выгодно въ интересахъ тѣхъ, которые удятъ въ мутной водѣ. Такого оживленія, напр., какое въ Германіи произошло послѣ войны, намъ очевидно *не нужно* и оно *не желательно*.

Нужно-ли теперь такое оживленіе, какое вызвано было выпусками первой восточной войны, поведшими къ кризису 1860 года? Объ этомъ кризисѣ сами Моск. Вѣд. говорятъ, что онъ „поглотилъ массы капиталовъ, пустилъ множество людей по міру и создалъ общую дороговизну при одновременномъ такъ называемомъ безденежьѣ, то-есть, произвелъ не мнимое только, а дѣйствительное ослабленіе покупной силы денежной единицы". Очевидно само собою, что повтореніе подобнаго кри-

зиса нежелательно. Какъ-же однако Моск. Вѣд. умудряются обезопасить насъ отъ него? Разсказывая басни о его причинахъ. Кризисъ-де вызванъ былъ не выпусками бумажныхъ денегъ, а тѣмъ, что по ложному внушенію „экономической доктрины“ проценты по вкладамъ старыхъ кредитныхъ установленій были понижены и эти вклады, намѣренно выпущенные на волю, разожгли спекуляцію. Отчасти уже выше замѣчено, что это сужденіе извращаетъ историческіе факты. Но дѣло не въ томъ, а въ наивности, съ которою Моск. Вѣд. не замѣчаютъ, что онѣ сами себя выдаютъ головою. Развѣ существуетъ даже тѣнь какого-бы ни было различія между объясненіемъ кризиса 1860 г. выпусками кредитныхъ билетовъ и объясненіемъ того-же кризиса выпускомъ на волю вкладовъ? Никакого. Это — только два способа выраженія, гласящія одно и тоже. Обиліе вкладовъ, скучившихся послѣ войны въ старыхъ кредитныхъ установленіяхъ, было ничто иное, какъ обиліе кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для войны. Какъ выше уже замѣчено, безразсудность нашей денежной политики въ томъ главнѣйшимъ образомъ и заключалась, что *послѣ* войны кредитные билеты *второй* разъ были выпущены въ обращеніе чрезъ посредство выпуска на волю вкладовъ. И если Моск. Вѣд. признаютъ, что этотъ выпускъ *вкладовъ* на волю повелъ къ страшному кризису, то этимъ онѣ признаютъ, что оживленіе промышленности вызванное военными крымскими выпусками, было для страны *гибельное*.

Наконецъ, нужно-ли намъ то „оживленіе промышленности“, которое вызвано было недавними выпусками для усиленія размѣннаго фонда? Вѣдь и это оживленіе окончилось кризисомъ и застоемъ, среди коихъ насъ и застала послѣдняя война. Очевидно, что и такого оживленія намъ тоже не нужно.

Слѣдовательно, если не сходить съ прочной почвы опыта, еще вполнѣ свѣжаго, и отечественнаго и заграничнаго, намъ всего менѣе приходится желать оживленія, исходящаго отъ искусственнаго обилія на денежномъ рынкѣ.

Моск. Вѣдомостямъ не безъизвѣстно, что это искусственное обиліе въ торгово-промышленной исторіи пользуется самою скверною репутаціею. Имъ остается поэтому на разные лады повторять, что такого обилія у насъ не было до послѣдней войны и его нечего теперь опасаться. У насъ-де имѣются „очень большія потребности въ денежныхъ знакахъ“.

Но этого нельзя утверждать. До послѣдней войны и безъ

новѣйшихъ выпусковъ, мы уже имѣли въ обращеніи неразмѣнныхъ и обезцѣненныхъ бумажекъ на сумму до 800 милл. р., то есть: на сумму, которая до насъ не была страшна лишь Франціи временъ террора и конвента. Какое было дѣйствіе этой суммы? Дѣйствіе, приведшее къ Струсберговскому процессу. Слѣдовательно, и при 800 милліонахъ обиліе уже было того свойства, которое даетъ не удовлетвореніе потребности, не сытость, а которое, напротивъ, убиваетъ всякое чувство сытости, всякое чувство мѣры, которое порождаетъ одну только безсовѣстную жадность. Оргія, имъ вызванная, дала свои обычные плоды: кризисъ 1875 года и болѣзненное разстройство торгово-промышленной жизни страны, засвидѣтельствованное вышеприведенными цифрами коммерческихъ векселей. И когда не успѣлъ еще пройти этотъ чуть-не вчерашній хмѣль, мы теперь стали-бы уже кричать: нѣтъ, 800 милл. намъ мало, подавай 1200 милліоновъ! Да вѣдь это не было-бы даже и на шутку похоже. Во всякомъ-же случаѣ даже и шутка такая врядъ-ли свидѣтельствовала-бы о трезвости.

Если мы не въ силахъ были разсудительно обойтись даже съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ въ 700—800 милл. р., обезцѣненнымъ лишь на 15%, то это значитъ, что нѣтъ у насъ той массы производительныхъ силъ, которая могла-бы доставить полезное и достаточное занятіе этимъ 700 — 800 милліонамъ. Еслибъ у насъ было столько богатствъ, что для приведенія ихъ въ движеніе нуженъ бумажный механизмъ силою въ 700—800 милл. руб., то не блуждали бы эти милліоны въ поискахъ за Струсбергами.

Имѣются-ли у насъ эти богатырскія торгово-промышленныя силы, для оживленія которыхъ нужны бумажки на милльярдъ рублей, объ этомъ можно судить еще по другому признаку. Много-ли означенныя богатырскія силы берутъ на себѣ податной тягости, которою правительство вынуждено обременять страну? Извѣстно, что это вопросъ, на который цифры даютъ очень грустный отвѣтъ. Его оправдываютъ обыкновенно жалобами на тему: какія-де наши торгово-промышленныя силы, самыя пустыя, не изъ чего имъ большіе налоги платить, сами-де еле-еле концы съ концами сводятъ. Такія онѣ, когда нужно давать. Ну, а когда нужно брать, онѣ выростаютъ: милліардами ворочаютъ?..

Но вѣдь эти бумажные милліарды не остаются безъ послѣдствій для остальныхъ плательщиковъ податей. Изъ за нихъ,

напримѣръ, тѣ-же 55 милл. металлическихъ рублей, которые ежегодно уплачиваются по внѣшнимъ долгамъ государственнымъ и которые въ 1875 г. изъ бюджета для себя требовали лишь 64 милл. кредитныхъ рублей, теперь будутъ ужъ требовать, чтобъ имъ удѣляли изъ налоговъ сумму въ 90 милл. кредитныхъ рублей. Это — прибавка въ 26 милл. руб., вызванная одними только новыми выпусками, нужными для оживленія. Но что сказали-бы представители оживленія, еслибъ имъ предложили изъ плодовъ оживляемыхъ ими силъ удѣлить и бюджету означенные 26 милл.? Вмѣсто оживленія они тогда заговорили-бы вѣроятно объ иномъ. Между тѣмъ на 26 милл. увеличивается отъ новѣйшихъ выпусковъ лишь одна изъ очень многихъ статей бюджета. А какими прибавками тѣ-же выпуски угрожаютъ остальнымъ статьямъ бюджета?

Какъ-бы мы не поворачивали мотивъ оживленія промышленности, имъ нельзя bona fide оправдывать и отстаивать нашъ бумажно-денежный status quo. Другое дѣло, если прямо на то и бьютъ: дали-бы только намъ веселое времячко и руки погрѣть, а тамъ—après nous le déluge. Это рѣчь иная. Для пьяного торгово-промышленнаго веселья дѣйствительно не существуетъ лучшаго хмѣля, чѣмъ бумажныя деньги, въ томъ размѣрѣ и томъ состояніи, какъ мы ими теперь обладаемъ.

Серьезное-же и солидное возстановленіе производительныхъ силъ страны не только не противурѣчитъ бумажно-денежной реформѣ, а напротивъ ее требуетъ. Честная и солидная часть торгово-промышленнаго мира не нуждается въ томъ, чтобъ трудъ и капиталы, которыми она заправляетъ, приводились въ обращеніе непремѣнно разстроеннымъ денежнымъ механизмомъ. Солидная часть торгово-промышленнаго міра не ищетъ барышей въ томъ, что государственная необходимость могла принудить, въ извѣстный историческій моментъ жизни страны, пожертвовать временно порядкомъ въ обращеніи народнаго богатства. Я говорю о солидной и честной части торгово-промышленнаго міра и не разумѣю подъ этимъ ничего неяснаго: говорю о тѣхъ, у которыхъ дѣйствительно есть что-нибудь за душею, которые имѣютъ трудъ и капиталъ, у которыхъ есть чтó потерять. *Такіе* люди *ничего* не выгадываютъ отъ разстроеннаго денежнаго обращенія, а только теряютъ отъ него; потому что разстроенное денежное обращеніе дѣлаетъ трудъ и капиталъ изъ вѣрныхъ основъ благосостоянія невѣрными, превращаетъ ихъ въ карты и кости, наполняетъ ихъ

рискомъ и неизвѣстностью, замѣняетъ ясный расчетъ игрою случайностей. Кто дѣйствительно обладаетъ производительными силами: трудомъ, землею или капиталомъ, въ нихъ имѣетъ источникъ наилучшихъ денегъ, золотыхъ-серебряныхъ, или бумажныхъ-размѣнныхъ. Когда его заставляютъ принимать бумажныя-неразмѣнныя и обезцѣненныя деньги, тогда его источникъ богатства портятъ, ставятъ въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ находятся однородные источники въ странахъ, гдѣ ничто не мѣшаетъ производительнымъ силамъ давать наилучшіе, а не наихудшіе результаты. Оттого-то солидная часть торгово-промышленнаго міра не только не нуждается въ томъ, чтобъ ея силы оживлялись неразмѣнными бумажками, а нуждается въ противуположномъ, чтобъ бумажки не мѣшали имъ жить полною жизнью.

Плохи тѣ жизненныя силы, которыя держатся только наркотическими снадобьями. Плохи тѣ силы, которыя производительны только отъ бумажно-денежнаго хмѣля. Клевещутъ на производительныя силы своей страны тѣ, которые не признаютъ за ними способности внутри себя, изъ себя самихъ, а не внѣ себя обладать источниками своей живучести. А еще эта клевета на наши производительныя силы прикрывается „патріотизмомъ". Хорошъ этотъ патріотизмъ: для него надо искать вдохновеній въ поддонкахъ торгово-промышленнаго міра; въ кругу тѣхъ его представителей, у которыхъ *своего* ничего за душою нѣтъ, которые не могутъ и не хотятъ имѣть ничего дѣйствительно своего, собственнымъ правильнымъ трудомъ нажитаго, у которыхъ глаза вѣчно широко раскрыты лишь на чужое" [1]). И вотъ такимъ-то поддонкамъ предлагаютъ протянуть руку помощи — изъ патріотическихъ видовъ! Въ угоду имъ желаютъ увѣрить правительство, что не только не будетъ никакого вреда для финансоваго положенія страны, но напротивъ будетъ очень похвально, если для мирныхъ цѣлей будетъ оставлено средство, которое и во время войны оправдывается одною лишь крайнею государственною необходимостью?!

[1]) Вотъ какъ одинъ изъ ораторовъ палаты общинъ въ засѣданіи 2-го февраля 1819 г. характеризовалъ тогдашнихъ англійскихъ противниковъ бумажно-денежной реформы: «Это—игроки, спекулянты процентными бумагами, плутующіе акціями и вообще норовящіе прожить на счетъ кого-либо, кто честно трудится. Это—дѣльцы, которые заторговались и безъ всякихъ собственныхъ средствъ пускаются во всевозможныя предпріятія, чтобъ выудить деньги отовсюду, гдѣ онѣ плохо положены. Эти господа готовы на всякую продѣлку (job) и всякую штуку (artifice). Ихъ-то главный интересъ заключается въ томъ, чтобъ бумажно-денежное обращеніе было всегда обильное. И ихъ-то часъ пробьетъ съ реформою». Parl. debates vol. XXXIX, pp. 216—217 (срав. мою Исторію банк. дѣла въ Великобр. стр. 547).

Я позволилъ себѣ сказать два слова о „ноддонкахъ“, вполнѣ сознавая, что одинаковыхъ съ ними взглядовъ могутъ, случайно, придерживаться и кое-какіе солидные представители нашего торгово-промышленнаго міра. И въ Англіи только-что цитированный мною (въ примѣчаніи) парламентскій дѣятель долженъ былъ упомянуть, что одинаковыхъ взглядовъ съ охарактеризованными героями плутовства придерживается нѣсколько людей, богатѣйшихъ состояній, безукоризненно честныхъ, которыхъ имена съ одного конца Европы до другого произносятся съ большимъ уваженіемъ. „Но“, прибавлялъ ораторъ: „еще сомнительно, выпадаетъ-ли на ихъ долю руководящая роль въ партіи, къ которой они принадлежатъ“. Такое-же сомнѣніе и я позволю себѣ здѣсь высказать на всякій случай.

Такъ какъ я цитирую парламентскіе дебаты Англіи 1819 года по поводу тогдашней бумажно-денежной реформы, то кстати будетъ привести еще одно указаніе: оно непосредственно касается отношенія бумажно-денежныхъ выпусковъ къ торгово-промышленному оживленію при переходѣ отъ войны къ миру.

Не всѣмъ извѣстно, что сэръ Робертъ Пиль въ дѣлѣ бумажныхъ денегъ пережилъ такой-же переворотъ въ убѣжденіяхъ, какой о немъ общеизвѣстенъ въ дѣлѣ „хлѣбныхъ законовъ“. Въ 1810 году (во время войны) онъ стоялъ между защитниками „пользы“ выпусковъ; онъ участвовалъ и въ знаменитомъ скандалѣ, учиненномъ этими защитниками въ засѣданіи 15 мая 1810 года, когда парламентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принялъ абсурдную резолюцію, что банковые билеты „не обезцѣнились“, хотя на открытомъ рынкѣ лажъ на золото доходилъ въ это время до 30%. Для Р. Пиля, однако, парламентская шалость 1810 г. осталась безъ послѣдствій. Кончилась война и настала знаменитая эпоха „перехода отъ войны къ миру“. Дѣятелямъ 1810 года удалось провести черезъ парламентъ отсрочку закона, предписывавшаго возобновленіе размѣна чрезъ полгода по окончаніи войны. Въ директорахъ Англійскаго Банка они имѣли самыхъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ. И воспользовались-же они предоставленною имъ отсрочкою! Но это-то именно отклонило отъ нихъ такого союзника, какъ сэръ Р. Пиль. Изъ защитника неразмѣнныхъ выпусковъ онъ сдѣлался авторомъ бумажно-денежной реформы 1819 года. И внося въ палату свой билль о реформѣ, онъ объяснилъ, что „*главнымъ образомъ* его *переубѣдили* факты изъ періода *послѣ 1816 года*. Его всего

угрожаетъ омраченіемъ сознанія даже такихъ общечеловѣческихъ истинъ, на счетъ которыхъ не было тѣни недоумѣній уже въ юношеской средѣ учениковъ первыхъ государственныхъ ученыхъ, Платона и Аристотеля, — почти два съ половиною тысячелѣтія тому назадъ.

Двѣ истребительныя стихіи политическаго міра, — революція и война, — разыгрались съ чрезвычайною, никогда неслыханною прежде яростью къ концу нашего вѣка, къ посрамленію его просвѣщенія. Обѣ стихіи проявляются нынѣ совсѣмъ въ новой, свойственной только нашему вѣку формѣ своего дѣйствія, — въ формѣ такъ сказать скрытаго дѣйствія, — съ одной стороны въ видѣ всемірной потаенной или подпольной революціонной организаціи, съ другой стороны, въ видѣ общеевропейской организаціи военныхъ силъ, именуемой вооруженнымъ миромъ.

Могущественное противудѣйствіе и давленіе другихъ элементовъ политической жизни, — охранительныхъ элементовъ государственнаго порядка и международнаго мира, — какъ бы вынуждаютъ разрушительныя революціонныя и завоевательныя страсти нашего вѣка уходить между своими взрывами въ эти новыя формы своего *скрытаго состоянія* (état latent). Тѣмъ не менѣе это скрытое и потому сгущенное состояніе обѣихъ стихій нисколько не уменьшаетъ, а скорѣе только усиливаетъ истребительность ихъ дѣйствія. Какъ бы ни были продолжительны эти періоды внутренняго и внѣшняго затишья, эти мирные антръакты, — весь образованный европейскій міръ живетъ какъ бы со дня на день въ ожиданіи то злодѣйскихъ покушеній, извергаемыхъ на свѣтъ Божій изъ темныхъ подполій, въ которыхъ живутъ враги всякаго общественнаго порядка, то въ ожиданіи новыхъ международныхъ столкновеній. Лучшія государственныя и народныя силы, накопленныя вѣками исторіи, непроизводительно истрачиваются на борьбу съ этими разрушительными стихіями революціи и войны, на поддержаніе этого *внутренняго и внѣшняго вооруженнаго мира*. Вся многовѣковая работа правительствъ и народовъ къ улучшенію вещественнаго и нравственнаго благосостоянія людей должна остановиться посреди этой колоссальной траты силъ на содержаніе всей этой внутренней и международной полиціи государствъ.

Обѣ эти стихіи, исходя изъ совершенно различныхъ, даже противуположныхъ, историческихъ источниковъ и нравственныхъ мотивовъ, сходятся однако въ одномъ общемъ результатѣ своего дѣйствія на почвѣ нашихъ наукъ — въ *отрицаніи* основныхъ нравствен-

ныхъ началъ, на которыхъ зиждутся всѣ важнѣйшія отрасли государственныхъ знаній. Систематически, преднамѣренно или нѣтъ, но это отрицаніе неизбѣжно для обѣихъ этихъ стихій. Оно неизбѣжно въ особенности въ практическомъ вліяніи революціи и войны на умы и чувства всего современнаго общества, — въ особенности на подростающее поколѣніе.

И революціонныя и завоевательныя страсти, — желающія достигнуть своихъ цѣлей, разрѣшать внутреннія и внѣшнія государственные вопросы посредствомъ *вещественнаго насилія*, посредствомъ *механическаго разрушенія*,—отрицаютъ въ самомъ своемъ существѣ основныя начала права и справедливости; отрицаютъ всѣ *органическіе* законы человѣческой жизни въ обществѣ и государствѣ и постепеннаго историческаго развитія,— начала и законы, положенные въ фундаментѣ всѣхъ нынѣшнихъ государственныхъ наукъ. Понятіе о непрерывности, постепенности *историческаго прогресса*, т. е., всѣхъ успѣховъ человѣческаго развитія, о невозможности внезапно и насильственно создать эти успѣхи, ни даже ихъ ускорить, ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ государственномъ устройствѣ и управленіи, ни въ международныхъ государственныхъ отношеніяхъ, ни въ общественномъ благосостояніи, посредствомъ разрушенія, *ломки историческихъ формъ государственнаго и общественнаго* быта, — это понятіе есть теперь основной догматъ, общій всѣмъ отраслямъ государственныхъ знаній, главное руководящее начало, которое всѣ они одинаково преподаютъ для примѣненія своихъ теорій къ государственной практикѣ.

Вотъ посреди какихъ чрезвычайныхъ историческихъ обстоятельствъ, посреди какихъ непріязненныхъ наукѣ движеній времени приходится теперь новымъ поколѣніямъ выступать изъ школы на поприще гражданской жизни, государственной и общественной дѣятельности! Можно ли не напомнить имъ о значеніи науки, въ критическія минуты ихъ перехода изъ школы къ жизни, отъ науки къ дѣлу,— въ особенности не напомнить объ этомъ тѣмъ, которые преимущественно предназначены къ государственному дѣлу, къ государственной службѣ; можно ли не сказать имъ еще разъ въ такія минуты ихъ разлуки съ школой, передъ ожидающими ихъ соблазнами и искушеніями бурной исторической эпохи, что гдѣ бы и когда бы они ни находились у практическаго дѣла, они нигдѣ и никогда не могутъ *безнаказанно* для себя и для общества разлучиться съ наукой, не могутъ безнаказанно отвернуться въ своемъ умѣ и сердцѣ отъ святыни школы!

Какъ бы ни было сокрушительно для друзей просвѣщенія раз-

витіе стихій революціи и войны, однако изъ самыхъ фактовъ этого развитія, вникая ближе въ ихъ внутренній смыслъ, мы всего легче можемъ узнать значеніе нашихъ наукъ и невозможность безнаказаннаго попранія ихъ вѣчныхъ истинъ.

Революціонныя страсти нашего времени дошли до послѣдней своей крайности, можно думать, до своей послѣдней исторической стадіи, дальше которой некуда идти и откуда возможенъ только обратный ходъ. Отказавшись отъ всякихъ началъ религіи и даже общечеловѣческой нравственности, онѣ *открыто отказываются нынѣ отъ всякой науки*. Въ одномъ революціонномъ катехизисѣ, заключающемъ квинтъэссенцію самыхъ прогрессивныхъ, самыхъ „передовыхъ“ (?) современныхъ революціонныхъ ученій, прямо и буквально заявлено, что „истинный революціонеръ долженъ отказаться отъ всякой науки нынѣшняго міра, предоставивъ ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ долженъ знать только одну науку разрушенія. Для этого онъ долженъ только не много познакомиться съ механикой, физикой, химіей и можетъ быть немного съ медициной“, [1]) т. е. усвоить себѣ нѣкоторыя техническія свѣдѣнія о разныхъ истребительныхъ способахъ и веществахъ. Конечно, трудно себѣ представить болѣе глубокое безсмысліе. Конечно, нельзя себѣ вообразить, чтобъ какая бы то ни была человѣческая мысль могла дойти до болѣе крайняго предѣла *самоотрицанія*. Какія-же это отдѣльныя, прикладныя научныя свѣдѣнія, хотя бы даже только для изобрѣтенія истребительныхъ техническихъ приспособленій, если отвергается первый источникъ этихъ свѣдѣній — наука? Но какъ бы ни былъ ужасенъ этотъ умственный хаосъ въ понятіяхъ, нельзя однако не радоваться, когда зло въ человѣческихъ обществахъ достигаетъ подобной послѣдней ступени логическаго абсурда, когда оно доходитъ до подобнаго самоотрицанія или внутренняго противурѣчія. Эту неизбѣжную логическую и историческую послѣдовательность революціонныхъ движеній, разлучившихся съ успѣхами нашихъ наукъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и дошедшихъ нынѣ до отрицанія науки въ самомъ ея существѣ, — можно только привѣтствовать какъ добрый признакъ времени, какъ предвѣстіе можетъ быть близкаго кризиса въ недугахъ нашего времени. Тѣмъ лучше для науки, когда порывается всякая связь между нею и разрушительными, болѣзненными, идеями вѣка, когда наконецъ должны исчезнуть всякія недоразумѣнія не-

[1]) См. революціонный катехизисъ русскаго эмигранта М. Бакунина, напечатанный въ «Emancipationskampf des vierten Standes, von K. Meyer. Berlin. 1875». II В.

вѣжественной толпы относительно возможности такой противуестественной связи. Но въ то же время, тѣмъ важнѣе для насъ убѣдиться при этомъ, что по собственному признанію враговъ государственнаго и общественнаго порядка, наука представляется имъ самымъ страшнымъ противъ нихъ оружіемъ, и тѣмъ святѣе обязанности всѣхъ служителей этого порядка вооружиться этимъ орудіемъ.

Другая стихія политическаго міра, также враждебная успѣхамъ просвѣщенія, — *завоевательная*, военная стихія, заразившая теперь даже самую промышленную и политически зрѣлую націю новой исторіи, — великобританскую, далеко еще не дошла до такого открытаго и сознательнаго отрицанія науки. Но вооруженный миръ вынуждаетъ европейскія государства сосредоточивать всю свою дѣятельность также на пользованіи наукою только для развитія *истребительныхъ технических приспособленій*, механическихъ и химическихъ всякаго рода, заниматься только тѣми внутренними государственными мѣрами, которыя вызываются поспѣшнымъ собираніемъ финансовыхъ средствъ, нужныхъ на громадные расходы этихъ истребительныхъ приспособленій, и покидать своимъ вниманіемъ всѣ тѣ органическія государственныя преобразованія, для которыхъ необходимы зрѣлыя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ нашихъ наукъ. Такое положеніе можетъ навести глубокое уныніе на учителей и учениковъ этихъ наукъ. И однако, что же мы видимъ? Блистательнѣйшія военныя побѣды одерживаются не вслѣдствіе однихъ только матерьяльныхъ усовершенствованій въ вооруженіи сухопутныхъ войскъ и флота, а преимущественно вслѣдствіе внутренняго государственнаго могущества и гражданскаго благоустройства, созданныхъ государственными людьми, которые были прежде всего вооружены всѣми мирными научными знаніями нашего вѣка. Конечно не однимъ игольчатымъ ружьямъ и пушкамъ Круппа обязана была мирная когда-то Пруссія своимъ торжествомъ надъ воинственнѣйшею державою Европы прежняго времени. Пруссія обязана была этимъ торжествомъ прежде всего и болѣе всего великимъ государственнымъ реформамъ, возродившимъ ее въ началѣ этого столѣтія, и болѣе всего своимъ школамъ и университетамъ, воспитавшимъ въ теченіи полустолѣтія эту массу тружениковъ на всѣхъ поприщахъ государственной службы, и гражданской и военной, эту массу должностныхъ лицъ, и талантливыхъ и неталантливыхъ, но всегда зрѣло, научно образованныхъ, которыми до сихъ поръ гордится Пруссія, и можетъ гордиться несравненно болѣе, чѣмъ всѣми своими артиллерійскими открытіями. Наравнѣ съ нею, эти открытія покупаются на деньги всѣми дру-

гими государствами Европы, даже Турціей; но не такъ легко могутъ быть заимствованы служители государства, воспитанные продолжительною школою и наукой.

Точно также и наше отечество обязано своими недавними славными побѣдами надъ Отоманской Имперіей не одному только совершенству своихъ вооруженій, которыми была снабжена также и Турція, даже не одному только доблестному духу своихъ войскъ, который недоставалъ азіятскимъ войскамъ, но оно обязано также этими побѣдами великимъ государственнымъ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія, обновившимъ весь нашъ государственный строй и высоко поднявшимъ духъ и нашей арміи, и всего нашего народа. На совершеніе всѣхъ этихъ преобразованій, которыя навсегда увѣковѣчатъ имя Императора Александра II не только въ русской, но и во всемірной исторіи, пошло не мало научныхъ знаній, накопленныхъ въ теченіи предъидущаго мирнаго періода, въ средѣ дѣйствовавшаго и нынѣ сходящаго съ нашей государственной сцены поколѣнія русскихъ людей.

Но послѣ всего этого, весьма естественно возникаетъ вопросъ: какими-же силами обладаетъ юное поколѣніе, хотя бы и вооруженное наукою, только что выступающее на поприще государственной и общественной жизни, на низшихъ ступеняхъ государственной службы, чтобы бороться противъ такихъ могущественныхъ золъ, въ такую встревоженную историческую эпоху? Даже въ обыкновенное время, слышится, большею частью, такое первое впечатлѣніе и такое первое разочарованіе молодыхъ людей, переходящихъ изъ школы на государственную службу: они не находятъ въ своихъ занятіяхъ никакого примѣненія преподанныхъ имъ наукъ, въ особенности, никакого приложенія къ дѣлу тѣхъ теорій, которыми они восторгались въ школѣ. Все то, чему они учились, оказывается совсѣмъ непригоднымъ для служебной и жизненной практики. Многіе первые горькіе опыты гражданской жизни, ея суровыя требованія личной отвѣтственности, послѣ мягкой любви и снисхожденій школьной жизни могутъ быть естественны и неизбѣжны, но въ упомянутомъ выше вопросѣ и впечатлѣніи коренится нѣчто болѣе существенное, одно глубокое заблужденіе относительно значенія науки, теоріи, въ административной практикѣ, о которомъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Какъ бы много ни сдѣлали успѣховъ государственныя и общественныя науки, онѣ не содержатъ въ себѣ никакихъ такихъ ученій, которыя могли бы быть прямо, цѣликомъ перенесены въ законодательство и администрацію; онѣ не даютъ никакихъ инструкцій

и рецептовъ для изданія законовъ и административныхъ распоряженій. Вовсе не въ этомъ заключается первая и самая практическая задача школы и науки въ законодательствѣ и администраціи, во всякой дѣйствительной жизни. Наши науки установляютъ только общія начала, принципы для практическаго дѣйствія, т. е., указываютъ на идеальные или правильные пути, воспитываютъ *идеальныя стремленія* въ подростающемъ поколѣніи. [1]) Безъ этихъ стремленій, безъ этихъ идеаловъ науки нельзя обойтись ни на какихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, ни на самыхъ нисшихъ, ни на самыхъ высшихъ, а если и можно обойтись, то приходится весьма плохо и для самихъ дѣятелей, и для общества.

Неужели въ самомъ дѣлѣ необходимость идеаловъ науки для государственнаго и административнаго дѣла есть только благозвучная фраза, только приличное украшеніе слога? Неужели въ этихъ звукахъ нѣтъ никакой жизненной, практической, насущной правды?

Говорить о необходимости идеальныхъ задачъ, т. е., далекихъ, конечныхъ, хотя бы и никогда вполнѣ недостижимыхъ цѣлей, *для высшихъ государственныхъ дѣятелей*, кажется совершенно излишне. Безъ этихъ задачъ и цѣлей невозможно нынѣ для самыхъ геніальныхъ людей не только никакое государственное творчество, но даже просто невозможно распознаться и проложить себѣ ясный, опредѣленный путь посреди сложныхъ и запутанныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ времени; невозможно овладѣть этими обстоятельствами и господствовать надъ ними, какъ это требуется отъ высшей правительственной мысли. Замѣчаемое часто безсиліе этой мысли въ борьбѣ съ государственнымъ зломъ происходитъ болѣе всего отъ слабости ея научнаго вооруженія; безъ науки, не только нѣтъ ясныхъ и точныхъ, *сознательно принятыхъ* путей для этой борьбы, но нѣтъ даже свѣдѣній о томъ пространствѣ, по которому эти пути должны быть проложены и о препятствіяхъ, которыя на нихъ встрѣчаются. Никакимъ государственнымъ талантомъ, никакимъ инстинктомъ нельзя предугадать этихъ путей и этихъ препятствій. Талантъ и инстинктъ, столь высоко цѣнимые въ государственномъ дѣлѣ, увеличиваютъ только силы государственныхъ людей, уже вооруженныхъ силами науки.

Хотя по словамъ Наполеона I каждый солдатъ долженъ нести

---

[1]) См. Mohl, Politik, Tübingen, 1869. II B., ‹Die Bildung der berufsmässigen Verwaltungsbeamten› p. 405. Кромѣ этого труда см. еще слѣдующія сочиненія относящіяся къ затронутымъ нами вопросамъ L. v Stein, Innere Verwaltung. Stuttgart. 1868 (5 часть ‹Verwaltungslehre›) и его-же Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften. Stuttgart 1876.

въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ, однако главный нашъ интересъ сосредоточенъ здѣсь на образованіи не фельдмаршаловъ, а только офицеровъ и даже только солдатъ гражданскаго войска. Только воспитаніе этихъ послѣднихъ составляетъ прямую задачу всякой государственной школы. Первые — не болѣе какъ счастливая случайность въ ея историческихъ судьбахъ.

Идеалы науки необходимы на самыхъ лучшихъ и подчиненныхъ ступеняхъ государственной и общественной службы, для самаго простаго и ничтожнаго административнаго дѣла. Только эти идеалы придаютъ смыслъ этому дѣлу, возбуждая въ его исполнителѣ сознаніе того общаго, живаго, цѣлаго, которое объемлетъ всю іерархію государственныхъ инстанцій и агентовъ отъ высшихъ до низшихъ и отъ самыхъ общихъ и великихъ государственныхъ вопросовъ до самыхъ частныхъ и мелкихъ. Безъ науки, безъ ея идеальныхъ задачъ въ государственномъ устройствѣ и управленіи, — задачъ, соединяющихъ въ единый организмъ государства всѣхъ представителей его власти и всѣхъ его исполнителей,—безъ этого, нѣтъ даже понятія объ этомъ цѣломъ, нѣтъ умственнаго интереса ни къ какому служебному дѣлу, ни къ великому, ни къ малому. Отсюда самые практическіе результаты, и для дѣла, и для его исполнителей.

Творчество, самостоятельныя отношенія къ своему матерьялу возможны на самой низшой служебной должности, въ самомъ мелкомъ дѣлѣ: даже въ порядкѣ и системѣ составленія ежедневныхъ реестровъ. Можно на самой подчиненной ступени служебной іерархіи быть хозяиномъ своего дѣла, можно его улучшить, усовершенствовать, также точно какъ можно всякое дѣло, и мелкое и крупное, держать въ застоѣ, ухудшить и испортить. Только наука, только сознаніе идеальныхъ задачъ общаго цѣлаго въ государственномъ строѣ воодушевляетъ къ этому творчеству, къ этому усовершенствованію въ исполненіи всякой служебной обязанности. Только наука объясняетъ связь самой мелкой пружины государственной машины со всѣми самыми верховными функціями государства. Пониманіе этой связи немыслимо безъ высшихъ государственныхъ идеаловъ, *безъ идеи*, связующей всѣ инстанціи и всѣ должности въ одно цѣлое; это пониманіе и побуждаетъ къ усовершенствованію, къ развитію всякой самой мелкой служебной работы. Только наука и просвѣщенныя ею должностныя лица изгоняютъ изъ государственныхъ учрежденій мертвящую бюрократическую рутину, которая столько-же вредна для дѣла, какъ и для характера его исполнителей.

Не менѣе важны для самихъ исполнителей, для ихъ личныхъ

интересовъ, для ихъ характера и духа такія самостоятельныя, сознательныя, научныя отношенія къ своему дѣлу. При этихъ отношеніяхъ каждое самое незначительное должностное лице чувствуетъ себя частицею великаго цѣлаго, великаго отечества; гордится честью своего самаго мелкаго дѣла, быть его самостоятельнымъ хозяиномъ; оно удовлетворяется интересомъ этой самодѣятельности и этого творчества на самомъ скромномъ поприщѣ государственной службы. Отсюда неисчислимыя плодотворныя послѣдствія въ практической, дѣйствительной жизни каждаго должностнаго лица; мы можемъ указать только на крупнѣйшія изъ этихъ послѣдствій. Чувство самостоятельнаго распоряженія своимъ дѣломъ придаетъ его исполнителю ту нравственную внутреннюю независимость характера, которая можетъ быть сохранена на самой низкой ступени служебной іерархіи и которая наилучшимъ образомъ соединяется съ самою строгою служебною дисциплиною. Эта нравственная независимость всякаго служебнаго положенія, это сознаніе своего долга передъ государствомъ и умственный интересъ къ его исполненію вознаграждаютъ за всякія случайныя невзгоды такъ называемой карьеры, оберегаютъ отъ быстрыхъ передвиженій по служебной лѣстницѣ, отъ погони за мѣстами, которая также гибельна для государственной службы, какъ и для нравственнаго характера служащихъ.

Наконецъ школьная наука, какъ бы она ни была недостаточна, побуждаетъ *продолжать учиться*. Въ этомъ едва ли не первая ея заслуга. Наука безконечна и каждый, самый геніальный человѣкъ учится до послѣдняго дня своей жизни. Если школѣ, подготовляющей людей къ служебнымъ обязанностямъ, удалось внушить хотя бъ только это одно побужденіе — продолжать учиться, и всегда учиться — то она уже сдѣлала очень много. Замѣчательнѣйшіе государственные люди, на высшихъ государственныхъ должностяхъ, никогда не перестаютъ изучать окружающія ихъ условія государственной жизни, не перестаютъ учиться. Поэтому только они и обладаютъ этимъ могуществомъ учить и поучать другихъ. Первую искру къ этой любознательности, къ просвѣщенію себя и другихъ, бросаетъ въ ихъ душу школьная наука, школьный учитель.

Всѣ высказанныя нами мысли о значеніи наукъ для образованія государственныхъ лицъ были безъ сомнѣнія присущи Благословенному Основателю Имп. Александровскаго (Царскосельскаго) Лицея. Въ Выс. утвержд. постановленіи объ учрежденіи Лицея 12 августа 1810 г. было сказано, что онъ долженъ „готовить молодыхъ людей къ важнымъ частямъ государственнаго управле-

нія". [1]) Не намъ судить, въ какой степени нашъ Лицей исполнилъ эту высокую задачу своего учрежденія, указанную царственнымъ почитателемъ государственныхъ наукъ, просвѣщеннѣйшимъ Монархомъ не только Россіи, но и всей Европы того времени.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ царствованій, многіе и многіе воспитанники Лицея стояли и дѣйствовали на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной службы, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея ступеней. Многіе изъ нихъ были усердными исполнителями великихъ государственныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Каждое поколѣніе, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, исполняя свой вѣрноподданническій долгъ, оставаясь вѣрнымъ возвышеннымъ предначертаніямъ Основателя Лицея, его благороднымъ и просвѣщеннымъ преданіямъ, должно было въ своей службѣ отечеству преодолѣвать затрудненія, замѣшательства своего времени; каждое должно было бороться „со злобою своихъ дней".

И нынѣшнее поколѣніе, выступающее на государственное поприще, имѣетъ передъ собою такую-же злобу, надъ которою оно призвано будетъ трудиться.

Объ этой злобѣ, объ этихъ исключительныхъ „историческихъ обстоятельствахъ нашего времени", мы упомянули въ самомъ началѣ. Они между прочимъ указаны и Августѣйшимъ Попечителемъ Имп. Александровскаго Лицея. Эти замѣчательныя указанія мы позволимъ себѣ здѣсь привести.

Объясняя въ своей запискѣ (меморандумѣ), сообщенной ареопагу дипломатовъ и знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Европы, собиравшихся въ прошедшемъ году въ Берлинѣ, чувствительнѣйшіе политическіе недуги нашего времени, опустошенія, производимыя истребительными стихіями революціи и войны, Е. И. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій сказалъ между прочимъ слѣдующія незабвенныя слова: „..... не одними штыками должно бороться противъ идей (революціонныхъ). Если мечъ правосудія можетъ карать преступниковъ, то онъ не можетъ искоренить зародышей преступныхъ идей". И въ другомъ мѣстѣ: „.... вооруженный миръ есть бѣдствіе для всѣхъ правительствъ, потому что онъ лишаетъ ихъ средствъ облегчать положеніе народа и заботиться обо всѣхъ необходимыхъ улучшеніяхъ во внутренней администраціи".

---

[1]) См. записку нашу, поданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ о преобразованіи Лицея въ высшую государственную школу, или въ факультетъ государственныхъ наукъ, согласно со всѣми требованіями ихъ современной системы.

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ, *П. Срѣтенскаго.* **Москва. 1878. Вып. 1, стр. 113.**

Авторъ брошюры не задается мыслію — разрѣшить сложный и трудный вопросъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Онъ предполагаетъ въ своемъ изслѣдованіи — „показать образованіе и развитіе началъ", на которыхъ разнообразно разрѣшенъ означенный вопросъ въ исторіи христіанскаго міра, но съ критическою ихъ оцѣнкою.

Въ настоящемъ выпускѣ авторъ изображаетъ происхожденіе, историческое развитіе и отличительныя черты двухъ первоначальныхъ въ христіанскомъ мірѣ системъ отношеній между государствомъ и церковью. Одна система названа авторомъ системою „господства государства надъ церковію" или „цезаре-папизмомъ"; другая — системою господства церкви надъ государствомъ или римскимъ папизмомъ. Подъ первою системою авторъ разумѣетъ византійскую, сложившуюся въ теченіи первыхъ девяти вѣковъ христіанства. Онъ изображаетъ ее (на стр. 9—68) въ историческомъ развитіи коротко, ясно, безпристрастно, отчетливо. Результатомъ историческаго изображенія и критическаго разбора ея является у автора положеніе: отношенія между церковью и государствомъ *могли-бы быть правильны* и благопріятны и для церкви и для государства и не вели бы къ различнымъ запутанностямъ, *если-бы не отличались непослѣдовательною и внутренними противорѣчіями*, уничтожившими ихъ добрые плоды, которыхъ можно было бы ожидать отъ нихъ при совершенно иныхъ условіяхъ". Въ изображеніи (стр. 68—113) системы „господства церкви надъ государствомъ" или „римскаго папизма" авторъ брошюры разъясняетъ связь и образованіе ея съ историческимъ положеніемъ папы въ первые вѣка христіанства; показываетъ характеристическія особенности ея сравнительно съ византійскимъ цезарепапизмомъ; затѣмъ выясняетъ сущность средневѣковой идеи императорской власти и вліяніе ея на развитіе римскаго папизма. — Брошюра не имѣетъ претензій внести вкладъ

въ науку; но, при недостаткѣ русской литературы объ этомъ предметѣ и при чрезвычайно богатой, разнообразной и — можно сказать — запутанной въ этомъ дѣлѣ литературы Западной Европы, брошюра г. Срѣтенскаго весьма полезна для лицъ, желающихъ ознакомиться съ существомъ той части предмета, которая представлена авторомъ. Историческія и юридическія свѣдѣнія брошюры довольно полны; автору представляются они ясно и изложены удобно для читателя. Въ критическомъ анализѣ системъ отношеній между церковью и государствомъ г. Срѣтенскій стоитъ на основаніи того воззрѣнія, по которому признается, что церковь, какъ своеобразное общество, можетъ и должна быть самостоятельною въ государствѣ въ предѣлахъ своихъ цѣлей. — Желательно, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ.

Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ, Экстраорд. проф. Московской дух. Академіи *А. Лебедева.* М. 1878. Стр. VI+264.

Книга г. Лебедева въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названа продолженіемъ вышеразсмотрѣнной брошюры г. Срѣтенскаго и можетъ служить пособіемъ для знакомства съ положеніемъ отношеній между церковью и государствомъ въ періодъ времени, послѣдующій за тѣмъ временемъ, которое изображено въ книгѣ г. Срѣтенскаго. Въ „Очеркахъ" г. Лебедева, состоящихъ изъ 4-хъ отдѣловъ, первый изъ нихъ (1—93) имѣетъ заглавіе „Церковь, государство и общество" и изображаетъ „теоретически высокое, практически уничиженное положеніе церкви въ государствѣ", въ разсматриваемый авторомъ періодъ, — когда „церковь была на службѣ государству" и въ тоже время испытывала неумѣстное „вмѣшательство императоровъ въ ея дѣла". Къ разъясненію отношеній между государствомъ и церковью въ разсматриваемый г. Лебедевымъ періодъ можетъ служить и второй отдѣлъ его книги, въ которомъ изображаются „смуты въ іерархіи" и, между прочимъ, „ученье о пентархіи патріаршей", попеченіе церкви о дисциплинѣ клира, ея борьба съ ересями и условія развитія церковнаго законодательства. Въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ книги авторъ обрисовываетъ состояніе образованности, науки и религіозно-умственной жизни византійцевъ въ теченіе означенныхъ трехъ вѣковъ. Книга г. Лебедева полезна не только для знакомства съ историческимъ состояніемъ константинопольской церкви въ разсмотрѣнный имъ періодъ, но и для подготовки къ разсмотрѣнію того вліянія, какое могла византійская церковь оказать на народности, среди которыхъ распространялись и утверждались въ этомъ періодѣ, подъ зависимостію константинопольской церковной власти, христіанская вѣра и церковь. Поэтому, книга г. Лебедева имѣетъ немаловажное значеніе при изученіи первоначальной исторіи русской церкви. Очерки г. Лебедева написаны живо, бойко и съ достаточнымъ указаніемъ источниковъ и литературы.

Споры безпоповцевъ о бракѣ, *К. Надеждина* Изд. 2-е. Владиміръ, 1877. Стр. 148.

Эта небольшая брошюра составлена на основаніи раскольническихъ рукописей и журнала „Истина", который сначала (1863—1868 г.) былъ органомъ одного изъ толковъ Ѳедосѣевцевъ, а затѣмъ единовѣрія. Въ брошюрѣ излагаются разногласія о значеніи и существѣ брака, существующія между двумя толками Ѳедосѣевцевъ. Приверженцы „Преображенскаго кладбища" держатся такихъ понятій о бракѣ, которыя могутъ быть представлены въ слѣдующихъ положеніяхъ: „бракъ долженъ быть таинствомъ; но таинства съ низведеніемъ благодати на пріемлющихъ ихъ могутъ совершаться лишь при существованіи истиннаго священства; а истиннаго священства теперь нѣтъ въ церкви; стало быть не можетъ быть теперь ни таинствъ вообще, ни брака въ частности; и поэтому всѣ истинные христіане (т. е. Ѳедосѣевцы) должны быть безбрачны".

Противники Ѳедосѣевцевъ, прихожане Покровской въ Москвѣ часовни, также безпоповцы, сохраняютъ, защищаютъ и распространяютъ воззрѣнія на возможность и необходимость брака въ слѣдующемъ видѣ: „бракъ не есть только таинство, совершаемое чрезъ вѣнчаніе, но и сочетаніе; онъ можетъ установиться и помимо священства, хотя и не сдѣлается безъ вѣнчанія таинствомъ; слѣдовательно установленіе брака законнаго, по гражданству, возможно. Мало того; бракъ — необходимъ; потому что онъ установленъ Богомъ въ природѣ человѣческой для размноженія рода человѣческаго и царства Божія и для избѣжанія безпутной жизни, которою такъ отличаются приверженцы Ѳедосѣевскаго кладбища". Борьба указанныхъ двухъ воззрѣній на бракъ и представлена въ брошюрѣ г. Надеждина. Такимъ образомъ, содержаніе ея даетъ матерьялъ для знакомства съ существующими въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества воззрѣніями на существо, значеніе и формы заключенія брака. Эти воззрѣнія представлены въ брошюрѣ въ видѣ извлеченій изъ сочиненій раскольническихъ писателей. Лица, занимающіяся изслѣдованіемъ или изученіемъ русскаго брачнаго права и существующихъ въ народѣ понятій о различныхъ сторонахъ брака, не должны игнорировать брошюры г. Надеждина, хотя она не отличается ни богатствомъ содержанія, ни обширностію и полнотою изложенія.

Церковный судъ въ первые вѣка Христіанства. Историко-каноническое изслѣдованіе *Н. Заозерскаго*. Кострома. 1878. Стр. III + 349.

Сочиненіе г. Заозерскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣхъ лицъ, которыя интересовались движеніемъ въ послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ, въ печати и законодательствѣ вопроса о такъ называемой „духовно-судебной реформѣ". Извѣстно, что этотъ вопросъ занималъ русское общество, печать и „вѣдомство православнаго исповѣданія" болѣе десяти лѣтъ сряду и до сихъ поръ остается неразрѣ-

тельныхъ епископу органахъ *того же* епархіальнаго суда; въ третьей — о составѣ и предѣлахъ власти соборнаго суда; въ четвертой — о судебной власти патріаршихъ и вселенскихъ соборовъ.

О церковномъ процессѣ авторъ въ первой части изслѣдованія говоритъ два раза: при объясненіи (на стр. 8—16) извѣстныхъ словъ Спасителя (Мѳ. XVIII, 15—18: „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой и пр.") и при сводѣ результатовъ своихъ изслѣдованій первой части (на стр. 52—53). Во второй части авторъ изображаетъ церковный процессъ, за время II—V вв., весьма подробно, — въ шести главахъ. Здѣсь онъ указываетъ и на общія положенія о церковномъ судоустройствѣ; трактуетъ и о формахъ и порядкѣ церковнаго процесса въ первой инстанціи; излагаетъ правила епархіальнаго и соборнаго судопроизводства; говоритъ и объ апелляціонномъ процессѣ, и о вліяніи римскаго обвинительнаго процесса на церковный процессъ IV и V вв.; приводитъ и образцы церковносудебныхъ процессовъ V вѣка.

Изслѣдованіе автора заканчивается заключеніемъ (347 — 349), въ которомъ онъ вкратцѣ излагаетъ очеркъ своихъ изслѣдованій о предметѣ, составляющемъ содержаніе книги.

Очеркъ содержанія изслѣдованія г. Заозерскаго убѣждаетъ читателя, что авторъ, дѣйствительно, старался выяснить предположенную имъ задачу — „представить по возможности *полное* изображеніе церковнаго суда первыхъ пяти вѣковъ христіанства". Имъ собрано много матерьяла по предмету его работы, — матерьяла хотя извѣстнаго и безъ его книги, но разбросаннаго по разнымъ памятникамъ церковной письменности, имъ подобраннаго въ одну книгу и расположеннаго по частямъ, отдѣленіямъ и главамъ. Книга г. Заозерскаго содержитъ въ себѣ, дѣйствительно, столь *полное* собраніе матеріала по его предмету, какого мы не встрѣчаемъ ни въ нѣмецкой, ни во французской, ни даже въ латинской (средневѣковой) литературѣ. Отдѣлъ о предметахъ вѣдомства церковнаго суда за первые пять вѣковъ христіанства представляетъ первый опытъ исчисленія преступленій, подсудныхъ церковному суду, на основаніи апостольскихъ правилъ и другихъ памятниковъ, — исчисленія столь подробнаго, какое сдѣлано Бингамомъ въ его „Древностяхъ" и И. Вѣтринскимъ въ его Памятникахъ церковныхъ древностей, но по иной системѣ. Но, не смотря на старанія г. Заозерскаго о *полнотѣ* изображенія церковнаго суда за первые пять вѣковъ христіанства, нельзя сказать, чтобы онъ изобразилъ въ своей книгѣ *всѣ* стороны церковнаго суда. Онъ вовсе не говоритъ въ своемъ изслѣдованіи, наприм., о церковныхъ наказаніяхъ, объ условіяхъ наказуемости виновныхъ, о примѣненіи церковныхъ наказаній и т. п. Между тѣмъ, при стараніи о *полнотѣ* изслѣдованія, не слѣдовало бы, кажется, *игнорировать* и оставлять безъ вниманія указанныхъ другихъ сторонъ церковнаго суда. Правда, авторъ ограничиваетъ полноту изображенія церковнаго суда за разсматриваемое имъ время *возможностію* (въ предисловіи стр. 3); и эту возможность на стр. 343-й онъ ставитъ въ зависимость отъ данныхъ исторіи и церковнаго законодательства. Но этою оговоркою едва ли устраняется возможность упрека автору за неполноту; даже тѣхъ матерьяловъ, которые собраны въ книгѣ автора, было бы достаточно для

того, чтобы опущенныя имъ стороны церковнаго суда могли быть представлены въ полнотѣ, соотвѣтственной разсмотрѣннымъ въ его книгѣ сторонамъ.

Дѣйствительное объясненіе того, почему г. Заозерскій занятъ изображеніемъ разсмотрѣнныхъ имъ сторонъ церковнаго суда съ опущеніемъ другихъ, заключается въ весьма замѣтномъ при чтеніи большей части его книги стараніи — въ виду споровъ о церковномъ судѣ, бывшихъ по поводу проекта духовно-судебной реформы, „окончательно" и „полно" представить въ смыслѣ одной изъ спорящихъ сторонъ тѣ стороны древняго церковнаго суда, которыя составляли предметъ споровъ.

Это стараніе авторъ усиливается замаскировать въ книгѣ, но, по нашему мнѣнію, неудачно. Если бы авторъ не только упомянулъ о той нашей „литературѣ касательно суда древней церкви, которая старалась установить правильное отношеніе къ нему предполагаемыхъ церковно-служебныхъ реформъ", но перечислилъ ея произведенія, показалъ бы ихъ содержаніе и направленіе и отнесся бы къ нимъ съ критическимъ разборомъ; то читатель книги г. Заозерскаго безъ всякаго труда могъ бы замѣтить, что его книга по своему направленію примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ литературы, которыя явились со стороны іерократическаго направленія въ разрѣшеніи вопросовъ о церковномъ судѣ, и что она какъ бы и написана для поддержанія этого направленія. Мы весьма далеки отъ мысли — упрекать автора за направленіе. Но его сочиненіе имѣло бы болѣе ученыхъ достоинствъ, если бы онъ, „отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ", разсматривалъ и разрѣшалъ вопросы, его занимавшіе, по степени своего пониманія, съ своей точки зрѣнія, но въ связи съ различными рѣшеніями ихъ въ литературѣ. Его рѣшенія и разъясненія спорныхъ предметовъ вышли бы тогда болѣе основательны и обставлены были бы съ бо̀льшею ясностію, *точностію* и убѣдительностію, чѣмъ теперь. Авторъ, по видимому, „отрѣшился" отъ указанія и разсмотрѣнія русской литературы по изслѣдуемому имъ предмету и отъ споровъ съ „невѣрнымъ представленіемъ объ изслѣдованныхъ въ ней сторонахъ древняго церковнаго суда" для того, чтобы явиться независимымъ отъ всякой полемики и безпристрастнымъ изслѣдователемъ предмета по первымъ источникамъ. Но желаніе его быть безпристрастнымъ отъ вліянія литературы не устранило его отъ ссылокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, на сочиненія такихъ иностранныхъ писателей, съ которыми онъ сближается въ разрѣшеніи спорныхъ у насъ предметовъ болѣе, чѣмъ съ другими писателями, русскими и иностранными, незаслужившими подозрѣній относительно ученаго безпристрастія. За отсутствіемъ въ книгѣ г. Заозерскаго обзора ученой литературы предмета его изслѣдованія, ссылки его лишь на нѣкоторыя иностранныя сочиненія, относящіяся къ разряду одного направленія, представляются свидѣтельствомъ и признакомъ того, что авторъ недостаточно знакомъ съ ученою литературою по своему предмету.

Недостаточно внимательныя отношенія автора о „церковномъ судѣ" къ литературѣ своего предмета объясняютъ отчасти и то, почему авторъ, поставившій для себя задачею представить въ своемъ изслѣдованіи „*точное* изображеніе церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства", оказался въ

нѣкоторыхъ случаяхъ не очень-то точнымъ. Неточность автора обличается самою книгою его, благодаря пріемамъ автора въ изслѣдованіи и его склонности направить, быть можетъ подъ вліяніемъ со стороны, свои мысли въ пользу одной изъ упомянутыхъ выше спорящихъ сторонъ.

Пріемы автора въ изслѣдованіи многихъ отдѣльныхъ частей предмета состоятъ въ слѣдующемъ: онъ цѣликомъ приводитъ такія мѣста изъ письменныхъ памятниковъ, которые заключаютъ въ себѣ мысли о предметѣ, имъ изслѣдуемомъ; за тѣмъ онъ анализируетъ эти мѣста, объясняетъ ихъ и въ своихъ объясненіяхъ или въ результатѣ своихъ объясненій приводитъ положенія, изображающія ту сторону церковнаго суда, которою авторъ занимается въ данномъ мѣстѣ своей книги.—Пріемы автора, сами по себѣ, имѣютъ въ отношеніи изображенія изслѣдуемаго предмета свои достоинства и недостатки. Въ избраніи тѣхъ или другихъ пріемовъ изслѣдованія всякій авторъ, конечно, совершенно воленъ. Но пріемъ, избранный г. Заозерскимъ, если не всегда удобенъ для ясной, цѣльной, юридической конструкціи разсматриваемыхъ имъ предметовъ, то открываетъ удобства для провѣрки *точности* положеній и объясненій автора и для сличенія ихъ съ подлинными мыслями текста памятниковъ, на которыхъ онъ утверждается въ своихъ положеніяхъ. — Позволяемъ себѣ сдѣлать провѣрку нѣкоторыхъ положеній г. Заозерскаго текстомъ тѣхъ мѣстъ изъ приводимыхъ имъ источниковъ, изъ которыхъ онъ выводитъ свои положенія.

Для изображенія ученія Спасителя о церковномъ судѣ, авторъ приводитъ извѣстное Его изреченіе: Если братъ твой согрѣшилъ противъ тебя, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ. Если послушаетъ тебя; то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ; возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви. А если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь (Матѳ. XVIII, 15—18).

Въ приведенныхъ словахъ Спасителя „ясно различаются, говоритъ г. Заозерскій, собственно *три* суда: судъ наединѣ, судъ при посредствѣ свидѣтелей и, наконецъ, судъ предъ церковью?“ Значитъ, авторъ находитъ указаніе здѣсь на *три* инстанціи. Но сейчасъ же авторъ продолжаетъ: „но, очевидно, первые два вида суда по внутреннему своему характеру совершенно одинаковы и разнятся лишь по внѣшнему, количественному составу лицъ, производящихъ судъ“, и затѣмъ старается доказать, что второй судъ ничѣмъ не отличается отъ перваго суда и что въ словахъ Спасителя говорится лишь о *двухъ* судахъ. Итакъ нельзя понять изъ объясненій г. Заозерскаго: о двухъ или трехъ судахъ говорится въ приведенныхъ имъ словахъ Спасителя, которыхъ смыслъ ясенъ до очевидности.— Еще примѣръ. Продолжая анализъ тѣхъ же словъ Спасителя, г. Заозерскій выраженіе „скажи *церкви*“ старается объяснить такъ, чтобы читатель церковь понималъ здѣсь не какъ *общество*, а разумѣлъ бы только „предстоятелей ея“ (13 — 14). Спустя двѣ — три страницы (на 16-й), авторъ, забывъ о братскомъ судѣ, выводитъ изъ объясненій словъ Спасителя положеніе, что въ церкви есть особенныя лица, уполномоченныя *исключительнымъ* правомъ и властью производить церковный судъ; впослѣдствіи же онъ приписываетъ это *исключительное* право, на основаніи нѣкоторыхъ

слова Спасителя, однимъ *епископамъ*; а на стр. 31-й замѣчаетъ: „въ ученіи Спасителя мы видѣли только два основныхъ элемента, составляющіе судъ: церковь, то есть *всѣхъ вѣрующихъ*, и апостоловъ". Итакъ г. Заозерскій въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія заставляетъ понимать подъ церковью однихъ предстоятелей, а въ другомъ — всѣхъ вѣрующихъ. Которому же толкованію его долженъ слѣдовать читатель? — Въ приведенныхъ примѣрахъ „неточность" автора доходитъ до противорѣчій. — Не менѣе характеризуетъ „неточность" автора еще примѣръ, который мы встрѣчаемъ въ его книгѣ. Авторъ во многихъ мѣстахъ своей книги (стр. 31, 51 и др.) съ чрезвычайнымъ усердіемъ и рвеніемъ усиливается доказать, что въ первые вѣка христіанства „*судъ епископа* есть *первая* постоянно существующая инстанція, обладающая *исключительно* ей одной принадлежащею юрисдикціею". Но самъ же авторъ (стр. 145) приводитъ изъ „Апостольскихъ постановленій" мѣста, въ которыхъ говорится: „на судилищѣ пусть присутствуютъ съ вами (епископами) *и діаконы* и *пресвитеры, судя*, какъ люди божія, съ справедливостію и нелицепріятно" и такъ далѣе. Приведя это и другія, подобныя ему, мѣста, авторъ на стр. 147-й выводитъ изъ нихъ слѣдующее положеніе: „Не трудно видѣть по постановленіямъ апостольскимъ, кто производитъ судъ? Епископъ церкви, — *одинъ только* епископъ: другаго здѣсь не представляется". — Приведенные примѣры пріемовъ изслѣдованія г. Заозерскаго показываютъ, что слова изъ памятниковъ онъ приводитъ „точно", — а въ объясненіи ихъ и въ выводахъ изъ своихъ объясненій отступаетъ отъ „точности изображенія" тѣхъ предметовъ, которые онъ изображаетъ. Такимъ образомъ онъ нерѣдко въ своей книгѣ противорѣчитъ самъ себѣ. — Приведенныя противорѣчія автора происходятъ отъ того, что онъ въ своемъ „точномъ и полномъ по возможности изображеніи древняго церковнаго судоустройства" старается отъискать, во что бы то ни стало, доказательства и свидѣтельства въ подтвержденіе спорнаго, но авторомъ признаваемаго за единственно вѣрное, мнѣнія, по которому предполагается, что въ древней церкви епископъ былъ такимъ же единственнымъ и исключительнымъ судьею въ своей области, какимъ является онъ въ *нѣкоторыхъ* (напримѣръ въ нашей русской) церквахъ и теперь. Такою *тенденціозностью* отличается весь отдѣлъ книги г. Заозерскаго о судоустройствѣ.

Въ своихъ стараніяхъ возвысить или усилить исключительное значеніе судебной власти епископа въ епархіи въ ущербъ каноническаго соучастія съ нимъ пресвитеровъ и церковнаго общества, г. Заозерскій не щадитъ ни логики, ни собственнаго плана своего сочиненія, ни очевидности историческихъ свидѣтельствъ. Это видно изъ обзора втораго отдѣла второй части его изслѣдованія. Посвятивъ въ этомъ отдѣлѣ первую главу изображенію „епархіальнаго суда, его *состава*" и прочее (стр. 144 — 181), онъ нашелъ нужнымъ отдѣлить отъ нея въ *особую* главу „о вспомогательныхъ органахъ *епархіальнаго* суда" (стр. 182 — 201). Это выдѣленіе сдѣлано авторомъ съ нарушеніемъ не только исторической „точности", но и требованій логики. Въ отдѣленіи о церковномъ устройствѣ суда во II — V вѣкахъ (стр. 144 — 244) авторъ разсматриваетъ это устройство по инстанціямъ. Въ устройствѣ древнецерковнаго суда онъ находитъ существованіе трехъ инстанцій. Разсмотрѣнію устройства каждой инстанціи онъ посвятилъ осо-

бую главу. Такимъ образомъ логика требовала отъ г. Заозерскаго, чтобы въ отдѣленіи его книги объ устройствѣ церковнаго суда во II — V вв. состояло *три* главы; но онъ помѣстилъ въ немъ *четыре* и особую главу (вторую) посвятилъ исключительно разсмотрѣнію „вспомогательныхъ епископу органовъ *епархіальнаго* суда", о составѣ котораго онъ говоритъ въ *первой* главѣ. Такое обособленіе „вспомогательныхъ органовъ" епархіальнаго суда отъ „состава" того же суда, сдѣланное авторомъ вопреки требованіямъ логики и исторической точности, объясняется исключительно стремленіями автора — принизить значеніе пресвитеровъ въ отношеніяхъ ихъ къ епископу. Авторъ былъ бы болѣе „точенъ" въ историческомъ изображеніи древняго церковнаго судоустройства и избѣжалъ бы противорѣчій самъ съ собою, если бы онъ, „отрѣшившись" отъ предвзятой мысли — поддержать своимъ изслѣдованіемъ одну изъ спорящихъ относительно „извѣстнаго проекта" духовносудебной реформы сторонъ, представилъ бы по литературнымъ изслѣдованіямъ „спорящихъ сторонъ" различныя объясненія приведенныхъ имъ въ его сочиненіи мѣстъ изъ памятниковъ древней письменности, сопоставилъ бы ихъ, сравнилъ бы степень согласія разнорѣчивыхъ мнѣній съ свидѣтельствами памятника и въ итогѣ сравненій и сопоставленій подвелъ бы результаты своихъ наблюденій. Такой пріемъ въ изслѣдованіи соотвѣтствовалъ бы и личнымъ наклонностямъ автора, на сколько мы можемъ понимать ихъ по его изслѣдованію, и придалъ бы этому изслѣдованію строгій научный характеръ, чуждый тенденціозности.

Намѣренное стараніе г. Заозерскаго игнорировать различныя мнѣнія о разныхъ сторонахъ древняго церковнаго суда, излагаемыя въ ученыхъ объ этомъ предметѣ изслѣдованіяхъ писателей разныхъ вѣроисповѣданій, особенно невыгодно отразилось на той части его изслѣдованія, которая посвящена разъясненіямъ церковнаго судопроизводства. Въ нашей литературѣ объ этомъ предметѣ весьма мало было говорено. Авторъ собралъ и свелъ въ одно мѣсто очень много матерьяловъ относительно предмета; изобразилъ, на основаніи ихъ, нѣкоторыя частныя стороны и отдѣльные моменты процесса весьма подробно; высказалъ нѣсколько своихъ оригинальныхъ мыслей. Все это—заслуги автора въ изслѣдованіи его церковнаго процесса первыхъ пяти вѣковъ христіанства. Но все изслѣдованіе автора о процессѣ не имѣетъ цѣльности, основной мысли, юридической конструкціи, связности въ частяхъ и логичности въ изложеніи. Такіе недостатки изслѣдованія произошли отъ того, что авторъ незнакомъ съ теоріею судопроизводства, съ литературными изслѣдованіями церковнаго процесса и съ его исторіею. Авторъ удовольствовался въ изслѣдованіи процесса собраніемъ матерьяловъ и успѣлъ представить лишь внѣшнюю его сторону; но *существо* видовъ каноническаго процесса въ первые вѣка христіанства отъ него ускользнуло. Этого никакъ не могло бы произойти, если бы онъ познакомился съ изслѣдованіями о церковномъ процессѣ нѣмецкихъ (Бинера, Маркса, Гильдебранта, Мюнхена и др.) и французскихъ (Буи и Андрэ) изслѣдователей. При пособіи и посредствѣ наблюденій этихъ авторовъ о первыхъ началахъ развитія церковнаго процесса, г. Заозерскій въ тѣхъ самыхъ матерьялахъ, которыми онъ располагаетъ въ своей книгѣ, замѣтилъ бы безъ труда, что церковный процессъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанской церкви сталъ различаться не только по внѣшнимъ фор-

мамъ (полной и сокращенной) и отдѣльнымъ моментамъ (процессъ въ первой инстанціи, — апелляціонное судопроизводство), которые замѣчены и г. Заозерскимъ, но по *существу* и *по предметамъ*. По *существу* каноническій процессъ, въ первыхъ вѣкахъ христіанства, является въ нѣсколькихъ видахъ, которые называются процессами обличительнымъ (denuntiatio ἔλεγξις), обвинительнымъ (κατηγορία, accusatio) и изслѣдовательнымъ (ἐξέταξις, inquisitio). По предметамъ, къ которымъ церковный процессъ былъ прилагаемъ, онъ различается на *дисциплинарный*, который имѣлъ примѣненіе въ отношеніи къ проступкамъ и преступленіямъ членовъ церкви, и *состязательный*, употреблявшійся въ спорахъ и пререканіяхъ между членами церкви. Авторъ изслѣдованія „о церковномъ судѣ", не имѣя въ виду указаннаго разнообразія церковнаго процесса въ первые вѣка христіанства, смѣшиваетъ въ своемъ сочиненіи различные его виды и поэтому не могъ съ научною ясностью и отчетливостью представить „точнаго" изображенія церковнаго процесса въ первые пять вѣковъ христіанства.

Мы откровенно указали на нѣкоторые главные недостатки труда г. Заозерскаго и оставляемъ безъ указаній мелкіе недосмотры и промахи, а также и ошибки, которыя въ значительной части являются слѣдствіемъ крупныхъ или главныхъ недостатковъ его изслѣдованія. Наши указанія могутъ показаться строгими. Но эта откровенная строгость оправдывается тѣмъ, что въ первомъ трудѣ г. Заозерскаго по каноническому праву, представленномъ, какъ видно изъ цензурной помѣтки на книгѣ, на ученую степень въ совѣтъ московской духовной академіи, работавшаго, слѣдовательно, подъ руководствомъ бывшаго профессора А. Ѳ. Лаврова (нынѣ преосвященнаго), мы находимъ *надежные задатки* для предположенія, что въ лицѣ г. Заозерскаго можетъ выработаться ученый русскій канонистъ, который съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности въ своихъ работахъ и съ расширеніемъ своихъ свѣдѣній будетъ въ состояніи освободиться въ своихъ ученыхъ трудахъ отъ недостатковъ, присущихъ первой его ученой работѣ, и обогатитъ весьма небогатую каноническую литературу „полными" и „точными" изображеніями разныхъ предметовъ церковнаго права. Къ выраженію такой надежды позволяемъ себѣ присоединить желаніе, чтобы г. Заозерскій встрѣтилъ на первыхъ порахъ своей ученой жизни и дѣятельности поддержку и ободреніе отъ кого слѣдуетъ и пріобрѣлъ бы положеніе, нужное для продолженія своихъ ученыхъ занятій по церковному праву.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб. 1876, стр. 396.

Авторъ „Опыта" поставилъ для себя спеціальною задачею — „показать степень и размѣръ богатства монастырей" (стр. 381) православной русской церкви или привести, по возможности, въ извѣстность ихъ имущества и доходы (стр. 1—3). Задача — почтенная и заслуживающая серьёзнаго вниманія русскаго общества и власти — церковной и государственной. Для выполненія предположенной задачи, авторъ съ величайшимъ усердіемъ и съ благородною настойчивостію старался собрать

свѣдѣнія о количествѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ въ настоящее время русскимъ православнымъ монастырямъ, о цѣнности этихъ имуществъ и объ ежегодныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходахъ монастырей. Много усилій употребилъ авторъ „Опыта" для собранія этихъ свѣдѣній. Онъ обращался въ монастыри и консисторіи, и къ офиціальнымъ и частнымъ лицамъ, отъ которыхъ онъ могъ получить нужныя ему свѣдѣнія: ему удалось пересмотрѣть много документовъ, въ которыхъ заключаются оффиціальныя свѣдѣнія о доходахъ и богатствахъ монастырей; получить, кромѣ того устныя сообщенія отъ знающихъ лицъ и собрать нѣсколько матерьяловъ для своего труда по личнымъ наблюденіямъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія авторъ „Опыта" старался дополнить просмотромъ печатныхъ описаній многочисленныхъ монастырей, извлеченіемъ изъ отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода и газетными извѣстіями и замѣтками. Несмотря на усиленные и настойчивые труды автора собрать всѣ, требуемыя имъ, свѣдѣнія, онъ не могъ достигнуть вполнѣ своей цѣли. Ему пришлось встрѣтиться съ многочисленными затрудненіями и препятствіями въ собираніи свѣдѣній. Оказывается, что духовныя власти и монастыри намѣренно скрываютъ и считаютъ тайною для стороннихъ лицъ доходы монастырей и архіерейскихъ домовъ (стр. 7). Въ этомъ „скрывательствѣ" и заключается главная суть всѣхъ затрудненій автора въ его собираніяхъ, затрудненій, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались для него непреодолимыми, выше его силъ. Тѣмъ не менѣе автору посчастливилось скопить въ своемъ распоряженіи такое богатство свѣдѣній о количествѣ имуществъ и доходовъ русскихъ монастырей, какимъ не обладаетъ въ настоящее время никто. По отчетамъ оберъ-прокурора Св. Синода, въ Россіи числится нынѣ, за исключеніемъ грузинскаго экзархата, православныхъ монастырей: мужскихъ 340, женскихъ 145, архіерейскихъ домовъ 57, всего 542. Авторъ „Опыта", послѣ многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ собиранія свѣдѣній о количествѣ ихъ имуществъ и доходовъ, получилъ *„болѣе или менѣе подробныя, хотя и не полныя, свѣдѣнія слишкомъ о двухъ стахъ (200) и довольно удовлетворительныя — съ небольшимъ о 90 монастыряхъ"* (стр. 9). „Частному, особенно же не вліятельному, лицу *невозможно*, по словамъ автора, предотвратить всѣ встрѣчающіяся въ знакомствѣ съ экономическимъ составомъ монастырей затрудненія" (стр. 9). „Конечно, совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ „Опыта", лучше было бы, еслибъ мы ознакомились съ экономическимъ состояніемъ, если не всѣхъ, то хотя бы половины нашихъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, но что же дѣлать".

Итакъ задача, избранная авторомъ, была чисто *статистическая*. Если бы авторъ выполнилъ ее успѣшно, онъ оказалъ бы великую услугу русской церкви, государству, обществу и самимъ монастырямъ. Но онъ, какъ самъ сознаетъ, не *могъ* ее выполнить. Онъ не собралъ даже *половины* тѣхъ свѣдѣній, которыя отыскивалъ. Къ тому же, отъ лица, занимающагося статистикою, требуется, чтобы онъ представилъ научное *статистическое изслѣдованіе* того предмета, о которомъ онъ собиралъ „статистическія данныя". Первыя и основныя качества научно-

статистическаго изслѣдованія — точность, опредѣленность, полнота и наглядность изображенія собранныхъ изслѣдователемъ свѣдѣній. Но въ „Опытѣ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей“ нѣтъ и слѣда указанныхъ качествъ *научно-статистическаго* „изслѣдованія“. Авторъ, впрочемъ, и не думалъ ограничиться только *статистическимъ* „изслѣдованіемъ“ имуществъ и доходовъ монастырей.

Статистическія свѣдѣнія автора „Опыта“, собранныя и вовсе не обработанныя по научнымъ пріемамъ статистики, послужили въ его „Опытѣ изслѣдованія“ матерьяломъ для разъясненія одной стороны *финансоваго* состоянія нашихъ монастырей, а именно разъясненія—источниковъ и видовъ монастырскихъ доходовъ. *Финансовая* точка зрѣнія и есть преобладающая, хотя и не исключительная, въ „Опытѣ изслѣдованій“ *финансовыя* соображенія, разсужденія и сопоставленія составляютъ *главное* содержаніе „Опыта“. Если называть разсматриваемое сочиненіе „опытомъ *изслѣдованія*“, то это изслѣдованіе слѣдуетъ отнести по преимуществу къ тому, что можно назвать *церковно-финансовымъ* правомъ. Изъ XVIII-ти главъ, изъ которыхъ состоитъ „Опытъ“, 14 составляютъ, по преимуществу, финансовыя соображенія и наблюденія автора книги. Вотъ въ какомъ видѣ представляется содержаніе „Опыта“.

Показавъ въ предисловіи (стр. 1—10) задачу своего труда и изложивъ любопытныя затрудненія, съ которыми приходилось бороться автору „Опыта“ при собираніи статистическихъ свѣдѣній о предметѣ, онъ въ *первой* главѣ крайне неполно и односторонне излагаетъ способы происхожденія монастырскихъ имуществъ (стр. 11—23), коротко, а также односторонне изображаетъ (во *второй* главѣ, стр. 24—51) финансовое и нравственное состояніе нашихъ монастырей и представляетъ (глава III-я, стр. 51—68) нѣсколько извѣстныхъ уже въ печати свѣдѣній объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну при Екатеринѣ II-й. Предисловіе и четыре первыя главы „Опыта“ составляютъ какъ бы введеніе автора въ „изслѣдованіе“ о доходахъ русскихъ монастырей. Въ главахъ IV—XII авторъ разсматриваетъ источники доходовъ, которые получаютъ русскіе монастыри. Классификація его не отличается послѣдовательностію и точностію. Онъ говоритъ, что наши монастыри получаютъ доходы: 1) отъ „такъ называемыхъ угодій“ (т. е. отъ недвижимыхъ имуществъ — земель, лѣсовъ, рыбныхъ ловель, мельницъ), при чемъ авторъ сообщаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній о количествѣ земельныхъ владѣній многихъ монастырей (стр. 69—87), 2) отъ пособій изъ государственнаго казначейства (стр. 88—102), 3) отъ богомольцевъ (стр. 103—141), 4) отъ часовенъ, сборныхъ книжекъ и молебновъ внѣ монастырей (142—173), 5) отъ кладбищъ (174—195), 6) гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ промысловыхъ заведеній (стр. 208—231) и 7) отъ капиталовъ (стр. 232—249). Въ XII и XVI главахъ, „изслѣдователь“ подводитъ итоги ежегоднымъ доходамъ монастырей (250—280), а въ XIV главѣ сравниваетъ доходы монастырей съ доходами соборныхъ и приходскихъ церквей (281—301). Для вящшаго и полнаго изображенія *богатства* нашихъ монастырей авторъ опыта посвящаетъ цѣлую главу (XV-ю, стр. 306—346) описанію „обширныхъ зданій“, богатства „престоловъ и жертвенниковъ“, священ-

ныхъ сосудовъ, евангелій, напрестольныхъ крестовъ, священныхъ одеждъ, иконъ, царскихъ вратъ, гробницъ или ракъ для мощей св. угодниковъ, лампадъ, кадилъ, подсвѣчниковъ и другихъ принадлежностей св. храмовъ. И все это авторъ представляетъ для своихъ *финансовыхъ* соображеній, „изумляется многоцѣнности всего этого“ и находитъ, что „самый громадный, неисчислимый капиталъ положенъ въ священныхъ и церковныхъ предметахъ“ (стр. 343). При „изслѣдованіи“ каждаго источника монастырскихъ доходовъ, авторъ „Опыта“ старается, прежде всего, объяснить существо доходнаго источника, большею частію излагаетъ историческое происхожденіе источника, потомъ описываетъ способы полученія доходовъ, показываетъ степень доходности источника въ различныхъ монастыряхъ, нерѣдко опредѣляетъ количество получаемыхъ отъ него доходовъ, и весьма часто обрисовываетъ отношеніе доходнаго источника къ нравственному и религіозному состоянію монашествующихъ, большею частію въ анекдотической, иногда „пикантной“ формѣ. Надобно отдать автору справедливость: онъ старается *правдиво* изобразить „заботливость“ монашествующихъ объ умноженіи своихъ личныхъ и монастырскихъ доходовъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни одной книги, въ которой бы съ такою подробностію, откровенностію и критикою съ религіозной и нравственной стороны описывались способы, практикуемые современными намъ русскими монашествующими — пріумножать доходы свои (братіи) и монастырскіе. При изображеніи способовъ добыванія доходовъ, авторъ становится не столько изслѣдователемъ финансовъ монастырей, сколько простымъ нравоописателемъ. Изъ его описаній оказывается, что русскими монашествующими допускаются средства добыванія денегъ *незаконныя* (стр. 152), *неодобрительныя* (стр. 72, 206 и др.), *неприличныя* (стр. 176), съ *нарушеніемъ обѣтовъ монашества* (стр. 159), *благопристойности* (стр. 157, 176), *справедливости* и *выгодъ приходскихъ церквей* (стр. 157 и слѣд.), *городовъ и казны* (стр. 190, 208, 229); въ иныхъ же случаяхъ и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи пускаются въ спекуляціи, неприличныя для монаховъ (стр. 172), производится неправильная торговля съ безчинствомъ (стр. 135) и изъ за денежныхъ доходовъ безнравственно эксплоатируется религіозное чувство православныхъ богомольцевъ. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что авторъ „Опыта“ начерталъ довольно отчетливую и, къ прискорбію, вѣрную во многихъ чертахъ картину „заботливости“ монашествующихъ о пріумноженіи монастырскихъ доходовъ. Тяжело читать тѣ страницы книги, на которыхъ изображается мрачными, но правдивыми чертами картина неприличнаго и неодобрительнаго добыванія доходовъ русскими монахами; но чувство справедливости и благоговѣнія предъ вѣрою внушаетъ сказать: „нужно же наконецъ сознавать и видѣть язвы, наносимыя русской церкви, русскому обществу, лицами, подъ прикрытіемъ монашеской рясы и благочестія, ищущими только доходовъ и наживы для себя“. Читатель, просматривая эти страницы, думаетъ, что авторъ „Опыта“, изображая упомянутую мрачную картину, конечно, имѣлъ цѣлію разъяснить необходимость — предпринять мѣры къ исцѣленію язвъ, наносимыхъ монашествующими русской церкви вслѣдствіе ихъ заботливости о преумноженіи доходовъ дозво-

ленными, недозволенными, неблагопристойными, неприличными, незаконными и т. п. средствами. Читатель тѣмъ съ большею надеждою ожидаетъ видѣть эту цѣль автора, что изысканіе и приложеніе мѣръ къ устраненію описанныхъ имъ средствъ вовсе не затруднительно ни для церковной, ни для государственной власти. Законъ и правила закрыли и учрежденіямъ и частнымъ лицамъ эти средства добыванія денегъ. Но читатель, дойдя до послѣднихъ главъ „Опыта", совершенно разъубѣждается въ намѣреніяхъ автора „Опыта". Оказывается, что авторъ „изслѣдованія" собралъ свѣдѣнія о доходахъ монастырей для разрѣшенія общегосударственнаго финансоваго вопроса. Онъ озабоченъ изысканіемъ средствъ для *народнаго образованія*. Въ доходахъ монаховъ и монастырей онъ и видитъ источникъ матерьяльныхъ средствъ для учрежденія и содержанія народныхъ училищъ. Вся книга „Опытъ изслѣдованій", въ существѣ своего содержанія, представляетъ ходъ слѣдующихъ соображеній ея автора. Монашествующіе и монастыри пользуются такими доходами и богатствами, которые далеко превышаютъ ихъ потребности и несовмѣстны съ монашескимъ обѣтомъ нестяжательности. Въ священныхъ и церковныхъ предметахъ, принадлежащихъ монастырямъ, положенъ „неисчислимый капиталъ"; въ совокупности русскіе, мужскіе и женскіе, монастыри (542), въ которыхъ числится теперь около 25,000 монашествующихъ и послушниковъ, по примѣрному исчисленію автора, получаютъ ежегодно болѣе 9 милліоновъ р. сер. За монастырями состоитъ нынѣ около милліона десятинъ земли. Цѣнность всѣхъ монастырскихъ зданій (оградъ, церквей, домовъ, келлій и т. д.) превышаетъ возможность опредѣлить ее. Однихъ денежныхъ капиталовъ, положенныхъ монастырями въ процентные запасы, простирается, по соображеніямъ и исчисленіямъ автора, до 23 милліоновъ рублей. „Всѣ монастырскія богатства, доходы и капиталы, и прежде составлялись, и нынѣ составляются, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ приношеній, которыя жертвуются православными христіанами въ монастыри" (стр. 11). Скопленіе и увеличеніе такихъ богатствъ въ монастыряхъ — „не только безполезно, но и положительно вредно для нихъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ (стр. 381). Для русскаго народа необходимо нынѣ образованіе; но для учрежденія народныхъ училищъ средствъ не имѣетъ ни государственное казначейство, ни земство. Монастыри обязаны теперь отблагодарить русскій народъ за его щедрыя, въ теченіе вѣковъ продолжавшіяся, пожертвованія удѣленіемъ части своихъ доходовъ и богатствъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ. Правительство должно образовать изъ богатствъ монастырскихъ общее церковное казначейство и распоряжаться ими по своимъ соображеніямъ.

Итакъ авторъ предлагаетъ, чтобы доходы монастырскіе, собираемые средствами, по собственнымъ его выраженіямъ, часто незаконными, неприличными, безнравственными и такъ дал., послужили бы источникомъ для народнаго образованія. Едва ли такое предложеніе автора можетъ быть принято, по его внутреннимъ достоинствамъ. Авторъ, совершенно справедливо порицающій практикуемыя монахами средства добыванія доходовъ, не только не предлагаетъ запретить и искоренить

такое хозяйство монаховъ, но своимъ предложеніемъ думаетъ навсегда связать эти средства съ источниками содержанія учрежденій для народнаго образованія. Болѣе странное предложеніе трудно придумать. Не лучше этого предложенія желаніе автора, чтобы „монастырскія цѣнности", состоящія, между прочимъ, въ священныхъ сосудахъ, иконахъ и тому под. предметахъ, обращены были въ такой капиталъ, который бы служилъ фондомъ для различныхъ оборотовъ въ пользу народнаго образованія: такое обращеніе соединилось бы непремѣнно не только съ нарушеніемъ принциповъ нравственности и права, но и съ оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ народа; оскорбленіе же религіозныхъ чувствъ народа изъ за нѣкоторыхъ незаконныхъ поступковъ монаховъ, полагаемъ, крайне несправедливо. Основаніе, приводимое авторомъ для доказательства возможности обращенія „цѣнностей" монастырей на образованіе народа, крайне шатко. Это основаніе состоитъ въ томъ, что „цѣнности" монастырей составились главнымъ образомъ изъ приношеній народа. Но народъ дѣлалъ приношенія монастырямъ не для тѣхъ цѣлей, на которыя предлагаетъ авторъ обратить приношенія; измѣненіе воли приносителей относительно цѣли приношеній (или дареній), безъ согласія ихъ, юридически несправедливо; при томъ „цѣнности монастырскія пріобрѣтались и не только отъ приношеній, но и другими средствами, въ числѣ которыхъ нельзя игнорировать и личнаго труда монаствующихъ.

Мысль автора объ образованіи общаго церковнаго хозяйства или общаго религіознаго фонда вовсе не нова. Она не разъ приводилась въ исполненіе какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Но, случалось, что цѣнности церковныхъ установленій секуляризовались для образованія фонда, а фондъ или вовсе не являлся, или онъ образовывался вовсе не для тѣхъ цѣлей, для которыхъ происходило отчужденіе отъ церковныхъ установленій цѣнностей. Примѣры секуляризаціи, предлагаемые авторомъ, были уже и у насъ при Петрѣ I, Екатеринѣ II и Александрѣ I. Но при Петрѣ и Екатеринѣ II вовсе не явилось церковнаго фонда. При Александрѣ I образовался этотъ фондъ изъ суммъ приходскихъ церквей подъ именемъ церковностроительнаго капитала; но этотъ капиталъ впослѣдствіи исчезъ, такъ что теперь названія отъ него не осталось. Исторія же представляетъ примѣры и того, что управленіе и употребленіе обще-церковнаго фонда чиновниками государства отнюдь не лучше хозяйственнаго управленія тѣхъ церковныхъ установленій, отъ которыхъ перешли къ нимъ капиталы.

Приводя къ итогу результаты „Опыта изслѣдованій" автора, мы должны сказать, что факты, имъ собранные, драгоцѣнны, а его соображенія и предложенія лишены всякой цѣнности.

М. Горчаковъ.

(профессоръ имп. С.-Петербургскаго университета).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

А. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство. Т. II. Условія, опредѣляющія движенія и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. Вып. I. Москва. 1878.

Настоящее изслѣдованіе московскаго профессора А. И. Чупрова представляетъ продолженіе труда, первый томъ котораго появился въ 1875 году. Въ первомъ томѣ г. Чупровъ стремится установить общіе законы желѣзнодорожнаго хозяйства, на сколько они вытекаютъ изъ сущности и своеобразныхъ особенностей этой формы транспорта. Анализъ условій сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ служитъ автору основаніемъ для уясненія вліянія ихъ на народное хозяйство, для формулированія законовъ, управляющихъ издержками провоза и прибылью въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и для рѣшенія вопроса о лучшемъ, съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, способѣ постройки и эксплуатаціи рельсовыхъ путей. Черезъ весь трудъ красной нитью проведены двѣ руководящія идеи: во 1-хъ, желѣзнодорожныя предпріятія представляются по самому своему существу предпріятіями монопольными; во 2-хъ, успѣшность или неуспѣшность желѣзнодорожной дѣятельности, какъ съ точки зрѣнія доходности желѣзныхъ дорогъ, такъ и со стороны дешевизны провоза, почти исключительно зависятъ отъ внѣшнихъ условій. Оба эти положенія находятся въ тѣсной связи между собою и подкрѣпляютъ другъ друга. Изъ перваго положенія авторъ выводитъ заключеніе о безплодности всѣхъ попытокъ, стремящихся регулировать дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, въ интересахъ народнаго хозяйства, путемъ конкуренціи; второе положеніе доказываетъ ничтожное значеніе экономіи и искусства строителей и управителей желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ издержки сооруженія и эксплуатаціи зависятъ почти исключительно отъ техническихъ свойствъ желѣзнодорожнаго дѣла и отъ естественныхъ и экономическихъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать желѣзнымъ дорогамъ. Но если невозможно парализовать вредныя послѣдствія монополіи рельсовыхъ путей; если въ тоже время выгоды и преимущества, присущія частной предпріимчивости и заключающіяся въ искусствѣ и экономности веденія дѣла, не имѣютъ здѣсь почти никакого значенія, то, очевидно, что остается только передать желѣзно-дорожное дѣло въ руки правительственной власти. Къ такому заключенію и приходитъ авторъ, рѣшительно высказывающійся за государственную постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ.

Мы считали умѣстнымъ напомнить основныя положенія перваго тома „Желѣзно-дорожнаго хозяйства", потому что вышедшая вторая часть труда г. Чупрова составляетъ лишь продолженіе его работы, связанное съ первою частью не только внѣшнимъ образомъ, но и общностью основныхъ идей и способа изслѣдованія. Второй томъ (вып. I), на которомъ мы желаемъ остановить вниманіе читателей, посвященъ анализу валоваго дохода и товарнаго движенія. Содержаніе его въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, говоритъ авторъ, вслѣдствіе ихъ

техническихъ и экономическихъ особенностей, издержки производства находятся въ непосредственной зависимости отъ условій спроса на услуги желѣзныхъ дорогъ, потому изслѣдованіе этихъ условій или иначе причинъ, опредѣляющихъ движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ, составляетъ основной вопросъ желѣзно-дорожной экономіи. Движеніе на желѣзныхъ дорогахъ слагается изъ транспорта пассажировъ и товарныхъ грузовъ, причемъ тотъ и другой элементъ находятъ свое выраженіе въ валовомъ доходѣ. Изслѣдованіемъ валоваго дохода нужно поэтому заняться прежде всего, а затѣмъ уже можно приступить къ анализу товарнаго и пассажирскаго движенія, каждаго въ отдѣльности. Придерживаясь такого плана, г. Чупровъ посвящаетъ двѣ первыя главы вышедшаго II тома изученію валоваго дохода вообще, его факторовъ и существующей между этими факторами зависимости, а въ остальныхъ шести главахъ (гл. III — VIII) изслѣдуетъ товарное движеніе.

Существующая въ извѣстномъ районѣ потребность въ передвиженіи людей и товаровъ, говоритъ авторъ, въ каждую данную эпоху, при данныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, имѣетъ опредѣленный размѣръ. Величина этой потребности зависитъ отъ множества условій, между которыми весьма видное мѣсто занимаетъ самый способъ транспорта. Очевидно, что появленіе такого могущественнаго фактора, какъ желѣзныя дороги, должно было оказать на размѣры транспорта значительное вліяніе. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство при постройкѣ первыхъ желѣзныхъ дорогъ не было принято во вниманіе, и строители при своихъ вычисленіяхъ будущаго движенія и дохода на предположенныхъ линіяхъ основывались на данныхъ относительно товарнаго и пассажирскаго движенія на существовавшихъ въ то время путяхъ. Благодаря такой ошибкѣ, произошло то, что дѣйствительное движеніе превзошло самые смѣлые разсчеты и ожиданія. Повсемѣстный опытъ убѣдилъ въ наклонности желѣзно-дорожныхъ сборовъ къ постоянному возрастанію, но такъ какъ характеръ этого возрастанія также не былъ опредѣленъ точно, то это повело къ новому заблужденію. Дѣло въ томъ, что въ первые годы движеніе и доходъ желѣзныхъ дорогъ растутъ съ необыкновенной быстротой, такъ какъ рельсовый путь открываетъ возможность удовлетворенія такихъ потребностей, которыя прежде вовсе не находили себѣ выраженія и оставались неудовлетворенными. Но спустя нѣсколько лѣтъ движеніе входитъ въ нормальную колею и развивается уже параллельно общему развитію народнаго хозяйства, т. е. весьма медленно. Присматриваясь ближе къ прогрессіи возрастанія доходовъ на желѣзныхъ дорогахъ, можно замѣтить, что кульминаціонный пунктъ, съ котораго начинается замедленіе этой прогрессіи, наступаетъ для разныхъ линій по прошествіи не одинаковаго періода времени. Въ этомъ отношеніи замѣчается разница между дорогами, въ первый разъ проникающими въ мѣстность, и тѣми, которыя присоединены къ нимъ впослѣдствіи. На первыхъ кульминаціонный пунктъ въ развитіи движенія наступаетъ медленнѣе, нежели на вторыхъ. Это явленіе авторъ объясняетъ общими условіями развитія общественной потребности передвиженія. Первая желѣзная дорога, проникающая въ данную мѣстность, должна бороться со старыми привычками на- передѣлывать установившіеся ранѣе пути и способы торговли.

Съ другой стороны, такой дорогѣ приходится будить спящія силы, толкать впередъ предпріимчивость и вызывать къ жизни то скрытое движеніе, которое, какъ мы упоминали раньше, составляетъ главную причину роста доходовъ. Но разъ это перевоспитаніе взглядовъ и привычекъ народа совершилось, разъ промышленныя и житейскія отношенія приспособились къ измѣнившимся условіямъ перевозки, то слѣдующія линіи встрѣчаютъ уже подготовленную почву. Оттого на эти линіи въ первый же годъ поступаетъ все возможное движеніе, и затѣмъ возрастаніе перевозки и дохода подчиняется естественному прогрессу въ хозяйственномъ развитіи прилегающихъ мѣстностей.

При дальнѣйшемъ изученіи доходовъ на разныхъ линіяхъ за разные періоды ихъ существованія, замѣчается еще другое интересное явленіе. Въ первое время развитія сѣти, когда существуютъ только отрывочныя, не связанныя между собою линіи, доходы этихъ кусковъ весьма неравномѣрны. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, сѣть дополняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ выравнивается разница въ доходности между отдѣльными линіями, такъ какъ движеніе, которое притягивалось къ дальнѣйшимъ дорогамъ, за отсутствіемъ ближайшихъ, переходитъ на свои естественные пути.

Таковъ общій характеръ развитія валоваго дохода. Но онъ состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: изъ доходовъ отъ пассажирскаго и товарнаго движенія. Каково отношеніе этихъ двухъ факторовъ между собою въ разные періоды существованія дорогъ? Извѣстно, что первыя англійскія дороги назначались исключительно для товарнаго транспорта (перевозки каменнаго угля); но въ скоромъ времени, когда была доказана опытами быстрота движенія по рельсовымъ путямъ, этотъ взглядъ радикально измѣнился. Повсюду стало общераспространеннымъ то мнѣніе, что спеціальная роль новыхъ путей состоитъ въ перевозкѣ пассажировъ и цѣнныхъ товаровъ, и что такимъ образомъ они служатъ лишь полезнымъ дополненіемъ къ воднымъ путямъ. Дальнѣйшій опытъ доказалъ ошибочность этого воззрѣнія, точно также какъ и предшествующаго. Въ настоящее время на основаніи обширныхъ статистическихъ данныхъ можно утверждать, что въ первые годы существованія желѣзныхъ дорогъ значительнѣйшую долю дохода составляетъ пассажирскій сборъ; но затѣмъ онъ быстро достигаетъ своего предѣльнаго пункта, послѣ чего остается почти неподвижнымъ. Товарный же доходъ, медленно поднимающійся въ началѣ, постепенно ускоряетъ прогрессію своего роста, такъ что, наконецъ, начинаетъ составлять преобладающій источникъ доходовъ. Эти явленія г. Чупровъ объясняетъ тѣмъ, что масса товарныхъ перевозокъ въ странѣ всегда больше, нежели масса передвиженія людей (?) и что вначалѣ пассажирское движеніе легче приспособляется къ новымъ условіямъ и скорѣе переходитъ на новые пути.

Разсмотрѣвъ колебанія валоваго дохода и отношеніе между главными его источниками въ различные періоды существованія желѣзныхъ дорогъ, авторъ переходитъ къ изслѣдованію причинъ, опредѣляющихъ высоту валоваго дохода. Доходы желѣзныхъ дорогъ, говоритъ онъ, зависятъ отъ четырехъ факторовъ: количества грузовъ, длины ихъ пробѣга, рода грузовъ и высоты тарифа. Между этими факторами можно указать извѣстную зависимость. Такъ, во 1-хъ, существуетъ извѣстное отношеніе между

родомъ и количествомъ ихъ. На желѣзныхъ дорогахъ, какъ и на другихъ путяхъ сообщенія, нисшіе менѣе цѣнные грузы составляютъ главную долю движенія и даютъ наибольшую сумму дохода. Въ пассажирскомъ движеніи этотъ фактъ выражается въ громадномъ преобладаніи пассажировъ, ѣдущихъ въ нисшихъ классахъ (III и IV); въ товарномъ движеніи въ численномъ перевѣсѣ грузовъ, перевозимыхъ по нисшимъ тарифамъ, надъ прочими. Во 2-хъ, статистическія данныя обнаруживаютъ повсюду зависимость длины пробѣга отъ родовъ перевозимыхъ грузовъ. Грузы высшихъ категорій передвигаются желѣзными дорогами на болѣе длинныя разстоянія, нежели грузы нисшихъ разрядовъ. Это явленіе наблюдается какъ въ пассажирскомъ, такъ и въ товарномъ движеніи. Въ 3-хъ, существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе между количествомъ грузовъ и длиною ихъ пробѣга, которое можетъ быть выражено слѣдующей формулой: количество грузовъ находится въ обратномъ отношеніи къ длинѣ ихъ пробѣга. Разсмотрѣвъ въ двухъ первыхъ главахъ, содержаніе которыхъ мы передали, валовой доходъ и его факторы, авторъ переходитъ къ изученію товарнаго движенія. Въ гл. III, озаглавленной „главные токи товарнаго движенія“, говорится прежде всего о зависимости товарнаго движенія отъ естественныхъ условій и раздѣленія труда въ странѣ, затѣмъ разлагается движеніе на прямое и обратное (сильнѣйшій и слабѣйшій токъ). На основаніи данныхъ русской сѣти за 1870 и 1874 г., авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы. Во 1-хъ, движеніе прямыхъ и обратныхъ грузовъ на русской желѣзно-дорожной сѣти отличается значительной неравномѣрностью (первыхъ $^2/_3$, вторыхъ $^1/_3$). Во 2-хъ, масса товарнаго движенія зависитъ преимущественно отъ прямыхъ грузовъ. Въ 3-хъ, количество прямыхъ грузовъ находится въ извѣстномъ соотношеніи съ массою обратныхъ. Линіи, стоящія на первыхъ мѣстахъ по количеству прямыхъ грузовъ, имѣютъ и значительнѣйшія цифры обратныхъ.

Указавъ особенности прямыхъ и обратныхъ грузовъ г. Чупровъ устанавливаетъ распредѣленіе ихъ по районамъ, которыхъ онъ насчитываетъ три: районъ балтійскихъ портовъ, западной сухопутной границы и черноморскихъ портовъ. Въ этихъ районахъ изъ центра страны къ окраинамъ направляется движеніе прямыхъ грузовъ, а отъ окраинъ къ центру движеніе обратныхъ. Первое мѣсто по количеству движенія занимаетъ районъ балтійскихъ портовъ, къ которому тяготѣетъ наибольшая масса какъ прямыхъ, такъ и обратныхъ грузовъ. Что касается отношенія между этими двумя товарными токами въ каждомъ районѣ, то наибольшею равномѣрностью отличается черноморскій районъ, наименьшею — балтійскій. При изученіи товарнаго движенія на отдѣльныхъ линіяхъ, можно замѣтить, что на пограничныхъ линіяхъ товарное движеніе значительнѣе и распредѣляется болѣе равномѣрно между прямыми и обратными грузами, нежели на внутреннихъ. Разсмотрѣвъ главные токи товарнаго движенія въ Россіи, авторъ классифицируетъ затѣмъ грузы по мѣсту ихъ полученія и отправки. Съ этой точки зрѣнія онъ раздѣляетъ ихъ на три большія категоріи: *грузы внутренняго сообщенія*, т. е. отправляемые станціями одной данной линіи; *грузы прямаго сообщенія* отправляемые станціями одной линіи, а получаемые станціями другой или наоборотъ; *транзитные грузы*, поступающіе на линію съ другихъ дорогъ и затѣмъ снова передаваемые другимъ дорогамъ.

Изъ этихъ трехъ категорій авторъ прежде всего изучаетъ транзитные грузы. Относительно транзитныхъ грузовъ существовало два мнѣнія. До 50-хъ годовъ имъ придавалось чрезмѣрное значеніе; съ этого времени, напротивъ, они отошли на второй планъ сравнительно съ внутренними грузами. Дѣйствительно почти на всей европейской сѣти, за немногими исключеніями, транзитные грузы весьма не велики, сравнительно съ внутренними. На русской желѣзнодорожной сѣти въ ея цѣломъ транзитные грузы составляютъ около 20%, но на многихъ отдѣльныхъ линіяхъ они играютъ громадную роль, доходя на нѣкоторыхъ дорогахъ до 70—85% всего движенія. Само самою разумѣется, что развитіе транзитнаго движенія должно быть особенно значительно на срединныхъ линіяхъ и слабѣе на конечныхъ. Далѣе, статистическія данныя доказываютъ особенно большое развитіе этихъ грузовъ на сѣверныхъ дорогахъ, что отчасти зависитъ отъ меньшаго ихъ протяженія сравнительно съ южными линіями.

При сопоставленіи данныхъ о количествѣ транзитныхъ грузовъ за нѣсколько лѣтъ, оказывается, что транзитъ представляетъ самый подвижной элементъ товарной перевозки. Тогда какъ мѣстное движеніе развивается изъ года въ годъ лишь постепенно и медленно, транзитные грузы могутъ въ самое короткое время значительно возрасти и значительно уменьшиться. Эта колеблемость транзитнаго движенія зависитъ отъ многихъ причинъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ конкурренція. Мѣстные грузы составляютъ по большей части неотъемлемое достояніе желѣзныхъ дорогъ; напротивъ того, за транзитные грузы дорогамъ приходится нерѣдко вести борьбу, и притомъ тѣмъ болѣе упорную, чѣмъ отдаленнѣе мѣстности, служащія источникомъ этихъ грузовъ. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ приводитъ нѣсколько случаевъ соперничества желѣзнодорожныхъ линій, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи.

Пятая глава труда г. Чупрова посвящена изученію внутреннихъ грузовъ. На основаніи статистическихъ данныхъ, авторъ утверждаетъ, что въ предѣлахъ Россіи равномѣрнаго и притомъ значительнаго развитія какъ отправокъ, такъ и полученій можно ожидать лишь на немногихъ внутреннихъ линіяхъ, соприкасающихся съ крупными центрами населенія. Остальныя внутреннія дороги, не примыкающія къ такимъ центрамъ, должны быть разсчитаны на отправку собственныхъ грузовъ, а пограничныя линіи — на грузы, получаемые съ другихъ дорогъ.

Въ слѣдующей VI главѣ разсматривается вопросъ о значеніи портовъ и пограничныхъ пунктовъ въ товарной перевозкѣ. Такъ какъ до появленія желѣзныхъ дорогъ международный обмѣнъ совершался преимущественно при помощи моря, такъ какъ порты издавна служили средоточіями торговли, то естественно, что къ нимъ начали прокладывать и рельсовые пути, замѣнившіе прежнія дороги. Опытъ подтвердилъ разсчетъ на порты и пограничныя мѣста, такъ какъ дѣйствительно они доставляютъ значительное количество грузовъ. Въ Россіи при обозрѣніи товарныхъ перевозокъ, вызываемыхъ портами, поражаетъ неравномѣрное распредѣленіе ихъ по районамъ. На дорогахъ прибалтійскихъ грузовъ приходится 2 раза больше, нежели на линіяхъ черноморскихъ и въ $2^1/_2$ раза болѣе, нежели на дорогахъ, примыкающихъ къ западной границѣ. Такое преобладаніе

сѣвернаго тяготѣнія зависитъ: во 1) отъ болѣе близкаго разстоянія сѣверныхъ портовъ отъ странъ, съ которыми Россія ведетъ самую обширную торговлю; во 2) отъ болѣе низкихъ фрахтовъ, и въ 3) отъ удачной тарифной политики сѣверныхъ дорогъ, имѣющихъ вообще болѣе низкіе тарифы, сравнительно съ южными. Благодаря значенію портовъ, желѣзныя дороги, примыкающія къ разнымъ портамъ одного моря или даже разныхъ морей; ведутъ между собою дѣятельную борьбу, рельефные примѣры которой можно указать въ германской и русской сѣтяхъ.

Разсмотрѣвъ вліяніе на товарное движеніе портовъ, авторъ естественно переходитъ къ изученію роли прирѣчныхъ пунктовъ (гл. VII). Торговое значеніе рѣкъ, озеръ и каналовъ вызвало образованіе на берегахъ ихъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, которые естественно должны были играть значительную роль въ желѣзнодорожной сѣти. Дѣйствительно, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи мы замѣчаемъ то явленіе, что къ главнѣйшимъ воднымъ путямъ примыкаетъ множество желѣзнодорожныхъ линій и сверхъ того рѣчныя долины прорѣзаны продольными параллельными путями. Благодаря такому расположенію желѣзныхъ дорогъ, какъ между линіями ихъ съ одной стороны, такъ между желѣзными дорогами и водными путями — съ другой, начинается дѣятельная конкурренція. Результаты ея не всегда одинаковы: иногда желѣзныя дороги побѣждаютъ и оттягиваютъ грузы у рѣкъ и каналовъ, иногда это имъ не удается. Въ Россіи исходъ перваго рода представляетъ Ока, судоходство на которой почти уничтожено соперничествомъ московско-рязанской и московско-курской линій: обратное явленіе мы видимъ на Волгѣ, не уступающей своихъ грузовъ желѣзнымъ дорогамъ.

Послѣдняя глава посвящена изученію грузовъ мѣстныхъ районовъ. Часть грузовъ, остающаяся за вычетомъ транзитныхъ, пограничныхъ, портовыхъ и прирѣчныхъ грузовъ, представляетъ собою производительные избытки или потребительные запасы собственнаго района дороги каждой данной линіи. Они въ общей массѣ составляютъ обыкновенно самую значительную часть желѣзнодорожныхъ грузовъ и притомъ часть неотъемлемую, не подлежащую почти никакой конкурренціи. На нихъ наверстывается значительная часть и тѣхъ скидокъ, которыя дѣлаютъ желѣзныя дороги подъ вліяніемъ конкурренціи для грузовъ прямаго сообщенія и транзитныхъ. Количество мѣстныхъ грузовъ зависитъ отъ двухъ главныхъ условій: отъ величины района дороги и отъ свойствъ этого района. Подъ райономъ дороги разумѣется географически ограниченное пространство, съ котораго дорога притягиваетъ къ себѣ грузы. Мнѣнія о величинѣ этого пространства различны: одни принимаютъ его равнымъ 50, другіе 60, третьи 75 верстамъ по обѣимъ сторонамъ пути. Въ дѣйствительности случается, что грузы подвозятся и съ болѣе далекаго пространства, напр. за 150—200 верстъ. Вообще однообразной нормы въ этомъ отношеніи не существуетъ, и можно только указать на главнѣйшія условія, отъ которыхъ она зависитъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ величина района, съ котораго дорога можетъ привлекать грузы, опредѣляется отношеніемъ четырехъ факторовъ: стоимости желѣзнодорожной перевозки, стоимости нагрузки и выгрузки, стоимости

гужеваго извоза и, наконецъ, разности между цѣнами товаровъ на мѣстахъ ихъ производства и потребленія. Товаръ можетъ быть съ выгодой отправленъ по желѣзной дорогѣ изъ даннаго пункта лишь въ томъ случаѣ, если издержки лишней нагрузки и выгрузки окупятся экономіей на самомъ провозѣ. Очевидно, что размѣры такого сбереженія на провозѣ зависятъ отъ длины пробѣга, и существуетъ извѣстный нисшій предѣлъ, ниже котораго сдавать товаръ на рельсовый путь оказывается невыгоднымъ. Коль скоро этотъ предѣлъ перейденъ, то величина района будетъ тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе разница въ цѣнахъ товаровъ на мѣстахъ производства и сбыта и чѣмъ дешевле стоитъ гужевой извозъ, посредствомъ, котораго подвозятся товары къ желѣзной дорогѣ.

При данной величинѣ района желѣзной дороги, количество грузовъ зависитъ отъ свойствъ его, между которыми особенно важны два обстоятельства: густота населенія и существованіе крупныхъ городовъ. Вліяніе этихъ двухъ условій на количество мѣстныхъ грузовъ авторъ выясняетъ рядомъ статистическихъ данныхъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе новаго труда г. Чупрова. Мы, конечно, представили только остовъ его, такъ какъ выбросили весь числовой матеріалъ, служащій автору основаніемъ для его интересныхъ выводовъ, и множество разсужденій, которыми онъ подкрѣпляетъ свои положенія. Постараемся теперь вкратцѣ указать достоинства и нѣкоторыя слабыя стороны этого изслѣдованія.

А. И. Чупровъ, безспорно, обладаетъ завиднымъ даромъ справляться съ самыми сложными вопросами избранной имъ темы, развязывать наиболѣе запутанные узлы. Мы приписываемъ это не только личному таланту автора, но въ значительной мѣрѣ правильному методу изслѣдованія, усвоенному имъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Чупрова заслуживаетъ внимательнаго изученія и подражанія. Какъ въ общей системѣ „Желѣзнодорожнаго хозяйства", такъ и въ подробностяхъ мы видимъ чрезвычайно удачное сочетаніе анализа и синтеза, дающее блестящіе результаты. Авторъ мастерски разлагаетъ сложныя явленія на ихъ составныя части и изучаетъ каждую порознь, причемъ изъ рода конкретныхъ фактовъ добываетъ законъ, управляющій ими. Произведя эту работу, онъ пользуется результатомъ ея, какъ логической посылкой, изъ которой извлекаетъ возможные выводы. Эти выводы разъясняютъ индуктивно установленное положеніе и служатъ руководящей нитью для дальнѣйшаго изслѣдованія. Наконецъ, должно замѣтить, что авторъ рѣдко ограничивается одной установкой того или иного статистическаго положенія, какъ простаго факта. Почти всегда онъ старается объяснить причины даннаго явленія, доказать необходимость его существованія и такимъ образомъ обратить фактъ въ общій законъ, если такъ можно выразиться. Для этой цѣли авторъ пользуется какъ общепризнанными положеніями экономической науки, такъ и своими собственными выводами, доказанными раньше.

Рядъ широкихъ обобщеній законовъ желѣзнодорожнаго хозяйства, опирающихся на статистическія данныя и связанныхъ съ основными принципами экономической науки, придаетъ высокій интересъ

изслѣдованію труда г. Чупрова. Если присоединить къ этому стройность системы, ясность и изящную простоту изложенія, то становится совершенно понятенъ тотъ вполнѣ заслуженный успѣхъ, который выпалъ на долю магистерской диссертаціи автора и которымъ будетъ, вѣроятно, пользоваться также и второй томъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“.

Но при этихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, нельзя не указать на нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя погрѣшности, которыми страдаетъ изслѣдованіе г. Чупрова.

Мы только что замѣтили, что авторъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ слѣдуетъ прекрасному методу изслѣдованія, который по своей основной идеѣ можетъ быть признанъ образцовымъ. Къ сожалѣнію онъ не всегда выдерживаетъ его. Хотя г. Чупровъ называетъ употребляемый имъ пріемъ „методомъ сравнительнаго анализа“, но намъ кажется, что анализъ нерѣдко играетъ у него подчиненную роль. Авторъ иногда слишкомъ смѣло идетъ по скользкому пути отвлеченной дедукціи, основанія которой шатки, а повѣрка не достаточно внимательна и осторожна.

Причиной этого служитъ, какъ намъ кажется, увлеченіе автора нѣкоторыми излюбленными имъ, но до извѣстной степени предвзятыми идеями, увлеченіе, заставляющее его забывать ту осторожность въ выводахъ, которая должна быть присуща солидному научному труду. Подтвердимъ нашу мысль примѣромъ. Одно изъ основныхъ положеній г. Чупрова — подавляющее вліяніе желѣзнодорожной монополіи. Конечно, невозможно отрицать ни монопольнаго характера рельсовыхъ путей, ни вредныхъ послѣдствій этого обстоятельства; но намъ кажется, что какъ выборъ фактовъ, указанныхъ авторомъ въ подтвержденіе его воззрѣній по этому вопросу, такъ и оцѣнка ихъ нерѣдко страдаютъ односторонностью, которая доводитъ г. Чупрова до противорѣчій съ самимъ собою. Такъ въ первомъ томѣ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ г. Чупровъ категорически доказываетъ безсиліе водныхъ внутреннихъ путей сообщеній въ борьбѣ съ желѣзными дорогами и даже раздѣляетъ, кажется, опасеніе одной изъ англійскихъ коммиссій объ опасности, угрожающей со стороны рельсовыхъ путей морскому береговому транспорту. Въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ множество фактовъ изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Англіи и на континентѣ, но при этомъ вовсе упускаетъ изъ виду, что въ Англіи каналы находятся въ частномъ владѣніи, и не дѣлаетъ различія между величиной и значеніемъ судоходныхъ рѣкъ, вступающихъ въ конкурренцію съ желѣзными дорогами. Между тѣмъ, очевидно, что оба эти обстоятельства имѣютъ весьма важное значеніе. Если каналы составляютъ государственную собственность, то всякое соглашеніе оказывается невозможнымъ, и убить судоходство можно только такимъ низкимъ тарифомъ, который едвали въ состояніи вынести желѣзныя дороги. Не подлежитъ также сомнѣнію, что большой рѣкѣ гораздо легче бороться съ желѣзной дорогой, нежели малой и неудобной для торговаго движенія. Какъ бы то ни было, но картина полнаго господства желѣзныхъ дорогъ надъ всѣми остальными путями сообщеній нарисована въ первомъ томѣ труда г. Чупрова чрезвычайно яркими красками.

Во второмъ томѣ авторъ высказываетъ по этому поводу иное мнѣніе, хотя не отрицающее вполнѣ его прежняго взгляда, но значительно ограничивающее его. „Вообще можно сказать, замѣчаетъ онъ здѣсь, что желѣзныя дороги не въ состояніи были уменьшить судоходства на обширныхъ, многолюдныхъ и благопріятно расположенныхъ рѣкахъ; напротивъ, на большинствѣ рѣкъ средняго и малаго размѣра, въ особенности представляющихъ какія либо препятствія для плаванія, онѣ или вовсе уничтожали или сократили прежнее торговое движеніе". Очевидно, что отсутствіе этой оговорки въ первомъ томѣ дало совершенно неправильную постановку вопросу, а умолчаніе о случаяхъ успѣшной конкурренціи водныхъ путей съ рельсовыми привело къ ложному освѣщенію всѣхъ фактовъ, приведенныхъ авторомъ.

Читатель тѣмъ легче можетъ быть введенъ въ заблужденіе, что и самые факты приводятся авторомъ безъ должной разборчивости и въ подтвержденіе того, чего они вовсе не доказываютъ. Рельефнымъ образцомъ такого злоупотребленія фактами можетъ служить слѣдующій примѣръ. Нарисовавъ яркую картину побѣды желѣзныхъ дорогъ надъ водными путями въ Англіи, авторъ, на стр. 272 перваго тома, говоритъ: „Примѣръ Англіи, обладающей высоко развитой системой водныхъ сообщеній, показываетъ все безсиліе соперничества водныхъ путей съ желѣзными дорогами. Тоже явленіе наблюдается повсюду. Во Франціи съ проведеніемъ дорогъ внутреннее судоходство постепенно падаетъ, между тѣмъ какъ желѣзнодорожная перевозка все прибываетъ"... „Даже рѣчная перевозка во Франціи подавляется иногда рельсовыми путями. Такъ Рона уже въ 60-хъ годахъ едва выдержала соперничество съ дорогой отъ Ліона къ Средиземному морю. Прежняя перевозка по Рейну на разстояніи отъ Баля до Страсбурга перешла на желѣзную дорогу".

Изъ приведенной цитаты каждый читатель, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ заключеніе, что судоходство по Рейну потерпѣло отъ конкурренціи съ рельсовыми путями; между тѣмъ во второмъ томѣ самъ г. Чупровъ сообщаетъ, что желѣзныя дороги не подорвали судоходства по Рейну и Дунаю, точно также какъ по Темзѣ, Соверну, Бирмингамскому каналу и по каналу „Aire and Calder", по нашей Волгѣ и проч. Но и относительно уменьшенія движенія на второстепенныхъ судоходныхъ рѣкахъ г. Чупровъ часто выражается далеко неточно. „Московско-Рязанская и Московско-Курская дороги", говоритъ онъ, „почти уничтожили судоходство по Окѣ съ притоками". Въ дѣйствительности оказывается, что по Окѣ съ притоками было перевезено въ 1871 г. — 19,1 мил. пуд., въ 1872 г. — 21,6 мил. пуд., въ 1873 г. — 20,6 м. п., въ 1874 г. — 22,3 м. п. [1]). До уничтоженія во всякомъ случаѣ еще очень далеко.

Такая же односторонность въ изложеніи замѣтна и при разсмотрѣніи вопроса о конкурренціи желѣзнодорожныхъ линій между собою. Авторъ признаетъ возможность конкурренціи между желѣзными дорогами изъ за такъ называемыхъ транзитныхъ грузовъ и отчасти изъ за грузовъ прямаго сообщенія, но онъ въ первомъ томѣ своего труда отри-

[1]) Статист. Сб. Мин. Пут. Сообщ. 1877 г.

цаетъ серьезное значеніе этой конкурренціи, какъ въ силу ничтожнаго количества подобныхъ грузовъ, такъ и по причинѣ соглашеній между желѣзными дорогами. Но факты, приведенные въ IV гл. 2-го тома желѣзнодорожнаго хозяйства, весьма сильно говорятъ противъ такого рѣзкаго заключенія автора. Оказывается: во 1) что на многихъ линіяхъ западно-европейской желѣзнодорожной сѣти, точно также какъ и на русскихъ дорогахъ, двѣ вышеупомянутыя категоріи грузовъ занимаютъ весьма видное мѣсто, превышая иногда количество грузовъ мѣстныхъ; во 2) что конкурренція ведется нерѣдко между отдаленными линіями, принадлежащими различнымъ государствамъ и соглашеніе между которыми едва ли возможно; въ 3) что въ окончательномъ результатѣ такой борьбы является значительное пониженіе тарифовъ. Преувеличеніе значенія монополіи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ привело автора къ выводу о безусловныхъ преимуществахъ правительственной постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Намъ кажется, этотъ вопросъ еще долго будетъ въ наукѣ вопросомъ открытымъ. Признавая всѣ темныя стороны желѣзнодорожной монополіи, указанныя авторомъ; допуская даже, что искусство и экономія строителей и управителей желѣзныхъ дорогъ имѣютъ при постройкѣ и эксплуатаціи рельсовыхъ путей ничтожное значеніе (что, впрочемъ, нисколько не доказано), приходится все-таки серьезно задуматься надъ тѣмъ, не отразится ли устраненіе частной иниціативы самымъ пагубнымъ образомъ на развитіи желѣзнодорожной техники? Не трудно понять какую громадную важность имѣетъ подобный вопросъ для такой отрасли хозяйства, которая едва вышла изъ дѣтскаго возраста. Во всякомъ случаѣ, для насъ сомнительно, можно ли принести важные интересы будущаго въ пользу экономіи настоящаго, притомъ экономіи не вполнѣ доказанной. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что вопросъ о правительственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ далеко не исчерпывается одной экономической точкой зрѣнія. Это вопросъ политическій первостепенной важности, какъ на него и смотрятъ въ настоящее время во Франціи и Германіи. Конечно, экономистъ можетъ игнорировать политику, но тогда едва ли умѣстны будутъ съ его стороны и категорическія рѣшенія.

Указывая на спорность основныхъ положеній, защищаемыхъ авторомъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“, мы не имѣемъ однако права ставить ему это обстоятельство въ особенную вину. Односторонность столь свойственна человѣческой природѣ, что отъ нея едва-ли кто либо свободенъ. Она обращается въ крупный недостатокъ лишь тогда, когда является результатомъ легкомысленнаго отношенія къ дѣлу. Этого никакъ нельзя сказать относительно автора, который чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ предмету своего изслѣдованія, воспользовавшись [illegible]ъ трудами своихъ предшественниковъ, такъ и обильнымъ сырымъ [illegible]теріаломъ, потребовавшимъ не мало утомительной черновой ра[illegible]ты. Но отдавая полную дань уваженія труду г. Чупрова, мы не мо[illegible]мъ не замѣтить, что вторая часть его во многихъ отношеніяхъ го[illegible]аздо слабѣе первой. Изслѣдованіе товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ опирается на довольно шаткій фундаментъ, заключаю[illegible]ъ статистическихъ данныхъ за два года (1870 и 1874 г.),

иногда даже за одинъ годъ. Очевидно, что при такомъ ограниченномъ матерьялѣ, на работу г. Чупрова можно смотрѣть только, какъ на талантливо составленную программу для дальнѣйшихъ изслѣдованій, а большинство его выводовъ оказывается лишь болѣе или менѣе остроумными гипотезами, требующими болѣе солидныхъ доказательствъ.

Такъ какъ при бѣдности фактическаго матерьяла авторъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ не всегда осторожно пользуется имъ и даетъ длинный рядъ весьма широкихъ обобщеній, то отсюда происходитъ слабость многихъ изъ нихъ. Въ этихъ случаяхъ плохую услугу оказываютъ автору и общія теоретическія разсужденія, которыми онъ старается подкрѣпить свои статистическіе выводы, неправильная или неточная постановка фактической стороны того или иного положенія приводитъ къ неудачнымъ объясненіямъ, нисколько неубѣдительнымъ и доказывающимъ только, что г. Чупровъ легко поддается вліянію предвзятыхъ идей.

Чтобы наше мнѣніе не показалось голословнымъ, укажемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ 2-го т. „Желѣзнодорожнаго хозяйства“.

На стр. 42—48 авторъ утверждаетъ, что малоцѣнные грузы, перевозимые по низшимъ тарифамъ, составляютъ подавляющее большинство, какъ въ пассажирскомъ, такъ и въ товарномъ движеніи. Относительно товарнаго движенія это положеніе г. Чупровымъ нисколько не доказано. По приведенному имъ вычисленію г. Дервиза товары, перевозимые по пониженному тарифу, составляли въ 1874 г. 54% всѣхъ грузовъ, а по собственному исчисленію автора выручка за товары высшихъ категорій доставила въ 1869 г. 48,8%, а въ 1870 г.—51% всего дохода. Можно ли говорить на основаніи этихъ цифръ, что малоцѣнные грузы значительно преобладаютъ въ товарномъ движеніи? А между тѣмъ г. Чупровъ находитъ даже излишкомъ доказывать болѣе обстоятельно это положеніе, считая вполнѣ достаточнымъ слѣдующее разсужденіе: „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ общей массѣ народнаго производства значительнѣйшая доля принадлежитъ повсюду громоздкимъ и малоцѣннымъ предметамъ, такъ какъ по устройству природы человѣка и по законамъ внѣшняго міра важнѣйшія человѣческія нужды, именно потребности питанія, жилища и отопленія, удовлетворяются главнымъ образомъ при помощи такого рода предметовъ“. Но на подобное объясненіе съ полнымъ основаніемъ можно замѣтить, что, по тѣмъ же законамъ внѣшняго міра, предметы, служащіе для удовлетворенія важнѣйшихъ человѣческихъ потребностей, разсѣяны повсюду, добываются преимущественно на мѣстахъ потребленія, причемъ только незначительная часть ихъ передвигается по рельсовымъ путямъ. Авторъ самъ нѣсколько ниже признаетъ фактъ меньшей обращаемости громоздкихъ малоцѣнныхъ товаровъ. Очевидно, что, если изслѣдователю пришлось встрѣтиться съ двумя противуположными вліяніями, какими въ данномъ случаѣ являются количество и степень обращаемости малоцѣнныхъ грузовъ, то вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ только при помощи точнаго изученія дѣйствительно существующихъ фактовъ. Г. Чупровъ призналъ бы, вѣроятно, крупной ошибкой, еслибы кто-либо вздумалъ вычислить распредѣленіе пассажировъ по сословіямъ на основаніи количественнаго отношенія сословій въ

странѣ. Очевидно, что лица торговаго класса и крестьянинъ являются въ этомъ случаѣ единицами качественно различными.

Между тѣмъ авторъ „Желѣзнодорожнаго Хозяйства“ допускаетъ почти такую же ошибку въ своемъ разсужденіи. Мало того, на основаніи этого неудачнаго объясненія онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать рѣшительный приговоръ, что „лишь желѣзныя дороги, обладающія въ ихъ районахъ значительной массой малоцѣнныхъ грузовъ, могутъ разсчитывать на крупное движеніе и доходъ“. Не съ одинаковымъ ли правомъ можно сказать тоже самое относительно болѣе цѣнныхъ грузовъ; вѣдь они тоже даютъ половину дохода. Г. Бородинъ [1]) совершенно справедливо замѣчалъ по этому поводу, что здѣсь нельзя установить никакого общаго правила. Дорога, проходящая по лѣсной мѣстности и имѣющая массу дешевыхъ лѣсныхъ грузовъ, но слабое пассажирское движеніе, будетъ выручать гораздо меньше, нежели дорога, находящаяся въ густо населенной фабричной полосѣ. съ преобладающимъ пассажирскимъ движеніемъ и перевозкою товаровъ высшихъ категорій.

Съ такими произвольными выводами мы встрѣчаемся не разъ и дальше въ сочиненіи г. Чупрова. На стр. 67 авторъ увѣряетъ, напримѣръ, что прямые грузы находятся въ извѣстномъ соотношеніи съ обратными. „Линіи, стоящія на первыхъ мѣстахъ по количеству прямыхъ грузовъ“, говоритъ онъ, „имѣютъ и значительнѣйшія цифры обратныхъ“. Это положеніе болѣе нежели сомнительно. Отношеніе между количествами грузовъ этихъ двухъ категорій отличается вообще чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Правило г. Чупрова вполнѣ примѣнимо лишь къ тѣмъ бездоходнымъ линіямъ, которыя или оказались вообще неудачно проведенными или по кратковременности существованія не успѣли еще развить своей дѣятельности. а потому имѣютъ слабое движеніе какъ прямыхъ, такъ и обратныхъ грузовъ. Насколько разбираемое положеніе автора „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ согласно съ статистическими данными, изъ которыхъ оно будто бы выведено, можно судить изъ нижеслѣдующаго. Мы взяли изъ таблицы, приведенной на стр. 60—63 2-го тома сочиненія г. Чупрова, 15 дорогъ подъ-рядъ и расположили ихъ въ убывающемъ порядкѣ по количеству прямыхъ и обратныхъ грузовъ.

Получился слѣдующій результатъ.

Мѣсто, занимаемое дорогами:

По количеству прямыхъ грузовъ.	По количеству обратныхъ грузовъ.
1	1
2	10
3	6
4	2
5	8
6	3
7	14

[1]) «Докторскій диспутъ въ Московскомъ университетѣ».

Мѣсто, занимаемое дорогами:

По количеству прямыхъ грузовъ.	По количеству обратныхъ грузовъ.
8	4
9	11
10	7
11	12
12	5
13	9
14	13
15	15

Само собою разумѣется, что при удлиненіи этого ряда колебанія были бы еще значительнѣе.

Но чего не даютъ цифры, то г. Чупровъ легко замѣняетъ ссылкою на „основной законъ обмѣна". „Связь между количествами прямыхъ и обратныхъ грузовъ", говоритъ онъ, „вытекаетъ изъ основнаго закона обмѣна. Каждый изъ двухъ товарныхъ токовъ, прямой и обратный, представляетъ собою одну изъ сторонъ громаднаго мѣноваго акта, совершающагося между различными частями страны и слагающагося изъ безчисленнаго множества мѣновыхъ сдѣлокъ. Но въ мѣновомъ актѣ каждая изъ сторонъ получаетъ отъ другой равноцѣнное количество товаровъ. Отсюда, если одна изъ сторонъ предлагаетъ меньшее количество товаровъ, то при предположеніи неизмѣняющейся цѣнности, и другая сторона, въ свою очередь, въ состояніи будетъ предложить первой лишь меньшую массу собственныхъ грузовъ". Не трудно убѣдиться, что въ этомъ разсужденіи авторъ до крайности неудачно пользуется извѣстной экономической аксіомой объ обмѣнѣ равноцѣнностей. Его объясненіе построено на томъ предположеніи, что обмѣнъ всегда ведется только между двумя мѣстностями, причемъ каждая изъ нихъ расплачивается за получаемые товары непосредственно своими товарами; но совершенно игнорируется тотъ весьма частый случай, когда мѣстность А получаетъ товары изъ В, а отправляетъ свои произведенія въ пункты С, D, Е и т. д. или наоборотъ. Такъ, напр., Кіевъ можетъ отправлять свои главнѣйшія произведенія — сахаръ и хлѣбъ въ Москву и Николаевъ, а получать товары изъ Варшавы и Одессы; Москва можетъ отправлять свои продукты въ Курскъ, а получать изъ Ярославля и т. д. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не будетъ существовать никакой зависимости между движеніемъ прямыхъ и обратныхъ грузовъ, ибо вознагражденіе за отправленные или полученные товары выдается здѣсь не въ формѣ товара, а въ формѣ денегъ. Причемъ же тогда оказывается основной законъ обмѣна, указанный авторомъ? Указанныя нами до сихъ поръ погрѣшности въ трудѣ г. Чупрова сравнительно маловажны, такъ какъ онѣ касаются отдѣльныхъ положеній автора, не имѣющихъ особаго значенія. Но къ сожалѣнію, наравнѣ съ ними, онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, гораздо болѣе существенныхъ. Намъ кажется, что авторъ совершенно неудачно рѣшилъ одинъ изъ самыхъ важныхъ основныхъ вопросовъ своего изслѣдованія. Онъ желалъ нарисовать картину товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, для

чего требовалось указать главные токи товарнаго движенія и ихъ особенности. Но ни предложенное г. Чупровымъ распредѣленіе товарныхъ грузовъ по районамъ, ни характеристика каждаго района въ отдѣльности не могутъ быть признаны правильными. Г. Чупровъ увѣряетъ, что главные токи прямыхъ грузовъ направляются изъ внутренности страны къ окраинамъ и сообразно тремъ границамъ устанавливаетъ три района: балтійскихъ портовъ, южныхъ портовъ и западной границы. Отсюда прямой логическій выводъ тотъ, что товарное движеніе, имѣющее цѣлью международный обмѣнъ, рѣшительно господствуетъ въ нашей желѣзнодорожной сѣти надъ внутреннимъ. Этотъ выводъ поражаетъ своею неожиданностію. Подобное явленіе было бы понятно въ Англіи или въ какой либо другой странѣ съ сильно развитой внѣшней торговлей; но его рѣшительно невозможно объяснить въ Россіи. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ въ этомъ случаѣ никакихъ объясненій, ссылаясь только на цифры. Мы обратились къ этимъ цифрамъ и пришли къ убѣжденію, что характеристика товарныхъ токовъ, сдѣланная авторомъ, весьма сильно расходится съ дѣйствительностью и составляетъ лишь результатъ игнорированія г. Чупровымъ товарнаго движенія между внутренними торговыми центрами страны. Извѣстно, что однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ нашей фабричной промышленности и внутренней торговли, а вмѣстѣ съ тѣмъ узломъ большой желѣзнодорожной сѣти является Москва. Неужели товарное движеніе, направляющееся въ Москву и окружающій ея фабричный районъ и выходящее отсюда, на столько слабо, что оно теряется среди другихъ болѣе сильныхъ токовъ? Такъ думаетъ г. Чупровъ, но факты доказываютъ нѣчто совершенно иное. Оказывается, что Москва въ 1874 г. получила 158,8 мил. пудовъ груза, а отправила 39,8 мил., всего 198,6 мил. пуд. Эти цифры превышаютъ движеніе товаровъ, какъ въ районѣ западной границы (176,8 мил. пуд.), такъ и въ районѣ черноморскихъ портовъ (167,9 мил. пуд.). И такъ, одна станція отправляетъ и получаетъ грузовъ болѣе, нежели цѣлые районы. Если сравнить Москву съ портами въ каждомъ районѣ и со станціями на западной границѣ, то перевѣсъ ея окажется еще значительнѣе.

	Получили.	Отправили.	Итого [1]).
	Въ тысячахъ пудовъ.		
Москва	158,814	39,816	198,630
С.-Петербургъ	54,180	16,051	70,181

[1]) Эти данныя взяты нами изъ таблицы г. Чупрова (стр. 132—133). Въ ней двѣ небольшія ошибки въ частичныхъ итогахъ, которыя нами исправлены. На стр. 138 мы встрѣчаемъ другія цифры, а именно:

	Получили.	Отправили.
Балтійскіе порты	104,685	38,747
Черногорскіе	86,897	20,538
Западные пограничные пункты	57,756	15,111
Итого . .	249,338	74,396

Эту разницу нельзя приписать коректурнымъ погрѣшностямъ, потому, во 1-хъ, что изъ шести чиселъ только два остались неизмѣненными, и во 2-хъ, что въ обѣихъ таблицахъ получаются одни и тѣже окончательные итоги, хотя они составлены изъ разныхъ слагаемыхъ. Мы неберемся объяснить эту загадку.

	Получили.	Отправили.	Итого.
		Въ тысячахъ пудовъ.	
Всѣ балтійскіе порты со включеніемъ С.-Петербурга.	104,685	68,747	143,432
Черноморскіе порты	83,508	19,888	103,396
Пункты на западной сухопутной границѣ.	61,165	15,761	76,926

Въ виду этихъ цифръ становится рѣшительно непонятнымъ, на какомъ основаніи авторъ усмотрѣлъ главные токи только по направленію къ границамъ и пришпилилъ Москву къ Петербургу, если такъ можно выразиться, не смотря на то, что Москва по размѣрамъ товарнаго движенія стоитъ гораздо выше не только Петербурга, но всѣхъ балтійскихъ портовъ въ совокупности, не говоря уже объ южныхъ портахъ и таможняхъ на западной границѣ. Впрочемъ, мы должны упомянуть, что авторъ, кажется, самъ сознавалъ неудобства своей классификаціи и потому выдѣлилъ группу дорогъ, не вошедшихъ въ три вышеупомянутые районы; но въ этой группѣ соединены дороги, неимѣющія между собою ничего общаго, и данныя объ нихъ совершенно неразработаны.

И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что распредѣленіе товарнаго движенія по районамъ не только неполно изложено авторомъ, но оно совершенно искажаетъ дѣйствительность. Въ этомъ отношеніи одна таблица, которую можно найти въ послѣднемъ изслѣдованіи г. Бліоха, не смотря на то, что она составлена довольно несовершеннымъ способомъ, гораздо яснѣе освѣщаетъ вопросъ, нежели всѣ разсужденія автора „Желѣзно-дорожнаго хозяйства“ [1]).

Изучая далѣе особенности каждаго района въ отдѣльности, г. Чупровъ указываетъ на рѣшительный перевѣсъ Балтійскаго района надъ всѣми прочими. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ слѣдующую таблицу:

	Прямые грузы.	Обратные грузы.
	Въ милліонахъ пудовъ.	
Районъ балтійскихъ портовъ .	524	186,5
Районъ западной и сухопутной границы.	126,9	49,8
Районъ Черноморскихъ портовъ.	111,2	56,7
Дороги, не вошедшія въ показанные районы	119,3	63,1

Эта таблица дѣйствительно свидѣтельствуетъ о громадномъ преобладаніи балтійскаго тяготѣнія, но въ виду того, что она не подтверждается другими данными [2]), является вопросъ: выражаютъ ли приведенныя ав-

---

[1]) Вліяніе жел. дор. на эконом. состояніе Россіи. Т. I, стр. 107, таб. XXII. Въ ней показано движеніе грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ по губерніямъ.

[2]) Какъ приведенныя раньше данныя о количествѣ грузовъ полученныхъ и отправленныхъ по рельсовымъ путямъ портами и пунктами на западной границѣ (см. выше), такъ и свѣдѣнія о движеніи внѣшней торговли (см. обзоръ

торомъ цифры то, что онъ хочетъ ими сказать, то есть, доказываютъ ли онѣ усиленное движеніе товаровъ къ балтійскимъ портамъ и обратно. Къ сожалѣнію эти статистическія данныя не имѣютъ и не могутъ имѣть того значенія, которое приписалъ имъ г. Чупровъ. Не говоря уже о томъ, что въ балтійскій районъ попали грузы тяготѣющіе къ Москвѣ, здѣсь есть еще другая крупная ошибка. Многіе пороги, причисленные авторомъ къ балтійскому району, гораздо короче южныхъ, вслѣдствіе чего грузамъ, направляющимся на сѣверъ, приходится проходить по большему числу линій. Такъ какъ каждая линія записываетъ проходящій товаръ особо, то въ общей отчетности по всему району одинъ и тотъ же грузъ оказывается повтореннымъ нѣсколько разъ. Это, конечно, должно значительно увеличить цифру грузовъ въ районѣ, обладающемъ болѣе короткими линіями, если общій итогъ ихъ полученъ простымъ сложеніемъ цифръ, показанныхъ отдѣльными дорогами. А такой именно пріемъ употребленъ г. Чупровымъ, при чемъ онъ, безъ всякихъ оговорокъ, считаетъ возможнымъ дѣлать рѣшительные выводы изъ подобныхъ цифръ. Этотъ промахъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что, допустивъ его, авторъ нѣсколько ниже весьма убѣдительно доказываетъ неправильность своего вычисленія (стр. 82, примѣчаніе). Не болѣе убѣдительными оказываются и нѣкоторые другіе выводы г. Чупрова относительно особенностей товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Такъ на стр. 76—77 онъ говоритъ: „Если на отдѣльныхъ линіяхъ, входящихъ въ каждый районъ, мы сличимъ между собою отправку какъ прямыхъ, такъ и обратныхъ грузовъ, то увидимъ, что масса тѣхъ и другихъ всего значительнѣе на пограничныхъ линіяхъ, уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ внутренности страны". Въ подтвержденіе этого положенія авторъ привелъ десять дорогъ, а въ опроверженіе его можно привести почти столько же. Варшавско-Тераспольская, Бресто-Граевская, Либавская, Лозово-Севастопольская, Риго-Больдераaсская—вотъ пограничныя дороги съ весьма ничтожнымъ товарнымъ движеніемъ. Не лишено интереса также то обстоятельство, что г. Чупровъ для доказательства усиленнаго движенія на пограничныхъ дорогахъ приводитъ валовыя цифры грузовъ по цѣлымъ линіямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на длину ихъ. Дороги въ 600 и 100 верстъ сравниваются какъ единицы совершенно однородныя.

Но какъ бы ни были произвольно выбраны цифры, на которыхъ авторъ основываетъ тотъ или иной выводъ, у него всегда найдется объясненіе для нихъ. Такъ и въ данномъ случаѣ онъ говоритъ, что причина усиленнаго движенія грузовъ на пограничныхъ линіяхъ заключается въ томъ, что „дороги, проходящія по внутренности страны, отправляютъ къ окраинамъ одни собственные грузы, тогда какъ дороги,

---

внѣш. торговли за 1876 г.) указываютъ на сравнительно незначительный перевѣсъ балтійскихъ портовъ надъ южными и западными таможнями. Нужно замѣтить, что первыя свѣдѣнія не вполнѣ совпадаютъ со вторыми, но разница объясняется участіемъ водныхъ сообщеній (рѣкъ и каналовъ), которыя перевозятъ грузовъ въ порты и обратно. Это особенно замѣтно въ портахъ Балтійюря.

приближающіяся къ границѣ, принимаютъ множество грузовъ отъ другихъ линій. Напротивъ, обратные грузы въ наибольшихъ массахъ скопляются на окраинахъ и затѣмъ, оставаясь постепенно на каждой станціи по пути слѣдованія, поступаютъ на дороги, идущія внутрь страны, уже слабыми токами". Въ этомъ объясненіи нельзя не видѣть вліянія той же предвзятой мысли, которая заставила автора причислить Москву къ балтійскому району. Г. Чупровъ рѣшительно игнорируетъ мѣстное движеніе, совершенно забывая, что если дорога проходитъ по густо населенной мѣстности, между значительными внутренними центрами, то она можетъ имѣть и больше боковыхъ вѣтвей, и больше грузовъ, нежели пограничныя линія. Это явленіе мы и замѣтимъ на множествѣ русскихъ линій. Чтобы убѣдиться въ его существованіи, стоитъ только взглянуть на таблицу г. Чупрова, въ которой дороги расположены по убывающему количеству грузовъ (стр. 60, 63) или, что еще лучше, просмотрѣть графическія таблицы г. Бліоха.

Оставляя безъ разсмотрѣнія нѣсколько мелкихъ положеній автора „Желѣзнодорожнаго хозяйства", мы въ заключеніе упомянемъ, что послѣдняя глава его труда, посвященная разсмотрѣнію движенія мѣстныхъ грузовъ представляетъ чрезвычайно блѣдный эскизъ, нисколько не соотвѣтствующій тому значенію, которое имѣютъ эти грузы въ дѣйствительности и которое признаетъ за ними самъ г. Чупровъ. Здѣсь разсматривается нѣсколько общихъ вопросовъ, но почти нѣтъ вовсе анализа особенностей мѣстнаго товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что относящіеся сюда вопросы (напр. характеристика мѣстнаго товарнаго движенія по районамъ, по временамъ года, по родамъ товаровъ и такъ далѣе) на столько же интересны, на сколько они сложны и трудны. Но будемъ благодарны автору и за то многое, что онъ далъ.

Д. Пихно.

Доцентъ университета Св. Владиміра.

ИСТОРІЯ.

Славянство Болгаръ передъ критикой слависта.

(Статья Проф. Макушева объ „Исторіи Болгаръ" К. Иречка въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1878 г., Апрѣль.)

Исторія человѣчества не знаетъ другой формы гражданственности помимо государственнаго быта. Она не знаетъ ни одной національности, которая выработалась бы внѣ этого быта. Все жившее и живущее внѣ его осталось на первыхъ ступеняхъ развитія, въ состояніи такъ называемыхъ дикарей. Вотъ почему жизнь какого либо народа только

тогда и становится достоянiемъ исторiи, когда онъ начинаетъ выходить изъ племеннаго прозябанiя и слагаться въ государство. Переходъ этотъ бываетъ болѣе или менѣе постепененъ и длится иногда очень долгое время. Условiе, которое болѣе всего влiяетъ на ускоренiе этого процесса, есть взаимная борьба родовъ, племенъ и цѣлыхъ народовъ за землю, за господство, за независимость; въ концѣ концовъ ее можно назвать вообще борьбою за существованiе. Эта борьба, это взаимное тренiе и служитъ главнымъ побужденiемъ для сосредоточенiя народныхъ силъ. А что такое и есть государство, какъ не сосредоточенiе (централизацiя) народныхъ силъ въ рукахъ правительственныхъ? Мы не знаемъ ни одного государства, которое бы сложилось безъ борьбы родственныхъ или чуждыхъ другъ другу племенъ, безъ ихъ взаимодѣйствiя. Иногда элементы и влiянiя, изъ которыхъ возникло государство, бываютъ очень сложны и разнообразны. Раскрытiе этихъ элементовъ и влiянiй составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторической науки. Они важны не для одной только первоначальной эпохи; они сильно дѣйствуютъ и на послѣдующее развитiе. Происхожденiе государства кладетъ неизгладимую печать на всю его исторiю. Основанiя его отражаются на характерѣ власти, на учрежденiяхъ, на цѣломъ общественномъ складѣ, на типѣ всей нацiональности. Отсюда естественно мы придаемъ большую важность тому, чтобы историческая наука возможно точнѣе и тщательнѣе разъясняла происхожденiе того или другаго государства, т. е. той или другой нацiональности, по крайней мѣрѣ, чтобы вопросъ этотъ былъ поставленъ возможно правильнѣе для дальнѣйшей разработки.

Обыкновенно возникновенiе и развитiе государственнаго быта значительно ускоряется, когда полудикiя племена входятъ въ близкое соприкосновенiе или въ прямое столкновенiе съ народами, стоящими уже на высокой степени гражданственности, т. е. съ государствами цивилизованными. Ясный примѣръ тому мы видимъ въ западной Европѣ, гдѣ возникаютъ германскiя государства на предѣлахъ Римской имперiи и въ самыхъ областяхъ этой имперiи. Подобное же явленiе находимъ и въ Восточной Европѣ, гдѣ возникаютъ славянскiя государства на другихъ предѣлахъ или въ другихъ областяхъ той же Римской имперiи, преимущественно въ византiйской половины. Таковы именно государства Сербское, Болгарское и Русское.

Никто не усомнился доселѣ въ славянскомъ происхожденiи государства и народности сербской. Но русскiе и болгаре оказались менѣе счастливы въ этомъ отношенiи. Отрицанiе славянства Руси по крайней мѣрѣ опирается на сплетенiе лѣтописныхъ домысловъ и искаженiе первоначальнаго текста нашей лѣтописи. Объ этомъ мы достаточно говорили прежде; не отказываемся говорить и впредь. Но любопытно, что отрицанiе славянства болгаръ не опирается ни на какiя историческiя свидѣтельства. Оно явилось просто плодомъ догадокъ и умствованiй со стороны нѣмецкихъ писателей позднѣйшаго времени, именно съ конца прошлаго столѣтiя. А съ голоса нѣмцевъ начали тоже повторять и славянскiе ученые, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ, безъ тщательнаго разсмотрѣнiя этого вопроса. Нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ

Венелинъ и Савельевъ-Ростиславичъ, пытались опровергнуть столь легко установившееся мнѣніе, но безуспѣшно; виною тому было отчасти ихъ собственное увлеченіе и несовсѣмъ удачные пріемы, отчасти и недостаточная еще зрѣлость этнологической отдѣла исторической науки. Въ своихъ изысканіяхъ о происхожденіи Руси я встрѣтился съ Болгарами, частію вошедшими въ ея составъ, и счелъ необходимымъ подвергнуть разностороннему пересмотру господствующую теорію о принадлежности ихъ къ Угро-Финской семьѣ. Результатомъ этого пересмотра оказалось, съ моей стороны, полное убѣжденіе въ несостоятельности данной теоріи (См. мою книгу „Разысканія о началѣ Руси"). Естественно, всякая хотя бы и невѣрная, но распространенная теорія не легко уступаетъ свое мѣсто въ наукѣ; обыкновенно она выставляетъ цѣлый рядъ защитниковъ; возникаетъ полемика. Мы всегда рады *научной* полемикѣ, ибо она способствуетъ болѣе тщательной обработкѣ предмета и яснѣе обнаруживаетъ состоятельность или несостоятельность какой-либо теоріи. Разумѣется conditio sine qua non научной полемики составляютъ достаточное знакомство съ предметомъ и добросовѣстное отношеніе къ мнѣніямъ и доказательствамъ противника.

Со времени моего изслѣдованія „О словянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ" (впервые напечатаннаго въ Русскомъ Архивѣ за 1874 г.) прошло уже нѣсколько лѣтъ; доселѣ я встрѣчалъ тамъ-сямъ выраженное несогласіе съ нимъ со стороны теорій Угро-Финской или Тюрко-Татарской,—но несогласіе голословное, ничѣмъ не подкрѣпленное, а слѣдовательно недающее никакого матерьяла для научной полемики. Первое сколько нибудь систематическое возраженіе я нахожу въ статьѣ варшавскаго профессора Макушева, посвященной разбору извѣстной „Исторіи Болгаръ" молодаго чешскаго ученаго К. Иречка (Жур. Мин. Нар. Пр. 1878. Апрѣль). Пользуюсь этимъ возраженіемъ для дальнѣйнѣйшей борьбы съ помянутыми теоріями.

Въ своей статьѣ, дошедши до вопроса о происхожденіи Болгаръ, г. Макушевъ касается моего изслѣдованія (котораго Иречекъ не имѣлъ подъ руками) и „считаетъ долгомъ" разобрать мои доводы. Посмотримъ теперь, какъ онъ исполняетъ этотъ добровольно принятый на себя долгъ.

Г. Макушевъ приводитъ первый пунктъ моего изслѣдованія: „главное основаніе, на которомъ построена финская теорія происхожденія Болгаръ, есть наименованіе ихъ Гуннами у средневѣковыхъ лѣтописцевъ". И тотчасъ прибавляетъ: *это положительно невѣрно.* Послѣ такого категорическаго заявленія можно было ожидать отъ г. Макушева соотвѣтствующихъ цитатъ, несомнѣнно опровергающихъ мое положеніе. Онъ дѣйствительно и приводитъ одно мѣсто изъ Шафарика: „Всѣ византійскіе лѣтописцы, а въ числѣ ихъ Ѳеофанъ и Никифоръ, выдаютъ Болгаръ, пришедшихъ съ Волги и Дона, за родичей Гунновъ и Кутургуровъ, а не Славянъ. И самъ нашъ почтенный Несторъ, слѣдуя общему народному преданію, помѣщаетъ Болгаръ въ ряду не Славянскихъ народовъ, а напротивъ ихъ главныхъ непріятелей, то есть Аваровъ, Угровъ и Хозаровъ" и т. д. Можно ли такъ превратно разсуждать о научномъ вопросѣ, который для профессора-слависта долженъ быть

однимъ изъ важнѣйшихъ? Заявить, что мое основаніе „положительно невѣрно" и тутъ же подтвердить его цитатою. Ибо о чемъ же въ ней говоритъ Шафарикъ, какъ не о томъ, что византійскіе писатели Болгаръ причисляютъ къ Гуннамъ. Эти писатели не только называютъ ихъ соплеменниками Гунновъ, но и прямо именуютъ Гуннами, Гунногундурами и Гуннобундобулгарами. „Шафарикъ говоритъ не объ имени, а о родствѣ Болгаръ съ Гуннами, Аварами и пр.", замѣчаетъ г. Макушевъ, очевидно не подозрѣвая связи этихъ двухъ понятій.

Для всякаго даже поверхностнаго знакомства съ даннымъ предметомъ ясна тѣсная связь вопроса о народности Болгаръ съ вопросомъ о народности Гунновъ. Какъ только Гунновъ объявили не арійскимъ народомъ, Болгаре, которыхъ нѣкоторые источники причисляютъ къ гунскимъ племенамъ, естественно являются по мнѣнію однихъ Татарами, по мнѣнію другихъ Финнами. Пользуюсь также настоящимъ случаемъ, чтобы прибавить слѣдующую замѣтку къ моему изслѣдованію. Начальную исторію Болгаръ я разсматривалъ независимо отъ вопроса о тѣхъ Гуннахъ, которые выступили на историческую сцену въ IV вѣкѣ и основали извѣстную державу Атилы. Послѣднихъ я оставилъ пока въ сторонѣ, и, не возражая противъ господствующаго мнѣнія объ ихъ Угро-Финской народности, ограничился оговоркою, что считаю этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, открытымъ (Розыск. о нач. Руси. 410). Исторія собственныхъ-Болгаръ сама по себѣ даетъ такіе несомнѣнные признаки ихъ славянскаго происхожденія и представляетъ такое самостоятельное цѣлое, что я счелъ возможнымъ разсуждать о нихъ, не разбирая господствующей теоріи о самомъ царствѣ Атилы. На той же точкѣ зрѣнія остаюсь и теперь. Но считаю нужнымъ присовокупить, что чѣмъ болѣе всматриваюсь въ основанія Угро-Финской теоріи Гунновъ, тѣмъ болѣе выступаетъ передо мною ея научная несостоятельность. Можетъ быть когда нибудь, если найду время для тщательнаго обслѣдованія этого вопроса, представлю его результаты на судъ ученой публики. А пока ограничиваюсь разсмотрѣніемъ источниковъ и мнѣній, относящихся непосредственно къ Гунно-Болгарамъ.

Надѣюсь, въ моемъ изслѣдованіи достаточно указана историческая послѣдовательность болгарскихъ переселеній на Балканскій полуостровъ въ теченіе V, VI и VII вѣковъ подъ именами Гунновъ, Кутургуровъ и просто Болгаръ. Я указалъ на важную ошибку славистовъ-историковъ, которые легендарное извѣстіе о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ принимали за историческій фактъ и безъ всякой критики повторяли разсказъ о единовременномъ переселеніи Болгаръ за Дунай въ VII вѣкѣ, упуская изъ виду ихъ предыдущія движенія. Г. Макушевъ проходитъ молчаніемъ вопросъ объ этой легендѣ, и, вообще не коснувшись исторической стороны предмета, приходитъ прямо къ этнографической части моего изслѣдованія.

Я счелъ нужнымъ разсмотрѣть критически всѣ три стороны Угро-Финской теоріи, историческую, этнографическую и филологическую. А между тѣмъ, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною въ данномъ случаѣ. Всѣмъ толкамъ и умствованіямъ о неславянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ историкъ можетъ противу-

поставить свое veto единственно на томъ основанiи, что быстрое и радикальное превращенiе народности завоевателей и основателей государства въ народность ею покоренную и очевидно ея слабѣйшую, такое превращенiе возможно только въ сказкѣ, а не въ исторiи; въ послѣдней примѣровъ ему нѣтъ и быть не можетъ. Только при недостаточномъ сознанiи этого неизмѣннаго историческаго закона, то есть, при недостаточной зрѣлости нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической науки, и могла явиться помянутая теорiя. Правда, это неестественное превращенiе уже бросалось въ глаза и указывалось прежде; но противники славянства Болгаръ какъ-то легко обходили его или прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ и произвольнымъ домысламъ въ родѣ предполагаемой воспрiимчивости и благодушiя дикихъ Угро-Финновъ. А если имъ указывали на сосѣднюю Венгрiю, представляющую совершенно противуположный примѣръ, то сочиняли невѣроятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное влiянiе различныхъ географическихъ условiй и т. п. Если и приводились какiя аналогiи въ подкрѣпленiе этой теорiи, то обыкновенно самыя неподходящiя. Напримѣръ, можно ли ссылаться на обрусѣнiе нашихъ финскихъ инородцевъ, которые болѣе всего и показываютъ какъ туго, медленно, постепенно въ теченiе многихъ столѣтiй претворяются они въ господствующую народность, и замѣтьте въ господствующую, а не въ подчиненную, какъ это выходитъ въ данномъ случаѣ. Финское племя (равно и Татарское), безспорно, есть одно изъ самыхъ неподатливыхъ на превращенiя; а если оно получило въ свои руки правительственную, политическую силу, то для нашего поколѣнiя ученыхъ наивно было бы и говорить о подобномъ превращенiи. Далѣе, существуетъ ли хотя какая нибудь аналогiя между Болгарами Дунайскими и германскими завоевателями на Романской почвѣ? Франки завоевали Галлiю и слились съ покореннымъ населенiемъ. Сочтите однако, сколько вѣковъ происходило это постепенное слiянiе. Хлодвигъ былъ германецъ; но и Карлъ Великiй, царствовавшiй три вѣка спустя, тоже былъ германецъ. Франки мало по малу уступали только силѣ высоко развитой римской гражданственности, и при своемъ слiянiи все-таки не перешли ни въ Галловъ, ни въ Римлянъ, а образовали съ ними новую романскую нацiональность и внесли въ лексиконъ языка свою значительную стихiю. Сочтите также, сколько вѣковъ Лонгобарды сливались съ туземнымъ населенiемъ Италiи, и точно также не просто обратились въ этихъ туземцевъ, а образовали съ ними новую романскую народность и выработали особый романскiй языкъ. Не забудьте также при этомъ могущественное объединительное влiянiе латинской iерархiи. Подобные примѣры не допускаютъ и мысли о быстромъ и совершенномъ превращенiи финской орды завоевателей въ покоренную ею славянскую народность. Исторiя не только не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго превращенiя, а наоборотъ постоянно являетъ примѣры противуположнаго свойства, т. е. живучести роднаго языка и племенныхъ особенностей при тѣсномъ сожительствѣ различныхъ расъ.

Въ своемъ изслѣдованiи я настойчиво указывалъ на физическую невозможность помянутаго превращенiя. Всякiй принимающiй на себя долгъ разсмотрѣть мои доводы не можетъ обойти такое крупное и основ-

ное мое доказательство. Чтобы поколебать его, нужно противупоставить ему рядъ историческихъ аналогій, т. е. дѣйствительно историческихъ и вполнѣ сюда подходящихъ, а не какую нибудь пустую ссылку на мнимое превращеніе небывалыхъ Варяго-Руссовъ въ Славянъ, какъ это обыкновенно дѣлалось. Но какъ же поступаетъ г. Макушевъ? Онъ проходитъ мимо этого основнаго столпа. „Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ, въ силу которыхъ признается невозможнымъ перерожденіе Болгарской орды Аспаруха въ Славянъ-Болгаръ. Это увлекло бы насъ слишкомъ далеко и принудило бы провѣрить другую славянскую теорію г. Иловайскаго о происхожденіи Руси". И прибавляетъ, будто аналогичные примѣры уже приведены Шафарикомъ и Иречкомъ; тогда какъ никакихъ аналогичныхъ примѣровъ мы тамъ не находимъ. Вотъ какъ ученые слависты обращаются у насъ съ научными вопросами! Относительно Руси замѣчу слѣдующее: сдѣлайте милость, провѣряйте мою славянскую теорію ея происхожденія, но только не такъ, какъ это дѣлаете съ славянскимъ происхожденіемъ Болгаръ. Въ настоящее время имѣю передъ глазами уже не одинъ примѣръ такого рода: какой либо ученый противникъ мой по данному вопросу дѣлаетъ рѣзкіе отзывы о новой его постановкѣ или въ печати, или передъ своей аудиторіей; пока эти отзывы голословны, они, конечно, неуловимы; совсѣмъ другое происходитъ, когда подобный противникъ вступаетъ въ научную полемику.

Обойдя такимъ образомъ главное мое основаніе, г. Макушевъ (изъ четырехъ страницъ, употребленныхъ имъ на весь вопросъ о происхожденіи Болгаръ) цѣлую страницу посвящаетъ брошенному мной мимоходомъ примѣчанію объ одной болгарской колоніи въ Италіи, гдѣ можетъ быть въ источникахъ когда нибудь откроются ея слѣды. Противникъ мой заранѣе предрѣшаетъ, что никакого слѣда отъ нея нѣтъ. Положимъ такъ; но это обстоятельство не особенно для насъ важно, и безъ того слишкомъ много доказательствъ, что Дунайскіе Болгары всегда были Славянами. Затѣмъ онъ посвящаетъ одну страницу моимъ опроверженіямъ этнографическихъ основаній Угро-Финской теоріи. И на этой одной страницѣ сколько промаховъ! Напримѣръ, онъ говоритъ, что арабскіе писатели изображаютъ Камскихъ Болгаръ народомъ не славянскимъ и строго отличаютъ Болгаръ отъ Славянъ и Руси. Прежде нежели высказывать подобное мнѣніе, г. Макушевъ долженъ прочесть мое примѣчаніе на стр. 408. Главный арабскій источникъ для знакомства съ Камскими Болгарами, лично посѣтившій ихъ страну, Ибнъ-Фадланъ прямо называетъ ихъ князя „царемъ Славянъ", ихъ край „страною Славянъ". Димешки говоритъ, что сами Болгаре считали себя народомъ „смѣшаннымъ изъ Турокъ и Славянъ". Масуди также говоритъ о славянствѣ Болгаръ. Къ чему тутъ ссылки на толкованія Френа и другихъ? Какъ бы они ни толковали, но текстъ источниковъ остается, и возможно ли ученому сказать такую фразу, что арабскіе писатели *строго отличали* Болгаръ отъ Славянъ. Обычай ссылаться при этомъ на Нестора, какъ то дѣлаетъ Шафарикъ въ выше приведенной цитатѣ, пора оставить; ибо начальный русскій лѣтописецъ не былъ въ камской Болгаріи и писалъ двѣсти лѣтъ спустя послѣ Фадлана, то есть когда многія славянскія

черты сравнительно немногочисленной болгарской колоніи на Камѣ могли уже утратиться посреди финско-турецкаго населенія, особенно съ утвержденіемъ ислама и арабской письменности, и когда монахи-книжники христіанской Руси дѣйствительно могли причислять къ чуждымъ и враждебнымъ племенамъ мусульманскую смѣшанную народность камскихъ Болгаръ. И вообще русскій лѣтописецъ (Несторъ или точнѣе Сильвестръ) отнюдь не можетъ служить крѣпкою опорою при рѣшеніи этнографическихъ вопросовъ, относящихся къ V—VII вѣкамъ, когда Болгаре совершали свои переселенія на Балканскій полуостровъ.

Говоря о бытовыхъ чертахъ, г. Макушевъ повторяетъ голословное мнѣніе, что у славянъ не могли существовать: священное омовеніе ногъ въ морѣ; жены, падающія ницъ на землю при видѣ князя; употребленіе конскаго хвоста вмѣсто знамени; сидѣніе задомъ на пятахъ; покрытіе головы тюрбаномъ; закрываніе лица женщинами; разсѣченіе собакъ на части для скрѣпленія клятвы, и пр. Повторять подобные доводы значитъ дѣлать возраженія слишкомъ несерьезныя. Г. Макушевъ замѣчаетъ, будто „такія черты противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ не только славянъ, но и родственныхъ народовъ“. Сколько извѣстно, онъ изучалъ преимущественно западную часть южнаго славянства, т. е. хорватовъ и сербовъ, и, если онъ не нашелъ у нихъ нѣкоторыхъ болгарскихъ обычаевъ, это обстоятельство весьма естественно. Болгаре были крайне восточное племя между славянами, пришедшее на Дунай изъ черноморскихъ и кубанскихъ степей (какъ это ясно показываютъ источники, а не съ Урала, на который источники совсѣмъ не указываютъ, вопреки мнѣнію Шафарика), съ явными признаками еще кочеваго быта и близкаго сосѣдства съ иноплеменными восточными народами. Что же мудренаго, что въ ихъ обычаяхъ были нѣкоторыя черты несходныя съ болѣе западными и давно осѣдлыми соплеменниками. Найдете ли вы и теперь такія двѣ славянскія народности, которыя, живя при различныхъ политическихъ и географическихъ условіяхъ, не имѣли бы большаго различія въ нравахъ и привычкахъ? Черты вышеприведенныя большею частію внѣшнія и совсѣмъ несущественны. На подобныхъ основаніяхъ и такихъ родныхъ братьевъ какъ малороса и великороса (хохла и кацапа) можно назвать людьми совсѣмъ неродственными другъ другу? Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ высшей степени самонадѣянно приписывать себѣ полное многостороннее знаніе древняго быта всѣхъ славянскихъ народовъ и увѣрять, что такихъ чертъ ни у кого изъ нихъ не было. Шафарикъ былъ великій ученый и оказалъ незабвенныя услуги изученію славянскаго міра; но отстаивать всякое высказанное имъ мнѣніе о славянахъ значило бы отрицать дальнѣйшее движеніе науки. Его этнографическія доказательства именно указываютъ, до чего въ этомъ отношеніи были еще слабы критическіе пріемы и какъ былъ еще узокъ сравнительный методъ. Въ числѣ этихъ доказательствъ неарійскаго происхожденія болгаръ у него приведены и многоженство, столь обычное явленіе у языческихъ народовъ, и употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, хотя оно встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у германцевъ. Онъ приводитъ также клятву на

обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собаки на части. Послѣ моего изслѣдованія г. Макушевъ нѣсколько сократилъ число неарійскихъ признаковъ. Такъ онъ опускаетъ многоженство (въ источникѣ впрочемъ говорится только о двухъ женахъ), человѣческіе черепа, судебную пытку воровъ, клятву на обнаженномъ мечѣ и нѣкоторыя другія. Но собакъ оставилъ, вопреки свидѣтельству Фадлана о языческой Руси. Повторяетъ онъ и Шафариковыхъ тюрбановъ. Въ одномъ этомъ случаѣ является двойная ошибка: неточность по отношенію къ тексту и невѣрность историческая. Въ источникѣ сказано ligatura lintei, что значитъ полотняная повязка. Говорится о ней по тому поводу, что новообращенные болгаре не снимали ее съ головы входя въ церковь. Слѣдуетъ еще путемъ археологическимъ объяснить, что это былъ за головной уборъ, какую онъ имѣлъ форму; не означаетъ ли это просто повязываніе головы убрусомъ или ношеніе на головѣ чего либо въ родѣ древнерусскаго клобука? А поборники финнизма уже рѣшили, что это былъ тюрбанъ или чалма. При этомъ они забыли, что чалма въ тѣ времена не была отличительнымъ уборомъ ни финновъ, ни татаръ; она распространилась отъ арабовъ только съ принятіемъ мусульманства. Если и имѣется гдѣ аналогія съ данною чертою нравовъ, то именно въ русской исторіи. Изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ мы узнаемъ, что князь Святославъ Ярославичъ слушалъ въ храмѣ литургію съ клобукомъ на головѣ, а онъ очевидно въ этомъ случаѣ не былъ какимъ либо исключеніемъ. Если возьмемъ въ расчетъ другое свидѣтельство о древнихъ болгарахъ, именно, что они ходили съ остриженными главами, то намъ будетъ понятно, что они имѣли привычку всегда покрывать или повязывать свои обстриженныя головы. Извѣстно, что руссы также обстригали голову, и это обстоятельство не мѣшало имъ быть славянами. Поборники финнизма, упустившіе изъ виду приведенную сейчасъ аналогію относительно стоянія въ церкви съ покрытою головою, надѣюсь, сознаются, какъ еще далеки отъ полноты ихъ свѣдѣнія о древнемъ бытѣ славянскихъ народовъ. Вслѣдствіе недостаточности этихъ свѣдѣній (особенно скудныхъ по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ древнихъ болгаръ), а также неправильнаго сравнительнаго метода и являются несерьезныя разсужденія о томъ, что священное омовеніе ногъ въ морѣ или въ текучей водѣ, что сидѣніе съ поджатыми ногами, конскій хвостъ на боевомъ знамени и т. п. суть важные признаки неславянскаго происхожденія [1]). Въ наше время наивно было бы и повторять мнѣнія, клонящіяся къ тому, что славяне никогда не были въ кочевомъ бытѣ или никогда не принадлежали къ числу варвар-

[1]) Шафарикъ (а тѣмъ менѣе г. Макушевъ), приводя рядъ якобы неарійскихъ обычаевъ, къ сожалѣнію не вездѣ указывалъ источники; такъ онъ говоритъ о сидѣніи задомъ на пятахъ *по обычаю персовъ* (народа какъ извѣстно арійскаго). Не припомню, откуда онъ взялъ это извѣстіе; слѣдовало бы его провѣрить. А что касается до конскаго хвоста, то можетъ быть онъ когда-то употреблялся и на русскихъ стягахъ; на эту мысль наводятъ меня нѣкоторыя изображенія (напр. въ рукописи о Борисѣ и Глѣбѣ), а также извѣстный оборотъ пѣвца о полку Игоревѣ: стяги у него *хоботы* (т. е. хвостами) *машутъ*.

скихъ народовъ. Послѣдователи Тюрко-финской теоріи иногда принимались увѣрять, что и физіономія-то у болгаръ якобы татарская. Побывавъ лично за Дунаемъ, смѣю возразить, что это чистѣйшая ложь. Болгарскій наружный типъ есть одинъ изъ лучшихъ представителей славянской расы.

Въ концѣ разбора г. Макушевъ посвящаетъ нѣсколько строкъ моимъ филологическимъ доказательствамъ. Онъ говоритъ: „Едва-ли кто согласится съ нимъ (т. е. Иловайскимъ), что Кувратъ тоже, что Коловратъ, что Батбай происходитъ отъ славянскаго батя, батюшка, что Котрагъ указываетъ на старочешское Кутра" и т. д. И заключаетъ слѣдующимъ категорическимъ приговоромъ: „Такимъ образомъ опроверженіе, представленное г. Иловайскимъ, Тюрко-финской теоріи оказывается неудачнымъ, а его доказательства въ пользу славянскаго происхожденія болгаръ слѣдуетъ признать несостоятельными и произвольными."

И въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ о филологіи все тоже замѣчательно неточное и поверхностное отношеніе къ вопросу. Между прочимъ изъ словъ г. Макушева можно заключить, что я положительно отождествляю Куврата съ Коловратомъ. На самомъ дѣлѣ я провожу разнообразныя формы этого имени по разнымъ источникамъ, каковы его сокращенія *Куратъ* и даже *Коуртъ*, и дѣлаю предположеніе, что *можетъ быть* самое Кувратъ сокращено изъ Колувратъ или Коловратъ. Не выставляя никакого положительнаго вывода на этотъ счетъ, я однако вправѣ имѣть въ виду нѣкоторыя аналогіи. Напримѣръ, имя болгарскаго царя Бориса одно изъ употребительныхъ славянскихъ именъ. Въ такой формѣ его славянское значеніе намъ непонятно; но если возьмемъ болѣе полную форму, также встрѣчающуюся въ источникахъ, *Богорисъ*, тогда окажутся составныя его части. Однако вторая половина слова все-таки остается для насъ необъясненной, хотя въ славянствѣ первой не можетъ быть сомнѣнія. Или возьмемъ Ваську Буслаева нашихъ пѣсенъ. Отецъ его, коренной новогородецъ, повидимому назывался Буслай. Съ перваго взгляда это имя всякому покажется чѣмъ-то неславянскимъ. Однако нѣкоторые варіанты той же пѣсни, найденные покойнымъ Гильфердингомъ, называютъ Василія по отечеству *Богуславичемъ*; слѣдовательно Буслай есть только сокращеніе изъ Богуславъ. А что такое имя дѣйствительно существовало, на то имѣемъ извѣстіе Новогородской лѣтописи подъ 1229 г.

Мои филологическія объясненія болгарскихъ именъ большею частію предложены примѣрно, только какъ возможность розыскивать въ нихъ славянскіе корни, и никто этой возможности не опровергнетъ. Напримѣръ, почему Кормезій или по славянскому источнику *Кормисошъ* нельзя по корню сближать съ словами кормчій, кормило, кормить и т. п. Г. Макушевъ можетъ со мной не соглашаться въ этомъ случаѣ, но только голословно; никакихъ филологическихъ опроверженій онъ представить не можетъ. Въ своей книгѣ я не разъ повторилъ, что мои примѣрныя объясненія могутъ быть неудачны; отъ того постановка вопроса нисколько не измѣняется. Я постоянно указываю на безсиліе современной филологіи дать намъ безспорныя этимологическія разъясненія собственныхъ именъ, часто дошедшихъ до насъ въ такой формѣ, что

невозможно раскрыть ихъ корень или первоначальный смыслъ. Я ратую противъ привычки славистовъ отвергать принадлежность славянству какого либо имени или названія на томъ единственномъ и шаткомъ основаніи, что оно кажется имъ чѣмъ-то не славянскимъ. Въ результатѣ мы остаемся только при Святославахъ, Владимірахъ и тому подобныхъ именахъ, славянство которыхъ бросается въ глаза всякому, даже и неимѣющему понятія о филологіи; а въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣемъ только поле для догадокъ и самыхъ разнообразныхъ предположеній. Что касается до искаженной передачи древнихъ болгарскихъ именъ, то слависты-финноманы, въ томъ числѣ г. Макушевъ, какъ бы поддерживаютъ эти еще болѣе затемняющія ихъ искаженія. Такъ-онъ продолжаетъ читать, по византійской передачѣ, *Аспарухъ*, хотя одинъ славянскій источникъ (Роспись болг. царей) указалъ, что слѣдуетъ произносить Аспарахъ (какъ мы произносимъ скиѳы, а не скуѳы). Въ формѣ Аспарихъ или *Аспарикъ* это лицо является намъ ничуть не менѣе славяниномъ, чѣмъ самъ *Шафарикъ*. Послѣдній, хотя и великій филологъ, къ именамъ болгарскимъ отнесся такъ легко, что, напримѣръ, отрицаетъ славянство такихъ какъ Телецъ, Баянъ, Борисъ; въ число же этихъ именъ помѣстилъ Ахмеда и Талиба, встрѣчающіяся не у Дунайскихъ, а у Камскихъ болгаръ, т. е. арабскія имена, перешедшія къ нимъ вмѣстѣ съ исламомъ. Любопытно также, что ни онъ, никто либо изъ его послѣдователей и не пытался филологически доказать принадлежность болгарскихъ именъ финскому языку.

Мы находимъ нѣсколько странными и самыя попытки тюрко- и финно-мановъ рѣшать вопросъ о народности на основаніи этихъ отрывочныхъ неразъясненныхъ именъ. Подумаешь, дѣло идетъ о какомъ нибудь давно исчезнувшемъ изъ исторіи народѣ, въ родѣ Этрусковъ. Г. Макушевъ, очевидно не читавшій внимательно моей книги, не замѣтилъ моихъ важнѣйшихъ филологическихъ основаній, каковы: масса чисто славянскихъ названій городовъ, рѣкъ и другихъ географическихъ именъ, которыя появились въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи только послѣ пришествія болгаръ, усиленіе *славянизаціи* на Балканскомъ полуостровѣ послѣ этого пришествія (засвидѣтельствованное Константиномъ Б.); отсутствіе финскаго элемента въ славяно-болгарскомъ языкѣ; а главное, самое существованіе этого языка, рядомъ съ сербскимъ.

На Балканскомъ полуостровѣ мы находимъ два славянскія нарѣчія: болгарское и сербское. Если болгаре были не славяне, то откуда же пришелъ болгарскій языкъ? Гдѣ же родина тѣхъ славянъ, которые говорили этимъ языкомъ? Балканскій полуостровъ оказался заселеннымъ именно двумя славянскими племенами, сербскимъ и болгарскимъ; заселеніе это происходило на глазахъ исторіи и притомъ довольно постепенно, въ нѣсколько пріемовъ: сербы пришли изъ земель лежащихъ къ западу отъ Карпатъ, а болгаре—къ востоку. Сами послѣдователи финской теоріи (Дриновъ) доказываютъ, что славянское населеніе въ Мизіи и Ѳракіи не было аборигенами, и дѣйствительно, если оно тамъ и существовало прежде, то было слишкомъ слабо и незначительно, чтобы привить свой языкъ позднѣе пришедшей большой массѣ славянъ. Слѣдовательно эта пришлая масса, хотя и приходила въ разное время и

является потомъ подъ разными мѣстными и родовыми наименованіями въ различныхъ источникахъ, однако несомнѣнно она принадлежала къ одной и той же вѣтви, такъ что составила компактное цѣлое съ единымъ языкомъ, особымъ отъ другихъ извѣстныхъ намъ славянскихъ нарѣчій. Это ни сербо-хорватское, ни чехо-моравское, ни русское, ни ляшское нарѣчіе, никакая либо смѣсь изъ нихъ, а нарѣчіе самостоятельное. Если бы славянская масса, постепенно наводнившая Нижнюю Мизію и Өракію, была не болгаре, а какая-то неизвѣстная намъ по имени славянская вѣтвь, то откуда же она взялась? Итакъ, если болгаре не славяне, то откуда же взялось столь распространенное, богатое и самостоятельное славяно-болгарское нарѣчіе, которому большая часть славянскаго міра обязана своими богослужебными книгами?

Сторонникамъ тюрко-финской теоріи не пришелъ въ голову столь простой и естественный историко-филологическій вопросъ. Пусть хотя объ одномъ этомъ вопросѣ почтенный славистъ поразмыслитъ самостоятельно, умомъ, не прикрываясь именами Шафарика и Гильфердинга.

Д. Иловайскій.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Руководство къ особенной части Русскаго уголовнаго права. Магистра правъ *Н. А. Неклюдова.* Томъ первый. Преступленія и проступки противъ личности. 1876 г. Томъ второй. Преступленія и проступки противу собственности. 1876 г. Томъ третій. Преступленія: 1) противъ брака и правъ семейственныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (подлогъ и т. п.). 1878 г.

Судебная реформа есть важная эпоха сколько въ исторіи развитія нашего правосудія, какъ отрасли общественности, столько и въ исторіи отечественной науки правовѣдѣнія, какъ отрасли общественнаго самопознанія.

До судебной реформы связь науки правовѣдѣнія съ юридическою практикою была крайне слаба. Большая часть ученыхъ силъ и ученаго труда затрачивалась на историко-юридическія изысканія. Преподаваніе догмы права состояло, за небольшими исключеніями, въ неосвященной свѣточемъ науки передачѣ статей свода законовъ. Если были указанія на иностранныя законодательства, то они не шли дальше механическихъ заимствованій, безъ установленія связи и отношенія къ отечественному праву.

Дореформенное судоустройство было основано на такихъ началахъ, которыя скорѣе могли противодѣйствовать, чѣмъ содѣйствовать примѣненію науки къ практикѣ. Не было такого спеціалиста по всякой другой

отрасли, кромѣ судовѣдѣнія и правовѣдѣнія, который-бы не считался способнымъ занимать судейское кресло, и при томъ не только въ низшихъ, но и въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Въ магистратахъ засѣдали въ качествѣ судей купцы спеціалисты по торговлѣ. Въ уѣздныхъ судахъ мелкіе землевладѣльцы и крестьяне. Въ палатахъ гражданскихъ и уголовныхъ на судебныхъ креслахъ засѣдали болѣе крупные землевладѣльцы, прошедшіе военную или административную карьеру, и купцы. Сенатъ былъ наполненъ генералами, закончившими свою карьеру по всевозможнымъ отраслямъ военной службы, престарѣлыми администраторами всѣхъ возможныхъ отраслей администраціи, которыхъ назначали въ это высшее судебное учрежденіе какъ бы на покой, иногда положительно по несостоятельности ихъ къ дальнѣйшему продолженію прежней службы.

До судебной реформы все, кажется, было такъ устроено, чтобы сдѣлать ненужнымъ юридическое образованіе для кандидата въ судьи и для судьи. Нерѣдко этого почетнаго званія достигали въ тотъ періодъ жизни, когда человѣкъ оказывается неспособнымъ начинать новую карьеру, посредствомъ изученія чуждой ему до тѣхъ поръ спеціальности.

Судебная реформа осуществила то, безъ чего дальнѣйшее развитіе практическаго правосудія въ нашемъ отечествѣ было-бы невозможно: она положила прочные и незыблемые камни для созданія спеціальной карьеры судьи. Она признала, что нельзя быть хорошимъ судьей безъ спеціальнаго юридическаго образованія, какъ нельзя быть хорошимъ инженеромъ, артиллеристомъ, медикомъ, педагогомъ, не получивъ соотвѣтственнаго спеціальнаго образованія.

И должно сказать, что вся судебная реформа была бы мыльнымъ пузыремъ, хорошимъ закономъ только на бумагѣ, своего рода вторымъ Наказомъ императрицы Екатерины Второй, если-бы законъ вмѣстѣ съ тѣмъ категорически не призналъ, что осуществить вновь созданныя начала судоустройства и судопроизводства въ состояніи только люди, получившіе высшее юридическое образованіе.

И если до сихъ поръ замѣчается очень часто слабость дѣйствительнаго осуществленія этихъ началъ, то люди компетентные не напрасно приписываютъ это явленіе во-первыхъ неограниченному временемъ исключенію, допущенному въ судебныхъ уставахъ въ пользу людей, неполучившихъ юридическаго образованія, и во-вторыхъ, несчастному практическому пріему, посредствомъ котораго въ послѣдніе десять лѣтъ старались дать слишкомъ широкое примѣненіе, исключенію, можетъ быть, въ свое время и въ нѣкоторомъ отношеніи необходимому.

Достаточно было закону сказать, что должности судей въ общихъ судебныхъ установленіяхъ замѣщаются *не иначе, какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена изъ сихъ наукъ*, — чтобы дать иную постановку наукѣ правовѣдѣнія по отношенію къ практическому правосудію. Спеціальное образованіе признано необходимымъ для судейской карьеры. Наука правовѣдѣнія съ этихъ поръ явилась не наукою для науки, а наукою для общественной жизни и содѣйствія ея преуспѣянію. Самымъ закономъ завязана крѣпкая связь между наукою и практикою. Создана необходимость

взаимнаго обмѣна продуктовъ и результатовъ, добытыхъ каждою изъ нихъ. Со времени судебной реформы наукѣ больше не грозитъ опасность уйти въ пустую метафизику, въ построеніе фантастическихъ теорій, ничего не разрѣшающихъ и никому не нужныхъ, а для практики мало по малу исчезаетъ опасность погрязнуть въ тинѣ безсмысленнаго, казуистическаго, лабиринтнаго эмпиризма и крючкотворства.

Въ соотвѣтствіе съ этою теоретическою задачею, въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, явились на поприщѣ юридической литературы дѣятели науки, которые внесли новую жизнь въ нашу науку правовѣдѣнія, поставили себѣ задачею способствовать своими трудами перенесенію результатовъ науки въ практику, одухотворенія послѣдней духомъ первой и прилитію соковъ второй въ лабораторію первой.

Къ такимъ дѣятелямъ принадлежитъ Н. А. Неклюдовъ; о вышеуказанномъ, послѣднемъ по времени, трехъ-томномъ его сочиненіи мы намѣрены дать здѣсь краткій отзывъ, въ предѣлахъ и согласно задачѣ Сборника.

Н. А. Неклюдовъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ успѣлъ своими неустанными, полезными и достойными особеннаго вниманія трудами занять, какъ криминалистъ, одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ ряду ученыхъ юристовъ новой школы, созданной идеями судебной реформы.

Если не считать его перевода устава французскаго судопроизводства 1860 года, то первымъ его самостоятельнымъ трудомъ слѣдуетъ признать: *Уголовно-статистическіе этюды, — статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію. (1864 годъ).* Въ этомъ сочиненіи авторъ, являясь послѣдователемъ метода Кетле, развилъ спеціально тѣ общія начала, которыя добыты были знаменитымъ бельгійскимъ ученымъ по вопросу о значеніи возраста въ проявленіи человѣкомъ преступности. Сочиненіе это, въ свое время, по достоинству было оцѣнено юридическою литературою, какъ опытъ дальнѣйшей разработки результатовъ европейской науки.

Въ 1865—66 г. авторъ издалъ переводъ *Учебника уголовнаго права берлинскаго профессора Бернера, съ примѣчаніями, приложеніями и добавленіями по исторіи русскаго права и положительному законодательству.* Собственныя примѣчанія, приложенія и дополненія автора составляютъ обширную часть этой работы въ первомъ ея томѣ, т. е. въ общей части уголовнаго права. И если примѣчанія, приложенія и дополненія составлены вообще говоря на скорую руку и не гармонируютъ иногда съ чрезвычайно сжатымъ и строго обдуманнымъ текстомъ сочиненія берлинскаго профессора, если они иногда составляютъ простую выписку изъ уложенія о наказаніяхъ и другихъ томовъ свода законовъ, то съ другой стороны, въ этихъ прибавленіяхъ есть отдѣльные трактаты высокаго достоинства, принадлежащіе перу автора. Мы говоримъ *объ очеркѣ теорій, отрицающихъ право наказывать* (стр. 49—92). Это вполнѣ самостоятельная, цѣльная, не столь обширная по внѣшнему виду, сколько объемистая по внутреннему содержанію ученая работа, которая могла бы занять почетное мѣсто въ любой европейской литературѣ.

Скоро послѣ изданія указаннаго перевода, почтенный криминалистъ издалъ въ 1867—68 г. *Руководство для мировыхъ судей*—т. 1, уставъ

уголовнаго судопроизводства, т. II, уставъ о наказаніяхъ. Это первый въ нашей юридической литературѣ опытъ коментарія къ уставу уголовнаго судопроизводства и къ уставу о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Авторъ, самъ нѣсколько лѣтъ занимавшій важную должность предсѣдателя Петербургскаго съѣзда мировыхъ судей и успѣвшій на практикѣ изучить упомянутые уставы, далъ своему руководству характеръ коментарія, необходимаго для толковаго и научнаго примѣненія уставовъ на практикѣ. Въ руководствѣ для мировыхъ судей авторъ окончательно высказалъ всѣ особенности, всѣ качества, всю манеру, если можно такъ выразиться, ему свойственныя какъ писателю-криминалисту и процессуалисту, словомъ, этимъ сочиненіемъ онъ себя опредѣлилъ среди русскихъ юристовъ-теоретиковъ. Послѣдующія его сочиненія, за исключеніемъ его общей части уголовнаго права, или *конспекта*, какъ справедливо авторъ его называетъ, составляютъ только продолженіе работъ въ родѣ его руководства для мировыхъ судей. Къ такого рода продолженію принадлежитъ и *Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права*, которое подало поводъ къ настоящему отчету о трудахъ почтеннаго криминалиста. Что руководство для мировыхъ судей и руководство къ особенной части суть труды вполнѣ одно-характерные, составленные по одному методу, доказательствомъ тому служитъ заимствованіе авторомъ цѣлыхъ трактатовъ изъ перваго и перенесеніе ихъ во второе.

Составляя и издавая руководство для мировыхъ судей, авторъ отгадалъ, въ какомъ именно руководствѣ нуждаются мировые судьи. Словомъ, своимъ руководствомъ онъ удовлетворилъ насущнымъ потребностямъ нашей практики. Этимъ объясняется то, что уже въ 1872—1874 г. потребовалось второе изданіе этого сочиненія. Первая часть руководства во второмъ изданіи есть вновь переработанная часть сочиненія; поэтому авторъ имѣлъ право сказать: „самое поверхностное сравненіе настоящаго изданія съ первымъ покажетъ, что отъ перваго изданія осталась въ настоящемъ только одна обертка.“

Авторъ, въ предисловіи къ руководству къ особенной части русскаго уголовнаго права, говоритъ, что *наше уложеніе—сырой непочатый боръ, въ которомъ легко заблудиться даже и опытному лѣсничему*, и что его трудъ будетъ первою попыткою руководства къ особенной части отечественнаго уголовнаго права. Это все, что мы находимъ у автора касательно общей характеристики уложенія.

Можно надѣяться, что авторъ при второмъ изданія, о которомъ онъ говоритъ въ видѣ надежды въ томъ-же предисловіи, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ преступленій, предпошлетъ общую характеристику нашего уложенія и изложитъ основанія плана своего сочиненія. Тѣ отдѣльныя критики, которыя авторъ помѣщаетъ послѣ разсмотрѣнія каждой группы преступленій, не могутъ замѣнить общаго обзора и оцѣнки уложенія. Безъ этого послѣдняго само сочиненіе, многотомное, обильное матеріаломъ, выписками и выдержками изъ рѣшеній, страдаетъ недостаткомъ освѣщенія. Думаемъ, что эту задачу легко выполнить такому знатоку положеній нашего уголовнаго законодательства, каковъ авторъ. Въ нашей юридической литературѣ при томъ мы имѣемъ хорошія

работы для общей характеристики и общей оцѣнки уложенія; такова работа профес. Таганцева, не говоря о другихъ.

Исторія уголовныхъ законодательствъ не представляетъ другаго сборника уголовныхъ законовъ, подобнаго нашему уложенію. По объему оно непомѣрно и не въ примѣръ велико: безъ устава о наказаніяхъ, содержащаго въ себѣ 181 статью, оно состоитъ въ изданіи 1866 года, сокращенномъ противъ предшествующаго на 593 статьи, изъ 1711 статей. Уложеніе наше носитъ на себѣ печать работы, въ которой видны только самые слабые признаки обобщенія. Однородныя преступленія размѣщены по разнымъ раздѣламъ. Одно и тоже преступленіе разбито на два, на три, вопреки природѣ самого преступленія, и только на основаніи ходячаго словоупотребленія. Оттого нерѣдко границы, отдѣляющія одно преступленіе отъ другаго, бываютъ неуловимы.

Редакторы этого усовершенствованнаго свода, какъ онъ названъ офиціально въ объяснительной запискѣ, стремились дробленіемъ видовъ преступленій охватить разнообразные случаи дѣйствительной жизни. На дѣлѣ же вышло, что этимъ внесено только много путаницы въ практику, но главная цѣль охватить разнообразіе явленій жизни—не достигнута. Даже, напротивъ, вслѣдствіе казуистичности постановленій уложенія, нѣкоторые подвиды одного и того-же преступленія не могутъ улечься въ дробныя опредѣленія другихъ подвидовъ и не подходятъ ни подъ одно изъ опредѣленій уложенія. Таковъ напримѣръ одинъ изъ видовъ вынужденія, окрещеннаго у насъ французскимъ словомъ *шантажа*.

Вслѣдствіе этого наше уложеніе есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ законовъ для изученія, одинъ изъ самыхъ неподдающихся классификаціи матерьяловъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно правильно и разумно истолковать тотъ законъ, который плохо редактированъ, въ которомъ содержится какая нибудь логическая или граматическая несообразность? Какъ написать хорошій, толковый коментарій на тѣ отношенія кодекса, которыя сами по себѣ дурны и неразумны? Коментаторъ освѣщаетъ законъ свѣточемъ науки, — это правда; но правда также и то, что буква и смыслъ положительнаго закона для него также обязательны и должны служить основаніемъ для его объясненій и выводовъ. Въ какое-же положеніе бываетъ поставленъ коментаторъ такого закона, который плохо, неразумно составленъ? Онъ или долженъ подчиниться всѣмъ несовершенствамъ этого закона и, побившись какъ рыба объ ледъ, пропитать свой коментарій всѣми недостатками самаго закона. Или же онъ долженъ пойти въ разрѣзъ съ закономъ, истолковавъ его по своему съ великими натяжками, или же написавъ на него критику, которая, будучи, хороша сама по себѣ, а также для ученаго и законодателя, непригодна для того, кто долженъ ограничиваться точнымъ примѣненіемъ закона въ практикѣ.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы указать на крайне затруднительное положеніе, въ которомъ находится каждый ученый коментаторъ русскаго уголовнаго уложенія, чтобы—скажемъ болѣе—высказать мысль, что русская наука никогда не дождется коментаріевъ на уложеніе такого высокаго достоинства, какіе представляетъ французская юридическая ли-

тература, не дождется пока не будетъ вновь въ цѣломъ своемъ составѣ переработана и редактирована система уложенія о наказаніяхъ.

Изъ сказаннаго также очевидна справедливость словъ автора: „Наше уложеніе сырой, непочатый боръ, въ которомъ легко заблудиться даже и опытному лѣсничему".

Выпуская въ 1876 году въ свѣтъ первый томъ, авторъ въ предисловіи писалъ, что второй томъ также сданъ въ типографію, что все сочиненіе въ объемѣ 5—6 томовъ онъ предполагаетъ окончить печатаніемъ въ началѣ 1877 года.

Предполагаемая быстрота работы оказалась на дѣлѣ неосуществленною даже при свойственной автору энергіи и быстротѣ въ работѣ: до сихъ поръ вышло въ свѣтъ три объемистыхъ тома. И эта быстрота изданія объясняется въ значительной степени тѣмъ, что многіе трактаты перенесены, какъ выше сказано, въ это сочиненіе изъ втораго тома руководства для мировыхъ судей. Очевидно, авторъ назначилъ слишкомъ короткое время для выполненія такого обширнаго труда, который долженъ быть тѣмъ зрѣлѣе, чѣмъ болѣе можетъ быть употреблено времени для научной переработки такой массы матерьяла.

Уже первые три тома въ совокупности содержатъ въ себѣ болѣе 1800 страницъ.

Первый томъ (1 — 539) обнимаетъ преступленія противъ личности. Въ частности, онъ трактуетъ: а) объ оскорбленіяхъ чести, б) о преступленіяхъ противъ свободы, в) о посягательствахъ на тѣлесную неприкосновенность, г) о преступленіяхъ противу жизни, д) о произвольномъ оставленіи человѣка въ опасности и о неоказаніи помощи погибающему, е) о любодѣяніи, ж) о проступкахъ противъ личной безопасности и народнаго здравія.

Второй томъ (1 — 747) посвященъ преступленіямъ противъ собственности; въ частности въ немъ разсмотрѣны: 1) небрежное храненіе ввѣреннаго имущества, 2) завладѣніе чужою движимою собственностію, 3) самовольное пользованіе, 4) повреждение и истребленіе чужой собственности, 5)-кража, 6) мошенничество, 7) присвоеніе чужой собственности, 8) злоупотребленіе довѣріемъ, 9) несостоятельность, 10) похищеніе и поврежденіе чужаго лѣса, 11) святотатство, 12) насильственное похищеніе чужой собственности, 13) купля—продажа и захватъ похищеннаго, 14) различные корыстные проступки.

Въ третьемъ томѣ изложены: 1) преступленія противъ правъ семейственныхъ въ частности: а) о вступленіи въ бракъ съ нарушеніемъ требуемыхъ условій, б) о многобрачіи, в) преступленіе совершающихъ актъ бракосочетанія священнослужителей, г) преступленія противъ союза супружескаго, д) злоупотребленія родительской власти, е) преступленія родителей противъ дѣтей, ж) преступленія опекуновъ и попечителей; 2) преступленія противъ законовъ о состояніяхъ, — въ частности: а) сокрытіе, или лишеніе правъ состоянія другихъ лицъ, б) присвоеніе правъ состоянія, в) нарушеніе правилъ о сословныхъ собраніяхъ, г) нарушеніе постановленій о народной переписи; 3) преступленія общеопасныя—въ частности: а) шайки, б) поджоги, в) взрывы, д) потопленіе, поврежденіе шлюзовъ, плотинъ и тому под., с) уничтоженіе мореплавательныхъ и другихъ предо-

стерегательныхъ знаковъ, ж) разрушеніе и засыпка рудниковъ, з) умышленное сообщеніе заразы чужому скоту и отравленіе чужихъ животныхъ, и) отравленіе источниковъ воды и складовъ продовольствія, к) стачка торговцевъ или промышленниковъ съ цѣлью непремѣннаго возвышенія цѣнъ на товары, л) поврежденіе желѣзныхъ дорогъ, м) поврежденіе телеграфовъ, н) нарушеніе устава пожарнаго.

Изъ обозрѣнія приведеннаго содержанія трехъ томовъ легко убѣдиться, что авторъ въ своемъ изложеніи не держится классификаціи и системы уложенія.

Но по какимъ основаніямъ авторъ отвергнулъ классификацію уложенія о наказаніяхъ, какими соображеніями онъ руководствовался при усвоеніи принятой имъ классификаціи разсмотрѣнныхъ преступленій, — этого онъ не объяснилъ, хотя это и было бы совершенно необходимо.

Классификація преступленій имѣетъ важное значеніе. Она очень часто замѣняетъ часть преступленія, она бросаетъ правильный или ложный свѣтъ на сущность преступленія, смотря по тому, правильна-ли она или ложна. Въ виду такого важнаго значенія классификаціи, въ виду того, что классификація уложенія принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ, въ виду того, что авторъ не держится классификаціи уложенія, а предлагаетъ свою — было бы очень умѣстно изложеніе тѣхъ руководящихъ началъ, которыя авторомъ приняты въ основаніе классификаціи преступленій. Классификація преступленій даже въ коментаріи есть не столько то или другое распредѣленіе матеріала, сколько опредѣленіе правильнаго мѣста, занимаемаго тѣмъ или другимъ преступленіемъ въ теоретической и законодательной системѣ права.

Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ церковная кража и церковный разбой помѣщены подъ именемъ святотатства во 2-мъ раздѣлѣ, содержащемъ въ себѣ опредѣленія преступленій противъ вѣры. Такое названіе и такое помѣщеніе церковной кражи въ ряду преступленій противъ вѣры ясно указываютъ на то, что составители уложенія руководствовались тѣмъ міровоззрѣніемъ, которое было господствующимъ въ уголовномъ правѣ въ XVI и XVII стол., которое ослабѣло и подверглось критикѣ въ XVIII стол., а въ XIX стол. оно не нашло себѣ мѣста ни въ одномъ европейскомъ кодексѣ, ни въ одной научной системѣ.

Нашъ авторъ съ полнымъ основаніемъ не послѣдовалъ классификаціи, усвоенной уложеніемъ по отношенію къ этому преступленію. Но онъ во первыхъ помѣстилъ церковную кражу и церковный разбой въ раздѣлъ преступленій противъ правъ отдѣльныхъ лицъ, во-вторыхъ, далъ имъ мѣсто не въ группѣ кражъ и видовъ разбоя, а образовалъ изъ святотатства отдѣльное преступленіе, помѣстивъ его послѣ кражи, мошенничества, присвоенія чужой собственности, злоупотребленія довѣріемъ, несостоятельности, похищенія и поврежденія чужаго лѣса. Причисленіе святотатства къ преступленіямъ противъ правъ отдѣльныхъ лицъ произошло отъ того, что авторъ держится старинной классификаціи, на основаніи которой преступленія противъ собственности окрещивались именемъ преступленій противу правъ отдѣльныхъ лицъ. Теперь эта общая рубрикація опускается въ кодексахъ. Она должна быть забыта и наукою, такъ какъ преступленія противъ собственности могутъ быть сколько же преступленіями противъ правъ

отдѣльныхъ лицъ, сколько противъ цѣлыхъ учрежденій и даже правъ государственной казны. Не приходится, конечно, много распространяться о томъ, что святотатство въ видѣ кражи и разбоя не имѣетъ никакихъ иныхъ составныхъ частей преступности, кромѣ состава или кражи, или разбоя, что со времени секуляризаціи уголовнаго права, святость мѣста и предмета составляетъ только обстоятельство, квалифицирующее эти виды кражи и разбоя, но не измѣняющее природы этого преступленія.

Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ вымогательство, которое въ нѣмецкомъ правѣ называется характернымъ словомъ *Erpressung*, помѣщено подъ рубрикою *угрозъ* въ X раздѣлѣ, содержащемъ въ себѣ постановленія *о преступленіяхъ противъ жизни, здоровья, свободы и чести частныхъ лицъ*. Хотя названіе *угрозы*, данное сему преступленію уложеніемъ, должно быть признано неудачнымъ, хотя постановленія уложенія объ угрозахъ съ вымогательствомъ страдаютъ общимъ недостаткомъ, свойственнымъ всему уложенію — отсутствіемъ принципіальныхъ обобщеній, крайнею непослѣдовательностію, рѣзкими противорѣчіями; но тѣмъ не менѣе нельзя не признать многихъ и многихъ основаній къ отнесенію угрозъ съ вымогательствомъ къ преступленіямъ противъ личности, а не противъ собственности. Во многихъ европейскихъ кодексахъ вымогательство также отнесено къ преступленіямъ противъ личности, въ частности къ нарушеніямъ личной свободы.

Въ руководствѣ къ особенной части русскаго уголовнаго права это преступленіе помѣщено въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ собственности. Такое помѣщеніе должно было поставить автора въ противорѣчіе какъ съ теоріей, такъ и съ уложеніемъ о наказаніяхъ. Такъ, авторъ долженъ былъ допустить, согласно буквѣ уложенія, что угроза съ вымогательствомъ почитается оконченнымъ посягательствомъ, коль скоро угроза дошла по назначенію, *хотя-бы она и не произвела желаннаго дѣйствія*. Очевидно, что это положеніе, вѣрное съ точки зрѣнія уложенія и другихъ кодексовъ, причисляющихъ это правонарушеніе къ преступленіямъ противъ личности, оказывается невѣрнымъ съ точки зрѣнія руководства, причислившаго его къ преступленіямъ противъ собственности, для совершенія которыхъ теорія требуетъ по крайней мѣрѣ овладѣнія, а безъ него можетъ быть только покушеніе. Бернеръ, классификацію котораго принялъ нашъ криминалистъ, причисляетъ Erpressung къ преступленіямъ противъ собственности, но за то онъ моментъ совершенія осматриваетъ весьма основательно съ принятой имъ точки зрѣнія, въ достиженіи цѣли вымогательства. Далѣе, причисливъ угрозу съ вымогательствомъ къ преступленіямъ противъ собственности, авторъ долженъ былъ или выбросить за бортъ всѣ другіе виды вымогательства, неимѣющіе въ виду полученія имущественной цѣнности, или отнесть ихъ къ простымъ угрозамъ, указаннымъ въ ст. 139—141 устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Въ слѣдствіе этого, онъ отрицаетъ правильность мнѣнія Сената, который съ полнымъ основаніемъ призналъ мѣщанина Николаева, грозившаго купцамъ Рябушкинымъ поджечь ихъ фабрику, въ случаѣ ежели или не будутъ уволены нѣкоторые изъ служащихъ на той фабрикѣ,— виновнымъ въ вымогательствѣ по ст. 1545. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно причислять по дѣйствующему законодательству угрозы съ вымогательствомъ къ преступ-

леніямъ противъ собственности, когда въ ст. 1545 и 1546 говорится объ угрозахъ, съ цѣлью вынудить *отказъ отъ какого либо права*. Не ясно-ли, что этимъ выраженіямъ дано въ уложеніи болѣе широкое опредѣленіе угрозамъ съ вымогательствомъ, чѣмъ авторъ хочетъ видѣть. Не ясно-ли, что подъ статьи 1545 и 1546 уложенія, по самымъ положительнымъ и строгимъ правиламъ толкованія, могутъ, какъ поступилъ Сенатъ въ вышеприведенномъ дѣлѣ мѣщанина Николаева, и должны быть подведены угрозы съ вымогательствомъ не только съ цѣлію заставить, *выдать или положить въ назначенное мѣсто сумму денегъ, или вещь, или письменный актъ или что иное, или же принять на себя какія либо невыгодныя обязательства*, то есть вымогательство для достиженія корыстныхъ цѣлей, но и для достиженія другихъ цѣлей, не строго корыстныхъ.

Кажется, настала пора разъ навсегда отказаться отъ старинныхъ образцовъ общихъ родовыхъ классификацій, напр. раздѣленія преступленій противъ личности, противъ собственности, противъ нравственности, и т. п. и ограничиться классификаціею и раздѣленіемъ на отдѣльные виды. Это необходимо въ томъ соображеніи, что есть многіе виды преступленій сложнаго характера, содержащіе въ себѣ нарушеніе различныхъ правъ. Возьмемъ напримѣръ вымогательство или разбой. Можно-ли ихъ причислять къ преступленіямъ противъ собственности, когда въ нихъ въ сильнѣйшей степени преобладаетъ элементъ насилія надъ личностію. Но опять ихъ нельзя признать и чистыми преступленіями противъ личности, такъ какъ въ нихъ могучъ также и элементъ нарушенія собственности. Возьмемъ на выдержку изнасилованіе. Оно у автора стоитъ въ группѣ преступленій называемыхъ *любодѣяніями*. Но можетъ-ли это слово сколько-нибудь охарактеризовать это преступленіе, въ которомъ элементъ тяжкаго насилія надъ личностію поглощаетъ всѣ другіе элементы. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ европейскихъ кодексахъ это преступленіе причислено къ видамъ насилія, нарушающимъ личную свободу. Въ нашемъ уложеніи изнасилованіе отнесено къ преступленіямъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ и должно сказать, что эта характеристика и эта классификація, если не подлежатъ усвоенію, то во всякомъ случаѣ, болѣе удачны, чѣмъ названіе ихъ „любодѣяніемъ“.

Къ какимъ странностямъ ведетъ усвоеніе старой классификаціи, примѣромъ этому можетъ служить помѣщеніе въ руководствѣ скотоложства въ числѣ преступленій противъ личности. Классификація этого преступленія въ уложеніи болѣе удачна и болѣе правильна. Оно помѣщено въ раздѣлѣ VIII, трактующемъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, въ частности въ главѣ о преступленіяхъ противъ общественной нравственности (ст. 997 улож.).

Присматриваясь ближе къ классификаціи руководства, нельзя не замѣтить отраженія на ней вліянія руководства Бернера.

Въ предисловіи къ руководству авторъ говоритъ, что онъ руководствовался, кромѣ источниковъ отечественнаго законодательства и практики, и основными положеніями науки уголовнаго права практикою иностранныхъ судовъ. „Общія начала науки уголовнаго права, сказано въ руководствѣ, примѣняются нами въ двухъ главныхъ случаяхъ: во-первыхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уложеніе не опредѣляетъ вовсе состава дан-

наго преступленія; такое молчаніе закона мы толкуемъ всегда въ томъ смыслѣ, что онъ отсылаетъ къ общепринятому понятію даннаго преступленія, и во-вторыхъ, въ случаѣ неясности или сомнѣнія по тому или другому вопросу, не могущему быть разрѣшеннымъ ни на основаніи буквальнаго смысла закона, ни на основаніи сопоставленія различныхъ его статей».

Вышеприведенными словами авторъ опредѣлилъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ объемѣ онъ прибѣгаетъ къ непосредственнымъ указаніямъ науки Уголовнаго права.

Было-бы однакожъ невѣрно думать, что научный элементъ въ руководствѣ на столько допущенъ, на сколько авторъ непосредственно обращается къ положеніямъ науки. Все руководство свидѣтельствуетъ о томъ, что оно написано авторомъ, воспитавшимся на основныхъ положеніяхъ науки уголовнаго права.

Съ другой стороны, руководство къ особенной части отличалось-бы еще большими достоинствами, если-бы авторъ чаще непосредственно обращался къ результатамъ науки Уголовнаго права.

Авторъ очень рѣдко и то вскользь цитируетъ положенія науки и дѣло ея рукъ — европейскіе кодексы. Исключеніе составляетъ его обстоятельный трактатъ объ одномъ видѣ вымогательства, окрещеннаго у насъ французскимъ словомъ *шантажа*.

Наше уложеніе составлено не безъ заимствованій изъ европейской науки, а съ другой стороны оно слишкомъ рѣзко выдѣляется своимъ типомъ изъ семьи другихъ европейскихъ кодексовъ.

Освѣщеніе его посредствомъ сопоставленія съ иностранными кодексами было-бы наставительно, даже для практическаго примѣненія, не говоря уже о значеніи его для законодательнаго пересмотра, который долженъ неизбѣжно когда нибудь да послѣдовать.

Въ руководствѣ мы находимъ въ концѣ каждой группы преступленій главу подъ заглавіемъ: критика нашихъ узаконеній о такомъ-то преступленіи. Именно въ этомъ мѣстѣ умѣстнѣе всего было-бы помѣстить этотъ матерьялъ. Тогда-бы эта критика имѣла существенное значеніе, чего онѣ въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ.

„При изложеніи состава преступленій, мы, говоритъ авторъ, руководствовались рѣшеніями кассаціоннаго департамента, подвергая критикѣ тѣ изъ сихъ толкованій, которыя, по нашему мнѣнію, или неправильны вообще, или же прямо не согласны съ закономъ".

Рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента составляютъ въ руководствѣ обильнѣйшій матерьялъ, который обработанъ авторомъ. Онъ подвергаетъ кассаціонныя рѣшенія самой строгой и неумолимой критикѣ, которая столько же составляетъ достойное одобренія явленіе въ нашей общественной жизни, сколько дѣлаетъ честь мужественному характеру и стойкости убѣжденій автора, не усумнившагося подвергнуть критикѣ рѣшенія высшаго учрежденія того вѣдомства, въ которомъ проходитъ его служебная дѣятельность.

Мы-бы, однакожъ, позволили себѣ оговориться, что иногда критика автора, желательная и справедливая сама въ себѣ, переходитъ въ такой тонъ, который не гармонируетъ съ характеромъ и важностію его руко-

водства. Таковы напримѣръ страницы, на которыхъ авторъ доказываетъ неосновательность толкованія, въ силу котораго Сенатъ *шантажъ* призналъ однимъ изъ видовъ мошенничества (т. II, стр. 258—262). На страницахъ этихъ авторъ слишкомъ горячится и употребляетъ слишкомъ рѣзкія выраженія по поводу сенатской классификаціи шантажа.

Трудно было-бы отрицать то, что въ рѣшеніяхъ кассаціоннаго сената иногда проявляется и слабость юридическаго мышленія, и отсутствіе послѣдовательности, и малое знакомство съ теоріею, и наконецъ малая степень проявленія общаго взгляда, который-бы охватывалъ всю систему положительнаго законодательства.

Но изъ всѣхъ этихъ недостатковъ добрую долю должно отчислить въ разрядъ общей слабости нашей юридической культуры.

Далѣе, иногда несостоятельность рѣшеній кассаціоннаго сената условливается несостоятельностью положеній нашего уложенія. Нѣкоторыя изъ сихъ положеній таковы, что каждый юристъ, будь онъ теоретикъ-профессоръ, будь онъ практикъ-сенаторъ кассаціоннаго департамента, поставленный въ тиски между требованіемъ не измѣнять буквѣ и смыслу закона и требованіемъ не топтать положенія справедливости и теоретической истины, иногда теряется и впадаетъ въ заблужденія и ошибки.

Все, что авторъ по существу говоритъ о несостоятельности сенатскаго причисленія шантажа къ видамъ мошенничества, вѣрно. Но съ частностями положеній автора едва-ли можно согласиться. Шантажъ есть одинъ изъ типическихъ видовъ вымогательства. Съ такимъ характеромъ онъ занесенъ былъ въ первый по времени кодексъ нынѣшняго столѣтія, — знаменитый Баварскій, составленный подъ значительнымъ вліяніемъ Фейрбаха и его идей. Въ ст. 242 этого кодекса сказано: «кто страхомъ будущихъ насилій, или угрозою оклеветанія, обжалованія или доноса, дачи или недачи свидѣтельскаго показанія, или иною подобною запугивающею похвальбою старается вынудить для себя противозаконную выгоду, тотъ долженъ потерять не только пріобрѣтенную выгоду, но еще, смотря по величинѣ обнаруженной злостности, тяжести угрозы и важности предположенной выгоды, подвергается отъ одного до четырехъ лѣтъ заключенію въ рабочемъ домѣ. Но кто словесно или письменно грозитъ убійствомъ или поджогомъ, съ цѣлію этимъ вынудить какую нибудь выгоду, тотъ наказывается какъ разбойникъ». Это опредѣленіе съ тѣхъ поръ служило моделью для всѣхъ германскихъ кодексовъ, включая сюда и общегерманскій. Французское законодательство только въ 1863 году придало положительный характеръ этому виду преступленія. На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ изъ исторіи законодательства, не могутъ быть признаны вѣрными соображенія автора руководства о ходѣ развитія понятій объ этомъ преступленіи, изложенныя имъ на страницѣ 262, т. II; въ частности положеніе автора: *шантажъ родился въ прошломъ десятилѣтіи* (стр. 265, т. II) положительно опровергается приведеннымъ текстомъ Баварскаго закона.

Доказавъ несостоятельность причисленія Сенатомъ этого вида вымогательства къ мошенничеству, авторъ руководства говоритъ далѣе: *не слѣдуетъ думать, что виновный въ шантажѣ изъятъ въ нашемъ отечествѣ отъ всякой отвѣтственности*. И затѣмъ онъ, во-первыхъ, доказываетъ, что нѣкоторые виды шантажа можно наказывать *за недонесеніе*, или *за*

укрывательство совершившаго преступленія, другіе—какъ за оскорбленіе, клевету, диффамацію, или какъ за сообщеніе дѣйствій узнанныхъ въ тайнѣ или узнанныхъ противозаконнымъ образомъ; во-вторыхъ, авторъ готовъ утвердить, что не предстоитъ никакой надобности въ измѣненіи настоящаго положенія нашего законодательства относительно вымогательства, окрещеннаго шантажемъ (стр. 266, т. II). Въ третьихъ, онъ даже приходитъ къ такому положенію: *считать ихъ* (т. е. стращанія оглашеніемъ не ложныхъ, а дѣйствительныхъ позорныхъ фактовъ и тайнъ) *принужденіемъ—это извращать самое понятіе человѣческаго произвола* (стр. 266 —267 того-же тома).

Не станемъ писать трактатъ въ доказательство того, что классификація и опредѣленіе шантажа, предлагаемыя авторомъ руководства, и его общія соображенія по этому поводу столь-же несостоятельны и натянуты, какъ и таковыя кассаціоннаго сената.

Сказанное клонится къ подтвержденію высказаннаго нами положенія: нельзя сваливать *всегда* вину неудачныхъ толкованій кассаціоннаго сената на составъ самаго сената; слѣдуетъ, кажется, допустить, что въ нашемъ уложеніи есть много такихъ пунктовъ, на которыхъ долженъ оказаться безсильнымъ каждый юристъ, даже посвященный во всѣ тайны юриспруденціи, даже знакомый со всѣми кодексами Европы и трудами европейскихъ и за-атлантическихъ юристовъ.

Главнымъ матерьяломъ, который обработанъ авторомъ, служили ему уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Методъ обработки состоитъ въ томъ, что авторъ приводитъ самый текстъ закона и затѣмъ приступаетъ къ его анализу; нерѣдко тексту онъ предпосылаетъ обстоятельное изложеніе общихъ соображеній, заимствованныхъ изъ положеній отечественнаго законодательства.

Самый анализъ состоитъ изъ разсмотрѣнія охарактеризованнаго въ законѣ преступленія со стороны субъекта, объекта, умысла и внѣшняго дѣйствія. Эта манера указываетъ на то, что авторъ воспитался на нѣмецкой наукѣ.

Кромѣ текста закона, авторъ заимствуетъ матерьялъ изъ кассаціонныхъ рѣшеній, какъ выше было указано, изъ проекта уложенія, изъ мнѣній государственнаго совѣта. Все это въ совокупности составляетъ обильнѣйшій матерьялъ и обстоятельную обработку его.

Авторъ неоспоримо превосходный аналитикъ. Каждое преступленіе разсмотрѣно имъ со всѣхъ его сторонъ, на основаніи закона и кассаціонныхъ рѣшеній. Кто захочетъ пользоваться руководствомъ, тотъ найдетъ въ немъ наставленіе и руководство по вопросамъ теоретическимъ и практическимъ, касающимся разсмотрѣнныхъ преступленій.

Несравненно слабѣе проглядываетъ въ этомъ сочиненіи синтезъ, въ чемъ легко можно убѣдиться изъ вышеразсмотрѣнныхъ отдѣльныхъ сторонъ этого сочиненія. Обобщеній и освѣщенія недостаточно. Вслѣдствіе этого, руководство есть одно изъ такихъ сочиненій, которое требуетъ усиленнаго преодолѣнія трудностей манеры и изложенія автора.

Авторъ говоритъ: „*думаю, что она* (его работа) *не пройдетъ безъ пользы для судебной практики, что составляетъ мою единственную*

задачу". Съ своей стороны, мы изъ внимательнаго чтенія этого сочиненія вынесли убѣжденіе, что поставленная авторомъ себѣ задача добросовѣстно имъ выполнена. Остается пожелать, чтобы люди, стоящіе у судебной практики, надлежащимъ образомъ воспользовались этимъ полезнымъ руководствомъ для преуспѣянія нашего практическаго правосудія.

Съ карандашемъ въ рукахъ мы проштудировали разсматриваемое руководство, страницу за страницею, дѣлая изъ него выдержки, а по поводу ихъ замѣчанія, сопоставленія, справки.

Въ изложенной здѣсь оцѣнкѣ, мы ограничились только малою долею того, что, можетъ быть, слѣдовало-бы сказать объ этомъ почтенномъ трудѣ и что нами выписано и замѣчено. Мы старались, согласно задачѣ изданія, коснуться только общихъ сторонъ сочиненія, ограничиться только общею оцѣнкою, оставляя въ запасѣ болѣе спеціальное, могущее явиться на страницахъ спеціальнаго юридическаго органа.

Оканчивая нашу рецензію, мы не можемъ не указать на нѣкоторую особенность авторской дѣятельности Н. А. Неклюдова. Нашъ криминалистъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ у насъ писателей-юристовъ; не смотря на служебныя обязанности по министерству юстиціи, онъ съ замѣчательными трудолюбіемъ, энергіею и постоянствомъ занимается научными работами. Нашему автору принадлежитъ пальма первенства, по количеству изданныхъ трудовъ, по постоянству работъ и ихъ достоинству.

А. Ѳ. Кистяковскій,

ПРОФЕССОРЪ ИМП. УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

Курсъ Русскаго уголовнаго права, Профессора *Таганцева*. Выпускъ 1. 1874 г.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ означеннаго выше сочиненія, издающагося къ сожалѣнію довольно медленно. Судя по началу его и по другимъ общеизвѣстнымъ сочиненіямъ почтеннаго автора оно обѣщаетъ несомнѣнно трудъ, который долженъ будетъ имѣть особенно важное значеніе для науки русскаго уголовнаго права въ отношеніи догмы и исторіи. Съ окончаніемъ труда сдѣлается возможнымъ и полное обсужденіе его. Но первый выпускъ содержитъ одну часть курса, представляющую особое, почти вполнѣ законченное цѣлое и потому подлежащее отдѣльной оцѣнкѣ. Это изложеніе высшихъ коренныхъ началъ уголовнаго права, полагаемыхъ въ основу и отечественнаго права. Въ нашей юридической литературѣ эта часть труда является первымъ опытомъ рѣзкаго поворота въ опредѣленіи исходной точки теоріи. Здѣсь покидается прежняя опора, на которой до сихъ поръ держались нравственность и право, именно свобода человѣческихъ дѣйствій; вмѣсто нея ищется другая. Такая перемѣна стороны зрѣнія, обнимающей все широкое поле человѣческой дѣятельности, по ея огромному значенію, по соприкосновенности съ самыми важ-

ными задачами жизни заслуживаетъ того, чтобы остановить на себѣ все вниманіе. Насколько тверда другая выбранная почва — долженъ показать дальнѣйшій разборъ.

Въ сочиненіи прежде всего подвергаются критическому разсмотрѣнію теоріи новѣйшихъ нѣмецкихъ криминалистовъ Кестлина и Бернера, которыя заключаютъ въ себѣ подробное ученіе о волѣ и стараются вывести ея понятіе изъ процесса логическаго мышленія. Изслѣдованіе это приводитъ къ признанію неудовлетворительности такого вывода, къ сомнѣнію въ самой исходной точкѣ ученія, — прирожденности человѣческому уму идеи добра, проявляющейся въ волѣ, и къ отрицанію нравственнаго основанія права,—столкновенія нравственныхъ обязанностей съ требованіями положительнаго права, хотя такая коллизія и предусмотрѣна тамъ. Отъ теорій діалектическихъ дѣлается переходъ къ ученію, болѣе распространенному между криминалистами, которое обосновываетъ свободу фактами человѣческаго сознанія. Но и этотъ источникъ убѣжденія признается незаслуживающимъ большаго довѣрія. Кому неизвѣстно, что сознаніе, принимаемое за критеріумъ истины, часто вводитъ въ обманъ, которому поддаются не только отдѣльныя лица, но и масса людей и который можетъ продолжаться вѣка, пока не будетъ разоблаченъ наукою. Такъ напримѣръ, сознаніе стоитъ на томъ, что солнце обращается около земли, а между тѣмъ мы этому не вѣримъ. Существованіе сознанія доказываетъ только то, что явленіе существуетъ въ нашемъ духѣ или представляется ему. Мы встрѣчаемся потомъ съ такими фактами, которые укрѣпляютъ сомнѣніе. Намъ извѣстно по опыту, что зная человѣка, его характеръ, степень развитія, можно довольно безошибочно опредѣлить его будущія дѣйствія, и сознаніе не будетъ противъ того. Каждый поступокъ человѣка есть результатъ опредѣленныхъ данныхъ и всякое предположеніе о безпричинности его дѣйствій лишено основанія. Весь анализъ господствующихъ философскихъ ученій ведетъ къ тому, чтобы поколебать ихъ, указать на безплодность ихъ стремленій убѣдить въ свободѣ и установить болѣе раціональную теорію, которая не видитъ въ человѣкѣ изъятія изъ общаго порядка природы и подчиняетъ его дѣйствія наравнѣ со всѣмъ существующимъ общему закону причинности. Къ раскрытію этого закона сводится весь процессъ нашего знанія, и благодаря ему теперь человѣкъ, прежде гордо возносившійся, сталъ простымъ звеномъ въ общей цѣпи земныхъ существъ, хотя и замыкающимъ ее, но тѣмъ не менѣе тѣсно и неразрывно связаннымъ съ предшествующими и подлежащимъ по видимому тѣмъ же законамъ. И не одна только аналогія съ другими явленіями конечнаго міра заставляетъ такъ думать. Мы можемъ даже наблюдать законообразность, управляющую произвольными повидимому человѣческими дѣйствіями. Если ее нельзя подмѣтить въ дѣйствіяхъ индивидуальныхъ, по невозможности въ бо́льшей части случаевъ прослѣдить длинный рядъ предшествующихъ причинъ, за то ее можно открыть при разсмотрѣніи дѣйствій коллективныхъ. Въ томъ и состоитъ важная заслуга статистики, что она занялась этимъ предметомъ и успѣла несомнѣнно доказать, что дѣйствія человѣка, въ томъ числѣ и преступленія, не-

свободны, и зависятъ отъ заправляющихъ ими законовъ. [1]) Въ лицѣ своего основателя—Кетле она провозгласила, что на человѣкѣ лежитъ своего рода налогъ преступленіемъ, вычислимый заранѣе и уплачиваемый даже съ бо́льшею точностію сравнительно съ тѣмъ, который взимается съ него природою или государствомъ.

Но признавая такимъ образомъ, что дѣйствія человѣка подходятъ подъ общее родовое понятіе міровыхъ явленій, нользя однако же признать въ нихъ наличными абсолютной необходимости, отождествить ихъ безусловно съ явленіями физическаго міра. Такое отождествленіе, равно какъ и признаніе произвольности дѣйствій одинаково несовмѣстны съ раціональною теоріею. Таково основное положеніе новой теоріи, отличающейся, по мнѣнію автора отъ ученій, стоящихъ за необходимость человѣческихъ дѣйствій. Изъ круга ихъ выдѣляются выводы школы статистиковъ по той причинѣ, что никто изъ ея главныхъ представителей не высказался за начало необходимости, т. е. абсолютной. Къ послѣдователямъ этой школы принадлежитъ и Джонъ Стюартъ Милль, котораго ученіе и послужило основою для теоріи. Подробности ея сводятся къ слѣдующему. Всѣ міровыя явленія подчинены закону причинности. Въ нихъ можно отличить два вида. Къ первому принадлежатъ предметы и явленія чувственнаго міра, управляемыя силами физическими и органическими. Какъ неизмѣнны эти силы сами въ себѣ, такъ неизмѣнны и неотвратимы по большей части ихъ дѣйствія. Все здѣсь совершается необходимо. Другой видъ составляютъ явленія міра духовнаго, продукты силъ психическихъ, именно дѣйствія, которыя мы считаемъ актами воли, истекающими повидимому отъ ея самоизволенія. Въ дѣйствительности и человѣческая воля не изъята изъ общаго міроваго порядка и подлежитъ тому же закону причинности, будучи привязана къ извѣстнымъ условіямъ, дающимъ ей то или другое направленіе. Всякое исходящее отъ воли дѣйствіе является прямымъ послѣдствіемъ впечатлѣнія, пробуждающаго въ ней какое нибудь желаніе или же осуществленіемъ соображеній и побужденій, отличныхъ, даже противуположныхъ впечатлѣнію. Что касается до самаго выбора между побужденіями, тѣми или другими мотивами, то онъ въ свою очередь опредѣляется различными причинами: степенью силы побужденія, бо́льшею или меньшею впечатлительностію дѣйствующаго по свойствамъ его нервной организаціи, потомъ бо́льшимъ или меньшимъ развитіемъ способности сдерживать первое побужденіе и подвергать его всестороннему разсмотрѣнію, наконецъ объемомъ и качествомъ тѣхъ идей и свѣдѣній, которыя могутъ быть употреблены имъ при обсужденіи. Главное рѣшаетъ все впечатлѣніе; его сила при чувственныхъ побужденіяхъ можетъ подавлять всѣ противодѣйствующіе, нравственные мотивы, а его относительная слабость дать имъ побѣду. Но бо́льшій или меньшій кругъ понятій, необходимыхъ для оцѣнки возникающихъ стремленій, а также и харак-

---

[1]) Едвали справедливо, что вся статистика и статистическая литература въ общей своей совокупности и по своему существу опущаютъ свободу человѣческихъ дѣйствій, впрочемъ въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи авторъ самъ этого не признаетъ.

теръ человѣка, устаповляющій извѣстныя правила для своего поведенія вмѣстѣ съ необходимымъ для того самообладаніемъ, зависитъ опять отъ образованія и развитія, которое совершается или силами отдѣльнаго человѣка или общества, равно путемъ жизни и опыта. Въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія человѣка большое значеніе имѣетъ и та среда, въ которой онъ живетъ. При данной суммѣ внѣшнихъ причинъ и условій человѣческія дѣйствія возникаютъ изъ нихъ съ безусловною неизбѣжностію. Если извѣстны присущіе человѣку мотивы, также извѣстны его характеръ и настроеніе, то эти дѣйствія можно даже предсказать съ такою же достовѣрностію, съ какою предугадываются явленія физическія. При всемъ томъ было бы ошибочно уравнивать ихъ вполнѣ съ явленіями физической природы и предполагать, что они столь же неотвратимы, какъ и послѣднія. Это потому, что факторы или силы, вызывающія явленія и въ частности преступленіе, подлежатъ измѣненію, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и послѣдствія. На этомъ-то и основывается возможность противодѣйствовать преступленію въ интересахъ общества. Когда совершается преступленіе, оно служитъ доказательствомъ того, что у человѣка нѣтъ такихъ элементовъ, которые бы произвели достаточный противовѣсъ преступнымъ побужденіямъ или же напротивъ указаніемъ на существованіе у него такихъ понятій, которыя содѣйствуютъ укрѣпленію тѣхъ побужденій. Причиною преобладанія порочныхъ поползновеній можетъ быть или недостатокъ способности сдерживать свои пожеланія или же отсутствіе должнаго пониманія обязанностей по отношенію къ обществу и закону. Но въ обоихъ случаяхъ возможна борьба со стороны общества съ этими ближайшими причинами. На сколько преступленіе порождается условіями, лежащими въ самомъ соціальномъ организмѣ, общество можетъ бороться съ нимъ, измѣняя тѣ условія; на сколько же преступленіе зависитъ отъ индивидуальной воли, оно можетъ противодѣйствовать ему наказаніемъ. Наказаніе предполагаетъ тоже вмѣняемость, но въ иномъ смыслѣ. Для нея необходимо во первыхъ сознаніе совершеннаго и его результатовъ, или при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ, возможность такого сознанія, а затѣмъ оцѣнка сознаннаго и выборъ какого нибудь опредѣленія по закону достаточной причины, выборъ, предполагающій въ дѣйствующемъ субъектѣ, съ одной стороны, извѣстный запасъ идей, а съ другой, способность пользоваться имъ. Вмѣняемость не состоитъ такимъ образомъ въ способности къ самоопредѣленію, и ей чуждо понятіе вины. Хотя наказаніе и обусловливается неспособностію человѣка сдерживать свои побужденія или наличностію у него мотивовъ, вредныхъ для общества, но и то и другое привязано къ закону причинности. Все это придаетъ наказанію, какъ борьбѣ, своеобразный оттѣнокъ, который и будетъ раскрытъ подробно въ дальнѣйшихъ частяхъ курса. Въ концѣ концевъ человѣкъ неволенъ въ преступленіяхъ, какъ и въ другихъ мнимо свободныхъ дѣйствіяхъ. Если въ нихъ и нѣтъ такой неотвратимости, какая существуетъ въ явленіяхъ внѣшней природы, тѣмъ не менѣе они являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ данныхъ условій или причинъ, т. е. бываютъ все-таки необходимы по силѣ закона причинности.

Выводы изъ данныхъ моральной статистики, представляющіе неопро-

вержимое будто-бы доказательство несвободы, служатъ точкою отправленія солидарной съ ними теоріи, а потому къ нимъ и слѣдуетъ возвратиться. Кетле пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ наукѣ тѣмъ, что указалъ, или лучше, пользуясь болѣе богатымъ запасомъ статистическаго матерьяла, несомнѣнно подтвердилъ задолго до него сдѣланное при помощи такъ называемаго закона большихъ чиселъ указаніе на то, что въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, не представляющихъ повидимому никакого порядка, существуетъ извѣстная законосообразность или извѣстное постоянство въ томъ смыслѣ, что число ихъ въ опредѣленномъ періодѣ времени, за малыми отклоненіями, остается равнымъ. Такое постоянство можно при томъ прослѣдить и во всѣхъ группахъ, по которымъ распредѣляются лица, а также во всѣхъ родахъ дѣйствій. Правильность впрочемъ можно замѣтить только при многочисленномъ народонаселеніи и однородности его касательно извѣстныхъ естественныхъ и общественныхъ условій жизни. Она доказана при бракахъ и преступленіяхъ. По статистическимъ исчисленіямъ въ бóльшей части государствъ общее число заключаемыхъ браковъ приблизительно одинаково и не подлежатъ такимъ сильнымъ колебаніямъ, которыя замѣчаются въ числѣ смертныхъ случаевъ. Общій порядокъ вступленія въ бракъ можетъ даже изумлять законосообразностію въ тѣхъ многоразличныхъ сочетаніяхъ, которыя представляются по гражданскому состоянію, возрасту брачущихся и по временамъ года. Столь же однообразно возвращаются и преступленія. Изъ сравненія, въ девятнадцатилѣтній періодъ времени, таблицъ преступленій во Франціи, Кетле вывелъ, что на каждый годъ приходилось одно среднее число обвиняемыхъ и осужденныхъ, и принявъ въ расчетъ среднее населеніе Франціи во все это время, вычислилъ сколько тѣхъ и другихъ причиталось на милліонъ жителей. Изъ этого вывода слѣдовалъ другой о степени вѣроятности для средняго человѣка населенія быть обвиненнымъ и осужденнымъ, другими словами, о степени склонности къ преступленію, хотя вѣроятность совершить преступленіе и измѣняется много по возрастамъ и полу. Результаты послѣднихъ исчисленій привели Кетле къ тому предположенію, что общество полно зачатковъ преступленій, которые растутъ и созрѣваютъ тамъ подъ дѣйствіемъ тлетворныхъ элементовъ. Само общество поэтому рождаетъ преступленія и виновный служитъ только какъ бы органомъ его. Между отдѣльными родами противузаконныхъ дѣйствій онъ прослѣдилъ преступленія противъ собственности и лица и тоже нашелъ постоянное численное отношеніе, существующее между обоими родами, а равно и отношеніе между числомъ преступленій того и другаго рода по возрастамъ и полу. Особенный интересъ возбуждаютъ изслѣдованія, касающіяся самоубійствъ, потому что и они доказываютъ правильность, съ которою совершаются. Объ этомъ говоритъ общая одинакая цифра ежегодныхъ самоубійствъ и одинакое число ихъ по поламъ, хотя оно и измѣняется въ различныхъ возрастахъ, поставляющихъ свой опредѣленный контингентъ. Правильность доходитъ даже до того, что число самоубійствъ и по способу совершенія ихъ остается приблизительно равнымъ. Провѣренная новыми вычисленіями законосообразность человѣческихъ дѣйствій привела наконецъ Кетле къ тому взгляду, что эти

дѣйствія зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ и законовъ, повелительно требующихъ подчиненія и дѣйствующихъ, какъ выражаются его послѣдователи, подобно распорядительной силѣ природы (Haushalt der Natur). Но какіе это законы и что за заправляющая, распорядительная сила — неизвѣстно. Ихъ не пытается раскрыть и авторъ, довольствующійся мыслію, что относительно фактовъ соціальной жизни возможны только предположенія. Мы, по его словамъ, имѣемъ пока несомнѣнныя доказательства ихъ законосообразности; иногда мы можемъ свести эти правильно повторяющіяся явленія къ опредѣленному закону, т. е. указать на зависимость ихъ отъ какого-либо опредѣленнаго начала, но мы далеки еще отъ дѣйствительнаго знанія силъ, выражающихся въ этихъ законахъ и не можемъ говорить о существѣ и условіяхъ этой зависимости. Что касается до индивидуальной воли, то воззрѣнія на нее у Кетле представляются колеблющимися. Хотя въ своей соціальной физикѣ онъ и даетъ ей извѣстный просторъ, допуская ея вліяніе на улучшеніе общественнаго организма, но въ другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи о соціальной системѣ и управляющихъ въ ней законахъ повсюду видна мысль, что человѣческія дѣйствія въ томъ огромномъ механизмѣ, въ которомъ движется и человѣкъ, текутъ одни за другими по естественно необходимымъ законамъ, при чемъ, по словамъ Эттингена, если и не отвергается свобода, то по крайней мѣрѣ становится вопросомъ.

Въ свое время, ученіе Кетле пользовалось громаднымъ авторитетомъ, дававшимъ себя чувствовать далеко за предѣлами той науки, къ которой оно ближайшимъ образомъ относилось, считалось торжествомъ естествознанія по распространенію опытныхъ и точныхъ наукъ и на дѣйствія человѣка, который тоже долженъ быть слѣпымъ орудіемъ неизвѣстныхъ законовъ. Провозвѣстникомъ новыхъ идей въ Англіи былъ Бокль, который далъ имъ приложеніе въ своемъ общеизвѣстномъ историческомъ трудѣ и даже высказался въ пользу индуктивнаго метода, которому слѣдовалъ Кетле и для наукъ философскихъ, какова этика. Моральная статистика по его взгляду въ немногія десятилѣтія подвинула насъ далѣе, нежели умозрительныя науки въ теченіи столькихъ же по числу столѣтій. Она показала, что свобода воли есть порожденіе упорства, съ какимъ отворачиваются отъ той истины, что вездѣ въ мірѣ господствуетъ неумолимая причинная связь. Воля отдѣльныхъ лицъ имѣетъ развѣ еще какую-нибудь важность для нихъ самихъ, въ большемъ же цѣломъ она не значитъ ничего. Законосообразность, открытая статистикою, доказываетъ, что въ дѣйствіяхъ общества осуществляются всеобщіе законы, въ сравненіи съ которыми единичная воля является незначительною пертурбаціею, недѣйствительною притомъ по нейтрализаціи другою. Въ Германіи идеи, вышедшія изъ французской школы, нашли себѣ защитника въ лицѣ А. Вагнера, который изобразилъ законосообразность даже въ преувеличенномъ видѣ, такъ, какъ будто бы дѣйствія, называемыя обыкновенно произвольными, расчитаны заранѣе до подробности, и въ каждомъ государствѣ назначается ежегодно по жребію опредѣленное число лицъ того и другаго гражданскаго состоянія, напр. холостыхъ и вдовцевъ, которые должны вступить въ бракъ въ томъ и другомъ возрастѣ, число лицъ, которые должны развестись, да-

лѣе число имѣющихъ совершить того или иного рода преступленіе или отнять у себя такъ или иначе жизнь. Но затѣмъ въ Германіи явилась реакція противъ выводовъ Кетле, изъ которой возникла новая статистическая школа съ Дробишемъ во главѣ и съ болѣе трезвымъ взглядомъ на дѣло. Дробишъ и другіе представители школы далеко не согласны со всѣми положеніями Кетле. Что касается до преступленія, Дробишь указалъ на то, что степень противузаконности, вычисленная для населенія Франціи въ указанномъ выше промежуткѣ времени или вѣроятность для каждаго совершить преступленіе, такъ мала, что въ обыкновенной жизни ее считаютъ прямо невѣроятностію. Поэтому какъ бы ни могло казаться страшнымъ для общества преступленіе, опасность отъ него даже при равной доступности къ нему всѣхъ, доступности, представляющей однако большія неравенства по поламъ и возрастамъ, очень мала по слабости жизненной силы въ тѣхъ зачаткахъ преступленія, которые таятся въ нѣдрахъ общественнаго организма. Затѣмъ средній человѣкъ, который играетъ у Кетле такую важную роль и составляетъ центръ тяжести всего, есть математическая абстракція, существо, не имѣющее дѣйствительнаго бытія, и было бы совершенно неумѣстно все, что ни высказывается объ этомъ человѣкѣ, относить ко всѣмъ недѣлимымъ населенія или ко всѣмъ лицамъ извѣстнаго пола и возраста и смотрѣть на нихъ, какъ на вкладчиковъ преступленія. Всѣ лица, которыя не были ни осуждены, ни даже обвиняемы въ преступленіи, не имѣютъ никакого реальнаго участія въ томъ, что приписывается среднему человѣку. Къ такому смѣшенію фиктивнаго съ дѣйствительнымъ ведетъ теорія Кетле и его послѣдователей тѣмъ, что степень противузаконности обозначается словомъ „наклонности къ преступленію" вслѣдствіе врожденнаго всѣмъ побужденія къ нему. Но эта наклонность не есть непосредственно ясный и достовѣрный фактъ. Поэтому степень противузаконности могла бы указывать только на степень проявленія той склонности, которая у огромнаго большинства лицъ, не бывшихъ ни обвиняемыми, ни осужденными, должна задерживаться противуположными психическими побужденіями, будетъ ли то страхъ наказанія, уваженіе къ нравственному закону, привычка къ порядочной жизни, утвержденная воспитаніемъ или что нибудь другое. И статистическія числа относятся не къ этому большинству народонаселенія, а только къ небольшой дроби его, которая совершаетъ преступленія или по крайней мѣрѣ подозрѣвается въ нихъ, и къ распредѣленію тѣхъ дѣйствій между лицами, составляющими ту дробь по возрасту, полу и такъ далѣе. У этого рода лицъ такимъ образомъ должно быть или сильнѣе побужденіе къ преступленію, или же слабѣе внутреннее противодѣйствіе. Надобно однако же сказать и то, что хотя всѣ люди доступны преступленію и у одного болѣе естественнаго предрасположенія къ нему, которое можетъ развиться еще довольно рано при неблагопріятныхъ условіяхъ, у другаго менѣе, но существованіе общаго, прирожденнаго каждому человѣку побужденія ко злу или преступленію и живущей въ немъ отъ природы потребности къ удовлетворенію того побужденія доказать невозможно. Поэтому и степень противузаконности, опредѣляемой статистическими числами, лучше было бы назвать степенью совратимости къ преступленію, которая не привязывается къ мысли о

присущемъ человѣку положительномъ стремленіи къ преступленію. Но съ Кетле сближается Эттингенъ (Die moralstatistim in ihren Bedeutung für christliche socialethik 1874) въ томъ отношеніи, что и по его взгляду не только слѣдуетъ предполагать извѣстное постоянное расположеніе къ преступленію въ каждомъ соціальномъ тѣлѣ, но дѣйствительную и продолжительную склонность къ противузаконнымъ дѣяніямъ, которую нельзя ограничивать только дробью населенія и которой болѣе или менѣе содѣйствуютъ всѣ. Это потому, что сила эгоизма во всѣхъ его оттѣнкахъ гнѣздится въ сердцѣ каждаго и постоянная наклонность испорченной отъ юности части общества указываетъ на постоянство нравственной причины въ воспитаніи и происхожденіи, наконецъ отъ того, что у людей, оказавшихся дѣйствительно виновными въ преступленіи, внѣшнія неблагопріятныя и вводящія въ искушеніе обстоятельства довели до полнаго развитія зародышъ зла, таящійся во всѣхъ членахъ нравственнаго организма. Впрочемъ все это не имѣетъ первостепеннаго значенія. Существенно же новая статистическая школа расходится съ ученіемъ Кетле въ окончательныхъ выводахъ. Несомнѣнно, что дѣйствія человѣческія повторяются съ извѣстнымъ численнымъ постоянствомъ. Но это постоянство само по себѣ даетъ только знать, что должны существовать какія нибудь причины тому, все равно внутреннія или внѣшнія. Кетле и его школа принимаютъ для объясненія его причины внѣшнія, видятъ въ человѣкѣ существо, которое тоже подлежитъ принужденію какихъ либо внѣшнихъ законовъ и въ тоже время замѣчательнымъ образомъ сознаетъ, что происходитъ въ немъ и по неразумію считаетъ себя отвѣтственнымъ за то. Новая школа напротивъ отвергаетъ возможность такого закона, потому что допущеніе его требовало бы большаго насилія надъ мыслію. Хотя въ преступныхъ дѣяніяхъ и проявлялась извѣстная правильность, но она не приводится съ такою точностью, какая замѣчается при дѣйствіи естественныхъ законовъ, напримѣръ астрономическихъ. За тѣмъ она въ каждой отдѣльной группѣ явленій другая. Ежели вмѣсто того, чтобы говорить о преступленіи вообще, вести рѣчь объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, убійствѣ, зажигательствѣ, воровствѣ и такъ далѣе, то окажется, что преступныя дѣянія той или другой группы повторяются въ опредѣленномъ промежуткѣ времени не съ одинакою правильностію. При такой разности у заправляющаго преступленіями закона недоставало бы того свойства, всеобщности, которое напечатлѣно на естественныхъ законахъ. Въ такомъ случаѣ для каждаго рода преступленій слѣдовало бы принимать особый законъ, а въ цѣлости такую запутанную совокупность законовъ, которая теряла бы всякій характеръ простоты. Кромѣ того эта совокупность законовъ, по словамъ Ваппеусса, представляли бы странное сходство съ тѣмъ, что мы видимъ, предполагая человѣка дѣйствующимъ по внутреннимъ мотивамъ, именно бросающуюся въ глаза предустановленную гармонію. по которой внѣшние законы влекутъ человѣка во время холода къ порубкѣ чужаго лѣса и кражѣ хлѣба при дороговизнѣ. Все это заставляетъ новую школу искать объясненія постоянства въ явленіяхъ во внутренней опредѣлимости, смотрѣть на человѣка, какъ на существо, котораго рѣшимость возникаетъ не темнымъ путемъ внѣшняго

принужденія, но путемъ внутренней мотивировки. Неоспоримо, что преступленіе находится въ зависимости отъ многоразличныхъ условій. Сюда принадлежатъ во первыхъ условія физическія. Давно сдѣланныя Герри для Франціи вычисленія доказали, что климатъ въ соединеніи съ географическимъ положеніемъ, смотря по тому, какъ относится природа къ нуждамъ человѣка, обезпечиваетъ ли она его существованіе съ избыткомъ или нѣтъ, оказываетъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ группахъ вліяніе на преступленіе въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Тоже должно сказать и о временахъ года. По наблюденію того же статистика, не говоря о томъ, что преступленія противъ нравственности по весьма понятному усиленію половаго побужденія въ жаркое время доходятъ до высшей цифры лѣтомъ, поразительное по временамъ года возвращеніе преступленій въ томъ или другомъ постоянномъ числѣ, замѣчается въ посягательствахъ противъ собственности и лица, не только въ противоположномъ относительно другъ друга движеніи такъ, что когда возрастаетъ численность одного рода преступленія, то уменьшается численность другаго. Такое повтореніе по временамъ года преступленій противъ собственности и лица можетъ дѣйствительно возбудить удивленіе и повести къ разнаго рода предположеніямъ относительно планетарнаго вліянія на число преступленій. Здѣсь надобно однако поставить на видъ, что при всѣхъ грубыхъ предумышленныхъ преступленіяхъ, какъ убійствѣ, зажигательствѣ, клятвопреступленіи, отравленіи и другихъ, незамѣтно того постоянства, съ какимъ они должны были бы возвращаться. Замѣчательно и то, что тогда какъ воровство вообще въ своемъ движеніи существенно условливается временами года, такъ называемое домашнее воровство совершенно свободно отъ этой зависимости по той простой причинѣ, что ночная темнота и преобладающая зимою гнетущая нужда не имѣютъ вліянія на рѣшимость домашнихъ воровъ, которые выжидаютъ болѣе удобнаго случая и пользуются имъ, чѣмъ побуждаются къ воровству дѣйствительною бѣдностію. Далѣе число преступленій находится въ зависимости отъ условій мѣстныхъ, какъ-то національности, исповѣданія, рода занятій, условій соціальныхъ, нравовъ, законодательства, состоянія культуры, отношеній экономическихъ, хотя до настоящаго времени и не всѣ они вполнѣ изслѣдованы. Но эти условія не всегда одинаковы во всѣхъ частяхъ извѣстной земли. Очень часто они принимаютъ чисто мѣстный характеръ и сообщаютъ преступности своеобразный отпечатокъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ большой интересъ составленныя Герри криминально-топографическія карты Франціи. Корсика покрыта на нихъ черною краскою по отношенію къ преступленіямъ противъ личности, за то, по выраженію Эттингена, она блеститъ бѣлизною на картѣ, изображающей топографію воровства. И тогда какъ небольшой Сенскій департаментъ кругомъ Парижа съ своими посягательствами противъ собственности, какъ и Лондонъ, подобно Чимборазо, превосходятъ все, что совершается въ остальной странѣ, они-же по отношенію къ зажигательству и насильственнымъ посягательствамъ противъ нравственности, кажутся Эльдорадо сравнительно съ неотличающимся въ другихъ отношеніяхъ преступностію департаментомъ Воклюзскимъ, гдѣ такія преступленія какъ бы въ порядкѣ вещей.

Карты эти поучаютъ тому, что всякая страна имѣетъ какъ бы свой первородный грѣхъ. Отъ внѣшнихъ условій зависитъ и самоубійство, на которомъ любятъ останавливаться сторонники необходимости, думая показать на немъ еще нагляднѣе господство пресловутаго распорядка природы. Кромѣ постоянства въ общемъ числѣ самоубійствъ, такой распорядокъ, по ихъ мнѣнію, даетъ себя видѣть и въ числѣ самоубійствъ по временамъ года. Въ самомъ дѣлѣ изъ многочисленныхъ статистическихъ наблюденій выходитъ, что число самоубійствъ въ отдѣльныхъ мѣсяцахъ увеличивается и уменьшается съ вызвышеніемъ и пониженіемъ солнца. Чаще всего они случаются въ іюнѣ и іюлѣ, рѣже въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что самоубійство происходитъ единственно отъ планетарнаго вліянія и физическихъ условій нашего бытія, подобно напримѣръ эпидемическимъ болѣзнямъ? Такое заключеніе могло бы быть умѣстно, если бы мы оставили въ сторонѣ всѣ другіе содѣйствующіе факторы. Если естественныя условія и оказываютъ извѣстную долю вліянія тѣмъ, что жаркое время года у людей, имѣющихъ наклонность къ самоубійству, способствуетъ ему, а холодное менѣе располагаетъ къ нему, то другіе важные моменты рѣшимости указываютъ на то, что здѣсь гораздо болѣе имѣютъ вліянія различныя общественныя условія. Статистики старались обозначить и дни недѣли, и часы дня, въ которые болѣе или менѣе совершаются самоубійства, хотя въ этомъ отношеніи наблюденія еше недостаточны. Замѣчательно однако, что по изслѣдованію Гухри въ субботу всего менѣе производится самоубійствъ, и именно мужчинами, а въ понедѣльникъ и вторникъ ихъ бываетъ особенно много. Конечно, это происходитъ не отъ какихъ нибудь таинственныхъ причинъ, а вѣроятно отъ того, что суббота день недѣльнаго разсчета съ рабочими, за которымъ слѣдуетъ праздникъ, а въ слѣдующіе затѣмъ дни отрезвленіе и горе выступаютъ въ качествѣ причинъ на первый планъ. Женщины чаще всего отнимаютъ у себя жизнь напротивъ въ воскресенье и можетъ быть потому, что преданный разгулу мужъ оставляетъ ее тогда при нуждѣ и заботахъ. Что касается до выбора средствъ для самоубійства, которыя находятся тоже въ постоянныхъ числовыхъ отношеніяхъ между собою, то изслѣдованія объ этомъ предметѣ достовѣрно показали, что это повидимому чисто произвольное дѣйствіе не зависитъ отъ одного случая, а состоитъ въ связи съ различными обстоятельствами и мотивами, которые въ опредѣленной соціальной группѣ оказываютъ рѣшительное вліяніе. Посягая на самоубійство, человѣкъ безсознательно слѣдуетъ разнымъ импульсамъ, которые извнутри и извнѣ по психическимъ и физическимъ поводамъ заставляютъ проявляться стремленіе къ самоубійству въ своеобразной формѣ. Каждый городъ, каждая страна имѣетъ не только свою специфическую цифру самоубійствъ, но также свою цифру повѣсившихся, утопившихся и т. д. Таковы условія, въ зависимости отъ которыхъ находятся безнравственныя дѣянія. Но какъ далеко простирается эта зависимость, поглощаетъ ли она вовсе свободу человѣка или же оставляетъ его существомъ самостоятельнымъ, способнымъ дѣлать свободный выборъ между добромъ и зломъ? Статистика не проходитъ молчаніемъ и этого

вопроса. Исторія права и въ особенности уголовнаго учитъ тому, что законодательства всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ не видятъ въ преступленіи продукта естественной необходимости, какого нибудь принужденія, но считаютъ его дѣломъ совершителя, не навязаннымъ ему ничѣмъ и подвергаютъ его наказанію въ предположеніи вины. Такое убѣжденіе является слѣдовательно общечеловѣческимъ и не только не опровергается статистическими данными, а напротивъ подтверждается ими. Поэтому понесшаго наказаніе преступника нельзя считать жертвою необходимости, страдающею безвинно. Правда, на него въ извѣстномъ смыслѣ можно смотрѣть какъ на жертву поколѣнія, среди котораго онъ живетъ, какъ на органъ общества, служащій выраженіемъ безнравственности послѣдняго, но этимъ не уничтожается вина. Ежели на немъ и оказались дѣйствительными вредныя вліянія и возбужденія извнѣ, то онъ остается тѣмъ не менѣе отвѣтственнымъ за преступленіе, такъ какъ его никто не принуждалъ къ нему. Ежели онъ и поддался тѣмъ внѣшнимъ искушеніямъ, то потому, что они гармонировали съ выработавшимся въ немъ преступнымъ настроеніемъ, потому что увлеченъ былъ главнѣйше собственнымъ чувствомъ эгоизма. Короче сказать, мотивы дѣянія принадлежали самому преступнику и возникли изъ его обычной склонности. Противудоказательствомъ вины не можетъ быть и наблюденіе за тою патологическою законосообразностію, съ которою совершается непрерывный ходъ развитія преступленія въ различныхъ степеняхъ возраста. Въ ней заключается напротивъ подтвержденіе мысли, что созрѣвшее преступленіе выростаетъ изъ порочнаго направленія воли не мгновенно, а постепенно и можетъ доходить потомъ до колоссальныхъ размѣровъ. Съ такой же точки зрѣнія, т. е. исходя отъ свободной рѣшимости, новая статистическая школа смотритъ и на другія свободныя дѣйствія, и между ними на бракъ. Вступленіе въ бракъ, не смотря на то, что въ основаніе его лежитъ одно изъ самыхъ сильныхъ естественныхъ побужденій, по важности акта и соединяющихся съ нимъ обязанностей требуетъ отъ человѣка извѣстной степени сдержанности: онъ встрѣчаетъ рядъ внѣшнихъ вліяній, болѣе или менѣе затрудняющихъ преднамѣренный шагъ, и тѣмъ вызывается на внимательное размышленіе, которое по обстоятельствамъ можетъ заставить его такъ или иначе измѣнить намѣреніе. На первомъ планѣ стоятъ условія физическія, отъ которыхъ зависитъ извѣстный достатокъ матерьяльныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія въ извѣстномъ размѣрѣ потребностей будущей семьи. Статистическія таблицы, относящіяся къ числу браковъ, указываютъ повсюду на самое сильное отрицательное отклоненіе отъ средняго числа въ 1847 году вслѣдствіе общаго неурожая въ предшествовавшемъ году. Отъ этого уменьшенія числа браковъ Кетле и его послѣдователи дѣлали заключеніе къ прямому вліянію физическихъ причинъ на браки въ томъ смыслѣ, что такимъ физическимъ давленіемъ уничтожается свободная воля и что разнаго рода личныя соображенія лишены тутъ всякаго значенія. Напротивъ это явленіе и служитъ доказательствомъ тому, что люди имѣющіе въ виду вступленіе въ бракъ, думаютъ о томъ много и вслѣдствіе своихъ разумныхъ соображеній откладываютъ въ тяжелое время бракъ или вовсе оставляютъ мысль о

5*

немъ. Къ этому присоединяется и то, что при другихъ общихъ бѣдствіяхъ, наприм. войнѣ, число браковъ еще болѣе уменьшается, тоже вслѣдствіе связанныхъ съ нею соображеній. Не безъ вліянія на бракъ остаются климатъ и времена года, кладущія отчасти извѣстный отпечатокъ на душевную жизнь человѣка. Такъ въ Бельгіи болѣе всего заключается браковъ весною сравнительно съ зимою, тогда какъ въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы замѣтно равновѣсіе. Это можетъ быть объяснено трудностію обзаведенія хозяйствомъ зимою, особеннымъ, располагающимъ къ браку настроеніемъ съ появленіемъ весны, также работами, которыми болѣе бываютъ озабочены люди въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы. Иначе бываетъ въ Англіи, гдѣ по соціально правительственнымъ условіямъ всего чаще заключаются браки осенью; зимою напротивъ ихъ всего менѣе. Это вѣроятно бываетъ слѣдствіемъ того, что болѣе расчетливые англичане откладываютъ женитьбу, пока не узнаютъ дохода отъ урожая. Къ условіямъ физическимъ присоединяются сложныя соціальныя вліянія, придающія вмѣстѣ съ племенными различіями свою физіономію каждому соціальному тѣлу. Отъ нихъ зависитъ также разность въ числѣ браковъ не только въ отдѣльныхъ государствахъ, но и между особыми соціальными группами, составляющими части одного цѣлаго. Кромѣ численности браковъ, постоянныя числа, въ которыхъ выражаются движенія общественной жизни, касаются и другихъ сторонъ брака, объясняющихся только вліяніями соціальными и свидѣтельствующихъ прямо противъ естественнаго распорядка вещей. Казалось бы дѣломъ понятнымъ и нормальнымъ, если бы мужчина, который достигаетъ зрѣлости позже, чѣмъ женщина, отцвѣтающая еще ранѣе, и кромѣ того еще позднѣе пріобрѣтаетъ гражданскую самостоятельность, старался по правилу выбирать себѣ болѣе молодую подругу. Но статистическія данныя показываютъ противное: средняя разность въ лѣтахъ супруговъ оказывается гораздо меньшею, нежели какъ можно было бы думать судя по естественнымъ отношеніямъ половъ. Равнымъ образомъ и средній возрастъ вступленія въ бракъ женщинъ не соотвѣтствуетъ ожиданію: онъ выше того, который слѣдовало бы предполагать. Изъ этого видно, что въ государствахъ цивилизованныхъ въ дѣлѣ брака рѣшаютъ преимущественно не естественныя отношенія между обоими полами, подходящія къ обществамъ, стоящимъ на нисшей степени культуры, а что мужчины при выборѣ женъ руководствуются другими соображеніями, нежели молодостію. Соціальный порядокъ ставитъ такимъ образомъ для отдѣльныхъ лицъ извѣстныя границы, но въ его вліяніи нѣтъ ничего принудительнаго и неодолимаго; эти стѣсненія только побуждаютъ людей быть осмотрительными въ своихъ поступкахъ, и вслѣдствіе того не всѣ вообще вступаютъ въ бракъ и не всѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ достигаютъ возмужалости. Правда, при подобномъ вліяніи человѣкъ и испытываетъ ограниченіе, но у него остается однако же возможность дѣйствовать независимо, и если онъ подчиняется ограниченію, то потому, что по внушенію своего благоразумія находитъ лучшимъ принаровляться къ обстоятельствамъ. Но отъ чего происходитъ та правильность, съ которою повторяются въ жизни извѣстныя человѣческія дѣянія и которая способна навести на мысль о какой-то роковой необходимости ихъ? Въ

этомъ постоянствѣ, строго говоря, нѣтъ ничего поразительнаго. Оно бываетъ слѣдствіемъ того, что въ одинаково продолжительныхъ, но не слишкомъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга періодахъ времени, обстоятельства и отношенія, которыя окружаютъ человѣка и изъ которыхъ бóльшею частію возникаютъ мотивы, остаются довольно неизмѣнными. Вмѣстѣ съ тѣмъ остаются сходными другъ съ другомъ и люди по отношенію къ движущимъ ихъ мотивамъ, не увеличивается и не уменьшается приблизительно число тѣхъ, которые или не имѣютъ вообще никакого основанія сдерживать свои побужденія, какъ при бракѣ, или у которыхъ какъ то бываетъ при преступленіи и другихъ безнравственныхъ дѣяніяхъ, оказывается особымъ внутреннее, нравственное противодѣйствіе. Постоянство въ произвольныхъ дѣйствіяхъ поэтому происходитъ не отъ какого нибудь предшествующаго имъ внѣшняго закона, который повелительно требуетъ своего исполненія, а есть продуктъ относительно постоянныхъ и потому неизмѣнныхъ совсѣмъ отношеній и обстоятельствъ.

Таковы взгляды новой статистической школы, опирающіеся на болѣе прочное и реальное основаніе, чѣмъ статистическія числа, приведшія Кетле и его послѣдователей къ произвольнымъ предположеніямъ. Этимъ основаніемъ служитъ общечеловѣческое сознаніе, которое представлено нашимъ авторомъ не въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ считаетъ сознаніе не вполнѣ вѣрнымъ источникомъ истины потому будто бы, что оно даетъ показанія, не соотвѣтствующія иногда дѣйствительности. Оно наприм. говоритъ, что солнце обращается около земли, а мы этому не вѣримъ. Въ этомъ сомнѣніи скрывается какое-то непонятное недоразумѣніе. Въ сознаніи отражается вся внутренняя жизнь человѣка и между прочимъ всѣ его представленія и убѣжденія, вѣрныя или ложныя, смотря потому, дается ли уму истина скоро, или же не вдругъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. Такъ сознаніе стояло за обращеніе солнца вокругъ земли, когда такое убѣжденіе было господствующимъ у всѣхъ; оно и теперь стоитъ на томъ же у людей невѣжественныхъ. Но оно измѣнилось съ успѣхами науки и говоритъ объ обращеніи земли около солнца не смотря на кажущееся движеніе послѣдняго. Такимъ образомъ сознаніе не можетъ находиться въ противорѣчіи съ воззрѣніями, когда тѣ не ошибочны. Но сознаніе служитъ часто и единственнымъ источникомъ для нашего познанія. О многомъ, именно о томъ, что непосредственно дано въ душѣ, мы можемъ знать только посредствомъ сознанія. Оно даетъ знать о высшихъ неизмѣнныхъ понятіяхъ или идеяхъ, присущихъ первоначально человѣческому духу, о существованіи высшаго нравственнаго порядка, основаннаго на различіи между добромъ и зломъ. Къ непосредственнымъ фактамъ его принадлежитъ и свобода, которая дѣлаетъ возможнымъ внутреннее законодательство и на которой утверждаются понятія заслуги и вины. Сознаніе нравственной идеи и свободы воли живетъ постоянно въ человѣческомъ родѣ и выражается въ правахъ народовъ и законодательствахъ, въ особенности уголовныхъ, которыя противодѣйствуютъ наказаніемъ преступленію, какъ свободному, виною обусловленному дѣйствію. Свобода, если смотрѣть на нее съ практической нравственной стороны, состоитъ въ способности воли опредѣляться тѣмъ, что должно составлять ея истинное содержаніе, что по

силѣ внутренняго закона признается нравственно необходимымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возможности оставаться независимою отъ другихъ, постороннихъ мотивовъ. Въ этомъ подчиненіи воли и состоитъ самоопредѣленіе человѣка. Но свобода или воля, подобно другимъ силамъ духовнымъ, имѣетъ нужду въ развитіи и упражненіи, которыя требуютъ напряженныхъ усилій. Для свободы существенно необходима выработка нравственнаго характера, который возводитъ разумныя понятія въ высшее руководящее начало для пожеланій и дѣйствій. Твердость этого характера зависитъ отъ энергіи, съ которою человѣкъ хочетъ преобладанія тѣхъ принциповъ. Характеръ имѣетъ рѣшительное вліяніе на жизнь человѣка: по нему разгадываются будущія судьбы. Зная нравственное настроеніе человѣка можно заранѣе предсказать его поступки. Такое гаданіе однако можетъ быть лишь приблизительно вѣрнымъ. Это потому, что принятое однажды волею направленіе можетъ испытывать уклоненія. Хотя и при твердомъ нравственномъ характерѣ разъ принятые принципы поведенія и имѣютъ рѣшительный перевѣсъ надъ безнравственными побужденіями, но они только обуздываютъ, а не уничтожаютъ ихъ. Отъ времени до времени эти побужденія возвращаются съ новою силою, и воля не всегда въ состояніи устоять противъ искушеній. Только послѣ долговременной и упорной борьбы человѣкъ можетъ остаться побѣдителемъ, да и тогда долженъ быть постоянно на сторожѣ. За каждымъ уклоненіемъ отъ нравственной идеи слѣдуетъ сознаніе вины, которая служитъ основаніемъ вмѣняемости и отвѣтственности человѣка предъ государствомъ за преступленіе. Хотя нравственная идея, о которой свидѣтельствуетъ совѣсть и имѣетъ нужду въ развитіи и до извѣстной мѣры воздѣйствія съ внѣшней стороны, но она не приходитъ извнѣ, поколику человѣкъ воспринимаетъ и усвояетъ себѣ только то, что согласуется съ лежащимъ въ немъ самомъ критеріемъ, съ прирожденнымъ ему понятіемъ нравственнаго добра.

Конечный результатъ всего изложеннаго выше тотъ, что несвобода воли у нашего автора не доказана и его ученіе лишено поэтому прочной опоры.

А. Палюмбецкій,

профессоръ имп. харьковскаго университета.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ, соч. *Нерсесова*. М. 1878, стран. V и 183.

Сочиненіе г. Нерсесова принадлежитъ къ числу тѣхъ, еще весьма немногочисленныхъ русскихъ монографій по гражданскому праву, которыя заслуживаютъ вполнѣ внимательнаго изученія и серьезнаго разбора. Солидность свѣдѣній, обнаруженныхъ авторомъ, даетъ его работѣ

безспорно ученый характеръ; способъ же выполненія ея и присущая ей живость мысли дѣлаютъ ее и научною, и интересною.

По роду своему это — произведеніе догматическое. Главная задача автора, на выполненіе которой онъ удѣляетъ почти двѣ трети своей книги (стр. 1—116), состоитъ въ томъ, чтобы найти такую формулу для выраженія понятія добровольнаго представительства, которая совмѣстила бы въ себѣ характеристическіе признаки этого института. Давъ внѣшнее описаніе представительства („подъ представительствомъ въ частномъ правѣ разумѣется совершеніе однимъ лицомъ — представителемъ, отъ имени другаго — принципала, юридической сдѣлки, изъ которой возникаютъ непосредственно права и обязанности только для этого послѣдняго") и ограничивъ область своего изслѣдованія только добровольнымъ или договорнымъ представительствомъ, авторъ употребляетъ для достиженія сказанной цѣли послѣдовательно два пріема. Въ первой главѣ онъ сличаетъ представительство съ другими, сходными съ нимъ отношеніями и такимъ путемъ констатируетъ характеристическія свойства представительства. Будучи вполнѣ цѣлесообразенъ, этотъ пріемъ имѣетъ еще ту выгоду, что даетъ автору возможность говорить помимо представительства о многихъ предметахъ, мало разработанныхъ въ нашей юридической литературѣ. Какъ напримѣръ, укажемъ на § 6, гдѣ излагается отличіе представительства отъ договоровъ въ пользу третьихъ лицъ. Важное явленіе — договора въ пользу третьихъ лицъ составляетъ у насъ почти совсѣмъ незатронутый предметъ какъ въ судебной практикѣ, такъ и въ литературѣ; а потому все сказанное о немъ, хотя бы въ формѣ отступленія въ сочиненіи, прямо сюда не относящемся, должно быть поставлено въ несомнѣнную заслугу автора. Достаточно самаго бѣглаго обзора нашей судебной практики для того, чтобы убѣдиться, какъ низко стоитъ уровень юридическихъ понятій, которыя руководятъ ею, — какъ они еще немногочисленны и неустойчивы въ сравненіи съ понятіями, вошедшими въ плоть и кровь западнаго юриста-практика. Потому, чѣмъ менѣе авторы серьезныхъ юридическихъ сочиненій будутъ скупиться на сообщеніе своимъ читателямъ такихъ понятій, чѣмъ болѣе они будутъ помнить, что въ такихъ случаяхъ русскому читателю приходится говорить то, что нѣмцу или французу извѣстно уже со школьной скамьи, тѣмъ благотворнѣе окажутся труды ихъ. — Результатъ сличенія, которое предпринято г. Нерсесовымъ, выражается въ опредѣленіи семи отличительныхъ свойствъ представительства (стр. 74—76). Важнѣйшее изъ нихъ — присутствіе полномочія, отличающее представительство отъ представительной negotiorum gestio, разсматривается отдѣльно. За симъ, покончивъ съ аналитическимъ изслѣдованіемъ, авторъ старается объединить полученные имъ выводы путемъ опредѣленія сути представительства. Онъ называетъ этотъ процессъ юридическимъ обоснованіемъ представительства,— какъ мы думаемъ, не совсѣмъ правильно. Болѣе отвлеченное выраженіе какого либо понятія, выраженнаго передъ тѣмъ конкретно, есть не основаніе этого послѣдняго, а лишь переработка его, объединеніе признаковъ, перечисленныхъ конкретно. Это — то же самое понятіе, но въ усовершенствован
основаніе же заключается всегда въ чемъ-либо другомъ. Въ

минологія авторъ, можетъ быть, противъ собственной воли, грѣшитъ грѣхомъ формально-логической догмы, которая отождествляла обыкновенно логическое развитіе юридическихъ понятій съ ихъ реальнымъ развитіемъ.— Отвергая опредѣленія представительства чрезъ фикцію,—этотъ устарѣлый пріемъ той же догмы, въ сущности ничего не объясняющій и не опредѣляющій, а лишь прикрывающій пустоту въ логическомъ ходѣ мыслей, авторъ высказывается за опредѣленіе, которое гласитъ, что суть добровольнаго представительства состоитъ въ распредѣленіи свойствъ контрагента и юридическаго субъекта по одной и той же сдѣлкѣ между двумя различными лицами (представителемъ и представляемымъ). Это опредѣленіе провѣряется на удобопримѣнимости его къ разрѣшенію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ (стр. 87—106). — Остальная часть книги посвящена главнымъ образомъ разсмотрѣнію существеннѣйшихъ постановленій положительнаго права о представительствѣ.

Не входя въ оцѣнку взглядовъ автора по ихъ содержанію, я намѣренъ остановить вниманіе читателя настоящаго отчета на способахъ разработки, которые примѣнены г. Нерсесовымъ, — на методологической сторонѣ его сочиненія. При современномъ, переходномъ состояніи догмы гражданскаго права вопросъ о методѣ догматическаго изслѣдованія представляется наиважнѣйшимъ.

Прежніе нѣмецкіе догматики, по сіе время не оставшіеся безъ послѣдователей и подражателей, исходили изъ того либо высказаннаго, либо скрытаго предположенія, что права опредѣленія, которыя они разработываютъ, имѣютъ для нихъ непосредственную обязательную силу. Такъ они работали сначала надъ римскимъ правомъ, потомъ надъ своими мѣстными правоположеніями. Главная задача догмы заключалась въ систематизаціи положительныхъ правоопредѣленій съ цѣлью вѣрнаго истолкованія и передачи ихъ. Догматикъ долженъ точно и безстрастно передать то, что заключается уже въ положительномъ правѣ. Различіе постановленія этого послѣдняго и постановленій, которыя редифировались догматиками, заключалось только въ томъ, что послѣдніе передавали въ абстрактной и болѣе короткой формѣ содержаніе, которое было выражено въ положительныхъ опредѣленіяхъ въ формѣ конкретной и распространенной. Что законъ говорилъ въ десяти предложеніяхъ и сотнѣ словъ, то догматикъ въ своихъ „пандектахъ“, „системахъ“ и монографіяхъ старался выразить чрезъ посредство одного предложенія и десяти словъ. Дѣло догмы сводилось на формально-логическую разработку юридическихъ понятій. Рядъ конкретно-выраженныхъ опредѣленій объединялся въ одной отвлеченной формулѣ; и, наоборотъ, развивая логически эту формулу, разлагали ее на массу частныхъ опредѣленій. Критика же и видоизмѣненіе положительныхъ правоопредѣленій были исключены изъ догмы. Такимъ образомъ, по принципу, догматикъ отказался отъ всякой активной дѣятельности по отношенію къ закону. Но если онъ отклонялся отъ такой роли сознательно, то изъ этого не слѣдовало еще, что онъ могъ избѣжать ея совершенно. Незамѣтно для самого себя ему приходилось измѣнять принятое имъ положеніе. Благодаря практическому назначенію формально-логической догмы, она приходила къ результатамъ, частью непредвидѣннымъ и во всякомъ случаѣ

несогласнымъ съ предопредѣленною заранѣе задачею. Во-первыхъ, логическое развитіе общихъ формулъ, приводя къ частнымъ результатамъ, не высказаннымъ въ положительномъ правѣ, пополняло его новыми положеніями. Во-вторыхъ, — и здѣсь мы касаемся самой характеристической черты формально-логической догмы, — самыя свойства ея основнаго пріема, въ связи съ нѣкоторыми практическими соображеніями, вели къ измѣненію догмою разработаннаго ею положительнаго матеріала. Стремясь къ логическому единству и недопуская внутренняго несогласія въ законѣ, догматикъ долженъ былъ уничтожить, по возможности, всѣ противорѣчія, которыя проникли въ законъ по какой либо причинѣ. Вслѣдствіе этого догматическая разработка стала измѣнять законъ не только по формѣ, но и въ содержаніи. Догма предлагала въ своемъ изложеніи не тотъ же самый законъ, который взялась переработать, но законъ, исправленный въ извѣстномъ отношеніи. Исправленіе это было формальное. Законъ сглаживался, подравнивался въ интересахъ достиженія наибольшей легкости его систематизаціи.

Рано или поздно должна была обнаружиться несостоятельность такой разработки права. Она заслуживаетъ осужденія какъ съ точки зрѣнія научной, такъ и практической. Она не имѣетъ научной цѣны, потому что не даетъ вѣрнаго изображенія права, дѣйствительно существующаго. Такъ, пройдя чрезъ нее римское право представилось въ видѣ, далеко не схожемъ съ дѣйствительнымъ римскимъ правомъ. Противорѣчія, которыя находятся въ источникахъ (corpus juris) и объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что эти источники были смѣшнымъ сводомъ твореній весьма многихъ законодателей и юристовъ, жившихъ въ различное время, были игнорированы; историческіе остатки прошлаго, занесенные въ юстиніанову кодификацію, развивались наравнѣ съ элементами вполнѣ живыми; случайныя и неосторожныя обобщенія возведены на степень безспорныхъ истинъ; частныя исключенія распространены въ общія правила, и т. д.*). — Подобная разработка не могла имѣть, далѣе, и большой практической цѣны, потому что чуждалась такого самостоятельнаго отношенія къ разработываемому закону, которое одно могло имѣть существенное практическое значеніе. Чужое право, хотя бы въ высшей степени развитое, не могло быть перенято безъ болѣе или менѣе крупныхъ измѣненій и передѣлокъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ соображеній цѣлесообразности. Не можетъ избѣжать этихъ передѣлокъ и свое право, въ особенности столь заброшенное, какимъ было еще вначалѣ этого столѣтія національное германское право. Измѣненія закона, которыя дѣлаются догматиками въ интересахъ широкаго примѣненія формально-логическаго пріема, ведутъ къ расширенію или ограниченію законодательныхъ опредѣленій; но не всегда эти расширенія и ограниченія отвѣчаютъ потребностямъ гражданскаго оборота. Гражданская жизнь нуждается въ такой критикѣ положительнаго права, которая имѣла бы своимъ критеріумомъ ея потребности. Она нуждается

---

*) См. объ этомъ ближе *мои очерки общей теоріи гражданскаго права*, I, 1877, въ первой главѣ 1-го отдѣла.

также въ самостоятельномъ творчествѣ юриспруденціи. Право должно пополняться безъ стѣсненія этого процесса рамками уже готовыхъ общихъ положеній, — не только путемъ логическаго развитія ихъ, но и путемъ измѣненія старыхъ и самостоятельнаго формулированія новыхъ общихъ правоположеній. По мѣрѣ практической необходимости дѣйствіе существующихъ правоопредѣленій расширяется или ограничивается; выдвигаются новыя понятія для пополненія, стѣсненія, или споспѣшествованія вящему развитію ихъ. — Это новое направленіе въ догмѣ высказывается въ очень разнообразныхъ проявленіяхъ. Я отмѣчу тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ книгѣ г. Нерсесова. Существенное достоинство ея состоитъ именно въ томъ, что авторъ ея пользуется отчасти вышеуказанными новыми пріемами догмы. Тѣмъ же обстоятельствомъ, что примѣненіе этихъ пріемовъ въ книгѣ г. Нерсесова проведено не вполнѣ и уступаетъ безъ нужды мѣсто старымъ способамъ догматическаго изслѣдованія, образуется главный недостатокъ ея.

Умѣнье отрѣшиться отъ раболѣпнаго поклоненія глаголамъ и формамъ римскаго права отвѣчаетъ самому элементарному требованію, которое предъявляется въ наше время ученому цивилисту. Отъ многихъ грубыхъ проявленій помянутаго поклоненія, каково, напримѣръ, подведеніе феодальныхъ отношеній подъ римскіе типы, или приравненіе крѣпостныхъ къ рабамъ, успѣла отказаться уже старая догма. Но помимо рѣзкихъ диссонансовъ, замѣтныхъ и безъ помощи особаго критическаго отношенія къ дѣлу, существуетъ рядъ другихъ, болѣе тонкихъ, рожденныхъ однако тѣмъ же источникомъ; и для сознанія ихъ требуется нерѣдко немалая доля критической способности. Дѣло въ томъ, что многія опредѣленія римскаго права еще теперь могутъ найти бытовую почву, имъ родственную. Однако въ виду интересовъ современной гражданской жизни представляется болѣе удобнымъ отказаться отъ римскихъ формъ и, не стѣсняясь ими, путемъ самостоятельнаго развитія выработать другія, новыя формы. Въ этомъ духѣ поступаетъ г. Нерсесовъ, когда въ различныхъ мѣстахъ своей книги высказывается противъ перенесенія римскихъ взглядовъ въ догму современнаго права. Такъ, на стран. 25—33 онъ вполнѣ основательно отказывается отъ римской характеристики различія мандата и личнаго найма. Различія гонорара и платы, свободной и несвободной профессіи, столь важныя въ древнемъ мірѣ, потеряли теперь всякое значеніе. На стр. 65 и слѣд. авторъ показываетъ непригодность римскаго понятія negotiorum gestio для современнаго права. Въ римскомъ правѣ помянутый договоръ имѣлъ большое сходство съ мандатомъ, отличаясь отъ него только отсутствіемъ предварительнаго порученія. Въ настоящее время, съ признаніемъ прямаго представительства отношенія изъ negotiorum gestio нѣсколько видоизмѣнились. Параллельно двумъ формамъ: mandatum и представительство, neg. gestio получаетъ также двѣ формы: gestor выступаетъ въ гражданскомъ оборотѣ или въ качествѣ мандатарія dominus'a, или же его представителя. Не оспаривая этого послѣдняго положенія, замѣчу, что авторъ не объяснилъ вполнѣ отчетливо, въ чемъ именно состоитъ юридическій интересъ различенія двухъ формъ веденія дѣлъ за другаго. Между сказаннымъ объ этомъ предметѣ въ концѣ 66-й и на 67-й стран. и мнѣ-

ніемъ французскихъ юристовъ, не сопровожденнымъ никакимъ поясненіемъ либо разборомъ, существуетъ на видъ нѣкоторое противорѣчіе.— На стран. 110—116 авторъ разбираетъ воззрѣнія на представительство, которыя принадлежатъ Пухтѣ и Кунтце, и совершенно справедливо усматриваетъ въ этихъ воззрѣніяхъ неправильное развитіе римскаго взгляда въ общую догму. Принципіальная невозможность представительства, которая, по мнѣнію названныхъ писателей, вытекаетъ будто бы изъ самаго существа обязательствъ, есть національно-римскій взглядъ, который звучитъ анахронизмомъ въ системѣ современнаго права. Вообще, что касается до разумнаго отношенія къ авторитету римскаго права, то, какъ кажется, г. Нерсесову удалось удержаться всюду на вѣрномъ пути.

Труднѣе бываетъ избѣжать вліянія дурныхъ сторонъ формально-логическаго пріема изслѣдованія. Самъ по себѣ этотъ пріемъ весьма простъ и заманчивъ; школа и школьная литература гражданскаго права до сихъ поръ почти исключительно руководятся имъ; къ тому же онъ не составляетъ чего либо абсолютно негоднаго, но въ извѣстныхъ предѣлахъ является, напротивъ, необходимымъ. Однако автору посчастливилось и съ этой стороны. Отказываясь рѣшительно отъ объясненія представительства посредствомъ фикціи, онъ выступаетъ, безспорно, врагомъ безполезныхъ ухищреній прежней догмы. Другой пріемъ г. Нерсесова заслуживаетъ также полнаго вниманія. Каждый разъ, когда ему приходится объяснять какое либо юридическое различіе, настаивая на его важности, или предлагать какое либо понятіе или опредѣленіе, онъ сопровождаетъ свои разсужденія указаніемъ на практическую важность защищаемаго имъ различія, понятія, опредѣленія. На самомъ дѣлѣ практическая цѣлесообразность (понимаемая съ достаточною широтою) есть единственный критерій правоопредѣленій. Каждое правоопредѣленіе есть средство удовлетворенія какой либо жизненной цѣли. Потому самостоятельныя понятія и различія должны допускаться лишь на столько, на сколько они нужды для жизни. Но, придерживаясь этого взгляда и примѣняя его въ своемъ трудѣ, г. Нерсесовъ не выдерживаетъ въ этомъ отношеніи полной послѣдовательности и безъ нужды уклоняется иногда на сторону стараго, отживающаго пути. Именно такое уклоненіе мы замѣчаемъ на стран. 50 и слѣд. Авторъ говоритъ здѣсь о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ. Какъ извѣстно, подъ этимъ именемъ разумѣются такія соглашенія двухъ или болѣе лицъ, которыя доставляютъ юридическую выгоду третьему лицу, въ договорѣ не участвующему, но пріобрѣтающему изъ него право иска. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ договоры этого рода допускались уже въ римскомъ правѣ. Начиная съ прошлаго столѣтія, современныя законодательства тоже высказываются въ ихъ пользу. Но всюду въ этихъ послѣднихъ законодательствахъ дѣйствительность помянутыхъ соглашеній ставится въ зависимость отъ одобренія ихъ лицомъ, въ пользу котораго договоръ совершенъ. Третье лицо получаетъ искъ изъ договора только съ того момента, когда, узнавъ о немъ, оно даетъ на него свое согласіе. До тѣхъ поръ договоръ не входитъ въ силу и, между прочимъ, можетъ быть измѣненъ и отмѣненъ по волѣ контрагентовъ. Примыкая къ группѣ

писателей, во главѣ которой стоитъ извѣстный австрійскій цивилистъ Унгеръ, авторъ высказывается противъ этого порядка; но приводитъ въ доказательство исключительно одни теоретическія соображенія. Склоняясь въ этомъ случаѣ на сторону мнѣнія автора, надо однако сказать, что несостоятельность порядка, принятаго новыми законодательствами относительно договоровъ въ пользу третьихъ лицъ, можетъ быть обнаружена только при помощи доводовъ, которые имѣютъ практическое значеніе. Если бы, напротивъ, практическіе интересы оказались на сторонѣ законнаго порядка, то никакіе доводы, почерпнутые изъ логическаго развитія договора, какъ таковаго и т. п., не могли бы разрушить его. На самомъ дѣлѣ поставленіе юридической дѣйствительности договора въ зависимость отъ ясно выраженнаго одобренія лица, въ пользу коего онъ совершенъ, несостоятельно потому, что вредитъ практическому осуществленію цѣли такихъ договоровъ. Они назначены именно на тотъ случай, когда третье лицо почему либо не можетъ или не желаетъ само выступать въ роли контрагента. Такъ, оно можетъ быть въ отсутствіи; договоръ, совершенный въ его пользу, можетъ заключать какое либо одолженіе для него (наприм., страхованіе его жизни и т. п.). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ требованіе открытаго одобренія ставитъ третье лицо въ затруднительное, либо неловкое положеніе. Кромѣ того интересамъ контрагентовъ можетъ соотвѣтствовать, чтобы это лицо не знало до поры до времени о существованіи договора (наприм., отецъ страхуетъ выдачу извѣстной суммы въ будущемъ своему сыну). Всѣ эти и другія, подобныя имъ особенности принимаются во вниманіе возврѣніемъ, отрицающимъ дѣйствующія законодательныя постановленія. Раціональнѣе представляется такой порядокъ вещей, при которомъ третье лицо пріобрѣтаетъ искъ въ самый моментъ совершенія договора независимо отъ того, знаетъ ли оно о немъ, или не знаетъ. Пріобрѣтая всѣ выгоды, оно не можетъ пострадать при этомъ порядкѣ. Договоръ не можетъ наложить на него какія либо обязательства; а если предоставленную имъ выгоду оно находитъ почему либо несоотвѣтствующею своимъ интересамъ, то всегда можетъ отказаться отъ своего иска.

Какъ на слѣдующую привлекательную черту работы г. Нерсесова, слѣдуетъ указать на то, что ей вообще чуждъ пріемъ, извѣстный подъ техническимъ именемъ interpretatio in fraudem legis. Практической юриспруденціи бываетъ свойственно стремленіе, оставляя неприкосновенною букву закона, влагать въ нее смыслъ, предусмотрѣнный законодателемъ. Въ ранній періодъ юридическаго развитія это стремленіе обусловлено конкретностью юридическаго мышленія и проистекающимъ оттуда консерватизмомъ его. Позднѣе оно порождается, хотя и значительно въ смягченной формѣ, безотчетнымъ желаніемъ юристовъ экономизировать свой трудъ. Игнорируя всякое самостоятельное творчество и свободную критику закона, прежняя догма по неволѣ должна была прибѣгать къ помощи названнаго пріема. Чѣмъ раболѣпнѣе относились къ даннымъ формуламъ, тѣмъ болѣе нужды чувствовалось въ измѣненіи ихъ смысла путемъ искусственнаго толкованія ради примѣненія ихъ къ разрѣшенію живыхъ, но не предусмотрѣнныхъ закономъ столкновеній и удовлетво-

ренія новыхъ потребностей. Такимъ образомъ интерпретація in fraudem legis сдѣлалась скрытымъ элементомъ формально-логической догмы. Но присутствіе его вообще не соотвѣтствуетъ научному значенію догмы. Какъ отдѣлъ гражданскаго правовѣдѣнія, она есть не иное что, какъ теоретическое судебное искусство. Путемъ теоретической переработки, формальной и матеріальной, она должна приготовить гражданскія правоопредѣленія къ примѣненію ихъ въ судѣ. Стоя не подъ положительнымъ правомъ, а надъ нимъ, догма не должна опасаться раскрывать его пробѣлы и другіе недостатки. Ей не зачѣмъ прикрывать ихъ. Одно открытое отношеніе догмы къ закону соотвѣтствуетъ ея научному значенію. Потому ей подобаетъ смѣлое констатированіе всѣхъ несовершенствъ закона и не менѣе смѣлое исправленіе и удаленіе ихъ путемъ самостоятельнаго формулированія новыхъ правоопредѣленій. Слѣдуетъ предоставить судебной практикѣ идти извилистымъ путемъ толкованія in fraudem legis, буде она не чувствуетъ себя способною къ путямъ болѣе прямымъ. — Такъ и поступаетъ г. Нерсесовъ въ своей книгѣ. Напримѣръ, на стр. 51 и слѣд., сочувствуя вполнѣ институту договоровъ въ пользу третьихъ лицъ, онъ однако не дѣлаетъ никакой попытки навязать ихъ нашему дѣйствующему законодательству посредствомъ искусственнаго толкованія, но открыто заявляетъ, что „что касается до отечественнаго законодательства, то въ немъ не находится никакихъ опредѣленій о договорахъ въ пользу третьихъ". Вслѣдъ за симъ рѣшенія судовъ, склонявшіяся на сторону подобныхъ договоровъ, разсматриваются г. Нерсесовымъ какъ выраженія самостоятельной попытки акклиматизировать у насъ этотъ институтъ. При общепризнанной крайней неполнотѣ нашего гражданскаго свода русскому юристу, даже юристу-практику, меньше, чѣмъ гдѣ либо, слѣдуетъ опасаться переступать предѣлы очарованной искусственной интерпретаціи. Самостоятельная и самодѣятельная судебная практика лишь одна еще служитъ залогомъ спасенія отъ золъ бѣднаго и спутаннаго закона. — Но не вездѣ г. Нерсесовъ остается вѣренъ самому себѣ. Развивая свое основное понятіе о представительствѣ, сущность котораго была приведена нами выше (раздѣленіе личностей контрагента и субъекта между двумя различными лицами), онъ находитъ, что для того, чтобы быть представителемъ, надо обладать условіями общей дѣеспособности къ совершенію гражданскихъ актовъ. „Отсюда само собой вытекаетъ, что представителемъ можетъ быть и несовершеннолѣтній, потому что лица, не достигшія полнаго гражданскаго совершеннолѣтія, тѣмъ не менѣе считаются способными къ гражданской дѣятельности вообще и ограничены только въ принятіи на себя обязательствъ безъ согласія попечителя" (стр. 87—89). Авторъ полагаетъ, что этотъ взглядъ раздѣляется между прочимъ и русскимъ закономъ, подобно тому какъ онъ находится въ римскомъ, французскомъ и др. правахъ. Но такое предположеніе навязываетъ нашему закону искусственнымъ образомъ несвойственное ему воззрѣніе. Въ 220 ст., I ч., X т., которую авторъ думаетъ истолковать въ свою пользу, прямо запрещено несовершеннолѣтнему совершать безъ согласія попечителя акты и сдѣлки „какого либо рода". Если судебная практика

ограничиваетъ смыслъ приведеннаго постановленія, то это ограниченіе принадлежитъ ей, а не закону.

На стран. III и слѣд. предисловія къ разбираемой здѣсь книгѣ находится выраженіе наиболѣе замѣчательной мысли всего сочиненія. Рядомъ съ элементомъ индивидуальныхъ интересовъ въ представительствѣ, по словамъ автора, проявляется и другая не менѣе важная сторона: предпочтеніе интересовъ общества интересамъ частныхъ лицъ. Въ виду интересовъ третьихъ лицъ, которыя чрезъ посредство этого института вступаютъ въ прямыя юридическія отношенія съ представляемымъ, правовыя послѣдствія, возникающія изъ сдѣлки, заключенной на основаніи представительнаго полномочія, не зависятъ отъ юридическихъ отношеній представляемаго и представителя, т. е. представительное полномочіе не зависимо отъ своей causa. Мотивъ выдачи полномочія и даже способъ перехода его въ руки представителя (хотя бы помимо воли представляемаго) не вліяетъ на дѣйствительность сдѣлки. Третьи лица обязаны дѣйствовать только на основаніи содержанія представительнаго полномочія, — внѣшней, а не внутренней, скрытой отъ нихъ стороны представительства. „Если приходится дѣлать выборъ между интересами частнаго лица и цѣлаго общества, хотя бы въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ его, то не можетъ быть колебанія относительно того, кому изъ нихъ дать предпочтеніе". Къ сожалѣнію авторъ не даетъ никакого дальнѣйшаго развитія этой важной мысли по отношенію ея къ представительству, и нельзя не попрекнуть г. Нерсесова за эту излишнюю сдержанность. Правильное развитіе идеи, едва затронутой имъ, возвысило бы значительно интересъ, представляемый его книгою, и подняло бы еще научное достоинство ея. На двухъ цитованныхъ выше страницахъ своей книги г. Нерсесовъ коснулся одного изъ самыхъ интересныхъ общихъ вопросовъ современной догмы. Анализъ идей, или, что то же, — потребностей, которыя руководили образованіемъ гражданскихъ институтовъ, составляетъ основную задачу юриспруденціи. Выполненіе этой задачи поведетъ къ новой, внутренней классификаціи системы гражданскаго права. Эта классификація вытѣснитъ собою сухую классификацію институтовъ по ихъ внѣшнему виду и вложитъ въ систему дѣйствительную жизнь. Принципъ формальной легитимаціи, затронутый авторомъ, займетъ при новомъ распорядкѣ, конечно, почетное мѣсто. Можетъ быть много непонятыхъ еще явленій соберутся въ одну группу, освѣщаемыя названнымъ принципомъ, и для многихъ спорныхъ вопросовъ современнаго права юристы-догматики и практики найдутъ въ немъ твердую точку опоры. Формальная легитимація есть творящая идея настоящаго и будущаго. Потому было бы особенно интересно встрѣтиться съ общею или частною разработкою ея, — въ русской литературѣ полезною тѣмъ болѣе, что наша судебная практика весьма мало знакома съ нею. — Надо замѣтить только, что г. Нерсесовъ не совсѣмъ правильно передаетъ соціальное значеніе упомянутой идеи. Не слѣдуетъ отождествлять интересы третьихъ лицъ, о коихъ у него идетъ рѣчь, съ интересами общества. Правильнѣе придержаться терминологіи, достаточно уже распространенной, которая говоритъ въ этомъ случаѣ объ интересахъ гражданскаго оборота. Дѣйствительно, только односторонніе интересы этого

послѣдняго, — интересы наибольшаго развитія быстроты обмѣна родятъ формальную легитимацію и др. подобные принципы. Общественные интересы, взятые въ ихъ цѣломъ, могутъ и не гармонировать съ такими односторонними стремленіями, которыя легко затрогиваютъ и справедливость и нравственность и другія высшіе принципы, состоящіе подъ охраной общества.

На этомъ слѣдуетъ остановиться, ограничившись въ заключеніе нѣсколькими указаніями на частные промахи, замѣченные нами въ книгѣ. На стран. 42 авторъ, упуская изъ виду мѣсто юстиніанова кодекса (Cod. 4, 27 l. 2), передаетъ неточно постановленіе римскаго права на случай, когда конкурировали права нѣсколькихъ господъ по сдѣлкѣ, совершонной ихъ общимъ рабомъ. На стран. 44 и 45 обнаруживаются небрежности при изложеніи ученія Іеринга о рефлективномъ дѣйствіи правъ. Именно, въ двухъ мѣстахъ содержаніе этого дѣйствія характеризовано узко, какъ проявленіе нѣкоторыхъ „юридическихъ“ послѣдствій (стр. 44), или пріобрѣтеніе „правъ“ (стр. 45); въ примѣрахъ же, которые приведены тамъ же, указываются и фактическія послѣдствія. На ст. 47 и 48 къ тремъ случаямъ договоровъ въ пользу третьихъ лицъ (въ римскомъ правѣ) надо было бы прибавить еще четвертый случай: именно, договоръ въ пользу наслѣдника одного изъ контрагентовъ. На стр 79 вмѣсто выраженія „неправоспособнымъ къ совершенію тѣхъ дѣйствій, на которыя его уполномочиваютъ“ было бы желательно видѣть выраженіе „недѣеспособнымъ“. Въ русской литературѣ принято замѣнять этотъ послѣдній терминъ терминомъ, который употребленъ авторомъ. Но было бы раціональнѣе сохранить строго различіе, соотвѣтствующее нѣмецкому различію Rechts- и Handlungsfähigkeit. Наконецъ, на стр. 165 и слѣд., говоря объ исторіи добровольнаго представительства, авторъ ссылается на такіе случаи исторіи русскаго права, которые принадлежатъ къ необходимому представительству.

Сергѣй Муромцевъ,

профессоръ московскаго университета.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Греческіе номоканоны, Цахаріэ фонъ-Лингенталя. (Die Griechischen Nomokanones. Von E. Zachariä von Lingenthal. St.-Petersburg. 1877. S. 18. 4°).

Это — отдѣльный оттискъ весьма любопытной и важной для исторіи источниковъ права греческой и русской церкви статьи, принадлежащей извѣстному ученому юристу-византологу и помѣщенной въ мемуарахъ нашей академіи наукъ. (Т. XXIII, № 7). Существенная цѣнность новой ученой работы маститаго члена-корреспондента нашей академіи наукъ состоитъ въ томъ, что ею окончательно разрѣшается вопросъ о происхожденіи и существованіи въ церкви, до раздѣленія ея на восточную и западную, такъ называемаго номоканона изъ XIV титуловъ въ до-Фотіевской редакціи, и о составѣ этой редакціи. Благодаря ученымъ изслѣдованіямъ Бинера, Геймбаха, Мортрейля, Питры, Гергенрэтера и Павлова, несомнѣнно доказано, что составленіе такъ называемаго Фотіева номоканона не принадлежитъ вполнѣ знаменитому патріарху, что номоканонъ XIV титуловъ существовалъ прежде патріарха Фотія и что Фотій могъ лишь дополнить трудъ неизвѣстнаго составителя прибавленіемъ къ нему правилъ и законовъ, изданныхъ въ Грекоримской имперіи послѣ VI-го вѣка. По изслѣдованіямъ проф. Павлова, номоканонъ XIV титуловъ въ до-Фотіевой редакціи перешолъ въ Россію въ самые первые вѣка русской церкви и былъ долгое время въ употребленіи. Но всѣ изслѣдованія упомянутыхъ ученыхъ опирались по преимуществу на указаніяхъ на внутреннее содержаніе предисловія и состава номоканона фотіевской редакціи. Между тѣмъ профессоръ Цахаріэ отъискалъ въ лондонской бодлеяновской библіотекѣ греческую рукопись, содержащую въ себѣ номоканонъ XIV титуловъ въ до-фотіевской редакціи; благодаря этой находкѣ, составилъ разсматриваемую статью о греческихъ номоканонахъ и такимъ образомъ окончательно рѣшилъ вопросъ о времени происхожденія номоканона XIV титуловъ въ VI вѣкѣ и о дополненіяхъ, произведенныхъ въ немъ въ послѣдующія времена. Въ статьѣ своей Цахаріэ излагаетъ кратко исторію греческихъ номоканоновъ, начиная съ номоканона изъ XIX титуловъ (VI вѣка) и кончая номоканономъ Мануила Малаксы (въ XVI вѣкѣ). Содержаніе

статьи Цахарія есть результатъ всѣхъ предшествующихъ ученыхъ изслѣдованій предмета и служитъ сжатымъ выраженіемъ современнаго положенія его въ наукѣ.

Патріархъ и царь, В. Пальмера. (The Patriarch and the Tsar. By William *Palmer*. Vol. I — VI, London, 1871 — 1876. Vol. I, 1871 p. XXXIX + 673; vol. II, 1873, LXXVIII + 554; vol. III, 1873, p. LXVI + 557; vol. IV—VI, 1876, p. LXXVII + 1656 + 326).

Этотъ трудъ Пальмера, посвященный исключительно изслѣдованію историческаго значенія русскаго патріарха Никона, изумляетъ русскаго читателя своею внѣшнею обширностію и многотомностію, необычайною преданностію автора излюбленному имъ предмету, громаднымъ богатствомъ собранныхъ въ немъ матерьяловъ и по истинѣ британскою эксцентричностію направленія.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ было извѣстно въ нѣкоторыхъ кружкахъ русскаго общества, что англичанинъ Пальмеръ питаетъ благоговѣйное уваженіе къ русскому патріарху Никону и съ чрезвычайнымъ усердіемъ собираетъ матерьялы, относящіеся до его жизни и времени патріаршества. И нельзя не отдать справедливой дани глубокаго уваженія необычайной настойчивости, съ которою авторъ въ теченіи сорока лѣтъ посвящалъ избранному имъ предмету свои изслѣдованія, время и всѣ труды. Авторъ, кажется, ничего не щадилъ для собиранія матерьяловъ, имѣющихъ отношеніе къ его изслѣдованію. Онъ предпринималъ для этого далекія путешествія въ Россію, въ Константинополь, Римъ, Каиръ; проживалъ нѣсколько разъ долгое время въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и Каирѣ если не исключительно, то главнымъ образомъ для ученыхъ занятій по избранному имъ предмету; входилъ въ сношенія и сложную переписку съ многочисленными лицами различныхъ національностей, живущими въ разныхъ частяхъ свѣта—въ Европѣ, Азіи и Африкѣ; старался добыть себѣ все, что только гдѣ либо сохранилось печатнаго и письменнаго на какомъ бы то нибыло языкѣ относительно патріарха Никона; пользовался сочиненіями и рукописями на разныхъ языкахъ; боролся съ многочисленными затрудненіями въ своей работѣ съ завидною выдержкою, достойною истаго британца. *Шесть* объемистыхъ томовъ Пальмера о Никонѣ составляютъ результатъ сорокалѣтнихъ его трудовъ!

По богатству собранныхъ матерьяловъ относительно патріарха Никона, трудъ г. Пальмера капитальный и ничѣмъ незамѣнимый. Въ шести томахъ такъ много соединено матерьяловъ, что все сочиненіе представляется скорѣе сборникомъ ихъ, чѣмъ учено-литературнымъ историческимъ изслѣдованіемъ. Матерьялы подавляютъ вниманіе читателя, который желалъ бы не опускать изъ виду воззрѣній автора: для одного прочтенія матерьяла требуется усидчивость и терпѣливость кабинетныхъ людей въ теченіи многихъ и многихъ мѣсяцевъ. Ни одинъ изслѣдователь исторіи Россіи за вторую половину XVII вѣка и первую XVIII

вѣка не можетъ и не долженъ обходить труда Пальмера безъ внимательнаго отношенія къ собраннымъ въ немъ свѣдѣніямъ. Имъ въ первый разъ издаются многія такія сочиненія, которыя оказались доступными въ рукописяхъ только Пальмеру и которыя теперь стали достояніемъ всякаго, умѣющаго читать по англійски.

Что касается плана, по которому расположено содержаніе труда Пальмера, то все шеститомное сочиненіе раздѣляется на два главные отдѣла. Въ *первыхъ* трехъ томахъ, составляющихъ первый отдѣлъ труда, помѣщены почти исключительно источники и матерьялы, которыми авторъ пользовался при своемъ изслѣдованіи; только въ предисловіи, помѣщенномъ при первомъ и второмъ томахъ, излагаются общія воззрѣнія автора на значеніе патріарха Никона въ исторіи русской церкви и сообщаются любопытныя свѣдѣнія о томъ—какъ, когда, гдѣ и черезъ кого авторъ досталъ издаваемые имъ матерьялы. Во *второмъ* отдѣлѣ, состоящемъ изъ остальныхъ трехъ томовъ, главнымъ образомъ изображаются „заслуги патріарха Никона церкви и государству своей страны и ихъ вознагражденіе образованіемъ исключительно національной или государственной церкви въ Россіи, съ присовокупленіемъ изложенія тѣхъ наказаній, частныхъ и публичныхъ, которыя были предсказаны Никономъ и которыя дѣйствительно послѣдовали“; но и въ этомъ отдѣлѣ, какъ въ приложеніяхъ, такъ и въ текстѣ, помѣщено весьма много сыраго матерьяла.

Въ частности, содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

Весь *первый* томъ, за исключеніемъ небольшаго предисловія и приложеній, состоящихъ изъ выписокъ изъ печатной кормчей книги, переведенныхъ на англійскій языкъ, занятъ „Возраженіями патріарха Никона на вопросы боярина Семена Стрешнева, написанные къ газскому митрополиту Паисію Лихаридису, и на отвѣты Паисія“. „Возраженія“ п. Никона въ цѣлости еще не напечатаны на русскомъ языкѣ и до сихъ поръ могутъ быть доступны въ рукописи развѣ только такимъ иностранцамъ, какъ Пальмеръ, или очень авторитетнымъ немногимъ русскимъ ученымъ. Честь и слава настойчивому англичанину: онъ не только отъискалъ „Возраженія“ въ русскомъ архивѣ, для русскихъ ученыхъ не доступномъ, но списалъ ихъ цѣликомъ, перевелъ ихъ на англійскій языкъ и отпечаталъ вполнѣ. Свѣрить вѣрность и качества перевода г. Пальмера мы не можемъ; потому что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ отпечатана лишь незначительная часть „Возраженій“ во II мъ томѣ „Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи Русскаго Археологическаго Общества“. Спб., 1861, стр. 401 — 658. Русскій изслѣдователь этихъ „Возраженій“ съ меньшимъ затрудненіемъ можетъ ознакомиться съ ними въ англійскомъ переводѣ, чѣмъ въ подлинникѣ. Во *второмъ* томѣ, помѣщены „свидѣтельства, касающіяся патріарха Никона, царя Алексѣя Михайловича и бояръ, извлеченныя изъ сочиненія о путешествіи антіохійскаго патріарха Макарія (въ Россію), — написаннаго на арабскомъ языкѣ сыномъ его, алепскимъ архидіакономъ Павломъ“, и отпечатаннаго въ переводѣ на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ въ 1836 году; къ этому тому приложены въ переводѣ многочисленныя извлеченія изъ Олеарія и русскихъ сочиненій С. М. Соловьева, преосв. Макарія и др. – о разныхъ сторонахъ церковной и государственной жизни

Россіи во второй половинѣ XVII вѣка. Въ *третьемъ* томѣ въ англійскомъ переводѣ напечатаны: 1) „Исторія осужденія патріарха Никона", написанная газскимъ митрополитомъ Паисіемъ и переведенная г. Пальмеромъ, и 2) разные акты и документы, содержащіе въ себѣ изложеніе фактовъ по дѣлу Никона.

Самое изслѣдованіе Пальмера, помѣщенное въ IV — VI томахъ, раздѣляется на три части. Въ первой части (т. IV стр. 1 — 116) изображаются „заслуги патріарха Никона церкви и государству своей страны". Въ этомъ изображеніи Пальмеръ пользуется почти исключительно сочиненіемъ о Никонѣ священника С. Михайловскаго (Сибургъ, 1863 г.), котораго онъ невѣрно называетъ іеромонахомъ Александроневской лавры. Во *второй* части (т. IV, стр. 117 - 752), озаглавленной „вознагражденіе патріарху Никону за его услуги со стороны государства и церкви" весьма подробно изложена исторія отношеній къ патріарху государя, бояръ, церковныхъ соборовъ, іерарховъ и исторія его осужденія на соборѣ и ссылка. Въ *третьей* части, помѣщенной въ V и VI томахъ стр. 753 — 1665 подъ заглавіемъ „Замѣчанія о наказаніяхъ, частныхъ и общественныхъ", постигшихъ отдѣльныхъ лицъ — враговъ Никона, царя и его семейство, русское государство и церковь за патріарха Никона. Эта часть — курьёзная во многихъ отношеніяхъ. Происхожденіе всѣхъ почти явленій государственной и церковной жизни русской въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка Пальмеръ объясняетъ наказаніемъ Божіимъ, постигшимъ Россію за патріарха Никона.

По направленію и характеру воззрѣній, трудъ Пальмера — эксцентричный. Въ исторіи Никона онъ видитъ борьбу между церковью и государствомъ. Въ своихъ наблюденіяхъ за исторіею этой борьбы Пальмеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія римско-католическаго ультрамонтанина, которому представляется, что Никонъ будто бы стремился сдѣлаться главою русской церкви въ смыслѣ чисто католическомъ и затѣмъ ввести русскую церковь въ зависимость отъ „главы всей церкви", т. е. папы. Эксцентричность воззрѣній Пальмера на дѣло Никона, проведенныхъ имъ въ его изслѣдованіи, наглядно и характерично выражена самимъ авторомъ сочиненія „Патріархъ и царь". Въ началѣ каждаго изъ шести томовъ своего изданія, на особомъ листкѣ, въ видѣ эпиграфа къ своему труду, Пальмеръ крупнымъ шрифтомъ напечаталъ: „патріархъ противъ царя, церковь противъ государства, Смирна и Филадельфія противъ Пергама и Лаодикіи, терпѣніе и любовь противъ насилія и нечестія, Воскресенскъ и Новый Іерусалимъ противъ Вавилона и Антихриста".

Авторъ разсматриваемаго труда почтилъ одну изъ нашихъ работъ („Монастырскій Приказъ"), 1868 г. весьма внимательнымъ изученіемъ, многочисленными выдержками въ пользу своихъ изслѣдованій (напр. т. IV стр. 380 — 499) и обширнымъ обзоромъ ея содержанія (т. V, Прилож. стр. 128 — 143). Но, при всей нашей признательности къ г. Пальмеру за такое вниманіе къ нашей работѣ, мы должны сознаться, что ни общихъ воззрѣній автора на „кризисъ", происшедшій въ дѣлѣ патріарха Никона съ русскою церковію и государствомъ, ни частныхъ его объясненій различныхъ фактовъ исторіи русскаго государства и

русской церкви въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка, мы не можемъ признать основательными, вѣрными и правильными въ научномъ отношеніи. Полагаемъ, что и всякій изъ русскихъ православныхъ читателей найдетъ воззрѣнія Пальмера, по меньшей мѣрѣ, эксцентричными. Но оспаривать его воззрѣнія, когда онъ трудился надъ своимъ предметомъ около 40 лѣтъ, мы находимъ въ настоящей библіографической замѣткѣ совершенно неумѣстнымъ. Съ другой стороны, — игнорировать въ русской печати трудъ иностранца, стоившій 40-лѣтнихъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію важнаго эпизода русской исторіи, и заключающій въ себѣ чрезвычайное богатство историческаго матерьяла, было бы совѣстно для русскаго общества. Мы съ глубокимъ уваженіемъ относимся къ трудолюбію и настойчивости Пальмера, обнаруженнымъ имъ въ дѣлѣ изслѣдованія судьбы п. Никона, — но воззрѣнія автора не могутъ возбуждать ни малѣйшаго сочувствія въ русскомъ обществѣ.

Современное состояніе Римско-католической церкви во Франціи.

Очеркъ аббата *Мишо*, переработанный *Гофманомъ* въ виду особенныхъ отношеній Германіи. (Der gegenwärtige Zustand der Römisch-katholischen Kirche in Frankreich. Geschildert von Abbé Dr. E. *Michaud*. Unter Berücksichtigung der einschlägigen Verhältnisse Deutschlands bearbeitet von Fr. *Hoffmann*. Bonn. 1876, S. VI + 437).

Со времени Ватиканскаго собора римско-католическая церковь поставила себя во враждебныя отношенія къ современной европейской цивилизаціи, противъ которой объявила рѣшительную и упорную борьбу во имя всемірнаго владычества римскаго епископа, провозглашеннаго ею „непогрѣшимымъ" главою всего христіанскаго міра. Такое положеніе папы долгое время подготовлялось и создано въ наше время іезуитско-ультрамонтанскою партіею, получившею въ теченіи нынѣшняго столѣтія преобладаніе въ римско-католической церкви. Къ удивленію всего міра, эта партія имѣетъ въ наше время особенное значеніе во Франціи, — въ странѣ, въ которой въ прежнія времена, въ теченіи многихъ столѣтій, съ мужествомъ и отличнымъ успѣхомъ отстаивались противъ папы знаменитыя „вольности Галликанской церкви" (Libertés de l'église Gallicane).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи не осталось во французской церкви ни малѣйшаго слѣда отъ этихъ вольностей. Галликанизмъ совершенно подавленъ и почти безслѣдно истребленъ въ предѣлахъ Франціи іезуитско-ультрамонтанскою партіею. Эта партія не только пріобрѣла здѣсь преобладающій вѣсъ, значеніе и господство въ религіозной и церковной жизни римско-католическаго общества, но превратилась въ сильную политическую партію, извѣстную подъ именемъ клерикальной, и пользуется опаснымъ для республики значеніемъ въ народной жизни и въ общественномъ строѣ страны. Положеніе французской клерикальной партіи въ странѣ имѣетъ вліяніе не только на всѣ стороны внутренней политики французскаго правительства, но и на международныя отношенія

французскаго народа, въ особенности къ Германской Имперіи и Италіи, а также и къ тѣмъ государствамъ, въ предѣлахъ которыхъ римско-католическая церковь сознаетъ въ себѣ силы—принимать участіе въ политической дѣятельности. Въ виду такого современнаго значенія іезуитско-ультрамонтантской партіи во Франціи, — а эта партія имѣетъ преобладаніе во всей римско-католической церкви, — въ высшей степени любопытно и во многихъ отношеніяхъ важно и полезно точное и подробное разъясненіе исторіи, существа, организаціи, способовъ дѣятельности, стремленій и отношеній римско-католической церкви во Франціи для всѣхъ, наблюдающихъ за современнымъ состояніемъ Европы, лицъ всѣхъ странъ вообще, не исключая и Россіи. Озаглавленная книга представляетъ весьма обстоятельное и многостороннее изображеніе современнаго состоянія іезуитской партіи во Франціи, отчасти въ Германіи и Англіи. Книга эта совершенно необходима для всякаго, кто по какимъ либо причинамъ интересуется знать современное состояніе римско-католической церкви во Франціи. Первоначальный авторъ книги— аббатъ Мишо, извѣстный французскій писатель и публицистъ; по религіознымъ воззрѣніямъ, онъ—даровитѣйшій представитель современныхъ галликановъ, число которыхъ въ настоящее время во Франціи крайне незначительно и которые не имѣютъ ни самостоятельной организаціи, ни особеннаго вѣса въ отечествѣ. Мишо нѣсколько десятковъ лѣтъ изучаетъ отечественную церковь; весьма подробно, всесторонне, исторически, теоретически и практически знакомъ съ ея состояніемъ и скорбитъ объ ея положеніи, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ приверженцемъ національныхъ принциповъ галликанизма. Нѣмецъ Гофманъ переработалъ книгу г. Мишо: удержавъ ея характеръ и бо́льшую часть содержанія, онъ дополнилъ ее указаніями на такія явленія въ римско-католической церкви въ предѣлахъ Германіи, которыя совершенно сходны и однородны съ явленіями во Франціи и которыми вполнѣ подтверждаются выводы, наблюденія и замѣчанія аббата Мишо о стремленіяхъ ультрамонтанско-іезуитской партіи.

Въ переработкѣ г. Гофмана сочиненіе Мишо, кромѣ введенія, состоитъ изъ 20-ти главъ. Во введеніи излагается вкратцѣ исторія паденія галликанизма и усиленія іезуитской партіи во Франціи въ текущемъ столѣтіи. Въ книгѣ разъясняется организація этой партіи какъ въ церкви, такъ и въ обществѣ; наглядно показывается, что римско-католическая церковь во Франціи въ настоящее время, по своему существу и устройству, есть ничто иное, какъ организованная политическая партія, справедливо называемая іезуитскою или клерикальною; доказывается фактами и положеніями, что эта партія — крайне вредна для внутренняго развитія и порядка государства и опасна для мирныхъ международныхъ отношеній. Затѣмъ авторъ характеризуетъ эту партію „антинаціональною“, враждебною, по своему космополитизму, патріотическимъ чувствамъ и стремленіямъ народовъ, свободѣ мысли, слова, гражданской и народной жизни. Въ нѣсколькихъ главахъ книги изображается положеніе этой партіи по законодательствѣ и на практикѣ и разъясняется, какъ эта партія находитъ и поддерживаетъ своихъ приверженцевъ между лицами, состоящими на службѣ государственной, въ

войскѣ, въ населеніи деревенскомъ и городскомъ, среди рабочихъ и образованныхъ людей, и какъ она дѣйствуетъ чрезъ женщинъ. Средствами для достиженія партіею ея цѣлей служатъ религія, церковь, литература періодическая, учебная и назначенная для чтенія простаго народа, школы, религіозныя процессіи, открытіе чудесъ, благотворительныя учрежденія, образованіе вспомогательныхъ кассъ, основаніе различныхъ союзовъ и т. п. Въ примѣненіи этихъ средствъ къ жизни она крайне хитро эксплоатируетъ либеральныя наклонности и національныя особенности французскаго народа. Дѣйствуя въ достиженіи своихъ цѣлей положительно, іезуитская партія умѣетъ бороться съ своими врагами настойчиво, неустанно и ловко. Въ заключительной главѣ книги указываются слабыя и крѣпкія стороны партіи.

Книга написана бойко и читается съ интересомъ и весьма легко. Она отличается, по преимуществу, публицистическимъ характеромъ; но можетъ служить облегчительнымъ и занимательнымъ пособіемъ и для ученаго изслѣдованія предмета, въ ней описаннаго.

О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ церковнаго права и политики. Д-ра *Цорна*. (Ueber einige Grundfragen des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik. Von Dr. Ph. *Zorn*. Bern, 1876, S. 97).

Важнѣйшія новыя церковно-государственныя узаконенія Германской Имперіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи, собранныя и введеніемъ снабженныя д-ромъ *Цорномъ*. (Die wichtigsten neueren kirchenstaatsrechtlichen Gesetze Deutschlands, Oesterreichs, der Schweiz und Italiens, gesammelt und mit Einleitung versehen von Dr. Ph. *Zorn*. Nördlingen. 1876. S. 190).

Государство и церковь въ Швейцаріи. Докт. *Гарейса* и докт. *Цорна*. (Staat und Kirche in der Schweiz. Von Dr. K. *Gareis* und Dr. Ph. *Zorn*. Zürich, I B. 1 Abth., 1877, S. VII+256; 2 Abth., 1878, S. 257—673; II B. 1878, S. 260+XCVII).

Сочиненія, заглавія которыхъ здѣсь обозначены, составляютъ одинъ цѣльный капитальный трудъ, изображающій швейцарское церковное право въ его исторіи, въ современномъ состояніи и въ сравненіи съ новѣйшими законодательствами Германіи и Италіи. Этотъ трудъ составленъ сколько для научныхъ, столько же и для практическихъ цѣлей. При его составленіи и изданіи, профессоръ Бернскаго университета пользовался содѣйствіемъ союзнаго швейцарскаго правительства, матеріальнымъ и нравственнымъ. Въ этомъ трудѣ выразилось современное состояніе въ Швейцаріи церковнаго права, какъ въ смыслѣ науки, такъ въ его существѣ и въ осуществленіи въ законодательствѣ и жизни. Поэтому этотъ трудъ является ничѣмъ незамѣнимымъ пособіемъ и руководствомъ для знакомства съ историческимъ и современнымъ состояніемъ церковнаго права въ Швейцаріи.

Поводомъ къ составленію означенныхъ сочиненій послужила ревизія законодательства объ юридическомъ положеніи церкви въ Швейцаріи, произведенная союзнымъ правительствомъ въ 1874 году и окончившаяся коренною реформою государственнаго законодательства по этому предмету во всѣхъ кантонахъ союзнаго государства.

Необходимость ревизіи юридическаго положенія различныхъ вѣроисповѣданій въ Швейцаріи сознавалась въ обществѣ и правительствѣ съ давнихъ поръ. Результаты ватиканскаго собора дали рѣшительный толчокъ правительству — приступить къ этой ревизіи.

До 1874 года Швейцарія представляла въ высшей степени любопытное явленіе со стороны чрезвычайнаго разнообразія системъ отношеній между церковію и государствомъ на небольшомъ географическомъ пространствѣ. Въ этихъ отношеніяхъ каждый кантонъ держался до 1874 года своей, независимой отъ союзнаго правительства, системы. Одни кантоны были своего рода „теократическими государствами", въ которыхъ недопускалось никакого другаго вѣроисповѣданія, кромѣ католическаго, и которыя находились во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни подъ сильнымъ гнётомъ римской куріи и мѣстныхъ іерарховъ, ею назначаемыхъ; въ другихъ кантонахъ господствовала система равноправности (Paritäts-Systeme) двухъ церквей—католической и протестантской, изъ которыхъ каждая считалась государственною церковью (Staats-Kirche); въ иныхъ кантонахъ пробуждалось и въ различныхъ степеняхъ достигало успѣховъ чрезъ государственное законодательство стремленіе къ образованію свободной церкви въ государствѣ (Freikirchenthum). Въ каждой изъ трехъ группъ, къ которымъ можно было подводить всѣ кантоны Швейцаріи съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи между церковью и государствомъ, были разнообразныя частныя видоизмѣненія упомянутыхъ системъ. Союзное правительство, при производствѣ въ 1874 году ревизіи церковнаго права въ вопросѣ объ отношеніи между церковью и государствомъ, приняло въ основу церковной реформы слѣдующіе принципы: 1) узаконить свободу совѣсти, вѣроисповѣданій и религіозныхъ обществъ во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи; 2) установить независимость отъ принадлежности къ религіи гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ гражданъ союза; 3) предоставить союзному правительству верховныя и неотчуждаемыя права въ церковномъ законодательствѣ и устранить вліяніе на это законодательство иностранной власти т. е. римской куріи, и 4), ввести общее законодательство о церкви во всѣхъ кантонахъ республики, взамѣнъ частныхъ, существовавшихъ съ давнихъ временъ въ каждомъ изъ нихъ. Всѣ эти принципы проведены въ новомъ законодательствѣ о свободѣ вѣроисповѣданія, совѣсти и религіозныхъ союзовъ, о брачномъ правѣ и объ отношеніи государства къ религіознымъ обществамъ.

Реформа въ законодательствѣ объ означенныхъ предметахъ была подготовлена научною разработкою матеріаловъ, относящихся до исторіи и дѣйствующаго права въ Швейцаріи, совершена была при освѣщеніи ея новѣйшими юридическими воззрѣніями и со вниманіемъ къ опытамъ въ другихъ государствахъ, и въ изложенныхъ сочиненіяхъ г. Цорна оправдывается, разъясняется и возводится къ научному сознанію читателей.

Такимъ образомъ сочиненія Цорна имѣютъ значеніе и научное, и для Швейцаріи — политическое.

Въ первомъ изъ означенныхъ сочиненій разъясняется и сопоставляется ученіе римско-католической церкви о государствѣ и объ отношеніяхъ ея къ другимъ вѣроисповѣданіямъ съ современнымъ наиболѣе распространеннымъ ученіемъ политическихъ и юридическихъ наукъ объ отношеніи государства къ религіознымъ обществамъ. Брошюра написана въ оправданіе перемѣны, произведенной въ 49 и 66 ст. основныхъ законовъ Швейцарской республики закономъ 29 мая 1874 года и имѣвшей послѣдствіемъ реформу отношеній государства къ римско-католической церкви. Во второмъ трудѣ г. Цорна предложены законы разныхъ странъ, въ которыхъ выразились опыты реформъ въ отношеніяхъ государства къ церкви, подлежавшихъ законодательной реформѣ Швейцарской республики въ 1874-мъ году. Третій трудъ Цорна, составленный имъ при соучастіи профессора Гарейса, — самый главный и обширный изъ указанныхъ, представляетъ подробное „изложеніе союзнаго и кантональнаго церковно-государственнаго права съ обращеніемъ особеннаго вниманія на развитіе его въ новѣйшее время и на столкновенія, происходившія въ послѣдніе годы между государствомъ и римско-католическою церковью." Въ этомъ сочиненіи изложена цѣлая система церковнаго права Швейцаріи съ точки зрѣнія права государственнаго. Сочиненіе состоитъ изъ введенія и пяти отдѣловъ. Введеніе (стр. 1—34) изъясняетъ задачу труда, излагаетъ общія теоретическія понятія объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ и перечисляетъ источники швейцарскаго церковнаго права. Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 35—155) изложено общее право союзнаго государства касательно отношеній между государствомъ и церковью, установленное въ 1874 году; во второмъ (стр. 156—673) — право отдѣльныхъ кантоновъ о томъ же предметѣ; въ третьемъ (т. II, стр. 1—224) представлено юридическое положеніе католическихъ епископовъ, которые по росписанію римской куріи обладаютъ юрисдикціею въ предѣлахъ Швейцаріи и изъ которыхъ одни признаются со стороны государства, другіе — остаются непризнаваемыми; въ четвертомъ (стр. 225—227) отдѣлѣ указаны общія отношенія между государствомъ и евангелическою церковью по законодательству Швейцаріи; въ пятомъ и послѣднемъ (стр. 228—260) разъяснено юридическое положеніе „свободныхъ церквей" въ предѣлахъ республики. Въ каждомъ отдѣлѣ предметъ излагается въ историческомъ его развитіи и въ современномъ состояніи по началамъ законодательства 1874 года, съ указаніемъ перемѣнъ, произведенныхъ новѣйшею реформою въ правѣ, дѣйствовавшемъ до 1874 года, и съ сравненіемъ права другихъ странъ, въ которыхъ приняты тѣже начала въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Въ книгѣ г. Цорна приведены въ текстѣ, подъ строками и въ приложеніяхъ многочисленные документы, содержащіе въ себѣ матерьялы, объясняющіе исторію и дѣйствующее церковное право въ предѣлахъ республики. Такимъ образомъ сочиненіе г. Цорна и само по себѣ представляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ наукѣ, и даетъ много матерьяловъ для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій о швейцарскомъ церковномъ правѣ.

Радикальный нѣмецкій соціализмъ и христіанское общество. Опытъ изложенія соціальнаго содержанія христіанства и соціальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи Новаго Завѣта, соч. *Тодта.* (Der radicale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft. Von R. *Todt.* Wittenberg, 1877, S. XII + 479. Versuch einer Darstellung des socialen Gehaltes des Christenthums und der socialen Aufgaben der christlichen Gesellschaft auf Grund einer Untersuchung des Neuen Testamentes).

Сочиненіе это составлено до покушеній противъ жизни германскаго императора и свободно отъ того треволненія, которымъ проникнуты сочиненія о соціализмѣ, вышедшія послѣ покушеній. Авторъ сочиненія, предлагаетъ критику общихъ началъ и частныхъ воззрѣній нѣмецкой соціаль-демократической партіи на различные общественные вопросы. Основаніями для критики автора служатъ нравственные принципы Евангелія. „Кто желаетъ выразумѣть вопросъ о соціалистахъ и содѣйствовать его разрѣшенію,—говоритъ г. Тодтъ, тотъ долженъ взять въ одну руку политическую экономію, въ другую литературу соціалистовъ, и держать предъ глазами Новый Завѣтъ“. Съ этимъ убѣжденіемъ авторъ излагаетъ и сопоставляетъ принципы и воззрѣнія представителей соціалистической партіи съ соотвѣтственными имъ по содержанію началами современной политической экономіи и съ христіанскимъ ученіемъ о законахъ нравственной жизни и обществѣ.

Поводомъ къ этому сочиненію послужило для автора выраженное въ 1873 году одною богословскою газетою, издаваемою въ Берлинѣ, сознаніе необходимости имѣть въ литературѣ „изложеніе соціальныхъ воззрѣній Новаго Завѣта“; это сознаніе чувствовалъ въ себѣ авторъ ранѣе заявленія берлинской газеты и изъ заявленія ея лишь убѣдился, что такое сознаніе есть выраженіе потребности христіанскаго общества въ Германіи. По внѣшнему построенію, сочиненіе г. Тодта состоитъ изъ введенія и четырехъ отдѣловъ.

Введеніе сочиненія, объяснивъ поводъ и побужденія, заставившія автора приступить къ составленію издаваемаго имъ труда, доказываетъ, что, по его убѣжденію, „лишь христіанская вѣра, христіанское государство и христіанское общество, могутъ съ успѣхомъ и побѣдоносно бороться съ соціаль-демократіею“, и что въ борьбѣ съ нею безсильны и современный *либерализмъ*, низводящій религіозныя потребности человѣка до уровня или даже ниже экономическаго его благосостоянія, и опасающійся потерять свое значеніе и власть въ обществѣ, — и *юдаизмъ* какъ талмудическій, такъ и раціоналистическій, лишающій приверженцевъ своихъ съ одной стороны — справедливаго пониманія любви къ ближнимъ, съ другой—патріотическаго расположенія къ родинѣ, и въ то же время стремящійся къ интернаціональнымъ экономическимъ ассоціаціямъ, и непригодный для Европы *исламъ*. Но авторъ оговаривается, что подъ христіанствомъ онъ разумѣетъ не только церковь съ ея отправленіями въ ученіи, богослуженіи, управленіи, религіознонравственномъ попеченіи объ отдѣльныхъ лицахъ (Seelensorge) и въ организаціи благотворительной дѣятельности по закону любви, но проведеніе христіанскихъ нравственныхъ началъ во всѣхъ

разнообразныхъ областяхъ и отправленіяхъ жизни общественной и государственной, возбужденіе и полное, цѣлостное и систематическое, развитіе жизненныхъ силъ христіанскаго общества во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, по справедливому замѣчанію автора, церковь не должна быть „государственною церковью“, въ томъ видѣ, какъ старается держать ее либерализмъ,—„связанною по рукамъ и по ногамъ, съ замкнутыми устами, съ обязанностію быть угодною всемогущему владыкѣ—государству въ византійской формѣ“ (стр. 9), но она должна быть, согласно ея существу, свободнымъ организованнымъ воплощеніемъ живаго общества людей съ практическими христіанскими стремленіями въ жизни и дѣятельности, частной и общественной. Лишь въ истинно-христіанскомъ обществѣ, лишь въ христіанскомъ міровоззрѣніи на жизнь людей, по мнѣнію Тодта, возможно „справедливое“ разрѣшеніе тѣхъ соціальныхъ вопросовъ, которые волнуютъ нынѣ всѣ страны Европы.

Въ первомъ отдѣлѣ своей книги (стр. 38—99) г. Тодтъ старается разъяснить существо соціализма вообще и радикальнаго нѣмецкаго — въ частности и сопоставляетъ съ его возрѣніями нравственное ученіе Новаго Завѣта о тѣхъ отношеніяхъ жизни, въ которыхъ находитъ свое содержаніе радикальный соціализмъ. При разъясненіи существа соціализма, авторъ, изложивъ различныя опредѣленія, которыми характеризуютъ соціализмъ во Франціи и Германіи, приходитъ къ положенію, что существо соціализма въ его современномъ проявленіи состоитъ „въ стремленіи, посредствомъ новаго устройства общества и народнаго хозяйства, разрѣшать живо сознаваемое противорѣчіе между современнымъ экономическимъ состояніемъ общества и между опредѣленными идеалами, которые создались въ сознаніи нѣкоторыхъ классовъ современнаго народонаселенія“. Въ попыткахъ разрѣшенія указаннаго противорѣчія состоитъ содержаніе „соціальнаго вопроса“, который заключаетъ въ себѣ совокупность нѣсколькихъ частныхъ экономическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ современнымъ положеніемъ класса рабочихъ людей (напр. о рабочей платѣ, о рабочихъ часахъ дѣтей, женщинъ и т. п.). Понимая въ указанномъ смыслѣ существо соціализма и содержаніе соціальнаго вопроса, г. Тодтъ говоритъ, что существованіе во всѣхъ странахъ Европы соціализма и соціальнаго вопроса есть безспорный фактъ. Но соціалистическія стремленія и разрѣшеніе вопросовъ соціальныхъ — въ разныхъ странахъ не одинаковы и отличаются тѣми или другими особенностями. Особенности нѣмецкой соціаль-демократической партіи, по наблюденіямъ г. Тодта, состоятъ въ томъ, что она отличается наклонностію въ государственномъ строѣ къ республикѣ, въ общественно-экономическомъ — къ коммунизму, въ религіозномъ отношеніи — къ атеизму. Республика, по идеаламъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, имѣетъ состоять изъ совокупности многочисленныхъ промышленныхъ ассоціацій (коммунъ, союзовъ) и, по содержанію своихъ отправленій, должна быть исключительно „индустріальною“, промысловою. Коммунизмъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ относится лишь до имущества и выгодъ, получаемыхъ отъ производства ассоціацій, но не враждебенъ браку и семьѣ. Атеизмъ не требуется безусловно партіею нѣмецкихъ соціаль-демократовъ и, по своему характеру, совершенно такой же, какимъ отличаются и нѣмецкіе „либералы“. Въ религіозномъ отношеніи, по замѣчанію г. Тодта,

нѣтъ различія въ понятіяхъ либераловъ и социаль-демократовъ: они одинаково враждуютъ противъ религіи и принижаютъ христіанскія начала и стремленія и на этомъ поприщѣ сходятся между собою.—Воззрѣнія соціалистовъ Тодтъ излагаетъ въ видѣ выдержекъ изъ сочиненій и періодическихъ изданій соціаль-демократической партіи, съ цѣлью—избѣжать упрековъ въ неправильномъ пониманіи ихъ идей и съ намѣреніемъ показать, что приверженцы либеральной нѣмецкой партіи въ спорахъ съ соціаль-демократами извращаютъ воззрѣнія своихъ противниковъ.—Разъяснивъ существо соціаль-демократическихъ стремленій, авторъ книги находитъ возможнымъ сопоставить эти стремленія и воззрѣнія съ началами христіанской вѣры. При этомъ сопоставленіи онъ находитъ, что христіанину, какъ и соціалистамъ, не чуждо стремленіе къ лучшей судьбѣ, къ усовершенствованію своихъ отношеній среди людей и къ устраненію бѣдности и несчастій въ людяхъ; но цѣль и жизнь, по христіанскимъ воззрѣніямъ, не ограничиваются устройствомъ одного внѣшняго, экономическаго благосостоянія, которымъ исключительно заняты соціаль-демократы, но понимаются несравненно шире и глубже и не уничтожаются смертію человѣка. Во взаимныхъ отношеніяхъ людей, по понятіямъ христіанскимъ, долженъ осуществляться законъ любви къ ближнимъ, а по понятіямъ соціалистовъ —„солидарность экономическихъ интересовъ“, не освобождающая отдѣльныхъ лицъ отъ эгоизма. Критикуя соціалистическія воззрѣнія, съ точки зрѣнія христіанскихъ началъ, авторъ старается показать, что соціалисты вѣрнѣе могли бы достигнуть улучшенія своего благосостоянія на основѣ любви къ ближнимъ и скорѣе могли бы устранить противорѣчія между нынѣшнимъ экономическимъ положеніемъ и идеаломъ будущаго, посредствомъ усвоенія и проведенія въ жизнь начала любви христіанской, чѣмъ не достижимою солидарностію личныхъ экономическихъ интересовъ всѣхъ и каждаго.

Во второмъ отдѣлѣ книги, самомъ обширномъ (стр. 100—368) и любопытномъ, авторъ ея подробно излагаетъ общіе „принципы радикальнаго соціализма, главные выводы изъ нихъ и спеціальныя требованія соціаль-демократической партіи отъ современнаго общества“. Въ соціаль-демократическомъ ученіи—два главныхъ принципа: 1) общее равенство, свобода и братство въ экономическомъ, политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, и 2) обращеніе частной собственности, состоящей въ недвижимостяхъ, и вообще въ рабочихъ средствахъ, въ общую собственность. Изъ двухъ принциповъ, въ ихъ проведеніи въ жизни, по мнѣнію соціаль-демократовъ, должны проистекать три главныя слѣдствія: 1) учрежденіе и развитіе промышленныхъ ассоціацій и общинной промышленности, 2) отмѣна рабочей платы (по найму)-и замѣна ея полнымъ вознагражденіемъ за трудъ и 3) общее устраненіе бѣдности и возстановленіе общаго благополучія.—Авторъ книги излагаетъ ученіе соціалистовъ объ исчисленныхъ предметахъ словами „вождей“ соціализма—Лассаля, Макса-Мюллера, Газенклевера, литературныхъ органовъ партіи, резолюцій и положеній, выставленныхъ и принятыхъ на извѣстнѣйшихъ и многолюдныхъ сходкахъ рабочихъ. Послѣ изложенія ученія соціалистовъ о каждомъ изъ указанныхъ предметовъ въ отдѣльности, г. Тодтъ критикуетъ ихъ воззрѣнія съ точки зрѣнія политической экономіи и на основаніи наблюденій надъ явленіями дѣйствительной жизни;

въ своей критикѣ онъ отмѣчаетъ — что въ ученіи партіи составляетъ ошибку, неясность, недостатокъ и что заслуживаетъ вниманія на основаніи справедливости, и въ результатѣ сопоставляетъ принципы и положенія соціалистическаго ученія съ началами христіанскаго ученія, показывая превосходство и наибольшую въ отношеніи къ цѣлямъ соціалистовъ справедливость, пригодность и практичность христіанскихъ началъ сравнительно съ соціалистическими. Въ критическихъ своихъ пріемахъ авторъ старается избѣгать тѣхъ недостатковъ, которыми отличается критика соціалистическихъ воззрѣній со стороны приверженцевъ нѣмецкой либеральной партіи. Въ критическихъ пріемахъ либераловъ (Ласкера и др.) Тодтъ видитъ лишь одну злость, досаду, брань, намѣренное извращеніе и непониманіе соціалистическихъ стремленій: такую критику онъ называетъ безполезною и безплодною въ результатахъ. Послѣ разъясненія и оцѣнки общихъ соціалистическихъ принциповъ и выводовъ изъ нихъ, съ подробностію и ясностію Тодтъ излагаетъ „специальныя требованія радикальнаго нѣмецкаго соціализма отъ современнаго общества", а именно: относительно введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, объ обезпеченія безграничнаго права коалицій, опредѣленія нормальнаго рабочаго дня, о запрещеніи работъ въ праздники, объ устраненіи дѣтей и женщинъ отъ фабричныхъ работъ, вредныхъ для ихъ здоровья и нравственности, объ изданіи охранительныхъ въ пользу рабочихъ законовъ, обезпечивающихъ имъ санитарныя и гигіеническія условія на фабрикахъ, заводахъ и т. д. Всѣ эти требованія изложены въ книгѣ Тодта въ формѣ резолюцій, принятыхъ на сходкахъ рабочихъ, и извлеченій изъ періодическихъ изданій соціалистической партіи. При критикѣ этихъ требованій съ точки нравственности христіанской, авторъ книги находитъ въ нихъ, съ одной стороны, много справедливаго и безспорно подлежащаго удовлетворенію, съ другой — много притязательности, односторонности и несогласій съ здравымъ смысломъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ сочиненія (стр. 369—450) излагаются въ связи и послѣдовательности пункты „соціальнаго ученія" Новаго Завѣта и указывается — какія задачи въ реформахъ современнаго общества предлежатъ, по указанію изложеннаго ученія, государству, богатымъ классамъ населенія и неимущимъ людямъ. Въ разъясненіи этихъ задачъ заключается существо и назначеніе всей книги. Съ реформами, предлагаемыми авторомъ въ его книгѣ на началахъ ученія Новаго Завѣта, сравниваются программы разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, выставляемыя партіями либеральною, консервативною, христіанско-соціалистическою и соціаль-консервативною, и при этомъ авторъ находитъ, что всѣ эти программы во многихъ отношеніяхъ несостоятельны. Въ заключеніе отдѣла авторъ книги выражаетъ надежду, что справедливое разрѣшеніе всѣхъ соціальныхъ вопросовъ воспослѣдуетъ лишь при условіи возстановленія въ наше время такого общественнаго организма, который утверждался бы на нравственномъ ученіи Новаго Завѣта, то есть, — истинно христіанской общины или церкви.

Въ четвертомъ и послѣднемъ отдѣлѣ (стр. 451 — 479) книги авторъ разсматриваетъ отношенія между евангелическою церковію и нѣмецкимъ радикальнымъ [illegible]ъ соціализмомъ и находитъ, что первая относится къ соціалисти-

ческимъ движеніямъ то совершенно враждебно, то индифферентно; такія отношенія авторъ книги энергически порицаетъ, выходя изъ убѣжденія, что въ началахъ ученія христіанскаго, содержимаго евангелическою церковью, заключается единственный и самый надежный руководительный указатель для установленія вѣрныхъ жизненныхъ отношеній въ современномъ мірѣ, въ которомъ и теперь накопилось много бѣдъ, опасностей и затрудненій и которому неотвратимо грозятъ въ близкомъ будущемъ еще большія бѣдствія и несчастія. Сличая отношенія евангелической церкви къ соціалистическимъ движеніямъ съ отношеніями къ нимъ римско-католической церкви, г. Тодтъ разъясняетъ, что послѣдняя дѣйствуетъ несравненно съ бо̀льшею энергіею въ установленіи и развитіи своего вліянія среди массъ, чѣмъ первая. Римско-католическая церковь учредила въ Германіи множество различныхъ союзовъ (Vereine) и установленій, для проведенія своего вліянія въ соціалистическихъ кружкахъ, а именно: католическіе товарищескіе союзы, союзы мастеровъ, подмастерьевъ, молодыхъ рабочихъ, крестьянскіе союзы, христіанско-соціальные, попечительства о рабочихъ, различныя кассы и т. п. Но эта церковь, по началамъ своего устройства, несравненно менѣе способна содѣйствовать учрежденію, поддержанію и развитію всѣхъ подобныхъ установленій, чѣмъ евангелическо-лютеранская. Лютеранская церковь, по началамъ своего вѣроученія, по преимуществу церковь *общинная*. Всякой приходъ этой церкви — община; общины эти могутъ быть въ тѣсномъ взаимномъ общеніи; изъ совокупности ихъ могутъ и должны группироваться союзы общинъ, изъ которыхъ, въ свою очередь, слагается цѣльное церковное общество на опредѣленной территоріи. Соотвѣтственно такой организаціи лютеранской церкви, весьма удобно могутъ организоваться общества или союзы для практическаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, подъ вліяніемъ евангелическаго ученія, въ которомъ замѣчаются справедливыя основанія начала для ихъ разъясненія и которое, поэтому, должно разъясняться въ виду современныхъ нуждъ жизни людей и обществъ.

Съ книгою г. Тодта обратившею на себя большое вниманіе въ Германіи, полезно ознакомиться и русской публикѣ.

Исторія нѣмецкаго церковнаго права, д-ра Ленинга (Geschichte des Deutschen Kirchenrechts von *Dr. Löning*, Prof. des Staats- und Völkerrechts an der Universität Dorpat. Strassburg. 1878, B. I, S. XIX + 579; B. II, S. 758).

Сочиненіе дерптскаго профессора г. Ленинга, состоящее изъ двухъ объемистыхъ томовъ, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ въ нѣмецкой литературѣ церковнаго права въ истекшемъ году. Въ первомъ томѣ изображено церковное право *въ Галліи* въ періодъ отъ Константина великаго до франкскаго короля Хлодвига (306—496 гг.); во второмъ—въ періодъ Меровингской династіи (496—756 гг.). Разработка содержанія, изложеннаго въ обоихъ томахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ современной науки: ученость автора по излагаемому предмету, близкое знакомство его съ первыми источниками

и обширною литературою, юридическая точность и опредѣленность въ конструкціи предмета, глубина и полнота въ изслѣдованіи и ясность языка— не могутъ подлежать ни малѣйшему упреку. Но намъ представляется страннымъ то, что ученый авторъ церковное право въ Римской имперіи и въ Галліи отнесъ къ исторіи *нѣмецкаго* права: право вселенской церкви, сложившееся въ IV и V вв. въ предѣлахъ Римской имперіи, а равно и церковное право въ предѣлахъ Галліи съ V до половины VIII вѣка, также невѣрно называть нѣмецкимъ правомъ, какъ было бы невѣрно называть римское право французскимъ и французское — нѣмецкимъ. Самъ г. Лёнингъ во введеніи въ свой трудъ признаетъ, что древневселенское „церковное право отличается не національнымъ только, но и международнымъ характеромъ" и что „нѣмецкій народъ и нѣмецкое государство лишь въ незначительной степени содѣйствовали развитію нѣмецкаго права католической церкви", и то не въ тѣ времена, которыя изслѣдуются авторомъ. Правда авторъ говоритъ, что издаваемые имъ два тома — вводный трудъ его въ исторію нѣмецкаго церковнаго права; но эти два тома и по своему содержанію, и по своему объему, представляются такимъ полнымъ и цѣльнымъ сочиненіемъ, которое, не заключая въ себѣ *нѣмецкаго* права, могло бы съ бо́льшею вѣрностію имѣть иное заглавіе, наиболѣе соотвѣтствующее своему предмету. Вообще заглавіе книги г. Лёнинга не точно указываетъ на ея содержаніе. По своему содержанію, первый томъ ея есть весьма солидное пособіе къ изученію *общаго* (а не гальскаго только) церковнаго права въ IV и V вѣкахъ христіанства, а второй—подробно излагаетъ право гальской церкви Франкскаго государства въ V—VIII вв., до Карла великаго.

М. Горчаковъ

профессоръ имп. с.-петербургскаго университета.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Женевская Конвенція. Историко-критическій разборъ. Соч. *профессора Людера*. (Die Genfer Convention, historisch und kritisch-dogmatisch mit Vorschlägen zu ihrer Verbesserung unter Darlegung und Prüfung der mit ihr gemachten Erfahrungen und unter Benutzung der amtlichen, theilweise ungedruckten Quellen bearbeitet von *Lüder*, ord. Prof. in Erlangen.—Erlangen, 1876; XII+444+LI стр.). Французскій переводъ напечатанъ въ Парижѣ, въ 1877 году.

Нашъ вѣкъ сталъ смотрѣть на войну, какъ на величайшее зло. Зло это однако иногда неизбѣжно, слѣдуетъ, даже, предполагать, что пока люди будутъ людьми, отъ этого средства насильственнаго принужденія они не откажутся. Можно только надѣяться, что понятіе о войнѣ, какъ о правовомъ средствѣ, процессуальномъ пути, что это понятіе,

развивающееся въ нашъ вѣкъ, все болѣе и болѣе, со временемъ окончательно и прочно окрѣпнетъ.

Изъ самого же начала примѣненія физической силы для правовыхъ цѣлей вытекаетъ и принципъ, критерій, опредѣляющій размѣры примѣненія этого средства; дозволяется именно лишь крайне необходимое пользованіе принудительной силой, согласно данной мѣрѣ необходимости. Въ государственно-юридическомъ порядкѣ нашего времени начало это достигло почти высшаго совершенства; оно основной принципъ современныхъ судебныхъ порядковъ. Но новѣйшая исторія международнаго общенія показываетъ стремленіе государствъ пользованіе физической силою, для принужденія другаго государства исполнить свои обязанности, ограничить данною необходимостью такого дѣйствія. Идеи эти выразились, какъ нельзя лучше, въ Женевской Конвенціи 1864 г., въ петербургской деклараціи 1868 г. и на Брюссельской конференціи 1874 г. Всѣ онѣ имѣли благородную цѣль смягчить до возможнаго minimum неизбѣжное зло и бѣдствіе войны. Но эти идеи не безъ противниковъ, и къ числу ихъ принадлежатъ даже личности, человѣколюбіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію; при этомъ знаніе практики даетъ ихъ противудѣйствію этому дѣлу нѣкоторую авторитетность. Отрицательное отношеніе къ Женевской Конвенціи и къ проекту Брюссельской деклараціи со стороны нѣкоторыхъ основательныхъ возражателей имѣетъ причину въ нѣкоторыхъ недостаткахъ этихъ международныхъ актовъ, выяснить всестороннимъ образомъ значеніе и неудобства женевской конвенціи и указать на дополненія и измѣненія, необходимыя для прочности основныхъ ея началъ — поставилъ себѣ задачею нашъ авторъ; названный его трудъ съ замѣчательною основательностью и подробностью разсматриваетъ этотъ вопросъ.

До появленія въ свѣтъ этого прекраснаго труда, Женевская Конвенція уже нѣсколько разъ была предметомъ научныхъ публицистическихъ брошюръ, изъ которыхъ наиболѣе выдающаяся, монографія президента международнаго комитета Краснаго Креста Муанье'а: „Etude sur la Convention de Génève“, трудъ, блестяще написанный. Съ большимъ практическимъ пониманіемъ началъ Женевской Конвенціи относились къ ней Блюнчли, Корвалъ и Роленъ-Жакменъ. Зародыши этихъ началъ въ XVIII столѣтіи были изслѣдованы берлинскимъ медикомъ и профессоромъ Гурльтомъ въ его сочиненіи: „Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege“ (1873); трудъ этотъ, обнимающій болѣе 40 печатныхъ листовъ, поражаетъ богатствомъ собраннаго въ немъ съ величайшимъ трудомъ матерьяла (изъ картелей о размѣнѣ военноплѣнныхъ, договоровъ о капитуляціяхъ и перемиріяхъ, а также изъ законодательства Германіи, Франціи и др. странъ). Медикъ по своему призванію, г. Гурльтъ оказалъ большую услугу не только спеціально по этому вопросу: этотъ трудъ единственный, содержащій въ себѣ полный списокъ всѣхъ картелей о размѣнѣ военноплѣнныхъ. По отношенію къ вопросу объ отпускѣ выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, Гурльтъ стоитъ довольно идеально, требуя примѣненія къ нимъ началъ картельныхъ конвенцій 1743, 1757 и 1759 годовъ, началъ, дающихъ реконвалесцентамъ еще гораздо большія права,

нежели Art. adit. 1868 г. Мы думаемъ, что авторъ едва ли бы увлекся этими понятіями, если-бы онъ замѣтилъ, что между тѣми же контрагентами заключенныхъ капитуляціонныхъ договорахъ, примѣняемость принциповъ картелей къ реконвалесцентамъ, нерѣдко прямо отрицается; значитъ, ихъ практичность была сомнительна и въ тѣ, по мнѣнію Гурльта, для больныхъ и раненыхъ военноплѣнныхъ, столь счастливыя времена.

Отъ юридическаго сужденія, относительно изучаемаго имъ историческимъ путемъ вопроса, авторъ въ введеніи отказывается, потому и не будемъ его упрекать за это несбыточное требованіе. Главную задачу своего труда онъ исполнилъ превосходно, съ удивительною полнотою, матерьялъ приводится цѣликомъ и наполняетъ большую часть сочиненія, но каждой группѣ фактовъ, выражающихъ извѣстное общее начало, авторъ предпослалъ введенія, прекрасно оріентирующія въ историческомъ ходѣ идеи Женевской Конвенціи. Лидеръ, въ своемъ сочиненіи, изъ этихъ введеній часто выписываетъ цѣлыми страницами.

Остановимся теперь исключительно на сочиненіи Лидера о Женевской Конвенціи. Исторію ея на конференціяхъ въ Женевѣ, Берлинѣ, Парижѣ и Брюсселѣ (p. 41—261) авторъ разсказываетъ со всѣми подробностями. Для многихъ такая полнота будетъ, конечно, весьма пріятна; неинтересующіеся же всѣми этими деталями, безъ ущерба для пониманія критической части, могутъ не читать ихъ. - Къ Брюссельской конференціи авторъ вообще относится съ большимъ уваженіемъ. О преніяхъ на ней по вопросу о раненыхъ и больныхъ воинахъ онъ того мнѣнія, что сравнивая ихъ съ Женевской и Парижской конференціями, не отказывая послѣднимъ въ заслуженной признательности, Брюссельской конференціи слѣдуетъ дать предпочтеніе, уже вслѣдствіе личнаго состава конференціи, въ которой проявился болѣе практическій смыслъ, чѣмъ въ Женевѣ и Парижѣ. Авторъ справедливо указываетъ, что пренія на ней велись совершенно безпристрастно, безъ всякихъ отношеній и ссылокъ на событія послѣдней франко-германской войны.

Въ самомъ фактѣ Брюссельской конференціи и ея проектѣ декларація, авторъ видитъ большой успѣхъ. Авторъ говоритъ: „что надежда на такое общее соглашеніе, осуществленіе котораго конференція назвала „un progrès réel pour l'humanité", дѣйствительно сбыточна, и что русское правительство вѣроятно будетъ заботиться о приведеніи къ конечной цѣли начатыхъ разъ стремленій". Мы вполнѣ раздѣляемъ эти взгляды и питаемъ подобныя же надежды и желанія. Починъ Брюссельской конференціи принадлежитъ нашему правительству; это послѣдовательное продолженіе тѣхъ гуманныхъ началъ, которыхъ мы всегда держались въ нашей международно-правовой жизни. Мы не можемъ не стремиться къ довершенію того „progrès reel pour l'humanité" дѣйствительнаго прогресса, осуществленіе котораго ·конференція признала желательнымъ, въ интересахъ человѣчности и человѣчества.

Главное значеніе труда Лидера заключается во второй части (стр. 261—444), — въ критическомъ разборѣ началъ Женевской Конвенціи и ея добавочныхъ статей (articles aditionels). Методъ автора слѣдующій: въ началѣ каждаго отдѣльнаго вопроса, онъ нѣсколькими словами

объясняетъ философскія начала, необходимость даннаго института. При критикѣ годности отдѣльныхъ началъ исходною точкою для автора служитъ принципъ: что необходимость военныхъ операцій юридически непоколебима; государства, воюющія другъ съ другомъ имѣютъ на эту необходимость полное, неоспариваемое право, которое слѣдуетъ уважить, признавъ разъ законность войны. Требованія же гуманности лишь на столько удовлетворимы, на сколько это не противурѣчитъ указанной необходимости, которою опредѣляется степень уважаемой гуманности. Понятіе о томъ, что лежитъ внѣ этой необходимости, а потому не подвергается послѣдствіямъ военныхъ дѣйствій, мало-по-малу сдѣлалось общимъ достояніемъ современной культуры, и уваженіе этихъ ограниченій на практикѣ требуется какъ юридическая обязанность.

Но авторъ столь же справедливо указываетъ на то, что эти ограниченія не должны, въ ущербъ достиженія законныхъ цѣлей войны, предписывать правила, на практикѣ неосуществимыя, потому что не только они соблюдаться не будутъ, но что они и послужатъ причиною несоблюденія началъ практическихъ, съ которыми они образуютъ одно цѣлое. Женевская Конвенція въ своихъ добавочныхъ статьяхъ уже испытала подобныя послѣдствія. Потому и авторъ, доказывая практическій базисъ Женевской Конвенціи 1864 г., требуетъ лишь возможнаго соглашенія началъ гуманности съ необходимостью войны. Критеріемъ для опредѣленія этого соглашенія ему служатъ опыты, сдѣланные Женевской Конвенціей въ послѣднія войны. Опасенія, которыя можно было питать за прочность началъ этой конвенціи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ несбыточныхъ ея предписаній, теперь, послѣ Брюссельской конференціи 1874 г., по мнѣнію автора, лишены смысла. Высказанные государствами здѣсь взгляды о необходимости подобныхъ началъ, дѣйствительно, сильная гарантія.

Общимъ началомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ непріятеля авторъ признаетъ содержаніе ихъ на одинаковомъ положеніи со своими подданными; всѣ и все, кто и что въ пользу этого попеченія служатъ, пользуются покровительствомъ со стороны воюющихъ, безъ различенія ихъ подданническаго характера.

Не имѣя возможности сдѣлать подробный рефератъ о всѣхъ частностяхъ прекраснаго труда Лидера, мы должны ограничиться лишь упоминовеніемъ предлагаемыхъ авторомъ измѣненій и дополненій.

Нельзя не признать, что, несмотря на нѣкоторые не совсѣмъ точно реджированные параграфы, проектъ, предлагаемый авторомъ въ замѣну текста Женевской Конвенціи, отличается отъ нея гораздо лучшей редакціей, а по содержанію и примѣнимости онъ можетъ служить превосходнымъ и весьма полезнымъ базисомъ для реформы, необходимость которой наглядно доказываетъ авторъ. Можно пожелать, чтобы этотъ трудъ былъ удостоенъ вниманія и со стороны правительствъ.

Несправедливо, по мнѣнію автора, постановленіе 5-й статьи Женевской декларапіи 1868 г., обязующее воюющее государство отпускать на родину *каждаго* вылѣчившагося отъ ранъ или болѣзни военноплѣннаго, имѣя только право обязать его, въ продолженіи данной войны, не служить противъ освободившаго его государства. Мнѣніе это совер-

шенно основательно. Нельзя также не согласиться съ требованіями автора о дополненіи Женевской Конвенціи слѣдующей статьей. Воюющая сторона, получавшая верхъ надъ частью или надъ всѣмъ полемъ сраженія, должна, въ этихъ территоріальныхъ предѣлахъ, печься о надлежащемъ караулѣ и защитѣ оставшихся на этомъ полѣ или въ этихъ мѣстахъ раненыхъ и мертвыхъ съ непріятельской стороны, противъ обидъ и грабежа; развѣдать личности мертвыхъ; устроить имъ надлежащій осмотръ и похоронить ихъ, согласно требованіямъ гигіены. Каждая же воюющая сторона обязана объявить непріятелю, по возможности скоро, подробные списки подпавшихъ ея власти мертвыхъ, раненыхъ, больныхъ и плѣнныхъ, съ обозначеніемъ ихъ мѣста пребыванія. Чтобы исполненіе такой обязанности было всегда и безъ затрудненія возможно, авторъ предлагаетъ снабженіе каждой принадлежащей арміи личности свидѣтельствомъ, въ которомъ обозначалось бы ея имя и фамилія. О формѣ подобнаго свидѣтельства и мѣстѣ нахожденія его, воюющія стороны должны извѣстить другъ друга въ началѣ войны. Ст. 2 и 3 Жен. Конв. авторъ замѣняетъ одною, 33 статьею, редакція которой, по моему мнѣнію, могла бы еще значительно быть сокращена; тѣмъ не менѣе нельзя умолчать о преимуществахъ этой статьи проекта автора, проводящей основное начало Жен. Конв. гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ сама конвенція; этимъ преимуществомъ отличается и ст. 4 предлагаемаго проекта, замѣняющая ст. 1 Жен. Конв.Важенъ именно послѣдній отдѣлъ этой статьи; въ немъ требуется, чтобы: „матерьялъ неподвижныхъ санитарныхъ заведеній, за исключеніемъ лишь частнаго имущества санитарныхъ служителей, поступалъ въ распоряженіе оккупанта, который однако относительно его пріобрѣтаетъ лишь одно право пользованія: право же добычи на этотъ матерьялъ не распространяется. Матерьялъ подвижныхъ лазаретовъ, съ лошадьми и экипажами, оккупаціи не подлежитъ". 8 ст. проекта есть примѣненіе Жен. Конв. къ морской войнѣ. Высказанныя здѣсь авторомъ начала совершенно справедливы; но болѣе сокращенная редакція желательна однако и здѣсь. Здѣсь еще укажемъ на одинъ пробѣлъ въ проектѣ Лидера; именно, авторъ совсѣмъ позабылъ о правѣ государства налагать извѣстныя обязанности „на отпускаемаго военноплѣннаго, оказавшагося по выздоровленіи къ продолженію военной службы негоднымъ". Опредѣленіе этого отношенія между тѣмъ очень важно и по смыслу всего направленія автора.

Гарантіи извѣстнаго правоотношенія, понятно, составляютъ вопросъ неминуемый въ международномъ правѣ. Объ учрежденіи международныхъ трибуналовъ для рѣшенія споровъ между государствами много писали и говорили; именно нашъ вѣкъ живо интересуется введеніемъ въ международную жизнь государствъ возможно опредѣленнаго объективнаго процессуальнаго порядка, для рѣшенія споровъ. Сбыточность такихъ требованій серьезная наука пока не признавала; только относительно нѣкоторыхъ отношеній признаетъ она возможность осуществленія правильнаго судебнаго порядка и въ международной жизни. Такъ напр. по поводу гарантій Жен. Конв. были высказаны весьма практическія требованія объ учрежденіи спеціальныхъ международныхъ коммиссій для рѣшенія возникающихъ по поводу Жен. Конв. между воюющими госу-

дарствами споровъ. Лидеръ на отрѣзъ отвергаетъ возможность и практичность такихъ судилищъ; и вообще онъ гарантіи Жен. Конв. до того исключительно предоставляетъ благоусмотрѣнію и доброй совѣсти каждой воюющей стороны, что отрицаетъ не только практичность, но и самую возможность международныхъ сдѣлокъ о наказаніяхъ за преступленія противъ Жен. Конв. Учрежденіе международной коммиссіи въ видѣ судебнаго трибунала, Лидеръ, по непонятнымъ для насъ причинамъ, считаетъ „унизительнымъ" для достоинства воюющихъ государствъ. Взгляда этого держится не одинъ Лидеръ, и въ немъ, быть можетъ, заключается противудѣйствіе столь частымъ нынѣ предложеніямъ объ учрежденіи третейскихъ международныхъ судилищъ. Но взглядъ этотъ все-таки не выдерживаетъ критики. Отвергаемыя авторомъ гарантіи далеко не лишены практической примѣнимости. Въ добровольномъ признаніи государствами надъ собою извѣстной международной власти нѣтъ никакого униженія.

Авторъ ставитъ совершенно основательный вопросъ, спрашивая: какія же гарантіи предоставляетъ подобная коммиссія, относительно приведенія въ исполненіе ея приговоровъ? Мы думаемъ, что нельзя опустить изъ виду нравственный авторитетъ такихъ трибуналовъ; уже одно ихъ существованіе гарантируетъ договорному постановленію большее уваженіе; главное же ихъ значеніе заключается въ принужденіи низшихъ властей, въ виду такой международной апелляціонной инстанціи, строго исполнять свои обязанности. Авторитетъ приговоровъ такихъ трибуналовъ обезпеченъ не только возможностью привести ихъ въ исполненіе, но и *международностью* ихъ источника.

Воюющія и нейтральныя державы. Соч. *Гесснера.* (Kriegführende und neutrale Mächte. Ein Beitrag zur Reform des internationalen Rechts in Kriegszeiten. Von Dr. Ludwig Gessner, kaiserlichen Legationsrathe. Berlin. 1877. V+107 pp.).

Л. Геснеръ, извѣстный въ литературѣ международнаго права своимъ обширнымъ прекраснымъ трудомъ о правахъ нейтральныхъ на морѣ, основательный знатокъ этого вопроса; потому поучительно выслушать его выводы относительно указанныхъ въ заглавіи разсматриваемой брошюры вопросовъ. Авторъ принадлежитъ къ исторической школѣ юриспруденціи и чуждъ неосуществимыхъ требованій. Тѣмъ болѣе вѣски его предложенія реформы.

При помощи исторіи, авторъ кратко, но убѣдительно доказываетъ настоятельность отмѣны привилегированнаго разбоя относительно частной собственности непріятельскихъ подданныхъ во время войны на морѣ, и несостоятельность практики и теоріи англичанъ, желающихъ, во что бы то ни стало, отстоять, сохранить старую, несправедливую практику, которую нельзя называть правомъ, а скорѣе грубымъ, недостойнымъ злоупотребленіемъ физической силой.

Весьма наглядно изложено авторомъ движеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи противъ Парижской декларація; но не смотря на незначи-

тельное тамъ расположеніе какъ общественнаго мнѣнія и теоріи, такъ и правительства, авторъ все-таки думаетъ, что по общему закону развитіе общественнаго мнѣнія въ Англіи, относительно права частной собственности во время войны на морѣ и вообще военнаго морскаго международнаго права, слѣдуетъ ожидать сильнаго поворота въ пользу континентальныхъ взглядовъ, какъ скоро общественное мнѣніе начнетъ понимать выгоды реформы. Этого поворота онъ ожидаетъ въ скоромъ времени. Дай Богъ, чтобы эти предположенія оказались вѣрными; но въ настоящее время признаки такого поворота едва-ли замѣтны.

Правда, русскому читателю разсматриваемые авторомъ вопросы извѣстны изъ гораздо болѣе полнаго ихъ изложенія въ почтенномъ трудѣ профессора Мартенса: „О правѣ частной собственности во время войны", высказывающаго тѣ же начала; но интересно въ брошюрѣ Геснера, главнымъ образомъ, прекрасное, живое публицистическое изложеніе, въ виду современныхъ событій иногда весьма любопытное.

О. Эйхельманъ,

доцентъ Демидовскаго лицея.

СТАТИСТИКА.

Теоретическое и практическое руководство къ статистикѣ, *Мориса Блока*. (Traité théorique et pratique de statistique, par *Maurice Block*. Paris. 1878).

Имя Мориса Блока, какъ плодовитаго писателя и необыкновенно трудолюбиваго издателя хорошо извѣстно каждому экономисту и статистику. Въ прошедшемъ году авторъ завершилъ свою преимущественно практическую дѣятельность по статистикѣ изданіемъ руководства, заглавіе котораго приведено выше. „Traité théorique et pratiq e de statistique" представляетъ большой томъ въ 550 стр., раздѣленный авторомъ на четыре части: историческую, теоретическую, практическую и прикладную или демографію. Въ исторической части, кромѣ краткаго очерка административной статистики и характеристики направленій научной статистики (гл. I), читатель найдетъ довольно полныя свѣдѣнія объ учрежденіи статистическихъ бюро въ различныхъ государствахъ (Гл. II), и исторію статистическихъ международныхъ конгрессовъ (Гл. III). Особенно интересна послѣдняя глава, въ которой, паралельно съ формальной исторіей конгрессовъ, М. Блокъ обстоятельно излагаетъ ихъ дѣятельность и перечисляетъ всѣ затронутые конгрессами вопросы. Не менѣе интересенъ собственный отзывъ автора объ результатахъ, достигнутыхъ до настоящаго времени международными съѣздами статистиковъ. Признавая неоцѣнимыя услуги, оказанныя статистикѣ конгрессами, М. Блокъ думаетъ въ тоже время, что можно было бы сдѣлать гораздо

больше, еслибы „on ne s'est pas hâté lentement" (если бы не спѣшили медленно) какъ онъ выражается. Въ Брюсселѣ была сдѣлана, по его мнѣнію, ошибка, которая повторялась, иногда въ усиленной степени, на всѣхъ послѣдующихъ конгрессахъ. Стоитъ пробѣжать перечень вопросовъ, обсуждавшихся на каждомъ конгрессѣ, чтобы убѣдиться, какое громадное число задачъ, притомъ часто въ высшей степени трудныхъ, предлагалось разомъ для рѣшенія. „Когда Кеттле созывалъ насъ, говоритъ М. Блокъ," онъ думалъ, что дѣло пойдетъ само собою, такъ какъ соглашеніе было столь необходимо, и всѣ стремились достигнуть однообразія въ статистическихъ работахъ. Такимъ образомъ въ Брюсселѣ думали охватить всю область статистики, но считали нужнымъ промчаться по ней въ карьеръ. Вскорѣ поняли, что наиболѣе существенныя затрудненія не были предвидѣны. Эти трудности сравнительной статистики обусловливаются различіемъ законовъ, обычаевъ, интересовъ, часто климата и другихъ обстоятельствъ. Такія различія не препятствуютъ абсолютно осуществленію однообразія въ статистикѣ, но среда создаетъ умственныя привычки, которыя можно побѣдить въ себѣ и другихъ, только настойчивостью и глубиною изслѣдованія вопроса, для чего требуется много времени и терпѣнія. Между тѣмъ на конгрессахъ господствовала манія программъ и проектовъ, авторы которыхъ нисколько не обращали вниманія на ихъ практическую пригодность. Этихъ программъ было такое изобиліе, что для обсужденія ихъ каждый конгрессъ долженъ былъ бы располагать большимъ количествомъ дней, нежели сколько онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи часовъ. Къ этому присоединялось еще то, что офиціальные делегаты нисколько не обязаны были, а часто и не могли подчиняться рѣшеніямъ конгресса. Нерѣдко случалось даже что въ качествѣ такихъ делегатовъ посылались лица высоко образованныя, съ виднымъ положеніемъ, но совершенно чуждыя статистикѣ и не имѣющія вліянія на нее въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ предлагали много работы и требовали немедленныхъ рѣшеній, а между тѣмъ приходилось имѣть дѣло съ лицами, которыя отступали передъ всякимъ формальнымъ обязательствомъ.

Неудобства международныхъ конгрессовъ думали устранить учрежденіемъ постоянной Коммиссіи, но она не выполнила, да и не могла выполнить возложенной на нее миссіи, представляя собою лишь конгрессъ въ миніатюрѣ и будучи лишена его значенія. Наконецъ, къ недостаткамъ современной организаціи международныхъ конгрессовъ должно отнести значительные расходы, съ которыми они связаны. Дороговизна конгрессовъ представляетъ, по выраженію М. Блока, тотъ подводный камень, о который можетъ разбиться это великое и полезное учрежденіе. При каждомъ новомъ съѣздѣ роскошь пріема возрастала все болѣе и болѣе, достигнувъ своего апогея въ Петербургѣ. Если для Венгріи стоило немалыхъ усилій, чтобы сравняться съ Россіей, то для многихъ другихъ странъ это окажется рѣшительно невозможнымъ. Остается, говоритъ М. Блокъ, снова вернуться къ простотѣ и скромности, присущей наукѣ. Быть можетъ, Швейцарія, покажетъ въ этомъ случаѣ примѣръ.

Теоретическая часть труда М. Блока посвящена разсмотрѣнію общихъ

вопросовъ о задачахъ и предѣлахъ статистики, какъ особой науки, о статистическомъ методѣ, о существѣ статистическихъ законовъ о свободѣ воли, объ отношеніи статистики къ географіи, политической экономіи и другимъ наукамъ и проч. Послѣдняя глава этой части трактуетъ о таблицахъ смертности и средней жизни. М. Блокъ по преимуществу эклектикъ, но эклектизмъ его отличается трезвостью, благодаря, быть можетъ, вліянію предъидущей практической дѣятельности въ области статистики. Принимая для статистики, какъ особой науки терминъ „демографіи" и считая задачей ея, изображеніе политическаго, экономическаго и соціальнаго положенія народа или вообще группѣ населенія", М. Блокъ старается соединить численное и описательное направленіе въ одно цѣлое: въ программу статистическихъ изслѣдованій должно входить не только констатированіе соціальныхъ фактовъ, но и изученіе порождающихъ ихъ причинъ и взаимодѣйствія между различными явленіями общественной жизни. Самыя границы науки авторъ считаетъ подвижными и поддающимися опредѣленію только въ общихъ чертахъ. Но говоря о задачахъ статистики, какъ науки, М. Блокъ допускаетъ одно существенное и весьма важное ограниченіе, съ которымъ никакъ нельзя согласиться. Статистика, говоритъ онъ, не создаетъ руководящихъ идей, а только является орудіемъ для доказательства различныхъ гипотезъ, возникающихъ изъ дедуктивнаго или индуктивнаго процесса мысли; она лишь пробный камень, посредствомъ котораго можно узнать драгоцѣнный металлъ и измѣрить долю примѣси, заключающеюся въ немъ (р. 156 — 157). Несомнѣнно, что такова дѣйствительно служебная роль статистики въ очень многихъ случаяхъ, но это не единственная ея задача. Въ своей самостоятельной области статистика настолько же даетъ идеи и руководящія гипотезы для дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ и всякая другая наука. Такимъ характеромъ по преимуществу отличается наиболѣе разработанная часть статистики, а именно населенія.

Одно изъ главныхъ достоинствъ этой части труда М. Блока состоитъ въ мастерскомъ изложеніи и критической оцѣнкѣ существующихъ въ литературѣ мнѣній по каждому изъ основныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ. Это не сухой перечень множества сочиненій, изъ котораго читатель узнаетъ почти одни заглавія, но живое и интересное изложеніе наиболѣе выдающихся воззрѣній въ наукѣ. Такое изложеніе дѣйствительно способствуетъ освѣщенію каждаго вопроса и даетъ возможность читателю самостоятельно отнестись къ предлагаемому ему матерьялу. Къ недостаткамъ этого отдѣла труда М. Блока должно отвести нѣкоторую безсистемность. Такъ, напр. теоретическая часть заканчивается особой главой о таблицахъ смертности и средней жизни. Сама по себѣ эта глава очень интересна, но очевидно, она поставлена не на своемъ мѣстѣ.

Третья книга „практическая часть", самая обширная и наиболѣе важная, состоитъ изъ шести главъ. Въ первой изъ нихъ (гл. VIII) излагается современная организація статистическихъ учрежденій въ различныхъ странахъ (организація общихъ статистическихъ бюро, статистическихъ комиссій, городскихъ бюро, статистическихъ обществъ). Излагая

устройство официальной статистики, авторъ между прочимъ касается вопроса о томъ, желательно ли сконцентированіе всѣхъ статистическихъ учрежденій въ одномъ министерствѣ и замѣна спеціальныхъ бюро однимъ общимъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, приводя весьма серьезные мотивы въ подтвержденіе своего мнѣнія. Статистика въ спеціальныхъ бюро, существующихъ при различныхъ центральныхъ учрежденіяхъ, говоритъ авторъ, ведется до извѣстной степени автоматически, непосредственно вытекая изъ дѣятельности этихъ учрежденій и составляя, съ одной стороны, продуктъ этой дѣятельности, а съ другой — необходимый матерьялъ для административныхъ работъ. Сверхъ того, она ведется спеціалистами, близко знакомыми съ дѣломъ, что нельзя не признать громаднымъ преимуществомъ. Недостатокъ ея состоитъ въ односторонности, въ пригодности только для спеціальныхъ цѣлей, вслѣдствіе чего приходится для другихъ цѣлей собирать вновь тѣже данныя, по нѣсколько измѣненной программѣ. Но эти недостатки можно устранить учрежденіемъ центральной коммисіи изъ всѣхъ представителей спеціальныхъ бюро. Такая коммисія составляетъ программы и вноситъ желательную полноту и однообразіе въ работу, не лишая механизмъ спеціальныхъ бюро свойственныхъ ему преимуществъ.

Въ особомъ параграфѣ, посвященномъ персоналу статистическихъ бюро, авторъ говоритъ о статистическихъ семинаріяхъ и излагаетъ организацію берлинской семинаріи Энгеля и занятія ея воспитанниковъ. Вообще, авторъ съ большимъ недовѣріемъ относится къ тѣмъ директорамъ бюро, которые требуютъ отъ своихъ сотрудниковъ только хорошаго почерка и знанія четырехъ правилъ ариѳметики. Спеціальную подготовку для статистиковъ онъ считаетъ безусловно необходимой.

Въ слѣдующей IX гл. разсматриваются вопросы, касающіеся собиранія и обработки статистическихъ матерьяловъ. Въ первомъ параграфѣ этой главы, авторъ указываетъ на важнѣйшія затрудненія, встрѣчающіяся при собираніи данныхъ по статистикѣ населенія, земледѣлія и промышленности, дѣлаетъ общую оцѣнку вѣроятной достовѣрности этихъ матеріаловъ и вообще объясняетъ условія, которыя желательно соблюдать при собираніи указанныхъ данныхъ. Въ слѣдующихъ параграфахъ говорится о пріемахъ, употребляемыхъ при обработкѣ собраннаго матеріала, причемъ подробно изложены соображенія о преимуществахъ централизаціи и децентрализаціи, о сравнительныхъ удобствахъ личныхъ и семейныхъ бюллетеней и проч. Дополненіемъ къ IX главѣ являются глава X, въ которой говорится о постановкѣ вопросовъ и объемѣ требуемыхъ свѣдѣній при статистическихъ изслѣдованіяхъ, и гл. XIII о графическомъ методѣ. Въ первой изъ этихъ главъ собранъ цѣлый рядъ практическихъ указаній, которыя, не смотря на кажущуюся элементарность ихъ, въ высшей степени полезны и необходимы. Какъ часто нарушаются самыя элементарныя правила при постановкѣ вопросовъ статистиками, видно между прочимъ изъ характернаго примѣра приводимаго авторомъ. На конгрессѣ въ Будапештѣ была предложена таблица для собиранія свѣдѣній о городскихъ финансахъ, въ которой пропущена рубрика „прочіе доходы и расходы“ и рубрика „итого“. М. Блокъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что свѣдѣнія, собранныя на основаніи подобной таблицы, во 1-хъ,

неизбѣжно вышли бы неполными; во 2-хъ, изслѣдователь былъ бы лишенъ всякой возможности проконтролировать доставленный ему матерьялъ, хотя бы даже въ немъ были грубыя ошибки составителей или переписчиковъ.

О графическомъ методѣ М. Блокъ сообщаетъ не много подробныхъ указаній, но у него есть интересная замѣтка объ изобрѣтателѣ этого метода. Творцемъ его былъ нѣкто William Playfair, трудъ котораго былъ переведенъ на французскій языкъ Донаномъ въ 1802 г. подъ заглавіемъ: „Éléments de statistique, où l'on démontre, d'après un principe entièrement neuf, les ressources de chaque royaume etc. etc..., orné de cartes coloriées, représentant, d'un coup d'ocil, les forces physiques de toutes les nations européennes“.

Изъ остальныхъ двухъ главъ третьей книги, въ гл. XI говорится о публикаціи статистическихъ матерьяловъ и о финансовыхъ издержкахъ на статистику, а гл. XII спеціально посвящена переписямъ. Изъ приводимыхъ авторомъ данныхъ между прочимъ видно, что расходы, причиняемые переписями, колеблются въ различныхъ странахъ отъ 30 до 3 сантимовъ на жителя, въ зависимости отъ того, на сколько въ этихъ издержкахъ принимаютъ участіе мѣстныя общины и на сколько принято пользоваться безвозмездным трудомъ добровольныхъ регистраторовъ. Наиболѣе экономно произведены послѣднія прусскія переписи. Но нельзя утверждать въ видѣ общаго правила, чтобы позднѣйшія переписи вообще обходились дешевле; напротивъ, чаще замѣчается вздорожаніе этой операціи, что совершенно понятно, хотя напримѣръ въ Бельгіи перепись 1846 г. обошлась въ 14 сант., а перепись 1866 г. только въ 11 сант. на человѣка.

Гл. XII, посвященная, какъ сказано выше, спеціально переписямъ, по полнотѣ данныхъ не оставляетъ почти ничего желать. Въ ней подробно изложена процедура новѣйшихъ переписей, указаны формы и содержаніе переписныхъ листовъ и проч. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на французской переписи. 1876 г., но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удѣляетъ много мѣста англійской переписи 1871 г., и двумъ Германскимъ переписямъ (1871 г. и 1875 г.).

Четвертая прикладная часть курса М. Блока представляетъ мало интереса. Это краткій конспектъ, составленный по обширной программѣ, въ родѣ конспекта Haushofer'а. Какою краткостью отличается эта часть труда М. Блока, видно изъ того, что на 120 страницахъ изложена статистика населенія, нравственная, статистика религіи и народнаго образованія, статистика экономическая, соціальная и политическая. Два послѣдніе отдѣла, какъ можно было и ожидать, являются въ сущности почти безсодержательными рубриками. Такъ напримѣръ, въ своей „соціальной статистикѣ“ авторъ не нашелъ ничего болѣе сказать, какъ упомянуть о двухъ, трехъ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію рабочаго вопроса, и сдѣлать нѣсколько замѣчаній о постепенномъ повышеніи рабочей платы въ западной Европѣ.

Д. Пихно,

доцентъ имп. университета св. Владиміра.

Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. Statistische Studien v. Dr. *Georg Mayr.* München. 1877. (Die Naturkräfte. Eine naturwissenschaftliche Volksbibliothek. XXIII (Закономѣрность явленій общественной жизни, соч. г. *Маира*).

Это изслѣдованіе проф. Маира, судя по способу его изданія, имѣетъ цѣлью популяризацію статистическихъ свѣдѣній въ массѣ публики. Прекрасное, легкое изложеніе и обиліе интересныхъ фактовъ дѣйствительно могутъ сдѣлать эту книгу доступной болѣе или менѣе обширному кругу читателей; но кромѣ того она представляетъ живой интересъ и для спеціалиста. Сочиненіе Маира состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Авторъ посвящаетъ введеніе общимъ понятіямъ объ обществѣ, общественныхъ наукахъ и методѣ этихъ наукъ; въ первой главѣ говорится о существѣ, цѣляхъ и задачахъ статистики, о методѣ статистическихъ изслѣдованій и способахъ внѣшняго выраженія результатовъ этихъ изслѣдованій (Darstellungsmittel der Statistik); вторая глава заключаетъ въ себѣ статистику населенія, а третья—нравственную статистику. Въ послѣднихъ двухъ главахъ читатель найдетъ въ сжатой формѣ главнѣйшіе выводы науки, относящіеся къ этимъ отдѣламъ статистики, и нѣсколько новыхъ наблюденій, сдѣланныхъ самимъ авторомъ въ качествѣ изслѣдователя баварской статистики и директора баварскаго статистическаго бюро. Пр. Маиръ приводитъ сравнительно немного числовыхъ матерьяловъ, но выборъ и расположеніе ихъ сдѣланы рукой опытнаго мастера. Всѣ свои доводы авторъ направилъ на одну точку, а именно: на доказательство существованія закономѣрности въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ общественной жизни. Хотя, вслѣдствіе краткости изложенія, разсмотрѣніе множества затрогиваемыхъ имъ вопросовъ оказывается неполнымъ, но руководящая идея книги проведена весьма рельефно и въ общемъ получается то именно впечатлѣніе, которое желалъ произвести авторъ на своихъ читателей.

Но наибольшій интересъ представляетъ первая глава труда Маира. Въ ней авторъ, вслѣдъ за опредѣленіемъ статистики и ея задачъ, подробно развиваетъ свою теорію „географическаго метода“, причемъ упрекаетъ Кетле и его послѣдователей въ односторонности, за ихъ исключительную заботу объ отвлеченномъ „среднемъ человѣкѣ“. По совершенно вѣрному замѣчанію Маира большое среднее число, игнорирующее время и пространство, имѣетъ свою цѣнность въ смыслѣ кратчайшаго и наиболѣе общаго выраженія той компенсаціи, которой подвергаются временныя и мѣстныя различія при сведеніи милліоновъ наблюденій въ одну единицу. Но при подобной абстракціи, при подобномъ, такъ сказать, телескопическомъ способѣ наблюденія, составляющемъ идеалъ школы Кетле, исчезаетъ множество различій въ явленіяхъ, имѣющихъ самое существенное значеніе. Анализъ этихъ различій составляетъ дальнѣйшую чрезвычайно важную задачу статистики. Разложеніе большихъ статистическихъ чиселъ на меньшія по періодамъ времени не встрѣчаетъ особыхъ затрудненій, благодаря тому, что единицы времени почти повсемѣстно однообразны, такъ какъ онѣ отчасти даны самой природой (годъ, день), отчасти установлены общераспространенными обычаями (недѣля, часъ). Совсѣмъ иное должно сказать относительно пространственныхъ единицъ. Сравнительная статистика обык-

новенно можетъ расчитывать лишь на большія среднія числа, выведенныя для цѣлыхъ странъ или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, для большихъ составныхъ частей ихъ, опредѣляемыхъ главными административными дѣленіями. Но такое сравненіе не удовлетворяетъ основнымъ научнымъ требованіямъ, потому что эти единицы весьма различны по своей величинѣ и характеру. Такъ какъ въ этихъ большихъ числахъ поглощаются разнородныя отношенія меньшихъ территоріальныхъ единицъ, то получается среднее число, только повидимому вѣрное. Устраненіе возникающихъ отсюда неудобствъ достигается употребленіемъ географическаго метода, который требуетъ, чтобы наблюденіе и разработка статистическихъ данныхъ нисходили до самыхъ малыхъ пространственныхъ единицъ, низшія границы которыхъ опредѣляются только необходимостью имѣть достаточное число наблюденій для вывода среднихъ. На основаніи сходства этихъ среднихъ чиселъ, полученныхъ изъ малыхъ пространственныхъ единицъ, устанавливаются большіе естественные районы, для того или инаго явленія, существенно отличные отъ принятыхъ географическихъ дѣленій.

Эта теорія географическаго метода была изложена Майромъ еще въ 1872 г. въ докладѣ, представленномъ на обсужденіе международнаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ (см. труды VIII сессіи конгресса, Programme: „Zur Verständigung über die Anwendung der geographischen Methode in der Statistik v. Georg Mayr“ и докладъ г. Семенова) Хотя пріемы, рекомендуемые авторомъ, употреблялись и раньше, однако ему принадлежитъ немаловажная заслуга теоретической разработки и систематизаціи ихъ.

Вообще должно замѣтить, что до послѣдняго времени въ общихъ курсахъ довольно мало обращалось вниманія на технику статистики. Результаты, добытые въ этомъ отношеніи международными конгресами, не были сведены въ одно цѣлое и оставались мало доступными не только массѣ публики, но даже спеціалистамъ. Послѣдніе труды Майра и Мориса Блока (Traité théorique et pratique de statistique, 1877) стремятся восполнить этотъ пробѣлъ. Такъ, Майръ довольно обстоятельно излагаетъ технику собиранія и обработки статистическихъ данныхъ и весьма подробно говоритъ о графическомъ методѣ. Не входя въ изложеніе подробностей, которыя читатель найдетъ въ книгѣ Майра, мы замѣтимъ только, что едва ли въ какомъ другомъ сочиненіи можно встрѣтить такое систематическое и всестороннее разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся методики статистики, какъ въ разбираемомъ трудѣ. Намъ кажется, что въ виду указанныхъ особенностей труда Майра, весьма желательно видѣть его въ русскомъ переводѣ. Наши земскіе статистики, секретари статистическихъ комитетовъ и вообще всѣ, кому приходится заниматься статистическими изслѣдованіями, найдутъ въ немъ немало полезныхъ указаній.

Д. И. Пихно,

доцентъ имп. университета св. владиміра.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Свободная торговля и покровительственная система, Г. Фоссета.

(*Henry Fawcett:* Free-Trade and Protection. An Inquiry into the Causes which have retarded the General Adoption of Free-Trade since it's Introduction into England. London. 1878).

Послѣ смерти Д. С. Милля и Кернса, Генри Фосеттъ остался въ Англіи безспорно самымъ крупнымъ представителемъ науки народнаго хозяйства. Изъ современниковъ рядомъ съ нимъ (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ и выше) можно поставить только одного Клиффъ Лесли, профессора Лондонскаго университета, который, къ сожалѣнію, мало пишетъ. Съ блестящимъ даромъ изложенія, съ замѣчательной ясностью и простотой языка, напоминающей его живую парламентскую рѣчь, Генри Фосеттъ соединяетъ въ своихъ трудахъ добросовѣстность изслѣдованія, большую ловкость аргументаціи, значительную свободу мысли и отсутствіе національныхъ предразсудковъ, столь свойственныхъ большей части англійскихъ изслѣдователей въ области политическихъ и общественныхъ наукъ. Но вмѣстѣ съ этими неоспоримыми достоинствами, общими съ Д. С. Миллемъ, Фосеттъ обладаетъ также, нельзя не сознаться, и нѣкоторыми крупными недостатками. Первый и важнѣйшій изъ нихъ (нечуждый большинству англійскихъ экономистовъ) состоитъ въ склонности къ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніямъ: весьма нерѣдко достаточно двухъ, трехъ случайныхъ и даже только по внѣшности сходныхъ фактовъ изъ экономической исторіи Англіи, дабы Фосеттъ тотчасъ построилъ общій выводъ, имѣющій широкое приложеніе какъ къ Англіи, такъ и къ любой странѣ Европы. Второй недостатокъ, замѣчаемый въ его трудахъ, заключается въ нерѣдкихъ противорѣчіяхъ самихъ выводовъ изъ однородныхъ фактовъ, это — благодаря столкновенію его альтруистическихъ стремленій съ требованіями строгой науки, которой онъ служитъ представителемъ. Еще третій упрекъ, который можно сдѣлать Фосетту, заключается въ игнорированіи иностранной научной литературы по разбираемымъ вопросамъ и далеко не полномъ знаніи своей собственной — англійской, что особенно поражаетъ при сравненіи, впрочемъ, большей части англійскихъ изслѣдованій съ соотвѣтственными нѣмецкими [1]).

Одинаковыя достоинства и недостатки можно найдти и въ новомъ сочиненіи Фосетта „О свободной торговлѣ и покровительственной системѣ“ (передѣланный и дополненный курсъ его лекцій, читанныхъ въ Кембриджскомъ университетѣ прошлой зимой). Цѣль этого сочиненія двоякая. Какъ извѣстно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ Великобританія

---

[1]) Послѣдній недостатокъ почти извиняется чисто субъективною причиною: какъ извѣстно, Фосеттъ слѣпъ уже много лѣтъ и читаетъ и вообще слѣдитъ за наукой только съ помощью секретаря и своей замѣчательной жены M-rs Milligent Garretti Fawcett—довольно извѣстной въ публицистикѣ и наукѣ своими популярными учебниками политической экономіи.

страдаетъ подъ тягостью промышленнаго и торговаго кризиса: сбытъ ея мануфактурныхъ продуктовъ на многихъ рынкахъ ограниченъ и вывозъ сравнительно съ ввозомъ уменьшился. Между тѣмъ, многія отрасли производства не уменьшали своей дѣятельности сообразно съ упадкомъ спроса; а послѣдствіемъ этого явилось переполненіе внутренняго рынка продуктами (особенно въ важнѣйшихъ производствахъ, какъ каменноугольное, хлопчатобумажное и желѣзное) и упадокъ цѣнъ; многія промышленныя учрежденія были вынуждены, или прекратить свою дѣятельность, или по меньшей мѣрѣ ограничить ея размѣры. Отсюда возникли обыкновенныя неблагопріятныя условія для матерьяльнаго существованія массы народа: уменьшеніе во многихъ отрасляхъ мануфактуры, также и въ земледѣліи, заработной платы, стачки рабочихъ и забастовки хозяевъ (loockout); въ хлопчатобумажныхъ округахъ, какъ извѣстно, дѣло дошло даже до волненій и серьезныхъ безпорядковъ. Вообще, въ народѣ развилось большое недовольство настоящимъ экономическимъ положеніемъ и отовсюду слышатся жалобы на существующую экономическую политику страны. Но мало того. Уже давно въ Англіи прекратились всякіе споры и разсужденія о протекціонизмѣ, какъ средствѣ для поднятія внутренней промышленности; вопросъ, казалось, былъ рѣшенъ безповоротно теоріей и практикой въ пользу свободной торговли; всякое заявленіе въ противномъ смыслѣ со стороны какой-либо спеціальной мануфактуры, тѣснимой иностранной конкуренціей, казалось диссонансомъ въ общемъ хорѣ Но вотъ, подъ давленіемъ кризиса и недовольства народа опять выдвинулась на свѣтъ старая покровительственная теорія, требующая возстановленія протективныхъ таможенныхъ пошлинъ на многіе ввозные продукты, или подъ прямымъ предлогомъ поощренія собственной промышленности, или же какъ возмездіе (реторсія) иностранцамъ за сохраненіе ими покровительственной системы въ противность англійскимъ интересамъ. Въ этомъ смыслѣ уже появилось за послѣднія десять лѣтъ немало брошюръ со стороны торговыхъ камеръ различныхъ городовъ Великобританіи [1]).

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и была

---

[1]) Считаю небезполезнымъ сдѣлать указаніе важнѣйшихъ образцовъ этой литературы, тѣмъ болѣе что самъ Фосеттъ не дѣлаетъ этого:

1) Sophisms of Free-Trade and Popular Political Economy examined by a Barrister (судья Байльсъ. Byles-chief Justice of Common Pleas). Manchester 1872. Девятое изданіе; первое въ 1852 г. Самый старый представитель новыхъ англійскихъ протекціонистовъ. Довольно остроуменъ и свѣдущъ.

2) Protection to Native Industry by Sir *Edward Sullivan*. London. 1870. Сочиненіе направлено главнымъ образомъ противъ англо-французскаго трактата.

3) *John Wood*: Free-Trade: a Labour Question for Working Men. 1877. Популярно изложенная и довольно остроумная критика началъ свободной торговли съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ классовъ.

4) The Skeleton at the Plongh, or the Poor Farm-Labourer of the West, by *George Mitchell and Stephen Price*. London, Bee-Hive Office. Обзоръ всей англійской внутренней политики и свободной торговли съ точки зрѣнія интересовъ спеціально сельскихъ рабочихъ.

5) *James Roberts*: Free-Trade — a Gigantic Mistake. 1877. Кромѣ того его же: Panics and their Causes. 1868 и пр. Изданія Манчестерскаго Общества Reciprocity Association. Критика свободной торговли и требованіе началъ взаимности въ иностранной торговлѣ.

написана книга Фосетта съ двоякою цѣлью: во-первыхъ — успокоить общественное мнѣніе Великобританіи, встревоженное этимъ продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ страны и невыгоднымъ, повидимому, торговымъ балансомъ въ связи съ принятой политикой свободной торговли. Явились пессимисты, которые доказываютъ скорый и полный коммерческій упадокъ Англіи, утверждая, что она достигла высшей кульминаціонной точки своего развитія въ этомъ отношеніи и нынѣ склоняется быстро къ разрушенію [1]). Другая цѣль его труда заключается въ оппозиціи тѣмъ изъ нихъ, которые стремятся къ реторсіямъ съ помощью таможеннаго тарифа и желаютъ вернуть Англію къ покровительственной системѣ. Фосеттъ весьма убѣдительно доказываетъ всю опасность и рискованность такого возвращенія къ разъ брошенной системѣ для настоящихъ интересовъ страны.

Такимъ образомъ, новое сочиненіе Генри Фосетта имѣетъ болѣе публицистическое, нежели научное значеніе; онъ не ищетъ своимъ изслѣдованіемъ безпристрастнаго разрѣшенія какого-либо спорнаго вопроса, но наоборотъ, разъ предрѣшивши его, старается только подобрать наилучшій запасъ аргументовъ для наибольшаго убѣжденія публики въ этихъ предвзятыхъ положеніяхъ, излагая свои доказательства въ возможно изящной, легкой и общедоступной формѣ. Нельзя при этомъ сказать, чтобы Фосеттъ обѣ поставленныя имъ цѣли разрѣшалъ одинаково удовлетворительно: такъ, довольно слабо и по моему мнѣнію, ненаучно онъ выполнилъ первую указанную задачу — опроверженіе пессимизма относительно современнаго промышленно-торговаго упадка Англіи въ связи съ принятой ею политикой свободной торговли. Какъ извѣстно, эта политика Великобританіи до сихъ поръ является односторонней, такъ какъ другія государства отвѣчаютъ ей въ большей или меньшей мѣрѣ покровительственными тарифами и довольно медленно измѣняютъ въ этомъ случаѣ свою политику. Это явленіе Фосеттъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Англія, разсуждаетъ онъ, опередила въ принятіи началъ свободной торговли всѣ прочія государства Европы по той простой причинѣ, что въ ней главная тягость покровительственной системы была направлена на земледѣліе, т. е. увеличивала цѣну хлѣба и вообще пищи народа; между тѣмъ, въ другихъ странахъ протекціонизмъ касается почти исключительно мануфактурныхъ продуктовъ, почему его тягость чувствуется народомъ далеко не въ такой степени сильно. Другими словами — голодъ, самый сильный въ мірѣ стимулъ, далъ въ Англіи побѣду принципамъ свободной торговли и привелъ къ уничтоженію покровительственной системы; въ остальной-же Европѣ, при земледѣльческомъ характерѣ государствъ и отсутствіи ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, этотъ стимулъ не существуетъ. Кромѣ того есть еще и другое обстоятельство, которое задерживаетъ въ Европѣ и Америкѣ прогрессъ свободной торговли: уничтоженіе покровительственной системы приноситъ большія потери и лишенія рабочимъ, имѣющимъ занятіе въ тѣхъ отрасляхъ мануфактуры, которыя возникли подъ вліяніемъ покровительства. Въ этомъ случаѣ, по словамъ Фосетта, уничтоженіе покровительственнаго тарифа,

---

[1]) Образцомъ можетъ служить сочиненіе, появившееся только прошедшимъ лѣтомъ: *J. Wilson*: The Resources of Modern Countries. London, 1878. 2 vol.

по своимъ послѣдствіямъ, крайне аналогично съ введеніемъ машинъ въ такое производство, которое прежде велось ручнымъ трудомъ. Масса рабочихъ, благодаря этому, терпитъ временно нужду, лишаясь работы и прежняго заработка: это соображеніе задерживаетъ вездѣ реформы тарифа. Но кромѣ того, для британскихъ колоній, изъ которыхъ многія, какъ извѣстно, приняли въ послѣднее время покровительственную систему, существуютъ также свои спеціальныя причины. Во-первыхъ «колоніальные протекціонисты», говоритъ Фосеттъ получили значительное поощреніе въ мнѣніи одного знаменитаго экономиста (Д. С. Милля), по которому покровительственныя пошлины съ цѣлью пробужденія новой отрасли промышленности оправдываются какъ временный экспериментъ. Сверхъ того, въ Австраліи много англійскихъ эмигрантовъ изъ рабочаго класса, привлеченныхъ золотыми розсыпями; не найдя на нихъ желаннаго богатства, они естественно побуждаютъ страну къ установленію покровительственной системы ради созданія тамъ такихъ мануфактуръ, къ работѣ на которыхъ они привыкли и приспособились у себя на родинѣ — въ Англіи. Что касается до упадка, будто-бы, англійской промышленности и торговли и притомъ частію подъ вліяніемъ политики свободной торговли, то неосновательность такого предположенія доказывается слѣдующими соображеніями и фактами. Какъ остатокъ старой меркантильной системы, по словамъ Фосетта, у многихъ является страхъ при видѣ возрастающаго ежегодно перевѣса британскаго ввоза надъ вывозомъ (въ 1877 году первый превышалъ второй 110 мил. ф. с.); но это обстоятельство, напротивъ, должно говорить за процвѣтаніе Англіи: масса англійскихъ капиталовъ находится заграницей во всевозможныхъ предпріятіяхъ и ежегодно увеличиваетъ ея богатство, не говоря уже о покрытіи съ избыткомъ всего излишка привезенныхъ товаровъ. Вообще, по его мнѣнію, „перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ *въ какой-бы ни было странѣ* даетъ указаніе на размѣры капитала, кредиторомъ котораго она состоитъ относительно чужихъ странъ". Слѣдовательно чѣмъ выше этотъ перевѣсъ, тѣмъ страна богаче. Но кромѣ громадныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ иностранныя предпріятія, Англія имѣетъ еще обширный источникъ богатства въ своемъ торговомъ флотѣ, служащемъ какъ для собственныхъ, такъ и для чужихъ потребностей и на сумму всего фрахта увеличивающемъ богатство страны. Наконецъ, этотъ перевѣсъ ввоза частію обязанъ и тому обстоятельству, что статистическія таблицы англійской торговли указываютъ цифры ввоза включительно съ фрахтомъ и прибылью купца, ввозящаго товаръ; напротивъ, вывозъ исчисляется безъ этихъ двухъ важныхъ прибавокъ и слѣдовательно ниже дѣйствительности. Фосеттъ не можетъ, конечно, отрицать существованіе продолжительнаго промышленно-торговаго кризиса, но онъ находитъ его преувеличеннымъ и старается ослабить его значеніе, доказывая, что кризисъ еще сильнѣе въ Америкѣ, имѣющей покровительственный тарифъ. Въ пользу Англіи онъ приводитъ такія данныя: желѣзныя дороги за 1876 годъ дали прежній доходъ и слѣдовательно не уменьшили своего движенія; потребленіе чая нетолько не уменьшилось, но даже увеличилось, что указываетъ на благосостояніе рабочихъ классовъ; на то-же указываетъ и уменьшеніе офиціальной цифры пауперизма. Наконецъ упадокъ цѣны на уголь, хлопчатобумажныя издѣлія и другіе продукты

способствовалъ этому благосостоянію всѣхъ лицъ живущихъ опредѣленнымъ доходомъ (рентьеры, чиновники и т. п.) и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, умѣрялъ вредное вліяніе кризиса. Послѣ всего этого стоитъ только сдѣлать сравненіе кризиса, говоритъ онъ, фритредерской Англіи съ такимъ-же протективной Франціи, Германіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, чтобы убѣдиться, что тамошнее экономическое положеніе гораздо хуже и слѣдовательно политика свободной торговли не только не создала и не увеличила кризисъ Англіи, но значительно, наоборотъ, уменьшила и ослабила его тягость.

Этого сжатаго, возможно точнаго конспекта, содержанія половины книги проф. Фосетта, совершенно достаточно, по моему мнѣнію, чтобы ознакомить съ его пріемами и аргументаціей и убѣдиться въ существованіи въ ней тѣхъ-же недостатковъ, которые замѣчаются въ его другихъ трудахъ и указаны въ началѣ настоящей рецензіи. Разберемъ главнѣйшія его положенія въ отдѣльности.

Главной причиной быстрой побѣды началъ свободной торговли въ Англіи Фосеттъ считаетъ хлѣбные законы и ихъ вліяніе на цѣну пищи, — мотивъ, въ другихъ странахъ не существующій. Для этого онъ тщательно подбираетъ въ своей книгѣ (преимущественно во 2-ой главѣ) факты дороговизны хлѣба, голода и вообще разнообразнаго вреда, причинявшаго налогомъ на хлѣбъ и, ссылки на этотъ мотивъ парламентскихъ ораторовъ и дѣятелей знаменитой лиги хлѣбныхъ законовъ. Такое объясненіе, однако, имѣетъ за себя только внѣшнюю доказательность: достаточно даже небольшаго знакомства съ англійской исторіей сороковыхъ годовъ, при отсутствіи предубѣжденія, чтобы увѣриться въ исторической неточности и вообще неудовлетворительности этой аргументаціи. Дѣйствительно, лозунгомъ знаменитой борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ всегда выставлялся „дешевый хлѣбъ" для народа и улучшеніе его бѣдственнаго положенія какъ главная внутренняя цѣль всей борьбы. Фосеттъ беретъ на вѣру этотъ лозунгъ, безчисленное число разъ повторявшійся въ рѣчахъ ораторовъ и всѣхъ изданіяхъ извѣстной лиги, и его важностью полагаетъ возможнымъ объяснить крупный фактъ англійской исторіи. Онъ не пытается исторически провѣрить справедливость этого лозунга, не старается глубже изслѣдовать поводы и самыя условія борьбы, а просто беретъ на вѣру, безъ всякой критики, ходячее мнѣніе. Еслибы истинная причина и поводъ борьбы противъ протекціонизма заключались въ стремленіи къ удешевленію народнаго продовольствія и слѣдовательно улучшенію его матерьяльнаго положенія, то, конечно, весь народъ энергично сталъ-бы за дѣло лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и дѣятельно поддерживалъ-бы начала свободной торговли. Между тѣмъ, факты изъ исторіи сороковыхъ годовъ говорятъ противное: масса англійскаго народа — рабочій классъ выказывалъ все время очень мало симпатіи къ этой знаменитой борьбѣ. Въ то время какъ средній классъ, сплоченный рѣдкимъ единодушіемъ, съ поразительной энергіей и жертвами боролся на митингахъ, въ прессѣ и парламентѣ съ протекціонизмомъ, рабочій классъ въ огромномъ большинствѣ оставался чуждъ всему движенію и относился къ нему индифферентно, или даже прямо враждебно. Именно поэтому, частію, многіе изъ видныхъ представителей партіи свободной торговли

высказывались противъ расширенія правъ народнаго представительства. Извѣстный экономистъ Сеніоръ, напр., выражалъ прямо опасеніе, что это расширеніе увеличило-бы власть народа надъ политикой, причемъ „торговля не въ состояніи была-бы долго удерживать и ту даже долю свободы, которою она теперь пользуется“. Въ томъ-же духѣ высказывался Чаммерсъ, опасаясь одинаково для дѣла свободной торговли „допущенія низшихъ классовъ въ парламентѣ“. „Воззрѣнія по этому поводу народа и философовъ“, говоритъ онъ, „весьма не гармонируютъ другъ съ другомъ“. Тоже самое сообщалъ въ 1845 г. Эбенезеръ Эліотъ, поэтъ борьбы за свободную торговлю: „Она велась, по его словамъ, среднимъ классомъ нетолько безъ помощи рабочихъ классовъ, но даже несмотря на ихъ оппозицію“. Это равнодушіе и даже противодѣйствіе повидимому общему благу невозможно приписать только невѣжеству или политической неразвитости народа: какъ извѣстно, почти къ одному времени съ этой борьбой относится такъ наз. чартистское движеніе экономическаго и политическаго характера, охватившее собой всю страну и считавшее своихъ сторонниковъ милліонами. Напротивъ, масса англійскаго народа еще никогда не относилась такъ чутко къ политической жизни, дѣятельнаго участія въ которой она требовала; а между тѣмъ вожаки чартизма, напр. Фергусъ О'Коннорь и другіе, прямо стали въ оппозицію агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, заявляя повсюду, что „ихъ уничтоженіе было-бы полезно только мануфактуристамъ, давши возможность нанимать трудъ за пониженную плату“. То-же самое откровенно заявляли и нѣкоторыя лица изъ самихъ мануфактуристовъ на митингахъ лиги, жалуясь на застой въ дѣлахъ [1]). Очень вѣроятно, что такой эгоистическій мотивъ не имѣлъ мѣста для многихъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ борцовъ лиги, проникнутыхъ наоборотъ гуманностью и любовью къ народу, но въ такой обширной борьбѣ, затрогивавшей ближайшіе интересы сотенъ тысячъ людей, нельзя не допустить и стимуловъ личнаго эгоистическаго свойства. Народъ мало довѣрялъ означенному лозунгу лиги, видя во главѣ ея тѣхъ самыхъ лицъ, которыя энергично боролись въ парламентѣ противъ его требованій въ фабричномъ законодательствѣ: какъ извѣстно, многіе изъ вожаковъ лиги, напр. Джонъ Брайтъ, Кобденъ, Джозефъ Юмъ, рѣзко высказывались противъ такъ называемаго десятичасоваго билля, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда и вообще противъ государственнаго регулированія фабричнаго труда, желательнаго рабочимъ. Такъ первый (Брайтъ) въ 1847 году во время парламентскихъ преній по поводу извѣстнаго билля Фильдена прямо заявилъ, что, благодаря этой государственной протекціи рабочимъ классамъ, заработная плата въ Англіи и безъ того уже давно стоитъ выше той, которая бы должна быть въ дѣйствительности на свободномъ рынкѣ. Вообще борьба за свободную торговлю въ Англіи носитъ на себѣ весьма рѣзкій классный отпечатокъ. Въ то время какъ промышленность страны созрѣла до такой степени, что вызывала необходимость уничтоженія всякаго внутренняго вмѣшательства въ производство съ фискальной цѣлью (почему многочисленные акцизы и

1) Это подтверждается многими современниками изъ торговаго и промышленнаго класса: см. напр. Our Free-Frade Policy etc. by a Liverpool Merchant 1846 стр. 6 и далѣе.

начали уничтожаться раньше всего), иностранная конкуренція стала почти безвредной (почему еще въ 1844 г. уничтожено запрещеніе вывоза машинъ). Напротивъ таможенныя преграды иностранныхъ государствъ мѣшали англійскому сбыту и расширенію рынка. Съ уничтоженіемъ собственной покровительственной политики ожидалась немедленная взаимность и иностранцевъ: всѣ почти сочиненія того времени проникнуты въ этомъ отношеніи довольно сильной надеждой на успѣхъ свободной торговли напр. въ Россіи, Соединенныхъ Штатахъ и другихъ государствахъ съ покровительственнымъ тарифомъ [1]). Такова первая и главнѣйшая причина принятія Англіей политики свободной торговли и быстраго успѣха ея законодательства въ этомъ направленіи; но затѣмъ, важнѣйшій ея фактъ — борьба противъ хлѣбныхъ законовъ, — не нужно забывать, имѣетъ столько-же характеръ политическій, сколько и экономическій. Это — борьба выросшаго средняго класса противъ несправедливой монополіи и могущества поземельной аристократіи, которая продолжается, только въ болѣе незамѣтной и скромной формѣ, и до настоящаго времени подъ видомъ требованія free-trade in land, то есть свободной продажи земельной собственности. „Сдѣлаться когда-нибудь собственникомъ куска земли", замѣчаетъ справедливо Луи-Бланъ въ своихъ письмахъ объ Англіи, „составляетъ золотую, завѣтную грёзу каждаго англійскаго купца и мануфактуриста". Борьба противъ хлѣбныхъ законовъ была первымъ шагомъ къ этой вдвойнѣ желанной свободѣ какъ торговли, такъ и земли, а дороговизна хлѣба и забота объ улучшеніи рабочихъ классовъ является вопросомъ второстепеннымъ, несущественнымъ, — *предлогомъ агитаціи, а вовсе не истинной причиной* всей борьбы и условіемъ ея успѣха, какъ думаетъ Фосеттъ. Почтенный ученый этотъ предлогъ ошибочно принимаетъ за самую причину и, не изслѣдовавши ближе вопросъ, приписываетъ ему быстрые успѣхи въ Англіи дѣла свободной торговли. Очевидно, что онъ забываетъ, что тотъ-же самый предлогъ въ томъ или другомъ видѣ служитъ различнымъ политическимъ партіямъ и для разнородныхъ цѣлей, не имѣющихъ часто ничего общаго съ народнымъ благомъ, и что если свободная торговля въ другихъ странахъ двигается медленнѣе, то это нужно отнести не къ недостатку предлоговъ, а къ отсутствію всей совокупности аналогичныхъ условій [2]).

---

[1]) «Надежда получить болѣе широкую вывозную торговлю съ Англіей.... (если послѣдняя уничтожитъ хлѣбные законы) принудить Россію понизить ея тарифъ въ пользу нашихъ мануфактурныхъ продуктовъ». То-же и относительно Америки. См. *R. Torrens*: Three Letters to the Marquise of Chandos on the Effects of the Corn Laws. London. MDCCCXXXIX, стр. 33.

См. также многія рѣчи Кобдена и Брайта того времени.

[2]) По Керду (*Caird*) средняя цѣна пшеницы до 1848 г. (уничтоженія хлѣбныхъ законовъ) составляла 57 шил. 4 пенса за квартеръ, а 20 лѣтъ послѣ — 53 шил. 3 п., то есть разница въ 5 шил. на квартеръ пшеницы, или считая квартеръ въ 326 фунтовъ, а съ припекомъ въ 350 ф., на каждомъ фунтѣ печенаго хлѣба англичанинъ переплачивалъ до 1848 г. менѣе $^2/_3$ одного фартинга въ день, или семья рабочаго (изъ 4 челов., изъ коихъ двое дѣтей), при незначительномъ сравнительно въ Англіи потребленіи хлѣба (5 — 6 ф. на семью), переплачивали около одного пенни (3 коп.) въ день или 7 пенсовъ ва недѣлю, что, при мелочной покупкѣ хлѣба и высокой средней заработной платѣ, едва-ли составляло слишкомъ чувствительную и замѣтную тягость для массы народа.

Нельзя согласиться также и съ тѣми доводами, которые приводитъ Фосеттъ чтобы объяснить обращеніе англійскихъ колоній къ покровительственной системѣ. Первый изъ нихъ — вліяніе будто-бы авторитета Д. С. Милля, сдѣлавшаго одну уступку протекціонизму въ своей политической экономіи, — доводъ по меньшей мѣрѣ странный и неисторическій: нигдѣ, никогда и никакая книга не двигала политикой цѣлой страны безъ существованія цѣлаго ряда важныхъ условій внутренней государственной жизни; книги обыкновенно только санкціонируютъ готовыя жизненныя отношенія и уясняютъ ихъ дальнѣйшій ходъ; самый успѣхъ книги всегда зависитъ отъ того, насколько она совпадаетъ съ этимъ запросомъ жизни и времени. Принципы самого Адама Смита не имѣли въ Англіи почти 50 лѣтъ практическаго примѣненія, пока не созрѣли для того необходимыя реальныя условія. Къ тому-же, какъ всѣмъ извѣстно, Милль въ цѣломъ былъ фритредеръ и вся его уступка протекціонизму заключаетъ ровно тридцать строчекъ исключенія изъ принятой системы: онъ допускаетъ, и то съ значительными оговорками, протекціонизмъ для націй юныхъ и развивающихся, вѣроятно дѣлая это подъ вліяніемъ альтруизма (См. Principles of Political Economy by J. S. Mill. Fifth edition, vol. II, стр. 525). Эту выдержку изъ Милля Фосеттъ называетъ „хартіей" современныхъ протекціонистовъ. Такой неловкій доводъ, кромѣ его научной несостоятельности, можетъ служить даже обоюдоострымъ оружіемъ, которое возможно направить противъ самого автора: не менѣе Милля по однороднымъ мотивамъ Фосеттъ является непослѣдовательнымъ, дѣлая подобныя же отступленія отъ принятой системы свободной торговли. Въ концѣ послѣдней (VI-ой) главы разбираемой нами книги напр. онъ трактуетъ вопросъ о покровительственномъ сборѣ въ 5% для хлопчатобумажныхъ издѣлій, существующемъ въ Индіи: благодаря этой пошлинѣ, сообщаетъ онъ, возникли въ Бомбеѣ хлопчатобумажныя фабрики, которыя, конкурируя съ англійской мануфактурой, доставляютъ ей ущербъ и вызываютъ требованія со стороны англійскихъ производителей уничтожить эту протекцію ради ихъ интересовъ и во имя соблюденія принциповъ свободной торговли. Какъ-же рѣшаетъ этотъ вопросъ проф. Фосеттъ? Онъ заявляетъ, что его нельзя разсматривать *исключительно съ экономической точки зрѣнія*, что нельзя не обращать вниманія на чувства народа, что не слѣдуетъ забывать о бѣдственномъ положеніи индѣйцевъ и критическомъ — самихъ финансовъ Индіи, что нельзя все мѣрить одной мѣркой и что *самая справедливая система налоговъ для одного народа совсѣмъ не подходитъ къ другому* и такъ далѣе. Вообще онъ повторяетъ аргументы протекціонистовъ и въ заключеніе высказывается, очевидно по той-же причинѣ, какъ и упрекаемый Милль, за сохраненіе въ Индіи помянутой покровительственной пошлины.

Второй аргументъ, который приводитъ авторъ для объясненія протекціонизма англійскихъ колоній, едва-ли также можно признать серьезнымъ. Вліяніе въ этомъ отношеніи англійскихъ эмигрантовъ — золотоискателей составляетъ догадку, еще требующую подтвержденія, хотя бы и дѣйствительно эти лица вездѣ стояли за протекціонизмъ: золотыя розсыпи существуютъ одинаково какъ въ Викторіи, такъ и въ Новомъ Южномъ Валлисѣ; между тѣмъ первая колонія, какъ извѣстно, держится покровитель-

ственнаго тарифа вторая — свободной торговли. Впрочемъ, существуютъ нѣкоторыя данныя и въ пользу этой догадки, но представляющія дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ. По мнѣнію Фосетта, эти золотоискатели преслѣдуютъ покровительственную политику изъ-за своихъ эгоистичныхъ цѣлей; между тѣмъ, по свидѣтельству вполнѣ добросовѣстныхъ очевидцевъ, приводятся другіе мотивы, и эти лица заботятся, оказывается, вовсе не о себѣ. Объ этомъ Фосеттъ, не бывавшій никогда въ Австраліи, могъ справиться у своего товарища по парламенту — Чарльза Дилка, котораго отнюдь нельзя назвать протекціонистомъ. „Австралійскіе рудокопы и западные земледѣльцы Америки", говоритъ послѣдній въ извѣстномъ описаніи своего путешествія, „представляютъ міру великій образецъ самопожертвованія для народной цѣли: сотни и тысячи этихъ простыхъ необразованныхъ (rough) людей живутъ съ меньшимъ комфортомъ благодаря тарифу, нежели бы могли жить, только для того, чтобы масса ихъ соотечественниковъ могла жить лучше чѣмъ ихъ братья-труженики въ Старой Англіи" [1]). Во всякомъ случаѣ, конечно, одинъ этотъ частный случай не можетъ объяснить всей торговой политики англійскихъ колоній, какъ это хочетъ сдѣлать Фосеттъ.

Не менѣе спорны многіе доводы, съ помощью которыхъ авторъ старается успокоить англійское общественное мнѣніе силой своего авторитета. Фосеттъ совершенно правильно ставитъ вопросъ торговаго баланса Англіи: принадлежащіе Англіи заграницей капиталы и вообще задолженность ей другихъ странъ такъ велики, что перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ этой странѣ покрывается съ избыткомъ и самъ по себѣ не можетъ составлять серьезнаго предмета заботы. Напротивъ это обстоятельство даже указываетъ, насколько Англія состоитъ кредиторомъ всѣхъ другихъ странъ; но отсюда, во первыхъ, нельзя дѣлать общаго вывода, чтобы то-же заключеніе могло быть приложимо *къ какой-бы то ни было странѣ*; чтобы вездѣ такой перевѣсъ обозначалъ тотъ-же самый характеръ экономическихъ отношеній. Фосеттъ упрекаетъ другихъ фритредеровъ въ склонности слишкомъ поспѣшно дѣлать обобщенія, но въ данномъ случаѣ самъ дѣлаетъ ту-же ошибку. Случайный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ напр. въ Россіи или Соединенныхъ Штатахъ отнюдь, разумѣется, не означаетъ, чтобы эти страны въ данный годъ разбогатѣли и держали въ долгу иностранцевъ. Кромѣ того, главную причину общественной тревоги составляетъ вовсе не торговый балансъ, — хотя и онъ не остался безъ вліянія на перемѣщеніе металла и возвышеніе дисконтнаго процента, если вѣрить „Экономисту" (The Economist, 1877, № отъ 24 ноября), — а тяжелое для массы народа вліяніе, которое оказываетъ уменьшеніе вывоза. Давно уже въ Англіи существуетъ означенный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ, и одно это обстоятельство отнюдь не внушало бы такихъ опасеній; но дѣло въ томъ, что до 1872 года вывозъ увеличивался *постепенно* вслѣдъ за ввозомъ, съ тѣхъ-же поръ ввозъ продолжаетъ быстро расти (354 мил. ф. с. въ 1872 г. и 375 мил. въ 1876 г.), а вывозъ соотвѣтственно падаетъ (256 мил. въ 1872 г. и только 200 м. въ 1876 г.). Такимъ образомъ, разница между ними весьма быстро увеличивается и, самое главное, англійская мануфак-

---

[1]) Greater Britain by *Charles Wentworth Dilke*. 1868. Vol. II, стр. 63.

тура, не находя вывоза, уменьшается и падаетъ, слѣдовательно всѣ промышленные классы должны переносить большія лишенія, годъ отъ году возростающія. Изъ этой обширной категоріи населенія наибольшая доля страданія падаетъ, разумѣется, на рабочій классъ: мануфактуристъ, при ограниченномъ спросѣ, уменьшаетъ производство или сумму своего профита, а въ крайнемъ только случаѣ закрываетъ предпріятіе и живетъ, затрачивая часть капитала въ ожиданіи лучшихъ временъ; рабочему-же, оставшемуся безъ труда, представляется одинъ исходъ — проживать маленькія сбереженія, если они есть, и затѣмъ, только спустивши все движимое имущество, обратиться къ приходу и идти въ рабочій домъ. Вотъ чѣмъ, по словамъ людей, близко знающихъ бытъ рабочихъ, и можно доказать несостоятельность аргумента Фосетта, что оффиціальная цифра пауперизма въ Англіи нетолько не увеличилась за время кризиса, но даже нѣсколько уменьшилась [1]). Впрочемъ, несостоятельность этого аргумента уничтожилъ самъ авторъ сознаніемъ, что за послѣдніе годы строгость администраціи для пособія бѣднымъ усилена; конечно, при такомъ условіи это официальное уменьшеніе говоритъ не за благополучіе бѣдныхъ классовъ, а только за исполнительность администраціей этихъ новыхъ правилъ. „Только самая ужасная крайность заставляетъ идти въ рабочій домъ людей, привыкшихъ къ независимости; но когда всѣ сбереженія былыхъ лѣтъ будутъ рабочими уничтожены, то, конечно, цифра оффиціальныхъ бѣдныхъ быстро пойдетъ въ гору".

Другіе доводы Фосетта, предназначенные разсѣять современный пессимизмъ, большею частію не менѣе слабы: удовлетворительные сборы и движеніе на желѣзныхъ дорогахъ отнюдь не доказываютъ еще небольшіе размѣры кризиса: если вывозъ мануфактурныхъ произведеній Англіи упалъ, то привозъ иностраннаго громаднаго сырья не переставалъ возрастать и слѣдовательно могъ съ избыткомъ доставлять работу желѣзнымъ дорогамъ; кромѣ того, по наблюденію только-что цитованнаго Бриттэна, въ дурные годы замѣчено много пассажировъ, такъ какъ народъ ищетъ работы и чаще передвигается. Прочіе доводы, которыми авторъ старается смягчить общее недовольство современнымъ положеніемъ, одинаково мало доказательны. Возрастаніе потребленія чая и нѣкоторое увеличеніе вкладовъ сберегательныхъ кассъ вполнѣ объяснимы и возможны во времена самаго жестокаго кризиса: чай составляетъ общераспространенный и самый дешевый капиталъ въ Англіи, почему его потребленіе и должно было усилиться въ настоящее время на счетъ другихъ болѣе дорогихъ питей (привозъ рома напр. значительно уменьшился); вклады же сберегательныхъ кассъ могли, при общемъ застоѣ, возрасти вслѣдствіе освобожденія мелкихъ капиталовъ, прежде вложенныхъ въ различную мелочную торговлю, которая постоянно падаетъ при обѣдненіи рабочихъ классовъ ея главныхъ покупателей: это замѣчается напр. въ періоды стачекъ. Послѣдній пріемъ Фосетта для той же цѣли заключается въ сравненіи между отечественнымъ кризисомъ и такимъ же Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ

---

[1]) British Trade and Foreign Competition by *Frederisk Brittain*. London, 1878, стр. 8.

съ покровительственными тарифами. Онъ старается доказать, что кризисъ въ этихъ государствахъ еще сильнѣе и бѣдственнѣе, приписывая это вліянію тарифа. Такой аргументъ, однако, не опровергаетъ главное положеніе противниковъ Фосетта, которые часть настоящаго бѣдствія относятъ къ односторонней политикѣ свободной торговли: аргументъ доказываетъ только, что промышленно-торговые кризисы возможны при всякомъ родѣ внутренней политики. При этомъ Фосеттъ упускаетъ изъ виду существенное отличіе всѣхъ этихъ странъ отъ Великобританіи: въ первыхъ — мануфактура и вывозная торговля имѣютъ второстепенное значеніе въ общей народной экономіи, во второй же — главное и первостепенное; а слѣдовательно одинаковый и даже меньшій кризисъ долженъ чувствоваться въ Англіи сильнѣе. Единственное вполнѣ безспорное положеніе, высказанное Фосеттомъ въ пользу доказываемаго, заключается по моему мнѣнію въ томъ, что покровительственный тарифъ возвышаетъ цѣны продуктовъ, этимъ самымъ увеличиваетъ тяжесть кризиса для массы народа, если конечно существуютъ привозныя и покровительствуемыя произведенія первой потребности. Это соображеніе даетъ важный доводъ въ пользу свободной торговли. Впрочемъ на практикѣ любая экономическая тенденція подъ вліяніемъ разнородныхъ, часто случайныхъ условій, такъ измѣняетъ свой ходъ, что нерѣдко трудно опредѣлить, что именно въ данномъ случаѣ выгоднѣе или полезнѣе. Главный спорный пунктъ и преимущество свободной торговли напр. состоитъ въ томъ, что при ней не платится, какъ это существуетъ при покровительственной системѣ, излишняя цѣна за продукты вслѣдствіе тарифа, создающаго до извѣстной степени монополію внутренняго производства; но вотъ оригинальный случай практики изъ послѣдней русско-турецкой войны, который передавалъ Лёнисъ (Loehnis) и притомъ безъ всякой предвзятой цѣли, желая только показать, что невозможно иногда даже и предвидѣть тѣхъ обширныхъ скрытыхъ и взаимныхъ вліяній, которыя могутъ измѣнить самое дѣйствіе данной экономической тенденціи. Извѣстно, что прекрасное вооруженіе турецкой пѣхоты (преимущественно американскаго издѣлія) увеличило боевую силу турокъ и косвенно задержало можетъ быть въ началѣ быстрые успѣхи русскаго войска. Черезъ это, по словамъ Лёниса, восточные штаты Союза, фабрики которыхъ, обязанныя своимъ существованіемъ высокому тарифу, поставляли оружіе туркамъ (прошлый годъ слишкомъ на 5 мил. дол.), оказали огромную услугу западнымъ штатамъ, такъ какъ затянувшаяся война и блокада Чернаго моря сократили подвозъ въ Англію русскаго хлѣба и доставили американцамъ вѣрный сбытъ и высокія цѣны хлѣба. Излишекъ народнаго дохода вслѣдствіе этого, по его разсчету, былъ такъ великъ, что навѣрное Соединенные Штаты съ избыткомъ покрыли за цѣлый рядъ прошлыхъ лѣтъ ту разницу въ цѣнѣ продуктовъ, которую переплачивали благодаря тарифу [1]). Этотъ примѣръ показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ самому вѣрному теоретическому положенію въ примѣненіи его къ практикѣ, а въ этомъ именно отношеніи Фосеттъ нерѣдко и грѣшитъ.

---

[1]) Der Marasmus in Handel u. Industrie 1877, von *H. Loehnis*. London, 1878, стр. 211 и 212.

Можно было бы указать еще на многіе, чисто фактическіе недосмотры и даже прямо ошибки въ новой книгѣ Фосетта: такъ напр. его предположенія о причинахъ упадка американскаго флота опровергаются рѣшительно всѣми извѣстными по этому предмету данными. Авторъ забылъ о вліяніи междуусобной войны 1863 года, когда множество судовъ, принадлежащихъ сѣверянамъ, спасаясь отъ Алабамы и другихъ крейсеровъ, подняли англійскій и канадскій флаги: ему достаточно было бы для этого справиться о значительной цифрѣ прироста въ этомъ году англійскаго флота заграничнаго плаванія въ столь часто имъ цитируемомъ „Ежегодникѣ Фредерика Мартина", неговоря о болѣе спеціальныхъ трудахъ [1]. Не меньшія поправки можно было-бы сдѣлать въ сообщаемыхъ Фосеттомъ свѣдѣніяхъ объ англо-американской эмиграціи (такъ какъ ради желаемаго вывода онъ ограничивается однимъ 1877 годомъ вмѣсто четырехлѣтняго періода кризиса), въ его разсужденіяхъ о причинахъ и размѣрахъ французской преміи на вывозной сахаръ и т. д., не считая противорѣчій въ его IV-ой главѣ, которой мы совсѣмъ не касались. Но ограничимся указанными недостатками разбираемаго сочиненія и постараемся вкратцѣ опредѣлить то мѣсто, которое оно должно занимать въ необъятной литературѣ вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ.

Если сравнить книгу Фосетта съ другими англійскими трудами по тому же вопросу за послѣдніе тридцать лѣтъ, то несмотря на всѣ показанные недостатки нельзя ей все таки не отдать первенство: она заключаетъ въ себѣ довольно многія достоинства. Фосеттъ является уже гораздо искреннѣе и безпристрастнѣе прочихъ англійскихъ фритредеровъ. Внѣшняя, казовая сторона англійскаго богатства — огромная сравнительно цифра ея возрастающаго торговаго оборота—далеко уже не увлекаетъ его какъ другихъ фритредеровъ: онъ считаетъ ее неловкимъ аргументомъ, котораго слѣдуетъ избѣгать (стр. 13), онъ находитъ даже, что „въ Англіи слишкомъ склонны преувеличивать результаты свободной торговли" (стр 11). Мало того, онъ оспариваетъ исключительное значеніе политики свободной торговли въ развитіи колоссальнаго богатства страны: онъ указываетъ на желѣзныя дороги и фискальную реформу какъ на два другихъ важныхъ фактора въ этомъ отношеніи; между тѣмъ довольно извѣстный фритредеръ Джонъ Нобль всего восемь лѣтъ назадъ чуть не совершенно, напримѣръ, отрицалъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ на созданіе англійскаго богатства, приписывая его цѣликомъ успѣхамъ свободной торговли. Кромѣ того существуетъ еще одна сторона, относительно которой Фосеттъ опять является нѣсколько выше большинства англійскихъ писателей по вопросу свободной торговли. У всѣхъ экономистовъ этой школы, какъ вѣрно замѣтилъ Рошеръ, есть одна общая черта, составляющая немаловажный недостатокъ для правильнаго рѣшенія большинства научныхъ вопросовъ: они слишкомъ абстрактны, т. е. абстрактныя положенія науки при обсужденіи практическихъ вопросовъ нерѣдко прилагаютъ цѣликомъ къ жизни, забывая какъ бы о тѣхъ разнообразныхъ и сложныхъ условіяхъ, которыя

---

[1]) The Statesman's Jearbook for the Jear 1878 by *Fr. Martin*, стр. 262. См. также *John Glover*, Tonnage Statistics of the Decade 1860—1870 въ Journal of the Statistical Society of London 1873, XXXV.

могутъ во многомъ измѣнить приложеніе закона къ практикѣ. Они упускаютъ также изъ виду, что экономическая политика имѣетъ дѣло съ живыми людьми, интересами которыхъ нельзя жертвовать ради какого угодно абстрактнаго положенія науки. Хотя Фосеттъ и самъ нерѣдко дѣлаетъ тотъ же промахъ, но тѣмъ не менѣе въ двухъ уже упомянутыхъ случаяхъ (вопросъ объ Индіи и трудность перехода отъ протективной системы къ свободной торговлѣ) дѣлаетъ отступленіе и допускаетъ для экономической политики и другія соображенія кромѣ чисто экономическихъ (большаго производства), хотя черезъ это впадаетъ во внутреннія противорѣчія.

Но при рѣшеніи всякаго экономическаго вопроса въ настоящее время еще болѣе чѣмъ разработка подробностей и частныхъ сторонъ имѣетъ значеніе общая историческая постановка вопроса: отъ правильности ея зависитъ какъ научная, такъ и практическая пригодность и примѣнимость къ жизни посредствомъ законодательства самихъ выводовъ изслѣдованія. Я уже указывалъ на несогласіе нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ Фосетта съ данными англійской исторіи; то-же нужно сказать и объ общей постановкѣ вопроса: онъ не даетъ ничего новаго, что-бы вело къ уясненію существующихъ экономическихъ отношеній въ вопросѣ о свободной торговлѣ. Со времени Адама Смита, весь экономическій строй Англіи подвергся огромной перемѣнѣ: изъ страны вывозившей хлѣбъ Англія обратилась въ ввозящую его слишкомъ на пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ съ ничтожнымъ сравнительно земледѣльческимъ населеніемъ, годъ отъ году уменьшающимся; изъ страны съ обширной кустарной промышленностью, съ множествомъ мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, съ значительными еще кусками общинной земли она превратилась въ громадную фабрику съ необезпеченнымъ рабочимъ населеніемъ, участь котораго часто всецѣло опредѣляется иностранной войной или иностраннымъ тарифомъ, съ огромными земельными имуществами, нерѣдко запускаемыми или превращаемыми въ парки ради охоты (какъ въ извѣстномъ примѣрѣ герцогини Сотсерлэндъ) и только съ частію ихъ обработываемой интенсивно на фабричный манеръ. При Смитѣ женскій и дѣтскій фабричный трудъ былъ совершенно уничтоженъ, нынѣ-же составляетъ чуть-ли не половину всего производства, уменьшая заработную плату и заставляя эмигрировать взрослое мужское населеніе страны. Въ великой экономической и политической борьбѣ интересовъ въ прошломъ вѣкѣ дѣйствовали на сценѣ два фактора — landlords и industrial classes. Къ послѣднему принадлежали средній и рабочій классы, слитые вмѣстѣ нераздѣльными интересами. Но уже въ сороковыхъ годахъ настоящаго вѣка, какъ извѣстно, кромѣ теоретической (установленной Рикардо), между ними обнаружилась значительная политическая рознь: представители промышленно-торговаго капитала требуютъ свободы отъ государственнаго вмѣшательства, напротивъ представители труда — усиленія его во многихъ отношеніяхъ. Отсюда, подъ этимъ двоякимъ давленіемъ различныхъ интересовъ, и двоякое теченіе англійскаго законодательства: въ торговлѣ въ широкомъ смыслѣ (trade) — освобожденіе, въ трудѣ — стѣсненія (фабрично-полицейскія регуляціи), причемъ рабочіе находятъ иногда союзниковъ своимъ стремленіямъ въ консервативной земельной аристократіи. При этомъ, очевидно, законодательство представляетъ полнѣе

интересъ того класса, который сдѣлался сильнѣе въ политическомъ отношеніи.

Измѣнившіяся историческія условія предполагаютъ, разумѣется, и *необходимость новой постановки экономическихъ изслѣдованій*, коль-скоро они касаются Англіи, но этого-то именно мы и не видимъ ни у Фосетта, ни у его многочисленныхъ предшественниковъ Отсюда проистекаетъ и спорный характеръ вопроса о свободной торговлѣ: старая постановка, при существованіи новыхъ интересовъ и условій, даетъ разнообразныя, другъ другу противорѣчащія рѣшенія. Industrial classes по прежнему для Фосетта представляютъ нѣчто цѣлое, и онъ даже не думаетъ задаться вопросомъ, насколько напримѣръ удовлетворены интересы спеціально англійскихъ рабочихъ классовъ великой реформой свободной торговли. Эти интересы для него тождественны съ современнымъ господствомъ англійской промышленности и торговли, хотя многое, можетъ быть, и говоритъ противъ такого обобщенія.

Позволю себѣ заключить настоящую, слишкомъ разросшуюся рецензію словами одного мало извѣстнаго, а нынѣ и совсѣмъ забытаго, хотя весьма недюжиннаго изслѣдователя-экономиста. «Нельзя не замѣтить», говорилъ онъ еще двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, что наша политическая экономія въ послѣднее время получила новый элементъ — собственность труда и искусства — рабочій интересъ. Протекція или свободная торговля должны разсматриваться, а законодательство дѣйствовать на иныхъ принципахъ и точкахъ, нежели тѣ, которыя устанавливались единственно поземельными и мануфактурными интересами. Вся наша система политической экономіи и самые запутанные вопросы покровительственной системы и свободной торговли стоятъ открытыми вслѣдствіе присутствія новаго элемента — рабочаго интереса, который протекціонисты, какъ и фритредеры, землевладѣльцы, какъ и капиталисты, просмотрѣли въ своей политикѣ. Рабочій интересъ держитъ балансъ между ними обоими. Онъ имѣетъ не только физическую силу численности, но и моральную — тѣхъ-же самыхъ принциповъ, по которымъ признаются всѣ другіе роды собственности, и это все даетъ ему право, какъ самой заинтересованной и важной общественной партіи, на участіе во всѣхъ спорахъ и законодательныхъ мѣрахъ, касающихся покровительственной системы и свободной торговли» [1]).

Иванъ Янжулъ,

профессоръ московскаго университета.

---

[1]) *Samuel Laing*: Observations on the Social and Political State of Denmark in 1851. London, 1852, стр. 313.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА 1878 ГОДЪ.

Вступленіе. Общій взглядъ на событія 1878 г. — Кодефикаціонныя работы. — Центральныя учрежденія. — Военная организація и войско. — Финансы; общее финансовое положеніе по окончаніи войны и расходы на нее; финансовое законодательство и текущія распоряженія.—Государственное хозяйство.—Полиція. — Судебная часть. — Уголовное право. — Народное образованіе. — Художественная часть. — Мѣстное управленіе.

Минувшій годъ останется безъ сомнѣнія навсегда памятнымъ въ русской исторіи, какъ одинъ изъ томительнѣйшихъ годовъ, какіе приходилось когда либо переживать русскому народу. И въ международной, и во внутренней его жизни соединилось разомъ въ 1878 г. множество разнородныхъ обстоятельствъ, которыя наложили на этотъ годъ колоритъ болѣе мрачный, чѣмъ даже кровопролитія и жертвоприношенія военныхъ событій 1877 г. Правда, въ 1878 г. героическими подвигами русскихъ войскъ были окончательно сломлены на обоихъ театрахъ войны силы Отоманской имперіи, сдѣлались окончательно несомнѣнны наши побѣды, прибавилась къ славѣ великихъ государственныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія еще новая неувядаемая слава оружія, и былъ заключенъ международный миръ, столь желанный для продолженія нашихъ успѣховъ на почвѣ внутренней гражданской жизни. Но послѣ пріостановленія военныхъ дѣйствій и заключенія Санъ-Стефанскаго договора (19 февраля 1878 г.) съ турками, вся первая половина года была наполнена мучительными ожиданіями окончательнаго мира, о которомъ пришлось, несмотря на ратификацію Санъ-Стефанскаго договора, переговаривать еще въ Берлинѣ, подъ давленіемъ на насъ почти всей Европы, соединившейся къ разрушенію нашего дѣла въ Турціи. Этимъ давленіемъ, парализовавшимъ уже прежде весь ходъ нашихъ военныхъ операцій, объясняется необычайный въ лѣтописяхъ международнаго права «прелиминарный» (предварительный) характеръ *ратификованнаго* съ обѣихъ сторонъ Санъ-Стефанскаго договора. Всѣ эти факты не могли не волновать патріотическихъ чувствъ нашего общества. Берлинскій трактатъ (1 іюля 1878 г.) хотя и устранилъ къ счастію и Европы, и Россіи, бѣдствія новой войны,

но какъ неизбѣжный компромиссъ съ многочисленными врагами Россіи и освобождаемыхъ ею христіанскихъ народонаселеній Турціи, этотъ трактатъ не могъ удовлетворить всего того общественнаго воодушевленія, которое сопровождало у насъ въ 1876 и 1877 гг. событія на Балканскомъ полуостровѣ и всѣхъ тѣхъ великихъ, и можетъ быть отчасти преувеличенныхъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кружкахъ, ожиданій, которыя связывались сперва съ сербскою и потомъ съ нашею войною. Затѣмъ замѣшательства по приведенію въ исполненіе берлинскаго трактата, по заключенію третьяго *самаго окончательнаго* мира (27 января 1878) съ Турками и по устройству Болгаріи,—всѣ эти замѣшательства, почти не прекратившіяся даже и до сихъ поръ, наполняютъ вторую половину 1878 г. Страннымъ сцѣпленіемъ политическихъ обстоятельствъ, Россія, послѣ своихъ побѣдъ, была поставлена, по отношенію къ берлинскому трактату, въ совершенно исключительное, политическое положеніе: на ней, и на ней одной, осталась тяжкая отвѣтственность передъ всей Европой за точное исполненіе этого международнаго акта, между тѣмъ какъ самою-же Россіей была признаваема несостоятельность его постановленій для прочнаго государственнаго устройства Балканскаго полуострова и этотъ международный актъ составленъ другими державами въ духѣ вражды и недовѣрія къ Россіи. Такое политическое положеніе въ международной жизни, преисполненное всякихъ противурѣчій, едва ли когда нибудь встрѣчалось. Отсюда цѣлый рядъ международныхъ недоразумѣній, которыя, несмотря на троекратный миръ, не позволили Россіи, послѣ непрерывныхъ трехлѣтнихъ тревогъ за своими предѣлами, войти въ совершенно нормальную мирную колею и предаться всецѣло трудамъ своего внутренняго гражданскаго преуспѣянія.

Между тѣмъ эти-то труды оказались въ 1878 г. болѣе, чѣмъ когда либо нужными. Ненормальное международное положеніе было тѣмъ болѣе тяжко, что къ нему присоединилось не мало печальныхъ явленій во внутренней нашей жизни, которыя служатъ признаками, если и не глубокаго, и не кореннаго недуга въ народномъ организмѣ, то немаловажныхъ нравственныхъ болѣзней, заразившихъ нѣкоторые общественные слои и требующихъ серьезныхъ мѣръ для своего излѣченія. Здѣсь не мѣсто описывать всѣ эти болѣзненныя явленія, возбудившія крайнее негодованіе всего мыслящаго и честнаго русскаго общества въ 1878 г.,—расхищенія денежныхъ кассъ, корыстную промышленную эксплоатацію публичныхъ должностей, обязанностей и общественныхъ положеній,

наконецъ злодѣйскія политическія насилія и покушенія противъ законнаго государственнаго порядка и его оффиціальныхъ представителей. Но здѣсь нельзя было не упомянуть обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, отчасти застарѣлыхъ, отчасти новыхъ въ русской жизни, такъ какъ всѣ они вопіютъ для своего исцѣленія, для возстановленія законности и правомѣстности въ государствѣ, поруганныхъ всѣми этими преступленіями, насиліями и покушеніями, вопіютъ къ энергическимъ мѣрамъ помощи, къ новой усиленной государственной и общественной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что эта помощь и явится, какъ только настоящія, внутреннія болѣзнетворныя причины всѣхъ этихъ наружныхъ симптомовъ неправильныхъ отправленій общественной жизни будутъ ближе изслѣдованы и болѣе ясны для общественнаго сознанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и будутъ ясны дѣйствительныя, не однѣ только паллiативныя, средства къ ихъ устраненію. Даже и самыя поверхностныя раны на общественномъ организмѣ, также точно какъ и на физическомъ, не могутъ, безъ существеннаго вреда для его здоровья, оставаться долго открытыми, пренебреженными и подверженными всякимъ внѣшнимъ раздраженіямъ.

Нельзя не надѣяться, что теперь, съ водвореніемъ окончательнаго внѣшняго мира, возродится у насъ та усиленная государственная и общественная дѣятельность къ искорененію всѣхъ плевелъ, засорившихъ нашу землю, о которой мы упомянули выше. Какъ уже было говорено нами при началѣ замѣшательствъ, приведшихъ къ войнѣ [1], передъ нею замѣчались «роздыхъ», замедленіе въ нашихъ законодательныхъ и административныхъ работахъ, почти застой въ общественной и промышленной жизни послѣ чрезвычайно оживленнаго періода реформъ 60-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражали надежду, что и эта новая международная буря будетъ имѣть тѣ же послѣдствія, какъ и многія другія въ нашей отечественной исторіи: «годины внѣшнихъ политическихъ затрудненій и горькихъ испытаній всегда насаждали обильные плоды на русской землѣ». Здѣсь мѣсто припомнить незабвенныя слова, сказанныя Государемъ Императоромъ 20 ноября въ московскомъ кремлѣ передъ представителями мѣстныхъ сословій, по поводу окончанія войны и «грустныхъ (внутреннихъ) событій» прошедшаго года: «...Да даруетъ Намъ Богъ утѣшеніе видѣть дорогое Наше отече-

---

[1]) См. «Обозрѣніе» стр. 35, въ III т. Сб. Гос. Зн.

ство постепенно развивающимся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое вамъ, какъ и Мнѣ».

Новая эпоха продолженія мирнаго, законнаго и постепеннаго развитія государственнаго строя [1]), *продолженія и упроченія* всѣхъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, не можетъ не настать съ минованіемъ внѣшнихъ тревогъ и съ окончаніемъ взятаго Россіей на свою отвѣтственность государственнаго устроенія Болгаріи. Всѣ политическіе и военные опыты, вынесенные нами изъ военно-дипломатической драмы, разыгрывавшейся, въ минувшіе три года, на Балканскомъ полуостровѣ и во всей Европѣ на нашъ счетъ, не могутъ не доставить намъ плодотворныхъ назиданій какъ для внутренней, такъ и для международной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и тяжки были минуты унынія и разочарованій, пережитыя неоднократно въ этой драмѣ, но мы не можемъ не вынести изъ нея духа новой бодрости и силы для нашей государственной и общественной жизни.

Когда водворится пора спокойнаго размышленія надъ результатами войны и трезвой оцѣнки бывшихъ у насъ наличныхъ средствъ для осуществленія нѣкоторыхъ преувеличенныхъ ожиданій, связывавшихся съ войною, тогда здравое общественное мнѣніе не можетъ не удовлетвориться всѣмъ тѣмъ, что уже окончательно и безповоротно достигнуто нами этою войною. Укажемъ только на самые крупные историческіе результаты: на Балканскомъ полуостровѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ европейскомъ государственномъ мірѣ заложены основанія новой славянской государственной единицы, — болгарской, — о государственной самостоятельности которой совсѣмъ позабыла новѣйшая исторія; окончательно признана и навсегда оторвана отъ Отоманской имперіи политическая самостоятельность трехъ другихъ христіанскихъ и двухъ чистославянскихъ государствъ, — Румыніи, Сербіи и Черногоріи, съ улучшеніемъ и усиленіемъ ихъ территорій; сверхъ того, въ интересахъ не только чисто русскихъ, но также и въ интересахъ болѣе могущественной нашей охраны христіанскихъ народонаселеній европейской и азіятской Турціи, расширены и стратегически усилены наши

---

[1]) Въ виду этихъ мыслей, въ нынѣ наступающую эпоху, будутъ весьма полезны общіе взгляды на историческое развитіе русскаго государства и права, изложенные въ статьѣ *В. И. Сергѣевича*, помѣщенной въ настоящемъ томѣ Сб. Г. Зн.

границы съ нею и въ Европѣ и въ Азіи; наконецъ возвращеніемъ бессарабской полосы земли, отнятой у насъ парижскимъ трактатомъ 1856 г., уничтожена послѣдняя черная тѣнь этого международнаго акта, послѣднее горькое воспоминаніе унаслѣдованное нынѣшнимъ царствованіемъ, и отомщена мученическая кровь севастопольскихъ героевъ...

Предносившаяся многимъ благороднымъ и возвышеннымъ думамъ въ нашемъ отечествѣ многовѣковая историческая задача разрушенія азіятскаго царства въ Европѣ и полнаго государственнаго возрожденія всего славянскаго міра не могла быть и на этотъ разъ разрѣшена силами одной Россіи. Но для этого разрѣшенія и въ особенности для могущественнаго нравственнаго и умственнаго воздѣйствія русскаго народа на славянскій міръ раскрылись новые, широкіе пути. Это могущественное воздѣйствіе, при вновь закрѣпленныхъ связяхъ нашихъ съ племенами Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, не замедлится, какъ только усилятся съ наступающею мирною эпохою успѣхи нашего собственнаго гражданскаго устроенія и просвѣщенія. Для продолженія этихъ успѣховъ, какъ мы сказали, мы можемъ найти новый воодушевляющій завѣтъ въ событіяхъ послѣдней войны, какъ въ доказанныхъ ею плодахъ государственныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія, заявившихъ себя на усовершенствованной военной организаціи, на освобожденномъ отъ рабства солдатѣ, на образованныхъ наукою генералахъ, такъ и съ другой стороны, найти тотъ-же завѣтъ къ продолженію или лучше къ упроченію преобразованій во всѣхъ несовершенствахъ, недостаткахъ и пробѣлахъ гражданскаго и военнаго дѣла, выказавшихся во время войны [1].

Само собою разумѣется, что всѣ вышеупомянутыя обстоятельства 1878 г. не могли не лечь тяжкимъ гнетомъ на движеніи законодательства и государственнаго управленія, къ обозрѣнію ко-

[1] Для изслѣдованія одного круга явленій въ нашей хозяйственной жизни, обратившаго на себя особенное вниманіе во время послѣдней войны и вынудившаго къ учрежденію особой высшей правительственной коммиссіи, — неустройствъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, — будетъ весьма полезенъ обширный трудъ *А. И. Головачова*, помѣщаемый въ нашемъ изданіи. Относительно свѣдѣній, необходимыхъ для развитія нашей военной организаціи и почерпнутыхъ изъ опыта послѣдней войны, высказано нѣсколько мыслей въ статьѣ *Я. А. Гребенщикова* въ настоящемъ томѣ С. Г. З.

тораго за этотъ годъ мы теперь и приступимъ. Всѣ новыя законодательныя распоряженія, какъ это будетъ видно изъ прениследующаго ихъ перечня, были вынуждены только крайнею необходимостью и имѣютъ временной характеръ или прямо заявленный въ буквѣ изданныхъ постановленій, или въ нихъ предположенный, по мысли законодателя [1].

Во главѣ всего нашего обозрѣнія слѣдовало бы поставить «*кодефикаціонныя работы*, совершавшіяся во II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи» и результатомъ которыхъ, согласно официальному извѣстію (см. Правит. Вѣстн. 19 февраля 1878 г.) были новыя изданія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей Свода Законовъ и продолженіе къ прочимъ частямъ (по изд. 1857 г.) по 1 января 1876 г. Нельзя отрицать практической пользы этихъ изданій, которыя нѣсколько облегчили справки въ дѣйствующемъ законодательствѣ, сдѣлавшіяся до того затруднительными въ послѣдніе годы, что дѣловыя и даже официальныя лица стали прибѣгать для нихъ преимущественно къ частнымъ изданіямъ и сборникамъ законовъ, а не къ Своду Законовъ. Однако кодефикаціонными работами въ настоящемъ смыслѣ слова нельзя назвать упомянутыя новыя изданія II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Даже и самъ Сводъ Законовъ, созданный Сперанскимъ, не былъ, по убѣжденію, имъ самимъ высказанному, кодефикаціей дѣйствующаго законодательства, а только подготовительною для нея работою. Къ сожалѣнію эта работа не только не была продолжаема, за исключеніемъ одной весьма впрочемъ неуспѣшной попытки кодефикаціи въ Уложенія о наказаніяхъ, но и система, положенная въ основаніе Свода,—система если и не строго научная, то послѣдовательная и весьма удобная въ практической отношеніи, съ теченіемъ времени, совершенно разстроилась. Обширные и систематическіе законодательные труды, сопровождавшіе великія государственныя реформы нынѣшняго царствованія, являлись въ видѣ отдѣльныхъ приложеній къ статьямъ Свода; онъ мало по малу превращался въ хронологическое собраніе законовъ. Доказательствомъ отсутствія всякой вну-

[1] Въ нижеслѣдующемъ Обозрѣніи законодательныхъ распоряженій, опубликованныхъ, въ теченіи 1878 г., въ Правительственномъ Вѣстникѣ, сохраненъ тотъ же порядокъ хронологическій и по разнымъ рубрикамъ государственныхъ частей, какой былъ принятъ во всѣхъ предыдущихъ томахъ нашего изданія.

тренней системы въ нынѣшнемъ Сводѣ служитъ разнесеніе по разнымъ его томамъ такаго цѣльнаго и систематическаго законоположенія, какъ Судебные Уставы 1864 г.; въ этомъ направленіи Сводъ Законовъ не только не можетъ служить подготовительною почвою для кодификаціи, а напротивъ того раздробляетъ и разстроиваетъ систему даже тѣхъ законодательныхъ работъ, которыя получили характеръ довольно стройной кодификаціи. Вопросъ о кодификаціи или вообще о той или другой системѣ въ формахъ нашего законодательства сдѣлался нынѣ однимъ изъ настоятельнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ; обстоятельному разсмотрѣнію этого предмета будетъ посвященъ особый трудъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ юристовъ, въ ближайшемъ томѣ нашего Сборника.

По устройству центральныхъ учрежденій государственнаго управленія послѣдовало продолженіе дѣйствія временнаго Положенія и Наказа по управленію морскимъ вѣдомствомъ 26 мая 1869 г. впредь до того времени, «когда признано будетъ возможнымъ дать вновь выработаннымъ проектамъ (положенія и штатовъ морскаго вѣдомства) дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ». (Выс. Пов. 30 января 1878 г.). Разсмотрѣніе этихъ проектовъ, требовавшихъ новыхъ расходовъ, было отложено вслѣдствіе войны съ Турціей.

Къ организаціи военныхъ силъ относятся слѣдующія законодательныя постановленія, въ числѣ которыхъ мы не упоминаемъ о распоряженіяхъ, имѣвшихъ временной характеръ, по случаю войны. Правила 25 іюня 1877 г. о призрѣніи семействъ чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія распространены на семейства нижнихъ чиновъ, выступившихъ въ походъ, когда семейства эти проживаютъ въ мѣстѣ служенія нижнихъ чиновъ или получаютъ отъ нихъ средства къ жизни (Выс. утв. 12 ноября 1877 г. М. Г. С.). Для мѣстнаго управленія военными силами и учрежденіями Ферганской области учреждены должность командующаго войсками и военнаго губернатора этой области, и управленія комендантскія и воинскихъ начальниковъ въ ея городахъ (Выс. утв. 4 февр. 1878 г. П. В. С.). — Въ измѣненіе 214 ст. устава о воинской повинности постановлено, что лица, подлежащія, по вынутому нумеру жеребья, поступленію въ постоянныя войска, въ случаѣ неявки къ освидѣтельствованію, безъ уважительныхъ причинъ, подвергаются: признанныя способными къ службѣ — дисциплинарному взысканію, а признанныя неспособными — къ

аресту не свыше трехъ недѣль (Выс. утв. 31 янв. 1878 г. М. Г. С.). Впредь до изданія новаго закона о мѣрахъ обезпеченія семействъ военныхъ чиновъ, убитыхъ или безъ вѣсти пропавшихъ на войнѣ или-же умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ, установлены временныя правила относительно такихъ семействъ, пострадавшихъ въ послѣднюю войну (Имен. Выс. указъ 26 февр. 1878 г.). Усилены оклады жалованья нижнихъ чиновъ гвардіи (Выс. утв. 8 апрѣля 1878 г. Пол. Воен. С.). Назначены квартирные оклады для корпусныхъ интендантскихъ управленій и для управленій начальниковъ интендантскихъ транспортовъ (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). —Нижнимъ чинамъ флота предоставлены за сверхсрочную службу нѣкоторыя преимущества, между прочимъ права на пенсіи, единовременныя пособія и на занятіе въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ должностей, замѣщаемыхъ по найму (Выс. утв. 4 апр. 1878 г. М. Г. С.). — Изданы штаты дружины и конной сотни государственнаго ополченія и управленія начальника губернскаго ополченія (Выс. пов. 4 апр. 1878 г.).—Вслѣдствіе противузаконныхъ дѣйствій евреевъ къ уклоненію отъ воинской повинности, постановлено, чтобы, въ случаѣ недостатка лицъ еврейскаго исповѣданія, годныхъ къ службѣ, были привлекаемы къ ней лица, пользующіяся между ними льготою перваго разряда по семейному положенію (Выс. утв. 9 мая М. Г. С.).— Издано Выс. утв. 30 мая 1878 г. Положеніе о добровольномъ морскомъ ополченіи, предназначенномъ къ усиленію дѣйствующаго военнаго флота на время военныхъ дѣйствій. — Издано Выс. утв. 6 мая 1878 г. Положеніе о дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ.—Издано Выс. утв. 15 августа 1878 г. Положеніе о резервныхъ пѣхотныхъ войскахъ.—Ближе опредѣлены обязанности военно-ученаго Комитета и разграниченъ кругъ его дѣятельности съ занятіями Комитета по устройству и образованію войскъ (Выс. утв. 5 августа 1878 г. Пол. В. С.).

Положеніе нашихъ *государственныхъ финансовъ* продолжало сосредоточивать на себѣ въ истекшемъ году вниманіе правительства и публики, хотя послѣ крайняго пессимизма, высказавшагося во время войны, насталъ періодъ болѣе спокойныхъ сужденій. Нѣкоторые органы печати и нѣкоторые общественные кружки начали даже заявлять такіе крайне оптимистическіе взгляды на наше финансовое положеніе, что оно, по ихъ мнѣнію, не только будто бы блистательно и не заставляетъ желать ничего лучшаго, но что

даже оно будто бы улучшилось вслѣдствіе войны. Такіе взгляды основываются на происшедшемъ будто бы подъ вліяніемъ войны и чрезвычайныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ оживленіи народнаго хозяйства, которое находилось въ застоѣ передъ войною и въ которомъ заключаются источники финансовыхъ силъ всякаго государства. Удачное и неожиданное вслѣдъ за войною водвореніе полнаго равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ на 1879 г. явилось какъ бы подтвержденіемъ этихъ розовыхъ воззрѣній на наше обще-экономическое и государственно-финансовое положеніе.

Вопросъ объ оживленіи нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и о предполагаемыхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ бумажно-денежныхъ выпусковъ подробно разобранъ въ статьѣ *И. И. Кауфмана*, помѣщенной въ нынѣшнемъ томѣ нашего изданія, и мы не будемъ возвращаться здѣсь къ этому вопросу. Къ сожалѣнію, въ области финансовъ, требующей отъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія наиболѣе спеціальныхъ свѣдѣній для пониманія происходящихъ въ этой области явленій, большинство публики, чуждое этимъ свѣдѣніямъ, наиболѣе склонно вращаться между необдуманнымъ пессимизмомъ и такимъ-же оптимизмомъ; и тотъ и другой обусловлены большею частію наружными, наиболѣе ощутительными для публики симптомами финансовыхъ явленій, неосмысленными никакимъ анализомъ ихъ внутреннихъ причинъ и послѣдствій. Такимъ напр. симптомомъ служатъ у насъ колебанія иностранныхъ вексельныхъ курсовъ, законы движенія которыхъ извѣстны весьма не многимъ и подвергаются самымъ страннымъ толкованіямъ. Сверхъ того, съ областію государственныхъ финансовъ соприкасается безчисленное множество одностороннихъ политическихъ, личныхъ и своекорыстныхъ интересовъ, выигрывающихъ отъ финансоваго оптимизма и пессимизма въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ. Такимъ образомъ напр. величайшее экономическое зло въ государствѣ, на счетъ котораго не можетъ быть двухъ мнѣній между знающими людьми, какихъ бы экономическихъ теорій и школъ они ни придерживались — шаткость узаконенной бумажной денежной единицы,—даже и это величайшее бѣдствіе можетъ быть эксплоатируемо какъ величайшее благо людьми спекулирующими на колебанія цѣны бумажныхъ денегъ, а классъ этихъ людей быстро возрастаетъ съ разстройствомъ бумажной денежной системы. Также точно крайнее обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, выразившееся въ паденіи иностраннаго вексельнаго курса (т. е., въ возвышеніи цѣны иностранныхъ металличе-

скихъ денегъ сравнительно съ нашими бумажными) и неминуемо приводящее къ вздорожанію иностранныхъ товаровъ, можетъ внезапно озолотить отечественныхъ производителей тѣхъ же товаровъ, и потому не можетъ быть ими оплакиваемо какъ зло, хотя оно и раззорительно для массы публики, — для потребителей этихъ товаровъ.

Уже въ «Обозрѣніи движенія законодательства за вторую половину 1877 г.» въ V т. Сборника Г. Зн. (стр. 11—23), излагая положеніе нашихъ финансовъ до войны и во время войны, мы предостерегали противъ всякихъ преувеличенныхъ, съ противуположныхъ сторонъ воздвигнутыхъ тогда представленій и о вождѣленномъ финансовомъ здравіи, позволяющемъ будто бы расчитывать на неистощимость нашихъ финансовыхъ ресурсовъ, при всякомъ напряженіи народныхъ силъ, и также представленій о критическомъ состояніи финансовъ, вынуждающимъ будто бы, по сказаніямъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, поступиться достоинствомъ Россіи, въ борьбѣ за правое историческое дѣло. Съ тѣхъ поръ враги наши должны были убѣдиться (и въ этомъ смыслѣ уже высказались многіе полновѣсные органы иностранной печати, въ томъ числѣ англійскіе), что война далеко не подорвала нашихъ производительныхъ силъ, какъ они того ожидали; но вмѣстѣ съ тѣмъ и фанатическіе, псевдопатріотическіе, ревнители воинственной политики во что бы то ни стало должны будутъ убѣдиться, при дальнѣйшемъ развитіи послѣдствій экстраординарныхъ операцій (выпусковъ кредитныхъ билетовъ), вынужденныхъ войною и въ случаѣ не принятія мѣръ противъ этихъ послѣдствій, что наши финансовыя силы не неистощимы и требуютъ весьма бережнаго съ ними обращенія.

Укажемъ на главные факты, выражающіе собою положенія нашихъ финансовыхъ дѣлъ, обнародованные въ 1878 году. Согласно отчету государственнаго контролера общій результатъ исполненія росписи 1877 г. заключается въ недочетѣ доходовъ (поступившихъ въ общемъ итогѣ 548.830,830 р. менѣе противъ бюджетныхъ ожиданій на 9.374,392 р.), противъ расходовъ (произведенныхъ въ общемъ итогѣ на 578.834.041 р., заключавшихъ въ себѣ сверхсмѣтныхъ кредитовъ 39.741,611 р., *безъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ*) на 30.003,210 р. Этотъ дефицитъ покрытъ сбереженіями отъ исполненія росписей предыдущихъ лѣтъ, отъ которыхъ еще оставался къ 1 января 1878 г. свободный остатокъ 1.855,571 р. Результатъ дѣйствительнаго исполненія росписи 1878 еще не из-

вѣстенъ, но по ней предвидѣлся дефицитъ (безъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ) въ 27.495,708 р. отнесенный на экстраординарные ресурсы изъ 5% внѣшняго займа 1877 г. Затѣмъ бюджетъ на 1879 г. составленъ въ полномъ равновѣсіи обыкновенныхъ доходовъ (595.471,724) и расходовъ (595.079,773),—съ нѣкоторымъ даже превышеніемъ доходовъ (на 381,951 р. и сверхъ того положено въ расходахъ на недоборъ въ доходахъ 2 мил.).

Дѣйствительное исполненіе росписи 1879 г. можетъ быть, при тѣхъ или другихъ непредвидимыхъ случайностяхъ, нѣсколько ниже ея ожиданій; тѣмъ не менѣе *возможность* такихъ ожиданій, такого состоятельнаго финансоваго положенія, вслѣдъ за чрезвычайнымъ напряженіемъ народныхъ и финансовыхъ силъ на войну, при значительно возросшемъ бремени займовъ, для нея заключенныхъ и посреди экономическихъ и политическихъ обстоятельствъ, еще далеко не установившихся и не вполнѣ нормальныхъ, составляетъ замѣчательный фактъ въ финансовой исторіи. Это общее нынѣшнее положеніе нашего государственнаго бюджета основано на прочныхъ вычисленіяхъ; оно можетъ быть нарушено въ сколько нибудь значительной и опасной для нашихъ финансовъ степени только чрезвычайными, независящими отъ человѣческаго предвидѣнія, событіями или же слишкомъ неосторожнымъ и небережливымъ дальнѣйшемъ пользованіемъ финансовыми силами государства.

Бюджетное равновѣсіе на 1879 г. достигнуто, съ одной стороны, посредствомъ ожидаемаго увеличенія доходовъ и съ другой стороны, посредствомъ недопущенія увеличенія расходовъ, сверхъ крайне необходимыхъ.

Увеличеніе доходовъ (въ общемъ итогѣ противъ росписи 1878 г. на 56 мил.) ожидается по нѣкоторымъ прежнимъ источникамъ (преимущественно: по питейнымъ сборамъ, до 19½ мил., по таможеннымъ до 20 мил., по табачному акцизу, телеграфному и почтовому доходамъ и проч.) и сверхъ того отъ установленныхъ вновь съ 1879 г. налоговъ, всего до 18 мил. (отъ акциза съ водочныхъ издѣлій до 3½ мил., отъ возвышенія размѣровъ гербовыхъ пошлинъ и введенія общей вексельной бумаги въ Царствѣ Польскомъ, до 3 мил., отъ возвышенія пошлинъ съ страхованія имуществъ отъ огня, до 2¼ мил., отъ сбора съ пассажировъ и грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ до 6½ мил. [1])

[1] Предполагавшійся также сборъ съ пассажировъ на пароходахъ былъ отмѣненъ въ мартѣ 1879 г., вслѣдствіе астраханской эпидеміи. Онъ долженъ

и отъ таможеннаго налога на иностранный хлопокъ сырецъ (до 2 мил.). Увеличеніе расходовъ (въ общемъ итогѣ противъ 1878 г. на 29 мил.) главнѣйше обусловлено платежами по новымъ займамъ, на 18 мил., разными заграничными и металлическими платежами (между прочимъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ), возвысившимися отъ паденія цѣны кредитныхъ билетовъ (или иностраннаго вексельнаго курса) и нѣкоторыми новыми издержками (по морскому министерству, по усиленію городской и уѣздной полиціи, по распространенію судебной реформы и проч.).

Установленіе бюджетнаго равновѣсія, которымъ Россія рѣдко пользовалась даже и въ нормальные періоды своей государственной жизни, не только возвышаетъ нашъ государственный кредитъ, но и полагаетъ прочную основу для всѣхъ дальнѣйшихъ *органическихъ* финансовыхъ реформъ, необходимыхъ для усовершенствованія нашей финансовой системы, такъ много отставшей отъ коренныхъ преобразованій по многимъ другимъ частямъ государственнаго устройства и управленія. Для возможности этихъ реформъ бюджетное равновѣсіе 1879 г. должно служить важнымъ условіемъ, такъ какъ оно устраняетъ опасеніе водворенія хроническаго дефицита, которымъ угрожала намъ послѣдняя война, а при такомъ дефицитѣ было бы трудно расчитывать на серьезныя финансовыя реформы и можно было бы страшиться всякихъ необдуманныхъ финансовыхъ распоряженій. За эту энергическую мѣру возстановленія бюджетнаго равновѣсія нельзя не быть благодарнымъ новому министру финансовъ, вступившему въ управленіе въ теченіи 1878 г. Онъ достигъ этого равновѣсія какъ посредствомъ новыхъ налоговъ, такъ и посредствомъ обдуманнаго пользованія нѣкоторыми исключительно благопріятными финансовыми обстоятельствами настоящаго времени.

Эти обстоятельства заключаются вообще въ томъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ произошло временное промышленное оживленіе, которое не можетъ не отразиться на возрастаніи всѣхъ неокладныхъ государственныхъ доходовъ (косвенныхъ налоговъ на потребленіе, пошлинъ и разныхъ промышленныхъ казенныхъ операцій), а вслѣдствіе *невозвышенія пока* всѣхъ цѣнъ на товары и трудъ пропорціонально обезцѣненію бу-

---

былъ дать до 1 мил.; на эту цифру уменьшится ожидавшался отъ новыхъ налоговъ общая бюджетная сумма.

мажныхъ денегъ на звонкую монету, всѣ внутренніе гогударственные расходы, производимые на кредитные билеты, *пока еще не увеличились*. Однако эти исключительно благопріятныя финансовыя условія,—которыя можно назвать въ коммерческомъ смыслѣ выгодною для государственнаго казначейства *конъюнкторою* (необыкновенно счастливымъ совпаденіемъ цѣнъ или коммерческихъ шансовъ операціи въ данную минуту),—не могутъ всегда продолжаться. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ г. министру финансовъ, что въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1879 г., онъ неоднократно указываетъ на временной характеръ сложившихся для казны благопріятныхъ обстоятельствъ, между прочимъ на «временное *искусственное возбужденіе* торговыхъ оборотовъ подъ вліяніемъ» изобилія бумажныхъ денежныхъ знаковъ, на невозможность успокоиться на нынѣ достигнутомъ бюджетномъ равновѣсіи и на необходимости дальнѣйшихъ мѣръ къ его упроченію.

Въ числѣ этихъ мѣръ, кромѣ установленныхъ съ 1879 г. новыхъ налоговъ, г. министръ финансовъ упоминаетъ главнѣйше о сокращеніи расходовъ и также объ «обязанности, лежащей на государственномъ казначействѣ изыскать средства, если не для одновременной, то по крайней мѣрѣ для *постепенной уплаты*» позаимствованій, сдѣланныхъ казначействомъ изъ государственнаго банка до 476 мил. руб. на покрытіе военныхъ расходовъ. Для сокращенія государственныхъ расходовъ Высочайше учреждена особая высшая коммиссія, вступившая въ дѣйствіе съ 1879 г. Позаимствованія казначейства изъ государственнаго банка сдѣланы главнѣйше на счетъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ находилось въ обращеніи къ 1 января 1879 г. до 445 мил. (сверхъ 720 мил., остававшихся въ обращеніи отъ прежнихъ выпусковъ). Поэтому уплата этого долга банку должна повести за собою изъятіе изъ обращенія выпущенныхъ для него кредитныхъ билетовъ. Эта первостепенная финансовая задача, связанная съ общимъ устройствомъ нашей бумажной денежной системы, благоразумно поставлена г. министромъ финансовъ на первый планъ предлежащихъ правительству финансовыхъ заботъ. Нельзя сомнѣваться, что дальнѣйшее развитіе болѣзненныхъ экономическихъ явленій, обусловленныхъ «искусственнымъ возбужденіемъ» промышленности и торговли, вслѣдствіе послѣднихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, напомнитъ рано или поздно о настоятельности бумажно-денежной

реформы, если эти болѣзненныя явленія разстроенной денежной системы еще не для всѣхъ ощутительны.

Ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ указанныхъ выше финансовыхъ мѣропріятій, въ томъ числѣ и новыхъ налоговъ, вступившихъ въ силу лишь съ 1879 г., будетъ относиться къ будущему нашему «обозрѣнію» за этотъ годъ. Относительно пяти новыхъ налоговъ здѣсь должно ограничиться лишь однимъ краткимъ замѣчаніемъ. Всѣ они подвергнулись со стороны публики и печати строгой критикѣ. Хотя всякій новый налогъ, какъ бы онъ ни былъ правиленъ, неизбѣжно возбуждаетъ собою неудовольствіе въ средѣ затронутыхъ имъ личныхъ интересовъ, однако нельзя не признать нераціональности, въ особенности съ строго научной точки зрѣнія, во многихъ основаніяхъ новыхъ нашихъ налоговъ (преимущественно пошлины съ застрахованія и налога на желѣзно-дорожныхъ пассажировъ 3 класса). Но многія практическія качества всѣхъ этихъ налоговъ, — главнѣйше обложеніе ими сравнительно зажиточныхъ общественныхъ классовъ, ничтожность расходовъ ихъ взиманія, легкость контроля, удобства и быстрота ихъ установленія, — всѣ эти качества вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ цѣли и безотлагательной финансовой нуждѣ, ихъ вызвавшей. Всѣ эти налоги не могутъ не имѣть временнаго значенія, впредь до кореннаго пересмотра всей нашей податной системы, а именно введенія болѣе правильныхъ прямыхъ податей на мѣсто нынѣшнихъ подушныхъ и вообще налоговъ на высшіе классы и нынѣшнія «неподатныя» сословія. Всѣ вновь установленные налоги нисколько не коснулись и не нарушили вѣковыхъ историческихъ основаній нашей податной системы, не произвели въ ней ни какой необдуманной ломки даже посредствомъ быстраго удовлетворенія временной нужды, облегчили путь къ обдуманной, непоспѣшной ея реформѣ; въ этомъ едва-ли не главное достоинство всѣхъ этихъ налоговъ.

Коренная податная реформа не можетъ заставить себя долго ждать; для нея уже Высочайше учреждена 23 марта 1879 г. особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Министра Финансовъ. Эта реформа должна прочнымъ образомъ обезпечить правительству постоянные способы для покрытія значительнаго новаго расхода, которымъ займы, заключенные для послѣдней войны, обременили нашъ бюджетъ, и также создать налоги, возвышеніе которыхъ

въ чрезвычайныхъ политическихъ случаяхъ могло бы доставлять быстрыя воспособленія государственному казначейству, болѣе безвредныя для народнаго хозяйства, чѣмъ экстренные выпуски бумажныхъ денегъ.

Новая тяжесть, возложенная на бюджетъ займами на войну, такъ велика, что уравновѣшиваніе ея невозможно черезъ одно сокращеніе нынѣшнихъ государственныхъ расходовъ; хотя оно можетъ быть весьма существенно, при энергическихъ мѣропріятіяхъ къ водворенію бережливости въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжны, съ развитіемъ новыхъ потребностей государственной жизни, и новые расходы въ близкомъ будущемъ.

Общая сумма ежегодныхъ платежей по четыремъ займамъ на войну (четвертому выпуску 5% банковыхъ билетовъ 6 ноября 1876 г. на 100 мил., первому «восточному» займу 29 апрѣля 1877 г. на 200 мил., 5% внѣшнему 26 мая 1877 г. на 15 мил. фунт. стерл. и «второму восточному» 11 августа 1878 г. на 300 мил.) составляетъ болѣе 34 мил. Но нельзя терять изъ виду, что къ этой суммѣ придется рано или поздно присоединить процентные платежи по займамъ, посредствомъ которыхъ будетъ погашенъ безпроцентный долгъ, заключающійся во вновь выпущенныхъ на войну кредитныхъ билетахъ (приблизительно на сумму 475 мил. этихъ билетовъ 5% интереса и 1% погашенія составятъ около 28 мил.). Такимъ образомъ можно приблизительно вывести изъ упомянутыхъ выше цифръ общій итогъ денежныхъ расходовъ казны на послѣднюю войну; этотъ итогъ, при соединеніи процентныхъ займовъ (700 мил.) съ безпроцентнымъ (475 мил.), составитъ около 1,200 мил. (если включить еще неуплаченные и продолжающіеся расходы). Ежегодное обремененіе бюджета расходомъ платежа процентовъ и погашенія по всѣмъ долгамъ, оставленнымъ войною, составитъ около 62 мил. Разумѣется, чтобы исчислить всѣ матерьяльныя жертвы государства и народа на вторую восточную войну, нужно было бы присовокупить ко всѣмъ вышеприведеннымъ цифрамъ всѣ вещественныя (не денежныя) траты казны, требующія возобновленія многихъ запасовъ (въ особенности по вооруженію арміи и флота), расходы всѣхъ учрежденій мѣстнаго и сословнаго самоуправленія, разныя добровольныя пожертвованія и наконецъ неисчислимыя издержки, происшедшія отъ войны въ каждомъ частномъ хозяйствѣ.

Послѣ сдѣланнаго очерка общаго финансоваго положенія, остается

указать на движеніе финансоваго законодательства и на распоряженія по текущей финансовой части въ 1878 г. Важнѣйшимъ нововведеніемъ было установленіе новой формы для заключенія текущихъ государственныхъ займовъ, подъ наименованіемъ «краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства». (Имен. Выс. указъ 10 февраля 1878 г.). Эта форма текущаго долга представляетъ много удобствъ, въ особенности въ случаѣ необходимости быстрыхъ кредитныхъ воспособленій и при затруднительности долгосрочныхъ займовъ. Она не имѣетъ многихъ недостатковъ прежнихъ формъ нашихъ текущихъ долговъ, въ особенности билетовъ государственнаго казначейства (серій) и кредитныхъ билетовъ. Краткосрочныя свидѣтельства выдаются на крупныя суммы (не менѣе 1000 р.), не принимаются въ казенные платежи (подобно серіямъ) и выпускаются на срокъ не болѣе года; поэтому эти свидѣтельства не могутъ играть роли денегъ и обременить собою денежное обращеніе. Сверхъ того, размѣръ процентовъ, платимыхъ по этимъ свидѣтельствамъ, не постоянный, а опредѣляется при каждомъ выпускѣ, и также могутъ быть различны всѣ прочія условія каждаго выпуска; поэтому они могутъ быть легко приспособляемы къ обстоятельствамъ денежнаго рынка въ данное время. Затѣмъ по кредитной-же части взамѣнъ 17 разрядовъ (серій) билетовъ государственнаго казначейства, срокъ которыхъ истекъ, выпущены новые 17 разрядовъ такихъ-же билетовъ (Имен. Выс. указъ 16 окт. 1878 г.). Сдѣлано распоряженіе о новомъ (десятомъ) выпускѣ серебряной размѣнной монеты, на 6 мил. руб. (Выс. утв. 30 октября 1878 г. М. Г. С.). По *податному* законодательству послѣдовали нѣкоторыя незначительныя перемѣны. Недвижимыя имущества, находящіяся въ завѣдываніи Кабинета Е. И. В., изъяты, подобно дворцовымъ государевымъ имуществамъ, отъ земскихъ повинностей и городскихъ и казенныхъ налоговъ (Имен. Выс. указъ 15 апрѣля 1878 г.). Постановлено, чтобы лица податныхъ состояній, поступающія на службу по вѣдомствамъ телеграфному и путей сообщеній, были исключаемы изъ податныхъ окладовъ. Такое-же исключеніе постановлено относительно мѣщанъ, приписанныхъ къ городскимъ обществамъ безъ ихъ согласія и выбивающихъ изъ нихъ по разнымъ случаямъ (Выс. утв. 4 апрѣля 1878 г. М. Г. С.) Назначены новые сроки для взноса крестьянами выкупныхъ платежей и всѣхъ окладныхъ земскихъ и казенныхъ сборовъ: за первую половину года съ 1 января по 30 іюня, а за вторую — съ 1 іюля по 31 декабря. Въ предѣлахъ этихъ сроковъ дозволено гу-

бернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ [illegible] частные сроки, для уплаты разныхъ частей окладовъ. [illegible] тѣмъ отмѣнены льготные сроки (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). Постановлено право требовать возврата изъ казны неправильно или излишне поступившіе поземельныхъ сборовъ въ течени 10 лѣтъ со дня врученія плательщику окладнаго листа (Выс. утв. 13 ноября 1878 г. М. Г. С). — Отмѣнено установленное въ ст. 468 Т. VII Св. Зак. Уст. о соли ежегодное росписаніе продажныхъ цѣнъ соли, акциза, подушной платы и таможенныхъ сборовъ съ соли и существовавшихъ въ 1878 г. размѣры упомянутыхъ цѣнъ и сборовъ оставлены впредь до времени безъ измѣненія.— Для выдачи пенсій по Главному Казначейству назначены новые сроки: годовыя пенсіи въ 45 р. и ниже выдаются по третямъ года впередъ, пенсіи выше 46 р.—ежемѣсячно (Выс. утв. 9 мая 1878 г. М. Г. С.).

По государственному хозяйству состоялись слѣдующія распоряженія. Упразднена межевая коммиссія въ войскѣ Донскомъ и учреждены областная чертежная и временное межевое отдѣленіе при областномъ управленіи Войска Донскаго (Выс. утв. 14 дек. 1877 г. М. Г. С.). — Въ сѣверо-западномъ краѣ устранены препятствія, возникавшія изъ отсутствія владѣльцевъ имѣній, къ окончательному поземельному устройству крестьянъ, на основаніи правилъ 1869 г. объ отграниченіи выкупленнаго ими надѣла. Отсутствующіе владѣльцы имѣній вызываются повѣстками и газетными публикаціями и въ случаѣ неявки ихъ или неприсылки повѣренныхъ въ опредѣленные сроки, упомянутое отграниченіе производится и безъ бытности владѣльца, въ присутствіи понятыхъ изъ крестьянъ и сосѣднихъ владѣльцевъ (Выс. утв. положеніе Главн. Ком. по устр. сельск. сост. 28 ноября 1877 г.). — Согласно Высочайше утвержденному 28 мая 1877 г. порядку учрежденія постоянныхъ именныхъ стипендій при учебныхъ заведеніяхъ постановлено, что такія стипендіи при благотворительныхъ и общеполезныхъ заведеніяхъ должны быть обезпечены взносомъ соотвѣтствующей капитальной суммы (Выс. утв. 14 дек. 1877 г. П. К. М.). — Управленіе имуществами евангелическо-лютеранскихъ церквей въ селеніяхъ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ иностранныхъ колонистовъ) ввѣрено учрежденнымъ церковнымъ совѣтамъ, на общихъ основаніяхъ церковныхъ совѣтовъ въ городахъ (Выс. утв. 27 дек. 1877 г. М. Г. С.).—Опредѣленъ порядокъ для каменно-угольной

промышленности на остр. Сахалинѣ и материкѣ Приморской области и учреждено горное управленіе, съ особымъ штатомъ по надзору за этою промышленностью, право заниматься которою предоставлено исключительно русскимъ подданнымъ (Выс. утв. 31 янв. 1878 г. М. Г. С.). Хотя изданное по этому предмету законоположеніе весьма обширно, но объ немъ достаточно здѣсь только упомянуть, такъ какъ еще неизвѣстны результаты развитія упомянутой промышленности. Здѣсь не мѣшаетъ только замѣтить общую, издавна вкоренившуюся наклонность нашего законодательства подробно регламентировать и подвергать бюрократическому надзору всякую промышленную отрасль прежде, чѣмъ она развилась и часто прежде даже, чѣмъ она возникла. Тутъ между прочимъ одна изъ причинъ слабости нашей частной промышленной предпріимчивости, въ сравненіи съ такими странами, какъ напр. С.-Американскими Штатами, о которыхъ приходится здѣсь вспомнить по поводу нашего прибрежья на Тихомъ Океанѣ. — На Войско Донское распространены общія правила Имперіи (Св. Зак. Т. XII, ст. 843 и 845) о взиманіи сборовъ на пловучихъ мостахъ и переправахъ (Выс. утв. 21 февр. 1878 г. М. Г. С.). При Староманычскомъ озерѣ въ области Войска Донскаго образовано горное поселеніе подъ наименованіемъ «Николаевскаго», съ отводомъ ему земли, на основаніи правилъ 1873 г. о Манычскомъ поселеніи (Выс. утв. 28 февраля 1878 г. М. Г. С.). — Въ дополненіе мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г., постановлено, что разверстаніе общихъ помѣщика и крестьянъ выгоновъ можетъ быть требуемо каждою стороною (крестьянами, также какъ и помѣщикомъ) и рѣшается, въ опредѣленномъ порядкѣ, уѣзднымъ Присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). — Отмѣнены лежавшія на казенныхъ и частныхъ горныхъ заводахъ обязанности по обезпеченію продовольствія мастеровыхъ, и взамѣнъ того распространены на этихъ мастеровыхъ общія постановленія объ обезпеченіи народнаго продовольствія, по составленію мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ (Выс. утв. 21 марта 1878 г. М. Г. С.). — Постановлено, чтобы земельные надѣлы, выкупленные крестьянами-домохозяевами въ свою личную собственность, отдѣльно отъ сельскаго общества, были освобождаемы отъ запрещеній, наложенныхъ на нихъ по выкупной операціи всего общества (Выс. утв. 21 марта 1878 г. М. Г. С.). — При безуспѣшности взысканія выкупныхъ платежей и оброчныхъ сборовъ (съ государственныхъ крестьянъ) съ сельскихъ обществъ, владѣющихъ землею на общин-

номъ правѣ, предоставлено Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, по ихъ взаимному соглашенію, дѣлать распоряженія о сдачѣ въ аренду съ публичныхъ торговъ земли, находящейся во владѣніи такихъ обществъ и необрабатываемой самими крестьянами (Выс. утв. 30 марта 1878 г. журналъ Главн. Ком. объ устр. сельск. сос.). — Для уничтоженія крайнихъ злоупотребленій, сопровождавшихъ продажу общественныхъ башкирскихъ земель (на основаніи закона 10 февраля 1869 г.), состоялись законодательныя распоряженія, измѣняющія существеннымъ образомъ порядокъ этой продажи (Выс. утв. 9 мая 1878 г. М. Г. С.). Оренбургскому генералъ-губернатору предоставлено возбудить въ подлежащихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла объ уничтоженіи крѣпостныхъ актовъ, совершенныхъ на упомянутую продажу въ явное нарушеніе закона 10 февраля 1869 г. и о возвращеніи проданныхъ земель первоначальнымъ собственникамъ. Нельзя не пожалѣть о злоупотребленіяхъ, которыя вынудили такую исключительную правительственную мѣру, сдѣлавшуюся впрочемъ совершенно необходимою. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ замѣнъ закона 10 февраля 1869 г., установленъ на пять лѣтъ новый порядокъ для продажи общественныхъ башкирскихъ земель въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. — Уставъ о каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ (ст. 6 и 42) измѣненъ и дополненъ новыми правилами о сборѣ съ ловцевъ на расходы по общественному надзору за рыболовствомъ и объ особой бакенной стражѣ при рыбной полиціи (Выс. утв. 16 мая 1878 г. М. Г. С.). Надо полагать, что вновь обнаружившіяся въ 1879 г., по случаю астраханской эпидеміи, неустройства въ каспійскихъ рыбныхъ промыслахъ приведутъ къ новымъ законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ по этому предмету. — Изъ причисленнаго къ составу земель оренбургскаго казачьяго войска новолинейнаго района отдѣлено отъ 800.000 до 1 мил. десятинъ въ пользованіе кочующихъ киргизъ (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.).—Помѣстнымъ лицамъ (помѣщикамъ) и станичнымъ обществамъ Войска Донскаго предоставлено, на опредѣленныхъ условіяхъ, право пріобрѣтать въ собственность излишнія земли, оставшіяся за крестьянскими надѣлами въ станичныхъ юртахъ (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.).

Области *полиціи* принадлежитъ важнѣйшее законодательное и административное нововведеніе истекшаго года, а именно учрежденіе *полицейскихъ урядниковъ*, въ 46 губерніяхъ, по общему учрежденію управляемыхъ (Выс. утв. 9 Іюня Пол. Ком. М). Цѣль учреж-

денія полицейскихъ урядниковъ обозначена въ ст. 1 изданнаго объ нихъ Положенія (временнаго): «они учреждаются для усиленія средствъ уѣздной полиціи и въ помощь становымъ приставамъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, *и также для надзора* за дѣйствіями сотскихъ и десятскихъ на мѣстахъ и для ихъ *руководства*». Потребность въ усиленіи личныхъ полицейскихъ средствъ въ уѣздахъ и въ особенности въ устройствѣ полицейской стражи давно у насъ чувствовалась. Эта потребность, постоянно возрастающая съ развитіемъ и усложненіемъ публичной жизни, удовлетворена въ нѣкоторой степени учрежденіемъ полицейскихъ урядниковъ, хотя приходящее на каждую губернію среднее ихъ число восемь (изъ общаго числа 5000 на 46 губерній, въ которыхъ они распредѣляются по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ) далеко недостаточно для удовлетворенія упомянутой потребности. Но новая полицейская должность имѣетъ и другое назначеніе, сверхъ полицейской стражи въ собственномъ смыслѣ или чисто *исполнительныхъ полицейскихъ обязанностей* и охраны общественной безопасности лишь въ силу этихъ обязанностей. Полицейскимъ урядникамъ предоставлены сверхъ того и нѣкоторыя права *власти* и самостоятельнаго пользованія ими, какъ это явствуетъ изъ вышеприведенной 1-й статьи Положенія объ нихъ и въ особенности изъ инструкціи, изданной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и опредѣляющей ихъ обязанности. Съ этой стороны, полицейскіе урядники являются новою низшею полицейскою инстанціею въ общей нынѣ существующей іерархіи, полицейскихъ властей. Новая полицейская власть. по самому своему назначенію, еще глубже чѣмъ всѣ прежнія высшія власти, вторгается въ строй мѣстной сельской жизни и еще ближе встрѣчается съ органами сельскаго самоуправленія. Должности и власти сельскаго самоуправленія (волостные старшины и сельскіе старосты) основаны на другихъ началахъ, хотя и несутъ на себѣ въ значительной степени тѣ-же полицейскія обязанности; поэтому дѣлаются болѣе, чѣмъ прежде, возможными коллизіи двухъ порядковъ власти или-же безусловное подчиненіе одного другому. Ни то, ни другое не желательно, такъ какъ и то и другое ведетъ къ ослабленію полицейской власти, необходимость усиленія которой чувствуется всѣми благомыслящими людьми въ Россіи, посреди печальныхъ обстоятельствъ пережитыхъ нами въ послѣднее время. Насколько все общество взываетъ къ болѣе энергической полицейской дѣятельности и въ нашихъ селахъ и городахъ, настолько чувствуется у насъ настоятельность

полицейской реформы, безъ которой невозможна никакая энергія полицейской власти [1]). Она парализована главнѣйше потому, что утратила подъ собою законную почву послѣ всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія,—преимущественно послѣ устройства новыхъ судебныхъ установленій и мѣстнаго самоуправленія, съ которыми полиція и отправленіе полицейскихъ обязанностей нисколько не были согласованы. Въ правительственномъ распоряженіи объ учрежденіи полицейскихъ урядниковъ указывается на ожидаемый и составляемый въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ «общій проектъ объ устройствѣ полиціи», и положеніе объ урядникахъ названо «временнымъ». Изъ этого видно, что настоятельность общей полицейской реформы признается правительствомъ. Мы надѣемся въ будущемъ томѣ нашего сборника посвятить этому важному предмету нашего государственнаго управленія особую статью.—Впредь до пересмотра устава о заграничныхъ паспортахъ, распространено на всѣхъ вообще купцовъ Имперіи разрѣшеніе (ст. 413 Т. XIV Св. Зак. Уст. о насп.) выдавать купцамъ западныхъ губерній годовые паспорты на неоднократные переѣзды границы (Выс. Пов. 30 Іюня 1878 г.).

По *судебной части* состоялось опредѣленіе Правительствующаго Сената (по 1 Департаменту), разъяснившее право уѣздныхъ коммисій, составляющихъ очередные списки присяжныхъ засѣдателей, исключать изъ этихъ списковъ лицъ, не имѣющихъ средствъ содержать себя во время сессій. Разъясненіе это, основанное на точномъ смыслѣ ст. 81—88 и 99 Судебн. Уст., имѣетъ немаловажное значеніе для успѣшнаго дѣйствія нашихъ новыхъ судебныхъ уставовъ, такъ какъ у насъ уже слышалось много жалобъ на стѣснительное положеніе такихъ присяжныхъ засѣдателей, которые на время судебныхъ сессій лишались своихъ заработковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своего дневнаго пропитанія. Такое положеніе этихъ засѣдателей, ставившее ихъ въ зависимость отъ случайныхъ, и почти не возможныхъ, заработковъ въ мѣстахъ судебныхъ сессій, или отъ благотворенія, было несовмѣстимо съ характеромъ этой государственной обязанности въ новомъ нашемъ судоустройствѣ и съ правильнымъ отправленіемъ правосудія. Усилено (на 114,370 р.) еже-

---

[1]) По одному изъ существенныхъ вопросовъ нашей полицейской реформы «о полицейскомъ арестѣ» помѣщена статья *г. Тарасова*, въ настоящемъ томѣ С. Г. Зн.

годное содержаніе должностныхъ лицъ тюремнаго управленія (Выс. утв. 10 дек. 1877 г. М. Г. С.). Мѣра эта была вызвана представленіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ «о необходимости скорѣйшаго, по возможности, устраненія неблагопріятныхъ для тюремнаго дѣла послѣдствій, порождаемыхъ необезпеченнымъ въ матерьяльномъ отношеніи положеніемъ лицъ тюремнаго управленія». Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ и даже 1878 г., уже послѣ вступленія въ дѣйствіе упомянутой мѣры, огласилось не мало безпорядковъ въ нашихъ тюрьмахъ; эти безпорядки были тѣмъ болѣе печальны, что они находились въ связи съ политическими преступленіями и злоумышленіями. Обезпеченное матерьяльное положеніе тюремныхъ должностныхъ лицъ есть, конечно, одно изъ существенныхъ условій ихъ благонадежности, однако *только одно изъ этихъ многихъ условій*; крайнее неустройство нашей тюремной части во всѣхъ отношеніяхъ уже давно обращало на себя вниманіе и правительства и общества; теперь надо ожидать, что коренная реформа въ тюремномъ управленіи, имѣющая въ скоромъ времени вступить въ силу, внесетъ новую жизнь въ эту область. Эта надежда тѣмъ болѣе можетъ быть основательна, что представители Россіи принимали особенно видное участіе въ международномъ тюремномъ конгрессѣ 1878 г. въ Стокгольмѣ и что при содѣйствіи ихъ вырабатывалась наша тюремная реформа. Надо думать, что въ нее будетъ внесенъ свѣтъ современной науки и также всемірнаго практическаго опыта, блистательно представленныхъ на Стокгольмскомъ конгрессѣ. — Въ правилахъ гражданскаго судопроизводства (ст. 724, 725, 728, 738, 794, 797 (п. 2), 805 и 814 Уст. Гражд. Суд.) о заочныхъ рѣшеніяхъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія (Выс. утв. 17 янв. 1878 г. М. Г. С.). — Для квартирнаго довольствія мировыхъ судебныхъ установленій Варшавскаго округа назначенъ отпускъ на счетъ городовъ денегъ, какъ въ видѣ добавочнаго содержанія личнаго состава этихъ установленій, такъ и на наемъ помѣщеній для мировыхъ съѣздовъ и камеръ мировыхъ судей (Выс. утв. 23 марта 1878 г. М. Г. С.). — Разъяснено, что дѣла о личныхъ обидахъ (безчестіи) подсудны станичнымъ судамъ въ казачьихъ войскахъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они возникаютъ въ порядкѣ уголовномъ и обиженный ищетъ не денежнаго вознагражденія, а наказанія виновнаго по закону (Выс. утв. 4 апр. 1878 г. Журн. Чл. Ком.). — Въ губер. Уфимской, Оренбургской и Астраханской (за исключеніемъ мѣстности кочующихъ калмыковъ) введены мировыя судебныя установ-

ленія отдѣльно отъ общихъ и изданы временныя для этого правила впредь до устройства въ этихъ губерніяхъ земскихъ учрежденій (Имен. Выс. указъ 2 мая 1878 г.). — Важнѣйшимъ законодательнымъ распоряженіемъ по судебной части было измѣненіе порядка производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Выс. утв. 9 мая 1878 г. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта эти дѣла переданы въ вѣдѣніе Судебныхъ Палатъ, съ тѣмъ, что если за преступленіе опредѣлено въ законѣ наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, то составъ Судебныхъ Палатъ усиливается сословными представителями, или-же когда послѣдуетъ объ этомъ Высочайшее повелѣніе, такія дѣла рѣшаются особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Сверхъ того, при этомъ постановлено, что дѣла о политическихъ преступленіяхъ могутъ быть рѣшаемы верховнымъ уголовнымъ судомъ, когда послѣдуетъ на это Высочайшій указъ, при обнаруженіи въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ Верховной Власти или противъ установленнаго образа правленія и порядка наслѣдія Престола. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругъ упомянутыхъ выше преступленій, подсудныхъ Судебнымъ Палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей, введены (другимъ Выс. утв. 9 мая Мнѣніемъ Гос. Сов.) временно преступленія, предусмотрѣнныя въ гл. 1, 2 и 5 Разд. IV Улож. о наказ. (изд. 1866 г.) и убійства или покушенія на убійства должностныхъ лицъ, нанесенія имъ ранъ и увѣчій и другія насильственныя противъ нихъ дѣйствія и угрозы, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ими служебныхъ обязанностей. Послѣ изложенныхъ законоположеній состоялся 9 августа 1878 г. Именной Высочайшій указъ, которымъ нѣкоторыя важнѣйшія политическія преступленія,—вооруженное сопротивленіе установленнымъ властямъ, нападеніе на чиновъ войска и полиціи и вообще на должностныхъ лицъ, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ими служебныхъ обязанностей, — подчинены временно военному суду и законамъ военнаго времени (ст. 279 Воинск. уст. о наказ. 1875 г.), когда всѣ эти преступленія сопровождаются убійствомъ или покушеніемъ на него, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ. Всѣ указанныя измѣненія въ порядкѣ судопроизводства по политическимъ преступленіямъ имѣютъ характеръ временной, какъ это и выражено въ изданныхъ узаконеніяхъ. Этотъ порядокъ уже неоднократно измѣняли со времени изданія новыхъ судебныхъ уставовъ, и его нельзя считать окончательно выработ-

тавшимся. — Коммерческій Судъ въ области Войска Донскаго упраздненъ, и подсудныя ему дѣла подчинены мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ (Выс. утв. 9 мая 1878 г. М. Г. С.). — Устюжскій и Бѣлозерскій окружные суды въ Новгородской губерніи упразднены и учрежденъ окружной судъ въ г. Череповцѣ той-же губерніи (Выс. утв. 30 мая 1878 г. М. Г. С.). — Впредь до разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о правахъ чиншевиковъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, постановлено, что всѣ возникающіе между ними и частными землевладѣльцами споры и иски производятся по общеустановленному порядку тяжебнаго судопроизводства, съ соблюденіемъ особыхъ, изданныхъ на этотъ предметъ временныхъ правилъ (Выс. утв. 28 іюля 1878 г. Пол. К. М.). — Впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ правилъ объ исполненіи судебныхъ приговоровъ, Высочайше повелѣно (15 сент. 1878 г.) преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ, высылать на поселеніе или въ каторжныя работы безъ исполненія надъ ними обряда публичной казни. — Установлены новыя правила объ осмотрѣ и выемкѣ корреспонденціи почтовой и телеграфной лицъ, противъ которыхъ возбуждено уголовное преслѣдованіе (Выс. утв. 30 окт. 1878 г. М. Г. С.).

Въ сферѣ *уголовнаго права* пополненъ давно замѣтный пробѣлъ изданіемъ правилъ о наказаніяхъ за нарушеніе безопасности желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній и о вознагражденіи потерпѣвшихъ ущербъ вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья, причиненныхъ при эксплуатаціи сихъ предпріятій (Выс. утв. 25 января 1878 г. М. Г. С.). Этими правилами установлены различныя, въ различной постепенности, наказанія за неумышленныя, неосторожныя и случайныя поврежденія желѣзныхъ дорогъ, доведенныя и недоведенныя лицами, причинившими этотъ вредъ, до свѣдѣнія лицъ, наблюдающими за безопасностью дорогъ; степень наказаній поставлена также въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ послѣдствій упомянутыхъ поврежденій. Подвергаются также разнымъ наказаніямъ, смотря по послѣдствіямъ, лица, принадлежащія къ управленіямъ желѣзныхъ дорогъ, виновныя въ завѣдомо неправильныхъ дѣйствіяхъ и также въ умышленномъ неисполненіи своихъ обязанностей. Опредѣлены наказанія за неподчиненіе законнымъ требованіямъ желѣзно-дорожныхъ сторожей и другихъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ и также за оскорбленія ихъ. Всѣ дѣла по означеннымъ предметамъ начинаются независимо

отъ исковъ потерпѣвшихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена обязанность владѣльцевъ желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ предпріятій (казны, обществъ и частныхъ лицъ) вознаграждать лицъ, потерпѣвшихъ (вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья) при эксплоатаціи этихъ предпріятій; вознагражденіе можетъ быть въ видѣ единовременныхъ или постоянно уплачиваемыхъ денежныхъ пособій.

Въ сферѣ *народнаго образованія* нужно прежде всего упомянуть о вновь открытыхъ и преобразованныхъ учебныхъ заведеніяхъ Первое мѣсто принадлежитъ учрежденію въ г. Томскѣ Сибирскаго университета въ полномъ составѣ четырехъ факультетовъ (Выс. утв. 16 мая 1878 г. М. Г. С.). Кутаисская гимназія преобразована въ полную классическую съ двумя древними языками (Выс. утв. 16 мая 1878 г. М. Г. С.). На основаніи устава реальныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія 1872 г. открыто шестиклассное училище въ г. Елабугѣ Вятской губ., съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ, на совокупныя средства Госуд. Казначейства, городскаго общества и частныхъ пожертвованныхъ капиталовъ (Выс. утв. 22 декабря 1877 г. М. Г. С.). Такія-же училища открыты въ г. Тюмени и Моршанскѣ на средства Госуд. Казначейства и пожертвованія мѣстныхъ обществъ (Выс. утв. 25 апрѣля и 16 октября 1878 г. М. Г. С.). Въ видахъ лучшаго устройства сельской врачебной части въ Западной Сибири учреждены центральная фельдшерская школа въ г. Омскѣ и ветеринарно-фельдшерскія и повивальныя школы въ Тобольскѣ и Томскѣ, съ временными штатами (Выс. утв. 30 мая 1878 г. М. Г. С.).

Предоставлено министрамъ и главноуправляющимъ включать въ проекты законовъ о новыхъ учебныхъ заведеніяхъ одни лишь основныя правила (цѣль и средства училища, объемъ учебнаго курса, права заведеній, учащихъ и учащихся и штата), а по утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ этихъ проектовъ, издавать въ дополненіе къ нимъ уставы заведеній, утвержденныхъ въ административномъ порядкѣ (Выс. утв. 20 декабря 1878 г. М. Г. С.) Въ дополненіе ст. 11 Городоваго Положенія 1870 г. разъяснено, что постановленія земскихъ, городскихъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій о пособіяхъ на содержаніе казенныхъ учебныхъ заведеній признаются постоянно обязательными для жертвующихъ учрежденій, если въ постановленіяхъ не обозначено сроковъ и условности пожертвованій (Выс. утв. 23 октября М. Г. С.);

— Во всѣхъ женскихъ институтахъ вѣдомства Императрицы Маріи, въ которыхъ нѣтъ спеціальныхъ педагогическихъ курсовъ, устроены учебные курсы для пепиньерокъ (Выс. Пов. 4 марта 1878 г.). Вышневолоцкая маріинская женская гимназія преобразована изъ трехъ классной въ семиклассную (Выс. Пов. 8 апрѣля 1878 г.). — Издано новое положеніе и штаты земледѣльческихъ училищъ, подвѣдомыхъ Министерству Государственныхъ Имуществъ, и усилена съ 130,723 р. до 182,950 р. ежегодная сумма денежныхъ средствъ, отпускаемая Государственнымъ Казначействомъ на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). — Военно-юридическое училище упразднено и вмѣстѣ съ тѣмъ «временно преобразована на новыхъ началахъ» Военно-юридическая Академія, для которой издано новое положеніе. При этомъ поставлено въ обязанность военнаго вѣдомства «по пересмотрѣ законоположеній, относящихся до всѣхъ военныхъ академій вообще», войти въ Военный Совѣтъ съ особымъ представленіемъ о *нормальномъ* положеніи Военно-юридической Академіи (Выс. утв. 17 іюня 1878 г. Пол. В. С). Изъ всего этого распоряженія видно, что оно имѣетъ временной харектеръ и что установленіе «нормальныхъ» условій дѣятельности Военно-Юридической Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ нормальныхъ условій научнаго образованія должностныхъ лицъ военно-судебныхъ установленій еще впереди. Едва ли эти *послѣднія* условія нормальной научной подготовки этихъ лицъ не должны заключаться въ образованіи ихъ въ юридическихъ факультетахъ университетовъ, наравнѣ съ должностными лицами гражданскихъ судовъ, такъ какъ начала юридической науки едины и для гражданскаго, и для военнаго правосудія.

Въ сферѣ правительственныхъ мѣръ по *художественной* части, должно упомянуть объ установленіи однообразнаго по всей Россіи нормальнаго музыкальнаго діапазона или камертона. Устройство и храненіе этого нормальнаго камертона и повѣрка камертоновъ возложены на Главную Физическую Обсерваторію при Имп. Академіи Наукъ (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.).

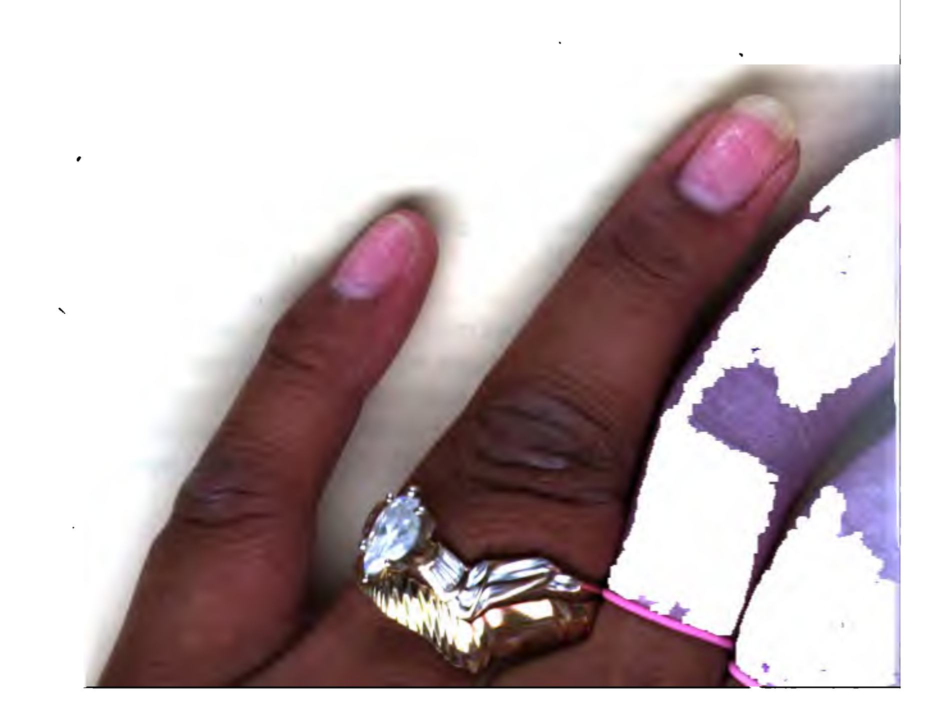
Въ *мѣстномъ управленіи* и мѣстныхъ административныхъ учрежденіяхъ произошли слѣдующія перемѣны. Въ Бессарабской губерніи упразднены должности мировыхъ посредниковъ и введено новое устройство крестьянскихъ учрежденій, согласно Положенію 1874 г. (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). Установлены слу-

жебныя права непремѣнныхъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и назначены имъ пенсіи изъ земскихъ сборовъ (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). Въ губерніяхъ Минской, Витебской и Могилевской упразднены должности мировыхъ посредниковъ и введено новое устройство крестьянскихъ учрежденій 1874 г., съ нѣкоторыми отступленіями (Выс. утв. 4 апрѣля 1878 г. М. Г. С.). — Въ дополненіе къ Положенію 13 мая 1870 г. объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ, постановлено, чтобъ областныя или губернскія правленія имѣли, согласно указаннымъ основаніямъ, надзоръ за порядкомъ исполненія станичными обществами и ихъ должностными лицами возложенныхъ на нихъ по закону обязанностей (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). Издано Выс. утв. 23 мая Положеніе объ управленіи общими войсковыми капиталами Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, и также измѣнены нѣкоторыя правила положеній объ общихъ войсковыхъ капиталахъ донскаго, астраханскаго, забайкальскаго и сибирскаго казачьихъ войскъ (Выс. утв. 27 мая Пол. В. С.). — Утверждены новые штаты Казенныхъ Палатъ и Казначействъ, приводимые въ дѣйствіе постепенно, по усмотрѣнію Министра Финансовъ (Выс. утв. 30 мая М. Г. С.).—Должности уѣзднаго предводителя дворянства присвоенъ V классъ и прослужившіе въ этомъ званіи три трехлѣтія утверждаются въ этомъ чинѣ (Выс. утв. 28 ноября 1878 г. М. Г. С.).

ПОГРѢШНОСТИ IV ТОМА.

Въ статьѣ С. М. Соловьева.

Напечатано.	*Слѣдуетъ читать.*
На стр. 3; строка 21:	
«равняя однообразія и народонаселенія соотвѣтственно собственной равности и однообразію».	«равняя, однообразя и народонаселеніе соотвѣтственно собственной равности и однообразію».

ПОГРѢШНОСТИ IV ТОМА.

Въ статьѣ С. М. Соловьева.

Напечатано.	*Слѣдуетъ читать.*
На стр. 3; строка 21:	
«равняя однообразія и народонаселенія соотвѣтственно собственной равности и однообразію».	«равняя, однообразя и народонаселеніе соотвѣтственно собственной равности и однообразію».

